



ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы II Международной научной конференции



Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы II Международной научной конференции

- Актуальные проблемы современной лингвистики
- Образовательные технологии: традиции и инновации
- Медиареальность: метаморфозы, интерпретации, перспективы
- Слово в пространстве текста
- Текст как бытие: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского
- Мир глазами молодых

Воронеж 2021

УДК 81-13
ББК 81
Л59

Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы II Международной научной конференции [Электронный ресурс] / С.А. Скуридина. – Электрон. текстовые и граф. данные (7,55 Мб). – Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2021.– 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): цв. – Систем. требования: ПК 500 и выше; 256 Мб ОЗУ; Windows XP; SVGA с разрешением 1024x768; Adobe Acrobat; CD-ROM дисковод; мышь. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7731-0990-7

В сборник включены доклады, представленные на научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве», проходившей на кафедре русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета 21–23 апреля 2021 года. Исследования авторов посвящены актуальным для современной гуманитарной науки вопросам – лингвистическим, литературоведческим, источниковедческим, методическим и др. Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов, а также молодые ученые (аспиранты, магистранты и студенты). В сборнике содержится 105 научных работ.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и слушателям гуманитарных факультетов.

**УДК 81-13
ББК 81**

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Скуридина С.А. – д-р филол. наук, доц. – ответственный редактор,
Воронежский государственный технический университет;
Обухова Е.С. – д-р филологии – зам. ответственного редактора,
Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье, Македония;
Бугакова Н.Б. – канд. филол. наук, доц. – зам. ответственного редактора,
Воронежский государственный технический университет;
Воронова Т.А. – канд. филол. наук,
Воронежский государственный технический университет;
Недоступова Л.В. – канд. филол. наук, доц.,
Воронежский государственный технический университет;
Паринова А.С. – канд. филол. наук,
Воронежский государственный технический университет;
Попова Ю.С. – канд. филол. наук,
Воронежский государственный технический университет;
Сулемина О.В. – канд. филол. наук – технический редактор,
Воронежский государственный технический университет.

ISBN 978-5-7731-0990-7

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет», 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
VORONEZH STATE TECHNICAL UNIVERSITY

LINGUOCULTURAL UNIVERSALS IN THE WORLD SPACE:

Materials of 2nd International scientific conference

- Actual problems of modern linguistics
- Educational technologies: traditions and innovations
- Media reality: metamorphoses, interpretations, perspectives
- Word in the text space
- Text as an existence: to the 200th anniversary of the birth of F.M. Dostoevsky
- The world through eyes of the young

Voronezh 2021

UDC 81-13
BBC 81
L59

Linguocultural universals in the world space: materials of the II International scientific conference [Electronic resource] / S.A. Skuridina. - Electron. text and graph. data (7,55 Mb). - Voronezh: Voronezh State Technical University, 2021. - 1 electron. wholesale disc (CD-ROM): col. - System. requirements: PC 500 and above; 256 MB of RAM; Windows XP; SVGA with a resolution of 1024x768; Adobe Acrobat; CD-ROM drive; mouse. - Title from the screen.

ISBN 978-5-7731-0990-7

The presented edition "Linguocultural Universals in the World Space: Materials of the II International Scientific Conference" includes reports read at the II International Scientific Conference "Linguocultural Universals in the World Space", held at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Voronezh State Technical University 21 –April 23, 2021. The research of the authors is devoted to issues relevant to modern humanitarian science - linguistic, literary, source study, methodological, etc. ... The collection contains 105 scientific works.

The publication is addressed to teachers, graduate students and students of humanitarian faculties.

UDC 81-13
BBC81

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Skuridina S.A. – doctor of philology, associate professor – executive editor,
Voronezh State Technical University;
Obukhova E.S. – doctor of philology – deputy executive editor,
University of St. Cyril and Metodij in Skopje, S. Makedonia;
Bugakova N.B. – PhD in philology, associate professor – deputy executive editor,
Voronezh State Technical University;
Voronova T.A. – PhD in philology,
Voronezh State Technical University;
Nedostupova L.V. – PhD in philology, associate professor
Voronezh State Technical University;
Parinova A.S. – PhD in philology,
Voronezh State Technical University;
Yu.S. Popova – PhD in philology,
Voronezh State Technical University;
O.V. Sulemina – PhD in philology, technical editor
Voronezh State Technical University.

ISBN 978-5-7731-0990-7

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы современной лингвистики

<i>Андреанова Д.В.</i> Аксиологический статус понятия красота в восточнославянской пословичной картине мира.....	11
<i>Арзамова О.В., Савенкова С.С.</i> Трендовые англицизмы в отечественном молодежном жаргоне.....	15
<i>Власова Е.В.</i> Синтаксические средства выражения недооценки в речи современных британских подростков (на материале романа С. Кинселлы «В поисках Одри»).....	18
<i>Ковалева Л.В.</i> Универсальное и национальное в европейском языковом пространстве.....	22
<i>Недоступова Л.В., Бочарникова Л.М.</i> Своеобразие мужских уличных имен: диалектологический аспект.....	26
<i>Рогалев А.Ф.</i> Типовые схемы образования восточнославянских фамилий (на белорусском материале).....	31
<i>Кретов А.А., Шудрикова А.С.</i> Вокализм русских корневых морфем.....	34
<i>Фурсова К.О.</i> Математические методы в лингвистике.....	39
<i>Латинская И.П., Денисова М.А.</i> Нейминг: условия и перспективы.....	42
<i>Попова Л.Э.</i> Межуровневый характер зевгмы.....	47
<i>Зиямухамедова Ш.Т.</i> Структурный анализ информационно-коммуникационных терминов в узбекском языке.....	51
<i>Глебова Я.А.</i> К вопросу о билингвизме и диглоссии в Кот-д'Ивуаре.....	55
<i>Калинкин В.М.</i> К истории коннотонимографии: от толковников «НЕУДОБЬ НЕРАЗУМЬВАЕМЫМЪ РЪЧЕМЪ...» до словаря Е.С. Отина.....	59
<i>Меркулова И.А.</i> Ключевые смыслы славянской картины мира.....	64
<i>Ханнанова Д.М.</i> Семантическая, лексическая и морфосинтаксическая сочетаемость связочных глаголов.....	68
<i>Кутимская А.Ю.</i> Англоязычные заимствования как один из источников синонимии в современной немецкой терминологии банковского дела.....	72
<i>Омакаева Э.У.</i> Лексика природного окружения и материальной культуры в калмыцких сказках в записи Габора Балинта (XIX в.).....	75
<i>Попов С.А.</i> О влиянии экстралингвистических факторов на развитие топонимической системы российской федерации.....	79
<i>Лучкина Н.В., Мирзоева С.А., Проценко И.Ю.</i> Трансформация содержательного наполнения концептов (на примере концепта СЕМЬЯ).....	83
<i>Марандина Е.Л.</i> Концепт «любовь» в стихотворении Р. Рождественского «Отдать тебе любовь?».....	88
<i>Учайкина Е.В.</i> Лексема УНИВЕРСИТЕТ в русских устойчивых сочетаниях.....	92
<i>Зубкова Е.Н.</i> Языковые, узуальные и окказиональные компоненты в структуре значения номинации ГАРПИЯ (на материале текстов).....	96
<i>Немич Н.Н.</i> Природа «невыразимого» в исследованиях ученых XX - XXI веков.....	100

Образовательные технологии: традиции и инновации

<i>Токарева Г.В., Дударева Н.А.</i> Использование формата питч для развития навыков самопрезентации у студентов технического вуза.....	105
<i>Логачева А.А.</i> Теоретические аспекты формирования грамматических понятий глагола в лингвометодике современного русского языка.....	110
<i>Косарева Е.В., Соколова Е.В.</i> Слово в учебном тексте.....	115
<i>Кораблева Г.Н., Горелова Л.Н.</i> О речевом поведении студента-практиканта в школе.....	120
<i>Гагарин С.Н.</i> Лексикоцентризм как основа концепции формирования инновационных учебников по иностранному языку для высшей школы.....	123
<i>Лесневская Д.С.</i> Экологический подход к обучению русскому языку как иностранному в инославянской среде.....	126
<i>Магомедова А.Н.</i> Личностно-ориентированная парадигма образования.....	129
<i>Мехтиханлы С.Г.</i> Развитие устной речи иранских студентов начальных этапов обучения на занятиях по РКИ.....	133
<i>Мурашова Л.П., Каюрина Т.А.</i> Образовательные технологии: традиции и инновации.....	137
<i>Мурашова Л.П., Петренко Я.С.</i> Дистанционное обучение в вузе глазами преподавателей и студентов... ..	141
<i>Мурашова Е.А.</i> Интерактивная презентация на уроке немецкого языка.....	145
<i>Пастушкова О.В.</i> Технология дистанционного обучения: от истоков до наших дней.....	148
<i>Скрипник А.В., Рассказова О.С.</i> Элементы концептологического анализа на занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории.....	153
<i>Гаврикова Э.О.</i> Игровые технологии как инструмент раскрытия лингвистической одаренности.....	157
<i>Щукина Г.О.</i> Личностно-ориентированные технологии обучения: игра «Повелитель времени» на переводческих дисциплинах.....	162

Медиареальность: метаморфозы, интерпретации, перспективы	
<i>Байбатырова Н.М.</i> Политическая медиареальность в регионе в эпоху пандемии.....	167
<i>Кривошапова Н.В.</i> Интернет-мем как лингвокультура.....	171
<i>Цолоева С.Б.</i> Метафора как средство воздействия в англоязычном рекламном тексте.....	174
<i>Крылова М.Н.</i> Выразительность как неперенная составляющая языка современного виртуального пространства.....	178
<i>Лебедева Е.Г.</i> Блогинг в Insatagram.....	184
<i>Боева Г.Н.</i> «Классики на службе»: об актуальных рекламных стратегиях.....	188
<i>Воронова Т.А., Богатырев В.В.</i> Фото- и видеоконтент в контексте развития конвергентной журналистики.....	191
<i>Зотова А.С.</i> Коммуникативные словообразовательные практики современных медиатекстов Интернет-СМИ.....	196
<i>Коростылева Н.Н.</i> Языковые средства формирования женского образа в социальных сетях.....	199
<i>Воронова Т.А., Меренкова О.В.</i> Освещение темы локальных достопримечательностей в СМИ различного типа.....	203
<i>Романова Г.В.</i> Речевые лексические ошибки в СМИ.....	207
<i>Самойленко Н.С.</i> Дифференциация понятий «интернет-медиа», «новые медиа», «социальные медиа» и «Интернет-СМИ».....	213
<i>Уланович О.И.</i> Антропоцентрические проекции в технологии медиафрейминга в англо- и русскоязычном дискурсе.....	217
<i>Курьянович А.В., Канова А.А.</i> Языковые средства создания образа регионального вуза в электронном публичном дискурсе.....	222
Слово в пространстве текста	
<i>Ковалев Г.Ф.</i> Современное состояние и перспективы развития исследований в области литературной ономастики русских писателей.....	227
<i>Обухова Е.С.</i> Восприятие современными македонскими читателями реалий романа Д. Данилова «Описание города».....	238
<i>Артемова О.Г.</i> Английское слово в пространстве английского текста.....	244
<i>Хромова И.А.</i> Интерпретационный потенциал заглавия комедии А.Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше».....	249
<i>Чарина О.И.</i> Особенности текстов русских сказок на северо-востоке Якутии (записи XIX и XX вв.)....	253
<i>Бородина Н.А.</i> Мифотопонимы в поэтических текстах И.А. Бунина.....	257
<i>Бугакова Н.Б.</i> Некоторые особенности функционирования ономастических единиц в рассказе А.Платонова «Юшка».....	260
<i>Стихина И.А.</i> Креолизованный текст в художественной литературе (на примере произведения немецкоязычного автора У. Видмера).....	264
<i>Катермина В.В.</i> Имя собственное в художественном тексте.....	269
<i>Расторгуева М.Б.</i> Эпитете как одно из средств формирования образа героя в произведениях современной российской прозы (на примере рассказа Д. Рубиной «На Верхней Масловке»).....	273
<i>Рогова Д.С.</i> Трансформация текстов и образов как форма построения игрового межкультурного пространства (на примере произведений Макса Фрая).....	278
<i>Турилова М.В.</i> Этимология, диалектология и понимание художественного текста.....	282
<i>Семенов М.В.</i> Перевод текста Розеттского камня с древнегреческого на русский язык.....	286
<i>Аксенова А.А.</i> Слово и время в лирике Марины Цветаевой.....	290
<i>Королева И.А.</i> Имена собственные в этнографическом тексте: записи В.Н. Добровольского.....	295
<i>Карташова Е.Н.</i> Феминитивы как средство создания женских образов в произведениях В.М.Шукшина.....	298
<i>Дронякина Н.В.</i> Телесная метафора ГЛАЗ, EYE, OEIL в русской, английской и французской языковой картине мира.....	301
<i>Паринова А.С.</i> Трансформация сюжета «разрушения Рая» в современной русской прозе (по повести Л.Бородина «Ловушка для Адама»).....	305
<i>Шаталова О.В.</i> Проблемы характеристики языковой личности публициста: ретроспектива и перспектива.....	309
<i>Бугакова Н.Б., Уразова А.А.</i> Автобиографические мотивы рассказа А. Платонова «Мать» («Взыскание погибших»).....	313
<i>Бутенина Е.М.</i> Эмигрантская проза как «верификатор» теории межкультурной коммуникации.....	317
<i>Габидуллаева П.М.</i> Тематические группы заимствований из русского языка в художественных произведениях Хабиба Алиева.....	321
<i>Латыпов Ф.Р.</i> Интерпретация иберийского текста PICO-AJOS II A, связанного с подготовкой неопытных бойцов к реальным сражениям.....	324

<i>Пигунова К.В.</i> Интертекстуальность как способ создания особого пространственно-временного континуума в романе Евгения Водолазкина «Лавр».....	329
<i>Королева А.М.</i> О чем спросить поэта? Записки слушателей, полученные Б.Л.Пастернаком на творческих вечерах.....	335
<i>Кушнир К.И.</i> Лексическая репрезентация взаимодействия природных стихий в языке В.А.Солоухина (на примере стихотворения «, глаза чистоты родниковой!»).....	340
<i>Митина Г.В.</i> «И мифом теперь те дни нам кажутся»: мифологические образы и сюжеты в поэзии И.А.Бунина.....	344
Текст как бытие: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского	
<i>Ланская О.В.</i> Дом в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди».....	348
<i>Меринов К.А.</i> «Господин Прохарчин» Ф.М. Достоевского: художественная антропология в контексте «большого времени».....	353
<i>Новикова М.В., Лиханская Ю.Е.</i> Семантика гардероба в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	357
<i>Скуридина С.А., Кузьминых Е.О.</i> Петербург Ф.М. Достоевского и Москва М.А. Булгакова: к вопросу о мифопоэтическом и хронопическом потенциале макротопонимов.....	361
<i>Хрупин А.В.</i> Образ Ф.М. Достоевского в СМИ.....	366
<i>Клюшина А.М.</i> Взаимодействие конститuentов семантики крайности в творчестве Ф.М. Достоевского (на материале романа «Бедные люди»).....	370
<i>Полевая Г.Н.</i> Разбор антитезы «преступление - наказание» на уроках литературы в старших классах... ..	374
<i>Гусева Е.В.</i> «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: история публикации, жанровое своеобразие произведения.....	377
Мир глазами молодых	
<i>Самойленко Н.С., Белоусов Д.Ю., Карманов Е.М., Ненахова К.Д., Погодина Н.Б.</i> К вопросу о востребованности креолизованных текстов в социальных медиа.....	383
<i>Аль-Абси Гхади Абдулвахаб Абдулраб Али</i> Собака как символ в русской и арабской культурах.....	388
<i>Коростылева И.С.</i> Корпоративные СМИ: от истории к современности.....	391
<i>Джумашева Д.М.</i> Специфика новостного контента на федеральных радиостанциях (на примере радиостанций «Радио России» и «Радио Свобода»).....	395
<i>Лаптева М.А.</i> Специфика гемеронимов Воронежского медиапространства.....	399
<i>Шашурина Е.В.</i> «Панический» дискурс о COVID-19.....	401
<i>Подгородов М.О.</i> Специфика реализации образа врача в романе Е.Г.Водолазкина «Лавр»: мотив праведности.....	404
<i>Шиповская Н.А.</i> Проектная деятельность дошкольного образования: проблемы и решения.....	407
<i>Линь Ч.</i> Варианты перевода рассказа М.М. Пришвина «Журка» на китайский язык.....	410
<i>Медведева И.Е.</i> Интернет-лексика как средство активизации социально-патриотических интенций подростков: к постановке проблемы.....	413
<i>Сагатдинова Е.М.</i> Особенности, цель и методы сбора информации для исследований на страницах «Новой газеты».....	416
<i>Усманова А.И.</i> К вопросу о гендерных стереотипах (на примере англоязычной рекламы).....	419
<i>Лиханская Ю.Е.</i> Специфика заголовка в СМИ (на материале читинских газет).....	424
<i>Никулин Е.Р.</i> BODY-лозунг в контексте современной политической агитации: особенности и эффективность.....	428
<i>Васильева Н.А.</i> Научно-популярный дискурс и его особенности.....	431
<i>Якимова И.В.</i> Внедрение драматургии в сторис Инстаграм.....	435
<i>Вохминцева А.В.</i> Визуальный контент печатных СМИ в период избирательной кампании (на примере районной газеты «Вести Придонья»).....	439
<i>Куралесов К.М.</i> Франц Кафка: к вопросу о соотношении личности писателя и героя художественного произведения.....	444
<i>Колесникова А., Боева Д.Г.</i> Ценностные и мировоззренческие конфликты в обществе, связанные с вакцинацией: взгляд СМИ.....	448

CONTENTS

Actual problems of modern linguistics

<i>Andrianova D.V.</i> Axiological status of the concept of beauty in the Eastern Slavic world picture.....	11
<i>Arzyamova O.V., Savenkova S.S.</i> Trending anglicisms in Russian youth jargon.....	15
<i>Vlasova E.V.</i> Syntactic means of expressing understatement in the speech of modern British teenagers (based on the novel by S. Kinsella «Finding Audrey»).....	18
<i>Kovaleva L.V.</i> Universal and national in European language space.....	22
<i>Nedostupova L.V., Bocharnikova L.M.</i> Self-image of men’s street names: dialectological aspect.....	26
<i>Rogalev A.F.</i> Typical schemes of formation of East Slavic surnames (based on the Belarusian material).....	31
<i>Kretov A.A., Shudrikova A.S.</i> Vocalism of Russian root morphemes.....	34
<i>Fursova K.O.</i> Mathematical methods in linguistics.....	39
<i>Lapinskaya I.P., Denisova M.A.</i> Naming: conditions and perspectives.....	42
<i>Popova L.E.</i> Inter-level character of zeugma.....	47
<i>Ziyamuxavedova Sh.T.</i> Structural analysis of information and communication terms in the Uzbek language.....	51
<i>Glebova Ya. A.</i> On the issue of bilingualism and diglossia in Ivory Coast.....	55
<i>Kalinkin V.M.</i> To the history of connotonymography: from interpreter “НЕУДОБЬ НЕРАЗУМЪБАЕМЫМЪ РЪЧЕМЪ...” to the E.S. Otin’s dictionary.....	59
<i>Merkulova I.A.</i> Key meaning of the Slavic picture of the world.....	64
<i>Khannanova D.M.</i> Semantic, lexical and morphosyntactic compability of copula verbs.....	68
<i>Kutimskaya A.Yu.</i> English borrowings as one of sources for synonymy in modern German banking terminology.....	72
<i>Omaakaeva E.U.</i> Vocabulary of the natural environment and material culture in Kalmyk fairy tales recorded by Gabor Balint (XIX century).....	75
<i>Popov S.A.</i> On the influence of extralinguistic factors on the development of the toponymic system of the Russian Federation.....	79
<i>Luchkina N.V., Mirzoeva S.A., Protsenko I.U.</i> Transformation of the core content of concepts (with basis on the concept FAMILY).....	83
<i>Marandina E.L.</i> The concept of “love” in the poem by R. Rozhdestvensky “Give you love?”.....	88
<i>Uchaikina E.V.</i> The lexeme UNIVERSITY in Russian collocation of words.....	92
<i>Zubkova E.N.</i> Linguistic, usual and occasional components in the structure of the meaning of the HARPY nomination (on the material of texts).....	96
<i>Nemich N.N.</i> The nature of “unexpected” in the research of scientists XX - XXI centuries.....	100

Educational technologies: traditions and innovations

<i>Tokareva G.V., Dudareva N.A.</i> Using the pitch format to develop self-presentation skills among students of a technical university.....	105
<i>Logacheva A.A.</i> Theoretical aspects of formation of grammatic concepts of a verb in the linguomethodics of the modern Russian language.....	110
<i>Kosareva E.V., Sokolova E.V.</i> A word in the training text.....	115
<i>Korableva G.N., Gorelova L.N.</i> About speech behavior of the practice student at school.....	120
<i>Gagarin S.N.</i> Lexicocentrism as a guiding principle of structuring innovative foreign language coursebooks for higher school.....	123
<i>Lesnevskaya D.S.</i> Ecological approach to teaching Russian as a foreign language in other Slavic environment.....	126
<i>Magomedova A.N.</i> Personally-oriented paradigm of education.....	129
<i>Mehdikhanli S.G.</i> Development Iranian students’ speech at the initial stages of teaching Russian as a foreign language.....	133
<i>Murashova L.P., Kayurina T.A.</i> Educational technologies: traditions and innovations.....	137
<i>Murashova L.P., Petrenko Ya.S.</i> Distance learning in the university as perceived by teachers and students.....	141
<i>Murashova E.A.</i> Interactive presentation in the German language lesson.....	145
<i>Pastushkova O.V.</i> E-learning technology: from the origins to our days.....	148
<i>Skripnik A.V., Rasskazova O.S.</i> Conceptological analysis elements in the teaching Russian as a foreign language in the Chinese audience.....	153
<i>Gavrikova E.O.</i> Game technologies as a tool for disclosing linguistic gifts.....	157
<i>Shchukina G.O.</i> Learner-centered teaching technologies: a game “The timelord” organized in the translation classroom.....	162

Media reality: metamorphoses, interpretations, perspectives

<i>Baybatyrova N.M.</i> Political mediareality in the region in the pandemic era.....	167
---	-----

<i>Krivoshapova N.V.</i> Internet meme as a linguoculturema.....	171
<i>Tsoloeva S.B.</i> Metaphor as a means of speech influence in the English-language advertising text.....	174
<i>Krylova M.N.</i> Expression as an individual component of the language of modern virtual space.....	178
<i>Lebedeva E.G.</i> Blogging in Instagram.....	184
<i>Boeva G.N.</i> «Classics in service»: about current advertising strategies.....	188
<i>Voronova T.A., Bogatyrev V.V.</i> Photo and video content in the context of development of convergent journalism.....	191
<i>Zotova A.S.</i> Communicative word-forming practices of modern media texts of Internet mass media.....	196
<i>Korostyleva N.N.</i> Linguistic means of forming a female image in social networks.....	199
<i>Voronova T.A., Merenkova O.V.</i> Local sights: the coverage in mass media of different types.....	203
<i>Romanova G.V.</i> Speech lexical errors in the media.....	207
<i>Samoilenko N.S.</i> Differentiation of the concepts of “Internet media”, “New media”, “Social media” and “Internet mass media”.....	213
<i>Ulanovich O.I.</i> Antropocentric images in media framing technology in the English and Russian political discourse.....	217
<i>Kuryanovich A.V., Canova A.A.</i> Language means of creating the image of a regional university in the electronic public discourse.....	222
Word in the text space	
<i>Kovalev G.F.</i> Current state and prospects of research development in the field of literary onomastics of Russian writers.....	227
<i>Obukhova E.S.</i> Perception by modern Macedonian readers of the realities of the novel by D.Danilov “The description of the town”.....	238
<i>Artemova O.G.</i> English word in the space of English text.....	244
<i>Khromova I.A.</i> The interpretive potential of the title of the comedy by A.N.Ostrovsky «Truth is good but happiness is better».....	249
<i>Charina O.I.</i> Features of texts of Russian fairy tales in the Northeast of Yakutia (records of the 19 th and 20 th centuries).....	253
<i>Borodina N.A.</i> Mythotoponyms in I.A. Bunin’s poetry.....	257
<i>Bugakova N.B.</i> Some features of the functioning of onomastic units in the story of A.Platonov “Yushka”.....	260
<i>Stikhina I.A.</i> Creolised text in fiction (example of one work of German-speaking author Urs Widmer).....	264
<i>Katermina V.V.</i> Proper names in the literary text.....	269
<i>Rastorgueva M.B.</i> Epithet as one of the means of forming the image of the hero in the works of modern Russian prose (on example of the story of D.Rubina “In Verkhnyaya Maslovka”).....	273
<i>Rogova D.S.</i> Transformation of texts and images as a form of constructing a game intercultural space (on the example of the works of Max Frei).....	278
<i>Turilova M.V.</i> Etymology, dialectology and understanding literary texts.....	282
<i>Semenov M.V.</i> Translation of the Rosetta stone text from ancient Greek into Russian.....	286
<i>Aksenova A.A.</i> The word and time in the poetry of Marina Tsvetaeva.....	290
<i>Koroleva I.A.</i> Proper names in the ethnographic text: notes by V.N. Dobrovolsky.....	295
<i>Kartashova E.N.</i> Femininitives as a means of creating female images in the works of V.M.Shukshin.....	298
<i>Dronyakina N.V.</i> Body metaphor ГЛАЗ, EYE, OEIL in Russian, English and French language world picture.....	301
<i>Parinova A.S.</i> Transformation of the plot of the “destruction of paradise” in modern Russian prose (based on the story of L.Borodin “The trap for Adam”).....	305
<i>Shatalova O.V.</i> Problems of characteristics of the publicist’s language personality: retrospective and perspective.....	309
<i>Bugakova N.B., Urazova A.A.</i> Autobiographical motives of A.Platonov’s story “Mother” (“Recovery of the dead”).....	313
<i>Butenina E.M.</i> Émigré writing as a tool of ‘verifying’ intercultural communication theory.....	317
<i>Gabibullayeva P.M.</i> Thematic groups of borrowing from the Russian language in works of Khabib Aliyev... ..	321
<i>Latypov F.R.</i> Interpretation of the Iberian text from PICO-AJOS II A referred to training unskilled warriors for real battles.....	324
<i>Pigunova K.V.</i> Intertextuality as a way to create a special space-time continuum in the novel “Laurus” by Evgeny Vodolazkin.....	329
<i>Koroleva A.M.</i> What to ask poet about? Audience notes received by B.Pasternak during literary evenings.....	335
<i>Kushnir K.I.</i> Lexical representation of the interaction of natural elements in the language of V.A.Soloukhin (on the example of the poem “Oh, the eyes of spring purity!”).....	340
<i>Mitina G.V.</i> «And now those days seem like a myth to us»: mythological images and plots in the poetry of I.A.Bunin.....	344

<i>Text as existence: to the 200th anniversary of the birth of F.M. Dostoevsky</i>	
<i>Lanskaya O.V.</i> House in F.M. Dostoevsky's «Poor People».....	348
<i>Merinov K.A.</i> «Gospodin Prokharchin» by F.M. Dostoevsky: artistic anthropology in the context of “big time”.....	353
<i>Novikova M.V., Likhanskaya Yu.E.</i> The semantics of the clothes in the Dostoevsky's novel “Crime and punishment”.....	357
<i>Skuridina S.A., Kuzminykh E.O.</i> St. Petersburg by Dostoevsky and Moscow by Bulgakov: on the question of the mythopoetic and chronotopic potential of macrotoponyms.....	361
<i>Khrupin A.V.</i> The image of F.M. Dostoevsky in the media.....	366
<i>Klyushina A.M.</i> Interaction of the constituents of the semantics of extreme in the novels of F.M.Dostoevsky (based on the novel “Poor people”).....	370
<i>Polevaya G.N.</i> Analysis of the antithesis “crime - punishment” at literature lessons in high school.....	374
<i>Guseva E.V.</i> “Notes from the Dead house” by F.M.Dostoevsky: history of publication, genre identity of the text.....	377
<i>The world through eyes of the young</i>	
<i>Samoilenko N.S., Belousov D.Yu., Karmanov E.M., Nenahova K.D., Pogodina N.B.</i> On the question of the demand for creolized texts in social media.....	383
<i>Al-Absi Ghadi Abdulwahab Abdulrab Ali</i> Dog as a symbol in Arabic and Russian cultures.....	388
<i>Korostyleva I.S.</i> Corporate media: from history to the present.....	391
<i>Dzhumasheva D.M.</i> The specificity of news content on federal radio stations (on the example of radio stations «Radio of Russia» and «Radio Liberty»).....	395
<i>Lapteva M.A.</i> The specifics of hemeronyms Voronezh media space.....	399
<i>Shashurina E.V.</i> «Panic» discourse about COVID-19.....	401
<i>Podgorodov M.O.</i> The specifics of the image of the doctor in the novel by E.G.Vodolazkin “Laurus”: the motive of righteousness.....	404
<i>Shipovskaya N.A.</i> Project activity of preschool education: problems and solutions.....	407
<i>Lin Zh.</i> Translation options for M.M. Prishvin «Crane» into Chinese.....	410
<i>Medvedeva I.E.</i> Internet lexico as a means of activating the socio-patriotic intentions of adolescents: to statement of the problem.....	413
<i>Sagatdinova E.M.</i> Features, purpose and methods of collecting information for investigations on the pages of “New newspaper”.....	416
<i>Usmanova A.I.</i> The issue of gender stereotypes (on the example of English language advertising).....	419
<i>Likhanskaya Yu.E.</i> The specifics of the headline in the media (based on the material of Chita newspapers).....	424
<i>Nikulin E.R.</i> BODY-slogan in the context of modern political agitation: features and efficiency.....	428
<i>Vasilieva N.A.</i> Popular scientific discourse and its features.....	431
<i>Yakimova I.V.</i> Implementing drama in Instagram stories.....	435
<i>Vokhmintseva A.V.</i> Visual content of print media during the selection campaign (on the example of the district newspaper “Vesti Pridonia”).....	439
<i>Kuralesov K.M.</i> Franz Kafka: on the question of the relationship between the personality of a writer and the hero of a work of art.....	442
<i>Kolesnikova A.S., Boeva D.G.</i> Value and ideological conflicts in society related to vaccination: a media perspective.....	448

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

УДК 811.161
81.374.82

*Институт лингвистических
исследований РАН
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Андреанова Д.В.
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: yakonukdar@yandex.ru*

*Institute for Linguistic Studies
PhD, Researcher*

*Andrianova D.V.
Russia, St-Petersburg,
e-mail: yakonukdar@yandex.ru*

Д.В. Андреанова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОНЯТИЯ *КРАСОТА* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете))

В статье анализируется понятие Красоты в пословицах русского, украинского и белорусского языков, формируются группы межъязыковых параллелей, характеризующие отношение к ней в пословичной картине мира. Автор утверждает, что в рассматриваемых языках пословицы оценивают Красоту через призму пользы, полезности для работы. Акцент делается, в том числе, на понимании красоты человека как малоценной характеристики. Пословицы в большинстве своем содержат предостережение от придания слишком важного значения внешней привлекательности (часто потенциальной невесты).

Ключевые слова: концепт, красота, аксиология, восточнославянские пословицы, сопоставительное исследование.

D.V. Andrianova

AXIOLOGICAL STATUS OF THE CONCEPT OF *BEAUTY* IN THE EASTERN SLAVIC WORLD PICTURE

The article analyzes the concept of Beauty in the proverbs of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages, forms groups of interlingual parallels that characterize the attitude towards it in the proverbial picture of the world. The author claims that in the languages under consideration, proverbs evaluate Beauty through the prism of benefits, usefulness for work. The emphasis is made, among other things, on the understanding of human beauty as a characteristic of little value. Proverbs for the most part contain a warning against giving too much importance to external attractiveness (often a potential bride).

Key words: concept, beauty, axiology, East Slavic proverbs, comparative research.

Пословичная картина мира предлагает совершенно особый угол зрения на многие актуальные во все времена вопросы. И этот угол зрения для современного носителя языка часто кажется нелогичным и малопонятным. По всей вероятности, одной из причин такого восприятия пословичного дискурса является значительное изменение ситуативного контекста: традиционное общество с определенным во многом ритуализированным укладом жизни уступило место современному, в котором традиции, имевшие смысловую нагрузку несколько веков назад, иногда превращаются в пустые стереотипы поведения и мышления. В свою очередь, пословицы, аккумулирующие общечеловеческие ценности в свойственной для традиционного общества форме, для нас сегодня непонятны во многом из-за непонимания общего историко-культурного контекста, в котором они появились и развивались на протяжении столетий.

Характерной особенностью пословичной картины мира является ее выраженная оценочная характеристика тех или иных понятий или явлений, причем некоторые смысловые доминанты на аксиологической шкале оказываются в пословичном и обыденном понимании современного человека на противоположных полюсах. Так, в традиционном понимании «красота воспринимается как некая мера измерения прекрасного, как эстетическая оценка, ... и вызывает у последнего [субъекта восприятия] положительную гамму чувств (наслаждение, восхищение, удовольствие)» [1; с. 159]. В то же время в восточнославянских пословицах понятие Красоты, на первый взгляд, чаще всего имеет негативную коннотацию.

Ниже приведем параллели русских, украинских и белорусских пословиц, иллюстрирующие отношение к этому контексту в восточнославянской пословичной картине мира:

1) Красота – бесполезна в быту: *Краси в вінку не носять* (укр.) [2; 36]. – *Красату ў вянку не насіць* (бел.). [3 т. 2; 13]. *Краси на тарелі не крають* (укр.) [2; 36]; *Краси на тарілці не крають* (укр.) [2; с. 36]; *Краси на тарілці не краяти* (укр.) [2; с. 36]; *Краси на тарілці не краяти: аби з неї господиня була* (укр.) [2; с. 36]; *Краси не будеш на тарелі краяти* (укр.) [2; с. 303]; *Краси не крають на тарелі* (укр.) [2; с. 36]; *Красоту на тарілці не крають* (укр.) [2; с. 36]; *Красу на тарілку не покладеш* (укр.) [2; с. 36]; *Краси на тарілці не носять* (укр.) [2; с. 36]; *Красу на тарілку не покладеш* (укр.) [2; с. 36].

З краси не п'ють води (укр.) [2; 36]. – *З красаты вады піць не будзеш* (бел.). [3 т. 2; с. 27]. ~ *З краси воду не п'ють* (укр.) [2 2; с. 36]; *З краси не п'ють роси* (укр.) [2; с. 36]. ~ ~ *С красоты не воду пить, и с расплюсьм можно жить* (рус.). *Не с лица нам воду пить, можно и с рябой весь век прожить* (рус.); *Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить* (рус.); *С лица воду не пить – умела бы пироги печь* (рус.); *С лица воду не пить, а разума (ума) не купишь* (рус.); *С лица не воду пить, а с человеком жить* (рус.) ~ ~ ~ *На лице не блины печь* (рус.); *С лица не пряники печатать* (рус.); *На красоте не блины печь* (рус.); *На красоте не онучи сушить* (рус.). ~ ~ ~ *З красоти хліба не спечеш* (укр.) [2, 36]. ~ ~ ~ *З ліца не спячэш блінца* (бел.). [3 т. 2; с. 27]. Этой группе пословиц противопоставлена единичная белорусская единица, утверждающая обратное: *З прыгожага ліца харашо й вады напіцца* (бел.). [3 т. 2; с. 203].

Красотой сыт не будешь (рус.). – *Красою ситий не будеш* (укр.) [2; с. 37]. ~ *Красотою не насытитесь* (рус.). *От красоты сытым не будешь* (рус.). ~ ~ *Красоту не лизать, лишь бы жилось хорошо* (рус.).

Не тот пригож, кто лицом хорош, а тот, кто для дела гож (рус.). – *Не той гарний, що гарний, а той, що діло робить* (укр.) [2; с. 37]. – *Не той хорош, хто прыгож, а той хорош, хто для дзела гож* (бел.). [3 т. 1; с. 171]. ~ *Не в тім хороша, що чорноброва, а в тім, що діло робить* (укр.) [2; с. 39]. ~ *Не той хорош, хто тварам прыгож, а той хорош, хто на справу гож* (бел.). [3 т. 1, с. 171]. ~ ~ ~ *Некрасива коровка, да молочко даєт* (рус.). ~ ~ ~ *Красотой гаршка не закрасіш* (бел.). [3 т. 1; с. 27].

Не по виду суди, а по делам гляди (рус.). ~ ~ ~ *Не гляді бела, абы б рабоча была* (бел.). [3 т. 2; с. 27]. *Шукай жонку не на йгрышчы, а на ржышчы* (бел.). [3 т. 2; с. 27]. (Материалом русских пословиц для настоящего исследования послужила картотека нового издания «Большого словаря русских пословиц» [4], над которым в настоящее время ведется работа под руководством проф. В. М. Мокиенко, поэтому в настоящей статье с целью экономии места не указываются многочисленные словарные источники).

Подобным образом и отсутствие красоты у невесты в восточнославянских пословицах признается несущественным недостатком, полностью компенсируемом умелостью, сноровкой – качествами, необходимыми для ведения хозяйства и работы: *Не біда, що чорна, аби проворна* (укр.) [2; с. 39]. – *Не б'яда, што чорна, абы б была праворна* (бел.). [3 т. 1; с. 27]. ~ ~ *Не б'яда, што чорна, абы лён праворна цёрла* (бел.). [3 т. 2; с. 28]; *То не бракоўка, калі дзеўка чорна, толькі б была праворна* (бел.). [3 т. 2; с. 28].

2) Красота человека, особенно красота молодой девушки, быстро проходит, она связана в первую очередь с молодостью: *Краса до венца, а жизнь до конца* (рус.). – *Краса до вінця, життя до кінця* (укр.) [2; с. 36]. ~ *Краса да вянца, а жыццё да канца* (бел.). [3 т. 2; с. 90]. ~ ~ *Красота – до венца, а ум – до конца* (рус.). ~ ~ *Девичья красота до замужества* (рус.). *Девка красна до замужества (замужья)* (рус.). *Красна девка до замужества* (рус.). ~ ~ *Краса до вінця* (укр.) [2; с. 36]. *Краса до вінця, а розум до кінця* (укр.) [2; с. 36]. ~ ~ *Красата – да вянца* (бел.). [3 т. 2; с. 13]. ~ ~ ~ *Красота как цвет: скоро увядает* (рус.). *Красота лица не много прочнее яйца* (рус.). *Красота скоро пропадает* (рус.). ~ ~ *Дзявочы век як макаў цвет* (бел.). [3 т. 2; с. 13].

Какова ни будь красна девка, а придёт пора – выцветет (рус.). ~ ~ ~ *Кудри вились, да долой свалились* (рус.). *Лицо блекнет, так и кудри секутся* (рус.). *Состаришься, так и подурнеешь лицом* (рус.). ~ ~ ~ *Як була я молода, була в мене врода, а тепер на виду і в дзеркалі не найду* (укр) [2; с. 36]; *...а тепер на виду, то й в дзеркалі не знайду* (укр) [2; с. 36]; *Сходить краса, як рання роса* (укр) [2; с. 37]; *Три речі скоро минають: луна, райдуга і жіноча краса* (укр) [2; с. 37].

3) В пословицах подчеркивается скоротечность и малая практическая ценность красоты по сравнению с умом. Именно ум (а не уродство) в пословичном контексте образует смысловую оппозицию к красоте: *На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко* (рус.). – *На гарного дивитись хороше, а з розумним жити легко* (укр.) [2; с. 37]; *На красивого дивитись гарно, а з розумним жити легко* (укр.) [2; с. 37]. ~ *На красивую глядеть хорошо, а с умной жить лучше* (рус.); *На красуню дивитись любо, а з розумною жити добре* (укр.) [2; с. 37]. – # (бел.).

Краса приглядиться, а розум пригодиться (укр.) [2; с. 328]; *Краса минеться, а розум пригодиться* (укр.) [2; с. 36]. – *Краса прыглядзіцца, а розум прыгадзіцца* (бел.). [3 т. 2; с. 91]. ~ *Красота приглядится, а ум вперёд пригодится* (рус.). ~ ~ *Красота завянет, а ум не обманет* (рус.).

Не краса красит человека, а ум (рус.). – *Не краса красить, а розум* (укр.) [2; с. 37]; *Не краса красить, а характер* (укр.) [2; с. 37]. – *Не красата чалавека красіць, а характар* (бел.). [3 т. 2; с. 203].

С красотой не жить, жить с умом (рус.). ~ ~ ~ *Хоч не з красою, аби з головою* (укр.) [2; с. 37].

Не хвалися красою, а слався розумом (укр) [2; с. 37]. – *Не слаўся красою, а слаўся розумам* (бел.). [3 т. 2; с. 468]. ~ *Не гонись за красотой, тянись (гонись) за разумом* (рус.).

4) В пословичном контексте понятию Красоты противопоставляются духовные ценности – доброта, чистота, искренность: *Не ищи красоты, [а] ищи доброты* (рус.). – *Не шукай красоти, а шукай доброты* (укр) [2; с. 37]. – *Не шукай красаты, а шукай даброты* (бел.). [3 т. 2; с. 27]. *Не гляди на красоту, спрашивай доброту* (рус). *Не зри на лица, зри на сердца* (рус). *Не ищи красоты, а ищи доброты* (рус). ~ *Не позирай на красоту, а позирай на доброту* (укр) [2; с. 37]. ~ ~ ~ *Не гляди в лицо, а заглядывай в сердце* (рус). *Не гляди на рожу, гляди на душу* (рус). *Не гляди на чуб, гляди на душу* (рус). *Не суди по красоте, суди по сердцу* (рус).

5) В пословицах также отмечается невысокая ценность Красоты по сравнению со счастливой судьбой: *Не уродись красив, а уродись счастлив* (рус.). [5; с. 78]; *Не родись красива, а родись счастлива* (рус.). – *Не родись вродливим, а родись щасливим* (укр.). [5; с. 78]; *Не родись красна, а родись щасна* (укр.). рКотова; с. 78]; *Уродися не красним, але щасним* (укр.) [2; с. 38]. – *Не радзіся красны, а (радзіся) ичасны* (бел.). [5; с. 78; 3 т. 2; с. 423]; *Не радзіся красівы, а ичаслівы* (бел.). [3 т. 2; с. 468]; *Не радзісь прыгож, а радзісь ичасліў* (бел.). [3 т. 2; с. 468]. ~ *Хоч не красивый, аби щасливый* (укр.) [2; с. 38]. ~ *Не будзь красівы, а будзь ичаслівы* (бел.). [3 т. 2; с. 14]. *Не радзіся красны, радзіся ичаслівы (ичасны)*. [ТП 5, с. 173]. ~ ~ *Не родись красив, не родись пригож, родись счастлив* (рус.).

И некрасива, да счастлива (рус.). ~ *Хоць паршывы, да ичаслівы* (бел.). [3 2; с. 468]. ~ ~ *Людзі некрасівыя, а завуца ичаслівыя* (бел.). [3 2; с. 468]. *Хто паршывы, той ичаслівы* (бел.). [3 2; с. 468].

В то же время прямая связь Красоты с Счастьем констатируется в пословицах: *Хто красивый, той щасливый* (укр.) [2; с. 38]; *Хто красівы, той ичаслівы* (бел.). [3 т. 2; с. 203]. – # (рус.)

Подводя итог обзору восточнославянских пословичных параллелей, характеризующих понятие Красоты, отметим, что, как и другие смысловые доминанты, Красота человека в этом контексте оценивается чаще всего с позиции полезности, пользы для дела, поскольку именно целесообразность и полезность в ценностной системе традиционного крестьянского обществе имеют наибольшее значение. В силу того, что Красота недолговечна, преходяща, не помогает в работе, не может быть применена для практических целей, не коррелирует с такими духовными доминантами, как ум, доброта, чистота и т.п., в аксиологических категориях традиционного общества она не несет самостоятельной смысловой нагрузки. Именно поэтому порицается наделение Красоты излишне большой значимостью. Аксиологический парадокс этого качества в восточнославянских пословицах, как представляется, заключается в том, что ее ценностный статус приравнивается практически к нулю.

Вместе с тем нельзя не отметить, что посвященные Красоте пословицы во всех трех языках многочисленны, и они содержат своего рода предостережение от неё. Объемный корпус этих пословиц сам по себе свидетельствует о том, что данное качество в пословичном представлении имеет большую власть над человеком (вероятно, в большинстве случаев речь идет об опасности женской красоты для мужчины). Тем самым, вопреки логическим утверждениям и поучениям, содержащимся в рассмотренных пословицах, количество этих паремий наводит мысль, выразительно сформулиро-

ванную Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы»: «...Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [7; URL].

Библиографический список

1. Малая Е. М. Динамические процессы в восприятии красоты в русской языковой картине мира // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы X юбилейной международной научной конференции к 75-летию Валерия Степановича Борисова. Новосибирск, 2017. С. 159-161.
2. Пазяк М. М. Прислів'я та приказки. – К.: «Наукова думка». Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с.
3. Грынблат М. Я. Прыказкі і прымаўкі. Кн. 1-2. Мінск, 1976. – 559 с.; 616 с.
4. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
5. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 356 с.
6. Тетради пареміографа. Белорусские пословичные параллели русских пословиц пареміологического минимума / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева. Вып. 5. СПб, 2019. – 302 с.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15-ти томах. Л.: "Наука", 1991. Том 9-10. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/index.html> (Дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Malaya E. M. Dynamic processes in the perception of beauty in the Russian language picture of the world // Language: categories, functions, speech action. Materials of the X jubilee international scientific conference dedicated to the 75-th anniversary of V. S. Borisov. Novosibirsk, 2017. p. 159-161.
2. Pazyak M. M. Proverbs and sayings. – Kiev: "Naukova Dumka". V. 2. Man. Family life. Traits. – 1990. – 524 p.
3. Grynblat M. Ya. Proverbs and sayings. V. 1-2. Minsk, 1976. –559 p.; 616 p.
4. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Big dictionary of Russian proverbs. – M.: "OLMA Media Group", 2010. – 1024 p.
5. Kotova M. Yu. Russian-Slavic dictionary of proverbs with English correspondences. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2000. – 356 p.
6. Paremiograph notebooks. Belarusian proverbial parallels of Russian proverbs of the paremiological minimum / M. Yu. Kotova, N. Ye. Boeva. Book 5. SPb, 2019. – 302 p.
7. Dostoevsky F. M. Brothers Karamazov. Collected works in 15 volumes. L.: "Science", 1991. Volume 9-10. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/index.html> (date of application: 15.03.2021).

УДК 81.271.2

*Воронежский государственный педагогический университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Арзямова О. В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: arzyamovyu@yandex.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The chair of Russian language and modern Russian and foreign literature
PhD, associate professor
Arzyamova O.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: arzyamovyu@yandex.ru*

*Студент 3 курса гуманитарного факультета,
профили подготовки: «Русский язык», «Литература»
Савенкова С. С.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: savenkova.s.s@yandex.ru*

*The department of humanities
Training profiles "Russian language", "Literature"
The 3rd-year student
Savenkova S. S.
Russia, Voronezh,
e-mail: savenkova.s.s@yandex.ru*

О.В. Арзямова, С.С. Савенкова

ТРЕНДОВЫЕ АНГЛИЦИЗМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ

В статье рассматривается влияние англицизмов на русский молодежный сленг и изменение их значений при употреблении. Актуальность исследования заключается в новизне исследуемой лексики. Целью работы являются выявление частотности англицизмов и характере их смысловых трансформаций в жаргоне студентов.

Ключевые слова: слово, сленг, англицизмы, значение, трансформации.

O.V. Arzyamova, S.S. Savenkova

TRENDING ANGLICISMS IN RUSSIAN YOUTH JARGON

The article considers the influence of English borrowings on Russian youth slang and changes in their meanings when they are used. The relevance of the research lies in the novelty of the studied vocabulary. The aim of the work is to identify the frequency of English borrowings and the nature of their semantic transformations in the slang of the students.

Keywords: word, slang, English borrowings, meaning, transformations.

Сленговые английские слова прочно обосновались в русском языке новейшего периода. В XXI веке наблюдается тотальная увлеченность молодежи сленгизмами; особенно это заметно в сфере масс-медиа и социальных сетях.

Сленгизмы, как правило, используются для придания высказыванию большей эмоциональности, так как изначально жаргонные единицы – это «эмоционально-оценочные экспрессивные слова и выражения, по преимуществу негативные, снижающие стиль номинации, выходящие за рамки литературного языка» [2]. Например: *Я очень расстроился – Я словил триггер.*

К числу особенностей и отличий молодежного сленга от других видов жаргона можно отнести его быструю изменчивость, которая объясняется сменой поколений; иначе говоря, молодежный жаргон характеризуется такими чертами, как стихийность, подвижность и динамичность. Многие сленговые слова употребляются только одним поколением и в лишь определенном возрасте. Каждые 5-7 лет происходит обновление молодежного жаргона. При этом каждый жаргон используется во взрос-

лом мире в качестве своеобразного «островка свободы» [4].

Неустойчивый характер сленговых слов и выражений обусловлен постоянным появлением вещей и предметов, которым нужны названия. Чаще всего подобная потребность возникает при обозначении новых устройств и технологий. Кроме того, многие первоначально сленговые слова становятся популярнее и выразительнее по сравнению с традиционными, широко известными в русском языке, например: «лайфхак» вместо «совет», «пранк» вместо «розыгрыш».

Молодое поколение не представляет себя без речевой игры, выполняющей функцию своеобразного буфера. Подростки стараются безболезненно пройти переходный этап становления личности и с этой целью используют эпатажирующие слова и выражения [4, с. 238]. Существует и социальная потребность в использовании англицизмов. Чтобы быть включенным в молодежное сообщество и стать «своим», молодому человеку надо говорить на языке, свойственном его возрастной группе, то есть владеть и пользоваться молодежным сленгом.

Заемствованная лексика, в частности, англицизмы, проникая в жаргон молодежи, позволяют точно и необычно обозначить новое явление, например: брендализм, слэм, фейспалм.

Англицизмы имеют характерные черты и различные способы образования. Рассмотрим их более подробно.

1. Прямые заимствования. Значение и оболочка слова не трансформируется в процессе употребления. Например, скилл (от англ. skill) – какой-либо навык, изи (от англ. easy) – что-то легкое.

2. Гибриды. Происходит присоединение аффиксов: приставки, суффикса, постфикса. В данном способе часто изменяется значение иностранного слова. Такими словами являются: шипперить (от англ. shipper) – считать, что некие люди состоят в романтических отношениях, хейтер (от англ. to hate) – агрессивно настроенный человек.

3. Слова, подчиняющиеся при грамматическом освоении правилам русской грамматики. Например, слово хайп – хайпа. (от англ. to hype), например: *Давно я не видел такого хайпа.*

4. Композиты. Слова из двух английских слов, например: чупа-чупс – конфета на палочке, бизнес-центр – здание с офисами компаний.

5. Слова, появившиеся вследствие искажения каких-либо звуков, например: лалка (от англ. lots of laugh).

Следует отметить, что жаргонизмы, имеющие английское происхождение, обычно употребляют молодые люди в возрасте 15-25 лет.

В речи молодёжи данные словоформы часто используются не в традиционном значении, а с учетом их адаптации под социальную ситуацию [1]. К примеру, слово «trigger» в английском языке многозначно. Обычно оно обозначает «спусковой крючок или механизм» и используется в различных сферах: в электронике, медицине, психологии, а также в Интернете. В молодежной среде этот англицизм встречается также в значении своеобразного эмоционального «спуска», который возникает при бурном негодовании человека: «нечто, что выводит из себя, раздражает». Благодаря экспрессии и выразительности, это слово стало популярным среди молодежи. В русском языке новейшего периода развития слово «триггер» обладает грамматической деривацией: глагол «триггерить», прилагательное «триггерный», наречие «триггерно», которые означают «испытывать негативные эмоции, негодовать».

Одним из наиболее популярных слов в интернет-сети становится слово «cringe», которое дословно переводится как «сжеживаться, сжиматься, пресмыкаться». Оно используется, когда хотят сказать о чём-то откровенно плохом или когда испытывают стыд за действия другого, например: «Ловлю дикий кринж от одних только трейлеров фильма». Смысл, обозначающий в русском языке «неприятие чего-либо», как правило, в среде интернета используется реже. В русском языке новейшего периода слово «кринж» обладает грамматической деривацией: прилагательное «кринжовый», наречие «кринжово», глагол «кринжовать».

Слово «punch» переводится с английского языка как «бить кулаком». В настоящее время оно приобрело в русском языке смысловой оттенок «вербальный выпад в сторону оппонента». Этот англицизм особенно распространен в субкультуре рэпа, когда проходит так называемый «баттл», то есть словесный поединок соперников. Данное слово является калькой с английского и употребляется в русском языке новейшего периода только как имя существительное, в то время как в английском языке оно может использоваться и как прилагательное, и как глагол.

Слово «рейв» – «дискотека без правил» – произошло от английского «rave» – «бредить, говорить, как сумасшедший». Калькированная лексема была заимствована в девяностых годах XX века, но стала популярной только в начале XXI века. С целью определить особенности употребления и частотность новых сленго-

вых слов и выражений в молодежной среде мы провели анкетирование среди студентов гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ) (157 человек). Студентам нужно было ответить на вопросы по поводу таких слов, как кринж (cringe), фейспалм (facepalm), панч (punch), батл (battle), оффтопик (off topic), флуд (flood), краш (crush) [5]; итернест (уютное рабочее гнездо); doom-scrolling (поиск новостей о катастрофе); netflix (расстройство); binge-watch (смотреть запоем); to be snatched (быть потрясным, быть в тему); to slay (убить, сразить) и др. [6]. Анкетирование показало, что студенты, как правило, понимают значение термина «англицизм» (88%) и активно используют его в молодежной среде (91%). Однако молодые люди не всегда знают истинное значение заимствованного слова (13%). Подобные слова чаще всего употребляются только среди «своих» и/или для поддержания тона беседы (85%). Что касается уместности или неуместности англицизмов, то большая часть молодых людей относится к ним нейтрально, обычно их устраивает использование англицизмов в русской речи (55%).

Таким образом, с одной стороны, англицизмы, проникающие в русский язык, – явление закономерное, отражающее культурные связи России с другими странами. С другой стороны, в стремлении копировать западные образцы теряется интерес молодежи к родному, в особенности, русскому языку.

Нередко в молодежной среде английское слово становится более престижным, чем русское. Экспрессия его новизны притягательна и подчеркивает уровень информированности говорящего. Использование англицизма в речи авторитетного лица может стать толчком для его ассимиляции в русской речи. Однако язык – живая система, которая постепенно очищается от избыточного. Поэтому нельзя не согласиться с мнением о том, что «основными являются не формальные, а семантические и социолингвистические характеристики, свидетельствующие о сленговом характере слова» [3].

Библиографический список

1. Башкирцева О.А., Дедковская Д.М. К вопросу об адаптации англицизмов в русском языке (на примере слов селфмейд, хэндмейд, мастерид, мастхэв) // Русская речь. 2019. № 6. С.19-31.
2. Бахтина М.Б. Эмоционально-оценочная картина мира современной молодежи (на материале жаргонной лексики конца XX - начала XXI вв.): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2011. 23 с.
3. Данилова М.Э. Способы образования сленговых единиц // Вестник образовательного консорциума «Средне-русский университет». Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 87-92.
4. Морозова Т.В., Михайлова А.Д. Современный молодежный жаргон. Лингвокультурологический аспект // Лучшая студенческая статья. 2018. С. 235-238.
5. Американизмы и неологизмы, к которым мы привыкли [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e916a3ebf469b5aa039c57e/amerikanizmy-i-neologizmy-k-kotorym-my-privykli-5f45251fc63e90074337ee78> (дата обращения: 26.02.2021).
6. Английский сленг 2020: 20 трендовых слов и выражений [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/linguatrip/angliiskii-sleng-2020-20-trendovyh-slov-i-vyrzhenii-5f3a92b00bc0992ab590ded4> (дата обращения: 26.02.2021).

References

1. Bashkirtseva O. A., Dedkovskaya D. M. Adaptation of anglicisms in the Russian language // Russian speech. 2019. Vol. 6. P.19-31.
2. Bakhtina M. B. Emotionally estimated picture of the world of youth in the end of the 20th -beginning of the 21st centuries. Thesis abstract. ... PhD in Philology:10.02.01 Abakan. 2011. 23 p.
3. Danilova M.E. The ways of formation of slang units. // Bulletin of the educational consortium "Central Russian University". Ser. Humanities. 2018. Vol. 12. P. 87-92.
4. Morozova T.V., Mikhailova A.D. Contemporary youth jargon: linguistic and cultural aspect // The best student article. 2018. P. 235-238.
5. Americanisms and neologisms to which we are accustomed [electronic resource]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e916a3ebf469b5aa039c57e/amerikanizmy-i-neologizmy-k-kotorym-my-privykli-5f45251fc63e90074337ee78> (date of application: 02/26/2021).
6. English slang 2020: 20 trending words and expressions [electronic resource]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/linguatrip/angliiskii-sleng-2020-20-trendovyh-slov-i-vyrzhenii-5f3a92b00bc0992ab590ded4> (date of application: 02/26/2021).

УДК 81.27

*Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка
Власова Е.В.
Россия, г. Одинцово
e-mail: e.vlasova@odin.mgimo.ru
+7 977 569 20 77*

*The branch of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
The chair of English language
PhD, associate professor
Vlasova E. V.
Russia, Odintsovo
e-mail: e.vlasova@odin.mgimo.ru
+7 977 569 20 77*

Е.В. Власова

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕДООЦЕНКИ В РЕЧИ
СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ПОДРОСТКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. КИНСЕЛЛЫ «В ПОИСКАХ ОДРИ»)**

В статье рассматриваются синтаксические средства выражения недооценки, используемые в речи современных британских подростков на материале психологического романа С. Кинселлы «В поисках Одри». Автор определяет недооценку как языковую категорию, которая нарочито занижает оценочную реакцию на ситуацию, людей и предметы с определенной целью, отражая культурные и национальные особенности британского характера. Синтаксические способы выражения недооценки впервые рассматриваются в речи подростков женского и мужского пола. Делается вывод о том, что намеренная пауза в речи персонажей романа служит для проявления сдержанности отрицательных и положительных эмоций и демонстрирует лингвокультурологические особенности британцев.

Ключевые слова: синтаксические средства, недооценка, речь подростков, сдержанность, британский характер.

E.V. Vlasova

**SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSING UNDERSTATEMENT IN THE SPEECH OF
MODERN BRITISH TEENAGERS
(BASED ON THE NOVEL BY S. KINSELLA «FINDING AUDREY»)**

The article considers the syntactic means of expressing understatement used in the speech of modern British teenagers based on the material of S. Kinsella's psychological novel "Finding Audrey". The author defines understatement as a language category that deliberately underestimates the evaluative reaction to a situation, people and objects with a specific purpose, reflecting the cultural and national characteristics of the British character. Syntactic ways of expressing understatement are considered in the speech of female and male adolescents for the first time. The author concludes that the deliberate pause in the speech of the characters of the novel serves to show restraint of negative and positive emotions and demonstrates linguocultural characteristics of the British.

Keywords: syntactic means, understatement, speech of teenagers, restraint, British character.

Недооценка (understatement) – это языковая категория, которая нарочито занижает оценочную реакцию на ситуацию, людей и предметы с определенной целью, отражая культурные и национальные особенности британского характера [1, с. 13]. Одним из способов выражения недооценки являются синтаксические средства (многоточие, тире), где намеренная пауза вызвана нежеланием продолжать разговор в силу каких-то причин. При этом «прочитывается» то, что стоит за этой паузой, что умалчивается. Синтаксические средства выражения недооценки были характерны для представителей аристократии конца XVII – начала XIX в. Эти же средства употребляются и в речи представителей средних классов начала XXI века. Следует отметить, что недооценка употребляется в речи мужчин и женщин молодого, среднего и старшего поколения [2, с. 131]. В нашем исследовании мы

впервые рассмотрим синтаксические способы выражения недооценки в речи современных британских подростков (от 12 до 16 лет).

Остановимся на анализе синтаксических средств выражения недооценки в речи подростков в романе «В поисках Одри» (2013 г.) популярной британской писательницы С. Кинселлы. Данный роман повествует о жизни, интересах и проблемах подростков женского и мужского пола. В речи персонажей было выявлено 25 контекстов употребления недооценки, выраженной с помощью многоточия и тире. Рассмотрим примеры:

1) 'He feels weird coming to our house. Like, what happened the other day? When you ran away? It freaked him out a bit.' I scowl at Frank. I don't want to be reminded. 'He doesn't need to feel weird,' I say, wrapping my arms round my knees. 'Well, he does. He thinks he upset you.' 'Well, *tell* him. You know. About... 'I have.' 'Well then.' There's silence. Frank still doesn't look happy. [4; с. 38]

«– Потому что ему ко мне теперь ходить стрёмно. Что там на днях произошло? Когда ты убежала? Он слегка перепугался.

Я сердито смотрю на брата. Мне не нравится, когда мне об этом напоминают.

– Зря он переживает, – говорю я, подтягивая колени к груди.

– Но он все равно переживает. Думает, что чем-то тебя расстроил.

– Ну так *расскажи* ему. Сам понимаешь. Про...

– Рассказал.

– Ну так что ещё?

Он молчит. Все ещё недоволен» (здесь и далее перевод наш. – Е.В.).

В данном примере пятнадцатилетний подросток Фрэнк обсуждает с сестрой Одри неприятную ситуацию, возникшую во время визита его друга. Одри, испугавшись друга брата, убежала в свою комнату. Это возникло потому, что у девочки проблемы с психикой, которые не принято обсуждать в семье. Одри просит брата рассказать о своих проблемах другу, не упоминая диагноз. Недооценка, выраженная многоточием, демонстрирует сдержанность героини, ее нежелание прямо обсуждать причину своего поведения. Следует отметить, что сдержанность англичан в проявлении эмоций, как положительных, так и отрицательных, рассматривается как одна из существенных характеристик психологии нации, с которой связано распространение недооценки в английском языке [2, с. 35]. Перейдем к рассмотрению следующего примера:

2) He perches on the edge of the sofa and – I can't help it – I edge away. 'Is this to do with everything that . . . happened?' 'A bit.' I nod. 'So you know about that.' 'I just heard stuff. You know. Everyone was talking about it.' [4; с. 57].

«Он устраивается на краешке дивана, а я, будучи не в силах совладать с собой, начинаю отодвигаться.

– Это из-за того, что... случилось?

– Отчасти. – Я киваю. – Значит, ты в курсе?

– Ну, просто слышал. Все об этом говорили, ясное дело».

Друг брата Линус, в разговоре с Одри, не обсуждает открыто ее девиантное поведение и не договаривает причину, по которой все это произошло. Сдержанность, выраженная синтаксическим средством – многоточием, демонстрирует стратегию умолчания персонажа по этическим соображениям. Соблюдение сдержанности друга в поведении и суждениях является отражением знака уважения к девушке. Необходимо отметить, что в речевом поведении Линуса код сдержанности представляет собой отражение так называемого «кодекса джентльмена», сформировавшегося под влиянием определенных социальных факторов и достигшего своего расцвета в эпоху королевы Виктории. Данный кодекс имеет выраженный классовый характер, включает в себя целый ряд обычаев и привычек, моральных норм и правил поведения, среди которых особенно важным считается умение держать себя в руках, сохранять самообладание в различных ситуациях действительности [2; с. 35]. Рассмотрим следующий пример:

3) 'So I try to speak casually. 'I was wondering...' My voice is letting me down. It doesn't sound casual, it sounds over-alert. On the other hand, I don't think Frank is in a noticing mood. 'Is Linus coming over?' It comes out in a hurry and I sound the opposite of casual, but there you go. I've asked. Frank turns his head to give me a murderous glare. 'Why would Linus come over?' 'Well... because...' I'm confused. 'Have you had

a fight?’ ‘No, I haven’t had a fight.’ His eyes are so bleak and full of anger, I flinch. ‘I’ve been dropped from the team.’ [4, с. 94].

« – А это... – Я пытаюсь начать как можно небрежней. Но голос подводит. Он звучит так, будто я ужасно встревожена. С другой стороны, по-моему, Фрэнку сейчас до других дела нет.

– Линус придет? – выпаливаю я абсолютно не небрежно, но все же. Я спросила.

Фрэнк поворачивается ко мне и смотрит взглядом убийцы.

–Зачем ему приходиться?

–Ну... потому что... – Я смущенно смотрю на брата. – Вы что, поругались?

–Нет, мы не ругались. – В глазах его столько холода и злобы, что я съеживаюсь.

–Меня выгнали из команды.»

Одри пытается выяснить у брата, придет ли Линус к ним в гости. Ей не сразу удается задать прямой вопрос из-за смущения, которое она испытывает перед братом. Недооценка реализуется с помощью многоточия, заполнителя *well* и вставного оборота *I was wondering*. Одри не озвучивает причину, по которой она хочет видеть Линуса, а предпочитает задать брату вопрос на другую тему. Следует отметить, что смущение, смятение и растерянность считаются поведенческой нормой англичан [3, с. 58]. Остановимся на анализе речи четырнадцатилетней подружки главной героини:

4) *I’m tense like a cat. I’m wary. It’s not the way I expected it to be, but seeing Nat is bringing back all kinds of things I’d put away in my mind. ‘I’m sorry.’ Her voice comes out in a miserable gush. ‘Auds, I’m sorry, I’m so sorry –’ ‘No.’ I shake my head, not wanting to go there. ‘You don’t have to be sorry.’ ‘But I should’ve – I didn’t—’ Tears are trickling down her face. ‘I still can’t believe it happened.’ ‘It’s OK. Look, have a drink.’* [4, с. 138]

«Я напряжена, как кошка. Насторожена. Все не так, как я ждала, при виде Нат возвращаются разные воспоминания, которые я давно задвинула подальше.

– Извини, – несчастным голосом говорит она. – Оди, мне очень жаль, так жаль...

–Нет. – Я качаю головой, потому что мне не хочется это начинать. – Тебе не за что себя винить.

–Но я должна была... А я не... – У нее по лицу текут слезы. – Я все еще не могу поверить, что так вышло.

–Все нормально. Вот, попей».

Одри встречается со своей подружкой Натали после долгой разлуки. Натали просит прощения за то, что не оказала помощь Одри в нужный момент. Намеренные паузы в ее речи вызваны нежеланием продолжать разговор о случившемся. Натали раскаивается в том, что сделала, умалчивая при этом определенные факты своих поступков. Сдержанность и молчание персонажа свидетельствуют об осознанном поиске адекватного средства выражения определенного прагматического задания. Следующие примеры также являются продолжением описания подавленного состояния и сдержанного поведения Натали:

5) *Natalie’s phone rings and she grabs it impatiently. ‘Yes, Mum,’ she says shortly. ‘Everything’s fine. That’s Mum,’ she explains as she throws her phone down again. ‘She’s waiting outside in the car. I was supposed to text her every five minutes to say everything’s OK.’ ‘Why?’ ‘Because you know.’ ‘What?’ ‘You know.’ Natalie wriggles awkwardly, looking past me. ‘I don’t.’ ‘Auds. You know. Because you’re...’ ‘What?’ ‘Mentally unstable,’ says Natalie, practically in a whisper* [4, с. 140].

«У Натали звонит телефон, она возмущенно его хватает.

– Да, мам, – коротко говорит она. – Все *отлично*. Это мама, – поясняет подруга, отбросив телефон. – Она у дома, в машине. Я должна была ей послать через пять минут эсэмэс, что все нормально.

–Зачем?

– Ну... сама понимаешь.

–Что?

–Ну, ты знаешь. – Натали стыдливо поеживается, не глядя на меня.

–Не понимаю.

–Оди. Понимаешь. Потому что ты...

–Что?

–Психически неуравновешенная, – буквально шепчет подруга».

Натали после разговора с матерью признается Одри в том, что считала ее неуравновешенной. Героине сложно сделать такое признание из-за смущения, неудобства, стыда и страха. Сдержанность Натали реализуется с помощью пауз, выраженных многоточием и вставного оборота *you know*.

6) 'Look, I'm sorry!' Natalie looks unhappy. 'But we didn't know, did we?' 'Didn't my mum *tell* you what was wrong? Didn't she explain?' 'Well...' Natalie looks still more awkward. 'My mum thought she was putting a gloss on it. I mean, there have been all these rumours – 'Like what? What rumours?' Natalie is silent, and I put on my most menacing tone. 'What rumours, Nat?' 'OK!' she says hurriedly. 'Like you tried to commit suicide... like you've gone blind... like you can't speak any more... Oh! Someone said you'd gouged out your own eyes and that's why you wear dark glasses.' 'What?' I feel winded from shock. 'And you *believed* them?' 'No!' Natalie looks foolish. 'Of course I didn't believe them. But ' [4; c. 140].

«– Слушай, извини. – У нее несчастный вид. – Но мы же не могли об этом знать, а?

– Разве моя мама не сказала, что со мной? Не объяснила?

– Ну... Натали смущается ещё больше. – Моя мама считала, что она приукрашивает. Все-таки ходили слухи...

– Какие? Что за слухи? – Подруга молчит, а я стараюсь сказать пострашнее. – Нат, что за слухи?

– Ладно! – поспешно отвечает она. – Что ты пыталась покончить с собой... что ослепла... что больше не разговариваешь... а, да! Кто-то говорил, что ты себе глаза выковырнула и из-за этого ходишь в очках.

– Что? – У меня от изумления перехватывает дыхание. – И ты *поверила*?

– Нет! – Она так глупо выглядит. – Разумеется, не поверила, но...»

Одри пытается выяснить у подруги про слухи по поводу ее состояния. Смущение Натали выражено паузой и заполнителем *well*. Сначала из-за неудобства она не желает открыто говорить об этом. Но под давлением Одри рассказывает о том, что ей известно. Пытаясь оправдаться, Натали уверяет Одри в том, что она не верила слухам. Но пауза в ее речи демонстрирует обратное.

Таким образом, синтаксические средства выражения недооценки, употребляемые в речи подростков женского и мужского пола, служат для проявления сдержанности отрицательных и положительных эмоций и отражают культурные и национальные особенности британского характера. Данные средства выражения недооценки являются одной из существенных характеристик психологии подростков; отражают кодекс джентльмена, заключающегося в соблюдении обычаев, привычек, моральных норм и правил поведения, среди которых важным считается умение держать себя в руках, сохранять самообладание в различных ситуациях действительности.

Библиографический список

1. Власова Е.В. Социолингвистический аспект изучения недооценки и переоценки в речи современного англичанина (на материале художественных произведений начала XXI века): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 153 с.
2. Ивушкина Т.А., Власова Е.В. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект: монография. Волгоград: Перемена, 2005. 149 с.
3. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения [пер. с англ. И.П. Новоселецкой]. М.: РИПОЛ классик, 2013. 512 с.
4. Kinsella S. *Finding Audrey*. A Penguin Random House Company / UK, London, 2015. 212 p.

References

1. Vlasova E.V. Sociolinguistic aspect of studying understatement and overstatement in the speech of a modern Englishman (based on the material of artistic works of the beginning of the XXI century): thesis... PhD in philology. Volgograd, 2005. 153 p.
2. Ivushkina T.A., Vlasova E.V. Understatement and overstatement in the speech of the modern Englishman: sociolinguistic aspect: monograph. Volgograd, 2005. 149 p.
3. Fox K. *Watching the English*. Hidden rules of behavior. Moscow, 2013. 512 p.
4. Kinsella S. *Finding Audrey*. A Penguin Random House Company / UK, London, 2015. 212 p.

УДК 316.7:802/809

*Воронежский государственный
технический университет
Доктор филол. наук, профессор
кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, Воронеж, 89107498716*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian Language
and cross-cultural communication
PhD, professor
Kovalyova L.V.
Russia, Voronezh, 89107498716*

Л.В. Ковалева

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена языковым картинам мира. Даются определения картин мира, раскрываются истоки их возникновения. Утверждается, что картины мира – явление универсальное. Но на них накладываются языковые картины, которые являются национальными, зависящими от культуры, языка, истории и традиций народа. Этим явлением занимается наука лингвокультурология. Особенно наглядно национальное выражают фразеосочетания. На примерах автор показывает, как каждый национальный язык по-своему употребляет устойчивые фразеосочетания, несмотря на одинаковые образы, созданные в результате взаимодействия человека с окружающей средой.

В статье делается вывод о том, что проблемы универсологии, как и проблемы лингвокультурологии сложны. Существует большое количество подходов к изучению явлений, главным направлением среди которых – это объединение разных дисциплин, занимающихся данным исследованием.

Ключевые слова: картина мира, лингвокультурология, чувственный опыт, лексические универсалии.

L.V. Kovaleva

UNIVERSAL AND NATIONAL IN EUROPEAN LANGUAGE SPACE

The article is devoted to linguistic pictures of the world. The definitions of the pictures of the world are given, the sources of their origin are revealed. It is argued that pictures of the world are a universal phenomenon. But linguistic pictures are superimposed on them, which are national, depending on the culture, language, history and traditions of the people. This phenomenon is dealt with by the science of cultural linguistics. Especially clearly the national is expressed by phrase combinations. Using examples, the author shows how each national language uses stable phraseological combinations in its own way, despite the same images created as a result of human interaction with the environment.

The article concludes that the problems of universology, as well as the problems of cultural linguistics, are complex. There are a large number of approaches to the study of phenomena, the main direction of which is the unification of different disciplines involved in this study.

Key words: picture of the world, cultural linguistics, sensory experience, lexical universals.

Язык является как средством общения, так и средством, при помощи которого происходит мышление и познание окружающей действительности.

Восприятие мира формируется на основе чувственного опыта, и представления о нем хранятся в памяти в качестве образа, созданного при взаимодействии с окружающей действительностью. Образы формируются в мозгу человека, ученые доказали, что мозг воспринимает образы одинаково, несмотря на различия между языками.

Картины мира у разных народов одинаковы, ибо человеческое мышление едино. Образ надо понимать как совокупность разносторонних знаний, объединяющихся в конкретное описание какого-либо предмета или явления, в результате чего создается картина мира. В словаре Ожегова дает-

ся следующее определение картины мира – идеальная форма отображения предметов и явлений окружающего мира в сознании человека [1] А.Зализняк дает такое определение картины мира «Картина мира – упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также в групповом, индивидуальном) сознании и обязательная для всех носителей языка». [2]. Образы формируются в мозгу человека благодаря универсально-предметному коду (УПК), который определил Н.И.Жинкин [3], считающий, что УПК – это целый комплекс сенсорно-рецептивных и логико-понятийных образов. Это явление является универсальным. А.Вежицкая отмечает, что существуют некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира. Языковые и культурные системы отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура. Она считает, что задача ученых, выявить общий набор понятий, лежащих в основе психологического единства человечества.[4].

На картины мира, построенных на универсальных перцептивных признаках, накладывается языковая картина мира, имеющая национальную специфику, основой которой является культура, история, традиции народа.

Приведем несколько примеров. Известно, что Германия и Россия в силу близких климатических условий и географического положения имеют очень схожие растения, сельскохозяйственные культуры и одинаковых домашних и диких животных. По этой причине они могут содержать общую образную основу, но разные языковые презентации.

Особенно выразительны в этом плане фразеологизмы. Надо отметить, что явление фразеологизации также универсально.

Рассмотрим лексемы окно в русском, английском и немецком языках

В русском языке лексема окно означает отверстие в стене для света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие”, такое же значение имеют лексемы «Fenster» в немецком языке и английском «window». Однако ассоциации, связанные с данной лексемой в названных языках разные. В русском языке есть фразеосочетание “Только и света в окне (окошке) у кого-либо” - иметь единственное утешение в ком-либо или в чем-либо. Образ окна - это не только отверстие для света, но и связь с внешним миром. Данный фразеологизм связан с русской традицией: сидеть у окна в сельской местности, иногда значительно отдаленной от города, особенно в зимнее время, когда всё занесено снегом, русские крестьяне любили смотреть на дорогу, не пройдет ли кто знакомый мимо его дома.

В немецком языке фразеологизмы с лексемой “das Fenster” (окно) образованы также на основе образа окна. Например, через застекленное окно можно увидеть, что делается за пределами дома.

“Er sieht die Welt durchs Fenster” (букв. он видит мир только через окно) - у него нет знания жизни. (Через небольшой квадрат окна не постигнешь широту и разнообразие мира);

Лексико-семантический признак окна – стекло, которое можно разбить, образует фразеосочетание “Das schmeisst ihm keine Fenster ein” (букв. это не разобьет ему окна) - это ему несколько не повредит (оконное стекло легко разбивается);

Окно можно открыть и через него произвести какое-либо действие. Например, что-либо выбросить, через открытое окно можно с кем-либо разговаривать, сказать кому-либо что-то или быть увиденным кем-то. Эти ассоциации послужили появлению следующих фразеологизмов:

“Das Geld zum Fenster hinauswerfen” (букв. выбрасывать деньги в окно) - бросать деньги на ветер;

“Zum Fenster hinaus reden” (букв. говорить через окно) - говорить впустую, тратить слова впустую.

“Sich zu weit aus dem Fenster lehnen” (букв. слишком далеко высовываться из окна) - подвергать себя опасности;

“Weg vom Fenster sein” (букв. быть далеко от окна) - быть забытым, потерять авторитет. Если человек постоянно находится у окна, то люди могут его часто видеть. Если же человек не подходит к окну, находясь внутри дома, то люди не только не видят его, но и совсем не знают, кто живет в этом доме.

Фразеосочетания в английском языке с лексемой окно имеют свои особенности. Так через окно можно заглянуть в дом и что-то увидеть, что и послужило возникновению фразеосочетания «have all ones goods in the window» (букв. иметь все товары в окне) – выставлять все напоказ.

Фразеосочетание «open a window» (букв. открывать окно) – открывать путь, давать возможность для чего-либо.

Таким образом, лексема «окно» (Д1) в разных языках имеет одинаковое значение, но вызывает разные образные ассоциации, хотя фразеосочетания в анализируемых языках связаны в основном со свойством через окно видеть внешний мир.

Рассмотрим фразеосочетание с лексемой “дождь” в русском языке. Лексема «дождь» означает «атмосферные осадки в виде водяных капель, струй», такое же значение имеет лексема «дождь» в английском и немецком языках. На основе данной лексемы в анализируемых языках возникают фразеосочетания. В русском языке устойчивое словосочетание “После дождичка в четверг” - означает «неизвестно когда или вообще никогда», связано с языческими традициями: бог грома и молнии Перун после вознесения ему моления о дожде во время засухи исполняет их в четверг. Однако молитвы не всегда исполнялись, поэтому стали говорить: исполнится после дождичка в четверг, то есть никогда [5].

Фразеосочетание “Золотой дождь” – означает богатство, большие денежные суммы (обычно добытые без особого труда). Фразеосочетание отражает древнегреческий миф о Зевсе, плененном красотой Данаи. Он проник к Данае в виде золотого дождя и оплодотворил ее [6].

Рассмотрим ФС с лексемой “der Regen” (дождь) в немецком языке.

Фразеосочетания в немецком языке с лексемой “der Regen” выражают представления людей о дожде как об атмосферных осадках, падающих в виде водяного потока, который может принести людям неприятности, если они попадают под него, однако если это летний теплый дождь, то он способствует росту травы и сбору хорошего урожая.

“Vor dem Regen unters Dach kommen “ (букв. до начала дождя спрятаться под крышу) - избежать опасности в последнюю минуту.

“Aus dem Regen in die Traufe kommen” (букв. попасть из дождя в водосточный желоб) - попасть из огня да в полымя, то есть избежав одной неприятности, можно попасть в другую. Основой фразеосочетания явилась обычная ситуация: люди, которых дождь захватил врасплох, стремятся спрятаться от дождя под крышу какого-либо дома, но, не заметив водосточного желоба, из которого потоком лилась дождевая вода, можно сильно промокнуть.

“Jemandem im Regen stehen lassen” (букв. оставить кого-либо стоять под дождем) - бросить кого-либо в тяжелую минуту; не протянуть руку помощи.

“Ein warmer Regen” (букв. теплый дождь) – неожиданная удача, большая неожиданная выручка денег. Летом после плохой погоды или засухи пройдет неожиданно теплый летний дождь, который принесет радость крестьянам, ждущим хороший урожай.

В английском языке также есть ряд фразеосочетаний с лексемой дождь «rain». Рассмотрим их.

“Come in when it rains” (букв. входите (в укрытие), если идет дождь) – избежать неприятностей.

«it never rains but it pours» - (букв. если не дождь, то разлив) – беда не приходит одна.

«it rains cats and dogs» - (букв. течет кошками и собаками) – идет проливной дождь.

Как видно из примеров, каждый язык отражает культуру народа, на основании которой он создает национальную картину мира.

Рассмотрим теперь названия цветов в разных языках. Интересно, что многие народы имеют большое количество легенд, связанных с названиями цветов.

В русском языке есть цветы, называемые «анютины глазки». Данное название связано с легендами и традициями русского народа.

Одна из легенд повествует историю о девочке Анюте. В одной деревне жила девушка Анюта. Однажды в деревню, где жила Анюта, приехал молодой человек, и молодые люди полюбили друг друга. Молодой человек, уезжая, обещал вернуться за Анютой и забрать ее. Долго ждала его Анюта и от тоски умерла. На месте ее погребения выросли цветы, лепестки которых были трех цветов: белый цвет — надежда, желтый — удивление, фиолетовый — печаль.

В немецком языке этот цветок называется Stiefmutterchen. Stief - первая часть слова означает элемент родства (неродной, сводный, недобрый), вторая часть – mütterchen означает мамочка. Таким образом, в немецком языке название цветка означает мачеха, но звучит более мягко, чем в русском «мачеха», благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу –chen. В немецком языке также существует легенда, способствовавшая названию цветка. Она звучит так: нижний лепесток цветка красиво окрашенный и крупный — это раздетая мачеха, два лепестка повыше, тоже очень нарядные — это родные дочери, а два верхних лепесточка бело-лиловые, бедно окрашенные — это нелюбимые девочки-падчерицы. В немецком языке существует фразеосочетание, подчеркивающее отношение мачехи к себе: seinem Leibe keine Stiefmutter sein (букв. не быть мачехой своему телу) – не отказывать себе ни в чем, любить себя.

В Белоруссии, Польше, Украине анютины глазки называются «братки». Их дарят в знак очень большого расположения к человеку. В этих странах также названию этого цветка предшествовала легенда о брате и сестре: однажды девушку взяли в плен турецкие солдаты. Среди них один молодой солдат полюбил эту девушку и предложил ей сбежать на родину. По дороге он рассказал ей свою историю, что в далеком детстве жил в той же местности, что и девушка. Описал ей дом, кузницу и сад, в котором росли груши. Девушка поняла, что этот молодой солдат ее старший брат. Так они не могли пожениться из-за близкого родства, они стали называть себя братками. Позднее они от печали превратились в прекрасные цветы, которые стали называть братками.

В Англии этот цветок называют «Hearts ease» — сердечное успокоение, сердечная радость, т.к. достаточно без слов прислать этот цветок и чувства и намерения становятся явными, принося успокоение и радость.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что проблемы, с точки зрения универсологии, как и в области лингвокультурологии сложны. В современной науке существует множество подходов к изучению сущности языка, мышления, культуры, огромное разнообразие точек зрения на то, как связаны эти явления, как осуществляется их взаимодействие. Дальнейшие исследования в области лингвокультурологии, этнолингвистики, философии культуры и языка и других наук необходимы для исследования путей познания механизмов формирования и отражения культурно-специфичных явлений в сознании и языке.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка./ С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1990. 917с.
- 2.Зализняк А. Ключевые идеи русской языковой картины мира/ А.Зализняк//Отечественные записки - №3. 2002.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации/ Н.И.Жинкин. М., 1989. 159 с.
- 4.Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А.Вежбицкая. – М., 1996. С. 321-322.
5. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник/ А.К.Бирих, В.М.Мокиенко, Л.И.Степанова. Словарь русской фразеологии. Санкт-Петербург., 2001. С.162.
6. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка/А.И. Молотков. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1978. С.142.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь./А.В.Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967.
8. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь/ Л.Э. Бинович. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.
9. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich/ 2008.955S.

References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. / S.I. Ozhegov. Dictionary of the Russian language. M., 1990. 917 p.
2. Zaliznyak A. Key ideas of the Russian language picture of the world / A.Zaliznyak // Notes of the Fatherland - №3. 2002.
3. Zhinkin N.I. Speech as a conductor of information / N. I. Zhinkin. M., 1989. 159 p.
4. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition / A. Vezhbitskaya. - M., 1996. Pp. 321-322.
5. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference / AK Birikh, VM Mokienko, LI Stepanova. Dictionary of Russian phraseology. St. Petersburg., 2001. P. 162.
6. Molotkov A. I. Phraseological dictionary of the Russian language / A. I. Molotkov. Phraseological dictionary of the Russian language. - M., 1978. P. 142.
7. Kunin A.V. English-Russian phraseological dictionary. / A.V. Kunin. English-Russian phraseological dictionary. M., 1967.
8. Binovich L.E. German-Russian phraseological dictionary / L.E. Binovich. German-Russian phraseological dictionary. M., 1975.
9. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich / 2008.955 P.

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. н., доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Муниципальное бюджетное общеобразова-
тельное учреждение «Центр образования №
15 «Луч» г. Белгорода
учитель русского языка и литературы
Бочарникова Л.М.
Россия, Белгород, 89056719579
e-mail: 19056719579@yandex.ru*

*Municipal budgetary educational institution "Edu-
cation Center No. 15" Luch "of Belgorod
teacher of Russian language and literature
Bocharnikova L.M.
Russia, Belgorod, 89056719579
e-mail: 19056719579@yandex.ru*

Л.В. Недоступова, Л.М. Бочарникова

СВОЕОБРАЗИЕ МУЖСКИХ УЛИЧНЫХ ИМЁН: ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В работе внимание акцентируется на специфике речи коренных жителей посёлка Высокого Таловского района Воронежской области. Цель статьи включает в себя: 1) обнаружение антропонимических единиц, имеющих лиц мужского пола, семантика которых отражает в местном диалекте нестандартное поведение, образ жизни, манеру одеваться, привычки и т.д.; 2) установление значения, определение имён-метафор, указание частеречной принадлежности, экспрессивной оценки и продуктивных суффиксов, участвующих в их образовании. Объектом исследования явились деревенские прозвища. Предметом исследования выступает народный говор. В процессе анализа рассмотрено 32 некалендарных имени, представляющих 2 группы. Выявлено, что большинство прозвищ выражаются существительными, немногочисленна группа прозвищ-прилагательных. Продемонстрировано, что функционирующие имена-метафоры ассоциируются с временем года, явлением природы, местом для катания, отверстием в теле человека, обувью, одеждой, брусом оконной или дверной рамы, местом на русской печи, духовым инструментом и др. Названы суффиксы, участвующие в образовании антропонимов: -ин-, -ов-, -ик-, -ок-, -очек-, -ан-, -еньк- и др. Отмечено, что в основу номинаций положены конкретно репрезентированные черты и особенности их носителей, хорошо известные людям, проживающим на данной территории. Своеобразие неофициальных именовании мужчин заключается в функционировании оригинальных прозвищ, отражающих самобытное представление народа на окружающих и культуру социума.

Ключевые слова: речь, неофициальное имя, антропонимическая единица, прозвище, нестандартное поведение, образ жизни, одежда, привычки, неполноценности, имена-метафоры, ассоциативные связи, основа номинации.

L.V. Nedostupova, L.M. Bocharnikova

SELF-IMAGE OF MEN'S STREET NAMES: DIALECTOLOGICAL ASPECT

The work focuses on the speech of the indigenous inhabitants of the village of Vysoky Talovsky district of the Voronezh region. The purpose of the article includes the detection of anthroponymic units naming males according to non-standard behavior, lifestyle, clothing, habits and inferiority in the local dialect, establishing meaning, defining metaphor names, indicating part of speech, expressive assessment and productive suffixes involved in them. education. The object of the research was village nicknames. The subject of the research is the folk dialect. During the analysis, 32 non-calendar names were considered, representing 2 groups. It was revealed that most of the nicknames are expressed by nouns, less - by adjectives. It has been demonstrated that functioning metaphoric names are associated with the season,

a natural phenomenon, a place for skating, a hole in the human body, shoes, clothes, a window or door frame, a place on a Russian stove, a wind instrument, etc. The suffixes involved in education anthroponyms: -in-, -ov-, -ik-, -ok-, -ochek-, -an-, -enk-, etc. It is noted that the nominations are based on specifically represented features and features of their carriers, well known to people living in this area. The peculiarity of the unofficial names of men lies in the functioning of the original nicknames, reflecting the original representation of the people on others and the culture of society.

Key words: speech, unofficial name, anthroponymic unit, nickname, non-standard behavior, lifestyle, clothes, habits, inferiorities, metaphorical names, associative connections, the basis of the nomination.

Имя является некой визитной карточкой человека. В связи с этим, укажем, что бытование неофициальных именованных на определённых территориях приобретает интерес среди исследователей. «Имя многолико, у него много тайн, но поскольку имя – языковой знак, оно в первую очередь привлекает лингвистов» [5; с. 86]. Незнание в ряде говоров данного аспекта позволяет нам обратиться к материалам, полученным в ходе непосредственного общения с сельскими жителями старшей возрастной группы.

Интересные сведения зафиксированы в говоре (в статье *говор* используется как синоним слову *диалект*) небольшого посёлка Воронежской области. Из истории узнаём, что «Высокий был основан в 1922 году в шести километрах южнее Таловой... Его образование связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века» [1; с.1, 4]. Сейчас в деревне функционирует общеобразовательная школа, детский сад, библиотека, 3 магазина, почтовое отделение, медицинский пункт, клуб и др. Интернет доступен всем желающим. Люди трудятся в расположенном здесь ОПХ «Докучаевское», которое является структурным подразделением известного в Центральном Черноземье Научно-исследовательского института сельского хозяйства имени В.В. Докучаева, а также в разных организациях районного центра.

Проводя очередное исследование по тематической группе «Человек» в контексте антропоцентрической парадигмы, в настоящем изыскании мы уделяем внимание неофициальным именам представителей мужского пола. Для их называния в роли синонимов употребляем термины: прозвища, некалендарные именованные, антропонимы.

Известно, что «антропоним – любое собственное имя (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним), которое может иметь человек» [3]. Любопытно толкование понятия, данное В.И. Далем: «прозвищное имя – личное некалендарное имя, возникавшее из прозвища и выполняющее функцию официального личного имени» [4]. А.П. Евгеньева уточняет: «прозвище – название, данное человеку в шутку, в насмешку и т. п. (обычно содержащее в себе указание на какую-л. заметную черту его характера, наружности, деятельности и т. п.)» [7].

Цель настоящей работы состоит в обнаружении антропонимических единиц, именуемых лиц мужского пола по нестандартному поведению, образу жизни, одежде, привычкам и неполноценности в высококовском говоре, установлении значения, определении имён-метафор, указании частеречной принадлежности, экспрессивной оценки и продуктивных суффиксов, участвующих в их образовании.

Исследование осуществлялось методом лингвистического описания, включающим: интервьюирование, опрос, сравнение. Оно предоставило возможность увидеть в говоре ряд неофициальных имён.

Значимо то, что неповторимость каждой личности с набором присущих только ему черт и характеристик является объектом закрепления в местном говоре.

Проведём анализ некалендарных именованных, проиллюстрировав значение примерами народной речи.

1. Прозвища по нестандартному поведению, образу жизни, одежде, привычкам:

Богома́з – ‘прозвище по особенности выражаться неприличной бранью’: *Да ётат мужучо́к любил руга́тца ма́тикам в Бо́га. Крыл на чём свет стаи́ть. Вот и стал Богома́зам.* **Ве́тров** – ‘прозвище любителя блудить по деревне’: *То́лик тады́ тут у нас был, он визде́ хадил-блудил, хучь паго́да, хучь нипаго́да, яму́ вси равно́. Ве́тров – так яго́ дражни́ли.* **Гуша́к** – ‘прозвище любителя носить кушак’: *О́ся фсяды́ насил руба́ху навый́пуск, фсяды́ ие́ падпая́свал куша́ком. Как и́дя, ба́бы сидя́ на зава́ленти и гваря́: «Вон Гуша́к пашёл». Так и пра́дражни́ли.* **Дедо́к** – ‘прозвище по старческому образу человека’: *То́лик у Ми́лти с де́цтва как старичо́к, сагне́тца в три паги́бели. Яму́ ня ска́жешь, че́ он такой маладо́й. Да и так фсяды́*

дóма сидёл, никуда́ ня шля́лси. Ягó ряб́яты как пракли́кали Дедóк, так он и сыча́с Дедóк. Духа́нкин – ‘прозвище любителя всё вокруг нюхать’: Витя́ у Рóзи тако́й чистаплóтнай, тако́й привирéдливай. Фсё вакру́х ню́хая, ня дай́ Бох где чё ваня́я иль не све́жай дух идé. За э́таю дéлу заву́ть Духа́нкин.

Жигáн – ‘прозвище любителя модной и яркой одежды’: *Тады́ в мо́ди кле́иши бы́ли, ку́ртти ко́жныи да сапаги́ с у́ским дли́нным но́сом. Ле́ник наряжа́лси весь на мо́ди и пляса́л в кругу́ в клу́би. Ну ту́та ягó ста́ли кли́кать Жигáн.*

Жёгов, Жёгин – ‘прозвище любителя весёлых вечеринок’: *Тады́ То́лик у Ли́йти на фсех гуля́нках отрыва́лси, за́жигáл, падапéть, из кру́га ни вы́хадил. Пот гра́дом тикé, а он пляша́. Прадражн́или Жёгов, Жёгин.*

Загнёткин – ‘прозвище любителя спать у русской печи’: *Илю́ха был любите́ль спать ака́ла загнётки, идé зимóй топилась печь. Ну а ряб́яты до́лга ня ду́мали, ста́ли звать Загнётки́н, потешáлись фсё над ним.*

Зима́ – ‘прозвище любителя ходить без головного убора зимой’: *Дани́л тады́ был па́ринь мо́днай. Он када́ халаднó, никада́ ша́пку ни адява́л. Во́рат у шу́би атвирне́ть и и́дя. Прадражн́или Зима́.*

Кана́лья – ‘прозвище презренного человека, подхалима’: *Ми́шку Ма́ньти Ши́шля́нниковой тады́ прадражн́или Кана́лья. Он фсё дéлал на зло. Ягó нидалю́бливали за такя́я по́длыи дяли́шки.*

Каты́ль, Катóчек – ‘прозвище любителя спиртных напитков’: *Вале́рка любил выпивáть. Давивáлси да ви́згу. Бувáла и́дя, упадé и ляжи́ть. А он ма́линтий, как камо́к. Када́ и на лисапéди е́дя, свóлитца и валя́итца. Дражн́или ягó Каты́ль, Катóчек, он как ка́титца, итíть ня мо́жа.*

Кося́к – ‘прозвище любителя праздной жизни, лентяя’: *Э́тот дура́чилси, прахлажда́лси, любил отлы́нввать от рабо́ты, вот и прадражн́или ягó Косяко́м.*

Красноштáнов, Красноштáнный – ‘прозвище по яркой одежде’: *Тады́ Ми́шка Матвеев купи́л штаны́ красны́и, да на слабаде́ в них щегаля́л. Мо́дный врóди. Ну тут каму́ нрв́илася, каму́ ня нрв́илася, прадражн́или Красноштáнный, Красноштáнов.*

Ку́тик – ‘прозвище любителя разгульной жизни и спиртных напитков’: *Ку́тик дю́жа любил насла́нтяца на слабе́, любил вы́пифку: самаго́нчик, во́тку. Ка́жнай день загля́двал ф стака́н. Худóй да сла́бинтий, а паку́тíть любил. Так и прили́пла к няму́ «Ку́тик».*

Лы́марь – ‘прозвище бездельника, ведущего разгульный образ жизни’: *Барис́ рáни на слабаде́ сла́нялси, дéлать ничé ня дéлал. Средь бéла дня напéтьца и гуля́я. Дел дóма нивправарóт, а яму́ нипачéм.*

Мона́х – ‘прозвище любителя одиночества’: *Во́вка в мо́ладасти ни с кем ни яки́лси, как отише́льник был. Ряб́яты с дяфча́тами в клуб и наза́д, а он вязде́ адíн. Дичи́лси люде́й. Вот яму́ и да́ли кли́чтю «Мона́х».*

Ра́дик, Родио́н – ‘прозвище оптимиста по жизни’: *Ми́шка у Кучу́рки фсяды́ даво́льной, фсяды́ улыба́итца. Чё ни случи́сь, он никада́ ни уныва́я. Прадражн́или Ра́диком. А тады́ на убо́рки он на канба́йне рабо́тал, там ряб́яты иши́о и кли́кали ягó Родио́н.*

Ротáн – ‘прозвище любителя громко говорить, кричать’: *Во́вка Ротáн арéт, бувáлача, на фсю слабаду́. Чё ж он тако́й громагласны́й. Го́рла лужёная́ у нягó, паэ́тому Ротáн.*

Сапо́г – ‘прозвище любителя ходить в сапогах’: *Бо́рик пачаму́й-та фсяды́ в рязи́нвах сапага́х хадил. Мож када́ он на хвёрни рабо́тал, привы́к. Ну как ни глянйишь, и жа́рка, и халаднó, он вси равнó абуты́й в сапаги́ хóдя на паря́дку. Кли́чуть Сапого́м.*

Си́нтин – ‘прозвище любителя ходить в одежде синего цвета’: *Ле́ник в э́нти го́ды, ка́да и маладо́й был, наряжа́лси то́ка в си́нюю адежóнку. И чагó он ише́ так любил? Глядь, ряб́яты нача́ли дражн́ить Си́нтин. Так и паня́ня.*

Табоню́ха – ‘прозвище любителя нюхать табак’: *Мы́ рáни таба́к сажáли, патóм ягó убирáли, суши́ли, талкли́. Лист талкли́, и ко́рень то́жса. Хто кури́л, а хто ню́хал табачо́к. Вон дéда Прóшку Табоню́хой кли́кали.*

Ча́кан, Ча́канов – ‘прозвище любителя чокаться стаканами’: *Борис́ с мо́ладу пить́ взя́лси. Как ни глянйишь, уж пья́най. Ну стака́н ня вы́пья адíн. Дю́жа любил с кем-нибу́дь чо́каться да то́сты гварит́ь. Прадражн́или Ча́кан, Ча́канов.*

2. Прозвища по неполноценности:

Асе́й – ‘прозвище инвалида по слуху’: *Ми́шка ничагó ни слы́хал. Бувáла яму́ па ско́льтя разо́ф павтаря́ють. А он: «А? А? А?» Глухо́й как стянá. Прадражн́или Асе́й.*

Косóй – ‘прозвище инвалида по зрению’: *Ва́ньтя хадил тихóньтя, он вить адни́м гла́зам ничагó ня ви́дил, прижму́рялси. Касы́м ягó дражн́или.*

Косорукий – ‘прозвище инвалида с одной рукой’: *Дубровин рани у нас в савхози на запчастям был. Сам он дюжа ничё ня мох дэлать с аднэй рукой, ну а дабыть мох. У няго культя была, так и звали Косорукой.*

Хромой – ‘прозвище инвалида опорно-двигательного аппарата’: *У Бариса Черныха тады части наги ни было, у няго и машина инвалидская была. Дразнили Хромой.*

Хроменький – ‘прозвище одноногого человека’: *Оська Бочарников был с аднэй ногой, яго звали Хроменький. У няго культя была. А вит фсю жизнь у власти стаял.*

Итак, в местном диалекте нами обнаружено 32 уличных имени, называющих мужчин в Высоком. Продемонстрированные прозвища условно представлены двумя группами: 1) по нестандартному поведению, образу жизни, одежде, привычкам; 2) по неполноценности. Следует отметить, что первая из них является продуктивной (выявлено 27 антропонимических единиц), вторая – малочисленной (5 антропонимических единиц). Это свидетельствует о том, что в говоре объектом фиксации в большинстве своём становятся люди, выделяющиеся из общей массы необычными индивидуальными чертами.

В первой группе неофициальные именованья по нестандартному поведению репрезентируются лексемами: *Богомаз, Ветров, Духанкин, Зимá, Катýль, Катóчек, Кúтик, Сапóг* (7 лексем); по образу жизни: *Дедóк, Косяк, Лымарь, Монáх, Рáдик, Родиóн* (6 единиц), по одежде: *Гушáк, Жигáн, Красноштáнов, Красноштáный, Сíнтин* (5 единиц); по привычкам: *Жёгов, Жёгин, Загнёткин, Канáлья, Ротáн, Табонюха, Чáкан, Чáканов* (8 единиц).

Во второй группе представлены прозвища инвалидов по слуху (*Асéй*), по зрению (*Косóй*), по опорно-двигательному аппарату (*Хромóй*), по отсутствию парного органа (*Косорукий, Хроменький*).

С точки зрения частеречной принадлежности, очевидно, что большинство из рассмотренных некалендарных имён выражаются существительными: *Богомаз, Гушáк, Дедóк, Жигáн, Зимá, Канáлья, Катýль, Катóчек, Косяк, Кúтик, Лымарь, Монáх, Рáдик, Родиóн, Ротáн, Сапóг, Табонюха, Чáкан, Асéй* (19 единиц), менее – прилагательными, в том числе притяжательными: *Ветров, Духанкин, Жёгов, Жёгин, Загнёткин, Красноштáнов, Красноштáный, Сíнтин, Чáканов, Косóй, Косорукий, Хромóй, Хроменький* (13 единиц).

Среди уличных антропонимов обнаружены имена-метафоры: *Загнёткин, Зимá, Ветров, Катóчек, Красноштáнов, Монáх, Ротáн, Сапóг, Чáкан* и др. Причём, на наш взгляд, они ассоциируются с совершенно разными реалиями и предметами. Конкретизируем: с временем года (*Зимá*), с явлением природы (*Ветров*), с местом для катания в уменьшительно-ласкательном значении (*Катóчек*), с отшельником (*Монáх*), с отверстием в теле человека, через которое принимается пища – ртом (*Ротáн*), с обувью (*Сапóг*), с одеждой (*Красноштáнов, Красноштáный*), с брусом оконной или дверной рамы (*Косяк*), с местом, куда сгребаются горячие угли на русской печи (*Загнёткин*), с духовым инструментом из дерева в форме палки (*Чáкан*) и др.

Установлено, что в ряду рассматриваемых деревенских прозвищ бытуют и сложные лексические единицы: *Богомаз, Красноштáнов, Красноштáный, Косорукий, Табонюха* (5 имён). Кажется, что в основу таких номинаций носители говора попытались вложить более чем в другие конкретные черты и смыслы для обозначения естественно существующих реалий.

Не удивительно, представленные уличные именованья имеют разную экспрессивную оценку. Положительное впечатление оставляют номинации с заключёнными в них смыслами: *Жигáн, Жёгов, Жёгин, Рáдик, Родиóн* (5 единиц). Пренебрежительный оттенок в значении, как кажется, репрезентируется в лексемах: *Асéй, Дедóк, Богомаз, Ветров, Канáлья, Катýль, Косяк, Кúтик, Лымарь, Ротáн, Сапóг* (11 единиц).

Обнаружено что продуктивными при образовании антропонимических единиц являются суффиксы: *-ин-* (*Духанкин, Жёгин, Загнёткин, Сíнтин*), *-ов-* (*Ветров, Жёгов, Красноштáнов, Чáканов*), *-ик-* (*Кутик, Рáдик*), *-ок-* (*Дедóк*), *-очек-* (*Катóчек*), *-ан-* (*Ротáн*), *-еньк-* (*Хроменький*) и др., отражающие субъективное отношение к объекту речи.

Считаем, что в основу номинаций, безусловно, положены конкретно представленные черты и особенности их носителей, известные представителям, проживающим на данной территории.

Интересна точка зрения М.Я. Морошкина по изучаемому аспекту: «Разложение и разделение собственных личных имен по корням их, прямо и наглядно обнаружит их происхождение от про-

звищ, имеющих нарицательное значение. Это качество или нарицательное свойство личных имен принадлежит всем народам, как древним, так и новейшим» [6].

Здесь уместно привести и мнение М.М. Бахтина, который указывает: «В противоположность имени прозвище тяготеет к бранному, к проклинаящему полюсу языковой жизни. Но подлинное прозвище (как и подлинное ругательство) амбивалентно, биполярно. Но преобладает в нём развенчивающий момент. Если именем зовут и призывают, то прозвищем скорее прогоняют, пускают его вслед, как ругательство. Оно возникает на границах памяти и забвения. Оно делает собственное нарицательным и нарицательное собственным. Оно по-особому связано со временем: оно фиксирует в нём момент смены и обновления, оно не увековечивает, а переплавляет; это – «формула перехода»» [2; с. 147]. Таким образом, народный язык выступает и инструментом, и источником информации, изучая который мы прикасаемся к жизни человека сельской местности. Антропонимические единицы говора демонстрируют своеобразие неофициальных именованных высоковских мужчин. Оно заключается в функционировании оригинальных прозвищ, отражающих самобытное представление людей на окружающих и культуру небольшого социума. Считаем, что образ жителя русской деревни достаточно разнопланов, и в нём ещё много тайн, которые в течение длительного времени предстоит разгадывать исследователям-лингвистам.

Библиографический список

1. Гриднева Л.М. Высокий: время, события, люди. 1922-2007. Таловая: Таловская районная редакция, 2007. С.1-4.
2. Бахтин М.М. Дополнение и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. 1992. № 1.
3. Большой современный толковый словарь русского языка. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/4263.html> (дата обращения 10.03.2021).
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М.: «Терра», 1995. С. 318.
5. Матвеев А.К. Апология имени // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2001. № 21. С. 86-92.
6. Морошкин М.Я. Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. Санкт-Петербург, 1867, 327 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс] URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения 10.03.2021).

References

1. Gridneva L.M. High: time, events, people. 1922-2007. Talovaya: Talovskaya district edition, 2007. С.1-4.
2. Bakhtin M.M. Addition and changes to "Rabelais" // Questions of philosophy. 1992. No. 1.
3. A large modern explanatory dictionary of the Russian language. 2012 [Internet source]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/4263.html> (date of application: 10.03.2021).
4. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. T.3. M.: "Terra", 1995. P. 318.
5. Matveev A.K. Apology named after // News of the Ural State University. Ekaterinburg, 2001. No. 21. S. 86-92.
6. Moroshkin M.Ya. Slavic namelist or collection of Slavic personal names in alphabetical order. St. Petersburg, 1867, 327 p.
7. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of linguistic. research; Ed. A.P. Evgenieva. 4th ed., Erased. M.: Rus. lang.; Polygraphs, 1999. [Internet source]. URL: Fundamental electronic library (date of application: 10.03.2021).

УДК 82-31

*Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины*

доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания

Рогалев А. Ф.

Беларусь, г. Гомель, тел. +375 25 707-61-54;

e-mail: gomelanin@gmail.com

Gomel state University name of Francis Skarina

doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, General and Slavic linguistics

Rogalev A. F.

Belarus, Gomel, +375 25 707-61-54

e-mail: gomelanin@gmail.com

А.Ф. Рогалев

ТИПОВЫЕ СХЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ФАМИЛИЙ (НА БЕЛОРУССКОМ МАТЕРИАЛЕ)

На основе изучения исторического фамильного фонда Гомеля и окрестных населённых пунктов по источникам XVII–XX веков определяются словообразовательные типы восточнославянских фамилий и формулируются типовые фамильные схемы, применимые и при изучении исторической антропонимии сопредельных восточнославянских регионов.

Ключевые слова: антропонимия, фамилии, словообразование, типовые схемы, мирское имя, христианское имя, отчество, географическое название, этноним.

A.F. Rogalev

TYPICAL SCHEMES OF FORMATION OF EAST SLAVIC SURNAMES (BASED ON THE BELARUSIAN MATERIAL)

On the basis of the study of the historical family fund of Gomel and the surrounding settlements, the word-forming types of East Slavic surnames are determined from the sources of the XVII–XX centuries and the typical family schemes are formulated, which are also applicable in the study of the historical anthroponymy of the adjacent East Slavic regions.

Keywords: anthroponymy, surnames, word formation, standard schemes, worldly name, Christian name, patronymic, geographical name, ethnonym.

Первые фамильные прозвания у жителей Гомеля и окрестных гомельских сёл появлялись в XVI веке, а собственно фамилии как личные идентификационные знаки датируются XVII веком.

В распоряжении имеется лично составленная по имеющимся историческим источникам картотека фамилий жителей Гомеля XVII–XX веков с объяснением истоков каждой фамилии. Предлагаемые далее типовые схемы фамилий являются результатом обобщения словообразовательно-этимологического анализа богатого фактического материала, частично представленного в указанных ниже изданиях [1], [2], [3].

Указанные далее словообразовательные типы фамилий и формулируемые фамильные схемы в целом характерны также для других восточнославянских регионов и могут использоваться при изучении исторической антропонимии любых городов и областей Беларуси, России, Украины.

1. Мирское имя (прозвище) → полуотчество → фамилия (например, *Лыко* → *Лыков* → *Лыков*; *Комар* → *Комаров* → *Комаров*; *Чуб* → *Чубов* → *Чубов*).

2. Мирское имя (прозвище) → полное отчество → фамилия (*Ворон* → *Воронович* → *Воронович*; *Некраш* → *Некрашевич* → *Некрашевич*; *Калайда* → *Калайдович* → *Калайдович*; *Щерба* → *Щербич* → *Щербич*).

3. Христианское имя в канонической форме → полуотчество → фамилия (*Михаил* → *Михайлов* → *Михайлов*; *Симеон* → *Симеонов* → *Симеонов*; *Никита* → *Никитин* → *Никитин*; *Лев* → *Львов* → *Львов*).

4. Христианское имя в канонической форме → полное отчество → фамилия (*Карп* → *Кáрпович* → *Карпóвич*; *Мирон* → *Мирóнович* → *Миронóвич*; *Никифор* → *Ники́форович* → *Никифо́рович*);

5. Христианское имя в просторечно-диалектной форме → полуотчество → фамилия (*Михаил* → *Михась* → *Михасёв* → *Михасёв*; *Николай* → *Никула* → *Никулин* → *Никулин*; *Тимофей* → *Тёмка* → *Тёмкин* → *Тёмкин*; *Родион* → *Радько* → *Радьков* → *Радьков*; *Малахия* → *Малафей*, *Малофей* → *Малафеев*, *Малофеев* → *Малафеев*, *Малофеев*).

6. Мирское имя (прозвище) → фамилия (*Беляк* → *Беляк*; *Богдан* → *Богдан*; *Шуба* → *Шуба*; *Булыга* → *Булыга*).

7. Полная форма христианского имени в православном варианте → фамилия (*Герман* → *Герман*; *Кирик* → *Кирик*; *Лазарь* → *Лазарь*; *Лин* → *Лин*).

8. Полная форма имени, не входящего в православный антропонимикон → фамилия (*Ким* → *Ким*; *Майер* → *Майер*; *Людвиг*, *Людвик* → *Людвик*).

9. Народно-разговорная форма христианского имени → фамилия (*Фрол* → *Хрол* → *Хрол*; *Алексей* или *Александр* → *Алехно* → *Алехно*; *Адам* → *Адась* → *Адась*; *Валентин* → *Лялик* → *Лялик*; *Мефодий* → *Мефёд* → *Мефёд*).

10. Христианское имя в канонической форме → патронимическое производное с уменьшительным суффиксом или обычная экспрессивно-уменьшительная форма от такого имени → фамилия (*Пётр* → *Петренко* → *Петренко*; *Андрей* → *Андреевец* → *Андреевец*; *Андрей* → *Андрейчик* → *Андрейчик*; *Фёдор* → *Федорец* → *Федорец*; *Борис* → *Борисюк* → *Борисюк*).

11. Христианское имя в канонической форме → патронимическое производное с уменьшительным суффиксом или обычная экспрессивно-уменьшительная форма от такого имени → фамилия от патронимической или обычной экспрессивно-уменьшительной формы с добавлением патронимических суффиксов *-ов* или *-ин* (*Алексей* → *Алексейчик* → *Алексейчиков*; *Иван* → *Иванец* → *Иванцов*).

12. Христианское имя в народно-разговорной форме → патронимическое производное с уменьшительным суффиксом или обычная экспрессивно-уменьшительная форма от такого имени → фамилия (*Ермолай* → *Ермол* → *Ермоленко* → *Ермоленко*; *Исидор*, *Сидор* → *Сидорко* → *Сидорко*; *Емельян* → *Амелишко* → *Амелишко*; *Даниил* → *Данила* → *Данильчик* → *Данильчик*; *Стефан*, *Степан* → *Степанец* → *Степанец*; *Самуил* → *Самуйлёнок* → *Самуйлёнок*; *Гавриил* → *Гаврила* → *Гаврилик* → *Гаврилик*; *Герасим* → *Герасимко* → *Герасимчук* → *Герасимчук*; *Дорофей* → *Дорошко* → *Дорошко* и т. п.).

13. Христианское имя в народно-разговорной форме → патронимическое производное с уменьшительным суффиксом или обычная экспрессивно-уменьшительная форма от такого имени → фамилия от патронимического или обычного экспрессивно-уменьшительного производного с добавлением патронимических суффиксов *-ов* или *-ин* (*Косма*, *Косьма* → *Кузьма* → *Кузик* → *Кузиков*; *Климент* → *Клим* → *Климко* → *Климков*; *Давид* → *Давыд* → *Давыденко* → *Давыденков*; *Павел* → *Павлик* → *Павликов*; *Василий* → *Васечка* → *Васечкин*; *Иуда* → *Юдашка* → *Юдашкин*; *Карп*, *Евкарпий* или *Поликарп* → *Карпейка* → *Карпейкин*; *Дмитрий* → *Митя* → *Митька* → *Митькин*).

14. Мирское имя (прозвище) → патронимическое производное с уменьшительным суффиксом от такого имени (прозвища) → фамилия (*Бобр* → *Бобрик* → *Бобрик*; *Лоза* → *Лозовик* → *Лозовик*; *Ворон* → *Воронок* и т. п.).

15. Географическое название → фамилия (*Шклов* → *Шкловский*; *Протасы* → *Протасовицкий*; *Иваничи* → *Иваницкий*; *Брагин* → *Брагинский*; *Херсон* → *Херсонский*; *Румыния* → *Румынский* и т. п.).

16. Этноним (в том числе неофициальный, местный или в диалектной форме) → отэтнонимическое прозвище → фамилия без формального видоизменения отэтнонимического прозвища (*литвины* → *Литвин* → *Литвин*; *поляки* → *Поляк* → *Поляк*; *латыши* → *Латыш* → *Латыш*; *мазовшане*, *мазуры* → *Мазур* → *Мазур*; *венгры*, *венгуры* → *Венгура* → *Венгура*; *ляхи* → *Лях* → *Лях*; *лифляндцы*, *лифляндчики* → *Лифляндчик* → *Лифляндчик*; *москалы* → *Москаль* → *Москаль*; *хохлы* → *Хохол* → *Хохол* и т.п.).

17. Мирское или христианское имя в разных формах → полуотчества от таких имён → фамилия на основе полуотчества с добавлением суффикса *-ск* или его вариантов (*Весёлый* → *Веселов* → *Веселовский*; *Судила* → *Судилов* → *Судиловский*; *Яков* → *Якуб* → *Якубов* → *Якубовский*; *Пётр* →

Петров → *Петровский* и т. п.; приведённые фамилии могут объясняться и как производные от географических названий).

18. Прозвище по месту рождения и (или) жительства или мирское личное имя с мифологической семантикой → фамилия (*Подгорный* → *Подгорный*; *Поплавный* → *Поплавный*; *Болотный* → *Болотный*; *Могильный* → *Могильный*; *Поддубный* → *Поддубный*; *Подсосонный* → *Подсосонный* и т.п.).

19. Наричательное слово, указывающее на социальный статус человека → притяжательное прилагательное от этого слова → прозвище в форме притяжательного прилагательного, указывающее на зависимое положение носителя прозвища → фамилия (*поп* → *попов* → *Попов* → *Попов*; *княжна* → *княжнин* → *Княжнин* → *Княжнин*; *бояре* → *бояров* → *Бояров* → *Бояров* при возможном ином толковании некоторых из указанных фамилий).

Библиографический список

1. Рогалев А.Ф. Введение в антропониимику. Именование людей с древнейших времён до конца XVIII века (на белорусском антропонимическом материале). Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2009. 148 с.
2. Рогалев А.Ф. Гомельская старина. События, факты, исторические топонимы, первые фамилии / А. Ф. Рогалев. Гомель: Барк, 2018. 164 с.
3. Рогалев А.Ф. Историческая антропониимия Гомеля и окрестностей. Гомель: Барк, 2007. 154 с.

References

1. Rogalev A.F. Introduction to anthroponymy. Naming of people from ancient times to the end of the XVIII century (on the Belarusian anthroponymic material). Bryansk: Group of companies "Desyatochka", 2009. 148 p.
2. Rogalev A.F. Gomel antiquity. Events, facts, historical toponyms, first names / A. F. Rogalev. Gomel: Bark, 2018. 164 p.
3. Rogalev A.F. Historical anthroponymy of Gomel and its environs. Gomel: Bark, 2007. 154 p.

УДК 811.16

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор
Кретов А.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Doctor of Philology
Professor
Kretov A.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru*

лаборант Научно-методического центра компьютерной лингвистики

*Scientific and methodological center
of computer linguistics
Laboratory assistant*

*Шудрикова А.С.
Россия, г. Воронеж
e-mail: 3anastasia32@mail.ru*

*Shudrikova A.S.
Russia, Voronezh,
e-mail: 3anastasia32@mail.ru*

А.А. Кретов, А.С. Шудрикова

ВОКАЛИЗМ РУССКИХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

В работе рассматриваются типичные случаи чередований гласных исконного русского корня. Делается вывод о наличии в корне гиперфонемы Е/О/О, представленной в отдельных корнях частично (парой) или фрагментарно (одной из ступеней чередования). Рассмотрены позиции, в которых происходит фонетическое варьирование членов апофонического ряда.

Ключевые слова: русские корни, вокализм корня, чередования фонем, правила трансформации букв в фонемы и фонем в фонемы.

A.A. Kretov, A.S. Shudrikova

VOCALISM OF RUSSIAN ROOT MORPHEMES

The paper considers typical cases of vowel alternation of the native Russian root. It is concluded that there is a hyperphoneme E/O/O in the root which is partially represented in roots (by a pair) or fragmentary (one of the stages of alternation). The positions in which the phonetic variation of the members of the apophonic series occurs are considered.

Keywords: Russian roots, vocalism of the root, alternation of phones, rules for transforming letters into phones and phones into phonemes.

Вокализм русского языка описан исследователями давно и детально (см. работы [1], [2], [5], [6], [7]). Однако даже в МФШ существует противоречие между так называемым «фонемным» составом корневых морфем и практикой отождествления (объединения) алломорфов в морфему. При компьютерной обработке текста на естественном языке это противоречие совершенно нетерпимо и должно быть устранено.

Тексты состоят из букв, соотносимых с фонемами, а различают морфемы (минимальные универсальные знаки языка) не фонемы, а фонемы. Корневые морфемы – первичное и основное средство номинации лексических значений, соотносённых с внеязыковыми сущностями. Корни – самые древние морфемы языка, образовавшиеся ещё в праиндоевропейском языке и отражающие его особенности и закономерности. Для отождествления корней необходимо связать их варьирование в письменном тексте с конкретной морфемой, а каждую букву или сочетание букв – с конкретной фонемой.

Для этого надо сформулировать правила перехода от букв к фонемам и от фонем к фонемам. Тогда переход от корневых морфем к лексическим значениям будет происходить без помех.

Формализацию этого перехода можно назвать *компьютерным моделированием русского корня*.

Для компьютерного моделирования варьирования русского корня надо: 1) определить множество фонем русского языка, 2) множество правил представления фонем теми или иными фонемами и 3) правила передачи этих фонем буквами в письменном тексте, а также 4) множество позиций (условий), в которых каждая данная фонема реализуется тем или иным образом.

В данной работе рассматриваются наиболее типичные случаи реализаций русских гласных (вокалов) в исконных русских корнях.

Объектом исследования является «Словарь морфем русского языка» А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой, в котором представлены (в орфографической записи) корневые морфы, сведенные в морфемы, предметом – позиционное варьирование вокализма исконных русских корней.

В индоевропейской подсистеме апофоническое чередование представляет собой гиперфонеми {E/O/Ø}. Именно гиперфонеми, потому что апофония не влияет на лексическое значение корня и не меняет его. Этим индоевропейские корни сближаются с афразийскими, которых лексическое значение передаётся неслоговыми звуками, а грамматическое – слоговыми.

В ходе исследования выявлено 3 ряда чередований гласных, восходящих к этой гиперфонеми: {A:E:O:ø}, {e:i:O}, {E:O:ø}. Примеры корней представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Чередования корней с гиперфонеми {E/O/Ø}

Пр1	Пр2	Пр3	Пр4	Пр5	Пр6	Пр7	Пр8	Пр9	Пр10	Черед*	Фонема
мѡрА к	мерЕк	морОк	мЕрѡк	мѡрАч	ме- реч	мер	мерѡц	мо- рАч	морОч	A ^o :E:E ^b :O:ø	E/O/Ø
рек	риц	рОк	реч	рОч	рОш					E:I ^b :O	E/O/Ø
вЕл	вОл	вѡл								E:O:ø	E/O/Ø

В одном корне могут быть представлены не все возможные реализации фонемы.

Рассмотрим чередование {e:i:O}: изРЕКАть, изРЕЧение, проРИЦатель, проРОК, проРОчество, понаРОШку. Чередование {o:e} различает морфологические значения: /o/, представленное в проРОК, указывает на значение предметности (субстантивности), /e/ в изРЕКАть – на значение процессуальности (глагольности). ИзРЕЧение является отглагольным существительным.

Рассмотрим морф *риц*. Самоударный суффикс -а- «удлиняют» предшествующий им гласный /ь/ = ø в фон /И^b/. Суффикс -а- обозначает большую степень глагольного действия, реализующуюся как большая длительность, многократность и т.п.

В алломорфе *морАч* (обМОРАЧивать) {O} представлено фонем /A/ в морфемной позиции перед суффиксом левоударным суффиксом -ыва-, которые «удлиняют» предшествующий им гласный /O/ в фон /A^o/.

Гиперфонеми {E/O/Ø} может быть реализована не полностью. Обратимся к Таблице 2, в которой представлены 8 выявленных рядов чередований, восходящих к гиперфонеми {E/O}: {e:o}, {A:e:o}, {A:I:O}, {I:O:ь}, {A:e:Ë:O}, {A:I:O:ь}, {E:ë:o:ø}, {E:I:O:ь}.

Таблица 2

Чередования корней с гиперфонеми {E/O}

Пр1	Пр2	Пр3	Пр4	Пр5	Пр6	Черед*	Фонема
вен	звон					e:o	E/O
Аж	вез	воз	вОж			A ^o :e:o	E/O
гнАй	гнИѡ	гнОй				A ^o (й):И ^{сн} :O(й)	E/O
бИѡ	бОj	бьj				И ^{сн} :O(й):ь(й)	E/O
грАб	греб	грѣб	грОб	грес		A ^o :e:Ë ^c :O	E/O
пАj	пИѡ	пОj	пьj			A ^o (й): И ^{сн} :O(й):ь(й)	E/O
лЕj	лИѡ	лОj	льj			E(й):И ^{сн} :O(й):ь(й)	E/O

Чередование {o:e} различает значения предметности и процессуальности (ЗВЕНеть - ЗВОН).

Рассмотрим алломорфы *грѣб* : *грѣб* (наГРЕБать : наГРѢБ). Исконная русская фонема {Е} под ударением реализуется фонем /^oО/ и передается буквой Ё.

Неполной реализацией гиперфонемы {Е/О/Ø} является гиперфонема – {о:ø}. В Таблице 3 представлено 9 рядов чередований, восходящих к этой гиперфонеме: {е:Ё:и:о}, {е:и:О:ø}, {А:е:Ё:и:о:ø}, {А:Е:и:О:ø}, {е:Ё:И:О:ø}, {А:Е:Ё:и:О:ø}, {И:О:ø}, {У:Ы}, {о:у:ы}.

Таблица 3

Чередования корней с гиперфонемой {О:Ø}

Пр1	Пр2	Пр3	Пр4	Пр5	Пр6	Черед*	Фонема
стер	стѣр	стир	стор			е ^b :Ё ^b :и ^b :о	О/Ø
бер	бир	бОр	бѣр			е ^b :и ^b :О:ø ^b	О/Ø
мАр	мер	мѣр	мир	мОр	мѣр	А ^o :е ^b :Ё ^b :и ^b :о:ø	О/Ø
зАр	зѣр	зир	зор	зѣр		А ^o :Е ^b :и ^b :О:ø ^b	О/Ø
тер	тѣр	тир	тор	тѣр		е ^b :Ё ^b :И ^b :О:ø ^b	О/Ø
пАр	пѣр	пѣр	пир	пОр	пѣр	А ^o :Е ^b :Ё ^b :и ^b :О:ø ^b	О/Ø
мЕрѣз	мѣрѣз	морѢз	мѣрѣз	морѢж	морѣж	А ^o :А ^o :Е ^b :Ё ^b :О	О/Ø
нИз	нѢз	нѣз	нѢж			И ^b :О:ø ^b	О/Ø
слУх	слУш	слЫх	слЫш			у ^{ou} :Ы ^b	ь ^{ou} /у ^{ou}
сох	сух	сых	суш			О ^b :у ^{ou} :Ы ^b	ь ^{ou} /у ^{ou}

Рассмотрим корень *мАр-* (*заМАРивать*), *мер-* (*МЕРтвѣц*), *мѣр-* (*МѣРтвый*), *мир-* (*уМИРать*), *мор-* (*МОр*, *заМОрить*), *мѣр* (*уМРи*).

{Б} представляет вокалический пазвук слогового варианта сонанта {Р} при нулевой ступени и.е. апофонии, а {О} – её нормальную тембровую ступень.

Чередование {о:е} различает значения предметности и процессуальности (уМЕРеть - МОР).

В непоследнем слове основы (уМЕРеть, МЕРтвѣц) и в последнем слове основы перед нулевой флексией (уМЕР) {Б} реализуется безударным [Е]. В последнем слове основы перед гласным полного образования {Б} реализуется нулём звука /ø/ (уМРи, уМРи).

Превращение *мор-* в *мар-* происходит из-за морфемной позиции: перед левоударным суффиксом *-ыва*, требующим, чтобы ударение стояло на ближайшем гласном слева от него, если это гласный /о/, то он должен удлиниться в /а/.

Аналогичный процесс происходит в паре МЕРтвѣц / уМРи – уМИРать. Беглый [Е], представляющий {Б}, удлиняется в /и/ в морфемной позиции, только условием удлинения является положение перед самоударным суффиксом -á.

Преобразование *мер-* > *мѣр-* называется бемолизацией /е/ и происходит при сочетании акцентной (ударной) и сегментной (перед недиезным согласным) позиций: мѣртвый.

Рассмотрим ряд чередований {о:у:ы}: *сох* (СОХнуть), *сух/суш* (СУХОЙ/СУШИТЬ), *сых* (выСЫХать).

Формальное чередование {о:ы} объясняется удлинением {Б} > /ы^b/ в морфемной позиции перед самоударным суффиксом -á.

Чередование /у/ с {Б} интерпретируется как следствие неполной апофонии: /у/ < *оц и {Б} < *ой. Соответственно, /ы/ < *ū.

Рассмотрим фонему {Е}. В таблице 4 приведены ее реализации.

Таблица 4

Чередования корней с фонемой {Е}

Пр1	Пр2	Пр3	Черед*	Фонема
ерѣш	ѣрѣш	ерѢш	е:Ё ^c	Е
вѣчѣр	вѣчѣр	вѣчѢр	Е:Ё ^c :О ^c	Е
шелѢм	шѢлѢм		О ^c :Е ^{b=c} (ш)е ^b (л)	Е

Чередование {e:Ě} в корнях ерш/ерош (ЕРШить/ЕРОШить), ёрш (ЁРШик) объясняется сочетанием ударной и сегментной позиций: фонема {E} под ударением реализуется фонем /Ě/.

Реализация фонемы {E} фонем /O/ в *вечОр* связана скорее с правилами орфографии, чем с фонетикой.

Рассмотрим фонему {O}. В Таблице 5 приведено варьирование корня *кОст* (КОСТь), *кощО* (КОЩей), *кАщО* (КАЩивать).

Таблица 5

Чередования корней с фонемой {O}

Пр1	Пр2	Пр3	Черед*	Фонема
кАщО	кощО	кОст	A ^o :o	O

Фонема {O} может быть представлена фонем /A/ в морфемной позиции перед суффиксом -а- и левоударным суффиксом -ыва-, которые «удлиняют» предшествующий им гласный /O/ в фон /A^o/.

Рассмотрим фонему {O=ь/ь}. В таблице 5 приведены ее реализации.

Таблица 6

Чередования корней с фонемой {O=ь/ь}

Пр1	Пр2	Пр3	Пр4	Пр5	Пр6	Черед*	Фонема
бУд=оч	бУд=ок					o ^b :o ^b	Ъ
сОп	сЫп					O ^b :Ы ^b	Ъ
локАч	лОкОт	локОт				A ^b :o ^b :o ^b	Ъ
сОп	сЫп	соп	сөө			O ^b :Ы ^b :o ^b	Ъ
вОј	вЫө					O ^b :Ы ^b	Ъ
лЕст	лЕщ	льст	льщ			E ^b :ь	Ь
жИд	жөд					И ^b :ө ^b	Ь
пЕстр	пөщрө	пĚстр				E ^b :Ě ^b	Ь
дЕн	дĚн	дөн				E ^b :Ě ^b :o ^b	Ь
пеш	пИх	пөх				e ^b :И ^b :o ^b	Ь
чЕт	чĚт	чит	чөө	чЕс	чөт	E ^b :Ě ^b :И ^b :o ^b	Ь
тĚм	тĚм	тьм	төм			E ^b :Ě ^b :ь:o ^b	Ь
жАө	жИм	жОм	жөм			A ^{bm} :И ^b :O ^b :ө	ЬМ
жАө	жИн	жөн				A ^{bn} :И ^b :ө	ЬН
мин	мЯө					и ^b :я ^{bn}	ЬН

Как было отмечено ранее, перед удлиняющими суффиксами -á, -ыва {Ь} > /и/, {Ъ} > /ы/. {Ь} > /Ě/ при сочетании ударной и сегментной позиции (недизной).

«Беглость гласных реализуется только на флективном стыке, т.е. на границе слов. Кроме того, нуль звука и гласный полного образования на флективном стыке находятся в отношении дополнительного распределения» [3; с.35].

Е-беглое в соединении с сонантами *N, *M реализуется в А-смягчающем (МЯ^{bn}ть - вМИ^bНать; ЖА^{bn}ть - поЖИ^bНать, ЖА^{bm}ть - наЖИ^bМать).

Таким образом, в исконных корнях гиперфонема {E/O/Ø} реализуется чередованием фонем [E] [O] [Ъ] [Ь], на письме – чередованием букв: E/Ě, O/A, Ø/O/Ы, Ø/E/И.

В отдельных корнях гиперфонема {E/O/Ø} может быть представлена не полностью, а комбинацией частей или отдельными частями этой гиперфонемы.

Сочетания частей этой гиперфонемы с сонантами Р-Л-М-Н-В-Й в описанных выше позициях приводит к образованию бифонов: Я^{bn}, А^{bm}, А^{bm}, У^{ou}, У^{on}. Следует различать три гласных А в русском корне: А-исконный (из *а), А^o (из *ò) и А^o (аллофон {O}) перед суффиксами =á/=ыва). Только пер-

вый А не входит в апофонический ряд. А второй и третий – принадлежат ему на правах представителей {О} – на нормальной ступени или ступени удлинения.

Снятие буквенно-фонемной асимметрии приводит к более уверенному распознаванию корневых морфем и как следствие – к более успешному переходу от формы текста (означающих) к его содержанию (означаемым).

Библиографический список

1. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Московский государственный университет, 1956. 240 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение (1908-1917): с прил. сб. задач; вступ. ст. В. М. Алпатова. 6-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
3. Кретов А.А. Системная русская фонемология: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. 198 с.
4. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.
5. Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.
6. Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж: Тип. В. Гольдштейна, 1866. 156 с.
7. РГ-1980. [Русская грамматика](#) / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.

References

1. Avanesov R. I. Phonetics of the modern Russian literary language. Moscow State University, 1956. 240 p.
2. Baudouin de Courtenay I. A. Introduction to linguistics (1908-1917). Moscow., 2004. 320 p.
3. Kretov A.A. Systematic Russian phonemology: a monograph. Voronezh, 2020. 198 p.
4. Kuznetsova A.I., Efremova T.F. Dictionary of morphemes of Russian language: Moscow, 1986. 1136 p.
5. Panov M. V. Russian phonetics. Moscow, 1967. 440 p.
6. Potebnya A. A. Two studies on the sounds of the Russian language: I. On full-voice. II. On the sound features of Russian adverbs. Voronezh, 1866. 156 p.
7. RG-1980. Russian grammar / N. Y. Shvedova (ch. ed.). Moscow, 1980. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology. 789 p.

Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №101»
Учитель математики
Фурсова К.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: kristina-fursova@mail.ru

Local general education institution
"Secondary general education school no. 101"
Mathematics teacher
Fursova K.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: kristina-fursova@mail.ru

К.О. Фурсова

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются примеры использования математических методов исследования лингвистики. Выделены функции статистики в изучении лингвистики, их значение и перспективы. Демонстрируется связь математической теории множеств и лингвистики, а также роль лингвистики в современных информационных технологиях. Затрагиваются такие вопросы, как алгоритм работы онлайн переводчика, элементы взаимодействия лингвистики и математики в современной школе и обучение литературе с применением математических принципов.

Ключевые слова: алфавит, словарь, статистика, частоты, анализ, вероятность, приближения, технология, обучение, методы, принцип.

K.O. Fursova

MATHEMATICAL METHODS IN LINGUISTICS

The article considers the examples of the use of mathematical methods of linguistics research. The functions of statistics in the study of linguistics, their significance and prospects are highlighted. The relationship between mathematical set theory and linguistics is demonstrated as well as the role of linguistics in modern information technologies. Such questions are touched as the algorithm of online translators, the elements of the interaction between linguistics and mathematics in modern and teaching literature using mathematical principles.

Key words: alphabet, dictionary, statistics, frequencies, analysis, probability, approximations, technology, training, methods, principle.

«Наш обычный разговорный язык из-за присущих ему колебаний и несоответствий грамматического и психологического находится в состоянии подвижного равновесия между идеалами математической и фантастической гармонии и в непрерывном движении, которое мы называем эволюцией» (Рене Декарт)

В XX веке появилась тенденция к взаимодействию различных областей знаний. Незаметно размываются грани между отдельными науками, ничем не связанными на первый взгляд, и, как следствие, появляется огромное количество разновидностей интеллектуальной деятельности, балансирующих «на границе» гуманитарного, технического и естественнонаучного познания. Технический прогресс как в научной теории, так и в практической деятельности требует уделить особое внимание математике. И невозможно представить сегодня ни одну науку, которая не использует в своей методологии математических знаний. Еще Платон, древнегреческий философ, отмечал: «Всё, что посчитано, то истинно».

Долгое время языкознание было принято считать «истинно гуманитарной» наукой, но применение математических методов в изучении лингвистических вопросов открыло новые возможности (ведь ответить на вопросы «Что?» и «Как?» часто помогает ответ на вопрос «Сколько?»). Такие требования современности привели к возникновению термина «математическая лингвистика». Этим по-

нятием принято называть любые лингвистические исследования, которые связаны с применением точных методов. Восприятие языка как единой системы существенно упрощает его изучение и, что является необходимым в наше время, его механизацию. Взаимодействие лингвистики и математики разносторонне, и в данной статье мне бы хотелось остановиться именно на практическом её содержании.

Основными определяющими понятиями математической лингвистики являются множества исходных символов, таких как алфавит, словарь и множества последовательностей символов исходного алфавита: слова, фразы, предложения. Для описания лингвистических понятий используются такие математические разделы, как алгебра, теория множеств, элементы математической логики, математическая статистика и др. Такой подход к изучению лингвистики дал толчок к развитию нескольких направлений. Так, с помощью статистики исследуется фонетика, закладываются основы статистического изучения морфемного состава слова и морфологических категорий, происходит изучение лексического состава языка и синтаксических единиц. Статистика применяется и при изучении особенностей профессиональной речи. Исследуется, например, как медработники произносят слово коклюш (ударение на первый слог) вместо коклЮш (ударение на последний слог). Также благодаря математике были созданы первые акцентологические и орфоэпические словари: в качестве респондентов были выбраны представители интеллигенции двух основ городов России (Санкт-Петербурга и Москвы, так как именно эти города в разные исторические периоды становились столицами России), которым было предложено прочитать различные тексты и слова. Именно количественный подсчет позволил выявить первые акцентологические и орфоэпические нормы современного русского языка. Функция статистики также заключается и в отслеживании различных вариантов актуального произношения и изменений языковой нормы. Статистика играет огромную роль и в осуществлении машинного перевода слова с одного языка на другой, что, безусловно, при процессе глобализации играет важную роль для коммуникации. При статистическом подходе проблема перевода рассматривается как канал с помехами: так, например, французская фраза представляется синтаксической единицей, составленной на русском языке, но искаженной некоторыми шумами. Для того, чтобы восстановить исходное русское предложение, нам необходимо понять, что в этом случае люди говорят на русском языке и как это искажается при «перекодировании» на французском. Перевод осуществляется с помощью поиска максимального соответствия вероятностей русского предложения с вероятностью воспроизведения французского предложения.

Стоит обратить внимание и на то, что одно и то же слово воспринимается различными людьми в зависимости от их «языкового» опыта, который определяется профессией, местом и образом жизни, психологическим состоянием. Исходя из этого, мы получаем две задачи: выделение соответствующего множества по заданным параметрам и отсеивание из этого множества всех слов, кроме того единственного, имеющего максимальное соответствие данному слову из распознаваемого текста. Одной из распространённых стратегий отсеивания является исключение низкочастотных слов. Результатом статистического изучения лексического состава языка и стратегии отсеивания выступают частотные словари [1; с. 103]. Такие словари отличаются от толковых, орфографических и т. д., тем, что в них приведена частота употребительности слова. В русском языке существует пять частотных словарей (не считая отраслевых). Так, существуют благодаря математическому подходу также словари писателей, в которых отражается частотность той или иной лексемы, что играет важную роль при анализе произведения и выявлении как эксплицитных, так и имплицитных смыслов текста. Именно поэтому статистические данные частотных словарей могут быть широко использованы и при решении других лингвистических задач: например, при анализе и определении активных средств словообразования современного русского языка.

Лексемы, которые встречаются только в одном тексте, характеризуют особенности данной книги. Так, слово «ум» – самое частотное в комедии Грибоедова «Горе от ума», но оно не встречается среди частотных слов других текстов. Тема «ума» однозначно является важной в комедии. Эта лексема сопровождает образ Чацкого, причём имя Чацкого – наиболее частотное в комедии. Таким образом, в произведении органично сочетаются самое частотное нарицательное имя с самым частотным именем собственным.

На уроках математики в 9 классе в одном из разделов применяется частотный и вероятностный анализ букв и слов, которые могут быть из них составлены. Тематика таких задач позволяет девяти-

классникам лучше понять математическую составляющую этой темы, а также развить комбинаторные навыки.

Анализ текста по принципу постановки задачи и выведения логических цепочек её решения является одной из технологий обучения русскому языку и литературе экспериментального метода доктора филологических наук, профессора Б.С. Дыхановой. Обучение школьников работе с текстом, умению «фильтровать» и анализировать информацию, выстраиванию индуктивных и дедуктивных рассуждений, а также формированию логико-структурных схем, тесно связано с математическими принципами решения задач [2; с. 4].

Таким образом, изучение лингвистики средствами математики позволяет более точно определить её качественные и количественные свойства. Лингвистика стала фундаментом для развития информационных технологий. Пока информатика остаётся бурно развивающейся отраслью человеческой деятельности, союз математики и лингвистики продолжит играть свою роль в развитии науки.

Библиографический список

1. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторное моделирование языков // Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 196с.
2. Дыханова Б.С. Программа по литературе для 5-9 классов общеобразовательной школы. Изд. 3-е, испр. и доп. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. 44 с.

References

1. Andreev N.D. Statistical and combinatorial modeling of languages // Omsk State Technical University Publishing House, 2015. 196 p.
2. Dykhanova B.S. Program in literature for 5th-9th grades of general education schools. Voronezh State Pedagogical University, 2001. 44 p.

УДК 81.26

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков
и технологии перевода
Лапинская И.П.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology
Professor of the Department of Foreign
Languages and Translation
Technology
I. P. Lapinskaya
Russia, Voronezh,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и технологии перевода*

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages and Translation
Technology
M. A. Denisova
Russia, Voronezh,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Денисова М.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: deni-mar@list.ru*

И.П. Лапинская, М.А. Денисова

НЕЙМИНГ: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализ имен собственных объектов бизнеса выявил специфику этого класса номинаций, их соотносимость с единицами языка и речи, проявил структурные и семантические свойства авторских инноваций. Включенность в стиль рекламы креативных речевых произведений обусловила поиск границ индивидуального и социального в языке, что проявилось в испытании на прочность системы норм письменной и устной речи.

Ключевые слова: нейминг, имя собственное объекта бизнеса, ИСБО, номинация, стиль рекламы, языковые нормы.

I. P. Lapinskaya, M. A. Denisova

NAMING: CONDITIONS AND PERSPECTIVES

The analysis of the proper names of business objects revealed the specificity of this class of nominations and their correlation with language and speech units, showing the structural and semantic properties of authors' innovations. The inclusion of creative speech works in the advertising style preconditions the search for a borderline between the individual and the social in language, which manifested itself in the durability test for the system of written and oral speech norms.

Key words: naming, proper name of a business object, PNBO, nomination, advertising style, linguistic norms.

Социально-экономические процессы, развивающиеся в России XXI века, серьезным образом сказались на эволюционных проявлениях русского языка, что стимулировало переформатирование его стилиевой системы, вызвало к жизни новые сферы применения языковых единиц и вследствие этого породило инновационные варианты профессиональной деятельности специалистов-неймеров.

В стилиевой системе литературного языка учеными констатируется выделение стиля рекламы. Одной из речевых форм его реализации выступает имя собственное объектов бизнеса (ИСБО). Общепринятого термина для этого объекта науки пока не сложилось. Предлагались эргоним, прагмоним, прагматоним и другие [1], [2]. Правда, дефиниции научного понятия еще нельзя признать общеупотребительными. Поэтому лингвисты ВГТУ, изучающие этот феномен в течение двадцати лет, предложили свой термин – *имя собственное объектов бизнеса (ИСБО)*.

Принципиальные отличия этого типа имени от антропонимов хорошо видны на сопоставлении их номинативных свойств. Антропоним – имя собственное человека. Оно из числа существующих историче-

ски в соответствии с культурными приоритетами эпохи. Так, проведенное нами в 2019 году исследование женских имен, полученных на основе анкетирования студентов 1 курса ВГТУ и РАНХиГС, обнаружило, что в 136 анонимных ответах активно используются только 34 имени. Наиболее частотны 2 имени: Анастасия (16 примеров) и Екатерина (15 примеров). Остальные имена различны по частотности, но общее количество употреблений каждого из них не достигает 10 [3, с.292].

Имена собственные объектов бизнеса не выбираются из числа существующих, а **создаются** как авторские неологизмы в каждом конкретном случае. Повтор имени в этой сфере невозможен, потому что имя не просто индивидуализирует – паспортизирует – объект, но и обеспечивает его рекламные и иные бизнес-свойства. Одно и то же имя у разных объектов сигнализирует о единстве торговой сети и ее хозяина. Поэтому нельзя признать правильным выбор одной и той же формы для номинации разных типов объектов при условии разной семантической и ассоциативной мотивации выбора: «Пчелка» в Воронеже – это и детский сад, и магазин продуктов пчеловодства, и клининговая компания.

Выбор имени собственного для индивидуализации личности осуществляется старшими членами семьи в интересах этой семьи и самого ребенка. В числе мотивов для выбора имени выступают решения отца или матери, бабушки или дедушки и старших детей. С одной стороны, так продолжается или закладывается традиция, с другой – четко соблюдаются народные взгляды на имя. Например, называть девочку можно в честь бабушки или прабабушки, считается, что имя матери несет девочке несчастья.

ИСБО – всегда неологизм. Оно не продолжает традицию, а ориентировано на то, что обеспечивает уникальность и имени, и его носителя. Принципы создания такого имени лежат в реализации одного из компонентов коммуникативной триады «продавец/производитель – товар/услуга – покупатель/пользователь». Цель ИСБО – вызвать здесь и сейчас положительные ассоциации у потенциального покупателя и таким образом повлиять на него, чтобы он в ожидании позитивных изменений в собственной жизни сам принял решение произвести покупку.

В силу того, что ИСБО – всегда результат творческой деятельности неймера, следует указать, что существует 4 способа его создания.

1. Возвращение в активное пользование историзма или архаизма. *Ларец, Сундучок с подарками*. Для поиска подходящей номинации приходится обращаться к соответствующим словарям или искать их в собственной памяти неймера. Эрудиция рекламистов этой специальности, знание национальной истории и культуры может подсказать решение проблемы [4].

2. Заимствование номинации из иностранного языка: *бутик, таверна, чайхана* и др. Такие лексемы или отражают современное интернациональное общение, или извлекаются из зарубежной литературы разных веков. Таким образом, и обращение к заимствованию демонстрирует эрудицию и социальную активность неймера.

3. Развитие нового – еще одного – переносного значения у активно функционирующего в современном языке слова: *Бантик, Базилик*. Такие семантические и аксиологические инновации опираются на способности неймера к языковому творчеству, языковое чутье носителя языка, а также на владение приемами переноса лексического значения, известными как метафора, метонимия и т.д. Названные приемы, специфика которых закреплена терминологически, обнаруживают один из механизмов эволюции языка.

4. Использование морфемного способа образования слов: *Евростоловая, ВкусВилл, СушиЛка*. При создании неологизма указанным способом, что видно из примеров, активно используются как морфемы, традиционно функционирующие в языке, так и заимствованные значимые части слов. Важно соблюсти баланс исконных и заимствованных средств, чем обеспечить понятность и высокую положительную воздействующую силу ИСБО.

И ИСБО, и антропонимы с обязательностью семантически. Значение имени человека или известно в семье («*Папа назвал меня Вика, потому что оно значит «победа», и на академии, где он учился, было написано В.И.К.А.*»), или предполагает обращение членов семьи к словарям, содержащим такую информацию. В последние годы все чаще, как пишут в анкетах, старшие – и православные, и только постигающие постулаты веры – выбор имени осуществляют по святым, где не только раскрывается семантика имени, но и рассказывается о святых, его носивших, а также календарно подтверждается правильность выбора («*меня назвали Татьяна, потому что я родилась 24 января, на завтра был Татьянин день*») [3, с. 297].

Надо сказать, что антропонимы, выступая в качестве ИСБО, употребляются в переносном значении, правда, вариантов переноса несколько. Семантика большинства из них апеллирует к абстрактным понятиям, которые обнаруживаются и у имен собственных людей: любовь, вера, надежда, софия и др. Второй вариант использования антропонимов – символичность определенных имен, их историческая и культурная

значимость для нации в целом или для носителей языка в конкретном регионе. *Ермак* – покоритель Сибири, поэтому считается возможным назвать так магазин зимней и демисезонной верхней одежды, *Столль* – один из зачинателей промышленности в Воронеже, его именем назван деловой центр. Можно говорить еще об одном варианте использования имен собственных людей – номинации в память о любимой дочери, безвременно ушедшей супруге и т.д. Как правило, так называют киоски: *Леночка*, *Марина* (по примерам видно, что используются только женские имена).

Следует указать еще одну группу языковых единиц, которые только на первый взгляд представляются способными играть роль ИСБО – устойчивые сочетания, или фразеологизмы. Однако возможности к включению в номинации слов с переносным значением, каковыми являются ИСБО, корректируются сложившейся семантикой этих единиц. Они системно переносные и образные по статусу фразеологизмов, поэтому от переносного значения образовать еще одно, тоже переносное, оказывается достаточно сложно.

В системе ИСБО Воронежа отмечены единичные номинации такого рода, однако признать их успешными достаточно трудно. Так, ресторан назван «*Тихая заводь*». Название призвано актуализировать приятную атмосферу во время посещения пользователей, но в системе языка *тихая заводь* не ассоциируется с таким настроением: *в тихом омуте черти водятся* – такая поговорка вспоминается уже при упоминании первого слова имени. И ее оценочный компонент трудно отнести к позитивным. Вряд ли подобные ИСБО закрепятся в системе номинаций объектов бизнеса.

Важно указать, что все ИСБО создаются из элементов языка, представляющего литературную речь. Попытки использовать элементы разговорной речи, естественно, предпринимались: например, существовало кафе «*Блин-Кампот*», однако это название достаточно быстро исчезло. Более того, даже литературные слова, не несущие позитивной оценки, не закрепились на вывесках объектов бизнеса: уже нет кафе «*Тарелка*», «*Вилка*», «*Вермишель*».

В арсенале неймеров оказывается и материал разговорных, исключительно местных названий, которые десятилетиями отличают поименованные горожанами объекты. Они, что происходит достаточно редко, могут появиться на вывесках соответствующих объектов, если эти объекты оказываются в сфере бизнеса. В Воронеже есть продовольственный магазин «*Беконка*», ресторан «*Гармошка*», кафе «*Шишка*». Так актуализируется история города.

Интерес к ИСБО, который подкрепляется нашими научными исследованиями уже два десятилетия, позволил обнаружить изменение принципов выбора имени для объекта бизнеса. Во времена государственной собственности на магазины, заводы и др. помещали на вывеску только номинации товара – *Культтовары*, *Часы*, *Молоко* [5, с. 97]. Для потенциальных покупателей этого было достаточно. Различали торговые точки по месту расположения или порядковому номеру: *Сходи за этой книгой в 15-ый*, *Банкет будет в 33-ей столовой*. Крайне редко у торговых точек возникали разговорные городские варианты названий: *кафе Ступенька*, *гастроном Утюжок*, *гастроном Аквариум* и т.д.

С развитием рыночных отношений принцип выбора имени для объекта бизнеса изменился. Возможность покупательских предпочтений сделала необходимым включение рекламного компонента в номинацию. Изменились и номинативная, и коммуникативная основы номинации. Их вариативность заложена в номинативной триаде «продавец/ производитель – товар/услуга – покупатель/ пользователь», что соотносится как частное и общее с ситуацией общения «адресант – речевое сообщение – адресат» [5]. Поэтому на вывеске появляются не прямые, а косвенные номинации *Бантик (магазин сувениров)*, *Базилик (ресторан)*. Закрепление косвенных номинаций изменило структуру ИСБО, увеличило их компонентный состав – все это сделало очевидным двойную «подчиненность» новых единиц. Как имя собственное, такая номинация явно относится к единицам лексики. Как созданное и многокомпонентное образование, ИСБО проявляет свойства речевого произведения.

Усложнилась и структура имен собственных объектов бизнеса. Не только однословную номинацию или номинативное словосочетание стали помещать на вывеске: *Для семьи ОДЕЖДА из Европы*; *Воронежский Клуб Отдыха и Путешествий*. Оказалось, что объем номинации и площадь вывески все чаще стали вступать в противоречие.

В последние годы паспортизируют не объекты бизнеса, а формы собственности, поэтому рекламный компонент «тонет» в специальной информации: *ООО УК «Семья», «Праздничное агентство, ведущие праздников и мероприятий Safonov»; «Организация торжеств, упаковка и доставка подарков Центр-Гранд»; «Организация и проведение детских праздников праздничное*

агентство Чердачок». Кроме того, изменилась форма предъявления имени собственного. Многокомпонентное, оно крайне редко появляется на вывеске, его место обнаружения – сайт.

Назовем еще одно противоречие объема рекламной номинативной единицы и цели ее создания. Большая часть времени потенциального покупателя тратится на расшифровку многокомпонентных неологизмов, а не на формирование позитивного целеполагания для посещения того объекта бизнеса, перед входом в который идущий по улице человек неожиданно оказался; другими словами, позитивная эмоциональная реакция, отсылка к товару подменяется логическими операциями, иногда достаточно трудоемкими, по расшифровке словесного кода.

Поиск заданных неймером выразительно-изобразительных возможностей единиц языка при соблюдении семантических условий соответствия объекта и его имени в настоящее время осложняется несоблюдением законов письменной речи – правил орфографии и пунктуации, которые были приняты в статусе закона в 1956 году и с того времени не менялись.

Обратимся к вариантам нарушения норм письменной речи, зафиксированным на вывесках г. Воронежа. Надо сказать, что авторы номинаций, видимо, воспринимают и их как проявления творческого отношения к языку. Креативность подхода к заданию – обязательное условие деятельности рекламиста, однако существуют сферы, в которых следование правилам выступает условием адекватности и доступности информации для потенциальных покупателей.

1. Помещенные на вывеску номинации не пишутся в кавычках – разный статус имен передается цветом, типом шрифта и т.д. Однако включение их в связный текст требует употребления кавычек. Правила одни для написания: кинотеатр *«Пролетарий»* – гастроном *«У Пальча»*. Увеличение количества элементов в номинации *«Организация и проведение детских праздников праздничное агентство Чердачок»*, включение в состав названия обозначений типа объекта бизнеса (*праздничное агентство*) усложняет поиск границ имени собственного. Очевидно, что в такой роли выступает слово *Чердачок*. Значит, в многословной номинации оно должно быть употреблено в кавычках. Так же, как Компонент «Град» в названии *Сити-Парк «Град»*.

Но создатели имени позиционируют всю многословную номинацию как имя собственное. В таком случае количество кавычек возрастает. И *Сити-Парк «Град»* должен быть оформлен пунктуационно как *«Сити-Парк «Град»»*. Тем более, что эти компоненты входят в более объемную номинацию ТРК *«Сити-Парк «Град»»*, где указан тип предприятия.

Двойные кавычки игнорируются и в номинации *«Организация и проведение детских праздников праздничное агентство Чердачок»*. Ради оригинальности названия в него включено обозначение вида и деятельности (а это может выступать самостоятельной номинацией) *Организация и проведение детских праздников*, и объекта бизнеса *праздничное агентство*, что всегда сопровождает имя собственное, как в примерах: *ресторан «Гранат»*, *гипермаркет «Атмосфера»*. В приведенном названии неймеры допустили и тавтологию, чего учат избегать еще в средней школе: *праздников, праздничное*.

2. Неймеры предлагают варьировать и орфографию новых имен. Наряду с формой *Чайхана*, в мире рекламы существует и *Чайхона*. Такие новации не только усложняют орфографическую идентификацию слова, но и разрушают складывающуюся у носителя языка в возрасте от двух до пяти системность лексических единиц.

Как представляется, в арсенале креативных рекламистов следует поискать иные способы привлечь внимание потенциальных покупателей на название объектов бизнеса. Заметим с удовлетворением, что такие примеры достаточно редки в ряду авторских неологизмов.

3. Все чаще на вывесках появляются номинации, сочетающие кириллические и латинские буквы. (*V.I.P.-ЭСТЕТИК*). Параллельно существуют эти же элементы номинации и в кириллическом варианте: *Випсилинг, а также БИР-МИР, ВкусВилл*. Возможны и записи заимствований кириллицей. Так, вывеска над киоском с бутербродами гласила *«Стар Догз»*. Она людьми старшего поколения прочитывалась как *старые собаки*. Понятно, что повышению продаж такая номинация не способствовала.

Хочется напомнить, что включение иносистемных элементов в русской графике всегда было крайне ограничено. Нормы и правила в этой сфере нуждаются в доработке.

4. Требуется определенной унификации в креативной сфере нейминга и употребление прописных букв. Чаще всего сложные названия на вывесках пишутся только прописными буквами. Орфографические нарушения возникают в тех случаях, когда прописная буква возникает внутри сложного слова

ВкусВилл, БизнесЦентр (при этом существует и вариант *Бизнесцентр*), особенно при дефисном его написании *Сити-Парк*.

5. Знаки препинания на вывесках появляются крайне редко. При условии, что номинация соответствует повествовательному предложению, точки в конце структуры не ставятся ни в каких типах названий – ни в художественных текстах, ни в деловых. Однако существуют ИСБО, которые соответствуют по структуре восклицанию (парикмахерская «Оаостроф, Мен!») или повелению (аптеки «Не болей!» и «Будь здоров!») и требуют пунктуационного завершения восклицательным знаком. Появившиеся несколько лет назад на только созданных вывесках, знаки почему-то со временем исчезли и подорвали грамотность рекламного высказывания.

Итак, нейминг представляет собой одно из направлений эволюции современного русского языка. Определившийся в сфере функционирования, он вырабатывает варианты номинаций в соответствии с запросами социума и системно их дифференцирует с опорой на стилевые, орфографические и пунктуационные нормы.

Библиографический список

1. Что в имени?: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Д.А. Сорокина и др.; под ред. И.П. Лапинской. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 219 с.
2. Стиль рекламы: речевые формы: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, О.В. Гостева и др.; под ред. И.П. Лапинской. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2016. – 161 с.
3. Лапинская И.П., Денисова М.А. Культурные приоритеты XXI века: имя собственное / И.П. Лапинская, М.А. Денисова // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития: материалы 18-ой всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, «Научная книга», 2020. – С. 291 – 298.
4. Лапинская И.П., Денисова М.А. Учебник «Русский язык для неимеров»: проспект // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. Вып. 15. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2018. – С. 76-81.
5. Лапинская И.П., Денисова М.А. Эволюция культурных приоритетов как основа динамики процесса номинации / И.П. Лапинская, М.А. Денисова // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2020. – № 1(45). – С. 96-107.

References

1. What is in the name?: monograph / I. P. Lapinskaya, M. A. Denisova, D. A. Sorokina, etc.; edited by I. P. Lapinskaya. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2016. - 219 p.
2. Advertising style: speech forms: a monograph / I. P. Lapinskaya, M. A. Denisova, O. V. Gosteva, etc.; edited by I. P. Lapinskaya. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2016. - 161 p.
3. Lapinskaya I. P., Denisova M. A. Cultural priorities of the XXI century: proper name / I. P. Lapinskaya, M. A. Denisova // Actual problems of professional education: goals, objectives and prospects of development: materials of the 18th All-Russian scientific and practical conference. Voronezh, "Scientific Book", 2020. - pp. 291-298.
4. Lapinskaya I. P., Denisova M. A. Textbook "Russian language for neumers": prospect // Innovative processes in linguodidactics: collection of scientific tr. Issue 15. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2018. - pp. 76-81.
5. Lapinskaya I. P., Denisova M. A. Evolution of cultural priorities as the basis of the dynamics of the nomination process / I. P. Lapinskaya, M. A. Denisova // Scientific journal Modern linguistic and methodological-didactic research. – 2020. – № 1(45). – Pp. 96-107.

УДК 811.161.1

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Бутовская средняя общеобразовательная школа №2»

Учитель русского языка и литературы

Попова Л.Э

Россия, Московская область, Ленинский городской округ, рабочий посёлок Дрожжино

e-mail: muginchik91@mail.ru

Municipal autonomous educational institution «Butovo secondary school No. 2»

The teacher of Russian language and literature

Popova L.E.

Russia, Moscow region,

Leninsky urban district, working settlement Drozhzhino

e-mail: muginchik91@mail.ru

Л.Э. Попова

МЕЖУРОВНЕВЫЙ ХАРАКТЕР ЗЕВГМЫ

Предметом рассмотрения является зевгма как межуровневая единица. Феномен зевгмы состоит в том, что она не закреплена ни за одним уровнем языка, не принадлежит ни к одной из его форм (устной или письменной). Учитывая характер общего компонента зевгмы и особенности связанных с ним элементов, нами выделены три разновидности зевгмы: лексико-синтаксическая, сегментная (морфемная) и графическая.

Ключевые слова: зевгма, уровень языка, перечисление, лексико-синтаксическая зевгма, сегментная (морфемная) зевгма, графическая зевгма.

L.E. Popova

INTER-LEVEL CHARACTER OF ZEUSGMA

The subject of consideration is zeugma as an interlevel unit. The phenomenon of zeugma is that it is not assigned to any level of the language, does not belong to any of its forms (oral or written). Taking into account the nature of the general component of zeugma and the features of the associated elements, we have identified three varieties of zeugma: lexical and syntactic, segmental (morphemic) and graphic ones.

Key words: zeugma, level of language, enumeration, lexico-syntactic zeugma, segmental zeugma, morphemic zeugma, graphic zeugma.

Понятие *уровня языка* подробно разработано В.М. Солнцевым. По его мнению, языковой уровень – это совокупность относительно однородных единиц, не состоящих в иерархических отношениях друг с другом и обнаруживающих иерархические отношения (как более мелкие величины, так более крупные величины) с другими единицами, которые составляют определенную совокупность. Объединения данных единиц составляют сверхклассы относительно однородных единиц (в частности, все фонемы, все морфемы, все слова данного языка). Эти единицы устанавливают парадигматические и синтагматические отношения по отношению друг к другу: они объединяются в классы, а также в парадигмы (например, разные парадигмы фонем, разные парадигмы морфем, разные парадигмы слов), и между собой комбинируются в линейных (синтагматических) цепях (цепочки фонем, морфем и слов) [1, с. 3–19.].

Традиционно исследователями выделяется 4 основных уровня (фонетический, морфологический, лексический, синтаксический) и 3 промежуточных (морфонологический, фразеологический, словообразовательный) уровня языка.

На каждом уровне есть свои единицы, которые существуют как единицы языка и как единицы речи и выполняют собственные функции в языке.

Зевгму, объединяющим компонентом которой является опорное слово с синтаксической функцией любого члена предложения, выраженного любой частью речи, можно рассматривать на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Ср.: «**Вышибла из бизнеса, из дома, из теплой постельки**»: Мир похвалила Гагарину. (woman.rambler) [2]. Для описания данного примера зевгмы важно, что объединяющий компонент

(опорное слово) *вышибла* имеет несколько значений (лексико-семантическая характеристика), является в предложении сказуемым (синтаксическая характеристика), выраженным глаголом (морфологическая характеристика). Перечислительный ряд, связанный с опорным словом представляет собой цепочку однородных синтаксически и разнородных семантически подлежащих, выраженных именами существительными (синтаксическая, лексико-семантическая и морфологическая характеристики).

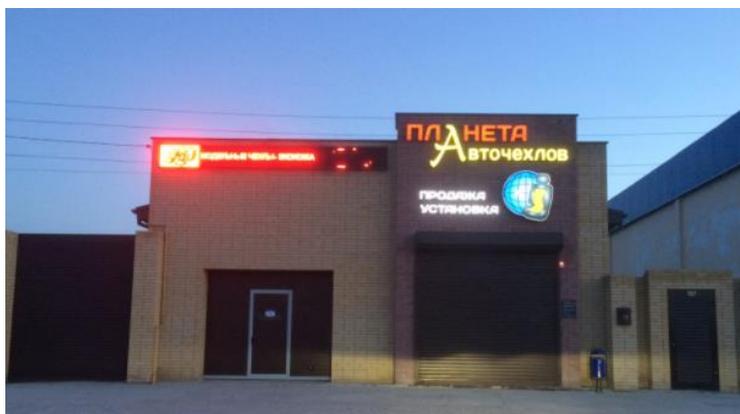
Рассмотри еще один пример: *Лечите сопли, господамы* (Пикабу) [3]. Зевгма создана на базе общего компонента – звукосочетания «*да*», характеризующегося наличием объединяющего ударения и слитным написанием слова. В зевгме *господамы* объединяющий компонент представляет собой звуковой сегмент *да*, возникший в результате наложения двух фрагментов: концовки первого слова и начальной части второго. В данном случае явление зевгмы сосредоточено в одном слове (лексическая характеристика), образованном с помощью *скорнения* (морфолого-словообразовательная характеристика). Лексема *господамы* (*господа* + *дамы*) имеет общий звуковой сегмент, единое ударение (фонетическая характеристика).

Разновидностью *сегментной* (морфемной) зевгмы является зевгма, образованная на основе *морфемного эллипсиса*. *Морфемный эллипсис* – это пропуск, незамещение позиции корневой морфемы в сочинительном ряду *теле-* и *радиоведущий* (*телеведущий* + *радиоведущий*). При сочетании двух лексических единиц с одинаковой второй частью в первом слове данная часть опускается и приводится только в конечном слове: *Госдума приняла во втором чтении законопроект, обязующий производителей и вещателей теле- и радиопередач сопровождать свою продукцию возрастной маркировкой, передает корреспондент «Росбалта»* [4]. По мнению Т.Г. Винокур, эллиптическому сокращению «чаще всего подвергаются такие слова, которые [...] становятся особенно популярными, общеизвестными, или слова [...] реально новые» [5].

Лексические единицы с совпадающим звуковым сегментом, образовавшимся в результате наложения фрагментов двух слов (концовки первого и начальной части второго слова) активно используются для создания зрительного ряда в текстах различного назначения (уличная реклама, вывески с названиями магазинов и фирм, обложки книг и журналов и т. п.). Например, названия магазинов или товаров «*МолоКОфе*», «*Хохломаликов*».

В таких примерах звуковой сегмент, объединяющий два слова с помощью *скорнения* (морфолого-словообразовательная характеристика), подкреплен еще и графическим знаком (изображением), его можно не только услышать (фонетическая характеристика), но и увидеть его изображение (графему). В таких случаях можно говорить о *графической зевгме*, используемой в письменной форме речи (рис. 1) [6]:

Рисунок 1



В названии вывески (рисунок 1) использована графическая зевгма. Общий компонент – графема (буква) *А*.

В последнее время становится востребованным и популярным такой тип графической зевгмы, как лигатура (лат. *ligatura* – связь). Лигатура представляет собой «соединение элементов двух букв или двух транскрипционных знаков в один» [7]. С использованием лигатуры оформлена обложка пластинки «Тото Кутуньо» [8] (рисунок 2):



Общим графическим знаком являются совпадающие буквы имени и фамилии певца – Т. С помощью графической зевгмы создаются новые смыслы, новые ассоциативные связи между смыслами слов и новые образы. Таким образом, зевгма не привязана ни к одному из уровней языка, ни к одной из его форм (устной или письменной).

Определение зевгмы, на которое мы опираемся в нашей работе, базируется на объединении ряда единиц общим компонентом. Таким общим компонентом может быть единица любого языкового уровня. Наш анализ показал, что феномен зевгмы состоит в том, что она не закреплена ни за одним из уровней языка.

Учитывая характер общего компонента зевгмы и особенности связанных с ним элементов, мы выделяем три разновидности зевгмы: *лексико-синтаксическую*, *сегментную (морфемную)* и *графическую*.

1. *Лексико-синтаксическая* зевгма (объединяющий компонент – опорное слово той или иной части речи, связанное с перечислительным рядом однородных членов, выраженных разными частями речи).

2. *Сегментная (морфемная)* (объединяющий компонент – звуковой сегмент, возникший в результате наложения двух фрагментов: концовки первого слова и начальной части второго), когда происходит объединение двух слов на основе *скорнения* и создается новое слово с единым ударением и слитным написанием.

Разновидностью *сегментной (морфемной)* зевгмы является *зевгма с морфемным эллипсисом*, объединяющим компонентом в которой является часть (фрагмент) второго слова сочинительного словосочетания, связывающая два или три элемента, к ней относящиеся.

3. *Графическая* зевгма (объединяющий компонент – графический знак, подкрепляющий общий звуковой сегмент). Такая зевгма – явление не только устной, но и письменной речи.

Библиографический список

1. Солнцев В.М. О понятии уровня языковой системы // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 3–19.
2. Рамблер/женский [Электронный ресурс]. URL: https://woman.rambler.ru/stars/44203158/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.10.2020).
3. URL: https://pikabu.ru/story/lechite_sopli_gospodamyi_5656633 (дата обращения: 05.05.2020).
4. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2018/07/18/1718149.html> (дата обращения: 26.10.2018).
5. Винокур Т.Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 29–38.
6. URL: <https://2gis.ru/volgograd/gallery/firm/70000001030547812/photoId/4644337146348497> (дата обращения: 2.06.2019).
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
8. URL: <https://allsizemusic.ru/product/cutugno-toto-1983-toto-kutuno-litaliano/> (дата обращения: 8.04.2019).
9. Камагина И.В. Эллипсис и сходные синтаксические явления в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 168–174.

10. Козел Н.Я. Зевгема как явление сферы модуса // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12 (79). С. 87–93.

References

1. Solntsev V.M. On the concept of the level of the language system // Questions of linguistics. 1972. Vol. 3. P. 3-19.
2. Rambler/female [Electronic resource]
URL: https://woman.rambler.ru/stars/44203158/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (date of application: 12.10.2020).
3. URL: https://pikabu.ru/story/lechite_sopli_gospodamyi_5656633 (date of application: 05.05.2020).
4. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2018/07/18/1718149.html> (date of application: 26.10.2018).
5. Vinokur T.G. On elliptical word usage in modern colloquial speech // Development of the vocabulary of the modern Russian language. Moscow, 1965. P. 29-38.
6. URL: <https://2gis.ru/volgograd/gallery/firm/70000001030547812/photoId/4644337146348497> (date of application: 2.06.2019).
7. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow, 1966. 608 p.
8. URL: <https://allsizemusic.ru/product/cutugno-toto-1983-toto-kutuno-litaliano/> (date of application: 8.04.2019).
9. Kamagina I.V. Ellipsis and similar syntactic phenomena in the modern Russian language // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2015. Vol. 1. P. 168-174.
10. Kozel N.Y. Zevgeme as a phenomenon of the sphere of modus // Almanac of modern science and education. 2013. Vol. 12 (79). P. 87-93.

УДК 811

Ташкентский государственный юридический университет
И.о.доцента кафедры узбекского языка и литературы
Зиямухамедова Ш.Т.
Узбекистан г.Ташкент
e-mail: shahnozaziyo@mail.ru
+99893 5379215

Tashkent State University of Law
Senior lecturer of the Department of Uzbek Language and Literature
Ziyamuxamedova Sh.T.
Uzbekistan, Tashkent
e-mail: shahnozaziyo@mail.ru
+99893 5379215

Ш.Т. Зиямухамедова

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается изучение информационно-коммуникационных терминов узбекского языка, состоящих из одного слова и сочетания слов. Далее речь идет о том, как создаются термины из сочетаний слов и каковы их свойства, каковы структурно-семантические особенности терминов-сочетаний, можно ли сокращать термины-сочетания. А также в статье говорится о моделях терминов-сочетаний.

Ключевые слова: термины, структурно-семантические особенности, термины-сочетания, упрощение, построение модели.

Sh.T. Ziyamuxamedova

STRUCTURAL ANALYSIS OF INFORMATION AND COMMUNICATION TERMS IN THE UZBEK LANGUAGE

The article examines the study of information and communication terms of the Uzbek language, consisting of one word and a combination of words. Further, we are talking about how terms are created from combinations of words and what are their properties, what are the structural and semantic features of terms-combinations, is it possible to shorten the terms-combinations. And also the article talks about the models of combination terms.

Key words: terms, structural and semantic features, terms-combinations, simplification, model building.

Изменения, происходящие в социальной жизни за последние 20-30 лет, – развитие в области науки, техники, образование новых секторов по этим направлениям – все эти факторы ведут к появлению новых терминов, обогащению их структурно-семантических значений. Процессы изучения узбекской лексики и речи отражаются и во многих научных работах. Приведенные выше определения в терминологии указывают на то, что они могут быть:

- 1) равны словам (выражаться одним словом);
- 2) равны словосочетаниям (сочетаниям слов).

Термины имеют одно значение независимо от того, что они могут состоять из одного слова, сложного слова или сочетания слов, или представляют обобщенную семантику посредством сложных слов, например: *информационная коммуникация, абонент-роумер, веб-документ, файловый сервер, дисковый сборщик, флэш-память.*

Мы рассмотрели информационно-коммуникационные термины, состоящие из одного слова, а также из сочетания слов.

Далее может возникнуть вопрос о том, как создаются термины из сочетаний слов и каковы их свойства?

- 1) Термины-сочетания. Какие это термины?
- 2) Каковы структурно-семантические особенности терминов-сочетаний?
- 3) Термины-сочетания или понятия-сочетания (выражения-сочетания)?
- 4) Можно ли сокращать термины-сочетания?

Перейдем к ответам на данные вопросы. В последнее время в словарях различных областей науки и образования, в словарях профессиональных терминов можно наблюдать увеличение количества образцов, равных сочетаниям слов. В частности, в этой сфере большую информацию предоставляют словари в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Общеизвестно, что в языкознании и слова, и сложные слова считаются равноправными языковыми единицами, их используют в речи в качестве готового лексического материала. Но не в случае словосочетаний. Их образование в речи происходит по определенным нормам. Компоненты словосочетания грамматически взаимосвязаны между собой. Это синтаксический процесс, явление. Термины – это лексический материал, они, прежде всего, выполняют номинативную функцию. Что же насчет языковых явлений? Могут ли являться языковым лексическим материалом термины, которые представлены в виде сочетаний слов и появляются в речи (языке) в качестве синтаксического явления, как они появляются?

Прежде всего, основная причина появления терминов-сочетаний связана с их смысловой нагрузкой, с тем, что они обозначают или что выражают:

В случае необходимости описания, характеристики объектов какой-либо области, сферы, промышленного оборудования, инструментов, материалов с точки зрения их отношения к системе или структуре системы (устройства) перед простым словом дается слово-определение.

Термины-сочетания, составленные по модели «определяющее+определяемое», составляют 80% всего количества терминов-сочетаний. Остальное малое количество составляют термины другого типа модели, например: термины, в которых управляющим словом являются дополнения, обстоятельства, глаголы. Термины-сочетания, составленные по модели «определяющее+определяемое», встречаются и в других языках. Особенно в языках, распространенных по всему миру – русском и английском. Облегчение их перевода или представления в словарях является объектом внимания лингвистов других языков.

В общем ряде терминов-сочетаний относительно мало терминов-сочетаний, построенных по модели «определяющее+определяемое» (управляющее-зависимое). Определяемое (зависимое) образуется путем добавления к существительному аффикса –нинг родительного падежа. Известно, что определение может использоваться с аффиксом –нинг (со знаком) и без аффикса (без знака). В обоих случаях, прежде всего, определяемое – главное слово – согласовывается с определяющим словом, и к нему присоединяется аффикс в соответствующей форме.

Во-вторых, независимо от применения характерной чертой подчиняющего является соответствие, принадлежность, обладание специфическими свойствами по отношению к зависимому слову. Например: *абонентская связь, информационная сеть, владелец информации, информационный продукт, информационная экономика, информационный рынок, информационное общество, сетевой шов, сетевой интур, паутина поля, система передачи, информационная база, программная панель, обман абонента, банк информации, спутник связи, рекламные щиты*. На данных примерах видно, что к зависимому слову не следует добавлять аффикс –нинг. Но в таких сочетаниях как *дыхание соты* (сотанинг нафас олиши), *вытекание информации* (ахборотнинг сизиши), *секретность информации* (ахборотнинг махфийлиги), *искажение изображения* (тасвирнинг бузилиши) необходим аффикс –нинг для разъяснения значения термина, для показа совместимости подчиняющего с зависимым словом. В терминах-сочетаниях, построенных по модели «подчиняющее+зависимое» лексико-семантические и морфологические особенности компонентов сочетания влияют на употребление подчиняющего (определяющего) с аффиксом или без аффикса. Однако при выборе модели образования термина существует тенденция упрощения (компактность), то есть неиспользование аффикса –нинг. В итоге значение, которое должно быть выражено, «тускнеет», появляется разная интерпретация толкования значения.

Например, термину «информационная безопасность» (ахборот хавфсизлиги) даются следующие толкования в «Словаре информационно-коммуникационных технологий» (2004 г.):

1. Обобщенный характер выносливости к случайно возникшим угрозам (рискам) у владельца информации.
2. Защищенность информационной и поддерживающей инфраструктуры.

То есть, здесь говорится о двух обстоятельствах: должна ли быть информация для адресата безопасной или информация должна быть в безопасности от внешних угроз. Если в составе термина «подчиняющее» употребляется с аффиксом –нинг (как в примере «ахборотнинг хавфсизлиги»), то он будет соответствовать русскому варианту и значение термина будет более точным: «защита информации».

В повседневной жизни каждый из нас сталкивается с нежелательной информацией. В таком случае следует употреблять выражение «защита от нежелательной информации», точнее (а именно) употребление подчиняющего слова с аффиксом –дан будет уместным.

Можно встретить такие термины-сочетания, построенные по модели «подчиняющее+зависимое», при анализе которых можно несомненно утверждать, что выбранная модель «подчиняющее+зависимое» верна.

Рассмотрим термины: «Кўриш кўзгатгичи» и «Хаво тарнови». Использование следующих моделей мы считаем более целесообразным. Вместо «Кўриш кўзгатгичи» (зрительный раздражитель) модель «Кўришни кўзгатгич», вместо «Хаво тарнови» (воздушный желоб) модель «Хаводан тарнов».

При указании особенности наиболее отличительного значения сочетаний типа (модели) «подчиняющее-определяющее+определяемое» необходимо обратить внимание на то, является ли компонент исконно узбекским или заимствованным. Как правило, слово-термин, заимствованное из другого языка, претерпевает процесс ассимиляции, то есть оно сразу «не приживается». Даже если термины, равные сочетаниям, построенные по двухкомпонентной модели «определяющее+зависимое» в основном являются продуктами перевода (калькирования), анализ примеров показывает, что по стандарту модели «определяющее+определяемое» (Ўзбекча изофа) ассимиляция (приживание терминов) такого типа терминов в речь, в лексику происходит эффективнее.

Приведем примеры участия слов исконно узбекских и иностранных (заимствованных) слов в составе терминообразующей модели «подчиняющее+зависимое»:

1. Оба компонента сочетания являются узбекскими словами. Таких терминов немало, стилистически не заметно, что они являются продуктами перевода. Например: *ўтказиш қобилияти, алоқа йўлдоши, дастурлар дастаси, ахборот тизими, узатиш тизими, майдон тури, тармоқ чоки, ахборот жамияти, ахборот бозори, ахборот иқтисодиёти, ахборот маҳсулоти, ахборот макони, ахборотнинг сизиши, эълонлар тахтаси.*

2. Один из компонентов сочетания является «подчиняющим - определяющим» или зависимым – иностранным. Например: абонент тармоғи (абонентская сеть); абонент алдови (обман абонента);

Абонент+нинг терминали (терминал абонента);

Компьютер қаллоблиги (компьютерное мошенничество);

Тола оптикаси (оптика волокна);

Коммуникация тармоғи (коммуникационная сеть);

Онлайн тизими (система онлайн).

Слово «абонент» существует в современной лексике довольно продолжительное время. Оно вошло в употребление вместе со словом «телефон». В последнее время слова «компьютер», «терминал», «интернет» вошли в массовое употребление наряду с предметами, которые они обозначают. Термины «абонент алдови» (обман абонента), «компьютер қаллоблиги» (компьютерное мошенничество) возникли одновременно с сопутствующими обстоятельствами и обозначают специфически отрицательные события, возникшие в этой сфере.

3. Термины, построенные по модели «подчиняющее-определяющее+определяемое», состоят в основном из двух компонентов, заимствованных из английского языка. Модель их связи «узбекская», так как в большинстве случаев «подчиняющее-определяющее» принимает безаффиксную форму родительного падежа, а подчиняемое употребляется с аффиксом третьего лица единственного числа, то есть аффиксом владения. Это, в свою очередь, облегчает ассимиляцию термина в узбекскую речь.

Например: *интернет-провайдер, этикет интернета, интернет-сервер, интернет-портал, интернет-инкубатор, спектральный режим, геометрия ячейки (или геометрическая ячейка), функции профилирования.*

Если дискутировать не о словах-терминах или словах-обозначениях, а о терминах-сочетаниях и сочетаниях-обозначениях, то появление новых тем для споров, размышлений будет естественным. Поскольку сочетание слов строится на основе грамматического соподчинения (подчинения), в сочетании должно быть грамматическое значение.

Завершая наше исследование, обобщим результаты.

1. В терминах, построенных по модели сочетаний, нет присущих предложению признаков (законченная мысль, интонационная законченность). Они могут участвовать в предложении только в качестве его части (члена предложения).

2. Термины выполняют номинативную функцию, т.к. обозначают точное понятие в какой-либо сфере.

3. Мы просмотрели наиболее часто встречающийся вид терминов-сочетаний – простых, состоящих из двух слов (иногда один из компонентов может выглядеть как: сочетание двух слов, сложных слов, сокращенных слов). Но, несмотря на это и на то, что они имеют аналитическое строение, это простые сочетания.

4. Проанализированные примеры показывают, что сочетания имеют целостное грамматико-семантическое единство. И поэтому обозначают одно понятие. Например: *создание сети, изменение частоты, склонность к передаче, микропрограммное управление, квадратный канал, информационные услуги, единство тарифизации, информационное пространство, документированная информация* и т.д.

5. Термины-сочетания, также как самостоятельные слова (языковые единицы), при выполнении синтаксического анализа выполняют функцию члена предложения. Например: 1) стабильность информационного пространства зависит от многих ... ; 2) для размещения сайта в интернете нужен интернет-сервер.

6. На наш взгляд, термины-сочетания в большей степени стремятся к точности в определении того или иного предмета, явления действительности, оборудования, чем термины-слова. Именно такое стремление могло стать причиной появления в языке, речи терминов-сочетаний (смотрите на вышеуказанные примеры).

7. Стремление к точности объясняется тем, что каждый компонент сочетания имеет свою функцию, и вместе несколько компонентов стремятся к единому значению. Уточняется значение главного слова, тем самым уменьшая вероятность по-разному понять термин-сочетания: *интернет-портал, защита от вмешательства, излучение в субгармонике* и др. (слова «портал», «излучение» являются терминами).

8. Также как и слова-термины, термины-сочетания (термины-выражения) не должны быть эмоционально окрашены и не должны обладать особенностями модальности. Но есть очень малое количество таких терминов-сочетаний, которые имеют эмоционально-экспрессивную окрашенность. Например: *недоступная зона, «дыхание соты», обман абонента, компьютерное мошенничество, гибкий диск, умный интерфейс, информационный коллапс* имеют относительную окраску. Они появились в процессе заимствования терминов из других языков посредством калькирования. Причины использования англицизмов в процессе обогащения терминологии на данный момент являются объектом внимания русских лингвистов. Некоторые из этих причин совпадают с причинами заимствования англицизмов в узбекскую терминологию информационно-коммуникационных технологий.

Библиографический список:

1. Бектемиров Х., Бегматов Э. “Мустақиллик даври атамалари” – Т.;// Атамашуносликка бағишлаб ўтказилган конференция материаллари тўплами, 2002, 26-б.
2. Аъламова М., Зиямухамедова Ш. “Нутқда акс этар бир олам бойлик”. Т., 2009.
3. Ачилова Н. “Ўзбек тили лексикасидаги луғавий ўзгаришлар” // “Тил ва адабиёт таълими”, 2010 йил 5-сон, 83-бет.
4. Гуломов А.Ф. “Сўз ясалиши” // Ўзбек тили грамматикаси, 1-том, Тошкент, “Фан”, 1975, 33-бет.
5. Телевидениега оид русча-ўзбекча изоҳли луғат. ЎзААА ва ФТМТМ, 2007.
6. Алоқа линиялари ва узатиш тизимларига оид атамаларнинг русча- ўзбекча изоҳли луғати. ЎзААА ва ФТМТМ, 2008.

References

1. Bektemirov X., Begmatov E. “Mustaqillik davri atamalari” - T.; // Atamashunoslikka bag'ishlab o'tkazilgan conference materiallar toplami, 2002, 26-b.
2. Alamova M., Ziyamukhamedova Sh. “Nutda aks etar bir olam boilik”. T., 2009.
3. Achilova N. “zbek tili lexicasidagi lugaviy o'zgarishlar” // “Til va adabiyot talimi”, 2010 yil 5-sleep, 83-bet.
4. Gulomov A.F. “Soz yasalishi” // Ozbek tili grammatikasi, 1-volume, Toshkent, “Fan”, 1975, 33-bet.
5. Televidenienga oid ruscha-ўzbekcha isoxli lufat. ŴzaAAA va FTMTM, 2007.
6. Aloqa linilari va uzatish tizimlariga oid atamalarning ruscha- ўzbekcha izoxli lufati. ŴzaAAA va FTMTM, 2008.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
второго иностранного языка
Глебова Я. А.
Россия, г. Белгород,
e-mail: glebova_ya@bsu.edu.ru*

*Belgorod State National Research University
Department of Second Foreign Language
PhD, Associate Professor
Glebova Ya. A.
Russia, Belgorod,
e-mail: glebova_ya@bsu.edu.ru*

Я.А. Глебова

К ВОПРОСУ О БИЛИНГВИЗМЕ И ДИГЛОССИИ В КОТ Д`ИВУАРЕ

Эта статья посвящена таким социолингвистическим явлениям как билингвизм и диглоссия, а также их существованию на территории Кот д`Ивуара. В статье подробно описаны термины «билингвизм» и «диглоссия» и подчеркиваются отличительные особенности их функционирования. Кот д`Ивуар является страной с многоязычным населением. Однако официальным языком страны, несмотря на множество местных языков, признан французский язык, являющийся по своей сути иностранным языком. Сложная социолингвистическая ситуация в стране отражается в речи ивуарийцев и приводит к широкому распространению билингвизма среди населения. В многоязычном обществе Кот д`Ивуара диглоссия возникает неизбежно в том числе и под влиянием образовательного фактора, т.к. лишь небольшое количество ивуарийцев имеет возможность получить хорошее образование. Речь ивуарийцев характеризуется разнообразными ситуациями диглоссии, при которых происходит переключение с одного языка на другой сознательно или бессознательно.

Ключевые слова: языковой контакт, билингвизм, билингв, диглоссия, французский язык, Кот д`Ивуар

Ya.A. Glebova

ON THE ISSUE OF BILINGUISM AND DIGLOSSIA IN IVORY COAST

This article focuses on the sociolinguistic phenomena of bilingualism and diglossia and their existence in Ivory Coast. It details the terms "bilingualism" and "diglossia" and stresses the distinctive features of their functioning. Ivory Coast is a country with a multilingual population. However, French, an inherently foreign language, is recognised as the official language of the country, despite its many local languages. The country's complex sociolinguistic situation is reflected in the speech of Ivorians and results in widespread bilingualism among the population. In Ivory Coast's multilingual society, diglossia is inevitably influenced also by the educational factor, as only a small number of Ivorians have access to a good education. Ivorian speech is characterised by a variety of situations of diglossia in which the switch from one language to another occurs consciously or unconsciously.

Key words: language contact, bilingualism, bilingual, diglossia, French, Ivory Coast

В условиях глобализации, современные культуры и языки претерпевают значительные изменения, взаимодействуя и влияя друг на друга. В лингвистике вопросами языковых контактов занимаются такие известные ученые как Р. Аппель, А. Вальдман, Т. Кауфман, А. Кеффелекк, С. Лафаж, К. Майерс-Скоттон, О. Массуму, П. Муискен, М.М. Нгалассо, С.Г. Томасон, Дж. Фишман, Р. Шоденсон, Г. Шухардт, В.А. Аврорина, Ж. Багана, В.А. Виноградов, В.Т. Клоков, Н.Б. Мечковская, В. Ю. Розенцвейг и др.

Явление языковых контактов и его деноминации также порождает дискуссии среди лингвистов. А. Мартине предложил использовать термин «языковой контакт», который прочно закрепился в лингвистике после монографии «Языковые контакты» У. Вайнрайха, изданной в 1953 году. Ученый отмечает, что использование двух языков одним индивидом порождает контакт этих двух языков. При этом в языке индивида, носителя двух языков или двух и более диалектов одного языка, может наблюдаться смешение их норм [1; с. 22]. Языковой контакт, по мнению О.С. Ахмановой, «представляет собой соприкосновение

языков в географических, исторических и социальных условиях необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» [2; с. 535].

Взаимодействие двух языков приводит к появлению еще одного неоднозначного языкового явления. Двужычие или билингвизм получает все большее распространение в мире в связи с меняющимися условиями жизни и многочисленными международными культурными обменами. В научной литературе билингвизм и двужычие считаются синонимичными терминами, однако некоторые ученые отдают предпочтение лишь одному из них. Так, например, Ю.А. Жлуктенко предпочитает термин «двужычие» в силу его четкой внутренней структуры и ясности значения [3; с. 28], а Ю.Д. Дешериев предпочитает термин «билингвизм», обладающий большими словообразовательными возможностями [4; с. 15].

Данный термин имеет множество определений и трактовок. Одно из первых общепринятых определений билингвизма предложил У. Вайнрайх, определяя данное явление как «практику попеременного пользования двумя языками» [5; с. 22]. Несмотря на то, что многие лингвисты до сих пор придерживаются указанного определения двужычия, по мнению Э. Хаугена, определение У. Вайнрайха нуждается в доработке, а именно, в уточнении степени владения языками, в определении диапазона различия между языками билингва и в необходимости указать условия сосуществования и взаимодействия двух языков.

Ю. Розенцвейг определяет билингвизм как владение двумя языками, при условии регулярного переключения с одного языка на другой в постоянно меняющейся коммуникативной ситуации [6; с. 3].

По мнению Х.З. Багирикова, суть билингвизма состоит в способности отдельного индивидуума или социума общаться и находить взаимопонимание на двух языках [7; с. 9].

Из вышеизложенного следует, что билингвизм – это не просто процесс использования двух языков, – это способность самостоятельно строить высказывание в процессе производства речи, т.е. умение творчески порождать речь, принадлежащую вторичной языковой системе.

Отметим также определения билингвизма, уточняющие обязательную степень владения вторым языком для соответствия рассматриваемому явлению: например, 1) одинаковое или приблизительно одинаковое владение двумя языками; 2) одинаково свободное владение двумя языками в любой коммуникативной ситуации [8; с. 276]; 3) относительно эффективное использование двух языков в любых обстоятельствах [9; с. 11]; 4) более или менее свободное владение двумя языками в определенных сферах общения [10; с. 3-12].

Вышеперечисленные определения билингвизма показывают чисто лингвистическое трактовка данного явления, за основу которого взят уровень владения вторым языком. Однако зачастую «билингв владеет контактирующими языками в разной степени в различных речевых ситуациях, тогда двужычие становится социолингвистическим явлением» [7; с.11].

У. Вайнрайх отмечает, что в мире билингвизм распространён в большей степени, чем монолингвизм. По данным ученого, около 70 % населения земного шара в том или ином виде владеют двумя и/или более языками [11; с. 27].

У. Вайнрайх различал «составной билингвизм, когда для каждого понятия есть два способа реализации (предположительно, чаще всего характерен для двужычных семей), координативный, когда каждая реализация связана со своей отдельной системой понятий (такой тип обычно развивается в ситуации иммиграции), и субординативный, когда система второго языка полностью выстроена на системе первого (как при школьном типе обучения иностранному языку)» [11; с. 44].

Данная классификация основана на представлении лингвистов прошлого века о языковых возможностях человека, которые полагали, что билингв в одинаковой степени свободно общается на двух языках. Отметим, что подобные идеализированные случаи невозможно обнаружить в жизни, поскольку билингвизм возможен независимо от степени образования (например, билингвизм в странах Африки).

Заметим, что каждый человек обладает разными лингвистическими, психолингвистическими и интеллектуальными способностями, которые влияют на его уровень владения языками. Одни индивиды даже в благоприятных не в состоянии овладеть языками одинаково хорошо. Другие же индивиды даже при неблагоприятных условиях для освоения языков при отсутствии доступа к общению с носителями языка достигают высокого уровня на втором языке.

Говоря об уровне владения языками, обратим внимание, что абсолютно одинаковое владение двумя языками или абсолютный билингвизм, предполагающий полностью идентичное владение двумя языками в любой ситуации общения, не представляется возможным.

Это связано, с одной стороны, с тем, что лингвистический опыт, приобретенный индивидуумом на разных языках будет разным. Поэтому билингв предпочитает один язык другому в разных коммуникативных ситуациях. С другой стороны, невозможно достичь одинакового владения языками, поскольку социальные сферы действия этих языков и представленные ими культуры различны. Поэтому в определении билингвизма разумно отметить требование относительно свободного владения обоими языками. В случаях билингвизма, когда языки не мешают друг другу, при этом уровень владения вторым языком стремится к уровню владения родным, то в этой ситуации говорят о сбалансированном двуязычии.

Двуязычие и многоязычие являются условием для появления диглоссии. С.А. Фергюсон охарактеризовал термин «диглоссия» как «достаточно стабильную ситуацию, сочетающую в себе первичные диалекты, представленные региональными вариантами и стандартным языком, а также отличающийся от них вариант, не используемый в повседневном общении. Последний может быть активно использован при составлении документов или официальных речей, а также может быть представлен в образовании, в литературных произведениях предшествующей эпохи, в другой языковой общности» [12; с.330].

Диглоссия подразумевает использование каждого из языком билингва о определенной коммуникативной ситуации. Так В.И. Беликов указывает, что «в официальных ситуациях (законодательстве, делопроизводстве и переписке между государственными учреждениями) используется официальный (или государственный) язык, если речь идет о многоязычном обществе, или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), в ситуациях же бытовых, повседневных, в семейном общении применяются другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон» [13; с. 59].

В ходе событий постколониального периода, ознаменовавших политическую жизнь Кот-д'Ивуара, 7 августа 1960 г. была провозглашена независимость страны. В конституции закреплён официальный статус французского языка, языка всех информационных органов и системы образования на всех уровнях. Сегодня насчитывается около шестидесяти местных языков, обеспечивающих культурное разнообразие. Считается, что французский язык является единственным языком, который способен гарантировать национальное единство Кот-д'Ивуара. Повсеместное распространение французского языка в учебных заведениях представляется очевидным средством для нейтрализации культурных особенностей и искоренения ивуарийских языков. Заметим, что местные языки, выполняя функцию языков межэтнического общения, остаются доминирующими языками общения в сельской местности и даже в некоторых районах крупных городов.

Д. Туркотт (1980) считает, что правительство Кот-д'Ивуара искусственно повышает ценность французского языка, несмотря на существующее в обществе многоязычие. В своей работе автор анализирует социолингвистическую ситуацию в стране до и после обретения независимости и отмечает, что официальный статус французского языка делает его в высшей степени политизированным, т.к. он закреплён в конституции страны. С тех пор местные языки считались неуместными, незначительными и не способными передавать научные ценности и использоваться в науке и образовании. Так, в "Докладе о развитии человека" говорится о том, что местные языки не могут служить средством передачи научных ценностей и концепций, а также способствовать развитию национальных и международных отношений ивуарийцев [14; с. 423- 439].

В Кот-д'Ивуаре можно выделить основные оппозиции языков, вовлеченных в ситуацию диглоссии:

1) стандартный французский язык и ивуарийский французский язык;

Ивуарийцы, получившие хорошее образование, предпочитают использовать стандартный французский язык в повседневном общении. Также этот язык является языком администрации, управления, средств массовой информации, политики, торговли и т. д. В случае, если уровень образования средний или низкий, языком повседневного общения служит ивуарийский французский язык.

2) местные языки и ивуарийский французский язык;

В различных ситуациях повседневной жизни образованные ивуарийцы попеременно используют местный или французский языки. Это происходит в зависимости от коммуникативной ситуации, в которых оказались говорящие. Бесспорно, подобная ситуация возможна лишь в ситуации билингвизма, когда большинство населения Кот-д'Ивуара владеет французским языком и одним или несколькими местными языками.

Выбор языка в той или иной ситуации общения является общей чертой двуязычного или многоязычного общества. В таких обществах люди всегда сталкиваются с коммуникативными ситуациями,

которые требуют от них выбора соответствующего языка, с помощью которого они могут выразить себя. Однако выбор, который они делают, зависит от ряда социальных и лингвистических факторов.

Социальный фактор в значительной степени определяет язык, который выбирает индивид и может включать в себя время и место общения, формальность события, обсуждаемую тему, степень знакомства между собеседниками и т. д. Кроме того, социальные характеристики человека помогают определить выбор языка в тот или иной момент времени. Среди социальных характеристик можно выделить социальный класс, этническую группу, религиозные убеждения, ценности, возраст и пол человека и другие.

Библиографический список

1. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1979. Вып. 6. С. 81-93.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
3. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1974. 174 с.
4. Дешериев Ю.Д. К методологии, теории билингвизма и методике билингвистических исследований // Методы билингвистических исследований / Институт языкознания АН СССР. М., 1973. С. 6-20.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1979. 263 с.
6. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л., 1972. 78 с.
7. Багирокров Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков): монография. Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. 316 с.
8. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1975. 276 с.
9. Сигуан М. Образование и двуязычие. М., 1990. 358 с.
10. Филин Ф.П. Современное общественное развитие // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1975. С. 3-12.
11. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып.6. С. 25-60.
12. Ferguson C.A. Diglossia // Word, 1959. Vol.15. №2. P. 325-340.
13. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 439 с.
14. Turcotte D. La planification linguistique en Côte d'Ivoire; faire du français le véhiculaire national par excellence. Journal Canadien d'Etudes Africaines. Vol. 3. 1980. P. 423- 439.

References

1. Martinet A. Spreading Language and Structural Linguistics // New in Linguistics. Moscow: Progress, 1979. Vol. 6. P. 81-93.
2. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: KomKniga. 2007. 576 p.
3. Zhluktenko Y.A. Linguistic aspects of bilingualism. Kyiv: Publishing house of Kyiv University, 1974. 174 p.
4. Desheriev Y.D. To the Methodology, Theory of Bilingualism and Methodology of Bilingual Studies // Methods of Bilingual Studies / Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. M., 1973. P. 6-20.
5. Weinreich U. Language contacts: State and problems of research. Kyiv: Vyshcha Shkola. Kyiv University Press, 1979. 263 p.
6. Rosenzweig W.Y. Linguistic Contacts: Linguistic Problematics. 1972. 78 p.
7. Bagirokov H.Z. bilingualism: theoretical and applied aspects (on the material of Adygeyan and Russian languages): monograph. Maykop: Publishing house of ASU. 2004. 316 p.
8. Aurorin V.A. Problems of Studying the Functional Side of Language (On the Subject of Sociolinguistics). L.: Nauka (Leningrad Branch). 1975. 276 p.
9. Siguan M. Education and bilingualism. M. 1990. 358 p.
10. Filin F.P. Modern social development // Problems of bilingualism and multilingualism. M., 1975. P. 3-12.
11. Weinreich W. Monolingualism and multilingualism // New in Linguistics. Moscow: Progress, 1972. Vol. 6. P. 25-60.
12. Ferguson C.A. Diglossia // Word, 1959. Vol.15. №2. P. 325-340.
13. Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolinguistics: textbook for universities. Moscow: Russian State University of Humanities, 2001. 439 p.
14. Turcotte D. La planification linguistique en Côte d'Ivoire; faire du français le véhiculaire national par excellence. Journal Canadien d'Etudes Africaines. Vol. 3. 1980. P. 423- 439.

*Донецкий национальный медицинский университет
им. М.Горького
Заведующий кафедрой русского
и латинского языков, д. филол.н., проф.
Калинкин В.М.
ДНР, г. Донецк, тел. +38(071) 367-84-39;
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru Donetsk*

*National Medical University. M.Gorky
Head of the Department of Russian
and Latin languages, DPh, prof.
Kalinkin V.M.
DPR, Donetsk, tel. +38(071) 367-84-39;
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru*

В.М. Калинкин

К ИСТОРИИ КОННОТОНИМОГРАФИИ: ОТ ТОЛКОВНИКОВ “НЕУДОБЬ НЕРАЗУМЪВАЕМЫМЪ РЪЧЕМЪ...” ДО СЛОВАРЯ Е.С. ОТИНА

В сообщении дан краткий очерк развития техники представления собственных имён в русской лексикографии. Оценен как драматический для ономографии не только момент изъятия собственных имён из состава словарей русского языка, но и довольно длительный период пренебрежения к их описанию в качестве равноценных другим лексическим единицам. Особое внимание уделено вкладу Е.С.Отина в “открытие” и развитие коннотонимографии.

Ключевые слова: коннотоним, коннотонимография, лексикография, оним, ономография, собственное имя.

V.M. Kalinkin

TO THE HISTORY OF CONNOTONYMOGRAPHY: FROM INTERPRETER “НЕУДОБЬ НЕРАЗУМЪВАЕМЫМЪ РЪЧЕМЪ...” TO THE E.S. OTIN’S DICTIONARY

The report gives a brief outline of the development of the technique of representing proper names in Russian lexicography. It is assessed as dramatic for onymography not only the moment of the removal of proper names from the Russian dictionaries, but also a rather long period of neglect to describe them as equivalent lexical units. Special attention is paid to E.S. Otin's contribution to the “discovery” and development of connotonymography.

Key words: connotonym, connotonymography, lexicography, onym, onymography, proper name.

Тот факт, что большинство словарей русского языка, в том числе толковых, в наше время не имеет в своих словниках собственных имен, ставит естественный вопрос о причинах такого “равнодушия” лексикологов к ним. Обращение к истории словарного дела в России открывает некоторые детали сложившейся ситуации.

Замечательный для своего времени этнограф, археолог и библиограф И. П. Сахаров, мнение которого в отношении первых редакций русских словарей, остаётся вне позднейших критических оценок его фольклористической деятельности, отметил: “Всѣ доселѣ извѣстныя редакціи русскихъ словарей принадлежать къ произведеніямъ граматности Новгородской, Велико-Русской, Литовско-Русской и Мало-Русской. Не достаётъ только словаря Кіевскаго. Не можетъ быть, чтобы кіевскіе ученые не принимали въ этомъ участія. Припоминая слова переписчика Святославова Сборника и митрополита Кирилла, мы увѣрены, что они существовали, и что только одно время могло ихъ уничтожить”. Сохраняется ли вероятность обнаружения когда-нибудь словаря, составленного киевскими просветителями, или хотя бы его фрагментов, пока, к сожалению, неясно. Но надежда, как известно, – долгожительница.

Как бы там ни было, особое внимание собиратель и издатель древностей российских обратил на самый ранний из сохранившихся для потомков словарь к новгородскому списку кормчей книги 1282 года, который «состоитъ изъ 174 словъ и имѣетъ слѣдующее заглавіе: рѣчь жидовскаго языка предложена на русскую. Въ составъ его вошли почти одни собственные имена (выделено мной. –

В.К.), и многие слова взяты из других языков. Позднейшие переписчики наших Кормчих книг вносили в этот Словарь новые рѣчи и распространили его в XV столѣтїи до 350 словъ» [4, т.2, кн.5, с.Х–ХІ]. Кроме «Новгородскаго словаря XIII вѣка», И.П. Сахаров в этом же томе «Сказаний...» опубликовал «Новгородскій словарь XV вѣка», «Литовско-русскій словарь Л. Зизанія», «Лексиконъ Памвы Берынды» и «Азбуковникъ». Были ли, и если были, то как описаны в них собственные имена?

Л. С. Ковтун (для автора сообщения, – непрекаемый авторитет в области русской исторической лексикографии), специально занимавшаяся изучением «Речи жидовского языка», считала, что этот словарь иностранных (по большей части, древнееврейских и греческих) слов, личных имён и библейской топонимики из переводов книг Ветхого и Нового завета представляет собой компиляцию XIII в., собранную из целого ряда глосс, объяснений и ономастиконов, сопровождавших различные рукописные псалтыри и другие толковые рукописи религиозного содержания [1]. Иными словами, какая-то традиция лексикографии, возможно, заимствованная, до появления словаря к Новгородской Кормчей книге уже существовала. Нет необходимости здесь подробно останавливаться на этом вопросе. Главное, что нужно увидеть, – способ (техника) представления собственных имён в этом памятнике. А она, по сути, опиралась на этимологию имён, тем или иным образом представленную в словаре.

В приведённом ниже примере показаны варианты толково-этимологической семантизации имени Аврам.

АВРАМЪ

аврамъ:• оцѣ высокъ:•<ав>рамъ. ѿцѣ вышнаго. или ѿцѣ странама. <ав>рамъ. ѿцѣ вышнаго. или ѿцѣ странама. Авра́мъ • πατήρ ὑψηλὸς ἢ περάτης•

Первым в восточнославянской лексикографии, изготовленным печатным способом в 1596 году, был, как известно, словарь Лаврентия Зизанія Густановскаго «Лексис Сїрѣчь Реченїа, Вѣкратыцѣ събранны. Ииѣсловенскаго ѡзыка, напросты Рускїй Дїалектъ Истолкованы». В его составе 1061 церковнославянское слово было переведено на западнорусский язык. В.В. Нимчук определил его как первый украинский словарь. В то же время белорусские лингвисты полагают, что “гэта не толькі помнік старабеларускай лексікаграфіі, але і папярэднік беларускай лексікалогіі”. Собственных имён в нём не было. Он преследовал иные цели, был, по сути, переводным.

А вот “Протосингель отъ Иерусалимскаго Патріаршаго престола и Архитипографъ Россїйскїа церкви” Памва Берында к собственным именам из книг Священного писания отнёсся со вниманием. В его «Лексиконе...» собственные имена, однако, так же, как и в словаре к Новгородской кормчей, объясняются через этимологию.

Ограничусь примером, который может оказаться полезными в дальнейшем при сопоставлении с соответствующей статьёй из «Словаря коннотативных собственных имён» Е. С. Отина. В словаре Памвы Берынды один из ключевых персонажей библейской истории, “отец верующих” представлен двумя формами имени: 1) «Аврамъ, отецъ вынеслый, отецъ высокій, обо пришелець, пришелникъ, приходень; сынъ Өары Халдеичинъ» и 2) «Авраамъ, отецъ многих (народовъ)» [4, т.2, кн.5, с.11]. Никаких подробностей, касающихся того, что эти имена принадлежат одному и тому же человеку нет, как нет и того, что он считается родоначальником еврейского народа и первым кто в Библии (После битвы в долине Сиддим, смерти содомского и гоморрского царей и пленения Лота к Авраму “пришель одинъ изъ уцѣлѣвшихъ и извѣстилъ Авраама еврея, жившаго тогда у дубравы Мамре, аморреянина, брата Эшколу и брата Анеру, которые были союзники Авраамовы” (Быт.14:13) называется евреем. Нет и объяснения причины переименования Аврама в Авраама.

А между тем момент этот не просто отмечал некое событие в библейской истории, но оказался вовлечённым и в литературно-художественное осмысление в наше время. Так, в стихотворении И. Бродского «Исаак и Авраам» именно особенность звучания имён становится его “нервом” и источником далеко идущих аллюзий:

По-русски Исаак теряет звук.

Ни тень его, ни дух (стрела в излете)

не ропшут против буквы вместо двух
в пустых устах (в его последней плоти).

<...>

Исаак вообще огарок той свечи,

что всеми Исааком прежде звалась.

И звук вернуть возможно – лишь крича:
“Исак! Исак!” – и эхо справа, слева:
“Исак! Исак!” – и в тот же миг свеча
колеблет ствол и пламя рвется к небу.
Совсем иное дело – Авраам.
Холмы, кусты, врагов, друзей составить
в одну толпу, кладбища, ветки, храм –
и всех потом к нему воззвать заставить –
ответа им не будет. Будто слух
от мозга заслонила стенкой красной
с тех пор, как он утратил гласный звук
и странно изменился шум согласной
[Бродский 1992, т.1, с.49].

Исчезновение в имени Исаак удвоения гласного а сравнивается поэтом с превращением свечи в огарок, а трансформация имени Авраам в Абрам (эта форма в стихотворении отсутствует, она лишь описана) вообще трагична, ибо: “Здесь не свеча – здесь целый куст сгорел. / Пук хвороста. К чему здесь ведра воска?” Перемена в звучании имени чревата превращениями личности. Но это уже поэто-нимология и, если угодно, другая тема в истории ономографии.

История создания первого толкового словаря русского языка описана в специальной литературе достаточно подробно. В связи с отношением его редакторов и составителей к собственным именам приведу выдержку из “Предисловия” Е.С. Отина: «<...> ещё в 1783 г. Д.И. Фонвизиным было высказано убеждение (в письме к О.П. Козодавлеву) в том, что в общих словарях должны быть представлены коннотативные онимы: “Имена: Филя, Федора, конечно, в словарь наш внесены быть должны, но не как имена собственные, а как имена, употребляющиеся в метафорическом смысле”. Полтора столетия спустя об этом был вынужден написать академик Л.В. Щерба: “Дело хорошего общего словаря – определить вторые, ‘нарицательные’ значения собственных имён, и надо сказать, что дело это очень деликатное”» [3, с.13].

Приступив к исследованию функциональных свойств собственных имён в случаях, когда основная номинативная функция сопровождается реализацией других семантических потенциалов имени, Е.С. Отин обратил особое внимание на то, что в художественной литературе, публицистике и даже в народно-разговорной речи встречаются случаи иносказательной номинации с помощью собственных имён, переносного именованного того, что в нейтральном варианте обычно называют посредством нарицательных имён. При этом (что особенно важно) такие слова продолжают оставаться онимами, т.е. не теряют своей способности соотноситься с собственными именами. Их учёный, в конце концов, определил как коннотативные, хотя определённым соблазном представлялся термин “мезолекс”. “Коннотативные собственные имена занимают срединное положение между абсолютными (“чистыми”) онимами и апеллятивами, поэтому их можно обозначить термином мезолексы (греч. μέσος ‘промежуточный’)” [2, с. 56].

Убедившись в том, что коннотативные онимы со значениями, развившимися вторично, можно отнести к ономастическим универсалиям, присущим словарному составу большинства языков мира, учёный принял решение изучить и описать это явление в русском языке. С этого момента работа над проблемой, которая, как признался однажды в частной беседе Е.С. Отин, не рассматривалась им вначале как грандиозное явление лексигенеза, заслуживающее масштабного лексикографирования.

К началу регулярной работы над словарём Е.С. Отин подошёл с ясным пониманием того, что мир коннотативных собственных имён исключительно пёстр как по представленности в нём онимной лексики различных разрядов, так и по популярности некоторых из них, способствовавшей формированию базы всевозможных отконнотонимных образований. Поэтому для квалификации коннотонимов он разработал систему помет, первичной задачей которых была маркировка узуальных (УКО) и окказиональных (ОКО) коннотативных онимов. Далее, по мере выявления коннотонимов, относящихся к тому или иному разряду, потребовалось маркировать узуальные коннотативные антропонимы (УКА), агнионимы (УКАг), артионимы (УКАрт), баталионимы (УКБат), мифонимы (УКМ), топонимы (УКТ) и т.д. Всего в группе уко е.с. отин выявил 49 разновидностей коннотонимов. Значительно менее разнообразной оказалась группа ОКО, всего 11 видов, среди которых были отмечены антропонимы, товарные знаки, топонимы, хрематонимы и эргонимы. Среди узуальных отчётливо выделились интер-

лингвальные и интралингвальные коннотонимы, а в последних обнаружались как имена общенационального распространения, так и локально ограниченные коннотонимы. Это был первый, серьёзный, но далеко не последний шаг в разработке модели статьи для словаря коннотативных собственных имён. Материал “диктовал” поиск способов представления.

Необходимо было решить, каким образом эксплицировать онимогенез, точнее, его фрагмент – процесс коннотонимизации. Е.С. Отин выяснил, что одно и то же собственное имя в разные периоды функционирования в речи может развивать не одно, а несколько созначений, а его коннотемы могут быть разнохарактерными по частоте и сфере употребления. Поскольку, по мнению учёного, “коннотативный словарь <...> в идеальном виде должен быть собранием максимального количества коннотонимов, выявленных в разных источниках” [3, с.16], нужно было, кроме прочего, решить вопрос об иллюстративном материале. В некоторых случаях его набиралось много, а в некоторых, особенно, если в описаниях использовались коннотемы, зафиксированные, но недостаточно проиллюстрированные другими исследователями, мало. Поэтому Е.С. Отин стремился к тому, чтобы показать разнообразие семантических контекстов, сочетаемость коннотонима с другими словами, а также различие в графическом оформлении описываемой единицы. Что касается количества примеров, то здесь учёный был непреклонен: любой словарь, в особенности, объяснительный, толковый, наиболее достойно украшает тщательная, по возможности приближающаяся к тезаурусной, экзemplификация (Принимая решение об использовании нового или непривычного термина, почти всегда вспоминаю пушкинское: “А вижу я, винюся пред вами, / Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо б меньше мог / Иноплеменными словами ”, – но уж очень правильную и полезную для онимографии дефиницию имеет редко используемое понятие экзemplификация: “[нем. Exemplifikation] обеспечение иллюстративным материалом; объяснение на конкретных, наглядных примерах” [Новый словарь иностранных слов, (Мн., 2006), с.1041]).

Отдельной лексикографической проблемой при работе над словарём коннотонимов была фиксация переходов собственных имён в нарицательные через промежуточную ступень – коннотативный оним. Сложность же задачи состояла в том, что иногда (при отсутствии соответствующих “отражений” в источниках) промежуточную ступень (коннотоним) приходилось реконструировать.

В словаре коннотативных собственных имён Е.С. Отина есть словарная статья АБРАМ. Она как нельзя лучше подошла бы здесь для иллюстрации различий в подходе к описанию имён в складывавшейся столетиями традиции и тем, как реализовал её Е.С. Отин на рубеже XX и XXI веков. Однако объём публикации, к сожалению, не позволяет воспроизвести её полностью. Поэтому отсутствие в примере экзemplификации показано знаком <...>.

АБРАМ, -а, м. Антр.1 Личное мужское имя. Вариант: Авраам. <...> Распространена производная форма Абраша <...> УКА2 Еврей (ирон., нередко пренебр.) <...> ирон. о предприимчивости евреев. С таким же созначением употребляются и производные формы Абраша (в тюремном жаргоне <...> и Абрамчик <...>. УКА3. 1. О человеке с бородой, т.е. вызывающем к себе уважение <...>. 2. Бранное слово <...>. УКА4. Отличник (в жаргоне школьников <...> [3, с.41].

Вариативность словообразовательных структур коннотонимов и участие новых онимных единиц в процессах пополнения словаря русского языка многочисленными отонимными и отконнотонимными производными, вообще весь комплекс дериватологических проблем поставили перед создателем словаря значительные по сложности вопросы, без решения которых коннотонимография как особое направление лексикографии, точнее, онимографии не сформировалась бы.

К сказанному выше о механизме метонимии в процессе трансонимизации, послужившем “толчком” к началу исследований коннотативной онимии нужно добавить, что само явление перехода онимов из одного разряда в другой также было тщательно изучено Е.С. Отиним. при этом, несмотря на то, что в своих работах он рассматривал, кроме абсолютной, (безаффиксной) трансонимизацию с участием аффиксов, а для представления в словаре учёный выбрал только лексико-семантическую, причём только те её проявления, когда в качестве промежуточного звена обязательно выступали коннотативные онимы, формально тождественные предшествующему состоянию.

Представляя структуру разработанной им словарной статьи, Е.С. Отин отметил, что она состоит из обязательной и факультативной частей. Обязательную часть составляют: заголовочный оним (в исходной или производной форме), примеры его употребления в прямом (денотативном) значении, в ломаных скобках содержится указание на реалии внеязыковой действительности (связанные с онимом), предопределившие появление у него той или иной коннотации, затем следует условное буквен-

ное обозначение типа коннотации в сопровождении разъясняющих иллюстраций. Факультативно в статье размещаются а) производные от коннотонимов; б) словосочетания с коннотонимами; в) географические названия, возникшие в результате “возвращения в топонимию” коннотативных онимов, но с иными (в отличие от первичных) мотивами номинации; г) лексемы, в истоках которых лежит тот или иной коннотоним, испытавшие полную деонимизацию.

Так появился уникальный, что отмечено и в многочисленных рецензиях, и в специальных исследованиях, «Словарь коннотативных собственных имён» русского языка. Он уже выдержал три издания. Второе отличалось от первого появлением вступительной статьи В. М. Мокиенко, местом публикации и тиражом. Что касается третьего, на сегодня последнего объёмом уже в 518 страниц, то оно было опубликовано в 2010 году. Однако Е. С. Отин работу над словарём не прекратил. К концу 2014 года словарь “вырос” уже до 750 страниц, но, к сожалению, не был опубликован автором, ушедшим из жизни в самом начале 2015. В настоящее время ФГИИ «Азбука» изыскивает возможности для издания четвёртого, исправленного и значительно дополненного выпуска словаря.

Библиографический список

1. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л.: Из-во Академии Наук, 1963. 445 с.
2. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. №2. С. 55–72.
3. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. 3-е изд., перераб. и доп. Донецк : Юго-Восток, 2010. 518 с
4. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровымъ. – Томъ второй. Книга пятая, шестая, седьмая и осьмая. – Санктпетербургъ, 1849. [10], XX, 5–191, 120–122, 116, [4], 112. 224 с.

References

1. L.S.Kovtun Russian lexicography of the Middle Ages. M .; L .: From the Academy of Sciences, 1963. 445 p.
2. Otin E.S. Connotative onyms and their derivatives in the historical and etymological dictionary of the Russian language // Questions of linguistics. 2003. №. 2. P. 55–72.
3. Otin E.S. Dictionary of connotative proper names / E.S Otin. 3rd ed., Rev. and add. Donetsk: Yugo-Vostok, 2010. 518 p
4. Tales of the Russian people, collected by I. Sakharov. Volume two. Book five, six, seventh and eighth. St. Petersburg, 1849. [10], XX, 5–191, 120–122, 116, [4], 112. 224 p.

УДК 811.16

*Воронежский государственный
университет
доктор филологических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Меркулова И.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: igell@yandex.ru*

*Voronezh State University
Doctor of Philology, Associate Professor of
the Theoretical and Applied Linguistics De-
partment
Merkulova I.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: igell@yandex.ru*

И.А. Меркулова

КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ СЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена результатам анализа наиболее важных значений, объединяющих современные славянские языки. Выделить такие значения возможно в рамках лексической нуклеологии – нового раздела лексикологии, посвященного исследованию, сопоставлению и классификации параметрических ядер лексико-семантических систем языков. По данным лексической нуклеологии концепты: ‘удар’, ‘идти’, ‘ряд’, ‘мера’, ‘иметь’, ‘круг’, образующие четыре концептуальных поля: (1) физическое воздействие на объект, ведущее к преобразованию действительности; (2) ‘перемещение в пространстве’; (3) ‘обладание’; (4) ‘упорядочивание действительности’, являются нуклеарно-семасиологическими универсалиями славянских языков и составляют ключевые смыслы славянской картины мира.

Ключевые слова: лексика, сопоставление, славянские языки, параметрическое ядро, концепт.

I.A. Merkulova

KEY MEANINGS OF THE SLAVIC PICTURE OF THE WORLD

The article is devoted to the results of the analysis of the most important meanings, which integrate modern Slavic languages. These meanings are possible to select due to lexical nucleology. The lexical nucleology is a new section of lexicology devoted to the study, collation and classification of parametric cores of lexical-semantic systems of languages. According to lexical nucleology, the concepts are: ‘hit’, ‘go’, ‘row’, ‘measure’, ‘have’, ‘circle’, forming four conceptual fields: (1) physical effect on an object, leading to a transformation of reality; (2) ‘movement in space’; (3) ‘possession’; (4) ‘ordering reality’ are the nuclear-semasiological universals of the Slavic languages and constitute the key meanings of the Slavic picture of the world.

Key words: lexis, collation, Slavic languages, parametric core, concept.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. Для ее изучения лингвисты выбирают различные объекты.

В качестве объекта нашего исследования выступили лексико-семантические ядра славянских языков. Как их выделить и какими они могут быть подробно описано в работе [1].

Для определения универсальных смыслов (концептов), объединяющих славянские языки, сначала необходимо методом параметрического анализа словаря определить большое лексико-семантическое ядро для каждого из славянских языков. Под большим параметрическим ядром лексики (БПЯЛ) понимается множество лексем, имеющих параметрический вес по трем и более системным параметрам (функциональному, синтагматическому, парадигматическому и эпидигматическому). Размерность таких множеств для славянских языков колеблется от 141 (в верхнелужицком языке) до 702 (в словацком языке) слов (таблица 1):

Таблица 1

Размерность БПЯЛ славянских языков

№	ЯЗЫКИ	Кол-во слов
1	Белорусский	554
2	Болгарский	154
3	Верхнелужицкий	141
4	Кашубский	395
5	Македонский	669
6	Нижнелужицкий	194
7	Польский	425
8	Русский	229
9	Сербский	312
10	Словацкий	702
11	Словенский	163
12	Украинский	302
13	Хорватский	345
14	Чешский	281

Как видно из таблицы, размерность больших ядер измеряется сотнями единиц.

Следующим этапом исследования является получение суммарного ядра, характеризующего славянское лексико-семантическое пространство. Можно назвать это множество лексем “ядром ядер” или “генеральным ядром”. Для решения этой задачи необходимо сложить полученные ядра. Общая сумма составила 4866 лексем. Отсортировав полученное множество по дефинициям, можно выявить значения, объединяющие наибольшее и наименьшее количество языков, уникальные значения, имеющиеся в ядре какого-либо одного языка и не нашедшие параллелей в других ядрах, а также эксклюзивные связи, объединяющие только одну пару языков (в терминологии А.А. Кретьова и соавторов, *экслюзивы*, т.е. уникальные лексические смыслы, общие только для какой-то одной пары языков) [1].

При этом мы осознаем, что совпадающие дефиниции в некоторых случаях не будут гарантировать абсолютного тождества лексем. Как отмечал А.Е. Супрун, “соответствия между лексемами двух славянских языков далеко не всегда сводится к соотношению: одна лексема языка А – одна лексема языка В. Сплошь и рядом отношение сложнее...” [2, с. 44].

Заметим, что и совпадения дефиниций не является абсолютным тождеством. При нахождении общности смысла для нескольких дефиниций мы учитывали лексическую синонимию (*битва-сражение-бой*), гипо-гиперонимические отношения (*запах-аромат*), словообразовательные пары (*бог-божий*).

В таблице 2 приводятся количественные данные, показывающие соотношение значений и языков, в которых данные значения обнаруживаются.

Таблица 2

Характеристика суммарного ядра славянской лексики

Языков	Значений	Накопл.
14	1	14
13	1	13
12	2	24
11	3	33
10	6	60
9	14	126
8	11	88
7	34	238

6	48	288
5	77	385
4	116	464
3	177	531
2	694	1388
1	458	458
Всего	1642	4271
Эмфаземы		756
Итого		4866

Под *эмфаземами* понимаются разные лексемы, вошедшие в ядро одного языка, дефиниции которых совпадают. Например, в лексико-семантическом ядре белорусского языка представлены такие эмфаземы, как: 'бить' – биць, сячы, грець; 'дорога' – шлях, дарога; 'дом' – дом, хата; 'неволя' – пятля, ярмо; 'плохой' – дрэнны, благі, апошні и другие.

Анализ полученного нами материала показывает степень распространенности в славянских языках того или иного концепта (смысла, идеи), имеющего особую значимость. Так, в ядрах всех 14-ти языков входят только одна лексема со значением '**удар**'. Ее суммарный параметрический вес располагается в интервале от 2,64 в словацком языке до 3,86 в болгарском языке. Можно предположить, что это главный объединяющий всех славян смысл, что характеризует славянские языки как языки европейские, так как по материалам исследования [1] концепт 'удар' доминирует в лексической составляющей средневропейского языкового стандарта. Мы отмечаем данный концепт как аксиологему, объединяющую все славянские языки, это значение входит в число доминант и аксиологем некоторых языков. Проекцией удара на плоскость глаголов является 'бить'. Можно считать это лексико-семантической глагольной-именной конверсией. Приведем примеры слов с этим значением, представленных в параметрических ядрах лексики славянских языков.

Таблица 3

Семема 'удар' в ядрах славянских языков

Язык	Лексема	Семема
СЛОВАЦ	udriet'	ударить
СЕРБ	удар	удар
КАШУБ	χlastnɔc	ударить, стукнуть
ЧЕХ	řana	удар м
ПОЛ	cięcie	удар (топором, саблей)
МАКЕД	удри	ударить, стукнуть
В-луж	rub	удар
УКР	удар	удар, ушиб
РУСС	удар	удар
БЕЛОРУС	удар	удар
Н-луж	puk	удар, побор
ХОРВАТ	udar	удар
СЛВН	bíti	бить
БОЛГ	удар	удар

Кроме концепта 'удар', к ключевым концептам относятся '*идти*', входящее в ядра 13 языков, и '*мера*', обнаруженное в больших параметрических ядрах 12 языков.

Далее можно указать значения, общие для 11 языков: '*ряд*', '*бить*', '*круг*'; 10 языков: '*дать*', '*игра*', '*сила*', '*работа*', '*схватить*', '*тяжелый*'; 9 языков: '*есть (питаться)*', '*верх*', '*гнать*', '*поднять*', '*жечь*', '*дух*', '*дом*', '*голова*', '*говорить*', '*время*', '*часть*', '*резать*', '*держать*', '*ход*'; 8 языков: '*кусок*', '*рвать*', '*грязь*', '*писать*', '*голос*', '*добро*', '*злой*', '*тянуть*', '*род*', '*час*', '*брат*'; 7

языков: 'выйти', 'дело', 'плохой', 'конец', 'лицо', 'колоть', 'рог', 'живой', 'женщина', 'бег', 'человек', 'куча', 'поле', 'бок', 'взять', 'доска', 'дуть', 'дыра', 'линия', 'знать', 'край', 'красивый', 'получить', 'свет', 'сказать', 'слабый', 'стучать', 'сухой', 'течь', 'ехать', 'упасть', 'цвет', 'чистый', 'шар'.

Таким образом, концепты, объединяющие наибольшее количество языков (12-14 языков) можно считать *нуклеарно-семасиологическими универсалиями* славянских языков. Они очевидным образом составляют четыре концептуальных поля: (1) физическое воздействие на объект, ведущее к преобразованию действительности (удар); (2) 'перемещение в пространстве' (идти); (3) 'обладание' (иметь); (4) 'упорядочивание действительности': дискретной (ряд), недискретной (мера), циклической (круг).

Библиографический список

1. Меркулова И.А. Что такое лексическая нуклеология // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 175-178.
2. Кретов А.А., Воеводская О.М., Титов В.Т. Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзива // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 32-41.
3. Супрун А. Е. О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / Институт славяноведения и балканистики РАН. М.: Наука, 1994. С. 38-51.

References

1. Merkulova I.A. What is lexical nucleology? // Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2018. № 4. С. 175-178.
2. Kretov A. A., Voevodskaya O. M., Titov V. T. Mental classification of European languages in Terms of exclusive lexemes // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). С. 32-41.
3. Suprun A. E. On an integrated approach to the construction of Slavic comparative lexicology // Theoretical and methodological problems in the comparative study of the Slavic languages / Institute of Slavic and Balkan studies RAS. 1994. С. 38-51.

УДК 81.1

Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирязова,
филиал в г. Альметьевск
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
языков и перевода
Ханнанова Д.М.
Россия, г. Альметьевск,
e-mail: val_dina@mail.ru

Kazan Innovative University named after
V.G. Timiryasov,
branch in Almet'yevsk
The chair of foreign languages and
translation
PhD, associate professor
Khannanova D.M.
Russia, Almet'yevsk,
e-mail: val_dina@mail.ru

Д.М. Ханнанова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ, ЛЕКСИЧЕСКАЯ И МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СВЯЗОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Статья посвящена описанию семантической, лексической и морфосинтаксической сочетаемости немецких связочных глаголов со значением «положение в пространстве»: *stehen, liegen, hängen, sitzen*. В ходе анализа было установлено, что указанные типы сочетаемости реализовываются на основе доминирующего семантического компонента в их значении «занимать определенное статическое положение в пространстве». Семантическое согласование глаголов-связок со словами, обозначающие предметы, осуществляется в том числе за счет присутствия в их семантике сем одушевленности и неодушевленности. Комбинации с одушевленными предметами имеют широкие лексические и морфологические возможности, в то время как неодушевленные предметы накладывают ограничения на сочетание с некоторыми лексико-семантическими группами слов. Что касается распространения значения глаголов в составе именного сказуемого, они вступают в свободную связь со словами, обозначающими признак, выраженными прилагательным, причастием, существительным и именным словосочетанием.

Ключевые слова: связочный глагол, семантическая сочетаемость, лексическая сочетаемость, морфосинтаксическая сочетаемость, семантика, значение слова

D.M. Khannanova

SEMANTIC, LEXICAL AND MORPHOSYNTACTIC COMPATIBILITY OF COPULA VERBS

The article is devoted to the description of semantic, lexical and morphosyntactic compatibility of German copula verbs with the meaning “position in space”: *stehen, liegen, hängen, sitzen*. During the analysis it was found that these types of compatibility are implemented on the basis of the dominant semantic component in their meaning “to occupy a certain static position in space”. Semantic coordination of copula verbs with words denoting objects is carried out, among other things, due to the presence in their semantics of the seme of animacy and inanimacy. Combinations with animate objects have broad lexical and morphological possibilities, while inanimate objects impose restrictions on the combination with certain lexical-semantic groups of words. As for the distribution of the meaning of verbs in the nominal predicate, they enter into a free connection with the words denoting the attribute, expressed by an adjective, a participle, a noun and a nominal phrase.

Key words: copula verb, semantic compatibility, lexical compatibility, morphosyntactic compatibility, semantics, word meaning

Проблема сочетаемости слов на протяжении долгого времени продолжает оставаться в кругу интересов исследователей и этому находится свое объяснение. С одной стороны, анализ сочетаемости позволяет открывать новое в описании значения словарных единиц, с другой – в условиях непрерывного развития языка известные или вновь выявленные семантические компоненты

© Ханнанова Д.М., 2021

значения могут обуславливать появление нетривиальных комбинаций. Наиболее интенсивно в

лингвистике проводится исследование сочетаемости глаголов. Особая роль глагола среди других частей речи обусловлена тем, что «именно глагол, называя некоторую ситуацию, вместе со своими актантами представляет законченную синтаксическую конструкцию, которая является минимальной коммуникативной единицей» [1; с. 137]. Интересные результаты может предоставить и изучение сочетаемости глаголов в функции связки, которыми, как известно, могут быть многие полнозначные глаголы. Выявленные комбинаторные особенности глаголов-связок могут обогатить знания о сочетаемостных свойствах не только глаголов, функционирующих в роли связочных, так и слов, вступающих с ними во взаимосвязь. В этом видится актуальность проводимого анализа.

Традиционно в лингвистике выделяют три типа сочетаемости слов – семантическую, лексическую и морфосинтаксическую (синтаксическую). Основу семантической сочетаемости образует содержательная сторона слова. В этом случае считается, что слово способно вступать в сочетания с теми словами и их классами, которые объединены с ним общим смыслом. Основным законом сочетания слов является наличие в их значениях одной общей семы, именуемой классемой, и только в этом случае они будут составлять правильное сочетание [2; с. 279]. Лексическая сочетаемость затрагивает индивидуальные характеристики отдельного слова и заключается в избирательности лексем, которая определяется не только его лексическим значением, но и факторами другого порядка – грамматическими, фразеологическими, стилистическими, коннотативными и другими. Таким образом, семантическая сочетаемость ориентирована на семантический признак, а лексическая сочетаемость – на список слов, с которыми может сочетаться данное слово [3; с. 12]. И, наконец, морфосинтаксическая или синтаксическая сочетаемость заключается в возможности употребления лексических единиц в определенных синтаксических комбинациях. Характер этих связей определяет принадлежность лексической единицы к конкретной грамматической категории – части речи или грамматическому классу слов, что обуславливает способность обоюдного подчинения вступающих во взаимосвязь словоформ лексических единиц. При этом следует указать на то, что все типы сочетаемости взаимосвязаны друг с другом, имеют размытые границы и основаны на лексическом значении слова.

Рассмотрим реализацию указанных типов сочетаемости на примере немецких связочных глаголов группы «положения в пространстве»: *stehen, liegen, hängen, sitzen*. Основу лексического значения всех глаголов-связок образует однотипный денотативный компонент «занимать определенное статическое положение в пространстве». Поэтому они могут сочетаться как с одушевленными, так и неодушевленными предметами (натурфакты и артефакты), выраженные всеми возможными способами частеречного оформления – именем существительным, местоимением, именем собственным в единственном или множественном числе в именительном падеже. С одушевленными предметами соотносятся все рассматриваемые связочные глаголы, поскольку семантика последних предполагает способность живого существа принимать любое из пространственных положений, выраженных значением глаголов: *Rosenemil stand einen Augenblick ohne Orientierung (G. Hauptmann); Dora liegt noch immer bewegungslos (K. Fruhauf); Der Artist hing rot vor Wut am Seil; Ein Zigeunerjunge saß barfuß und ohne Sattel auf einer braunen Stute (C. Hein)*. Таким образом, в своем лексическом значении все глаголы имеют не только общую категориально-лексическую сему «занимать положение в пространстве», но и имплицитно заложенную сему «одушевленность». Дифференцированные семы, которые уточняют семы однотипные: *stehen* – «находиться в вертикальном положении», *liegen* – «находиться всем телом на чем-либо в горизонтальном положении», *hängen* – «находиться в вертикальном положении без опоры, на весу, будучи прикрепленным к чему-либо» и *sitzen* – «находиться в неподвижном положении, с опорой нижней части, с согнутыми или вытянутыми ногами» [4] ограничивают на сочетаемость глагольных связок с предметами неодушевленными. Так, со всеми глаголами-связками рассматриваемой группы могут сочетаться слова, относящиеся к таким тематическим группам как «растения»: *Die Nelken stehen noch nicht aufgeblüht in der Vase, Die Kräuter liegen ausgetrocknet auf dem Boden, Die Birnen hängen reif an den Bäumen, Die Blume sitzt blühend im Blumentopf*; «части тела»: *Die Haare stehen mir zu Berge, Die Hände liegen kraftlos auf den Knien, Das Haar hängt ihm wirr ins Gesicht (H. Schauer O. Bonhof), Der Kopf sitzt fest auf dem Hals*; «одежда»: *Der Kragen steht gestärkt, Die Wäsche lag sauber im Schrank, Der Anzug hängt für das Konzert vorbereitet, Das Hemd sitzt etwas zu stramm über den Schultern*; «транспорт»: *Der Zug steht leer am Bahnsteig, Das Boot liegt gebrochen am Ufer, Der Hubschrauber hängt schmutzig vor dem aufgeworfenen Staub in der Luft, Das Schiff sitzt zerschlagen tief im Wasser* и

«посуда»: *Die Tasse steht blitzsauber auf dem Tisch, Die Gabel liegt gebogen neben dem Teller, Der Schöpflöffel hängt allein an der Wand.* Но при этом языковой материал не предлагает сочетаний глагола *sitzen* в связочном употреблении с лексемами, обозначающими предметы мебели и бытовой техники: *Nur der Ofen stand noch weiß und tröstlich warm (A. Zweig), Der Stuhl lag geworfen auf dem Boden, Die Tafel hing schräg (F. Dürrenmatt);* продукты питания: *Die Milch stand frischgemolken auf dem Tisch, Das Brot lag frischgebacken auf dem Teller, Die Zwiebel hing golden und bräunlich an der Wand;* механизмы: *Die Uhr stand mit dem geöffneten Zifferblatt, Die Armbanduhr lag ohne Armband auf dem Stuhl, Die Wanduhr hing prächtig an der Wand* и строения: *Der Eiffelturm steht silbrig in der Dämmerung (H. Schauer, O. Bonhof).* С последней лексической группой не соотносятся также и глаголы *liegen* и *hängen*. Заметим также, что частичный синоним глагола *sitzen* – глагол *hocken*, имея в своей семантике денотативные компоненты «сидеть на корточках», «сидеть, скорчившись или съживившись» употребляется исключительно с одушевленными носителями признака: *Da hocken die Gutsarbeiter stumm auf der Scheunentenne (E. Strittmatter),* сема неодушевленности в его значении не заложена. Однако, вместе с тем думается, что в процессе метафоризации или персонификации неодушевленного обладателя признака они вполне могут использоваться с субъектами перечисленных и других тематических групп для создания индивидуальных художественных образов или описания вымышленных миров, когда законы физики могут отличаться от земных, «иногда слово может выступать в так называемом окказиональном значении, мало распространенном, или даже в единичном употреблении», что «характерно для художественной литературы, где автор рисует индивидуальное видение мира или ситуации» [5; с. 31]

Присутствие итеративных сем одушевленности и неодушевленности в компонентах описанных словосочетаний находит свое продолжение в «правой» сочетаемости, за счет распространения глаголов признаковыми словами, поддерживающих общую семантику состояния именного сказуемого, которая предполагает приписывание обладателю признака различных качеств, свойств и характеристик. Так, сема одушевленности присутствует в распространителях с семантикой обозначения размера, формы тела живого существа, его душевного и физического состояния и т.д., выраженных, как правило, именем прилагательным или первым и вторым причастием, например: *Der Riese stand unbeweglich mitten im Zimmer, leicht gebückt, ... (F. Dürrenmatt); Groß, hager und weißhaarig saß er aufrecht im hochlehnigen Stuhl des Hausherrn (H. Schneider); Sie hockte einige Stunden frierend in einem zugigen Gang des Bahnhofs (C. Wolf).* Неодушевленность проявляется в сочетаниях со словами признаковой семантики, относящихся к обозначениям цвета, протяженности и других свойств предмета, например: *Und der Gang liegt lang und leer vor dir (K. Fruhauf); Die Schreibtischfächer standen offen (O. Levett); Der Zettel ... , ... der immer noch weiß und leer an der schwarzen Wandtafel hing (C. Wolf),* выраженными теми же морфологическими способами, что и в предыдущем случае.

«Правое» согласование позволяет разграничивать употребление этих глаголов в разных синтаксических функциях – в роли полноценного глагольного предиката или в роли связочного компонента в составе именного сказуемого. Все рассматриваемые глаголы являются непереходными, их лексическое значение не подразумевает соединения ни с прямыми, ни с косвенными объектами [6; с. 133], но их семантика в привычном функционировании в качестве глагольного сказуемого обнаруживает связь с обстоятельствами места и времени, поскольку любое размещение в пространстве предполагает, в первую очередь, место расположения обладателя пассивного признака в пространстве и время, которое он в нем провел. В связочной же функции локальные и темпоральные значения актуализируются глаголами не самостоятельно, а совместно с именным компонентом, с учетом семантики последнего, глаголы становятся частью «синтаксического» глагола [7; с. 24], в состав которого помимо глагола входит и именная часть, выраженная именами существительными и прилагательными, причастиями, в том числе распространенными, реже местоимениями и предложными сочетаниями существительного. Поэтому в случае со связочными глаголами обязательной и первоочередной «правой» их реализацией значения становятся слова с характеризующим и определительным значениями, отодвигая тем самым темпорально-локальные связи на второй план. Из факультативной сочетаемости глаголов положения в пространстве с признаковыми словами в синтаксической функции связки согласование с признаковыми словами переходит в разряд активной комбинации, при которой зависимые компоненты становятся обязательными.

Таким образом, результаты исследования сочетаемости немецких связочных глаголов со значением «положение в пространстве» показывают, что их семантическое согласование с другими словами обусловлено наличием повторяющихся в лексических единицах сем одушевленности и неодушевленности, а также общей семантикой состояния, присущей именной синтаксической конструкции. В связи с этим глаголы способны сочетаться с обозначением любых одушевленных предметов и неодушевленных предметов некоторых лексико-семантических групп, представленных всеми возможными способами частеречного оформления. Эти семантические особенности глагольных связок обуславливают и широкие возможности контактной признаковой сочетаемости, которая синтаксически становится облигаторной, лексическая избирательность при этом носит достаточно свободный характер.

Библиографический список

1. Колпачкова Е.Н. Классы глагола, сочетаемость и типология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. С. 137-149.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. 763 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
4. Лепинг Е.И., Филичева Н.И., Цвиллинг М.Я. Большой немецко-русский словарь в 2-х т. М.: Русский язык. Медиа, 2004. 761 с. + 681 с.
5. Влавацкая М.В. Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7 (19). С. 29-34.
6. Плотникова Ю.И. Денотативное пространство глаголов «висеть», «лежать», «сидеть», «стоять» // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. 5-7 февраля 1998 г., Екатеринбург: Тез. докл. / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 130-133.
7. Левицкий Ю.А. Типы сказуемого в современном английском языке. Пермь, 1991. 67 с.

References

1. Kolpachkova E.N. Verb classes, combinability and typology. // Bulletin of the Saint Petersburg University. Oriental and African Studies. 2009. P. 137-149.
2. Gak V.G. Language transformations. Moscow, 1998. 763 p.
3. Апресян Y.D. Lexical semantics: Synonymic means of language. Moscow, 1974. 368 p.
4. Leping, E.I., Filicheva, N.I., Zwillling M.Y. Great German-Russian dictionary in 2 vol. M.: Russkiy yazyk. Media, 2004.
5. Vlavatskaya M.V. Combinatorial semasiology (semantics and combinability of words) // The world of science, culture, and education. 2009. Vol. 7 (19). P. 29-34.
6. Plotnikova Y.I. Denotative space of verbs "hang", "lie", "sit", "stand" // Denotative space of the Russian verb: Materials of the IX Kuznetsov Readings, the 5-7 of February 1998, Yekaterinburg / Ed. by prof. L.G. Babenko. Yekaterinburg: Ural Publishing House of University, 1998. P. 130-133.
7. Levitsky Y.A. Types of predicate in modern English. Perm, 1991. 67 p.

УДК 811.112.2

*Иркутский государственный университет
аспирант,
Кутимская А.Ю.
Иркутск, Россия,
e-mail: kalinka@inbox.ru*

*Irkutsk State University
Postgraduate student
Kutimskaya A.Yu.
Russia, Irkutsk,
e-mail: kalinka@inbox.ru*

А.Ю. Кутимская

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ СИНОНИМИИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БАНКОВСКОГО ДЕЛА

В статье рассматривается представленность англоязычных заимствований в немецкой банковской терминологической системе как одним из основных источников синонимических отношений. Дано описание некоторых особенностей данной системы – динамичности и открытости.

Ключевые слова: заимствования, терминологическая система, синонимические отношения, открытость, динамичность.

А.Yu.Kutimskaya

ENGLISH BORROWINGS AS ONE OF SOURCES FOR SYNONYMY IN MODERN GERMAN BANKING TERMINOLOGY

The article deals with representation of English borrowings in German banking terminological system as one of main sources for this system. The description of some properties such as openness and dynamicity is given.

Keywords: borrowings, terminological system, synonymic relations, openness, dynamicity.

Каждая терминологическая система является открытой, в процессе ее эволюции появляются и заимствуются новые понятия. Существуют различные мнения по поводу существования синонимов в терминологических системах. Некоторые лингвисты говорят о том, что синонимии в терминологических системах нет (Е.Н. Толикина), схожие по смыслу термины следует рассматривать как дублетные наименования [6, с. 78–89]. Другие утверждают, что терминологиям свойственна абсолютная синонимия (Б.Н. Головин), это явление именуется терминологической дублетностью [3, с. 49–59]. В.Н. Молодец [4, с. 11–21] определяет дублеты как «как противопоставленные друг другу иноязычные и калькированные лексемы, находящиеся в синонимических отношениях и способные различаться по своей стилистической окрашенности и сфере употребления, но в отдельных случаях даже и по дополнительным семантическим оттенкам». Одним из достижений современной лингвистики (Ю.Д. Апресян) является понимание «идеи синонимии в самом широком смысле этого слова», т.е. процессы моделирования, распознавания и создания текстов/дискурсов с использованием синонимов [2]. Эта идея применима и к терминологическим системам.

Одним из важнейших средств пополнения любой терминологической системы являются заимствования. Главным поставщиком новых терминологических единиц для немецкой банковской терминосистемы в XX веке считается английский язык, что связано с процессами глобализации и интернационализации, эволюции английского языка от его формирования и становления в Средние века к преобразованию в лингва франка в XX веке, а также с такими особенностями банковской терминосистемы, как ее постоянная изменчивость и динамичность. Подобные процессы происходили и происходят под влиянием экстралингвистических факторов, в частности политической и экономической зависимости ФРГ от Соединенных Штатов после Второй мировой войны. После 1945 года в ФРГ появилось большое количество американских банков, и возникла необходимость номинации новых для тогдашней Германии понятий. Затем, в более позднее время, начиная с 80–90-х годов, появилась тен-

денция к глобализации и интернационализации, проявляющаяся, в частности, в несомненном лидерстве английского языка. Как отражение подобных процессов в терминологической системе банковского дела часто используются прилагательные, связанные с глобализацией: *global – global Markets, global Banking*.

Банковская терминология характеризуется большим количеством синонимов, каждый из которых выражает определенную информацию, которая не может быть выражена каким-либо другим термином. Предпосылки существования синонимии в данной терминологической системе содержатся в самой природе термина, где содержание стремится к многообразию форм, а формальная сторона – к изменению, при этом воплощая в себе максимум содержания. Это является структурообразующим принципом синонимии, где у одного содержания может быть несколько форм выражения.

Синонимические ряды немецкой банковской системы могут состоять из заимствованных и исконно немецких терминов. Рассмотрим синонимический ряд *Bankverbindung, Nutzerkonto, Bankkonto, Account, Internetkonto*, указанный в электронном словаре синонимов немецкого языка [9]. Термины *Internetkonto* и *Account* в данном синонимическом ряду являются заимствованными, причем *Internetkonto* – это обозначение текущего банковского счета для электронных денег, в словаре синонимов оно помечено как неологизм. *Internetkonto* является гибридным образованием, состоящим из слова *Konto* и заимствования из английского языка *Internet*. Термин *Account* электронный словарь Dudenlexikon определяет как счет, где хранятся денежные средства [8]. Этот термин также был заимствован из английского языка. В данном синонимическом ряду существуют и исконно немецкие термины *Bankverbindung, Bankkonto, Nutzerkonto*. Следует отметить, что синонимические ряды в немецкой банковской терминологии отражают тождественные или сходные значения или смыслы. Как мы видим на примере данного синонимического ряда, здесь доминирует исконно немецкий термин *Bankverbindung*. Опираясь на определение Ю.Д. Апресяна о доминанте синонимического ряда как «наиболее нейтральном стилистически, прагматически и коммуникативно термине» [1], можно сделать подобный вывод. По словам Ю.Д. Апресяна, доминанта «обслуживает такие жизненные ситуации, в которых другие синонимы ряда не могут быть употреблены» [5]. Исконно немецкие термины обозначают классические способы денежного обращения, а заимствованные англоязычные термины больше связаны с интернетом и электронным обращением денег. Хотя частотность употребления англоязычных заимствований и возрастает, нужно отметить, что в основном все еще используются исконно немецкие термины, а термины *Account, Internetkonto* [7] находятся на периферии этого синонимического ряда. Сюда же относится и неологизм *Money-net-Konto*, обозначающий банковский счет для криптовалюты.

Еще одной особенностью банковской терминологии является ее четкость, основанная на принципе языковой рациональности, большую роль здесь играет принцип языковой экономии, например: *Bankteam – Mannschaft der Bank; Banking – Bankverkehr, Bankgeschäftsabwicklung; Call Center – Telefonkundendienstzentrale; online – am Netz angeschlossen, verbunden*. Очевидно, что немецкоязычный термин часто более громоздкий, что препятствует его широкому использованию. Иногда в немецком языке не существует термина, полностью отражающего смысловой объем выражаемого понятия, например, *Leasing* (существует глагол *leasen* обозначающий *ausleihen, mieten, pachten* и грамматически полностью ассимилировавшийся в немецком языке), но сам термин *Leasing* обозначает особый вид кредита на определенный срок и на определенных условиях с правом выкупа имущества лизингополучателем. В силу процессов интернационализации английского языка и его распространения англоязычные термины являются более очевидными и общедоступными, они не требуют перевода.

Немецкая банковская терминологическая система является динамичной и открытой. Как и в других терминосистемах, в связи с появлением новых знаний появляются новые термины. Для точного выражения мысли не всегда достаточно исконно немецкого термина, поэтому используются заимствования, которые наиболее четко отражают современное состояние банковской экономики и являются более выразительными. Они также подвергаются процессам ассимиляции в соответствии с правилами немецкого языка. В современном обществе в связи с процессами глобализации и интернационализации общеупотребляемым языком – лингва франка – является английский, что способствует появлению многочисленных заимствований из этого языка. Таким образом, английский язык является источником появления синонимических отношений с участием англоязычных заимствований.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии: в 2 т. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
3. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов // Вестник Московского университета. Серия X. Филология. М., 1972. С. 49–59.
4. Молодец В.Н. Некоторые проблемы терминологической синонимии // Термин и слово. Предметная отнесенность и функционирование термина. Горький, 1983. С. 11–21.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., 2003. 1488 с.
6. Толикина Е.Н. Синонимы или дублиеты? // Исследования по русской терминологии. 1971. С. 78–89.
7. URL: <https://synonyme.woxikon.de/synonyme/internetkonto.php> (дата обращения: 01.04.2021).
8. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Account> (дата обращения: 01.04.2021).
9. URL: <https://www.synonyme.de/konto> (дата обращения: 01.04.2021).

References

1. Apresyan Yu.D. Studies on semantics and lexicography: in 2 P. P. 1: Paradigmatic. M.: Languages of Slavic cultures, 2009. 568 p.
2. Apresyan Yu.D. Lexical semantics: synonymous recourses of one language. M.: Science, 1974. 367 p.
3. Golovin B.N. About some problems by terms analyses // News of Moskow University. Number X. Philologie. M., 1972. P. 49–59.
4. Molodecz V.N. Some problems of terminological synonymy // Term and word. Denotation and functioning of one term. Gorkiy, 1983. P. 11–21.
5. New explanatory dictionary of synonyms in Russian language / under the general supervision of Yu. D. Apresyana. M., 2003. 1488 p.
6. Tolikina E.N. Synonyms or doublets? // Analyses of Russian terminology. 1971. P. 78–89.
7. URL: <https://synonyme.woxikon.de/synonyme/internetkonto.php> (date of application: 01.04.2021).
8. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Account> (date of application: 01.04.2021).
9. URL: <https://www.synonyme.de/konto> (date of application: 01.04.2021).

УДК 811.512.37

*Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как
иностранного и общегуманитарных
дисциплин
Омакаева Э.У.
Россия, г. Элиста,
e-mail: elomakaeva@mail.ru*

*B. Gorodovikov Kalmyk State
University
The chair of Russian language and
general humanitarian disciplines
PhD, Associate professor
Omakayeva E. U.
Russia, Elista
e-mail: elomakaeva@mail.ru*

Э.У. Омакаева

ЛЕКСИКА ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЛМЫЦКИХ СКАЗКАХ В ЗАПИСИ ГАБОРА БАЛИНТА (XIX В.)

(Исследование выполнено при финансовой поддержке КалмГУ в рамках внутривузовского проекта)

Статья посвящена особенностям лексики природного окружения и материальной культуры калмыцкого сказочного жанра на материале текстов сказок, собранных у астраханских калмыков полтора века назад венгерским лингвистом Габором Балинтом. Целью статьи является выявление субстантивной аппеллятивной лексики определенной тематической направленности. Анализируются имена существительные, номинирующие явления природы, климатические условия, флору, животный мир и артефакты. Предпринятый анализ фаунистических названий, в частности, номинаций домашних животных, связан с историей хозяйственной культуры, одомашнивания животных, а диких зверей — с охотничьим бытом. Анализ сказочного лексикона по широким тематическим разрядам, таким, как названия животных и растений, номинации вещей и явлений природы, позволит определить, каков общий объем и какова степень детализации указанных разрядов лексики. При объединении отдельных слов в кластеры, тематические и лексико-семантические группы удастся выявить и наиболее характерные для данных группировок слов семантические признаки.

Ключевые слова: Балинт, сказочный текст, лексический кластер, метеолексемы, анимализмы, флоризмы, артефакты.

E.U. Omakayeva

VOCABULARY OF THE NATURAL ENVIRONMENT AND MATERIAL CULTURE IN KALMYK FAIRY TALES RECORDED BY GABOR BALINT (XIX CENTURY)

(The study was carried out with the financial support of KalmSU within the framework of the intra-university project)

The article is devoted to the peculiarities of the vocabulary of the natural environment and material culture of the Kalmyk fairy tale genre based on the texts of fairy tales collected from the Astrakhan Kalmyks a century and a half ago by the Hungarian linguist Gabor Balint. The purpose of the article is to identify the substantive appellative vocabulary of a certain thematic orientation. The nouns nominating natural phenomena, climatic conditions, flora, wildlife and artifacts are analyzed. The undertaken analysis of faunal names, in particular, nominations of domestic animals, is connected with the history of economic culture, domestication of animals. The appearance of wild animals in fairy tales is associated with hunting life. The analysis of the fairy-tale lexicon using wide thematic categories, such as the names of animals and plants, the nominations of things and natural phenomena, will allow us to determine what is the total volume and what is the degree of detail of these categories of vocabulary. When combining individual words into clusters, thematic and lexico-semantic groups, it is possible to identify the semantic features most characteristic of these groupings of words.

Key words: Balint, fairy-tale text, lexical cluster, meteorological lexemes, animalisms, florisms, artifacts

Венгерским ученым Габором Балинтом полтора столетия назад в ходе его поездки к астраханским калмыкам были записаны 15 образцов калмыцких сказок. Тексты в записи Балинта были опубликованы

ликованы в 2011 г. известным венгерским монголистом Агнеш Бирталан в оригинале (в фонетической транскрипции) и в английском переводе [1]. У Бирталана все сказки пронумерованы, идут под одним и тем же жанровым обозначением «*ут тууль*» («длинная сказка»). А. Бирталан дала им названия, сопроводив публикацию сказочных текстов научным комментарием. Выход в свет данной книги, конечно, сразу привлек внимание калмыцких фольклористов [2-4].

Рассматривая сказку как лингвокультурный текст, отражающий картину мира, следует обратить особое внимание на роль лексики в сказочном текстообразовании [5; 6], целесообразность и плодотворность изучения лексикона по кластерам и лексико-семантическим группам. Мы используем понятие «лексический кластер» как инструмент исследования языковой картины мира.

Словарный состав сказок достаточно разнообразен. Ядерный лексикон отражает важнейшие доминанты сказочной модели мира. Мы выделяем в качестве отдельных лексических мегакластеров наименования натурфактов и артефактов, имеющие большую информативную ценность.

В сказках представлены номинации натурфактов (погодных явлений и естественных неживых объектов), зафиксированные нами в сказочном тексте. Речь идет прежде всего о метеолексемах типа *хур* «дождь», *будн* «туман» (№ 3) и орографизмах (названиях форм рельефа), например, возвышенностей типа *уул* «гора» (№ 9), *толһа* «холм, курган» (№ 6). В последнем случае соматическая лексема, в первичном значении обозначающая часть тела (голову), зафиксирована как метафорическое обозначение природного ландшафтного объекта [7].

Лексическая экспликация анималистического образа в сказочном тексте представляет особый интерес. Родовым термином для обозначения всех животных выступает слово *аһурси*, домашних животных — *адусн*, скота — *мал*. Видовыми терминами следует признать номинации конкретных животных, в том числе змеи, лошади.

Анималистические образы встречаются почти во всех сказках. Представители фауны (животные, в том числе птицы) выступают главными героями калмыцких кумулятивных сказок. Орнитоморфный образ воробья фигурирует в кумулятивной сказке № 1 «Богшурһа» («Воробей») [1, с. 225–227].

В данном сказочном тексте встречаются и номинации других животных, как домашних, так и диких: *хөн* «овца», *чон* «волк», *ажрһ* «жеребец», *хулһн* «мышь». В других сказках фигурируют такие животные, как *уһр* «корова» (№ 4), *мөрн* «лошадь» (№ 2, № 4, № 6, № 8, 9, 11), *моһа* «змея» (№ 2, № 4, № 6), *буһ марл* «олень» (№ 4), *арат* «лиса» (№ 7), *мис* «кошка» (№ 7), *ноха* «собака» (№ 7).

В качестве примера анимализма, обозначающего хищное пресмыкающееся животное, рассмотрим слово *моһа* «змея». В анализируемых сказках образ змеи занимает особое место. По словам В. Я. Проппа, «это — одна из наиболее сложных и неразгаданных фигур мирового фольклора и мировой религии» [8, с. 299]. Действительно, этот образ многогранен, окутан ореолом тайны. Змея является символом четвертого года двенадцатилетнего животного цикла калмыков (год Змеи). Это же название носят месяц и час: *Моһа сар* «месяц Змеи» (февраль-март), *Моһа цаг* «час Змеи» (малый полдень — с 9.40 до 11.40 часов утра).

В сказке № 2 [1, с. 228–230] представлен образ змея-похитителя. Здесь повествуется о богатых бездетных старике и старухе, у которых родился сын. Но их счастье было недолгим. Как-то ночью сына похитила змея. Старик, оседлав коня, пустился в погоню за похитителем, но так и не смог догнать его. Змея притащила мальчика в свою нору: *Моһа көвүг нүкндэн авад ирв*. Здесь обитала семейная пара змей (*эр эм хойр моһа*). Мальчику все же удалось убежать. Змеи пустились в погоню, но догнать беглеца не смогли. По прошествии времени мальчик возвращается в змеиную нору, чтобы расправиться с семейной четой. Он убивает хозяев норы, освобождает пленников, коих оказалось 1001 человек, возвращается домой и живет счастливо.

В анализируемой сказке также встречается номинация *мөрн* как обозначение одного из 4 видов домашнего скота — лошади: *Мана көвүн аавиннь Хурдн Алг гидг мөриг унад һарад йовв* «Наш мальчик отправился в путь, оседлав коня своего отца по кличке Хурдын Алык».

Реалии растительного мира формируют фитоморфный кластер сказочной языковой картины мира калмыков. К числу частотных флоролексем относятся гиперлексеммы *модн* «дерево» и *өвсн* «трава». Часто встречаются различные видовые названия деревьев и трав: *зандн модн* «сандак», *уласн* «тополь», *шарлэжн* «полынь», *хулсн* «камыш».

В коллекции балинтовских сказок большой пласт составляют наименования артефактов, и это не удивительно. Мир сказок — это вещный мир. Речь идет о названиях предметов материальной

культуры, использовавшихся на охоте, в хозяйстве, в домашнем обиходе и т.д. Актуальность исследования такой лексики обусловлена тем, что большая часть реалий постепенно уходит в прошлое, а вместе с ними забываются, переходят в пассивный запас и их названия.

Как мы уже писали ранее, уникальная и самобытная материальная культура калмыков (ойратов) «изучена на сегодня явно недостаточно даже в этнографическом плане, не говоря уже о лингвистических исследованиях» [9]. Материальная культура обычно относится к производственной деятельности человека. В своей жизнедеятельности человек использует самые разнообразные вещи, которые способны удовлетворить те или иные его потребности. Процесс взаимного приспособления материальной культуры и внешней среды, направленный на выживание социума, рассматривается как адаптация. Таким образом, под материальной адаптацией понимается система жизнеобеспечения, архитектура жилища, одежды и характер питания. Большинство объектов окружающего мира созданы человеком: это разные виды оружия (гиперлексема *зер-зев* ‘оружие’, гиполексемы *сум* ‘стрела’, *бу* ‘ружье’, *улд* ‘меч’), различные устройства (*тайг* ‘костыль’), жилище *гер* и его части (*үүдн* ‘дверь’), одежда *хувцн* и ее элементы (*хавтх* ‘карман’).

Считается, что все это, в отличие от духовной культуры, создается физическим, а не умственным трудом. Но такое деление культуры на материальную и духовную все же в значительной степени условно. Видимо, под материальной культурой следует понимать как овеществленную составляющую культуры, так и неовеществленную, но материализованную компоненту, которая, с одной стороны, непосредственным образом связана с природной средой обитания этноса, а, с другой, соответствует физиологическим потребностям человека.

До настоящего времени остаются малоизученными в лингвистическом отношении предметы материальной культуры – наименования пищи, посуды, одежды, построек, инструментов, орудий труда и т.п. Одним из таких предметов является оружие: ...*саадгин суман хаһад оркв* (№ 6) ‘...пустил стрелу’.

Одним из самых древних компонентов материальной культуры является жилище. У калмыков традиционным жилищем была кибитка: *Гериннь үүдн хоорнас авн мини гер куртл алтн тагт... ке* ‘От двери кибитки до моего дома построй золотой мост’.

В анализируемых сказках (№ 3, № 4, № 6 и 9) отмечены такие слова, как *эмэл* ‘седло’ (предмет конского снаряжения), *тергн* ‘телега’ (грузовая повозка), *деесн* ‘веревка’, *уут* ‘мешок’, *билцг* ‘кольцо’, *маля* ‘плеть’, *ааһ* ‘пиала’, *һанз* ‘трубка’, *хэв* ‘весло’, *авдр* ‘сундук’, *шатр* ‘шахматы’ (шахматные фигуры) и др. Калмыцкое название шахмат происходит от арабского *шатрандж*. Видимо, предки калмыков заимствовали шахматы у персов в 13-14 вв.

Из номинаций артефактов в сказке № 2 встречается и родовой термин *хувцн* как общее название одежды: *Сэн хувцн үмсэд, долан хонг нэр-жирһл кев* ‘Надев хорошую одежду (нарядившись), устроил семидневный пир’. Одежда является одним из важнейших компонентов этнической идентификации народа. В сказке № 4 зафиксированы детали и элементы одежды: *хорма* ‘подол’.

В сказках пищевой (гастрономический, кулинарный) код представлен ключевыми лексемами *махн* ‘мясо’ и *цэ* ‘чай’: *Махан идж оркад, һарад йовв* (№ 6) ‘Поев мяса, отправился в дорогу’; *Нег бер хаанд цэ чанад өгв* (№ 3) ‘Молодая замужняя женщина сварила чай для хана’.

У калмыков кизяк *арһсн* (навоз, высушенный в виде лепёшек) использовался как топливо: *Нег баавһа күн арһс түүж* (№ 3) ‘Одна женщина собирала кизяк’.

Лексика материальной культуры калмыков сформировалась под воздействием таких трех основных факторов, как географическая среда обитания, местная флора и фауна, человек в его хозяйственно-экономической деятельности. Первый фактор определяет остальные два, поскольку и человек, и вся живая природа выступают как продукты естественного отбора в процессе адаптации к местному ландшафту, климатическим условиям и т.д.

Нами представлены результаты предварительных наблюдений над функционированием некоторых лексем в сказочном дискурсе. Рассмотренные нами лексические номинации натурфактов и артефактов как объектов природного окружения и предметов материальной культуры являются важным языковым средством создания художественно-образной модели калмыцкой сказки. Дальнейшая задача — исследование других сказочных лексических кластеров в целях комплексного описания лексики калмыцких народных сказок в записи Габора Балинта с учетом жанровой специфики и стилистического измерения.

Библиографический список

1. Birtalan A. Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. *Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Kalmyk Texts*. Budapest, 2011. 380 p.
2. Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в записи Габора Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4(4). С. 6–32.
3. Манджиева Б. Б. Калмыцкая богатырская сказка в записи Г. Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4(4). С. 33–40.
4. Селеева Ц. Б. Сюжетное своеобразие калмыцких богатырских сказок в записях Г. Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4(4). С. 41–48.
5. Омакаева Э. У. Текст как отражение картины мира: лингво-культурологические аспекты описания эпоса "Джангар" // Проблемы современного джангароведения: Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию профессора А. Ш. Кичикова, Элиста, 12–14 октября 1997 года. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 1997. С. 26–31.
6. Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 21–27.
7. Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. М.: Тезаурус, 2010. 363 с.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
9. Омакаева Э. У. Вопросы изучения лексики ойратских говоров Монголии в свете актуальных проблем современной монголистики (на примере торгутского говора) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL:<https://science-education.ru/ru/article/view?id=16139> (дата обращения: 12.05.2021).

References

1. Birtalan A. Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. *Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Kalmyk Texts*. Budapest, 2011. 380 p.
2. Goryaeva B. B. Kalmyk tales recorded by Gabor Balint // *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4 (4). S. 6–32.
3. Mandzhieva B. B. Kalmyk heroic tale recorded by G. Balint // *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. no. 4 (4). S. 33–40.
4. Seleeva Ts. B. Plot originality of Kalmyk heroic tales in G. Balint's notes // *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4 (4). S. 41–48.
5. Omakeeva E. U. Text as a reflection of the world picture: linguistic and cultural aspects of the description of the epic "Dzhangar" // *Problems of modern Dzhangar studies: Materials of the Republican scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of Professor A. Sh. Kichikov, Elista, October 12–14, 1997*. Elista: Kalmyk state University named after B. B. Gorodovikova, 1997. P. 26–31.
6. Omakeeva E. U. The Problem of text formation in the folklore discourse: a genre of Kalmyk song in the light of lexicographic and corpus approaches // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities studies*. 2012. No. 1. S. 21–27.
7. Normanskaya Yu. V., Dybo A.V. *Thesaurus. Vocabulary of the natural environment in the Uralic languages*. M.: Thesaurus, 2010. 363 p.
8. Propp V.Ya. *The historical roots of the fairy tale*. L., 1986.
9. Omakeeva E. U. Questions of studying the vocabulary of the Oirat dialects of Mongolia in the light of actual problems of modern Mongolistics (on the example of the Torgut dialect) // *Modern problems of science and education*. 2014. № 6. URL:<https://science-education.ru/ru/article/view?id=16139> (accessed: 12.05.2021).

УДК 81.373.21

*Воронежский государственный
университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна
Попов С.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: spo@bk.ru*

*Voronezh State University
Department of Public Relations, Advertising and
Design
PhD, Docent
Popov S.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: spo@bk.ru*

С.А. Попов

О ВЛИЯНИИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается влияние экстралингвистических факторов на развитие топонимической системы Российской Федерации, сформировавшейся на протяжении нескольких веков. В данной работе были выявлены общие тенденции влияния государственной топонимической политики на процесс номинации географических объектов в разные исторические периоды. Одними из первых на месте исконных топонимов появились религиозно-ойконимы. В советское время в отношении к географическим названиям стал царить исключительно идеологический подход. В настоящее время топонимическая политика России в сфере мемориальной номинации направлена на присвоение названий в честь выдающихся личностей, как правило, новым географическим объектам.

Ключевые слова: ономастика, экстралингвистические факторы, топонимическая политика, топонимия, ойконимия, урбанонимия, советоним, религиозно-ойконим.

S.A. Popov

ON THE INFLUENCE OF EXTRALINGUISTIC FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the influence of extralinguistic factors on the development of the toponymic system of the Russian Federation, which was formed over several centuries. In this paper, we have identified general trends in the influence of the state toponymic policy on the process of nominating geographical objects in different historical periods. Religious names were among the first to appear in place of the original toponyms. In Soviet times, an exclusively ideological approach to geographical names began to prevail. At the present time, the toponymic policy of Russia in the field of memorial nomination is aimed at assigning names in honor of outstanding personalities, as a rule, to new geographical objects.

Key words: onomastics, extralinguistic factors, toponymic policy, toponymy, oikonymy, urbanonymy, sovietonym, religiooikonym.

Современная топонимическая система Российской Федерации формировалась на протяжении веков, а в некоторых регионах – и тысячелетий. За это время наименования географических объектов стали полноценным фрагментом языковой картины мира местного населения, поскольку в них прочно зафиксировались имена, фамилии, прозвища первооткрывателей, владельцев, первопоселенцев, выдающихся земляков, ландшафтные и иные естественно-географические особенности самих объектов (местоположение, размеры, возраст, виды местного почвенного покрова, растительности, качество воды и др.).

Изначально российский топонимикон формировался естественным путём. Например, при возникновении населённого пункта его называли, как правило, в честь первопоселенца или владельца, а также членов его семьи (*Абрамовка, Александровка, Анновка, Бутурлиновка, Гусевка, Елизаветино,*

Кантемировка, Софьевка, Филиппенково и т.д.).

Однако со временем в процесс топонимической номинации стали вмешиваться экстралингвистические факторы, в основном связанные с государственной идеологией – официальное присвоение наименований географическим объектам, чаще всего – внутригородским – улицам, площадям, переулкам и т.д. (*урбанонимы*), а также населённым пунктам (*ойконимы*) и орографическим объектам – горам, горным хребтам, холмам, долинам, оврагам, впадинам, ущельям, котлованам (*оронимы*). Нередко при этом переименовывались существующие географические объекты. Таким образом, современные топонимы дают исследователям возможность реконструировать культурные слои и идеологические установки власти разных временных эпох.

Некоторые исследователи используют для описания данного процесса термин «топонимическая политика», которая «представляет собой сложную по структуре деятельность, обладающую своей организационно-целевой стороной, правилами реализации и практическим воплощением. Рассматриваемая в статическом аспекте, топонимическая политика есть совокупность правовых, организационных, научных, методических, информационно-коммуникационных компонентов, которые обеспечивают регламенты присвоения топонимов, а также нормы их употребления в сфере социальной деловой коммуникации. В аспекте динамическом топонимическая политика – это сама практика присвоения официальных топонимов пространственным объектам, которая осуществляется уполномоченными субъектами права. В такой трактовке любой акт официального присвоения топонима любому географическому объекту (будь то объекты, устанавливаемые при картировании дна мирового океана, или территория, выделенная под строительство микрорайона) является реализацией топонимической политики» [1; с.46].

В первых рядах на месте существующих ойконимов появились религиозно-ойконимы – наименования населённых пунктов, которые были образованы от нарицательных или собственных имён, связанных со сферой религии. Их активное появление в современном Центральном Черноземье зафиксировано в XVIII-XIX веках, когда Русская православная церковь имела влияние на общественно-политическую жизнь дореволюционной России. Свое влияние православие распространяло и на топонимию. Чаще всего населённый пункт уже существовал с первичным наименованием. После возведения в нем православного храма наименование церкви или монастыря превращалось в новое название существующего населённого пункта. Бывший ойконим исчезал из официальных документов, карт административно-территориального деления, но какое-то время еще употреблялся местным населением параллельно с новым. Наименование храму присваивалось по названиям православных праздников (*Богоявленская, Благовещенская, Вознесенская, Казанская, Покровская, Рождественская*) или по именам православных святых (*Александровская, Архангельская, Богородицкая, Никольская, Павловская*). В итоге на географической карте России появилось множество повторяющихся ойконимов.

Следующий удар по отечественной ойконимии был нанесен в советское время, когда новая идеология проникла в географические названия. Как отмечает М.В. Горбаневский, «максимальная идеологизация всех сфер нашей жизни, проникновение мифологических образов "нового мира" во все поры и клетки традиционного русского общества (вызвавшие печально известные метастазы насилия, искажений, догматов) коснулись как в целом всей лексики русской речи, так и топонимической лексики в частности... После событий конца 1917 г. и последующих лет, приведших в итоге к формированию тоталитарного и авторитарного режимов, начала бурно развиваться топонимическая мифология. Это происходит на основе многочисленных мифов, активно "предлагавшихся" режимом. Мифы, насильственно насаждавшиеся в сознание миллионов людей, не замедлили отразиться и в топонимии» [2, с. 31].

В первые послереволюционные годы серьезное идеологическое воздействие было оказано на наименования географических объектов. Топонимы, в которых отразились прежние исторические реалии, в срочном порядке были заменены на топонимы с новым идейным содержанием. Например, когда церковь была отделена от государства, большинство существующих религиозно-ойконимов были заменены на *советонимы*. В результате множество населённых пунктов и внутригородских объектов в первые годы советской власти потеряли свои исконные наименования.

Как отмечал профессор Е.М. Поспелов, к началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе было переименовано 24 крупных города страны, многие из них – в честь руководителей партии и государства, а также приближенных к ним лиц: «Одновременно шло интенсивное переимено-

вание меньших городов, которым наряду с именами вождей, стоявших у власти, присваивались также имена многих других вождей – от Маркса и Энгельса до местных партийных функционеров» [3, с. 13-14].

Наименования, присвоенные населенным пунктам в советское время (советонимы), делятся на две крупные лексико-семантические группы:

1. Ойконимы, отражающие абстрактно-идеологические и оценочно-метафорические понятия и реалии советского времени.

В этих названиях часто использовалась основа прилагательного *красный* (в честь *Красного знамени* – международного символа пролетарской революции). Эпитет *красный* нередко добавлялся к существовавшим ойконимам (с. *Лиман* – с. *Красный Лиман*). Прежние ойконимы с основой *красный* в значениях 'имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым', 'красивый, прекрасный', устар. 'самый лучший, высшего качества', не подвергались идеологическому переосмыслению в значении 'относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с советским строем, с Красной Армией' (пос. *Краснолесный*, с. *Красная Поляна*, пос. *Красный Куст*), тем не менее, они создали базу ойконимической омонимии, что недопустимо в топонимии любого региона России.

В начале 1920-х годов в России было образовано множество новых населенных пунктов. Часто крестьяне одного села переселялись на новые земли и организовывали на них ТОЗы, сельхозартели, коммуны, немного позднее – колхозы, совхозы. Этим поселениям в большинстве случаев присваивались идеологизированные названия (пос. *Красное Знамя*, хут. *Красный Октябрь*, пос. *Мировой Октябрь*, пос. *Новая Жизнь*, пос. *Новый Путь*, с. *Парижская Коммуна*, хут. *Первое Мая*, пос. *Политотдельское*, с. *Свобода*, пос. *Свободный Труд*, пос. *Советский*, хут. *Сын Революции*, пос. *Труд*, пос. *Трудартель*).

2. Персональные мемориальные ойконимы. Эти наименования даны населенным пунктам в честь высших партийных и государственных деятелей, героев революции и войн, отечественных и зарубежных лидеров компартий, известных деятелей науки и культуры (с. *Алейниково* – в память о земляке, Герое Советского Союза И.А. Алейникове, г. *Георгиу-Деж* (г. Лиски в 1965 г. был переименован в память о видном деятеле Румынской коммунистической партии Г. Гергиу Деж (1901-1965), в 1991 г. городу было возвращено историческое название), г. *Ленинград*, с. *Радченское* (в память героя гражданской войны А.П. Радченко (1886-1939)), пос. *Роза Люксембург*, г. *Сталинград*).

В советское время особой популярностью стал пользоваться специфический тип ойконимов – **генетивные ойконимы** (наименования населенных пунктов, образованные от аппеллятивов и онимов в родительном падеже), не характерный для традиционной ойконимической номинации (пос. *им. Будённого*, пос. *им. XXII партсъезда*, пос. *им. Дзержинского*, пос. *Ильича*, пос. *Карла Маркса*).

Идеологические установки в топонимической политике не вечны. В 1960-е годы наша страна избавилась от многих ойконимов, связанных с именем И.В. Сталина и его ближайшего окружения. В итоге *Сталинград* стал *Волгоградом*, *Сталиногорск* – *Невинномыском*, *Сталинск* – *Новокузнецком*.

В 1980-е годы в СССР за несколько лет умерли генеральные секретари ЦК КПСС Л.И. Брежнев (1906–1982), Ю.В. Андропов (1914–1984), К.У. Черненко (1911–1985), министр обороны Д.Т. Устинов (1908–1984). Их именами оперативно были названы города, однако новые названия просуществовали недолго: *Рыбинск* (Ярославская область) был *Андроповым* (в 1984–1989 гг.), *Набережные Челны* – *Брежневым* (в 1983–1988 гг.), *Ижевск* – *Устиновым* (в 1984–1987 гг.), *Шарытово* (Красноярский край) – *Черненко* (в 1985–1988 гг.). В период начала «перестройки» указанным городам были возвращены их исторические названия.

Как видим, ойконимы, появившиеся на карте нашей страны в советское время, довольно однообразны и малоинформативны по отношению к характеристике географического объекта. В пределах отдельных регионов и в масштабах всей страны появилось обилие омонимичных ойконимов, что нежелательно в топонимической системе любой страны мира. К сожалению, многие советонимы пришли на смену оригинальным исконным наименованиям населённых пунктов, являющихся более ценными для истории языка и краеведения.

В первые годы «перестройки» ряд отечественных ученых обратились к исследованию названий географических объектов, ушедших в советское время в связи с массовыми идеологическими переименованиями населенных пунктов и внутригородских объектов (Нерознак В.П., Горбаневский М.В., Поспелов Е.М., Барандеев А.В. и др.). Активным сторонником возвращения исторических названий

был академик Д.С. Лихачев. По его инициативе в 1989 г. в Москве состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры», давшая толчок развитию топонимических исследований в заданном векторе.

Активная деятельность учёных и известных общественных деятелей дала свои плоды – по всей стране прокатилась волна возвращения географическим объектам (населённым пунктам и внутригородским объектам – улицам, площадям, паркам, скверам и т.д.) их исконных, исторически сложившихся названий (только в 1990 году было переименовано сразу несколько крупных городов, областных центров: *Калинин* – в *Тверь*, *Куйбышев* – в *Самару*, в 1991 году: *Ленинград* – в *Санкт-Петербург*, *Свердловск* – в *Екатеринбург*, *Горький* – в *Нижний Новгород*). Многим внутригородским объектам Санкт-Петербурга, Москвы и ряда других населённых пунктов также были возвращены их исторические названия (в Санкт-Петербурге: *Александровский парк* (с 1923 по 1997 гг. – *парк Ленина*), *Биржевой мост* (с 1922 по 1989 гг. – *мост Строителей*), ул. *Гороховая* (с 1927 по 1991 гг. – ул. *Дзержинского*, с 1918 по 1927 гг. – ул. *Комиссаровская*), ул. *Миллионная* (с 1918 по 1991 гг. – ул. *Халтурина*) и др.; в Москве: ул. *Знаменка* (ранее – ул. *Фрунзе*), *Тверская площадь* (ранее – *Советская площадь*), пер. *Нововаганьковский* (ранее – пер. *Павлика Морозова*) и др.).

На современном этапе государственная топонимическая политика России в сфере мемориальной номинации направлена на присвоение названий в честь выдающихся личностей, как правило, новым географическим объектам.

Таким образом, экстралингвистические факторы серьёзно влияли и продолжают оказывать влияние на развитие топонимической системы Российской Федерации.

Библиографический список

1. Голомидова М.В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 36–61. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028.
2. Горбаневский М.В. Национальные образы в топонимии Москвы // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО АН СССР, 1991. С. 25-39.
3. Пospelов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917-1992): Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1993. 247 с.

References

1. Golomidova M. V. Toponymic policy in the field of nomination of inner-city objects: theoretical and applied problems. 2018. Vol. 15. no. 3. pp. 36-61. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028.
2. Gorbanevsky M. V. National images in the toponymy of Moscow // Toponymy and interethnic relations. Moscow: MFGO AN SSSR, 1991. pp. 25-39.
3. Pospelov E. M. Names of cities: yesterday and today (1917-1992): Toponymic dictionary. Moscow: Russian Dictionaries, 1993. 247 p.

УДК 82-3

Ростовский государственный медицинский университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 1
Лучкина Н.В.
Россия, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: luchkina7@mail.ru

Rostov State Medical University
The chair of Russian language № 1
PhD, Associate Professor

Luchkina N.V.
Russia, Rostov-on-Don,
e-mail: luchkina7@mail.ru

старший преподаватель кафедры русского языка № 1
Мирзоева С.А.
Россия, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: samirzoeva@yandex.ru

The chair of Russian language № 1
Senior Lecturer

Mirzoeva S.A.
Russia, Rostov-on-Don,
e-mail: samirzoeva@yandex.ru

старший преподаватель кафедры русского языка № 1
Проценко И.Ю.
Россия, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ir.protsenko@yandex.ru

The chair of Russian language № 1
Senior Lecturer

Protsenko I.U.
Russia, Rostov-on-Don,
e-mail: ir.protsenko@yandex.ru

Н.В. Лучкина, С.А. Мирзоева, И.Ю. Проценко

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА *СЕМЬЯ*)

Семантико-когнитивное исследование описания в современной русской прозе семейных отношений показывает возрастающее число аномалий. Женские образы обретают все более негативные характеристики, из-за чего концепт *семья* ассимилирует такие понятия, как одиночество, разочарование, растерянность, страх, риск, безнадежность и пр. Возникли субконцепты: супружеская измена, развод. Семья, как и другие сферы человеческого мироустройства, претерпевает кризис. Нестабильность современного мира, непредсказуемость завтрашнего дня, постоянные катаклизмы глобального характера оказывают негативное влияние на семью, что трансформирует содержательное наполнение данного концепта.

Ключевые слова: концепт *семья*, аномалия, кризис, трансформация содержания концепта.

N.V. Luchkina, S.A. Mirzoeva, I.U. Protsenko

TRANSFORMATION OF THE CORE CONTENT OF CONCEPTS (WITH BASIS ON THE CONCEPT *FAMILY*)

Semantic-cognitive study of the description of family relations in modern Russian prose shows an increasing number of anomalies. The female image is continuously acquiring more and more negative characteristics due to which the concept *family* assimilates such notions as loneliness, disappointment, confusion, fear, risk, hopelessness among other things. As a result, sub-concepts emerged: adultery, divorce. The family, just like other spheres in the human world order, is undergoing a crisis. The instability of the modern world, the unpredictability of tomorrow and the constant cataclysms of a global nature have a negative impact on the family, which transforms the significant matter of this concept.

Key words: concept *family*, anomaly, crisis, transformation of the concept content.

Язык, как живое явление, постоянно развивается: в него вливаются заимствованные слова или при помощи разных способов словообразования рождаются новые слова; некоторые лексемы уходят в прошлое; возникает полисемия, и знакомые всем слова приобретают переносные значения и т.д. По

мере ускоряющегося темпа жизни нарастает и скорость изменений в языке, отражающем реалии действительности, что не может не оказать влияния на содержательное наполнение концептов.

При работе с концептами прибегают к изучению лексической и грамматической семантики с помощью методов когнитивной семасиологии: полученные когнитивные знания влияют на понимание и анализ лингвистических явлений. Методы лингвистической концептологии позволяют затем моделировать концепты, составляющие концептосферу национальной культуры. Результаты такого рода исследований дают представление о взаимосвязанных изменениях, происходящих в реальной действительности, в культуре народа и в семантике языка.

Когнитивная семасиология пользуется понятием *концепт*, во-первых, как инструментом для ограничения исследуемого языкового материала, репрезентирующего тот или иной концепт, и, во-вторых, как инструментом объяснения и углубленного описания семантики единиц языка. Однако континуальность реального мира не позволяет проводить четко обозначенные границы между семантическими единствами, служащими содержательным материалом для репрезентации концептов. Кроме того, пульсирующая, не останавливающаяся ни на миг жизнь вносит свои коррективы в содержание последних.

Рассмотрим такое универсальное понятие, как *семья* – одно из важнейших понятий, свойственных разным национальным культурам. Не претерпевает ли концепт *семья* трансформации в настоящее время? На наш взгляд, XXI век дал много пищи для размышлений о том, какого рода изменения происходят с общественным институтом, служащим в течение веков основой государства и упорядочивающим личную жизнь граждан.

Говоря о концепте *семья*, можем ли мы провести непроницаемую границу между ним и такими универсальными концептами, как *быт*, *дом*?

Какой видит семью русское коллективное сознание? Известно, что ассоциативный словарь является уникальным инструментом лингвокогнитивного, лингвокультурологического, социо- и психолингвистического исследований, позволяющих понять «коллективное обыденное» сознание носителей языка, их языковую картину мира [1]. Данные ассоциативного эксперимента дают возможность выявить «культурную» специфику словарных единиц.

Обратившись к русскому ассоциативному словарю, мы увидим такие реакции на слово-стимул *семья*: большая – 82, дружная – 63, дети – 37, дом – 27, моя – 27, и школа – 22, школа – 17, мама – 14, крепкая – 12, счастливая – 11, любовь – 10, распалась – 10, ячейка – 10, муж – 8, родная – 7. В опросе участвовало 626 респондентов, получено 199, из числа которых 138 не повторялись, поэтому ими можно пренебречь. Повторяющиеся ответы вполне могут быть понятны носителю языка, однако они, вероятно, отражают стереотипные представления, которые внедрялись в сознание с младенческих лет, когда у царя всегда было три сына, каждый из которых приводил в дом свою невесту. Много ли мы видим в настоящее время больших семей? Все ли связывают заключение брака с появлением детей? В мире становится все больше сторонников чайлдфри.

Можно утверждать, что в XXI веке мы являемся свидетелями неведомых доселе катаклизмов, происходящих как в частной жизни человека, так и в жизни целых государств.

Что касается трансформации содержательного наполнения концепта *семья*, обратимся к исследованию языка современной прозы, опираясь при этом на семантико-когнитивный подход.

«Семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях свидетельствует, что путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт» [2; с.16].

Фраза Л.Н. Толстого о том, что «все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» стала стимулом для многих прозаиков в изображении разного рода семейных аномалий. Обращает на себя внимание лишь то обстоятельство, что, читая книгу, человек про себя констатирует: да, это плохо; может быть, даже ужасно, но горячего отклика в его сердце, сопереживания описание семейных катастроф в книгах современных прозаиков не вызывает. Вполне вероятно, происходит это потому, что все мы настолько глубоко погружены в информационную среду, вещающую о реальных людских несчастьях, что на сочувствие вымышленным героям не остается сил.

Приведем ряд примеров из книг современных писателей.

В поисках типичного представителя XXI века мы остановились на герое романа Р. Сенчина «Информация» [3]. Такой выбор объясняется следующим: во-первых, на наш взгляд, он действительно обладает многими типическими чертами человека информационного века; во-вторых, проза Р. Сенчина весьма реалистична и хорошо передает атмосферу, царящую в обществе и влияющую на мироощущение людей. В романе много деталей, позволяющих понять культурный контекст начала XXI века.

Герой романа «Информация» – молодой мужчина, переехавший из провинциального города в столицу в начале XXI века. Действие романа протекает в четко обозначенных временных границах: 2006-2009 годы. Герою исполняется на наших глазах 33 года. Событийно роман начинается со следующей ситуации: через три года брака муж обнаруживает в мобильном телефоне жены любовную переписку с другим мужчиной. Приведем диалог объяснения оскорбленного героя с супругой:

- Ну и тварь ты, Наталья.
- Ты куда? – без интонации, как-то умиротворенно спросила жена.
- В жопу.
- Отдай мне телефон.
- Хер тебе.

Считаем важным признание героя о том, как прожиты им последние годы: «*Последние годы казались мне неким сном, в котором что-то делаешь, даже размышляешь и соображаешь, отыскивая выходы из сложных ситуаций; бывает, расстраиваешься, бесишься, но все же остаешься в этом сне, уютном, удобном. И просыпаться не испытываешь потребности*».

Нельзя сказать, чтобы это был брак по любви, так как отношения с будущей женой начались в ту пору, когда у героя было две девушки одновременно. Мотивировки, почему из двух он выбрал Наталью, в повествовании почти нет: просто пришло время жениться, а на двух сразу жениться не принято. Правда, есть упоминание о том, что будущая жена со вниманием слушала его речи. Детей не было.

При разговоре о жене на протяжении романа герой постоянно называет ее *тварью, гнидой, сухой, гадиной, причиной нештучных геморроев*.

Но их жизнь не исключение из правил: приблизительно так же живут и другие семейные пары в произведении Р. Сенчина.

Супруги прожили вместе три года, «*постепенно покрываясь теплым жирком семейной размеренности*». Утренний кофе, телефонные звонки друг другу во время рабочего дня, клубы, рестораны, кино или театры по выходным. Как яркое воспоминание – свадебное путешествие в Париж. В последнее время шевелиться и предпринимать что-то вообще не хотелось. Мужу казалось, что они «*окончательно увязли в уютной тине*». Но начинается сложный бракоразводный процесс.

Случайность браков, но неслучайность разводов – вот какой вывод напрашивается при чтении современных романов. Обратимся к роману В. Шапко «Настольная памятка по редактированию замужних женщин и книг» [4] – уже само ироничное название не предполагает, что описание чьей-то семейной жизни вызовет наше сочувствие. Появляется лишь недоумение: ради чего люди терпят такие чудовищные неудобства? Ни о каких теплых чувствах между супругами, совершенно случайно заключившими брак, речи не идет. Автор постоянно дает понять читателю, какими глазами они видят друг друга и как называют друг друга про себя. Для женщины муж *дундук, козел, зануда* – муж про себя называет супругу *эта женщина*. Оба испытывают постоянно чувство раздражения.

Что послужило причиной брака филолога Яшумова, окончившего Литературный институт и работающего в издательстве, и работницы библиотечного коллектора с весьма туманным прошлым? Выросший и воспитанный в профессорской семье, Яшумов вздрагивал, когда слышал разговоры своей новой родни: «небось, бесперечь, лупалки – словечки эти били в голову Яшумова, как в пустой барабан».

Жена понимает, что мужа коробит такая речь, но она специально в его присутствии произносит звонит, разговаривая по телефону. А муж задумывается все чаще: «что было бы, если бы мать и отец вдруг внезапно воскресли и увидели этих людей за своим семейным столом? В своей квартире? И сына вместе с ними? Одобрели бы они такой уход его в народ?»

Жена не может забыть лица мужа, увидевшего, какие книги она читает. Он попросил их убрать. Женщина пытается читать книги из библиотеки мужа и приходит к выводу, «что они такое же занудство, как и владелец».

В общем, налицо чудовищный мезальянс. У него отец всю жизнь занимался культурой Византии и Среднего Востока – у нее отец до пенсии был шофером. У него мама играла на скрипке – у нее была бухгалтером в садовом хозяйстве. Уже будучи в браке, Яшумов узнает, что его жена вовсе не Каменская, а Жанна Силкова: оставила фамилию первого мужа, с которым прожила всего полгода.

Желая поразить жену, Яшумов ведет ее в филармонию, но ее внимание там привлекают то завитушки на колоннах, то люстра. И он ее уводит после первого отделения от греха подальше. Жена предпочитает смотреть по телевизору ментовские драки.

На протяжении всего романа описывается психологический дискомфорт, переживаемый обоими супругами, однако повествование кончается рождением их совместного ребенка. Став отцом, в возрасте уже под пятьдесят, Яшумов погибает под колесами мстительного графомана, наехавшего на него своим Рендж Ровером в безлюдном месте в тот момент, когда тот идет к своему сослуживцу поделиться новостью о рождении сына.

Все чаще героями романов становятся люди с психическими отклонениями. Роман А. Козловой, удостоенный премии «Национальный бестселлер», так и называется – «F20» [5]. Шизофренией страдают две девочки в семье, но, читая роман, понимаешь: больны все люди, описываемые в книге. Мы смотрим на семью глазами старшей из сестер, пытающейся разобраться в отношениях родителей. Юлия думает об отце: «Как и многим мужчинам, ему почему-то казалось, что счастье женщины состоит из ограниченных и очень простых вещей типа тех, что изображаются в рекламе. Вот – дом, вот кухня с красивыми сковородками, вот дети, вот кокер-спаниель, а вот и платья в шкафу, духи на столике, крем в ванной. Разве же это не счастье? За то, что именно он все это угадал и маме преподнес, папа хотел если не безумной любви, то хотя бы благодарности. Но не получал и ее. Единственным, что он получал, были слезы, скандалы и разрушительное поведение. Это папу расстраивало. Это угрожало его рациональности, он начал подозревать, что просто выбрал не ту женщину». Мы вновь видим случайную встречу двух взрослых людей и закономерный крах их отношений. У этой супружеской пары рождаются девочки с шизофренией, живущие в параллельных реальностях, слышащие разные голоса и видящие галлюцинации, находящие порой реальные подтверждения в действительности.

Старшая дочь уходит от матери, окончив школу. Она понимает, что никогда не нужна была ей и что матери все смертельно надоело: «Строить из себя заботливую мать, разбираться, кто что делает, кто куда уезжает, поддерживать никому не нужную ширму нормальной жизни, которая все равно не поддерживалась, и при каждом удобном случае валилась набок, обнажая безумие, пьянство и нищету».

Ущербность родственных отношений чувствуют все. Старшая дочь задает вопрос отцу: что он испытал, когда узнал о ее будущем рождении? Мужчина не был готов к отцовству. Он признается взрослой уже дочери, что не знает, о чем говорить с нею. А в ту пору, когда узнал о ее появлении, он «чувствовал, что это... конец», то есть предвидел печальный исход семейных отношений. И эта печаль неизбежна: в финале романа внебрачного ребенка ждет тяжелобольная младшая сестра Анютик, чему ужасается старшая.

От романа к роману женские образы становятся все более монструозными. Если Наталья у Р. Сенчина, помимо измены, была способна на любую подлость; если Жанна, героиня романа В. Шапко, была способна на обман и постоянно демонстрировала свое бескультурье; если героини А. Козловой просто психически больны, то героиня романа В. Сальникова «Петровы в gripпе и вокруг него» [6] превзошла всех их, являясь тайным маньяком-убийцей, охотящимся на мужчин. Женщина пытается контролировать свое поведение и, вовсе не желая ненароком убить мужа, предлагает безо всяких видимых для него причин оформить развод и жить отдельно. Петров без лишних вопросов соглашается.

Тиражируемые современной литературой описания семейных аномалий позволяют ввести в круг понятий, сопряженных с концептом семья, такие понятия, как одиночество, разочарование, растерянность, страх, риск, безнадежность и пр.

В диссертационном исследовании семиосферы семейных аномалий С.А. Кидямкиной выделяются такие субконцепты, как супружеская измена и развод [7].

Семья, как и другие сферы человеческого мироустройства, претерпевает кризис. Нестабильность современного мира, непредсказуемость завтрашнего дня, постоянные катаклизмы глобального характера, в частности пандемия, оказывают негативное влияние на семью, что трансформирует содержательное наполнение данного концепта.

Библиографический список

1. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 25.03.2021).
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 226 с.
3. Сенчин Р.В. Информация. М., ЭКСМО, 2011. [Электронный ресурс]. <https://nice-books.ru/books/proza/sovremennaja-proza/page-81-119390-roman-senchin-informaciya.html#book> (дата обращения 25.03.2021).
4. Шапко В. Настольная памятка по редактированию замужних женщин и книг // Волга. №1. 2021. [Электронный ресурс]. <https://magazines.gorky.media/volga/2021/1/nastolnaya-pamyatka-po-redaktirovaniyu-zamuzhnih-zhenshhin-i-knig.html> (дата обращения 25.03.2021).
5. Козлова А. F20 // Дружба народов. №10. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2016/10/f20-2.html> (дата обращения 25.03.2021).
6. Сальников В.В. Петровы в гриппе и вокруг него // Волга. №5. 2016. [Электронный ресурс]. <https://magazines.gorky.media/volga/2016/5/petrovy-v-grippe-i-vokrug-nego.html> (дата обращения 25.03.2021).
7. Кидямкина С.А. Семiosфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20-го – начала 21-го вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 23 с.

References

1. Russian associative dictionary [Internet source]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (date of application: 25.03.2021).
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. M.: AST: East-West, 2007. 226 p.
3. Senchin R.V. Information. M., EKSMO, 2011. [Internet source]. <https://nice-books.ru/books/proza/sovremennaja-proza/page-81-119390-roman-senchin-informaciya.html#book> (date of application: 25.03.2021).
4. Shapko V. Desk guide for editing married women and books // Volga. №1. 2021. [Internet source]. <https://magazines.gorky.media/volga/2021/1/nastolnaya-pamyatka-po-redaktirovaniyu-zamuzhnih-zhenshhin-i-knig.html> (date of application: 25.03.2021).
5. Kozlova A. F20 // Friendship of Peoples. №10. 2016. [Internet source]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2016/10/f20-2.html> (date of application: 25.03.2021).
6. Salnikov V.V. Petrovs in and around the flu // Volga. №5. 2016. [Internet source]. <https://magazines.gorky.media/volga/2016/5/petrovy-v-grippe-i-vokrug-nego.html> (date of application: 25.03.2021).
7. Kidyamkina S.A. Semiosphere of family anomalies in modern Russian linguoculture (based on the texts of fiction of the late 20th – early 21st centuries): abstract of dis. ... cand. philol. sciences. M., 2015. 23 p.

УДК 802.0

*Тюменский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и
общего языкознания
Марандина Е.Л.
Россия, г. Тюмень
E-mail: elipihina@yandex.ru
+7-919-938-6113*

*Tyumen State University
Cand. Sci. (Philology), Docent,
Chair of Russian Language and
General Linguistics
Marandina E.L.
Russia, Tyumen
E-mail: elipihina@yandex.ru*

Е.Л. Марандина

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В СТИХОТВОРЕНИИ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО «ОТДАТЬ ТЕБЕ ЛЮБОВЬ?»

В статье на материале поэтического текста рассмотрены вопросы, связанные с особенностями репрезентации индивидуально-авторской картины мира. Предлагается практический анализ структурной организации концепта «любовь» в художественном тексте. Последовательная интерпретация концептосферы текста помогает адекватно понять авторский замысел и мнение автора о рассматриваемом явлении. В структуре анализируемого концепта выделяются следующие элементы: ядро, приядерная зона (с позициями субъекта, предиката, проявления, следствия), ближайшая и дальнейшая периферии.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, картина мира, художественный текст, любовь.

E.L. Marandina

THE CONCEPT OF "LOVE" IN THE POEM BY R. ROZHDESTVENSKY " GIVE YOU LOVE?"

The article uses the material of the poetic text to clarify the issues related to the peculiarities of the representation of the individual author's picture of the world. A practical analysis of the structural organization of the concept of "love" in a literary text is proposed. Consistent interpretation of the concept sphere of the text helps to adequately understand the author's intention and his point of view about the phenomenon under consideration. In the structure of the analyzed concept of "love", the following elements are distinguished: the core, the nuclear zone (with the positions of the subject, predicate, manifestation, effect), the nearest and further periphery.

Keywords: conceptosphere, concept, picture of the world, literary text, love.

Художественный текст отличается от всех других видов текстов отражением индивидуально-авторского видения мира, его восприятия и ощущения. Интенции каждого художника слова, связанные с реализацией нового произведения, понятны ему еще на этапе предчувствия текста (в терминологии Ю.В. Казарина – «предтекст», «текст-замысел» [1; с. 26-28]) и задача автора – передать это собственное знание потенциальным читателям и тем самым воплотить свою индивидуальную картину мира в тексте. Как раз одним из способов выражения авторской точки зрения в тексте являются концепты, которые призваны отразить понятийное и чувственное постижение действительности поэтом или писателем.

В рамках настоящей статьи мы обращаемся к интерпретации концептосферы как одной из наиболее важных составляющих семантической организации художественного текста. Концептосфера текста складывается из концептов. Под концептом в художественном тексте понимаем ментальное образование, обобщающее знания и опыт автора произведения и организующее восприятие и оценку предметов, объектов, явлений, процессов окружающей действительности. Получается, что в художественных концептах ярче всего проявляется мнение автора о предмете речи. По базовому концепту можно судить о замысле, основной мысли (идее), по дополнительным концептам – о тематике произ-

ведения. Автор потому и создает свое творение, чтобы эксплицитно или имплицитно донести до реципиента свою точку зрения, а читателю нужно лишь внимательно прочитать и понять текст, а иногда необходимо найти авторские подсказки, чтобы адекватно интерпретировать латентно выраженный замысел.

Для анализа мы частично воспользовались алгоритмом квалификации концептуального пространства текста, предложенным профессором Л.Г. Бабенко [2; с. 111]. В качестве материала исследования выбрали стихотворение Роберта Рождественского, обозначаемое в сборнике по первой строчке – «Отдать тебе любовь?» (1969). Приведем его полностью.

- Отдать тебе любовь?
- Отдай!
- Она в грязи...
- Отдай в грязи!..
- Я погадать хочу...
- Гадай.
- Еще хочу спросить...
- Спроси!..
- Допустим, постучусь...
- Впущу!
- Допустим, позову...
- Пойду!
- А если там беда?
- В беду!
- А если обману?
- Прощу!
- «Спой!» – прикажу тебе...
- Спою!
- Запри для друга дверь...
- Запру!
- Скажу тебе: убей!..
- Убью!
- Скажу тебе: умри!..
- Умру!
- А если захлебнусь?
- Спасу!
- А если будет боль?
- Стерплю!
- А если вдруг — стена?
- Снесу!
- А если — узел?
- Разрублю!
- А если сто узлов?
- И сто!..
- Любовь тебе отдать?
- Любовь!..
- Не будет этого!
- За что?!
- За то, что не люблю рабов.

Тема стихотворения – любовь. Для начала обратимся к лексикографическому описанию слова «любовь» – 1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. 3. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. [3]. А вот какая именно любовь в анализируемом произведении и что думает автор по поводу такого типа любви, мы уточним в рамках анализа базового концепта, который, на наш взгляд, полностью соотносится с темой.

Интерпретацию концептосферы текста можно начать с психолингвистического эксперимента,

связанного с выявлением набора ключевых слов и представляющего содержание текста в максимально компрессированном виде. Уже на этом этапе становится любопытно, почему стихотворение о любви включает в себя некоторые, казалось бы, семантически не связанные слова, которые в любовной лирике выглядят, по меньшей мере, странно: *любовь, в грязи, хочу, в беду, обману, прикажу, убью, умру, разрублю, не будет, не люблю, рабов*.

Интерпретация концепта связана с моделированием его структуры. Вслед за Л.Г. Бабенко, мы выделяем следующие элементы концепта: ядро – приядерная зона – ближайшая периферия – дальнейшая периферия [2; с. 114-118]. Ядро представляет собой некое обобщенное образование, единицы которого варьируются в зависимости от содержания конкретного текста. В структуру ядра могут входить субъект концепта, его предикат, атрибутив, носитель, источник (причина), проявление, следствие концепта и под. В приядерную зону входят конкретные лексемы, реже словосочетания, из семантики которых выводятся знания, связанные с реализацией элементов ядра и отображающие индивидуально-авторское представление о концепте. Ближайшая периферия структуры концепта отвечает за возможные смыслы и разновидности концепта, его образную репрезентацию. Дальнейшая периферия структуры концепта отражает субъективные модальные и оценочные смыслы.

Исходя из материалов исследования, мы предлагаем представить ядро базового концепта «любовь» в виде следующей обобщенной четырехчастной когнитивно-пропозициональной структуры: субъект любви – предикат любви – проявление любви – следствие любви.

Приядерную зону концепта «любовь» в анализируемом произведении Роберта Рождественского составляют текстовые лексические репрезентации структурных единиц, выделенных в ядре.

Позиция субъекта любви связана с наличием двух человек, об этом можно судить по сменяющим друг друга репликам диалога. Следовательно, в тексте два субъекта любви, правда, не всегда они названы в тексте прямо: единожды употребляется личное местоимение *я*, указывающее на говорящего, и четыре раза используется личное местоимение *тебе*, определяющее собеседника. В остальных случаях мы имеем дело с незамещенной синтаксической позицией субъекта речи. Однако, квалифицировав большую часть предложений текста как односоставные определенно-личные с главным словом в форме глагола первого или второго лица, единственного числа, изъявительного или повелительного наклонения, можно с уверенностью сказать, что все незамещенные позиции субъектов связаны с говорящим и собеседником, которые сменяют друг друга по правилам участия в диалоге: (ты) *отдай*, (ты) *гадай*, (я) *хочу*, (ты) *спроси*, (я) *постучусь*, (я) *впущу*, (я) *позову*, (я) *пойду*, (я) *обману*, (я) *прощу*, (я) *прикажу*, (я) *спою*, (ты) *запри*, (я) *запру* и др. Интересным нам видится тот факт, что по тексту невозможно с точностью определить пол субъектов речи, непонятно, кто начинает разговор, мужчина или женщина. Получается, что читатель может самостоятельно решить этот вопрос для себя, опираясь на собственные представления о любви. В этом нам видится авторская игра с читателем, приглашение его в соавторы.

Позиция предиката любви обычно ориентирована на слова-носители идеи любви. Это могут быть предикатные слова, синтаксически выраженные разными типами сказуемых. В нашем случае ни разу не фиксируется глагол «любить», есть лишь обратное действие – *не люблю*. Думаем, это свидетельствует о том, что один из участников диалога в данный момент действительно не испытывает чувства любви по отношению к собеседнику. Зато второй участник пары готов абсолютно на все (см. далее проявления концепта), лишь бы быть рядом с любимым человеком. Отсутствие предиката не помешало нам в качестве базового концепта выделить «любовь», поскольку то, что описано в тексте, – любовь, но она настолько далека от традиционного представления о ней (см. выше словарные дефиниции), что Р. Рождественский даже не употребляет слов, связанных с действием «любить», однако сама номинация чувства трижды упоминается автором.

Позиция проявления любви, реализованная в стихотворении, довольно странная с точки зрения общепринятых норм морали и нравственности: *в грязи, в беду, прикажу, запри для друга дверь, запру, убей, убью, умри, умру, захлебнусь, разрублю*. Однако есть и вполне обычные действия любящего человека, правда, их значительно меньше: *пойду, спасу, стерплю*.

Позиция следствия любви выражена в тексте однозначно – *не будет этого!* Чувство, описанное в данном стихотворении, не имеет продолжения. Автор в довольно резкой форме да еще с неприятным сравнением ставит точку в отношениях.

Ближайшая периферия отражает два образа любви, связанные с разным ее представлением, ощущением двумя влюбленными. Первый образ любви – всем известное чувство сердечной привя-

занности к лицу другого пола (*внущу, позову, пойду, спасу, стерплю*). Полагаем, что изначально оба героя испытывали это чувство. Обратимся к начальной строчке – это вопрос «Отдать тебе любовь?». Что значит *отдать*? Получается, что чувство любви было, но сейчас его нет, один из пары не желает больше иметь любовь в своем сердце и хочет вернуть ее партнеру, как возвращают подаренное кольцо. Причина возврата любви, скорее всего, связана со вторым образом любви, выведенным в произведении, – рабская, отпугивающая своей готовностью убить кого-то или умереть по повелению своего хозяина (в данном случае, хозяин тот, кого любишь).

Дальнейшая периферия базового концепта стихотворения Р. Рождественского отражает эмоционально-оценочные субъективные смыслы, касающиеся возможной трансформации любви в общепринятом значении в любовь жертвенную, готовую на самые безумные доказательства своего существования. При каких именно условиях возможно такое изменение, автор текста не уточняет, хотя по лексическому составу текста (*хочу спросить – спроси, постучусь – внущу, позову – пойду, если беда – в беду, обману – прощу, прикажу спой – спою, запрю – запрю, убей – убью, умри – умру, будет боль – стерплю, будет стена – снесу, будет узел – разрублю*), по простым, отрывистым фразам видно постепенное напряжение в отношениях неравных партнеров. Один из партнеров даже не успевает полностью сформулировать мысль, а второй уже соглашается исполнить все, даже самое страшное. Перед нами действительно отношения хозяина и раба. Раб готов выполнить любую волю своего владельца, он находится в подчиненном, зависимом положении. Безусловно, ничего общего с любовью, с взаимным проявлением симпатии в таком взаимодействии нет. Была любовь, а теперь ее нет, поскольку раб полностью забыл себя, свои желания, потребности, а лишь слепо готов исполнять волю хозяина. Автор принимает сторону человека, решительно прекращающего участие в этой рабской любви.

Итак, основная мысль настоящего стихотворения заключается в том, что обычная «правильная» любовь может перейти в «неправильную», если один из влюбленных оставит без внимания собственные интересы, откажется от равноправных отношений, но будет всеми мыслимыми и немыслимыми способами доказывать, что любит другого человека, и демонстрировать готовность выполнить абсолютно любое его желание, но «неправильная» любовь, по мнению автора, не должна существовать (*не будет этого*).

Библиографический список

1. Казарин Ю.В. Лингвистический анализ текста: учебное пособие. М.: Юрайт; Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2018. 132 с.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.
3. Словарь русского языка: В 4-х т.т. Т. 2. Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Русский язык, 1999. 736 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/л/любовь> (дата обращения 14.04.2021).

References

1. Babenko L.G. Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis: textbook for universities. Moscow: Academic Project; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2004. 464 p.
2. Kazarin Yu.V. Linguistic analysis of the text: textbook. Moscow: Yurayt; Yekaterinburg: Ural Publishing House. Un-ta, 2018. 132 p.
3. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes, vol. 2. Ed. by A. P. Evgenieva. 4th ed., Moscow: Russian Language, 1999. 736 p. [Electronic resource]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/л/любовь> (accessed 14.04.2021).

УДК 811.161.1

Московский государственный областной университет *Moscow state regional university*

Аспирант кафедры современного русского языка имени П. А. Леканта *Graduate student of the P. A. Lekant Department of modern Russian language*

Учайкина Е. В.

Uchaikina E.V.

Россия, г. Москва, тел. +7(915)463-56-65

Russia, Moscow, tel. +7(915)463-56-65

Электронная

почта: *email: elenauchaykina@gmail.com*

elenauchaykina@gmail.com

Е.В. Учайкина

ЛЕКСЕМА УНИВЕРСИТЕТ В РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ

В статье рассмотрены устойчивые сочетания, включающие лексему *университет* (в том числе экспрессивное *университетов не кончали*, а также номинативные сочетания, используемые в качестве терминов: *народный университет, вечерний университет*). В составе устойчивых сочетаний проанализирована семантика лексемы *университет* и её коннотации.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, лексема, университет, коннотация, термин.

E.V. Uchaikina

THE LEXEME UNIVERSITY IN RUSSIAN COLLOCATION OF WORDS

The article discusses the collocations of words that include the lexeme of university (including the expressive *universitetov ne konchali*, as well as the nominative combinations used as terms: *narodnyj universitet, vechernij universitet*). The semantics of the lexeme of university (as part of the collocations of words) and its connotations are analyzed.

Key words: collocations of words, lexeme, university, connotation, term.

Лексема *университет* появляется в словарях в 30-х годах XVIII века с первоначальным значением 'академия, школа высоких наук' [1; с. 290]. В дальнейшем толковые словари уточняли и расширяли это значение, придя к современной дефиниции: высшее учебно-научное заведение с различными гуманитарными и естественно-математическими отделениями [2]. В 50-х годах XVIII века в России создаётся Московский университет, следовательно, лексема *университет* закрепляется в русском языке благодаря экстралингвистическим факторам.

Этимологически *университет* восходит к латинскому *universitas* – совокупность [2]. Эта сема сохранилась в значении слова до сих пор. Ключевое отличие университета – объединение под своей сенью разных направлений науки. По этому критерию университет противопоставляется институту, обычно сосредоточенному на одной области науки (технический институт, педагогический институт, институт языкознания).

По данным Национального корпуса русского языка, лексема *университет* достаточно стабильно употребляется во второй половине XIX-го, XX-м и XXI веке, что говорит о её прочном положении в языке.

Университет связан с понятием образования, в русской картине мира оно маркируется в основном положительно, хотя и подчеркивается, что путь науки – тернистый путь (это показывает материал паремий: век живи – век учись; человек неученый – что топор неточеный; ученье свет, а неученье тьма; грызть гранит науки; идти в науку – терпеть муку). В целом логично, что на основе такой картины мира сформировалось переносное значение слова *университет* с положительной коннотацией: то, что дало кому-либо знания, навыки, опыт [2].

В силу того, что университет – это организация, имеющая прямое отношение к науке и, как

правило, курируемая государством, эта лексема легко реализуется в рамках научного и официально-делового стиля, следовательно, в процессе её функционирования возникают сочетания, являющиеся терминами, такие, например, как *народный университет*. Народные университеты – это общедоступные просветительские учреждения, способствующие повышению культуры и профессионального мастерства независимо от образовательного уровня и возраста [3].

Сочетание *народный университет* используется как в прямом значении, так и в переносном. В разных речевых контекстах мы встречаем разные коннотации: нейтральные, положительные, отрицательные. Пример прямого значения и нейтральной окраски: «В Народном университете до революции слушателями были рабочие» [4]. Пример прямого значения и положительной коннотации: «Москва также желает иметь свой Народный университет, т. е. такой университет, который давал бы доступ к знанию всем обездоленным, не имеющим входа в казенный университет, благодаря программе графа Толстого» [5].

Встречается и имплицитная положительная окраска: «Я познакомился с Есениным зимой 1915 года в Московском народном университете имени Шанявского» [6]. Вероятно, если где-то можно познакомиться с Есениным, то это примечательное место.

Пример прямого значения, отрицательной окраски: «Оказалось, что народный университет – рассадник эпидемии тифа» [7].

Находим также употребление этого выражения в переносном значении: «<...> в этой исторической амальгаме (речь идет об апокалипсисах. – Е. У.) <...> благоговейный читатель находил «откровения» и из области космологии и астрономии, и физики, и демонологии, и ангелологии, и истории в прошлом и будущем – словом, это был настоящий «народный университет» разных знаний» [8]. В этом контексте *университет* тождествен знанию вообще, «народность» же обозначает доступность этих знаний, демократизм.

В целом преобладают нейтрально-положительные коннотации этого устойчивого сочетания (проанализировано свыше 150 вхождений базы данных Национального корпуса русского языка).

Следует обратить внимание на относительно новое сочетание *тюремный университет*: «Жоличество прошедших тюремные университеты, по оценкам Абрамкина, достигает четверти взрослого мужского населения страны» [9]. Это весьма своеобразное сочетание слов, которое погружает лексему *университет*, чье значение связано с высокой культурой и образованностью, в уголовный контекст, таким образом, само понятие *университет* оказывается в цивилизационно затемненной области. Возникновение таких сочетаний, вероятно, является следствием криминализации языка и нуждается в лингвокультурологическом и социолингвистическом анализе.

Выражение *мои университеты* Е. И. Елизова связывает с переносным значением слова *университет* и полагает, что в нем отражена национальная традиция осмысления процесса получения любых знаний и опыта как учебы [10; с. 43]. «Концепт «университет» при таком понимании включается в ряд значимых для носителей русской культуры концептов: «учитель», «ученик», «знание», «школа» [10, с. 43].

Рассмотрим также книжное выражение *с университетской скамьи*. В его образовании участвует лексема *университетский*, производная от лексемы *университет*. *С университетской скамьи* означает «сразу же после окончания университета» [11]. Это выражение находим, например, в историко-литературной периодике, а именно в журнале «Русский архив»: «<...> господин Безобразов, только что вскочивший на университетскую кафедру, и господин Сторожев, только что соскочивший с университетской скамьи, не только не делают чести ни этой кафедре, ни этой скамье, но и набрасывают тень на нравственную сторону современного университетского образования» [12; с. 106]. Мы видим, что степень фразеологизации выражения в конце XIX века относительно слаба: так, слово *скамья* в значении *университетская скамья* используется автором столь же свободно, как и *кафедра* в значении *университетская кафедра*.

Заметим, что выражение *со школьной скамьи* построено по той же модели, что и выражение *с университетской скамьи*, что говорит о единстве образовательного процесса в русском сознании. Лексема *скамья* семантически связана с некоторыми сочетаниями, обозначающими процесс обучения: например, *сидеть над книгами*, *сесть за парту*.

Устойчивые выражения с лексемой *университет* существуют и в разговорном стиле, это доказывает, что само понятие *университет* является для русских понятием национальным и укладывается в общее представление о важности образования.

Ходячий университет – человек, обладающий самыми разносторонними знаниями, у которого всегда можно узнать, спросить что-либо [13; с. 688]. Словари сопровождают это устойчивое выражение пометами *разговорное* [13; с. 688] и *экспрессивное* [11]. Отметим, что здесь *университет* приобретает антропоморфные черты, так же, как и *энциклопедия* в синонимичном выражении *ходячая энциклопедия*.

Устойчивое сочетание *университетов не кончали* используется при характеристике невежественного и самодовольного человека. Вероятно, более всего это выражение ассоциируется с известной фразой Шарикова из повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»: «Уж, конечно, как же... – иронически заговорил человек и победоносно отставил ногу, – мы понимаем-с. Какие уж мы вам товарищи! Где уж. Мы в университетах не обучались, в квартирах по пятнадцать комнат с ванными не жили» [14]. Это выражение и в самом деле связано с характеристикой революционного пролетариата и люмпен-пролетариата, подтверждение находим в источниках: «Вы не заметили того, что давным-давно выросли новые люди, что они уже не ходят в смазных сапогах и не носят портупей через плечо, не хвастаются тем, что университетов не кончали, – они их именно кончали» [15].

В конкретном речевом употреблении мы видим использование этого выражения как некоторую колкость, отпущенную по поводу чужих привилегий и образования: «Не понимаю вас. Я университетов не кончал, но элементарное понятие о жизни имею» [16].

Обратим внимание на трансформацию выражения *университетов не кончали* в жаргонное *в университетах не кончали*. Очевидно, трансформация фразеологизма произошла под влиянием пространственного жаргонного значения глагола *кончать*.

Проанализированный материал позволяет выделить преобладающие коннотации лексемы *университет*, реализованные в различных устойчивых сочетаниях. Анализ является необходимым этапом для описания структуры концепта *Университет* в русской картине мира.

Библиографический список

1. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. 560 с.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 15.01.2021).
3. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2044/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B (дата обращения: 20.01.2021).
4. Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/vospominaniya-read-563264-91.html> (дата обращения: 10.01.2021).
5. Шанявский А. Л. Письмо Глазову В. Г. 15 сентября 1905. Москва [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=150514 (дата обращения: 10.01.2021).
6. Семеновский Д. Н. Есенин [Электронный ресурс]. URL: <https://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/semenovskii-d-n-esenin> (дата обращения: 02.01.2021).
7. Пришвин М. М. Дневники 1905–1947 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/dnevnik-otdelno/1919-stranica-2.htm> (дата обращения: 02.01.2021).
8. Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/219480-apokaliptika-i-socializm> (дата обращения: 15.01.2021).
9. Яковлева Е. Если позовешь и сердцем крикнешь. Кто откроет российскую тюрьму // Известия. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/253075> (дата обращения: 15.01.2021).
10. Елизова Е. И. Концепт университет: генезис и эволюция // Челябинский гуманитарий. 2015. № 4. С. 42–48.
11. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения 02.01.2021).
12. Иловайский Д. И. Какие ныне печатаются статьи по русской истории // Русский архив. Книга первая, 1894. С. 105–112.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

14. Булгаков М. А. Собачье сердце [Электронный ресурс]. URL: <http://public-library.ru/Bulgakov.Mikhail/sobachye.html> (дата обращения: 10.01.2021).
15. Кочетов В. А. Братья Ершовы. 1962 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=545304&p=35> (дата обращения: 05.01.2021).
16. Мегрели Б. Я. Без всяких полномочий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=157995&p=34> (дата обращения: 05.01.2021).

References

1. Chernyh P. YA. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. M.: Russkij yazyk. 1999. 560 p.
2. Kuznecov S. A. The large explanatory dictionary of the Russian language [Internet source]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82> (date of application: 15.01.2021).
3. Bim-Bad B. M. Pedagogical Encyclopedic Dictionary [Internet source]. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2044/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B (date of application: 20.01.2021).
4. Losskij N. O. Memoirs: life and the philosophical path [Internet source]. URL: <https://www.rulit.me/books/vospominaniya-read-563264-91.html> (date of application: 10.01.2021).
5. Shanyavskij A. L. Letter to Glazov V. G. September 15, 1905. Moscow [Internet source]. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=150514 (date of application: 10.01.2021).
6. Semenovskij D. N. Esenin [Internet source]. URL: <https://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/semenovskii-d-n-esenin> (date of application: 02.01.2021).
7. Prishvin M. M. Diaries. 1905–1947 [Internet source]. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/dnevnik-otdelno/1919-stranica-2.htm> (date of application: 02.01.2021).
8. Bulgakov S. N. Apocalypticism and socialism [Internet source]. URL: <https://predanie.ru/book/219480-apokaliptika-i-socializm> (date of application: 15.01.2021).
9. Yakovleva E. If you call and shout with your heart. Who will open a Russian prison? // Izvestiya [Internet source]. URL: <https://iz.ru/news/253075> (date of application: 15.01.2021).
10. Elizova E. I. Concept University: genesis and evolution // Humanitarian of Chelyabinsk. № 4. 2015. P. 42–48.
11. Fyodorov A. I. Phraseological dictionary of the Russian language [Internet source]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-213-1.htm#zag-13722> (date of application: 02.01.2021).
12. Il'ovajskij D. I. What articles on Russian history are published today // Russian Archive. Book first, 1894. P. 105–112.
13. Mokienko V.M., Nikitina T. G. A large dictionary of Russian sayings. M.: OLMA Media Grupp. 2007. 784 p.
14. Bulgakov M. The dog's heart [Internet source]. URL: <http://public-library.ru/Bulgakov.Mikhail/sobachye.html> (date of application: 10.01.2021).
15. Kochetov V. A. The Yershov Brothers [Internet source]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=157995&p=34> (date of application: 05.01.2021).
16. Megreli B. YA. Without any authorities [Internet source]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=157995&p=34> (date of application: 05.01.2021).

УДК 811.161.1

Северо-Кавказский
федеральный университет
аспирант кафедры русского языка
Зубкова Е.Н.
Россия, г. Ставрополь,
e-mail: helen_zubkova@mail.ru
+79682665031

North-Caucasus Federal University
The chair of Russian language
postgraduate student
Zubkova E.N.
Russia, Stavropol,
e-mail: helen_zubkova@mail.ru

Е.Н. Зубкова

**ЯЗЫКОВЫЕ, УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ
ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАЦИИ ГАРПИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ)**

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-31-70001)

В статье рассматривается такой фрагмент русской языковой картины мира, как заимствованные номинации фантастических птиц. Цель настоящей работы – проанализировать на примере номинации гарпия ее контексты бытования и выявить среди них узуальные и окказиональные употребления. В статье сделан вывод о том, что в узусе происходит компрессия значения лексемы, семантика которой сохраняет только наиболее характерные, по мнению носителей языка, компоненты. Авторские употребления номинации развивают ее отдельные семантические компоненты, наиболее важные для конкретной ситуации общения.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, фантастические птицы, семантические компоненты, значение, лексема гарпия.

E.N. Zubkova

**LINGUISTIC, USUAL AND OCCASIONAL COMPONENTS IN THE STRUCTURE OF THE
MEANING OF THE HARPY NOMINATION (ON THE MATERIAL OF THE TEXTS)**

*(The study was carried out with the financial support of the RFBR in the
framework of scientific project No. 20-31-70001)*

The article deals with such fragment of the Russian linguistic picture of the world as the borrowed nominations of fantastic birds. The purpose of this work is to analyze its contexts of existence and identify usual and occasional usage among them using the example of the harpy nomination. The article concluded that the meaning of the lexeme is compressed in the usage, the semantics of which retains only the most characteristic components in the opinion of native speakers. The author's usage of the nomination develops its individual semantic components, which are most important for a specific communication situation.

Key words: the Russian linguistic picture of the world, fantastic birds, semantic components, meaning, lexeme harpy.

Значение – это «неизменяемая, общая для всего языкового коллектива сторона содержания знака, которая и обеспечивает, собственно, взаимопонимание говорящего и слушающего в процессе их речевого общения» [1; с. 82]. Под **языковым значением** понимается система смыслов, которые производятся в языковом сознании как «готовые элементы значения в содержании воспринимаемого текста» [1; с. 84]. **Узуальное значение слова** представляет собой абстракцию от ряда актуальных значений слова в речи, **окказиональное** – создаваемый в ходе конкретной речевой коммуникации продукт творчества отдельных носителей языка. Цель данной статьи – проанализировать развитие на базе языковых сем узуальных и окказиональных компонентов прямого значения номинации **гарпия**, относящейся к лексико-семантической группе «Фантастические птицы», в русском языке.

Материалы исследования получены в ходе работы с текстами Основного подкорпуса Нацио-

нального корпуса русского языка (цитирование опирается на его материалы). При решении поставленных задач использовались общенаучные теоретические методы, метод сплошной выборки, контекстный анализ смыслов лексемы.

Впервые греческая лексема *гарпия*, пришедшая в русский язык из латинского языка через французский и немецкий, отмечается в форме множественного числа в «Энциклопедическом лексиконе» 1835 г., единственного числа – в «Энциклопедическом словаре» 1838 г. и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля 1863 г. [2; с. 33-34], [3; с. 43]. Содержание понятия *гарпия* и значение лексемы, вербализующей данное понятие, базируется на греческом мифе, в котором *гарпия* представляла собой обитавшую около моря богиню вихря с птичьими чертами, похищавшую жизнь, людей и ценности.

На основе дефиниций, извлеченных из русских лингвистических (энциклопедических, мифологических) и лингвистических (словарей иностранных слов, этимологических, исторических, толковых) словарей, мы выделяем следующие семантические компоненты, характерные в русском языке для номинации *гарпия*: а) *особенности* – ‘мифологическая’, ‘греческая’, ‘феминность’, ‘иметь женское лицо’, ‘иметь женское тело / иметь ястребиное тело’, ‘иметь когти’, ‘иметь медвежьи уши’, ‘иметь привлекательную / непривлекательную внешность’, ‘находиться около моря / в ином, не существующем в реальности месте’, ‘быть воплощением богини бури, вихря’, ‘быть воплощением богини смерти’, ‘быть воплощением духа мщения’; б) *субъект какого-либо действия, состояния* – ‘управлять стихией’, ‘летать с большой скоростью’, ‘быть хищной’, ‘похищать жизнь, людей, ценности’, ‘мучить людей’, ‘мстить’; в) *объект* – ‘быть тем, кого преследуют’, ‘быть тем, кого изгоняют’.

Представленные в Национальном корпусе русского языка контексты бытования номинации *гарпия* (53 документа) иллюстрируют в структуре значения ‘(мифологическая) фантастическая птица’ языковые компоненты, входящие в следующие семантические группы [4]:

1. ‘сущностная характеристика’: чудовище, мифическая, богиня вихря: «*Кругом подымались, как будто реяли сталактитоподобные, остроконечные башины, <...>, чудовищные птицы, сирены, гарпии, драконы с колючими крыльями, с разинутыми пастьями, на концах водосточных труб* [Д. С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)]»; «*Античные мотивы и мифические персонажи свободно перемежались картинами библейской истории: амуры, гарпии, <...>* [Алексей Домбровский. Царь-буква. К 300-летию русского гражданского шрифта // «Наука и жизнь», 2009]»; «*Гарпии – в греческой мифологии – богини вихря, <...>* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964)]».

2. ‘гендерная характеристика’: феминность: «*Грудь – как у гарпий; <...>* [С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)]»

3. ‘характеристика внешности’: отвратительная, имеет когти: «*В ветвях деревьев свили себе гнезда отвратительные гарпии, <...>* [М. В. Ватсон. Данте. Его жизнь и литературная деятельность (1890)]»; «*Она была для него и той девочкой-подростком, <...>, и крылатой когтистой гарпией над растерзанным мужским трупом, <...>* [Ю. М. Нагибин. Трое и одна и еще один (1972-1979)]».

4. ‘характеристика как двигателя сюжета’: похитительница детей и человеческих душ: «*Гарпии, по преданию, – дочери морского божества Тавманта и океаниды Электры. <...>. В мифах они представлены злобными похитительницами детей и человеческих душ* [П. Корзунович. Изменчивая гарпия // «Наука и жизнь», 2007]».

5. ‘характеристика особенностей бытия’: хищная: «*И был для хищных гарпий страшный корм, и тело медленно теряло силы, <...>!* [Сергей Макин. Mater Dolorosa – Мать Скорбящая // «Наука и религия», 2011]».

6. ‘характеристика локализации’: морская: «*Гарпии, по преданию, – дочери морского божества Тавманта и океаниды Электры* [П. Корзунович. Изменчивая гарпия // «Наука и жизнь», 2007]».

На основе представленных в Национальном корпусе русского языка контекстов бытования номинации *гарпия*, в структуре значения ‘(мифологическая) фантастическая птица’ мы выявили узловые компоненты, входящие в следующие семантические группы [4]:

1. ‘характеристика внешности’: имеет голову старой женщины, зубастая: «*Гарпии – в греческой мифологии – богини вихря, а в действительности – разновидность нежити, <...>. Имеют вид больших рыжих птиц со старушечьими головами, <...>* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964)]»; «*Лечить зубы у гарпий – всегда мечтала о такой работе.*

Пальцем больше, пальцем меньше – чего мелочиться? [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)]».

2. ‘характеристика как двигателя сюжета’: истязает тело в аду, преследующая мужчин смерть: «<...> – *гарпии тело – В ПЛАМЕНИ АДСКОМ – пусть рвут – ГАРПИИ ТЕЛО – в пламени адском – ПУСТЬ РВУТ – как ножом – гарпии тело – КАК НОЖОМ – пусть рвут – как ножом...* [Михаил Чулаки. Прощай, зеленая Пряжка (1998)]; «*Наряду с этим в Греции имелись представления и о смерти-похитительнице, но уже лишенной образности. <...>... Специально только за мужчинами гонятся Гарпии* [В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)]».

3. ‘характеристика особенностей бытия’: прожорливая, плотоядная, визжащая, вылупляется из яиц: «*Гарпии – в греческой мифологии – богини вихря, а в действительности – разновидность нежити, <...>. Имеют вид больших рыжих птиц со старушечьими головами, <...>, прожорливы и <...>* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964)]»; «*Книга, <...>, была написана в восьмом веке Птоломеем II Огненным, милейшим темным магом, который, <...> был заживо съеден гарпиями* [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)]»; «*Она завизжала, как раненая гарпия, <...>* [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)]»; «*Тут было наворочено всего: <...>, и три вылупившиеся из яиц гарпии*» и «<...>» [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1-2 (1934-1939)]»

На основе представленных в Национальном корпусе русского языка контекстов бытования номинации *гарпия*, в структуре значения ‘(мифологическая) фантастическая птица’ мы выявили окказиональные компоненты, входящие в следующие семантические группы [4]:

1. ‘сущностная характеристика’: демон, достойная проклятия, ядовитая, дерущаяся: «<...>, *чтобы предохранить мать и дитя от кровожадности Аюла; так называется демон или гарпия, которая по преданию, питается печенью новорожденного!* [Н. Т. Муравьев. Письма русского из Персии (1844)]»; «<...>, *и потому непременно ты должен охранить его от проклятых Гарпий* [Антоний Погорельский. Двойник или мои вечера в Малороссии (1828)]»; «*После того, как я случайно выпил настойку с ядом гарпий, никак не могу от него избавиться* [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)]»; «*Он вспомнил каменную плесень на стене баньки; она то рыжими письменами, то дерущимися гарпиями распространялась по кирпичу* [Л. М. Леонов. Скутаревский (1930-1932)]».

2. ‘характеристика способностей’: вещая: «*Затем – подневольное плавание, понукаемое новыми и новыми велениями свьише: ложный оракул на Делосе, прояснение его на Крите, сбивающее вещание гарпии, <...>!.. (I, 94-95)*» [М. Л. Гаспаров. Вергилий – поэт будущего (1979)]»

Узуальные компоненты, найденные в контекстах бытования, представленных в НКРЯ, позволяют охарактеризовать *гарпию* как плотоядную зубастую птицу с головой старой женщины, которая мучает умерших в аду и преследует мужчин в качестве субъекта, несущего им смерть. Окказиональные семы в структуре значения номинации связаны с фантастической сущностью птицы, ее функциями и локализацией.

Обобщив выявленные на основе контекстов бытования лексемы языковые, узуальные и окказиональные семантические компоненты, опишем значение номинации *гарпия* в русском языке: а) *особенности* – ‘мифическая’, ‘феминность’, ‘иметь непривлекательную внешность’, ‘иметь когти’, ‘иметь голову старой женщины’, ‘иметь зубы’, ‘предвещать будущее’, ‘издавать неприятные звуки’, ‘производить яд’, ‘находиться в месте около моря’, ‘быть воплощением богини вихря’; б) *субъект какого-либо действия, состояния* – ‘похищать души’, ‘похищать детей’, ‘быть хищной, всеядной’, ‘рвать плоть’, ‘преследовать мужчин’, ‘вести себя дико’; в) *объект* – ‘быть тем, кого проклинаят’.

Сравнение культурообусловленных семантических компонентов, входящих в содержание понятия *гарпия*, и соответствующих компонентов, составляющих значение лексемы *гарпия* как номинации, входящей в ЛСГ «Фантастические птицы», выявило в их составе наличие следующих идентичных компонентов: ‘связанная с мифом’, ‘феминность’, ‘иметь непривлекательную внешность’, ‘иметь женское лицо’, ‘иметь когти’, ‘похищать жизнь’, ‘похищать людей’, ‘быть хищной’, ‘мучить людей’, ‘находиться около моря’, ‘быть воплощением богини бури’. Неизменность этих компонентов свидетельствует о культурологической значимости явления *гарпия* для русской картины мира. Семантика выявленных при анализе контекстов бытования компонентов значения номинации связана с мифологической сущностью птицы, ее способностями, функциональной ролью, локализацией и ука-

Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы II международной научной конференции
зывает, что, по мнению носителей языка, *гарпия* принадлежит к кругу фантастических птиц, которые характеризуются как хищные субъекты, отравляющие жизнь человеку.

Библиографический список

1. Спорные проблемы семантики / Н. Алефиренко. Москва: Гнозис, 2005. 324 с.
2. Этимологический словарь русского языка / Автор-составитель Н. М. Шанский. М.: Издательство Московского университета, 1972. Т. 1. Вып. 4. 216 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1954. Т. 3. 1341 с.
4. НКРЯ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.03.2021).

References

1. Controversial problems of semantics / N. Alefirenko. Moscow: Gnosis, 2005. 324 p.
2. Etymological dictionary of the Russian language / Compiled by N. M. Shansky. M.: Moscow University Press, 1972. Vol. 1. Issue. 4. 216 p.
3. Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vols. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. Vol. 3. 1341 p.
4. The National Corps of the Russian language [Internet source]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (date of application: 01.03.2021).

УДК 811.161.1

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина» в г. Сызрани
Преподаватель русского языка
аспирант Самарского государственного социально-педагогического университета
Немич Н.Н.
Россия, г. Сызрань, +79025172315
e-mail: nemich.natalya@mail.ru

Branch of the Military Educational-Research Centre of Air Force «Air Force Academy named after professor N.E.Zhukovsky and Y.A.Gagarin» in Syzran
teacher of the Russian Language
postgraduate student of the Samara State Social and Pedagogical University
Nemich N.N.
Russia, Syzran,
e-mail: nemich.natalya@mail.ru

Н.Н. Немич

ПРИРОДА «НЕВЫРАЗИМОГО» В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЁНЫХ XX - XXI ВЕКОВ

В статье рассматривается природа «невыразимого» в исследованиях учёных-философов XX – XXI вв. Невыразимый – это такой, который трудно высказать, передать словами. Невыразимость возникает, когда мы сталкиваемся с невыразимыми предметами, когда мы пытаемся выразить невыразимые предложения, невыразимые мысли.

Философские основания природы невыразимого уходят в глубь веков; в XX в. отражены в работах Л. Витгенштейна, А.С. Нилогова, Т.Ю. Гордеевой, А.Субботина, Н.Абаньяно, S.Jonas, S.Gab и других исследователей. Себастьян Габ предлагает различать два разных значения слова «невыразимое»: слабую невыразимость и сильную невыразимость: слабая невыразимость – это невыразимость языка, сильная невыразимость – невыразимость ума. Т.Ю.Гордеева характеризует понятие «невыразимое» в эмоциональном смысле как чувства, которые невозможно описать или выразить словами; в интеллектуальном – как множество идеальных образов абстрактного мышления, которые невозможно отразить в материи; в духовном – как необъятность Духа. М.Ю. Михайлова считает, что репрезентанты семантики невыразимого занимали ключевые позиции в философских текстах, формировали методологическую основу метафизических размышлений философов.

Значимость природы «невыразимого» для исследователей состоит в необходимости определения мировоззрения человека, его сознания и самосознания. Тема невыразимого является не только темой философских исследований, она является проблемой исследований в области литературоведения, лингводидактики, лингвистики, играет центральную роль в многочисленных произведениях художественной литературы, а также в других видах искусства.

Ключевые слова: невыразимое, слабая и сильная невыразимость, проблема выражения «невыразимого», философские основания природы невыразимого, труды учёных.

N.N. Nemich

THE NATURE OF THE «UNEXPECTABLE» IN THE RESEARCH OF SCIENTISTS XX - XXI CENTURIES

The article examines the nature of the "inexpressible" in the research of scientists-philosophers of the XX – XXI centuries. The inexpressible is supposed to be difficult to express, to convey in words. Inexpressibility arises when we are faced with inexpressible objects, when we try to express inexpressible sentences, inexpressible thoughts.

The philosophical foundations of the nature of the inexpressible go back centuries and found in the twentieth century in the works of L. Wittgenstein, A.S. Nilogova, T.Yu. Gordeeva, A. Subbotina, N. Abagnano, S. Jonas, S. Gab and others. Sebastian Gab proposes to distinguish between two different meanings of the word "inexpressible" as weak and strong inexpressibility: weak inexpressibility is the inexpressibility of the language; strong inexpressibility is the inexpressibility of the mind. T.Yu. Gordeeva characterizes the concept of "ineffability" in the emotional sense as feelings that cannot be described or expressed in words; in the intellectual sense it is a set of ideal images of abstract think-

ing that cannot be reflected in matter; in the spiritual sense it is the immensity of the Spirit. M.Yu. Mikhailova believes that the representatives of the semantics of the inexpressible occupied key positions in philosophical texts, formed the methodological basis of the metaphysical reflections of philosophers.

The significance of the nature of the "inexpressible" for researchers lies in the need to determine the worldview of a person, his consciousness and self-consciousness. The theme of the inexpressible is not only a topic of philosophical research, it is a problem of research in the field of literary criticism, linguodidactics, linguistics. It plays a central role in numerous works of fiction, as well as in other forms of art.

Key words: the inexpressible, weak and strong ineffability, the problem of expressing the "inexpressible", the philosophical foundations of the nature of the inexpressible, the works of scientists.

Природа невыразимого на протяжении многих веков привлекает внимание учёных разных стран. Феномен невыразимого исследуют и философы, и культурологи, и литературоведы, и лингвисты.

Что же относится к «невыразимому»? Согласно Словарю современного русского литературного языка «невыразимый» – это «такой, который трудно высказать, передать словами» [1; с. 774]. Когда мы говорим, что что-то невыразимо, мы имеем в виду, что это нельзя сказать – что бы это ни значило. Любое обсуждение возможности невыразимых объектов требует предварительного исследования самого понятия. Быть невыразимым – это не то же самое, что быть ложным. То, что что-то нельзя сказать правдиво, не означает, что это невыразимо.

Некоторые определённые настроения и эмоции очень трудно, даже невозможно описать словами. Невозможно выразить, например, смысл картины, мелодии, стихотворения или религиозные переживания. Эта ситуация, ситуация невозможности выразить словами свои чувства, эмоции, ощущения, происходит с каждым, кто соприкасается с картинами искусства или эстетически захватывающей картиной природы, которая захватывает человека и открывает ему то, что он не может выразить. Мы вспоминаем эти ситуации и продолжаем чувствовать недоумение из-за нашей неспособности выразить то, что мы пережили. Например, когда мы чувствуем, что музыка говорит нам что-то или что мы понимаем в момент молитвы. Тем не менее, мы не можем выразить чётко, что именно нам было сказано или что мы поняли.

Невыразимость возникает, когда мы сталкиваемся с невыразимыми предметами, когда мы пытаемся выразить невыразимые предложения; невыразимость происходит, когда мы пытаемся передать невыразимое содержание в пропозициональной форме; невыразимость происходит, когда мы пытаемся выразить невыразимые мысли.

Философская суть природы невыразимого начинает разрабатываться уже с античности. Невыразимое освещается в работах таких философов, как Платон, Плотин, Прокл Диадох, Дамаский. В XX в. природа невыразимого представлена в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, где учёный формулирует «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно показывает себя; это – мистическое» [2]; описана в работах А.С. Нилогова, Т.Ю. Гордеевой, Jonas S., Sebastian Gab и других исследователей.

Никола Аббаньяно, анализируя труд «Tractatus» Л.Витгенштейна, подчёркивает, что в данной работе учёный «уже не отрицает того, что проблемы, касающиеся Бога, мира, жизни, добра и зла, могут быть «восприняты» или «поняты» в чём-то вроде внутренне проживаемого, т. е. «мистического» опыта. Л.Витгенштейн отрицал лишь то, что они могут дать основание подлинным проблемам, т. е. проблемам, допускающим ответ, и завершал свою работу словами: «О чём нельзя говорить, о том должно молчать» [3; с. 192]. По мнению Аббаньяно, это молчание «не разнозначно отрицанию существования невыразимого. Невыразимость свойственна любому существованию как таковому» [3; с. 192].

Жан-Люк Нанси, французский философ, в своей работе «Corpus» отмечает, что «тема невыразимого, или несказанного, всегда служит делу слова», это «чистое сокровище смысла, к которому имеет тот, кто соединяется с Богом» [4; с. 88-89].

Принимая во внимание философские основания невыразимого, Н.М. Азарова пишет: «прилагательные среднего рода являются типологической чертой русского философского текста, особенно первой половины XX в.: *невыразимое, непостижимое, родное и вселенское* и др.» [5].

Философский аспект изучения природы невыразимого представлен в трудах современных учёных. Так, например, Т.Ю. Гордеева поднимает проблему определения певческой культуры во взаимосвязи с невыразимым. Учёный предполагает, что «лучшим способом подхода к певческому звуку в

ракурсе базовой универсалии певческой культуры служит... феномен «невыразимого». Именно «невыразимое» представляет собой причину и способ взаимоувязывания в певческом звучании мыслительной и телесной природы человека [6; с. 25].

В другой своей работе Т.Ю. Гордеева обращается к разработке теоретической модели становления певческо-звуковой культуры, определяющим фактором которой, по мнению исследователя, «является феномен «невыразимого» [7; с. 125]. По утверждению Т.Ю. Гордеевой, смысл понятия «невыразимое» меняется в зависимости от различных культурных контекстов и состояний, которые свойственны индивиду: «в эмоционально-душевно-душевном смысле «невыразимое» – это те чувства, которые невозможно описать или выразить словами; в интеллектуальном отношении «невыразимое» – это множество идеальных образов абстрактного мышления, которые невозможно отразить в материи; в духовном плане «невыразимое» – это необъятность Духа (Абсолюта, Космоса), который обладает бесконечными степенями свободы, и его невозможно постичь» [8; с. 56].

Природа невыразимого затронута А.С. Нилоговым – российским философом XXI века – в статье, которая посвящена анализу концепции личностного знания Макса Полани. А.С. Нилогов выявляет ряд антиязыковых положений, показывающих сферу невыразимого и на языке, и на метаязыке науки. Учёный в своей работе использует антиязыковый метод, проблематизирующий сферу невыразимого. А.С. Нилогов отмечает, что «концептуализация и формализация сферы невыразимого в философии... должны опираться на окказиональный лингвистический и паралингвистический материал» [9].

Себастьян Габ предлагает различать два разных значения слова «невыразимое»: слабую невыразимость и сильную невыразимость [10; с. 1831]. Слабую невыразимость учёный определяет как явление на уровне теорий значения, а не осмыслённости. Слабая невыразимость – это недостаток символизма, чей набор символов и правила сочетания не позволяют нам составить предложение, выражающее невыразимое предложение. Слабая невыразимость – это невыразимость языка: она возникает из-за недостатков определённого языка и, следовательно, в принципе устранима с помощью другого языка с большей выразительной способностью.

Сильная невыразимость, по мнению Себастьяна Габа, это неспособность сформировать ментальное значение, которое представляет состояние дел, которое пытается выразить человек, или что он не способен концептуализировать данное ментальное представление. Если что-то сильно невыразимо, мы не можем дать этому объекту значение, необходимое для выражения того, что мы хотим выразить. Сильная невыразимость – более широкий термин: если что-то сильно невыразимо – это также и слабо невыразимо. Если что-то невыразимо на каком-либо языке из-за каких-то случайных недостатков самого языка – это слабо невыразимо. Но если это в принципе невозможно выразить, потому что никакой знак никогда не может нести то значение, которое мы хотим выразить – это совершенно невыразимо. В то время как слабая невыразимость – это невыразимость языка, сильная невыразимость – невыразимость ума. Слабая невыразимость относится к языку, сильная невыразимость относится к типу когнитивной системы [10; с. 1835].

М.Ю. Михайлова характеризует философские основания изучения семантики невыразимого, анализируя труды Платона, И. Канта, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Ж. Деррида и др. Учёный делает вывод: «Репрезентанты семантики невыразимого занимали ключевые позиции в философских текстах, формировали методологическую основу метафизических размышлений философов» [11; с.12].

А.Субботин в статье «Внутренний мир: выразимое и «невыразимое», анализируя песню В.С. Высоцкого «Охота на волков», высказывает предположение, что «то, чего нельзя было сказать явно («невыразимое»), оказалось выраженным в переносном смысле, а в языке для выражения скрытых мыслей стали использоваться метафоры, которые в философском контексте стали средством выражения всего «невыразимого» [12; с. 25]. Учёный утверждает, что проблема выражения «невыразимого» – «известная проблема христианского богословия» [12; с. 27]. Исследуя работы С.Л. Франка и Л.Ф. Лосева, А. Субботин приходит к выводу, что «невыразимое» – это то, что «невыразимо в понятиях, но частично выразимо в переживаемых состояниях сознания, которые можно описать также частично, в косвенных формах языка, метафорически и символически» [12; с. 30].

Доктор филологических наук В.В. Дудкин замечает, что «вечная проблема «невыразимого» модифицируется в каждую эпоху в конкретном историко-культурном преломлении. Константа «невыра-

зимого» определяется зазором между полнотой, целостностью и не посредственностью и ...визуальной данностью и способностью, а точнее – неспособностью ее адекватно выразить – в данном случае – в слове» [13; с.104].

Сильвия Йонас в работе «Ineffability and its metaphysics» формулирует общую основу для любого описания метафизики невыразимости. Автор рассматривает невыразимые свойства и объекты, предложения, невыразимое содержание и невыразимые знания. Учёный определяет невыразимое как нелингвистический предмет, который в принципе невозможно выразить в концептуальных терминах или передать с помощью языка. В работе Сильвия Йонас рассматривает употребление «невыразимого» в религиозном, эстетическом и философском контекстах [14]. Учёный утверждает, что невыразимость нельзя объяснить ни в терминах невыразимых объектов, ни в терминах невыразимых истин или утверждений, ни с точки зрения невыразимого содержания.

Таким образом, «невыразимое» может быть тем, что не поддаётся выражению или не может быть выражено или объяснено словами, или тем, что не может быть рассказано или описано из-за сдерживаемого эмоционального состояния, которое пронизывает все чувства человека, например, *невыразимая радость, невыразимое отращение, непередаваемые чувства*.

Значимость природы «невыразимого» для исследователей состоит в необходимости определения мировоззрения человека (область религии), его сознания (область философии) и самосознания (область психологии).

В философской литературе нет ничего необычного в том, чтобы понимать «невыразимое» как невозможность высказаться правдиво. Значение «невыразимого» отличается от любых вопросов об истине и лжи: утверждение, что предложение невыразимо, ничего не подразумевает об истинности или ложности этого предложения. Невыразимое – это то, что нельзя выразить в определённых понятиях или знаках, но можно выразить частично в переживаемых состояниях сознания, которые можно описать или метафорически, или символически.

Тема невыразимого, безусловно, не является только темой философских исследований, она является проблемой исследований в области литературоведения, лингводидактики, лингвистики, играет центральную роль в многочисленных произведениях художественной литературы, а также в других видах искусства.

Библиографический список

1. Словарь современного русского литературного языка. Издательство Академии Наук СССР. Москва, Ленинград, 1958. Т. 7. 752 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ: Астрель, 2010. 192 с.
3. Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. М. : Директ-Медиа, 2008. 354 с.
4. Нанси Жан-Люк. Corpus. М. : Ad Varginem, 1999. 255 с.
5. Азарова Н.М. Поэтическая грамматика Айги – к преимуществам межъязыкового мышления [Электронный ресурс]. URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=poet_gram_ajgi (дата обращения: 05.12.2020).
6. Гордеева Т.Ю. Понятие «певческая культура» сквозь призму певческого звука// Вестник КемГУКИ. №41-2. 2017. с. 23-28.
7. Гордеева Т.Ю. Способ становления певческо-звукового пространства культуры// Вестник КемГУКИ. №42. 2018. с. 124-131.
8. Гордеева Т.Ю. Способ становления певческо-звукового пространства культуры// Вестник КемГУКИ. №3. 2015. с. 56-60.
9. Нилогов А.С. Концепция «неявного знания» Макса Полани как предчувствие философии антиязыка// Философская мысль. 2017. №3. с. 12-35 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18684 (дата обращения: 02.02.2021).
10. Sebastian Gab. Ineffability: the Very Concept// Philosophia. № 48.2020. с.1825-1836.
11. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого в языке и речи: монография. М.: ФЛИНТА; Самара: СГСПУ, 2020. 244 с.
12. Субботин А. Внутренний мир: выразимое и «невыразимое»// Многомерность внутреннею мира: философские ракурсы : сборник статей. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2016. с. 22-31.
13. Дудкин В.В. «Невыразимое» У Данте, Гёте и Достоевского// Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : вып.7. Петрозаводск; М., 2012. с. 86-113.
14. Silvia Jonas. Ineffability and its Metaphysics: The unspeakable in art, religion, and philosophy. Palgrave Macmillan. 2016. 226 p.

References

1. Dictionary of the modern Russian literary language. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, Leningrad, 1958. T. 7. 752 p.
2. L. Wittgenstein Logical and Philosophical Treatise. M.: AST: Astrel, 2010. 192 p.
3. Abbagnano N. The wisdom of philosophy and the problems of our life. M.: Direct-Media, 2008. 354 p.
4. Nancy Jean-Luc. Corpus. M.: Ad Varginem, 1999. 255 p.
5. Azarova N.M. Aigi's poetic grammar – to the advantages of interlingual thinking [Internet source]. URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?P=poet_gram_ajgi (date of application: 05.12.20).
6. Gordeeva T.Yu. The concept of «singing culture» through the prism of singing sound // Bulletin of the KemGUKI. No. 41-2. 2017. p. 23-28.
7. Gordeeva T.Yu. The way of forming the singing-sound space of culture // Bulletin of the KemGUKI. No. 42. 2018. p. 124-131.
8. Gordeeva T.Yu. The way of forming the singing-sound space of culture // Bulletin of the KemGUKI. Number 3. 2015. p. 56-60.
9. Nilogov A.S. The concept of «tacit knowledge» by Max Polanyi as a presentiment of the philosophy of anti-language // Philosophical Thought. 2017. N. 3. p. 12-35 [Internet source]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18684 (date of application: 02.02.2021).
10. Sebastian Gab. Ineffability: the Very Concept // Philosophia. N. 48. 2020. c. 1825-1836.
11. Mikhailova M.Yu. Semantics of the inexpressible in language and speech: monograph. M.: FLINT; Samara: SGSPU, 2020. 244 p.
12. Subbotin A. Inner world: expressible and «inexpressible» // Multidimensionality of the inner world: philosophical perspectives: collection of articles. M.; Berlin: Direct-Media, 2016. p. 22-31.
13. Dudkin V.V. «Inexpressible» by Dante, Goethe and Dostoevsky // Gospel text in Russian literature of the 18th – 20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: issue 7. Petrozavodsk; M., 2012. p. 86-113.
14. Silvia Jonas. Ineffability and its Metaphysics: The unspeakable in art, religion, and philosophy. Palgrave Macmillan. 2016. 226 p.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ **EDUCATIONAL TECHNOLOGIES: TRADITIONS AND INNOVATIONS**

УДК 81'243

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И.Ленина
Доцент кафедры русского и иностранных языков, канд. филол. наук
Токарева Г.В.
Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская 34, 153003
тел. 89065104397;
e-mail: galina.tokareva@gmail.com

Ivanovo State Power Engineering University
Named after V.I.Lenin
Associate Professor of Department of Russian and Foreign Languages, PhD
G.V.Tokareva
34 Rabfakovska st. Ivanovo, Russia, 153003
tel. 89065104397;
e-mail: galina.tokareva@gmail.com

Старший преподаватель кафедры интенсивного изучения английского языка
Дударева Н.А.
Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская 34, 153003
тел.: 89023164655
e-mail: n.a.dudareva@gmail.com

Senior Teacher of Intensive English Language Department
N.A.Dudareva
34 Rabfakovska st. Ivanovo, Russia, 153003
Tel. 89023164655
e-mail: n.a.dudareva@gmail.com

Г.В. Токарева, Н.А. Дударева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМАТА ПИТЧ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье обобщается опыт использования формата питч преподавателями языковых дисциплин Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина для развития у студентов навыков самопрезентации. Рассматриваются особенности этого формата и его возможности в формировании риторических умений у студентов технического вуза.

Ключевые слова: питч, самопрезентация, универсальная компетенция, навыки публичного выступления.

G.V. Tokareva, N.A. Dudareva

USING THE PITCH FORMAT TO DEVELOP SELF-PRESENTATION SKILLS AMONG STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

The article summarizes the experience of using the pitch format by teachers of language disciplines of the Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin for the development of students' self-presentation skills. The features of this format and its possibilities in the formation of rhetorical skills among students of a technical university are considered.

Keywords: pitch, self-presentation, universal competence, public speaking skills.

В современном техническом вузе большое внимание уделяется формированию у студентов не только профессиональных, но и универсальных компетенций. Так, выпускник университета должен обладать способностью осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах). Эта универсальная компетенция носит комплексный характер и формируется несколькими дисциплинами, включая основы деловой коммуникации и иностранный язык. О важности данной компетенции говорит тот факт, что в перспективе деловое общение будет занимать огромное место в профессиональной жизни выпускников. Например, установлено, что менеджеры любого уровня управления тратят 75 % своего рабочего времени на общение.

Для эффективной деловой коммуникации выпускнику вуза необходимо владеть многими навыками, в том числе навыками публичного выступления, самопрезентации. Чтобы быть успешным, нужно уметь правильно представить себя. Устраиваясь на работу, знакомясь с потенциальными партнерами, интересными и нужными людьми, деловой человек должен уметь создавать о себе правильное впечатление, грамотно и эффективно осуществлять профессиональную самоподачу. Вот почему развитие этого навыка необходимо начинать еще в годы студенчества, используя как отечественный, так и зарубежный опыт в сфере деловой коммуникации.

В данной статье обобщается опыт использования формата питч для развития навыков самопрезентации в рамках дисциплин «Основы деловой коммуникации» и «Иностранный язык».

Слово «питч» (от англ. pitch — бросок, подача, а также разговор, беседа, болтовня) **пришло из спорта**. В английской спортивной терминологии «питч» обозначает подачу мяча, а также открытую площадку для командных игр. Этот термин **используется активно в бейсболе и гольфе**. **В последнем виде спорта он имеет значение** «недалекий прицельный удар с высокой траекторией, после которого мяч почти не катится» [1]. **В качестве спортивного термина это слово также употребляется для обозначения** вертикального участка скального маршрута между двумя страховочными пунктами в скалолазании.

Слово «питч» знакомо не только спортсменам, но и музыкантам в значении «высота звука». Оно стало одним из ключевых в сфере бизнеса, где за ним закрепилось значение «короткий разговор, в ходе которого нужно заинтересовать потенциального инвестора, или краткая структурированная презентация проекта перед потенциальными инвесторами». Сегодня слово «питч» как экономический термин рассматривается в качестве начального этапа процесса переговоров, ведущего к продаже идеи и получению инвестиций.

В англоязычных странах принято разделять питч на несколько форматов, которые получили специальные названия: 1) Elevator pitch (условно длится до 90 секунд); 2) Idea pitch (условно длится до трех минут); 3) Funding pitch (условно длится до 10 минут).

Питч как особая форма презентации в англоязычных странах стал популярным уже в прошлом столетии. Он считался стандартной рабочей процедурой. Умение максимально собранно и кратко презентовать себя, свою идею, проект при любой возможности: на вечеринках, в кафе, лифте — стало чрезвычайно востребованным.

В России термин «питч» не является широко известным. Однако он уверенно входит в речевую практику. У этого слова оказался высокий словообразовательный потенциал в современном русском языке: словообразовательная цепочка включает глагол «питчить», существительные «питчинг», «питч-сессия», «питч-презентация», «онлайн-питч», «письмо-питч», «мультипитч», питчер. Например, «питчером» в бейсболе называют игрока, который подает мяч. А любители кофе «питчером» называют специальный кувшин, который служит емкостью для создания пенки и является обязательным приспособлением в арсенале профессионального бариста.

Вместе с тем если говорить о питче как особом формате презентации, то будет правильным утверждать, что культура питча в нашей стране еще не сложилась [2].

Заметим, что формат питч в настоящее время активно используется российскими ведущими мастер-классов по soft skills (универсальным навыкам) при обучении навыкам интересного публичного выступления. Под питчем при этом понимают энергичную и лаконичную самопрезентацию, которая помогает рассказать о себе за 90 секунд с использованием примерно 150 слов, то есть Elevator pitch.

Наш опыт показал, что формат питч можно эффективно использовать не только на специальных тренингах, но и на занятиях в вузах при изучении дисциплин «Основы деловой коммуникации», «Иностранный язык» в рамках модуля «Деловая риторика». Студенты на этих занятиях знакомятся с алгоритмом составления питча в формате Elevator pitch и его основными характеристиками, учатся составлять авторские питчи, выступают с ними перед аудиторией. Лейтмотив занятий — важно не только придумать идею, но и «круто» о ней рассказать другим.

Преподаватель обращает внимание на то, что алгоритм составления питча включает четыре элемента:

1. КТО: представление. 2. ЧТО: рассказ о своем профессиональном опыте, идее, проекте. 3. ЗАЧЕМ слушателю это нужно (какую проблему помогает решить). 4. КАК это будет осуществляться.

В ходе занятий подчеркивается, что основными чертами питча являются:

1) лаконизм; 2) понятность; 3) заманчивость (говорить интересно, ярко, перспективно); 4) убежденность.

Под идеальной самопрезентацией понимается такой текст, который способен запомниться и дать четкое понимание того, чем говорящий может быть полезен слушателю. Обучение навыкам составления питча начинается со знакомства с авторскими текстами преподавателей дисциплин «Основы деловой коммуникации» и «Английский язык». Цель этих питчей – дать образец возможной профессиональной самоподачи. От студентов требуется структурировать эти тексты, данные без членения на абзацы, выделить в них четыре элемента согласно алгоритму питча, обозначить самостоятельно абзацы. Как показывает наш опыт, для многих студентов эта задача является сложной. С ней справляется приблизительно 20 % студентов, так как большинство первокурсников испытывают затруднения, связанные с членением текста на смысловые части.

Пример 1.

Меня зовут Галина Вячеславовна. Я окончила аспирантуру Санкт-Петербургского университета и в течение 12 лет преподавала русский язык литовским студентам в Вильнюсском университете. Сейчас я доцент кафедры русского и иностранных языков одного из лучших энергетических вузов России. За свою жизнь я обучила более трех тысяч студентов навыкам эффективного речевого общения. Мой опыт дает мне основания утверждать, что занятия по моей дисциплине очень полезны для студентов, помогают им уверенно и интересно выступать с сообщениями на любой дисциплине, на конференциях, защите дипломной работы, эффективно общаться. Когда-то мне было трудно подойти к незнакомому человеку и спросить его: «Который час?». Но я бросила вызов своей слабости и сделала умение эффективно общаться своим ориентиром. Если вы тоже этого хотите, приходите на мои занятия, и мы вместе с вами разберемся, как это сделать лучше для вас. Мои контакты – кафедра русского и иностранных языков ИГЭУ, аудитория А301. Я не просто верю, я знаю, что это возможно, если вы тоже этого хотите!

Пример 2.

Меня зовут Дударева Наталья Анатольевна. Большую часть своей профессиональной жизни я преподаю английский язык в Ивановском государственном энергетическом университете. 25 лет назад я основала кафедру интенсивного изучения английского языка и разработала программу «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», ЧТОБЫ научить будущих инженеров, программистов и экономистов свободно говорить по-английски и работать на этом языке. Более 800 выпускников нашей кафедры разлетелись по всей стране и за ее пределы – работают, учатся, живут и путешествуют, не зная, что такое языковой барьер. Английский стал частью их жизни и открыл перед ними весь мир. А вы когда-нибудь мечтали научиться говорить на английском языке, на котором разговаривает две трети человечества? Я утверждаю, что это возможно (но не за 3 недели, как иногда обещают). Изучение иностранного языка – огромный труд. Но также это увлекательное путешествие по глубинам английской грамматики, тонкостям лексики, это знакомство с историей и культурой стран англоязычного мира. Я приглашаю вас в это путешествие – вас, увлеченных, готовых преодолеть трудности ради амбициозной, но достойной цели, – овладеть английским языком. Приходите учиться на кафедру Интенсивного изучения английского языка.

Отметим, что студенты с большим интересом выполняют творческие задания, связанные с анализом питчей преподавателей. Это обусловлено тем, что, во-первых, через этот формат для них по-новому раскрывается личность преподавателя как человека, открытого для общения, что в свою очередь позволяет снять у студентов состояние напряжения и психологической защиты, быть им самими собой и реализовывать свои возможности, то есть способствует развитию у них конгруэнтности.

Приступая к составлению своих питчей, студенты испытывают большие трудности с самостоятельным выбором темы, идеи, которую они могут презентовать. У многих первокурсников очной формы обучения еще нет профессионального опыта, что делает для них невозможным профессиональную самоподачу, но у них есть полезный для других студентов жизненный опыт, опираясь на который они могут составить питч и выступить с ним перед аудиторией. Учитывая это обстоятельство, им были предложены, в частности, следующие темы, каждая из которых формулировалась в виде вопроса и начиналась со слова «как», что позволяло студентам презентовать свою идею и показать, как ее можно реализовать, исходя из реального опыта современного молодого человека:

1. Как найти работу, продолжая учиться?

2. Как получить стажировку для учебы за границей?
3. Как избавиться от депрессии?
4. Как перестать опаздывать на занятия?
5. Как сдать долг преподавателю?
6. Как убедить девушку, будущую маму, не курить?
7. Как презентовать себя, чтобы понравиться другому человеку?
8. Как отлично провести каникулы с бюджетом в 10 тысяч рублей?
9. Как нравиться девушкам?

Из предложенных тем наибольший интерес вызвали три последние в данном перечне. Приведем примеры студенческих работ.

Тема «Как перестать опаздывать на занятия?»

Меня зовут Андрей Колобов. Я студент первого курса электроэнергетического факультета ИГЭУ. Раньше я очень часто опаздывал на занятия, из-за чего были конфликты с преподавателями. В какой-то момент я понял, что это нужно исправлять и успешно справился с этим. За последние два года я всегда приходил вовремя, будь то учебное занятие или дружеская встреча. Вы спросите: «Зачем мне это нужно?», – я отвечу, что ждать никто не любит. Когда вы заставляете человека ждать, он расценивает это как неуважение и думает о вас хуже, чем если бы вы пришли вовремя. Можно лишиться работы, если постоянно опаздывать, или не успеть прийти на собеседование. Поэтому лучше выработать эту привычку именно сейчас. Если вы тоже не хотите иметь конфликтов с начальством или друзьями из-за постоянных опозданий, вы всегда можете обратиться ко мне, и я вам подробно расскажу, как перестать опаздывать. Пишите мне «ВКонтакте» ...

Тема «Как отлично провести каникулы с бюджетом в 10 тысяч рублей?»

Меня зовут Артем. Я студент первого курса электроэнергетического факультета.

У меня и моих близких есть большой опыт, как можно отлично провести каникулы с бюджетом в 10 тысяч рублей. Я и моя мама занимаемся туризмом уже более 3 лет. Каждый год в новогодние каникулы мы путешествуем с группой единомышленников на лыжах по Ивановской и соседним областям. Большая часть средств уходит на транспортные расходы и питание. В этом году маршрут проходит по Костромской области от Чухломского озера по заброшенным деревням русской глубинки.

Любой человек может себе позволить приятно и с пользой провести время, имея в кармане всего 10 тысяч рублей. Это могут себе позволить и студенты. Активный отдых нам поможет отвлечься от проблем, поддержать здоровье и почувствовать себя счастливыми.

Все желающие так проводить каникулы – обращайтесь ко мне. Соберем группу и отправимся вместе в любое путешествие по родному краю. Звоните. Мой телефон ...

Тема «Как нравиться девушкам?»

Меня зовут Илья. В данный момент учусь в ИГЭУ на первом курсе. Люблю прогулки по паркам, путешествия и активный отдых на природе. И благодаря такому активному образу жизни я повстречал большое количество интересных девушек.

Многие парни жалуются, что у них нет девушки. А я с каждым днем все больше удивляюсь, как неправильно парни ведут себя с девушками, начиная с глупого навязывания своего мнения и заканчивая предложением серьезных отношений спустя неделю их знакомства. Я же понял, как надо общаться с девушками, чтобы им нравиться.

Мой опыт будет полезен абсолютно всем парням, он станет залогом правильных и длительных отношений.

Поэтому я хочу вам предложить свой семинар по данной теме. Записаться на него вы можете по телефону ..., а также по электронной почте ... Буду ждать абсолютно каждого интересующегося данной темой и постараюсь ответить на любые ваши вопросы.

Свою тему предложила студентка, параллельно получающая в ИГЭУ основное образование и дополнительное (по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»). Цель ее питча – заинтересовать первокурсников в тех возможностях, которые вуз предоставляет для тех, кто хочет качественно изучить английский язык.

Тема «Как и где качественно изучить английский язык?»

Меня зовут Софья Груздева. Я студентка факультета информатики и вычислительной техники ИГЭУ. А еще я учусь на кафедре интенсивного изучения английского языка.

Я хочу рассказать вам, как изучать английский язык на таком уровне, чтобы в будущем вы смогли работать на этом языке или быть переводчиком в своей профессиональной сфере.

Я считаю, что изучение иностранных языков открывает новые возможности в жизни, делает ее более яркой и насыщенной. Кроме того, в наше время многим людям требуется знание иностранного языка для работы и карьерного роста.

Качественно изучить английский язык вы сможете на кафедре интенсивного изучения английского языка. Здесь работает коллектив высокопрофессиональных преподавателей, увлеченных своим делом и постоянно повышающих свою квалификацию. Учиться у них интересно. Кафедра имеет отличную библиотеку с самыми современными учебниками, аудио и видео технику, компьютеры. С такой базой можно учиться на самом высоком уровне. Мы, студенты, изучаем страноведение Великобритании и США, учимся понимать английскую речь на слух и переводить профессиональные тексты. Поступайте на кафедру интенсивного изучения английского языка, и вы, как и я, об этом не пожалеете!

Работая с образцами и составляя свои питчи по алгоритму, студенты учатся структурировать текст, четко выражать мысль, что для многих является сложной задачей, учатся работать с целостным, но небольшим по объему текстом, что крайне привлекает современных молодых людей. Самое главное, эти задания учат студентов озвучивать свои идеи, а в перспективе осуществлять профессиональную самоподачу в лаконичной и энергичной форме, благодаря которой информация лучше структурируется, становится более ясной для себя, понятной и интересной для слушателя. А этот навык очень важен для любого человека в современном быстро изменяющемся, переполненном информацией мире.

Библиографический список

1. Словарь спортивных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/sport_terms/питч (Дата обращения: 01.03.2010).
2. Соколова А. Словарь предпринимателя: питч [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rb.ru/howto/pitch/> (Дата обращения: 01.03.2021).

References

1. Dictionary of Sport Terms [Electronic Resource]. Access Mode: https://gufo.me/dict/sport_terms/pitch (Date of Reference: 01.03.2010).
2. A Sokolova Entrepreneur's Dictionary A. питч [Electronic Resource]. Access Mode: <https://rb.ru/howto/pitch/> (Date of Reference: 01.03.2021).

УДК 8.81-114.2

*Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева*
*Кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русского языка как иностранного и
межкультурной коммуникации*
Логачева А. А.
Россия, г. Орел,
e-mail: logacheva-anna1980@mail.ru
+79202862071

*Orel State University named after
I.S. Turgenev*
*The chair of Russian as a foreign language
and cross-cultural communication*
PhD, associate professor
Logacheva A. A.
Russia, Orel,
e-mail: logacheva-anna1980@mail.ru
tel. +79202862071

А.А. Логачева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ ГЛАГОЛА В ЛИНГВОМЕТОДИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности работы над грамматическим понятием в современной общеобразовательной школе. Работа по формированию грамматических понятий начинается в начальных классах, поэтому в работе акцентируется внимание на этом этапе представления грамматических знаний. На примере глагола как части речи описываются этапы работы, направленной на знакомство с грамматическим строем языка. Также в статье обращается внимание на образовательные технологии, используемые в учебном процессе и ориентированные на решение соответствующих целей и задач.

Работа над грамматическим понятием на уроках русского языка осуществляется в тесной связи с формированием орфографических и речевых навыков младших школьников, что обеспечивает преемственность в обучении русскому языку.

Ключевые слова: грамматическое понятие, грамматические категории, глагол как часть речи, орфографические и речевые навыки, лингвометодика.

A.A. Logacheva

THEORETICAL ASPECTS OF FORMATION OF GRAMMATIC CONCEPTS OF A VERB IN THE LINGUOMETHODICS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article discusses the features of working on a grammatical concept in a modern secondary school. Work on the formation of grammatical concepts begins in the elementary grades, therefore, the work focuses on this stage of the presentation of grammatical knowledge. Using the example of the verb as a part of speech, the stages of work aimed at acquaintance with the grammatical structure of the language are described. The article also draws attention to educational technologies used in the educational process and focused on solving the corresponding goals and objectives.

Work on the grammatical concept in the Russian language lessons is carried out in close connection with the formation of spelling and speech skills of younger students, which ensures continuity in teaching the Russian language.

Key words: grammatical concept, grammatical categories, verb as part of speech, spelling and speech skills, linguistic methodology.

Грамматика современного русского языка представлена двумя такими смежными дисциплинами, как морфология и синтаксис. Морфология, являясь частью грамматического строя языка, представляет собой систему грамматических свойств слов, или словоформ. Основная задача морфологии – классификация слов по определенным классам, т.е. по частям речи. Устанавливая ту или иную часть речи, мы говорим о её постоянных (конститутивных) грамматических характеристиках. И это дает возможность отнести данную группу к конкретной части речи. Слова, относящиеся к одной части речи, обладают одинаковым частеречным значением («предметность» у существительных, «процессуальность» у глаголов и т.д.) и одинаковым набором частных морфологических категорий.

В современной школьной практике в основе обучения русскому языку лежит принцип преемственности: от обобщения грамматических понятий к их конкретизации и выделению характерных признаков того или иного языкового явления.

Прежде чем дадим определение грамматическому понятию, рассмотрим термин «понятие» в широком смысле слова. Согласно пониманию С.И. Ожегова, понятие – это «логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений» [1, с. 561]. Можно заключить, что понятие является формой мышления, содержащей определенные знания об окружающем мире. Такими понятиями на обыденно-практическом уровне обладает каждый человек. Если понятие объединяет существенные признаки языковых явлений, то оно является грамматическим. Это, на наш взгляд, наиболее сложная форма, поскольку требует от человека определенных лингвистических знаний.

Как сегодня в лингвистической науке и методической практике понимается грамматическое понятие? «Грамматическое понятие – результат абстрагирования и обобщения существенных признаков, свойственных словам, словосочетаниям, предложениям, морфемам, лексемам, фонемам и т.п.» [2, с. 239]. Овладение грамматическим понятием основывается на сформированности высокого уровня абстрактного мышления. Владеть грамматическим понятием – это значит уметь обобщать, конкретизировать, синтезировать и анализировать языковой материал. На наш взгляд, такая работа является одной из приоритетных в практике преподавания русского языка, т.к. очень часто учащиеся не могут выделить существенные признаки определенного класса слов, отличить одно языковое явление от другого и т.д. Работа над усвоением грамматического понятия представляет собой долгий и планомерный процесс. В этом отношении правомерной представляется точка зрения Т.Г. Рамзаевой, согласно которой, «организуя в начальных классах работу над понятиями, учитель исходит из лингвистической сущности изучаемого понятия, психолого-дидактических особенностей процесса усвоения знаний младшими школьниками, взаимообусловленности речевого и умственного развития учащихся, роли грамматических знаний в речевой практике» [2, с. 240].

Отметим, что грамматическое понятие включает постоянные признаки того или иного явления, поэтому сущность работы над грамматическим понятием сводится к выявлению отличительных особенностей класса словоформ. Со стороны учителя-предметника работа над грамматическим понятием на уроках русского языка невозможна без осознания основных единиц описания грамматического строя языка – грамматической формы, грамматической категории и грамматического значения.

Рассмотрим эти понятия более подробно.

Грамматическая форма представляет собой систему «формальных средств выражения того или иного грамматического значения; обычно представляет собой единство флективных (парадигматических) и нефлективных (аналитических, т.е. синтагматических) формальных показателей» [3, с. 225]. Опираясь на данное определение, можно заключить, что для грамматических форм характерна обязательная оппозитивность. Таким образом, грамматическое явление не является единичным, а предполагает противопоставление определенных единиц данного типа. Так, например, у глагола противопоставлены словоформы по спряжению (I и II спряжение), наклонению (изъявительное, повелительное и условное), временной форме (настоящего, прошедшего и будущего времени) и т.д.

Наличие определенных оппозиций в пределах однородных единиц какого-либо класса слов позволяет говорить о грамматической категории. Грамматическая категория предполагает вариативность грамматических форм, например, у конкретной части речи.

Обратимся к глаголу. Категориальные формы времени глагола выражены формальными показателями (аффиксами) в настоящем времени (*пиш-у*) и в прошедшем времени (*писа-л-а*), а также сочетанием личных форм вспомогательного глагола *быть* с инфинитивом основного глагола (буду писать) или синтетическим способом (*напишу*).

Следует отметить, что типизированные формальные средства, характерные для определенной группы класса, являются носителями грамматического значения. Например, грамматическое значение наклонения глагола может быть выражено окончанием (*смотри-ю*), суффиксом (*смотри-и*) или служебным словом (*смотрел бы*).

Говоря о грамматическом значении, отметим, что в современной лингвометодической науке принято выделять общекатегориальное значение, которое присуще конкретной части речи (существительное – «предметность», глагол – «процессуальность» и т.д.) и частнокатегориальное (вид, залог, время и т.д.).

Цель данной статьи – описать, каким образом, с помощью каких образовательных технологий осуществляется работа над грамматическим понятием на уроках русского языка в средней общеобразовательной школе. В качестве примера нами определена часть речи глагол. А поскольку знакомство с глаголом и его основными грамматическими категориями начинается в начальной школе, то обратимся к этому этапу его изучения.

Рассмотрев учебники начальной школы 1-4 класса под редакцией В.П. Канакиной и В.Г. Горецкого, мы пришли к выводу о том, что изучению глагола в начальной школе отводится большое место. Также отметим, что в основе современной лингвометодики лежат идеи структурно-семантического направления, ориентированного на структурные и семантические аспекты языковых единиц. Поэтому изучение глагола в школьном курсе русского языка включает описание его формы и содержания.

С глаголом учащиеся начальной школы знакомятся еще в первом классе, но термин «глагол» на данном этапе не вводится. Материал учебника русского языка для первого класса под редакцией В.П. Канакиной и В.Г. Горецкого направлен на то, чтобы школьники научились находить в тексте слова-действия предметов, отличать их от других слов, задавать вопросы и понимать значение конкретных слов [4, с. 21-24]. По нашему мнению, это пропедевтический этап, на котором закладываются основы для формирования грамматических понятий у школьников младшего возраста. Здесь учителем могут быть использованы технологии проблемного обучения: школьники не знакомы с глаголом как частью речи, но учатся находить его в системе других частей речи по характерным признакам.

Более подробно глагол как часть речи изучается во втором классе. В учебнике русского языка для второго класса под редакцией В.П. Канакиной и В.Г. Горецкого в разделе «Части речи» учащиеся знакомятся с грамматической категорией частей речи, определяют их основные свойства [5, с. 68-80].

Из курса первого класса школьникам знакомы слова-предметы, слова-признаки и слова-действия. В теоретической справке сообщается, что все данные слова объединяются в соответствующие группы, т.е. части речи. Первоначально школьники знакомятся с именем существительным, именем прилагательным, а затем с глаголом. Материал в учебнике располагается таким образом, что сначала необходимо научиться видеть глагол, уметь противопоставлять его имени. Важно понимать, что глагол – это движение. Именно эта функция позволяет его противопоставить имени. Кроме того, обращается внимание на синтаксическую функцию глагола. Внимание учащихся акцентируется на том, что глагол в предложении является сказуемым.

Во втором классе осуществляется знакомство с грамматической категорией числа глагола. В теоретической справке указано, что глагол изменяется по числам, при этом изменяется форма глагола. В данном случае изменяется грамматическое время глагола, но теоретические сведения о времени глагола во втором классе не представлены.

Внимание учащихся можно акцентировать на вопросах: ты вчера *читал* книгу? Ты вчера *читала* книгу? Вы вчера *читали* книгу? Такая работа позволяет отработать навык нахождения единственного и множественного числа, определения грамматической категории рода глагола в прошедшем времени. На данном этапе изучения глагола эвристические технологии обучения (самостоятельного определения того или иного грамматического признака) формируют знания рода, числа и времени глагола.

Изучение темы «Глагол» продолжается в третьем классе. Авторы рассматриваемых нами учебников показывают, что на этом этапе осуществляется знакомство с неопределенной формой глагола [6, с. 99-128]. Поясняется, что неопределенная форма глагола – это начальная форма, которую можно определить по формальному признаку (наличие на конце слова *-ть, -ти*). Кроме того, школьники знакомятся с грамматической категорией времени глагола, которую определяют по вопросу: «что делает?» (настоящее время), «что сделал?» (прошедшее время), «что будет делать?» (будущее время). Авторы учебника обращают внимание учащихся на формальный показатель прошедшего времени – суффикс *-л-*. В прошедшем времени школьники учатся определять число и род, запоминая, что род глагола зависит от рода существительного, с которым согласуется.

В третьем классе продолжается формирование орфографического навыка: написание *не* с глаголом. Кроме того, теоретический материал по теме «Глагол» направлен на развитие речевой культуры школьников, а именно: употребление формы повелительного наклонения в речи:

Положи-положите, клади-кладите, поезжай-поезжайте, ляг-лягте.

В курсе третьего класса школьники учатся выполнять морфологический разбор глагола. Работа подобного плана способствует систематизации полученных знаний о глаголе, умению выявлять и правильно определять грамматические характеристики глагола.

Третий класс начальной школы – это, на наш взгляд, важный этап в курсе изучения русского языка, поскольку в третьем классе учащиеся знакомятся с особой формой глагола – инфинитивом и грамматической категорией времени. Понимание и осознание того, что такое инфинитив и время глагола – условие формирования знаний о данной части речи. На этом этапе возможно применение игровых технологий в обучении русскому языку, поскольку школьники уже знакомы с глаголом и некоторыми его грамматическими понятиями.

В четвертом классе изучение глагола продолжается. В учебнике для четвертого класса авторами обращается внимание на орфографию, т.е. правописание безударных личных окончаний глаголов в настоящем и будущем времени. Эта тема связана со спряжением глагола. Кроме того, материал учебника ориентирован на знакомство с возвратными глаголами, обращается внимание на формальный признак – суффикс *-ся* и *-сь*.

Четвертый класс – это завершающий этап изучения глагола в начальной школе. Отметим, что у школьников к этому времени складывается определённая система знаний о глаголе как части речи и его грамматических признаках. Поэтому здесь могут применяться различные образовательные технологии, а именно: традиционные, проблемные, эвристические, игровые, т.к. учащиеся обладают определенной суммой знаний.

Рассмотрев материал в учебнике русского языка под редакцией В.П. Канакиной и В.Г. Горецкого для четвертого класса [7, с. 67-112], мы пришли к выводу о том, что изучение грамматических характеристик глагола дается в тесной связи с орфографией и отработкой речевых навыков. Если во втором и третьем классах обращалось внимание на написание *не* с глаголом, то в четвертом классе предложен большой теоретический материал по формированию различных орфографических умений, а именно: правописание личных окончаний глаголов (*-ешь, -ишь, -ет, -ит, -ете, -ите*); *-тся* и *-ться* в глаголах; правописание глаголов в прошедшем времени.

По мере знакомства с новым материалом авторы учебника для четвертого класса обращают внимание учащихся на особенности употребления глаголов в речи: *махать-машу, машешь, машет, машут; плескать-плещу, плещешь, плещет, плещут; полоскать-полощу, полощешь, полощет, полощут; колыхать-колышу, колышешь, колышет, колышут*.

В таких словах следует обратить внимание не только на форму слова, но и на ударение. Упражнения, представленные в учебнике для четвертого класса, направлены на знание грамматических характеристик глагола, умение определять спряжение, время, лицо, число или род глагола, формирование орфографических и развитие речевых умений и навыков. Выполняя такие упражнения, младшие школьники закрепляют полученные знания о глаголе.

Итак, освоение грамматических понятий глагола в курсе общеобразовательной школы происходит поэтапно, однако основные сведения даются с 1 по 4 классы. Поэтому в рамках данного исследования мы акцентировали внимание на особенностях подачи материала в начальных классах. Начальная школа – это представление элементарных сведений в сжатой форме. На этом этапе школьники овладевают понятием «глагол» в широком смысле, учатся его дифференцировать в ряду других частей речи, определяют некоторые грамматические характеристики. В средних и старших классах общеобразовательной школы глагол изучается более глубоко, а именно: вводятся новые понятия (вид, переходность, наклонение) и дополняются знания об уже известных грамматических категориях. В старших классах учащиеся обладают уже соответствующими знаниями из курса грамматики русского языка. Здесь учитель-предметник может применять самые разнообразные технологии образовательного процесса, которые позволяют решить соответствующие цели и задачи.

В школьной практике работа над грамматическим понятием – это длительный и планомерный процесс, который требует от учащихся определенных знаний, умений и навыков. Изучение темы «Глагол» в лингвометодике современного русского языка свидетельствует о том, что работа над формированием грамматических понятий начинается в начальной школе и идет в тесной связи с практическим опытом, т.е. выполнением упражнений, а также формированием связной речи. Это позволяет не только овладеть основополагающим понятием части речи и ее грамматическими характеристиками, но и связать эти знания с другими разделами русского языка.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
2. Рамзаева Т. Г. Методика обучения русскому языку в начальных классах. М.: Просвещение, 1979. 431 с.
3. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высшая школа, 2006. 407 с.
4. Канакина В. П. Русский язык. 1 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций. 5-е изд. М.: Просвещение, 2014. 143 с.
5. Канакина В. П. Русский язык. 2 класс. В 2-х ч. Ч.2.: Учеб. для общеобразоват. организаций. 7-е изд. М.: Просвещение, 2017. 143 с.
6. Канакина В. П. Русский язык. 3 класс. В 2-х ч. Ч.2.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013. 159 с.
7. Канакина В. П. Русский язык. 4 класс. В 2-х ч. Ч.2.: Учеб. для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2013. 160 с.

References

1. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed. M.: Azbukovnik, 1997. 944 p.
2. Ramzaeva T. G. Methods of teaching the Russian language in elementary grades. Moscow, 1979. 431 p.
3. Kasatkin L. L. A quick reference to modern Russian language. Moscow, 2006. 407 p.
4. Kanakina V. P. Russian language. Grade 1: Textbook for general education organizations. 5th ed. Moscow, 2014. 143 p.
5. Kanakina V. P. Russian language. Grade 2: In 2 parts. Part 2: Textbook for general education organizations. 7th ed. Moscow, 2017. 143 p.
6. Kanakina V. P. Russian language. Grade 3: In 2 parts. Part 2: Textbook for general education institutions. 2nd ed. Moscow, 2013. 159 p.
7. Kanakina V. P. Russian language. Grade 4: In 2 parts. Part 2: Textbook for general education organizations. Moscow, 2013. 160 p.

УДК 811.161.1 / 81`42

Санкт-Петербургский государственный университет

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания*

Косарева Е.В.

Россия, г. Санкт-Петербург,

e-mail: e.kosareva@spbu.ru

+79119529553

Saint Petersburg State University

*The chair of Russian as a Foreign Language
and Methods of its Teaching*

PhD, Associate Professor

Kosareva E.V.

Russia, Saint Petersburg,

e-mail: e.kosareva@spbu.ru

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания*

Соколова Е.В.

Россия, г. Санкт-Петербург,

e-mail: elena.v.sokolova@spbu.ru

+79119897639

*The chair of Russian as a Foreign Language
and Methods of its Teaching*

PhD, Senior lecturer

Sokolova E.V.

Russia, Saint Petersburg,

e-mail: elena.v.sokolova@spbu.ru

Е.В. Косарева, Е.В. Соколова

СЛОВО В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается полифункциональная нагрузка слова в тексте в целом и в учебном тексте в частности. Обращается внимание на основные характеристики, которые оказывают влияние на специфику функционирования лексической единицы в нем. Акцент делается на особенностях учебного текста как текста вторичного, главным образом используемым в сфере обучения русскому языку как иностранному. Указывается на конституирующую роль слова, его лингвокультурную нагруженность, на значимость отражения в учебном тексте реалий современной действительности и на роль связующего звена между различными аспектами обучения иностранным языкам. Полифункциональность слова продемонстрирована на примерах текстов из современных учебных пособий.

Ключевые слова: слово, учебный текст, полифункциональность, обучение, русский язык как иностранный

E.V. Kosareva, E.V. Sokolova

A WORD IN THE TRAINING TEXT

The article discusses the multifunctional load of a word in the text as a whole and in the educational text in particular. Attention is drawn to the main characteristics that affect the specifics of the functioning of a lexical unit in it. The emphasis is on the features of the educational text as a secondary text, mainly used in the field of teaching Russian as a foreign language. The author points out the constitutive role of the word, its linguocultural load, the importance of reflecting the realities of modern reality in the educational text, and the role of a link between various aspects of teaching foreign languages. The polyfunctionality of the word is demonstrated by examples of texts from modern textbooks.

Key words: word, educational text, multifunctionality, learning, Russian as a foreign language

Современная лингвистика в своих теоретических и прикладных исследованиях большей частью связана с текстом. Под текстом в широком смысле слова может пониматься обладающая завершенностью и взаимосвязанностью система любых символов [4; с.104], но такое определение далеко выходит за рамки филологии. Под текстом как филологическим феноменом понимается словесное, «рече-

вое произведение» любого объёма, имеющее автора и характеризующееся завершенностью [3; с.11]. В данной трактовке он состоит из ряда высказываний (по Ахмановой - предложений [1; с. 365]), которые объединены категориями лексической, грамматической и логической связности, а в основе текста лежит определенная прагматическая установка его создателя [2; с.67]. Основными характеристиками текста признаны интенциональность, целостность, связность, информативность, восприимчивость, ситуативность, интертекстуальность [6; с.119].

Отметим, что учебный текст занимает особое положение. Он создается как пространство пересечения целого ряда наук, прежде всего филологии, педагогики и психологии. В первую очередь, к учебным текстам относят тексты учебников и учебных пособий, справочников и т.п., то есть такие тексты, которые изначально создавались именно для решения учебных задач. Однако в качестве учебного может выступать любой текст, используемый в ходе учебного процесса. Применительно к обучению русскому языку как иностранному в качестве учебного текста могут рассматриваться и аутентичные тексты, включенные в состав пособий, учебников и других видов дидактических материалов. Это позволяет ряду исследователей видеть в нём «особый вид вторичного текста, специфика которого определяется его неоднозначными отношениями с первичным научным текстом <...>, на базе которого он, как правило, создается» [5]. Таким образом, слово в учебном тексте тяготеет как к окружающему его непосредственному контексту, так и к пространству первичного текста и направлено к реципиенту – учащемуся.

В сфере обучения иностранным языкам, в частности русскому языку как иностранному, слово в учебном тексте выполняет еще одну важную функцию, важность которой возрастает в том случае, если обучение и ведется вне языковой среды, без погружения в иноязыковую и инокультурную среду: оно должно знакомить учащихся с теми реалиями, которые они непосредственно наблюдать не могут, то есть нести лингвокультурную нагрузку. В условиях динамично меняющегося мира, особенно на сломе эпох, во время научно-технических революций, до неузнаваемости преобразующих окружающую действительность, слово в учебном тексте призвано отражать современные, вновь возникающие реалии с тем, чтобы между содержанием дидактических материалов учебных пособий и реальным миром не возникало диссонанса, заставляющего воспринимать огромное количество имеющихся в распоряжении преподавателей иностранных языков пособий как устаревшие, так как их лексическое, а часто и ситуативное наполнение привязано к недавнему прошлому. Именно в такие моменты, а к ним относится и рубеж XX-XXI вв., на первое место при создании учебных текстов выходит проблема отбора лексики.

Ещё одной особенностью учебного текста в сфере преподавания иностранных языков является то, что слово не только «работает» на реализацию всех категорий текстуальности, но и обеспечивает связь между разными аспектами обучения, в первую очередь – связь между обучением грамматике и говорению на этом языке. Таким образом, слово, являющееся конституирующей единицей текста, в данном случае учебного, обеспечивающее его понимание обучающимися, играющее важную роль в передаче идеи текста и авторской позиции, оказывается также и основой для грамматических упражнений, и средством знакомства с нужной разговорной темой. Оно обеспечивает связь и таких аспектов, как чтение и письмо, предоставляя необходимое лексическое наполнение разным жанрам и типам речи, которые изучаются на определенном этапе знакомства с иностранным языком.

Таким образом, слово внутри учебного текста оказывается тем ядром, которое объединяет непосредственное восприятие произведений разной стилиевой принадлежности и разных жанров и несёт на себе дидактическую нагрузку, формируя у обучающихся адекватную сегодняшнему дню картину мира и обеспечивая взаимосвязь разных аспектов обучения. Продемонстрируем полифункциональность слова на конкретных примерах.

Авторы статьи работают над созданием учебно-методического комплекса для иностранных студентов 1 курса бакалавриата филологического факультета СПбГУ, имеющих подготовку в объёме Первого сертификационного уровня общего владения русским языком (ТРКИ-1). Одна из тем, которая изучается иностранными студентами на практических занятиях по русскому языку - это тема «Моя учёба в университете». При отборе материала авторы стремились отразить в учебных текстах реалии жизни современного студента, в частности были включены ситуации, представляющие виртуальную среду обучения современных студентов. Обратимся к примеру:

Михаил: - Ребята, привет! Вы на занятиях?

Нгон: - Привет, Миша! Да, но оказалось, что в нашей группе все занятия будут проходить дистанционно. Я могу учиться, не выходя из дома. С одной стороны, это такая экономия времени! Но, с другой стороны, это не заменит живого общения с преподавателем.

Вэньмин: - Привет! И мы в этом семестре будем заниматься удаленно. Конечно, сидя дома слушать лекции удобнее, чем в аудитории. Но очень непривычно.

Михаил: А русские студенты пока занимаются очно. Я думаю, все иностранцы учатся дистанционно, потому что часть студентов находится в Петербурге, а часть осталась дома, на родине. А на какой платформе вы будете работать?

Нгон: Сегодня будет первое занятие в зум (Zoom).

Вэньмин: А наша группа будет заниматься в тимс (MS Teams/Майкрософт Тимс).

Михаил: Как интересно! Ребята, давайте сегодня после занятий встретимся в зум, обсудим, что же лучше офлайн или онлайн обучение. Приглашение, ссылку я вам пришлю на почту. А сейчас у меня первая пара. Пока!

В данном диалоге использована абсолютно новая лексика, которая не входит в лексические минимумы и не встречается в учебных пособиях, но она актуальна и необходима при изучении темы «Моя учёба в университете»: зум, тимс, прислать ссылку, заниматься офлайн, удаленно и др.

В учебные тексты внутри уроков изучаемой темы включены лексические единицы, которые, по мнению авторов статьи, должны быть в активном словарном запасе иностранных студентов-бакалавров 1 курса, онлайн осваивающих русский язык, например: блог, файл, адрес электронной почты; сканировать, скачать, включить камеру, микрофон; перейти по ссылке; написать в чат, ввести пароль, логин; войти в систему и др. Эти слова, отражающие реалии современного обучения, к сожалению, также отсутствуют в учебных пособиях по русскому языку как иностранному.

Ситуативное и лексическое наполнение учебных текстов обусловлено, прежде всего, реальными нуждами обучающихся, например: виртуальное занятие в группе, поиск информации на сайте университета, в электронном расписании группы, курса, работа с ресурсами электронной библиотеки, виртуальная приёмная, общение со студентами Вконтакте и в Whats'up и многое др.

Авторы учебно-методического комплекса стремились создавать и отбирать учебные тексты, относящиеся к разным жанрам, имеющие разную стилевую принадлежность: объявления, сообщения по электронной почте и SMS-сообщения, расписание студентов, памятка для первокурсника, сайт университета, посты и др. Приведем пример задания работы с текстом, созданного на основе актуальной Интернет-публицистики:

Задание 1. Прочитайте пост Михаила в блоге. О чём он сообщил друзьям? Почему именно он сообщил им об этом?

6 сен, 2020 at 9:30 PM

06.09.2020, 21:30

Внимание! Информация для одногруппников!

Пишу вам как староста группы.

Бумажных зачётных книжек в университете нет. У каждого из вас есть электронная зачётная книжка. Она находится в вашем Личном кабинете на сайте СПбГУ: <https://my.spbu.ru/>

В зачётной книжке вы увидите все оценки, которые вы получите на зачётах и экзаменах во время сессий.

Чтобы все члены группы получили моё сообщение, я создал группу Вконтакте и группу в Whats'up. Все объявления я теперь буду делать там. Блог я оставляю для личного общения.

Затем иностранным обучающимся предлагается выполнить лексические и грамматические упражнения с наполнением актуальной для данной темы лексикой, различные задания по развитию навыков устной и письменной речи, позволяющих предостеречь иностранных учащихся от возможных коммуникативных неудач в ситуациях реального общения с преподавателями и студентами университета. Приведём примеры таких заданий:

а) после диалога о форме обучения

1. Вы участвуете в опросе студентов на тему «Ваше отношение к дистанционной форме обучения». Ответьте на вопросы. Сравните свои ответы с ответами других учащихся. Обсудите полученные ответы.

1. Появилось ли у вас больше свободного времени?

2. Насколько удобна эта форма онлайн-обучения?

3. Насколько удобна она, по вашему мнению, для преподавателей?

4. Какую форму обучения Вы предпочитаете?

2. Работа в группах. Примите участие в дискуссии «Дистанционное образование: за и против».

Группа 1 - группа сторонников дистанционного образования

Группа 2 – группа противников дистанционного образования

б) после сообщения в Whats'up

1. Объясните, что такое зачётная книжка; кто такой староста.

2. Ответьте на вопросы

2.1. Почему Михаил создал группы Вконтакте и Whats 'up и блог в Интернете?

2.2. Есть ли у вас страница Вконтакте? Используете ли Whats 'up? Для чего вы их используете?

в) после ознакомления с лексикой, необходимой для обсуждения расписания занятий и связанных с ним ситуаций

1. Зайдите на сайт СПбГУ и ознакомьтесь с расписанием вашей группы. Расскажите, какие занятия будут у вас на этой неделе (в какие дни, в какое время, какие лекции, практические занятия, семинары, кто ваш преподаватель).

2. Ваш друг не знает расписания своей группы. Помогите ему найти информацию о лекциях и практических занятиях на эту неделю.

(https://edu.spbu.ru/files/2020/pamyatka_raspisanie_attestatsiya.pdf).

Таким образом, многие тексты учебно-методического комплекса и задания к ним можно рассматривать как основу для вывода обучающихся в дискуссионное поле, например, задания а)1,2 и б)2.2.

При отборе текстового материала авторами учитывались не только тематико-ситуативный и коммуникативный принципы, но и лингвокультурологический аспект изучаемого языка. Учебные тексты, как правило, являются основой для получения лингвострановедческих, лингвокультурологических сведений, например, тексты о системе образования в России, структуре СПбГУ, Дне первокурсника «Посвящение в студенты», что, несомненно, способствует успешной адаптации иностранных обучающихся к реалиям российской системы образования, в частности обучения в Санкт-Петербургском государственном университете.

Ключевые слова, используемые в рамках изучения конкретной разговорной темы, являются связующим звеном не только между обучающимися и окружающей их действительностью, но и между различными аспектами обучения. Так, при изучении соответствующих грамматических тем они наполняют упражнения по грамматике нужным содержанием, например: 1. Продолжите предложения: «Он не подготовился к экзамену, потому что... - Он не подготовился к экзамену, потому что а) у него не было Интернета / б) у него регулярно зависал Zoom / в) он не смог поставить MS Teams и т.п. ; Он не готовился к экзамену, потому что... - Он не готовился к экзамену, потому что а) он всё знает / б) он плохо себя чувствовал / в) он больше не будет учиться в университете. Также основное ядро лексики, обслуживающей тему «Моя учёба» присутствует и в заданиях по письму, и в аудиотекстах и заданиях к ним, и в материалах по чтению.

Таким образом, учебные тексты дают иностранным обучающимся знакомиться с образцами живой, в том числе, разговорной речи, отражая реалии современной действительности, при этом ситуативное и лексико-грамматическое наполнение текстов обеспечивают учащимся свободное общение в рамках изученной темы.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 569 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2005. 137 с.
3. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.
4. Садченко В.Т. Текст как объект лингвистической семиотики // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып.29. С.104-111.
5. Смирнова Ю.М. Учебный текст: определение и основные функции. [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/uchebnyi-tekst-opredelenie-i-osnovnye-funktsii> (дата обращения 25.02.2021).
6. Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 336 с.

References

1. Akhmanova O. S. Dictionary of linguistic terms. M.: URSS, 2004. 569 p.
2. Galperin I. R. Text as an object of linguistic research. M.: URSS, 2005. 137 p.
3. Maslov Yu. S. Introduction to linguistics. M.: Vysshaya shkola, 1998. 272 p.
4. Sadchenko V. T. Text as an object of linguistic semiotics // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. №5 (143). Philology. Art history. Issue 29. pp. 104-111.
5. Smirnova Yu. M. Educational text: definition and basic functions. [Internet resource]. URL: <http://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/uchebnyi-tekst-opredelenie-i-osnovnye-funktsii> (date of application: 25.02.2021).
6. Filippov K. A. Linguistics of the text. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. 336 p.

УДК 378

*Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина
кандидат педагогических наук,
доцент, заведующий кафедрой общей
и славянской филологии
Кorableва Г. Н.
Россия, г. Москва,
e-mail: galkorableva@yandex.ru*

*Kosygin Russian State University
The chair of General and Slavic
philology
PhD, Associate Professor
Korableva G. N.
Russia, Moscow,
e-mail: galkorableva@yandex.ru*

*Московский государственный областной
университет
кандидат филологических наук, профессор ка-
федры иностранных языков
Горелова Л. Н.
Россия, г. Мытищи
e-mail: gorelova.ln@mail.ru*

*Moscow State Region University
The chair of foreign languages
PhD, Professor
Gorelova L. N.
Russia, Mytischki
e-mail: gorelova.ln@mail.ru*

Г.Н. Кorableва, Л.Н. Горелова

О РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ СТУДЕНТА-ПРАКТИКАНТА В ШКОЛЕ

В статье рассматриваются особенности педагогического общения студентов-практикантов, определяется роль коммуникативных и организаторских способностей студентов – будущих учителей. Сообщается, что цель урока может быть достигнута только в том случае, когда, готовясь к уроку, практикант четко определяет его задачи, выделяет то новое, что он в себе несет, строго продумывает способы руководства учениками, формулировки заданий, инструкции к действию, чередование трудных и легких моментов урока, моменты переключения с одного вида работы на другой. Это зависит во многом от уровня профессиональной речевой культуры студента-практиканта, его умения владеть устной речью как средством обучения и воспитания школьников.

Ключевые слова: коммуникативный, цель, речевое поведение, практикант, языковой, средство обучения

G.N. Korableva, L.N. Gorelova

ABOUT SPEECH BEHAVIOR OF THE PRACTICE STUDENT AT SCHOOL

The article considers some features of students' pedagogical communication in practice. This article defines the role of communicative and organizational skills of future teachers. The aim of the lesson can be achieved if a trainee clearly formulates its tasks and gives instructions. It largely depends on the level of student's professional speech culture.

Key words: communicative, aim, speech behavior, trainee, linguistic, teaching method

Речевое поведение учителя на уроке определяется умением передать определенную информацию о языковых категориях (на этапе объяснения нового материала), организовать учебно-практическую деятельность учащихся (при закреплении, повторении, выполнении домашнего задания), проверить знания, умения, навыки учащихся (во время контроля домашнего задания, опроса, при проведении проверочных работ). Коммуникативная цель урока может быть достигнута тогда, когда студент, готовясь к уроку, определяет его цель, выделяет то новое, что этот в себе несет, строго продумывает способы руководства учениками, формулировки заданий, инструкции к действию, чередование трудных и легких элементов урока, моменты переключения с одного вида

работы на другой. Это зависит во многом от уровня профессиональной речевой культуры будущего учителя, его умения владеть устной, в частности диалогической, речью как средством обучения и воспитания школьников.

Отсутствием коммуникативных и организаторских умений можно объяснить такой недостаток, как нарушение пропорций между временем говорения учителя и временем говорения ученика. Если на уроке больше всего говорит учитель, сам задает вопросы, несколько раз их повторяет, а потом отвечает на них, сам исправляет ошибки, допущенные детьми при выполнении заданий, то школьники в этом случае получают все в готовом виде и не развивают умения самостоятельно мыслить. Причины этого недостатка в том, что начинающий учитель не может композиционно строить урок и управлять своим речевым поведением на уроке. После объяснения нового материала учитель, как правило, разъясняет учащимся, что предстоит им сделать на этапе закрепления, ориентирует школьников на сознательную, активную работу: «Ребята! Мы познакомились с новой темой «Обращение». Вы узнали, что обращение – это слово или сочетание слов, называющее того, к кому обращаются с речью, обращение не является членом предложения. Оно выражается именем существительным в именительном падеже, а иногда прилагательным, употребленным в значении существительного. На письме выделяется запятыми. А если обращение стоит в начале предложения и произносится с сильным чувством, то вместо запятой можно поставить восклицательный знак. Кто не понял объяснение? (Пауза) Все поняли. Очень хорошо. Тогда перейдем к следующей части нашего урока. Вы должны научиться свободно пользоваться полученными знаниями. Поэтому сейчас выполним ряд заданий: придумаем свои примеры, выполним упражнения из учебника, запишем несколько предложений».

Студенты-практиканты зачастую переходят к этапу закрепления без разъяснения его цели или же цель закрепления сообщают некорректно: «Чтобы вы до следующего урока не забыли тему, давайте ее закрепим»; мотивируют собственную деятельность, а не деятельность учеников: «А сейчас проверим, смогла ли я объяснить вам тему», «А теперь посмотрим, чему я вас научила» и т.д. Недостаточно хорошо продуманные установки и вопросы приводят к тому, что ученики не понимают, чего хочет от них учитель. Формулируя задания, учитель должен четко представлять: а) какова цель задания (зачем?); б) суть задания (что именно?); в) каков способ выполнения (как?). В этом случае ученики будут ориентированы на точное выполнение задания. Типичным недочетом в речевом поведении студента-практиканта является неумение отреагировать на ответ ученика: одобрить – не одобрить, согласиться – не согласиться, формальная оценка ответа, отсутствие выводов по теме и общей оценки работы учащихся. При организации слушания необходима правильная установка: «Послушайте текст и постарайтесь определить основную мысль», «Послушайте текст и подберите к нему заголовок». Установка на слушание помогает ученикам сконцентрироваться на задании. Слово «слушайте» некоторые студенты произносят без необходимой интонации, равнодушно или, наоборот, резко и категорично, используя его как средство организации поведения учащихся: «Слушай, а не смотри по сторонам»; «Не болтай, а слушай».

Организуя говорение, учитель должен правильно формулировать вопросы: «Что называется приставкой?», «Чем приставка отличается от корня?», «Что общего между приставкой и суффиксом?», «Согласны ли вы с мнением известного вам писателя К.И. Чуковского, который сказал, что «в разнообразии приставок – разнообразие смысла?» и др. Иногда некорректно формулируются вопросы, побуждающие к говорению: «Что ты поставил в конце предложения?», «Существуют знаменательные и служебные части речи. А разница у них есть?» Учащимся следует задавать вопросы, подводящие их к обобщению: «Подтвердите...», «Определите...», «Сделайте вывод...». На такие вопросы школьники дают развернутый ответ, который может начинаться со слов: «Я считаю...», «Могу привести следующие доказательства...». Студент-практикант должен быть внимателен к ответам учащихся, не торопить их, давать время на обдумывание. Только убедившись в том, что ответа не последует, можно обращаться к другому ученику. На протяжении всего урока следует активно выражать оценочную реакцию в виде одобрения на ответы учащихся: «Молодец!», «Хорошо», «Верно», «Да...», «Так...», «Правильно». Эти реплики стимулируют желание учащихся отвечать. В конце урока учитель подводит итоги. Смысл этого компонента урока – осознание учениками сделанного, создание стимулов для дальнейшей работы. Цель не достигается, если оценки учителя заключаются лишь в выставлении отметок без анализа ответов ребят.

Будущий учитель должен общаться с детьми в атмосфере доброжелательности, поиска, поддержки. Резкий и требовательный тон создает психологический барьер между ним и учениками. В результате школьники не проявляют интереса к уроку русского языка, который проводит студент-практикант.

Библиографический список

1. Литневская Е. И. Методика преподавания русского языка в средней школе. М.: Академический проект, 2007. – 325 с.

References

1. Litnevskaya E. I. Methods of teaching the Russian language in secondary school. M.: Academic project, 2007. 325 p.

УДК 802/809(075.8)

*Московский государственный институт
международных отношений МИД РФ
Кандидат филологических наук доцент ка-
федры английского языка №1
Гагарин С.Н
Россия, г. Москва
e-mail: lexicogr@mail.ru*

*Moscow State Institute of International Relations by
Foreign Office of Russian Federation The chair of the
English Language №1
PhD, associate professor
Gagarin S.N.
Russia, Moscow
e-mail: lexicogr@mail.ru*

С.Н. Гагарин

ЛЕКСИКОЦЕНТРИЗМ КАК ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В рамках данной статьи предлагается лексикоцентрическая концепция организации инновационных учебников по иностранным языкам, призванная повысить прозрачность, качество и системность лексического содержания соответствующих учебных программ, урегулировать конфликт интересов между вузами и составителями учебников по иностранным языкам, а также обеспечить оптимизацию труда последних за счет использования высокоспециализированных поисковых систем.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков, инновационные учебники по иностранным языкам, специализированные поисковые системы

S.N. Gagarin

LEXICOCENTRISM AS A GUIDING PRINCIPLE OF STRUCTURING INNOVATIVE FOREIGN LANGUAGE COURSEBOOKS FOR HIGHER SCHOOL

This article proposes a lexicocentric approach to structuring innovative coursebooks on foreign languages. Its basic purpose is to improve the transparency as well as content quality and overall consistency of foreign language study programmes. Envisaged benefits of the suggested approach include settling a conflict of interests between universities and foreign language coursebook authors, and enabling the latter to optimise their workload through the use of highly specialised search engines.

Keywords: foreign language teaching, innovative foreign language coursebooks for higher school, specialised search engines

Третье тысячелетие привнесло в жизнь человечества столь стремительный темп трансформации всех сфер его жизни, что шансы на успех в этом мире бурных и подчас безжалостных перемен зависят в первую очередь от способности своевременного и эффективного реагирования на непрерывно возникающие вызовы новой реальности.

В сфере высшего образования эти тенденции ощущаются с особой остротой, и каждый вуз реагирует на них в соответствии со своими целями, задачами и приоритетами. В числе последних особое место нередко занимает преподавание иностранных языков. Данное направление педагогической деятельности весьма чувствительно к требованиям непрерывной актуализации учебных материалов в целях обеспечения соответствия их содержания реальному состоянию преподаваемого иностранного языка.

К сожалению, необходимость быстрого составления или обновления учебников по иностранным языкам подчас заставляет их авторов осознанно идти на один существенный компромисс. Он заключается в том, что ради скорости разработки и публикации учебных материалов приходится организовывать их в соответствии с концепцией, которую можно охарактеризовать как текстоцентризм. Руководствующийся ей автор подбирает некую совокупность иноязычных текстов, соответствующих тематике предполагаемого учебника, структурирует их по разделам и снабжает упражнениями по

лексике и грамматике. Означенный подход может с первого взгляда показаться вполне рациональным и оправданным с практической точки зрения, однако он заставляет жертвовать качеством реального содержания образовательных программ, в первую очередь качеством и объемом их лексического наполнения. Причиной тому принцип подбора материалов, в соответствии с которым автор учебника отбирает тексты в соответствии со своими индивидуальными предпочтениями, а не объективными целями и задачами, стоящими перед вузом.

Фактически в данном случае можно говорить о том, что текстоцентрический подход к формированию учебников вводит интересы автора и интересы вуза в состояние конфликта. Это объясняется тем, что вузу жизненно необходима возможность надежно гарантировать качество своих образовательных услуг с целью поддержания и повышения своей конкурентоспособности. Достижение данной цели невозможно без обеспечения максимальной прозрачности учебных программ. Применительно к преподаванию иностранных языков это означает, что содержание учебных курсов должно быть таким, чтобы его можно было оценить с количественной и качественной точки зрения на основе объективных критериев. В числе таковых следует особенно выделить число преподаваемых лексических единиц, а также системность и последовательность их репрезентации в учебных программах. В связи с этим, вуз вполне вправе потребовать от кафедр иностранных языков и их сотрудников, составляющих учебники, предоставить информацию об объеме лексического материала обязательного к изучению на каждом отдельно взятом курсе, о его общем объеме для отдельно взятых программ бакалавриата или магистратуры, а также о том, как именно обеспечивается системность и последовательность преподавания лексики. В случае, если используемые кафедрой учебники составлялись по текстоцентрическому принципу, а основой их формирования был личный вкус автора, а не интересы вуза, ответить на эти вопросы будет весьма затруднительно.

В силу вполне объективных причин, означенный конфликт интересов носит трудноразрешимый характер. Устранить его полностью не представляется возможным, однако существует возможность его ослабления до приемлемого уровня напряженности. Предлагаемый подход предполагает переосмысление программ преподавания иностранных языков с позиции лексикоцентризма. Это предполагает выделение лексической составляющей учебных программ в качестве их безусловного приоритета. При составлении учебников по иностранному языку, руководствующийся данной концепцией автор должен при подборе учебных материалов исходить в первую очередь из реальных задач по обеспечению адекватного лексического наполнения программы, а не из собственных субъективных предпочтений. Подобный подход дает возможность положить в основу учебных программ лексические модули. Имея структуру тщательно систематизированных лексических кластеров и полей, они могли бы обеспечить содержанию учебных программ принципиально новый уровень внутренней упорядоченности. При достаточном уровне проработки лексического материала, можно было бы создать такую структуру учебных модулей, которая обеспечивала бы сквозную системность и последовательность лексического содержания учебных материалов с первого курса бакалавриата до второго курса магистратуры. Благодаря такому уровню внутренней упорядоченности, лексическая составляющая учебных программ могла бы стать прозрачной в количественном и качественном плане, а её оценка в соответствии с объективными критериями стала бы значительно более простой задачей.

Необходимо особо упомянуть, что наряду с достоинствами у изложенной концепции есть один серьезный недостаток. Он состоит в том, что ее реализация могла бы потребовать сложно поддающейся оценке количество времени. Данное утверждение было проверено на практике в ходе эксперимента. В его рамках автором данной статьи было составлено модульное учебное пособие по переводу с русского-языка на английский [1]. Лежащий в его основе активный вокабуляр был структурирован в виде упорядоченно организованных лексико-семантических полей. Данная лексика рассчитана на освоение в течение семестра, и потому ее объем относительно невелик. Он составляет немногим более тысячи единиц, однако на составление пособия потребовалось около двух лет. В случае, если работа по составлению учебников в соответствии с концепцией лексикоцентризма вышла бы за рамки ограниченного эксперимента и приобрела бы более серьезный масштаб, неизбежно возникла бы потребность в серьезной оптимизации трудозатрат авторов.

Наиболее очевидным решением означенной проблемы представляется применение поисковых систем, использующих искусственный интеллект при работе с материалами глобальной сети и позволяющих максимально эффективно находить оптимальные учебные тексты. Необходимо отметить, что, при всей сво-

ей эффективности, уже существующие на сегодняшний день поисковики не вполне для этого подходят. Это объясняется спецификой критериев поиска, с которыми им пришлось бы работать, поскольку они носили бы слишком комплексный характер. Для решения подобных специфических задач потребовалось бы создание узкоспециализированных поисковиков, способных работать с упорядоченно организованными лексико-семантическими полями, в том числе весьма крупными, в структуре которых можно было бы выделять ядро и представленную рядом подуровней периферию.

Безусловно, создание таких поисковых систем является весьма непростой задачей, однако, учитывая современный уровень развития технологий, ее сложно назвать невыполнимой. Использование поисковиков предлагаемого типа позволило бы реализовать концепцию полноценного разделения труда между человеком и машиной в учебно-методической сфере, благодаря которой авторы учебников смогли бы тратить свое время преимущественно на разработку учебных лексических модулей и упражнений к ним, то есть на то, что машина пока не в состоянии делать достаточно качественно. При этом обновление и актуализация учебных материалов могли бы стать гораздо более простой задачей, нежели сегодня, так как искусственный интеллект поисковика обеспечивал бы с одной стороны максимальную новизну учебных текстов, а с другой стороны оптимальность их соответствия содержанию и структуре учебных лексических модулей.

Стоит особо отметить, что лексикоцентрическая концепция организации учебных материалов в сочетании с использованием узкоспециализированных поисковиков могла бы решить еще одну проблему. Она заключается в том, что в современных условиях не всегда можно говорить о полноценной учебно-методической преемственности между различными поколениями педагогических школ в силу частичной утраты системности и целостности содержания учебных программ в результате их обновления. Этого эффекта можно было бы избежать, если бы лексическое содержание последних носило более прозрачный характер и было бы более удобно для комплексного и последовательного осмысления. Имея четкую картину того, какие лексические кластеры и поля были определены в качестве обязательных к изучению их предшественниками, о том каков их состав, объем и взаимная соотносённость, составители новых учебников получили бы ясное представление о том, куда следует двигаться дальше, а поисковики с искусственным интеллектом помогли бы подобрать для них актуальные учебные тексты, наилучшим образом соответствующие поставленным целям и задачам. Фактически, авторы учебников в таком случае работали бы с совокупностями лексико-семантических структур, сильно напоминающими конструктор, создаваемый сменяющимися друг друга поколениями разработчиков. В зависимости от встающих перед педагогическим сообществом вызовов, его модули или их компоненты можно было бы активировать или деактивировать, обеспечивая максимальную оперативность преобразования учебных программ при сохранении их внутренней системности и последовательности.

Библиографический список

1. Гагарин С.Н. Тематический практикум по общественно-политическому переводу с русского языка на английский для языковых вузов. Уровень С1. Часть I. 2-е изд., расшир. и доп. М.: Грифон, 2016. 126 с.

References

1. Gagarin S.N. A topic-based practical course of social and political translation from Russian into English for linguistic universities. Level C1. Part 1. 2nd edition, expanded. Moscow, 2016. 126 p.

УДК 372.811.161.1

*Университет национального и
мирового хозяйства
Доктор филологии,
доцент Лесневска Д.С.
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com*

*University of National and World Economy
PhD, assistant professor
Lesnevska D.S.
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com*

Д.С. Лесневска

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ИНОСЛАВЯНСКОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются особенности экологического подхода к обучению русскому языку как иностранному в инославянской среде. Комментируется концепция устойчивого развития в рамках современного экологического образования. Рассмотрено понятие «экологический подход» в сопоставлении с понятием «антропологический подход». Анализируются особенности преподавания иностранных языков с экологической направленностью. Рассмотрено обучение русскому языку как иностранному в инославянском окружении, в частности, в болгарской среде. Общность ментальности, истории, близость славянских языков, использование кириллического алфавита облегчают восприятие иностранного русского языка в не русском славянском окружении. Рекомендуется экологический перевод для формирования компетенции владения русским языком в области экологии.

Ключевые слова: экологический подход, экологическое образование, образование для устойчивого развития, экологическое сознание, экологическая культура, русский язык как иностранный, диалог культур

D.S. Lesnevska

ECOLOGICAL APPROACH TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN OTHER SLAVIC ENVIRONMENT

The article discusses the features of the ecological approach to teaching Russian as a foreign language in other Slavic environment. The article deals with the features of the ecological approach to teaching Russian as a foreign language in other Slavic environment. The concept of sustainable development in the framework of modern environmental education is commented. The concept of «ecological approach» in comparison with the concept of «anthropological approach» is considered. The features of teaching foreign languages with an ecological orientation are analyzed. The article considers teaching Russian as a foreign language in other Slavic environment, in particular in the Bulgarian environment. General mentality, history, the proximity of Slavic languages and the use of the Cyrillic alphabet make easier to understand a foreign Russian language in a non-Russian Slavic environment. We recommend ecological translation for the formation of competence of Russian language proficiency in the field of ecology.

Keywords: ecological approach, ecological education, education for sustainable development, ecological consciousness, ecological culture, Russian as a foreign language, dialogue of cultures.

Идеи концепции устойчивого развития закрепились во всем мире, причем стратегия устойчивого развития интерпретируется как способность, обеспечивающая стабильность развития мирового сообщества в согласии с природой [1; с. 252]. Формирование системы экологического образования для устойчивого развития успешно осуществляется в мировом масштабе. Экологическое образование формирует целостную картину мира в сознании личности и в социуме, целью экологического образования является формирование экологического сознания, экологической воспитанности и экологической культуры. Основными понятиями в сфере экологического образования являются экологическая грамотность, экологическое сознание, ответственность за окружающую среду, ответственное отношение к природе, экологическая культура, экологическая

этика [3; с. 413-415]. В современных исследованиях экологическое образование рассматривается как эоцентрическая парадигма, утверждающая этически ориентированный экологический подход (индивид – среда) к раскрытию объективной ценности, универсальности и уникальности природы [3; с. 418]. В настоящее время экопедагогика актуальна и перспективна в инклюзивном образовании [5; с. 112], [4; с. 1], в рамках которого главным подходом к обучению является экологический подход. Актуален вопрос о соотношении антропоцентрического и экологического подходов. Антропологический подход обращен к человеку, к его субъективному миру и личностным ценностям. Экологический подход направлен на изучение собственного дома и окружающей среды с целью выжить и устойчиво развиваться в согласии с природой.

При современном иноязычном образовании главную роль играет эолингвистический фактор, обеспечивающий диалог культур, полиязычность и поликультурность [6; с. 183-188], [10; с. 76]. Эолингвизация обучения иностранным языкам в рамках эолингвистики успешно реализуется в Болгарии, в частности при обучении русскому языку как иностранному (РКИ) в инославянской среде. Обучение русскому языку в не русском славянском окружении (в Болгарии, Сербии, Словакии, Чехии, Словении, Польше) имеет свои особенности. Общность ментальности, истории, близость славянских языков, использование кириллического алфавита – все эти факторы облегчают восприятие иностранного русского языка в нерусском окружении.

Урок русского языка в инославянской среде имеет целью осуществить диалог культур (русской культуры и нерусской/ инославянской культуры), применяя экологический, в том числе эолингвистический подход для формирования экологической культуры (экологические знания, экологическое сознание, экологическое отношение к природе и природоохранная деятельность).

В современном иноязычном образовании актуален вопрос об учебных материалах, содержащих экологическую тематику [2; с. 11]. Для формирования экологической культуры личности [11; с. 418] на уроках РКИ в инославянской среде полезны, на наш взгляд, переводы с русского языка на родной инославянский язык. В рамках вузовского преподавания РКИ в Болгарии считаем эффективным перевод «Русской культуры» академика Д.С. Лихачева [8] с русского на болгарский язык, чему способствует болгарский перевод этой замечательной работы, осуществленной известной болгарской переводчицей М. Петковой в 2018 г. [7].

Учебной единицей преподавания РКИ можно считать экологический дискурс, который пересекается с научным, публицистическим, деловым, художественным дискурсом [9; с. 52-60]. Уникальный дискурс с различными пересечениями, представленный в книге Д.С. Лихачева, может послужить учебным материалом на уроках РКИ в инославянской среде (разделы «Мысли о России», «Экология культуры», «Ценности культуры» [8; с. 81-90; с. 91-102; с. 197-210]), причем можно подготовить и адаптированные тексты к данному материалу.

Перед русистами-славистами предстоит задача разработать концепцию применения экологического подхода к обучению РКИ в инославянском окружении согласно положениям экологического образования.

Библиографический список

1. Абдурахманов Г.М., Монахова Г.А., Мурзаканова Л.З., Абдурахманова А.Г., Багомаев А.А., Алиева З.А. Образование для устойчивого развития (анализ ситуации, научно-организационные основы, мировой опыт) // Юг России: экология, развитие. №5 (2). 2015. С. 251-266.
2. Арнаудова-Отузбирова А.Л. Интегративен подход за изучаване на английски език чрез екологично учебно съдържание при студенти педагози. Автореферат на дис. труд за присъждане на научна степен «доктор» по педагогика. Стара Загора, 2016. 45 с.
3. Ваклева З.П. Съвременни аспекти на екологичното образование // Юбилейна научна конференция по екология (сборник с доклади). Пловдив, 1 ноември 2008. С. 410-419.
4. Гърбачева А. Екологичният подход в инклузивното образование. Велико Търново: АИО, 2015. 176 с.
5. Кириллова М.И. Экологический подход в инклузивном образовании // Вектор науки ТГУ. № 3 (10). 2012. С. 112-114.
6. Лесневска Д.С. Эолингвистика и эолингвизация обучения иностранным языкам // Славистика XXIII-1. 2019. С. 183-188.
7. Лихачев Д.С. Руската култура. Преводач: М. Петкова. София: Изток-Запад, 2018. 480 с.
8. Лихачев Д.С. Русская культура. Москва: Искусство, 2000. 440 с.

9. Моисеенко А.В. Пересечение дискурсов в текстах экологической тематики // Научный диалог. № 4 (52). 2016. С. 52-60.

10. Ульянова О.Б. Эколингвистический фактор при обучении иностранному языку // Вестник ТГУ. Том 1. № 1(1). 2015. 75- 82.

11. Янакиева Е. Проблеми на диагностиката на екологическата култура на личността // Международен симпозиум «Екология'93» - Бургас: Съюз на учените в България. Т. 2. 1993. С. 418-423.

References

1. Abdurakhmanov G.M., Monakhova G.A., Murzakanova L.Z., Abdurakhmanova A.G., Bagomaev A.A., Alieva Z.A. Education for the sustainable development (situation analysis, scientific and organizational bases, world experience) // South of Russia: ecology, development. No. 5(2). 2015. P. 251-266. (In Russian).

2. Arnaudova-Otuzbirova A.L. Integrative approach to the study of the English language through environmental educational content in students-teachers. Abstract of the dis. work on the award of the academic degree «Doctor» of pedagogy. Stara Zagora, 2016. 45 p. (In Bulgarian).

3. Vakleva Z.P. Modern aspects of ecological education // Proceedings of the anniversary scientific conference of ecology. Plovdiv, 2008. P. 410-419. (In Bulgarian).

4. Gorbacheva A. Ecological approach in inclusive education. Veliko Tarnovo, 2015. 176 p. (In Bulgarian).

5. Kirillova M.I. Ecological approach in inclusive education. No. 3 (10). 2012. P. 112-114. (In Russian).

6. Lesnevskaya D.S. Ekolinguistics and ecologization of teaching foreign languages // Slavistics XXIII-1. 2019. P. 183-188. (In Russian).

7. Likhachev D. S. Russian culture. Translator: M. Petkova. Sofia, 2018. 480 p. (In Bulgarian).

8. Likhachev D.S. Russian culture. Moscow, 2000. 440 p. (In Russian).

9. Moiseenko A.V. The intersection of discourses in the texts of the ecological part. Iss. 4 (52). 2016. P. 52-60. (In Russian).

10. Ulyanova O.B. Ekolinguistic factor in teaching a foreign language. Vol. 1. № 1(1). 2015. P. 75- 82. (In Russian).

11. Yanakieva E. Problems of diagnostics of ecological culture of the individual // International symposium «Ecology' 93» - Burgas: Union of Scientists in Bulgaria. Vol. 2. 1993. P. 418-423. (In Bulgarian).

УДК 373.1.035

*Дагестанский государственный университет
доцент по кафедре английского языка, кандидат
филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков для гуманитарных фа-
культетов
Магомедова А.Н.
Россия, г. Махачкала
e-mail: an-dsu@mail.ru*

*Dagestan State University
Associate professor of English Chair, candidate of
philological sciences, Associate professor of the De-
partment "Foreign Languages for Humanitarian
Faculties"
Magomedova A.N.
Russia, Makhachkala
e-mail: an-dsu@mail.ru*

А.Н. Магомедова

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ

Нарастающий интерес к изучению иностранных языков в нашей стране стимулирует появление на книжном рынке большого объема учебной литературы, преобладающая часть которой ориентирована на довузовский уровень подготовки. Немалая ее доля рассчитана на целевую подготовку к ЕГЭ. Вузовские профессионально-образовательные программы подготовки специалистов по иностранным языкам требуют наличия разнообразной учебной литературы, соответствующей целям обучения с учетом особенностей разных видов речевой деятельности. Этапы подготовки преподавателей иностранных языков характеризуются не только осложнением изучаемого лексико-грамматического материала, но и активным вовлечением обучающихся в чтение текстов с последующим обсуждением их содержания. Такая работа, проводимая на системной основе, – одно из важнейших условий поэтапного формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Важнейшая цель – развитие у студентов навыков неподготовленной речи, умений рассуждать на английском языке, аргументировать свою точку зрения, оперативно и адекватно реагировать на речевые стимулы конкретной ситуации.

Ключевые слова: обучение и образование, коммуникативные компетенции, культура страны, подход, индивидуальные особенности, язык.

A.N. Magomedova

PERSONALLY-ORIENTED PARADIGM OF EDUCATION

The growing interest in the study of foreign languages in our country stimulates the appearance on the book market of a large volume of educational literature, the majority of which is focused on the pre-university level of preparation. A large part of it is designed for targeted preparation for the Unified State Exam. University vocational educational programs for the training of specialists in foreign languages require a variety of educational literature that meets the learning objectives, taking into account the characteristics of different types of speech activity. The stages of training foreign language teachers are characterized not only by the complication of the studied lexical and grammatical material, but also by the active involvement of students in reading texts, followed by a discussion of their content. Such work, carried out on a systematic basis, is one of the most important conditions for the gradual formation of a foreign language communicative competence. The most important goal is to develop students' skills of unprepared speech, the ability to reason in English, to argue their point of view, to respond promptly and adequately to speech stimuli of a particular situation.

Key words: training and education, communicative competence, culture of the country, approach, individual characteristics, language.

Изучение культуры через изучение языка является основой этнолингвистики, посредством которой исследователи прилагают максимум усилий изучать через язык те стороны культуры, которые плохо поддаются анализу со стороны, т.е. внешним наблюдателем [1; с. 222].

Востребованность специалиста в настоящее время заключается не только в степени его квалификации в профессиональной сфере, но и в уровне подготовки в решении профессиональных задач. Особенно это касается общения с иностранцами.

Так в Государственном образовательном стандарте высшего образования делается упор на учет профессиональной специфики, когда происходит обучение иностранному языку, на нацеленность в решении задач в обозримом будущем.

Суть этого заключается в том, что оно находится в тесной связи с другими дисциплинами, целью которых является получение новых знаний в профессии и усовершенствование личных характеристик обучающихся.

Студенту необходимо изучить культуру государства, язык которого он изучает, и усвоить речевые навыки и специальные профессиональные требования.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) делает упор на усвоение иностранного (в рассматриваемом случае английского) языка в том объеме, который необходим. Это нужно для получения и распознавания информации из неотечественных источников, умения использовать язык на практике и в обычной жизни, в том числе, свободного изъяснения мнения и выражения своей позиции в письменном виде, знание основных принципов публичных выступлений.

Конечным результатом является овладение английским языком, предполагающее свободно использовать богатейшие англоязычные ресурсы в своей профессиональной деятельности.

ФГОС ВО придает большое значение контролируемой самостоятельной работе, поэтому в рабочих учебных планах отводится на нее больше часов, чем на аудиторские занятия. Важнейшей предпосылкой успешного её осуществления является наличие качественной учебно-методической литературы.

Отметим, что идея так называемого «глобального общества» или «глобальной деревни», о которой сейчас говорят во многих странах мира, выступает в новом тысячелетии в качестве одной из главных доминант мирного сосуществования разных стран мира, представителей разных этнических, языковых, религиозных и социокультурных групп.

Функция иностранного языка, способствующая глобализации образования, человеческого бытия, формированию человека нового глобального сообщества, одинаково значима как в моноэтническом и монопольном, так и поликультурном социуме. В последнем – функция при правильной постановке вопросов преподавания иностранного языка и иноязычной культуры, реализуется, как правило, легче и даже быстрее, потому что в многоэтнической среде имеется объективный опыт благоприятного взаимодействия разных этнических, религиозных и социально-культурных групп. Этот богатый и мозаичный социально-культурный и лингвистический опыт общения является базой, благодаря которой можно заложить основы приобщения молодым людям глобальных ценностей и совместному решению.

Личностно-направленный аспект подразумевает упор на элементы социокультуры, входящие в зону ответственности иностранного общения. Он гарантирует нацеленность преподавания на культуроведение, ознакомление учащихся с культурой страны/стран, языку которого/которых идет обучение. Обучающиеся начинают лучше понимать родную культуру. И это, конечно, в разы увеличивает требовательность к компетенции и степени знаний обучающихся английскому или иному языку.

Как справедливо отмечают российские ученые, специалисты в данной области, Людмила Анатольевна Хохленкова и Лилия Владимировна Юхненко, такой подход подразумевает гибкость в целеопределении, предусматривает индивидуальный круг общения обучающихся, особенность каждого из них, также формирует базу для большего результата в изучении иностранных языков [2; с. 260–263].

Личностно-ориентированный подход ещё обеспечивает преемственность между тремя уровнями школы, между школой и университетом, создает возможность обучающемуся достичь порогового уровня, пользуясь английским или другим языком на практике.

Доктор педагогических наук, профессор Евгения Семеновна Полат выделяет несколько направлений такого подхода касательно общего плана и содержания обучения [3, с. 58–60]:

1. Содержание компетенций в обучении, хоть и сходный с определенным ранее стандартом методистами, но упор на развитие активности обучающегося делается на составляющие деятельности, на то, как развивается творческая деятельность, опыт, также и мировоззрение и взгляды на жизнь.
2. При выборе контента для изучения иностранного языка в большей степени, чем раньше, учитываются интересы и вопросы, интересующие современных учащихся. Это проявляется в отборе

аутентичного текстового материала, в выборе устных тем для обсуждения, в привлечении соответствующего аудиовизуального материала, в том числе с помощью Интернета.

3. Отбор материала предполагает некоторую избыточность и назначение двух уровней: уровня изложения и уровня спроса, который немного ниже уровня изложения, поскольку учитываются способности и потребности студентов. Это позволяет дифференцированно и даже индивидуально подходить к ученику, ставит его в ситуацию выбора, поощряет большую самостоятельность и активность.

4. Последнее также достигается за счет проблемного изложения материала, а не в передаче «готовых знаний», в поощрении мышления студентов, самостоятельных выводов, обобщений.

5. При выборе контента важно предоставлять материалы, которые касаются личного опыта, чувств и эмоций учащихся, поощряют выражение их собственного мнения и оценок и поощряют формирование у учащихся ценностных ориентаций. В учебном процессе все реже встречаются такие языковые мероприятия, для которых не характерно хотя бы одно ограниченное общение, например, чтение одного и того же текста и его пересказ. Все чаще используется групповая работа над разными текстами. Обязанности учащихся в группе могут быть разными, как и состав их групп, но главное, чтобы они взаимодействовали и оказывали друг другу помощь. Такая организация обучения окажет помощь в развитии коммуникативной инициативы, способствуют улучшению учебных и речевых умений.

Стоит обратить внимание на то, что данная методика представляет собой и огромную реальную направленность для практики: дает возможность соединить самостоятельную работу и индивидуальную деятельность с работой коллектива, или выполняемой совместно группой; дает стимул обучающимся для поиска той информации, которая им нужна.

Проектная методика сразу дает толчок развитию и выявлению всех сторон обучающегося, как личности: уровень его интеллекта, особые свойственные только ему характерные черты, такие как его эмоции, отношение к работе, умения речевой деятельности, способность достигать цели.

К преимуществам всех трех вариантов разработанных проектов основного учебного плана можно отнести:

1. Все три проекта предусматривают старт изучения английского языка уже со второго года обучения в школе. В начальных классах учащиеся более всего усваивают изучаемые языки.

2. На обучение иностранного языка во всех трех проектах предусмотрено по три часа в неделю. Такой минимум допускается для такого важного учебного предмета, каким является иностранный язык.

3. И третье: все предлагаемые проекты предусматривают признание изучение английского и других языков обязательным для всех старших классов.

Необходимая для обновления изучения иностранного языка документация основывается на личностной ориентации обучающихся, прописывает в законе его изменчивость. Такая документация также учитывает потребности обучающихся их возможности. Особенно делается упор на то, что у студента есть возможность выбрать ту или иную услугу, которая предоставляет ему государство.

В документации по усовершенствованию изучения иностранных языков так же ясно определены главные направления обучения и получения образования в настоящее время: информатизация всего образовательного процесса, изучение английского и других языков, получение знаний в области социологии и экономики

Учтено еще одно важное следствие этих процессов – необходимость предоставить студентам возможность изучить не один, а два иностранных языка, так как XXI век, по признанию ЮНЕСКО, – век полиглотов.

Следует признать, что в эпоху вступления в новый миллениум среди других иностранных языков, изучаемых в России, на первое место по международной значимости выдвигался английский язык.

Проникновение английского языка в Россию сопровождается проникновением и оседанием в стране англо-американской и западной культуры. Английский язык, наряду с русским, постепенно превращается в средство международного общения [4; с. 139–141].

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, благодаря которым английский язык стал международным средством устной, письменной, электронной и спутниковой коммуникации, мы отнюдь не занимаем роли других иностранных языков, на каждом из которых, общается достаточно большое

количество жителей планеты и каждый из них играет и будет играть весомую роль в вопросах приобщения подрастающего поколения российских граждан к гуманитарно-глобальным ценностям.

Вышеизложенное позволяет нам заключить, есть веские причины полагать, что иностранный язык в образовании современных студентов и жизни вчерашних выпускников школ, проживающих в поликультурных регионах России, приобретает сегодня особый смысл, то есть гуманитарно-образовательный, лингвистический, социально-религиозный, культурно-экономический и глобальный.

Библиографический список

1. Омарова З.С. Иностранный язык в поликультурном социуме // Инновационные идеи молодых исследователей / Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции (15 января 2021 г., г. Уфа) / Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2021. С. 222–224.
2. Хохленкова Л.А., Юхненко Л.В. Личностно-ориентированный подход в обучении иностранному языку будущих специалистов социокультурного направления // Вектор науки ТГУ. 2014. № 1 (27). С. 260–263.
3. Полат Е.С. Новые педагогические технологии в системе образования. М.: Владос, 2001. С. 58–60.
4. Магомедова А.Н., Идрисова Н.П. Роль английского языка в эпоху глобализации // Материалы XII Международной научно-практической конференции «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: единство и многообразие культурных кодов» (г. Махачкала, ДГУ, 12–15 декабря 2020 г.). Махачкала: Изд-во ДГУ, 2020. С. 139–141.

References

1. Omarova Z.S. Foreign language in a multicultural society // Innovative ideas of young researchers / Collection of scientific articles based on the materials of the IVth International Scientific and Practical Conference (January 15, 2021, Ufa) / Ufa: Ed. SRC Science Bulletin, 2021. Pp. 222–224.
2. Khokhlenkova L.A., Yukhnenko L.V. Personal-oriented approach in teaching foreign language of social-cultural department' future specialists // Vector Science of Togliatti State University. 2014. № 1 (27). Pp. 260–263.
3. Polat E.S. New pedagogical technologies in the education system. M.: Vlados, 2001. Pp. 58–60.
4. Magomedova A.N., Idrisova N.P. The role of the English language in the epoch of globalization // Materials of the XIIth International Scientific and Practical Conference “Dialogue of cultures and dialogue in the policy space: Unity and Diversity of Cultural Codes” (Makhachkala, DSU, December 12–15, 2020). Makhachkala: Publishing House of the DSU, 2020. Pp. 139–141.

УДК 81

*Гилянский государственный университет
ассистент профессора
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы
Мехтиханлы С.Г.
Иран, г.Решт,
e-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir
+989118064288*

*University of Guilan
Assistant Professor
Candidate of Philological Sciences
PhD, Senior Lecturer, Department
of Russian Language and Literature
Mehdikhanli S. G.
Iran, Rasht
e-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir
+989118064288*

С.Г. Мехтиханлы

РАЗВИТИЕ УСТНОЙ РЕЧИ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье анализируется развитие устной речи иранских студентов, изучающих русский язык вне языковой среды на начальных этапах обучения РКИ. Особенно акцентируется внимание на развитии у студентов диалогической и монологической речи. Также подчеркивается ведущая роль устной речи в обучении русскому языку как иностранному в иранской аудитории. В данной работе рассматривается и проблема усвоения студентами, изучающими русский язык, правильного оформления связного текста, содержательно и грамматически правильного выражения в устной форме своих мыслей. Рассматриваются навыки устной формы монологической речи, которые позволяют не только понимать прослушанные лекции на русском языке, но и вместе с тем, способствуют грамотному изложению своих мыслей, составлению конспектов, подготовке к занятиям, написанию курсовых работ и т.д. Развитие устной речи помогает иранским студентам, изучающим русский язык вне языковой среды, строить своё высказывание таким образом, чтобы правильно донести свои мысли до слушателя.

Ключевые слова: устная речь, диалог, монолог, текст, усвоение.

S. G. Mehdikhanli

DEVELOPMENT IRANIAN STUDENTS' SPEECH AT THE INITIAL STAGES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article analyzes the development Iranian students' oral speech studying Russian outside the linguistic environment at the initial stages of teaching Russian as a foreign language. Attention is especially focused on the development of dialogic and monologic speech among students, as well as their characteristics. The leading role of oral speech in teaching Russian as a foreign language in the Iranian audience is also emphasized. The article also analyzes the problem of assimilation by students of the Russian language, the correct design of a coherent text, meaningful and grammatically correct oral expression of their own thoughts. The skills of the oral form of monologue speech are considered, which allow not only to understand the lectures listened to in Russian, but at the same time, contribute to the competent presentation of their thoughts, preparing for classes, writing term papers and etc. The development of oral speech helps Iranian students studying Russian outside the linguistic environment to build their utterance in such a way as to correctly convey their thoughts to the listener.

Key words: oral speech, dialogue, monologue, text, assimilation.

На сегодняшний день расширение международных и межгосударственных связей между Ираном и Россией, как в экономической, политической, так и культурной и образовательной сферах, способствует росту числа иранцев, желающих изучать русский язык. Как известно, изучение любого иностранного языка помогает людям разных стран и различных культур ближе познакомиться, вступить в диалог, лучше понять друг друга, и русский язык не составляет исключения в этом плане. В последнее время в Иране также возросло число людей, изучающих русский язык только лишь с целью ознакомления с научно-технической ли-

тературой, а также с русской художественной литературой. Число студентов, изучающих русский язык на кафедре русского языка Гилянского государственного университета, растет с каждым годом. Владение русским языком становится неременным условием успешного выполнения иранскими студентами своих профессиональных обязанностей в будущем.

Обучение русскому языку складывается из многих компонентов, но самым главным компонентом является развитие устной речи, навыка правильного построения предложения, обогащение словарного запаса студентов. Задача преподавателя - развить у студентов мотивацию и интерес к более глубокому изучению русского языка и более полному овладению его богатством.

Сегодня в иранской аудитории мы наблюдаем, что не все студенты могут вступать в коммуникацию, хотя по другим предметам получают очень хорошие оценки, а по устным предметам отстают. Это происходит из-за методики преподавания.

На сегодняшний день ведущим методическим принципом в преподавании русского языка как иностранного является принцип коммуникативности, которому нужно следовать на всех этапах обучения. Согласно этому принципу процесс обучения должен происходить в естественных для общения ситуациях, что предполагает постоянное обращение к русскому языку.

В современной методике преподавания особо выделяют прямой метод, согласно которому овладение языком происходит без опоры на родной язык студентов, обращение к родному языку исключается. Одним из принципов прямого метода является устное опережение. Это предполагает, в первую очередь, овладение устной формой общения. Студенты недооценивают этот фактор, следовательно, большее внимание уделяют письму и грамматике языка, а не устной речи. Но ввиду того, что обучение ведется вне языковой среды, мы должны следовать практической направленности обучения, т.е. пользоваться на занятиях как средством общения именно русским языком.

Мы предлагаем следовать такому подходу к обучению, который способствовал бы оптимизации учебного процесса, каким и является коммуникативно-деятельностный подход.

Этот подход является ведущим для обучения русскому языку как иностранному, согласно этому подходу реализуется коммуникативное поведение преподавателя на уроке, ситуация для общения и активизация студентов, широкое использование коллективных форм работы. Поэтому мы предлагаем на занятиях в большинстве случаев опираться на диалоги, которые должны заинтересовать студентов. У студентов должна быть реальная потребность участия в диалоге.

При устном высказывании на русском языке иранские студенты сталкиваются с рядом трудностей, обусловленных различными факторами: недостаточным лексическим запасом, нарушением порядка слов в предложении, неумелым отбором признаков предмета при создании описания, нарушением норм интонации целого текста и т.д.

Основной задачей работы по развитию устной речи является умение иранских студентов содержательно и грамматически правильно выражать в устной форме свои мысли.

С этой целью, в содержание работы по развитию речи иранских студентов должны входить:

- 1- развитие правильного произношения;
- 2- лексическая работа, обеспечивающая обогащение словарного запаса студентов;
- 3- развитие навыков связной устной речи.

Несмотря на то, что устная и письменная речь, имеют много общего, но ведущая роль при передаче своих мыслей принадлежит устной речи. Устная речь является общим и базисным компонентом речи. Она обладает ярко выраженными специфическими особенностями, которые надо учитывать при разработке методики ее развития. Устные упражнения, выполняющиеся на занятиях по русскому языку, дают возможность широко использовать присущее иранским студентам естественное стремление к живому общению.

Устные формы работы открывают перед преподавателем большие возможности для использования в ходе упражнений различных видов наглядности: обстановки в аудитории, окружающей студентов природы, картин и т.д. Выполняя различного рода устные упражнения, беседуя друг с другом, рассказывая о себе, об учебе, о чем-нибудь интересном, иранские студенты убеждаются в том, что они практически усваивают русский язык и могут пользоваться им в процессе живого общения, а это очень повышает интерес студентов к обучению и формирует мотивацию. При обучении русскому языку основное внимание нужно уделять прежде всего развитию у студентов устной речи и только на основе устной речи (слушания и говорения) обучать письменной речи [1; с.17].

Устную речь (говорение) подразделяют на диалогическую речь и монологическую речь.

В настоящее время в методике складывается взаимосвязанное и параллельное обучение диалогической и монологической речи. Однако внимание к диалогу и монологу неодинаково на всех этапах обучения. В начале, как правило, преобладает обучение диалогу, но постепенно роль монологической речи возрастает, становясь ведущей, определяющей весь процесс обучения говорению (устной речи) как средству общения [2; с.117].

Усвоение диалогической формы общения для иранских студентов не представляет собой столь трудную задачу, как овладение монологической формой устной речи, так как в диалоге логические отношения обычно выражены различными вопросительными словами (*кто, что, где, как, почему...*), структура предложений несложная, а также сами предложения содержат языковой материал для вопросов и ответов. В дальнейшем, уже на следующих этапах обучения русской разговорной речи, отвечая на вопросы, иранские студенты должны использовать, кроме материала, который содержится в вопросе, и другие слова, отсутствующие в вопросе, что требует от студентов большей самостоятельности в работе.

Диалог - одна из форм речи, при которой каждое высказывание прямо адресуется собеседнику и оказывается ограниченным непосредственной тематикой разговора. Диалог характеризуется относительной краткостью отдельных высказываний и относительной простотой их синтаксического построения" [3; с.133]. В диалогической речи важную роль играют также и различные дополнительные средства: жесты, мимика, различные компоненты ситуации. Поэтому в диалогической речи допускаются сокращения, неполные высказывания. Одним из необходимых условий формирования у студентов навыков диалогической речи является выработка у них умения отвечать на вопросы.

Для дальнейшего обучения русскому языку как иностранному иранским студентам необходимо овладеть более сложным для них видом речи - монологической речью. Одной из важнейших задач преподавателя в процессе обучения русскому языку является развитие у иранских студентов навыков устной монологической речи, умения рассказывать в связной форме о себе, своей семье, своих друзьях.

Формирование у студентов навыков устной монологической речи - задача более трудная, так как монологическая речь - это уже речь одного лица, выражающего в более или менее развернутой форме свои мысли, намерения, оценку событий и т.п. «Монолог характеризуется более сложным синтаксическим построением и стремлением охватить более обширное тематическое содержание по сравнению с тем, которое характеризует обмен репликами в диалоге» [3; с.239].

Выдающийся русский ученый Л.В. Щерба, указывая на необходимость специального обучения монологической речи, писал: «Если вдуматься глубже в суть вещей, то мы придем к заключению, что в основе литературного языка лежит монолог, рассказ, противопоставляемый диалогу - разговорной речи. Монолог - это уже организованная система облеченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющаяся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих. Всякий монолог есть литературное произведение в зачатке. Недаром монологу надо учить» [4; с. 115].

Значительный вклад в разработку методики обучения монологической речи на иностранном языке внесли М.Р. Львов, И.Л. Бим, Е.И. Пассов, В.Л. Скалкин и др. М.Р. Львов выделяет монолог как более важный и более трудный для учащихся вид речи, подчеркивая, что вся система развития речи направлена на овладение монологом [5; с.115].

Разграничение диалогической и монологической речи условно. Монологическая речь также предусматривает, как правило, наличие слушающего, или слушающих, и тем самым как бы включена в диалогическую речь, точнее, в общение, которое по природе своей диалогично.

Обычно выделяются следующие характеристики монологической речи:

- 1) непрерывность, т.е. высказывание не ограничивается одной фразой, а представляет собой сверхфразовое единство определенного объема;
- 2) последовательность, логичность речи;
- 3) относительная смысловая законченность;
- 4) коммуникативная направленность высказывания;
- 5) тематичность;
- 6) синтаксическая усложненность.

Разновидностями монологической речи являются описание, повествование и рассуждение. Каждый тип монологической речи, описание, повествование, рассуждение, в учебном процессе может реализоваться в зависимости от этапа обучения, ситуации общения [6; с. 120-124].

Развить у студентов умение пользоваться монологической формой общения значительно труднее, чем выработать навыки диалогической речи. Большинство учащихся на всех этапах обучения испытывают труд-

ности в оформлении связного текста. В устных высказываниях студентов встречается большое количество грамматических, орфографических, пунктуационных, речевых, стилистических и текстовых ошибок.

Поэтому в центре внимания преподавателя должна находиться работа не только над предложением, но и над развитием у студентов навыков связной речи, контекстной устной речи. Необходимо научить студентов связывать предложения между собой, располагать их в логической последовательности. Определенную роль в развитии навыков контекстной речи играет использование на занятиях связных текстов. Исследованиями психологов установлено, что связные тексты запоминаются лучше, чем отдельные, не связанные по смыслу предложения, так как каждый речевой акт представляет собой связное целое [7; с. 210-211].

При работе по развитию речи должны выполняться специальные упражнения, преследующие цель развития навыков связной речи. Особое внимание нужно уделить систематическому проведению на занятиях различных видов устных монологических высказываний, которыми студентам придется пользоваться в повседневной речевой практике, например, рассказ о личных наблюдениях, о прочитанной книге, о просмотренном фильме и т.д. Навыки устной формы монологической речи станут залогом грамотного изложения своих мыслей, составления конспектов, подготовки к занятиям, написания различных видов изложений, сочинений, курсовых и дипломных работ, выступлений с докладами и сообщениями на научные темы и т.д.

Монологическая речь дисциплинирует мышление, способствует развитию логического мышления и, соответственно, способствует умению строить своё высказывание таким образом, чтобы довести свои мысли до слушателя.

Из всего вышесказанного, можем сделать вывод, что устная речь является общим для всех видов речи и представляет собой базисный компонент речи. Поэтому при обучении русскому языку как иностранному вне языковой среды, основное внимание нужно уделять прежде всего развитию у иранских студентов устной речи и только на основе устной речи (слушания и говорения), обучать письменной речи. Как уже указывалось в работе, устные формы работы, выполняющиеся на занятиях по русскому языку в иранской аудитории, дают возможность широко использовать присущее студентам естественное стремление к живому общению.

Выбор правильного метода и технологий, соответствующих условиям обучения устной речи, а также соответствующих практической цели обучения русскому языку как иностранному в иранской аудитории, является залогом успешной подготовки будущих квалифицированных специалистов русского языка в Иране.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Смирнов А.А. Психология: Учебник для пед. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1956. 575 с.
3. Беляев Б.В. Психологические основы обучения русскому языку в национальных школах //Русский язык в национальной школе. 1962. № 3. С. 12-18.
4. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
5. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М.: Просвещение, 1988. 240 с.
6. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: проблемы и перспективы. М.: Просвещение, 1988. 255 с.
7. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 1990 334с.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M.: Soviet encyclopedia, 1966. 608 p.
2. Smimov A.A. Psychology: Textbook for ped. in-tov. Moscow: Uchpedgiz, 1956. 575 p.
3. Belyaev B.V. Psychological foundations of teaching the Russian language in national schools // Russian language in the national school. 1962. No. 3. P. 12-18.
4. Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1957. 188 p.
5. Lvov M.R. Dictionary-reference book on the methodology of the Russian language. Moscow: Education, 1988. 240 p.
6. Beam I.L. Theory and Practice of Teaching German in Secondary School: Problems and Prospects. Moscow: Education, 1988. 255 p.
7. Shchukin A.N. Methods of teaching Russian as a foreign language. M.: Higher school, 1990 334 p.

УДК 378

*Кубанский государственный технологический университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 1
Мурашова Л.П.
Россия, г. Краснодар,
e-mail: L-p-murashova@mail.ru*

*Kuban State Technological University
PhD, Associate Professor at the Department of
Foreign languages № 1*

*Murashova L.P.
Russia, Krasnodar,
e-mail: L-p-murashova@mail.ru*

*студент,
группа 18-ПБ-ПР2
Каюрина Т.А.
Россия, г. Краснодар,
e-mail: kayura.tan@yandex.ru*

*student,
group 18-PB-PR2
Kayurina T.A.
Russia, Krasnodar,
e-mail: kayura.tan@yandex.ru*

Л.П. Мурашова, Т.А. Каюрина

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В данной статье рассматривается влияние инноваций на современное образование, отношение к ним преподавателей и их личная склонность к принятию или неприятию перехода от традиционной методики к новым концепциям и культуре в системе обучения. В работе также затрагиваются проблемы: роль онлайн-репетиторов, плюсы и минусы дистанционного обучения для учеников школ, студентов высших учебных заведений и преподавателей, стоимость обучения в обычное время и в период пандемии. Доказано, что виртуальность никогда эквивалентно не заменит реальную жизнь, а новые технологии должны способствовать и поддерживать стабильность системы образования, а не разрушать её.

Ключевые слова: образование, новые технологии, традиционное обучение, вузы, профессиональное развитие преподавателей и студентов.

L.P. Murashova, T.A. Kayurina

EDUCATIONAL TECHNOLOGIES: TRADITIONS AND INNOVATIONS

This article examines the impact of innovations on modern education, the attitude of teachers towards them and their personal inclination to accept or reject the transition from traditional methods to new concepts and culture in the educational system. The work also touches upon problems: the role of online tutors, the pros and cons of distance learning for schoolchildren, university students and teachers, the cost of training at regular times and during a pandemic. It has been proven that virtuality will never equivalently replace real life, and new technologies should contribute to and maintain the stability of the education system, and not destroy it.

Key words: education, new technologies, traditional teaching, universities, professional development of teachers and students.

Во всех сферах современного общества процветают информационные технологии. Они экономят нам время и облегчают жизнь в целом. Благодаря Интернету, социальным сетям и компьютерам мы можем в любой момент пообщаться с близким человеком, вычислить сложную формулу или найти нужную энциклопедическую информацию. Несмотря на все плюсы, мы всегда можем найти минусы во внедрении информационных технологий в современную жизнь. Так, например, у большинства молодых людей нет навыков в использовании словарей, ведь онлайн переводчик всегда под рукой, нет интереса в чтении «серой» книги, в то время можно посмотреть красочный фильм. И это только самые яркие примеры. К тому же использование новых технических возможностей (компьютер, проектор, интерактивная доска) повышает наглядность, которая «позволяет на интуитивном уровне воспринимать значение слов», что значительно облегчает процесс» [1, с. 1090]

Какова роль технологий в образовании человека? Знания стали решающим фактором социального, экономического развития страны. Политика в последнее время все больше строится на инновациях в сфере современной жизни, все больше средств выделяется на обеспечение школ и университетов новыми технологиями. Компьютеры и интерактивные доски есть практически в каждой образовательной аудитории, а учителя стали играть ключевую роль в развитии у молодого поколения не только важнейших первичных теоретических знаний, но и умений правильно использовать все инновационные возможности интернет пространства.

В связи с этим возникает проблема с подготовкой преподавателей, если говорить о молодых кадрах, то они, безусловно, проще воспринимают использование новых технологий, но не всегда могут понять их и овладеть ими в полной мере. При этом старшее поколение, которое привыкло к традиционному обучению с печатным учебником и мелом, относится с большим скептицизмом и сомнением к новаторствам в образовании, многие и вовсе испытывают массу трудностей с их использованием и внедрением в программу занятий. Также важно сказать, что зрение и психическое здоровье у молодых людей постоянно ухудшается, ведь весь современный мир начал превращаться в сплошную быстро меняющуюся картинку.

В любом случае все зависит от многих факторов, например, от уровня развития страны, но, несомненно, любому наставнику необходимо постоянно совершенствовать свои умения во владении компьютером и новыми технологиями в целом. Обучение преподавателей играет важную роль для развития инноваций в системе современного образования. Что касается технической составляющей процесса обучения, «в настоящее время наиболее широко используются лично ориентированные и информационные технологии обучения» [2, с 358]. Однако даже при достижении прогресса в развитии умений, нет гарантии, что само учебное пространство будет готово к нововведениям. Так в некоторых учебных заведениях невозможно установить интерактивные доски или компьютеры в каждой аудитории, а это происходит из-за отсутствия должной помощи образованию или неэффективности материальной поддержки со стороны государства. Многие обучающиеся даже не знают о возможностях современного технического оборудования, поэтому и не используют его для обучения.

Совершенно недавно наше общество поразил страшный вирус, который вынудил все образовательные организации перейти в дистанционный режим обучения. Так инновации помогли усвоению знаний. Уроки для школьников и пары для студентов высших учебных заведений проходили на специализированных интернет площадках. Преподаватели проводили онлайн-уроки и принимали с помощью Интернет-ресурсов домашние задания. И ещё пришлось восстанавливать пробелы в умении использовать новые технологии в процессе обучения. Однако, на наш взгляд, такая инновационная система имеет множество недостатков. Например, сложнее понять, насколько хорошо студент усвоил материал или насколько самостоятельно была выполнена его домашняя работа. Самое важное - это отсутствие практики в процессе обучения.

Методика применения дистанционных образовательных технологий в период пандемии сформировала, на наш взгляд, преимущественно негативное отношение коллег к такому формату, по сравнению с традиционными занятиями. Сложности, с которыми пришлось столкнуться преподавателям, организуя онлайн-занятия, очевидны. Одной из основных проблем являлось преимущественное отсутствие зрительного контакта. Платформы были постоянно перегружены множеством подключений, происходящих параллельно, из-за большого количества одновременно проводимых занятий.

В отсутствие возможности включить видеосвязь и организовать зрительный контакт со студентами, наставникам, безусловно, приходилось прилагать гораздо больше усилий для того, чтобы удержать концентрацию аудитории, заинтересовать обучающихся, сделать процесс взаимодействия максимально продуктивным и живым.

Здесь следует отметить, что коммуникативные контакты между преподавателем и студентом заметно упрощаются при очных занятиях в аудитории для преподавателей. Студенты же, как оказалось, не испытывали особенных затруднений в общении.

Это подтверждается и данными проведенного нами опроса с целью выявления общественного мнения относительно внедрения информационных технологий в образовательный процесс, а также необходимости перехода на дистанционный формат ведения занятий в период пандемии коронавируса 2019-2020 годов. В опросе на данный момент приняли участие 64 преподавателя из различных вузов России и более 300 студентов. Один из вопросов, касающиеся виртуальности и реальности звучал

так: «Насколько для Вас психологически важен «физический» контакт с аудиторией?» На данный вопрос от преподавателей было получено, соответственно, 64 ответа, которые распределились следующим образом:

Очень важен: 40,6% – 26 ответов.

Скорее важен, чем нет: 31,3% – 20 ответов .

Не имеет существенного значения: 25% – 16 ответов.

Не имеет никакого значения: 3,1 % – 2 ответа.

На наш взгляд, стоит задуматься о том, что всего два преподавателя отметили, что личностный контакт с аудиторией для них совершенно не важен. Большинство коллег сходятся во мнении, признавая важность личностного контакта со студентами. В ответах наставников и обучающихся на схожие вопросы наблюдается множество разночтений, и в данном случае они разошлись. Студенты в большинстве своем не считают, что личностный контакт в аудитории с преподавателем и одногруппниками является важной составляющей образовательного процесса. Ответ на схожий вопрос для студентов, который звучал: «Насколько для Вас психологически важен "физический" контакт с аудиторией?» студенты дали так:

Очень важен: 15,2% – 44 ответа.

Скорее важен, чем нет: 22,4% – 65 ответов.

Не имеет существенного значения: 35,5% – 103 ответа.

Не имеет никакого значения: 26,9% – 78 ответов.

Данные, полученные при опросе студентов и преподавателей ярко свидетельствуют о том, что молодое поколение в нашем обществе успешно оцифровывается. Цифры говорят о том, что более 50% студентов уже считают личностный контакт в аудитории не слишком важным или не совсем важным. Можно только догадываться, какие последствия для их жизнедеятельности такая тенденция будет иметь в будущем.

Однако нельзя забывать и о преимуществах дистанционного обучения, благодаря которым, возможно, стоит приложить усилия для того, чтобы справиться со сложностями. Студенты так же, как и преподаватели, прогрессировали в овладении Интернет-ресурсами и современным оборудованием. Кроме того, важным здесь является экономия времени и удобство. Наиболее очевидны преимущества применения электронных образовательных технологий при обучении иностранным языкам [3, 4]. Тем не менее, стоимость образования выросла, так как каждому студенту нужен был выход в Интернет, социальные сети и наличие соответствующего оборудования. Репетиторы онлайн тоже получили большую популярность в период недавней пандемии. Более того, появилось огромное количество сайтов, где преподаватели и студенты могут обмениваться знаниями на платной основе. Именно так начал процветать современный рынок труда: благодаря инновациям в системе образования.

Таким образом, развитие образования является предпосылкой для эволюции современных индустриальных и постиндустриальных обществ. Для достойной жизни необходима масштабная государственная политика компьютеризации и активизация научно-технической деятельности высших учебных заведений. Важно непрерывно повышать квалификацию педагогов в плане использования технических инноваций в процессе обучения студентов. Современные технологии необходимы для поддержания качественного уровня компетенции выпускников школ и вузов, которые ориентированы на дальнейший поиск работы по специальности.

В постиндустриальном обществе необходимо находить баланс между традиционными и инновационными системами обучения. Важно уметь работать с любыми видами материала: это могут быть и печатные книги, и интернет-пространство, ведь только тогда возможно получить достойный результат в любом деле, когда есть навыки работы с информацией из различных ресурсов. Нашему обществу нужно провести фундаментальный анализ и переосмысление системы образования. Только в этом случае уровень подготовки специалистов будет выше и качественнее, чем современный. Важно понимать, что виртуальность никогда эквивалентно не заменит реальную жизнь, а новые технологии должны способствовать и поддерживать стабильность системы образования, а не разрушать её.

Библиографический список

1. Купавская А.А., Соболева Е.И., Шаршак А.А. Использование классических и нестандартных методик в процессе изучения английского языка студентами технических специальностей // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции. 2019. С. 1088-1093.
2. Темникова Л.Б., Серeda П.В., Воробьева О.В. Возникновение методических вопросов при внедрении электронного программно-методического комплекса в обучении иностранному языку (английскому) кадров высшей квалификации в неязыковом вузе // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2016. С. 354-360.
3. Гришанова О.П., Ильинова Е.В. Современные методы преподавания и интенсивные технологии обучения иностранным языкам // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". 2016. № 4. С. 173-184.
4. Мурашова Л.П. Преимущества электронного реферирования в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Электронная информационно-образовательная среда вуза как фактор повышения качества учебного процесса. Сборник статей научно-методической конференции. Южный институт менеджмента. 2016. С. 60-64.
4. Темникова Л.Б., Серeda П.В., Воробьева О.В. Возникновение методических вопросов при внедрении электронного программно-методического комплекса в обучении иностранному языку (английскому) кадров высшей квалификации в неязыковом вузе // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2016. С. 354-360.

References

1. Kupavskaya A.A., Soboleva E.I., Sharshak A.A. The use of classical and non-standard methods in the process of learning English by students of technical specialties // Philological and socio-cultural issues of science. Collection of materials of the IV scientific and practical intramural conference. 2019. P. 1088-1093.
2. Temnikova LB, Sereda PV, Vorobieva OV. The emergence of methodological issues in the implementation of an electronic program and methodological complex in teaching a foreign language (English) to highly qualified personnel in a non-linguistic university // Philological and socio-cultural issues of science and education. Collection of materials of the I International scientific and practical conference. 2016. P. 354-360.
3. Grishanova O. P., Ilyinova E. V. Modern teaching methods and intensive technologies of teaching foreign languages // Electronic network polythematic journal "Scientific works of KubGTU". 2016. No. 4. P. 173-184.
4. Murashova L.P. Advantages of electronic summary in the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties // Electronic information and educational environment of a university as a factor in improving the quality of educational process. Collection of articles of a scientific and methodological conference. Southern Institute of Management. 2016. P. 60-64.

УДК 378

*Кубанский Государственный Технологический
Университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры Иностранных языков № 1
Мурашова Л.П.
Россия, г. Краснодар,
e-mail: L-p-murashova@mail.ru*

*Kuban State Technological University
PhD, Associate Professor at the Department of
Foreign languages № 1*

*Murashova L.P.
Russia, Krasnodar,
e-mail: L-p-murashova@mail.ru*

*студент,
группа 20-СБ-СТ1
Петренко Я.С.
Россия, г. Краснодар,
e-mail: yanapetrenko2000@mail.ru*

*student,
group 20-SB-ST1
Petrenko Y.S.
Russia, Krasnodar,
e-mail: yanapetrenko2000@mail.ru*

Л.П. Мурашова, Я.С. Петренко

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ ГЛАЗАМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ

В данной статье рассматриваются инновационные технологии и их влияние на современное образование, отношение к ним преподавателей и студентов, плюсы и минусы новых технологий, внедрение дистанционного формата обучения. Приводятся данные анкетирования и производится их анализ. Традиции и инновации важно рассматривать как культурно-исторический процесс, заключающийся в развитии социальной системы. Модернизация образования невозможна без активизации поиска ответов на вопросы педагогики, связанные с инновациями и традиционными подходами, подлежащими изменению.

Ключевые слова: дистанционное обучение, инновации, традиции, образовательные технологии, учебный процесс.

L.P. Murashova, Ya.S. Petrenko

DISTANCE LEARNING IN THE UNIVERSITY AS PERCEIVED BY TEACHERS AND STUDENTS

This article discusses innovative technologies and their impact on modern education, the attitude of teachers and students towards them, the pros and cons of new technologies, the introduction of a distance learning format. The survey data are presented and analyzed. Tradition and innovation is important to consider as a cultural and historical process, which consists in the development of a social system. Modernization of education is impossible without intensifying the search for answers to pedagogical questions related to innovations and traditional approaches to be changed.

Key words: distance learning, innovations, traditions, educational technologies, educational process.

Инновационный процесс направлен на качественное изменение деятельности человека, поэтому новации играют значительную роль в образовательной системе. Внедрение инноваций, например, дистанционного обучения, значительно изменило образовательную систему. Интернет стал важным участником образовательного процесса еще в начале 2000-х. В 2020 году онлайн-образование вышло на новый уровень. Конечно, большая роль в этом принадлежит карантинным мероприятиям.

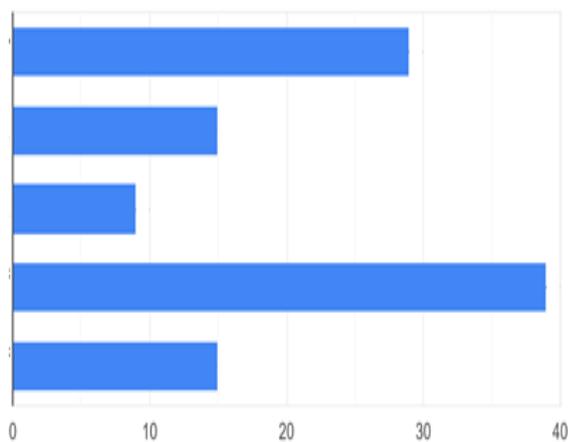
В настоящее время дистанционное обучение получило широкое развитие во многих странах. В том числе, Великобритания, США, Норвегия, Российская Федерация. Следует учесть, что сложность онлайн-обучения требует качественной работы во всех ее составляющих, и наше государство старается предусмотреть все меры по качественной реализации этого процесса.

Дистанционное обучение дает новые возможности для предоставления образовательных услуг обучающимся, ведь давно стало понятно, что «выпускник учебного заведения должен обладать нужными знаниями, умениями, навыками, осуществлять различные виды деятельности, уметь пользо-

ваться новыми информационными технологиями, уметь преодолевать конфликты» [1; с. 181]. Способ обмена информации через Интернет на сегодняшний день является естественным. Вузы разрабатывают технологии, позволяющие сделать процесс обучения максимально понятным, удобным, приближенным к традиционной форме обучения.

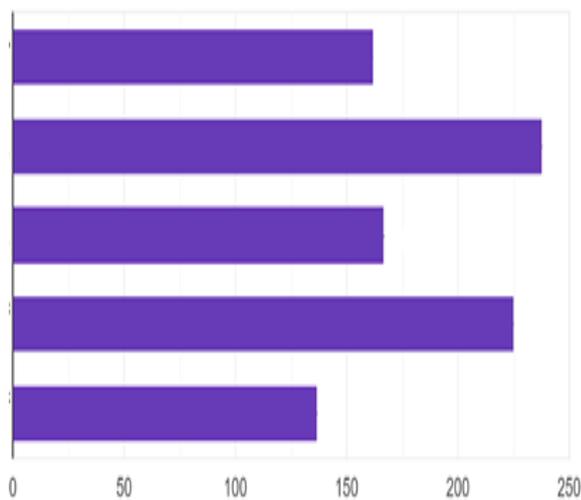
Приведём данные проведенного нами опроса с целью выявления общественного мнения относительно внедрения информационных технологий в образовательный процесс, а также необходимости перехода на дистанционный формат ведения занятий в период пандемии коронавируса 2019-2020 годов. Они свидетельствуют о том, что возможность видеть визуальные материалы (графики, таблицы, презентации и др.) непосредственно на компьютере облегчила процесс обучения для 161 (53,1 %) студентов и является важным фактором для 29 (46,8 %) преподавателей. В опросе на данный момент приняли участие 69 преподавателей из различных вузов России и более 300 студентов.

В целом, относительно основных достоинств дистанционного обучения преподаватели высказались следующим образом (Вопрос: Отметьте, пожалуйста, достоинства дистанционного обучения, которые Вы считаете наиболее существенными):



1. Возможность демонстрировать визуальные материалы (графики, таблицы, презентации и др.) непосредственно на рабочем месте каждого студента.
2. Экономия времени.
3. Экономия денежных средств.
4. Удобства, связанные с возможностью проведения занятий из любого места.
5. Удобства, связанные с доступностью компьютера и, соответственно, интернет-ресурсов для всех студентов непосредственно на занятии.

Аналогичная диаграмма ответов студентов имеет следующий вид:



1. Возможность демонстрировать визуальные материалы (графики, таблицы, презентации и др.) непосредственно на рабочем месте каждого студента.
2. Экономия времени.
3. Экономия денежных средств.
4. Удобства, связанные с возможностью проведения занятий из любого места.
5. Удобства, связанные с доступностью компьютера и, соответственно, интернет-ресурсов для преподавателя непосредственно на занятии.

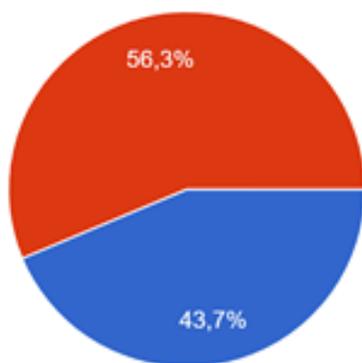
Исследования показали, что это дает больше возможностей для обучения без отрыва от трудовой деятельности: студент может заниматься в том месте, где ему удобно. Это также важно и для тех, кто не в состоянии посещать очные пары по причине инвалидности. Удобства, связанные с возможностью присутствовать на занятии, находясь в любом месте, согласно проведенному нами опросу, отметили 136 (44,9 %) опрошенных студентов и являются важным фактором для 15 (24,2 %) преподавателей.

Как представляется, дистанционное обучение полностью изменило и технологии, и инструменты обучения. Состоялось внедрение инноваций: электронная почта, конференцсвязь, специализированные порталы, видео и аудио уроки. С точки зрения Купавской А.А., Соболевой Е.И. и Шаршак А.А., «повсеместное использование социальных сетей, позволяет, например, при необходимости

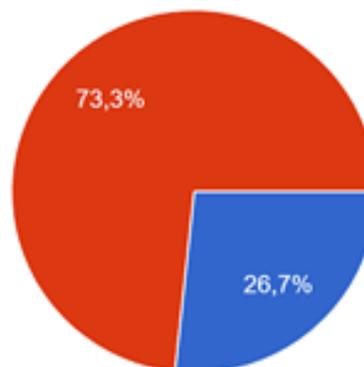
производить параллельное изучение тем на родном языке обучающегося и на иностранном языке» [2; с. 1091]. Таким образом, благодаря внедрению технологий уровень коммуникации между студентами и преподавателями вырос. Результаты опроса показывают, что многие обучающиеся считают, что этот метод должен стать традиционным в образовательном процессе, поскольку у студентов появляется больше свободного времени и возможностей самоорганизации учебной деятельности, например, возможность правильно распределять время и силы. Большую роль играет внутренняя мотивация и воля, ответственность и самоконтроль в обучении нового формата.

Однако многих эта ситуация расслабляет. По результатам исследования некоторые преподаватели и студенты (44,3% преподавателей и 26,7% студентов) заметили снижение уровня дисциплины обучающихся при дистанционном обучении. Вопрос в анкетах звучал следующим образом: «Заметили ли Вы ухудшение уровня дисциплины студентов, связанное с внедрением дистанционного формата обучения? / Заметили ли Вы ухудшение уровня дисциплины своих одногруппников, связанное с внедрением дистанционного формата обучения?»

Преподаватели:



Студенты:



Стоит отметить, однако, что большинство студентов и преподавателей ухудшений в уровне дисциплины не заметили. У дистанционного обучения свои преимущества и недостатки. Проблемы, с которыми сталкиваются студенты, являются организационными и техническими. Возможности Интернета позволяют демонстрировать яркий и красочный материал, делают возможным использование видео и аудиоконтента, что способствует увеличению внимания и развитию мышления.

Стеснительные ученики стали более активно себя проявлять на онлайн-уроках. Учителя, репетиторы, преподаватели, занимающиеся педагогической деятельностью дистанционно, могут уделять внимание большому количеству учеников и работать, находясь даже в декретном отпуске. Благодаря автоматизированию многих рутинных процессов у преподавателей освобождается больше времени, а проверка домашних заданий стала проще: преподаватели просто скидывают ссылку на сайт, а студент выполняет задание, проверка теста происходит автоматически.

При развитии дистанционных технологий наша задача состоит в том, чтобы организовать учебный процесс по новой системе обучения с качественным результатом, таким же, как у традиционной.

Нельзя игнорировать факт, что онлайн-обучение плохо воздействует на студентов в физическом плане. В этой связи студенты отметили следующие проблемы: набор веса, потеря режим дня, недостаток общения в реальности в принципе, нехватка общения с однокурсниками и другие. Студентам не нравится проводить все свое время с электронными носителями, поскольку тогда ухудшается зрение, у многих появляется депрессия и внутренние раздражение, психосоциальные проблемы, в результате чего наблюдается ухудшение успеваемости.

К сожалению, есть ещё и малоимущие студенты, у которых нет возможности пользоваться компьютером с выходом в Интернет. В таком случае обучение специальностям, предполагающим большое количество практических занятий, дистанционно представляется также затруднительным.

Самым эффективным способом проследить, насколько самостоятельно сдавал студент экзамены или зачеты – это видеосвязь. Однако это не всегда возможно. На наш взгляд, образование не следует полностью лишать традиционных методов обучения, например, классической лекционной системы, когда преподаватель озвучивает учебный материал, а также в аудитории ведет практические занятия. Конечно, в эпидемиологической ситуации ограничения являются оправданными.

На наш взгляд, в постиндустриальном обществе необходимо находить баланс между традиционными и инновационными системами обучения. «Задача преподавателя при этом – выбрать, в зависимости от целей обучения, правильную стратегию обучения и успешно реализовать ее» [3; с. 357]. Так существуют виды учебной деятельности, в которых преимущества применения инноваций, связанных с информационными технологиями, наиболее очевидны, например, в электронном реферировании [4]. Применение ресурсов интернета при работе с информацией, такой как чтение текстов и просмотр видеоматериалов, «позволяет расширять содержание учебника, дополняя его актуальной информацией» [5; с. 696] Важно уметь работать с любыми видами материала: это могут быть и печатные книги, и Интернет-пространство, ведь достойный результат в любом деле возможно получить только тогда, когда есть навык работы и восприятия информации из различных ресурсов.

Библиографический список

1. Гришанова О.П., Ильинова Е.В. Современные методы преподавания и интенсивные технологии обучения иностранным языкам // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". 2016. № 4. С. 173-184.
2. Купавская А.А., Соболева Е.И., Шаршак А.А. Использование классических и нестандартных методик в процессе изучения английского языка студентами технических специальностей // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции. 2019. С. 1088-1093.
3. Темникова Л.Б., Серeda П.В., Воробьева О.В. Возникновение методических вопросов при внедрении электронного программно-методического комплекса в обучении иностранному языку (английскому) кадров высшей квалификации в неязыковом вузе // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2016. С. 354-360.
4. Мурашова Л.П. Преимущества электронного реферирования в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Электронная информационно-образовательная среда вуза как фактор повышения качества учебного процесса. Сборник статей научно-методической конференции. Южный институт менеджмента. 2016. С. 60-64.
5. Подгурская Д.Д., Маркевич Ю.В. К вопросу о достоинствах и недостатках дистанционного обучения // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов V международной научно-практической очно-заочной конференции. 2020. С. 660-665.

References

1. Grishanova O. P., Ilyinova E. V. Modern teaching methods and intensive technologies of teaching foreign languages // Electronic network polythematic journal "Scientific works of KubGTU". 2016. No. 4. P. 173-184.
2. Kupavskaya A.A., Soboleva E.I., Sharshak A.A. The use of classical and non-standard methods in the process of learning English by students of technical specialties // Philological and socio-cultural issues of science. Collection of materials of the IV scientific and practical intramural conference. 2019. P. 1088-1093.
3. Temnikova LB, Sereda PV, Vorobieva OV. The emergence of methodological issues in the implementation of an electronic program and methodological complex in teaching a foreign language (English) to highly qualified personnel in a non-linguistic university // Philological and socio-cultural issues of science and education. Collection of materials of the I International scientific and practical conference. 2016. P. 354-360.
4. Murashova L.P. Advantages of electronic summary in the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties // Electronic information and educational environment of a university as a factor in improving the quality of educational process. Collection of articles of a scientific and methodological conference. Southern Institute of Management. 2016. P. 60-64.
5. Savenko K.A., Markevich Yu.V. Specifics of distance learning of a foreign language in a technical university // Philological and socio-cultural issues of science. Collection of materials of the V scientific and practical intramural conference. 2020. P. 660-665.

УДК 37.091.3

*Таганрогский институт
им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО
«Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)»,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
немецкого и французского языков
Мурашова Е.А.
Россия, г. Таганрог
e-mail: shenetschka@rambler.ru
8 951 52 53 321*

*Anton Chekhov
Taganrog State Institute
branch of Rostov State University of Economics,
Candidate of Philology
docent of chair of German and French languages
Murashova E.A.
Russia, Taganrog,
e-mail: shenetschka@rambler.ru
8 951 52 53 321*

Е.А. Мурашова

ИНТЕРАКТИВНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ НА УРОКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается проблема использования технологии интерактивной презентации. Сопоставляется классическая презентация-визуализация и интерактивная презентация. Уточняется структура, задачи и функциональный потенциал интерактивной презентации на уроках иностранного, в частности немецкого языка.

Ключевые слова: информатизация образования, интерактивная презентация, немецкий язык

Е.А. Murashova

INTERACTIVE PRESENTATION IN THE GERMAN LANGUAGE LESSON

This article discusses the use of interactive presentation technology. A classic presentation-visualization and an interactive presentation are mapped. The structure, tasks and functional potential of the interactive presentation in the lessons of a foreign language, in particular German, are specified.

Key words: informatization of education, interactive presentation, German

Преподавание немецкого языка на современном этапе развития методического знания, обусловленного глобальной компьютеризацией процесса преподавания, требует внедрения новых интерактивных методов и технологий обучения, использование которых в условиях современной информационно-образовательной среды в значительной степени позволяет повысить эффективность и мотивацию обучения немецкому языку [1; с. 26].

Одним из вариантов модифицированной с учётом требований времени технологии является интерактивная презентация, представляющая собой один из способов визуализации на уровне организации и предъявления учебного материала. В последнее время значительно расширяется диапазон использования интерактивной презентации в учебном процессе, во многом благодаря всеобщей его информатизации.

Интерактивная презентация, так же, как и классическая презентация-визуализация, состоит из слайдов различного типа, которые могут иметь в своём составе тексты, таблицы, диаграммы, рисунки, фотографии. Интерактивная презентация может включать также анимированные рисунки, аудио и видеофайлы. Кроме того, интерактивная презентация предполагает возможность изменения подачи слайдов и наличие гиперссылок, облегчающих учащимся поиск необходимой информации в сети интернет и инициируя тем самым их более активное участие в образовательном процессе.

В общем виде структура интерактивной презентации на уроке немецкого языка складывается из следующих элементов: титульный слайд, навигация, информационные слайды, включающие гиперссылки, слайды с дополнительными заданиями, слайды с тестовыми заданиями для промежуточного или итогового контроля; дополнительные информационные ресурсы для детального представ-

ления материала, в том числе фото, аудио и видеофайлы, ключи к заданиям [2; с. 124].

В таком виде интерактивная интерпретация может быть использована как для формирования и совершенствования знаний, умений и навыков учащихся, так и для промежуточного или итогового тестирования, например, когда визуализируется один или несколько ответов к предлагаемому заданию и учащийся должен выбрать из представленного списка правильный. Интерактивная презентация позволяет проверить, верный ли был выбран ответ, оценить учащегося или перенаправить его на страницу, где может быть представлена таблица, фото, аудио или видео с поясняющим материалом, для дальнейшей корректировки допущенной ошибки или поощрения правильного ответа учащегося.

Основной задачей интерактивной презентации помимо формирования, совершенствования и определения уровня сформированных знаний умений и навыков в ходе промежуточного или итогового контроля может быть также систематизация полученных знаний (обобщающая интерактивная презентация), ознакомление с новой информацией за рамками обозначенной темы (консультационная интерактивная презентация), самостоятельное усвоение учащимися нового материала (обучающая интерактивная презентация) или все обозначенные задачи в комплексе (комплексная интерактивная презентация).

В дидактико-методологическом аспекте интерактивная презентация на уроке немецкого языка может быть использована для развития познавательной активности учащихся. Выполняя задания, отвечая на вопросы тестов, нажимая уточняющие кнопки-вкладки, переходя по гиперссылкам, осуществляя самостоятельный поиск информации, учащиеся демонстрируют новые виды познавательной активности в рамках особым образом организованной учителем целенаправленной деятельности по освоению соответствующих знаний, умений и навыков [2; с. 121; 3; с. 9].

Одной из важных задач интерактивной презентации является инициация активного взаимодействия учащихся с аудиально и визуально воспринимаемой ими информацией. Здесь интерактивность становится источником учебной интеракции – активного взаимодействия учащегося как с пройденным, так и с абсолютно новым, ещё неизвестным ему материалом.

Будучи модернизированным вариантом визуализации, сопровождающим выступление участников образовательного процесса – учителя или учащихся – интерактивная презентация расширяет диапазон усвояемого материала и мотивирует учащихся к более активному его усвоению. Поскольку в восприятии информации через интерактивную презентацию участвуют все органы чувств, мозг работает интенсивнее, материал усваивается быстрее и качественнее чем в ходе подачи той же темы, к примеру, посредством традиционной презентации [4; с. 9].

Это свойство интерактивной презентации в ходе изучения немецкого языка можно использовать для организации аудиторной групповой или самостоятельной работы учащихся различных возрастных групп [5; с. 99], для самостоятельной работы дома, а также для самообразования. Конечно, при условии, что учащиеся хорошо знакомы с этой технологией и алгоритмами её реализации. Если учитель задаёт выполнение заданий или составление интерактивной презентации в качестве домашнего задания, он должен снабдить учащихся чёткими инструкциями её выполнения, обозначить сроки и способ проверки выполнения задания, учитывая возраст, знания, умения и навыки и уровень владения учащимися этой технологией.

Реализация дифференцированного подхода требует также, чтобы в интерактивной презентации, используемой для организации самостоятельной работы и для самообразования учащихся, информационные и контрольные блоки располагались от простых к более сложным, содержали дополнительные упражнения с творческими и другими заданиями разных уровней сложности: от базового до продвинутого, чтобы все ученики могли освоить предлагаемый материал в соответствии с индивидуальными особенностями и уровнем успеваемости.

Поскольку интерактивные презентации с элементами творчества и исследовательской деятельности могут использоваться как при условии наличия текущего контроля учителя в аудитории (контролируемая самостоятельная работа), так и без непосредственного контроля (самообразование учащихся) они часто выступают как одно из эффективных средств повышения самостоятельности учащихся в ходе освоения иностранного языка, например, немецкого, в том числе для индивидуально мотивированного развития их познавательных способностей, формирования и совершенствования знаний, умений и навыков.

От преподавателя многоаспектность и многофункциональность интерактивной презентации требуют специальных условий её подготовки и соответствующей организации образовательного про-

странства, в том числе наличия специально организованного рабочего места учителя и ученика. Кроме того, эффективность использования этой технологии помимо хорошего знания языкового материала, зависит также от знаний, умений и навыков самого преподавателя в области создания интерактивных презентаций и организации соответствующих видов деятельности учащихся [1; с. 28], в том числе владения такими компьютерными программами и интерфейсами как Genially, Padlet, Prezi, Powtoon, Pictochart, Google Slides, ФотоШОУ PRO, Scratch и т.д.

Genially, к примеру, позволяет создавать интерактивные презентации в виде интерактивных карт и викторин с большим количеством анимированных шаблонов, а также интерактивные презентации в видеоформате. Схожий функционал имеет сервис Padlet, позволяющий также составлять развёрнутые временные графики. Prezi способствует созданию максимально прозрачных, чётко структурированных презентаций, представляющих свою основную идею уже на первом слайде в виде своеобразных анимационных элементов-символов. С помощью Powtoon визуализация может быть максимально точно синхронизирована по времени, дополнена ресурсами с YouTube и сохранена в видеоформате. Pictochart поможет разнообразить интерактивную презентацию новыми неизбитыми анимированными шаблонами, сделать из любого текста эмблему или картинку. Google Slides помимо анимированных шаблонов позволяет автоматически сохранить конечный продукт в «облаке», а также обеспечивает возможность симультанной работы нескольких пользователей над одной и той же презентацией. С помощью ФотоШОУ PRO и Scratch можно составить анимированные ролики с впечатляющими текстовыми и видеоэффектами.

В целом интерактивная презентация как вариант модифицированной технологии визуализации с применением данных и других программ и интерфейсов помогает индивидуализировать процесс преподавания немецкого языка, стимулировать эффективность восприятия и запоминания материала, повысить уровень познавательной активности, и самостоятельности учащихся, мотивировать их к дальнейшему более глубокому освоению материала при условии соответствующей подготовки и правильной дидактико-методологической организации.

Библиографический список

1. Мурашова Е.А. Цифровая грамотность и цифровая компетентность как обязательное условие информатизации образовательной деятельности преподавателя немецкого языка // *The Newman In Foreign Policy* (Новый человек в международной политике). Специальный выпуск. № 54 (98) Vol. 3. Красноярск. С. 26-28.
2. Палиева Т.В., Реутская О.А. Модель применения интерактивных презентаций в самостоятельной учебной работе учащихся / *Вестник МДПУ імя І. П. Шамякіна*. №3 (32). МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2011. С. 120-126.
3. Nöllke C., Schmettkamp M. *Präsentieren*. Stuttgart : Haufe 2020. 256 S.
4. Бобонец С.А., Костюк А.В. Применение компьютерных технологий в образовательном процессе / *Вестник СпбВИ войск национальной гвардии*. № 2-2(28). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный орден Жукова ИВНГ, 2020. С. 6-10.
5. Koch K. *Von der Grundschule in die Sekundarstufe: Der Übergang aus der Sicht der Lehrerinnen und Lehrer*. Leske+Budrich, Opladen 2001. 320 S.

References

1. Murashova E.A. Digital literacy and digital competence as a prerequisite for informatization of the educational activities of a German language teacher // *The Newman In Foreign Policy*. Special issue. № 54 (98) Vol. 3. Krasnoyarsk. Pp. 26-28.
2. T.V. Paliyeva, O.A. Reutskaya model of application of the interactive presentations in independent study pupils / *Bulletin MDPU*. №3 (32). MDPU, 2011. Pp. 120-126.
3. Nöllke C., Schmettkamp M. *Presentation*. Stuttgart : Haufe 2020. 256 p.
4. Bobonets S.A., Kostyuk A.V. Application of computer technologies in the educational process/Bulletin of St. Petersburg National Guard. № 2-2(28). St. Petersburg: St. Petersburg military of the Order of Zhukov of IVNG, 2020. Pp. 6-10.
5. Koch K. *Transition from primary to secondary: from the perspective of the teacher..* Leske+Budrich, Opladen 2001. 320 p.

УДК 37.01

*Воронежский государственный
технический университет
Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
социологии и истории
О.В. Пастушкова
Россия, г. Воронеж,
e-mail: ovpast1999@gmail.com
89521040351*

*Voronezh State Technical University
PhD in Philosophy, assistant professor
The Chair of Philosophy,
Sociology and History
O.V. Pastushkova
Russia, Voronezh,
e-mail: ovpast1999@gmail.com
89521040351*

О.В. Пастушкова

ТЕХНОЛОГИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

В статье рассматривается история и основные вехи дистанционного образования как формы обучения и технологии. Анализируется многообразный отечественный и зарубежный опыт. Представлены наиболее часто используемые модели онлайн-образования: экстернат, университетское обучение, сетевые формы обучения, обучение на основе автономных образовательных организаций и платформ. На основе исторического экскурса сформулированы плюсы и минусы новой формы обучения. Обозначена перспектива развития дистанционного образования за счет развития ИКТ-компетенций и компетенций самообразования.

Ключевые слова: дистанционное образование, технологии, формат, модели, онлайн-обучение.

O.V. Pastushkova

E-LEARNING TECHNOLOGY: FROM THE ORIGINS TO OUR DAYS

The article examines the history and main milestones of distance education as a form of education and technology. Diverse domestic and foreign experience is analyzed. The most frequently used models of online education are presented: external studies, university education, network forms of education, learning based on autonomous educational organizations and platforms. On the basis of a historical excursion, the pros and cons of the new form of education are formulated. The prospects for the development of distance education through the development of ICT competencies and self-education competencies are outlined.

Keywords: distance education, technologies, format, models, online learning.

Одной из самых перспективных, но вызывающих споры и дискуссии с начала пандемии Covid-19 технологий, является дистанционное обучение. По признанию большинства экспертов сферы образования, корпоративного обучения, по результатам многочисленных социологических исследований, проведенных в 2020 году, именно за этой формой будущее. В связи с цифровизацией и цифровой трансформацией различных отраслей экономики, направленностью на демократизацию общества и социальное выравнивание в условиях глобализации, новых принципов жизни в VUCA-мире, требующих гибкости, адаптивности, готовности к неопределенности и изменениям, переобучению, дистанционное образование можно считать практически безальтернативным. В свете всей той существенной критики, что обрушилась на него с момента пандемии, перефразировав слова Уинстона Черчилля, можно сказать, что онлайн-обучение – «плохая форма обучения, но ничего лучшего человечество не придумало».

Рассмотрим возможности дистанционного образования, обратившись к историческому экскурсу, который позволит нам высветить те существенные черты и особенности, которые и делают его неотъемлемым элементом современного обучения.

Сама по себе названная форма обучения известна достаточно давно. Если рассматривать под

дистанционным образованием любую форму образования на расстоянии, то в качестве системы обучения его возникновение можно отсчитывать с 1728 года. Именно в этом году американский профессор Калейб Филипс, живущий в Бостоне, стал набирать через местную газету студентов для их обучения основам стенографии. Обучение проходило дистанционно, по почте. Примерно через век британский ученый-стенографист Исаак Питман на основе своей оригинальной системы стенографии ввел «корреспондентскую форму обучения». Он делал своим ученикам рассылку почтовых открыток с транскрибированными текстами, получал ответы и возвращал исправленные работы. Во многом такая форма дистанционного обучения стала возможной благодаря внедрению в Великобритании единых почтовых тарифов, сделавших эту форму трансляции знания доступной [2].

Первые шаги на пути институционализации дистанционного образования были сделаны в 1856 году в Германии: именно там был основан первый Берлинский институт заочной формы образования. И по сей день, заочная форма обучения популярна среди взрослого работающего населения.

Впервые за рубежом дистанционная форма обучения появилась в 1858 году в Лондонском университете международных программ. Она стала использоваться для обучения всех категорий людей. Одним из первых опытов обучения по почте для женщин стало создание Общества Тикнор, основанного американской писательницей Анной Элиот Тикнор [2].

Надо заметить, что обучение по почте, только уже электронной, – это один из не теряющих актуальности и самых дешевых способов организации онлайн-обучения. Он эффективен с точки зрения динамики образовательного процесса, дополнительной мотивации и стимуляции, персонализированного подхода. Получение заданий по почте создает у студента ощущение, что они адресованы лично ему, а привычка быть воспитанным побуждает отвечать на электронные послания, быть аккуратным и организованным. Многие дистанционные курсы сегодня проводятся по электронной почте.

XX век, подаривший человечеству радио, телевидение и Интернет, ускорил процесс массового внедрения дистанционного обучения. Например, с изобретением радио образовательный контент стал транслироваться через образовательные радиопередачи (пионером в этой области стал государственный университет Пенсильвании в 1922 году). С появлением телевидения с середины XX века стали внедряться телевизионные курсы как в США и Европе, так и в Советском Союзе. В 1969 году в Великобритании появился первый в мире Открытый университет. Он стал полноценной альтернативой традиционной форме обучения. Сегодня существует множество таких открытых университетов, которые занимаются как образовательной, так и просветительской деятельностью для разных целевых аудиторий, в том числе для старшего поколения (университеты «серебряного» возраста, активного долголетия).

Начиная с 1960 года, форма дистанционного образования стала поддерживаться на международном уровне ЮНЕСКО, а в ряде последующих документов были зафиксированы права человека, в том числе с ОВЗ, на получение доступного образования («Декларация прав человека», «Всемирная декларация об образовании для всех» (1990 г.), «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (ООН, 2015 г.). Международное сообщество поддерживало идею доступного образования для всех категорий людей в течение всей жизни, что отразилось в концепции непрерывного образования.

Следующей вехой развития дистанционного образования стало его внедрение на основе новой техники и технологий – компьютеров и компьютерных программ. Одним из первых, кто стал внедрять в 1960-е гг. эти средства обучения, стала компания IBM, предложившая инновационную для тех лет программу Coursewriter [2]. Далее последовали различные пилотные запуски новых программ на основе ИКТ, которые позволили накопить огромную методическую базу по организации индивидуализированного подхода в обучении, а также дали понимание важности специальных технологий обучения. Эти наработки привели к созданию «педагогического колеса» Аллана (от английского iPad, электронный гаджет, планшет) – нового инструмента создания образовательного контента и проведения онлайн-занятий на основе соединения таксономии Блума и существующих цифровых платформ и сервисов.

Таким образом, количество постепенно перерастает в качество, а педагоги всего мира интегрируют свои знания в единую базу, помогающую организовать дистанционное обучение максимально эффективно для обучающихся.

В 2000-е годы дистанционное обучение вышло за пределы формального обучения и стало распространяться в Интернете. Появление первых массовых онлайн-курсов, которые стали популярны с

2010 года на основе таких платформ, как Coursera, Udacity, edX и др., упрочило положение новой формы обучения.

Пионерами в создании и реализации онлайн-курсов стали профессор Себастьян Тран и Питер Норвиг (Стенфордский университет). Их первый курс по искусственному интеллекту был запущен в 2011 году для 160000 студентов из 190 стран.

В России исторически формировалась своя система дистанционного обучения. Она была обусловлена теми потребностями, которые складывались в тот или иной период времени. Так, в отсутствие железных дорог, благодаря суровому климату, единственной формой сообщения и трансляции знания было почтовое дистанционное обучение. Начиная с петровских времен, научный и образовательный контент шел с Запада, пока в России не появились собственные образовательные учреждения и кузницы научных и педагогических кадров.

В советской послереволюционной России в условиях перемен и необходимости индустриализации потребовалась массовая ликвидация безграмотности и обучение населения новым профессиям. Дистанционная технология обучения, применяемая при заочной форме обучения, закрывала такого рода потребности государства, обеспечивая страну нужными кадрами. Как самостоятельная форма обучения, дистанционное образование возникло 30 мая 1997 года, когда вышел приказ № 1050 Минобразования России, описывающий педагогические эксперименты в формате онлайн-обучения.

Пандемия коронавирусной инфекции, охватившая в 2020 году весь мир, обозначила жизненную важность дистанционной технологии образования, как и все ее болевые точки. Можно говорить о глобальном эксперименте, в котором поучаствовали практически все страны мира, чей опыт сегодня переосмысливается с целью усовершенствования и дальнейшего развития онлайн-обучения.

Весь этот богатый опыт привел не только к развитию технологии дистанционного образования, но и к терминологической избыточности, вызывающей путаницу. В наши дни существует значительное разночтение в терминологии. Часто синонимом дистанционного образования называют электронное, онлайн-обучение. В трудах отечественного ученого-педагога А.В. Хуторского находим такое определение: это «обучение с помощью средств телекоммуникаций, при котором субъекты и объекты образования, имея пространственную или временную удаленность, участвуют в учебном процессе, направленном на создание образовательных продуктов и соответствующих внутренних приращений субъектов образования» [4, с. 230]. Таким образом, в данном определении фиксируются технологическая, коммуникационная и результативная составляющие дистанционного обучения. Главным, как и 300 лет назад, остается опосредованное между преподавателями и обучающимися взаимодействие. Разница лишь в том, что благодаря широкополосному Интернету, компьютерам и гаджетам с высоким разрешением и разнообразными возможностями это расстояние практически не ощущается в режиме онлайн-конференций или вебинаров.

Если говорить о законодательстве, то в Законе об образовании РФ в ст. 16 говорится: «под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [3]. В мае 2020 года в этот Закон были внесены поправки, еще больше закрепляющие статус дистанционного образования в современной России.

Прошло три сотни лет с момента первой апробации такой формы обучения, и на сегодняшний день накопилось множество вариантов ее реализации. Можно выделить наиболее распространенные ее модели, такие как экстернат – особую форму аттестации, подразумевающую самостоятельное изучение всего курса. Также это университетское обучение, когда студент учится дистанционно, но в одном вузе. Третья модель – это обучение, основанное на сотрудничестве нескольких учебных заведений (так называемые сетевые программы). Четвертая модель реализуется в автономном образовательном учреждении, например, в Европейском университете. Пятая модель основана на обучении в системе Moodle, которую особенно часто используют в России. И, наконец, есть интегрированное дистанционное обучение, которое использует мультимедийные программы.

На основе богатого исторического опыта дистанционного обучения, научных исследований можно выделить наиболее ключевые его характеристики. Во-первых, это детальное планирование деятельности обучающихся. В связи с тем, что преподаватель и студент общаются на расстоянии, опосредованно, особые требования предъявляются к организации обучения, четкой постановке целей и задач, обеспечению студента всеми необходимыми учебными материалами. Второй отличительной чертой является максимально возможная интерактивность. В силу того, что ученик или студент остается наедине с собой по другую сторону экрана, всегда существует соблазн переключиться на нечто более интересное. Именно поэтому дистанционное обучение интерактивно, требует максимального вовлечения обучающегося в образовательный процесс и во взаимодействие друг с другом.

Третьей особенностью можно назвать высокоэффективную обратную связь с целью предоставления обучающимся возможности отслеживания своих образовательных результатов и прогресса. Если в традиционном обучении ученика спрашивали в классе через раз, два или еще реже, то в дистанционном образовании подготовленность обучающегося как на ладони: если ты не отправил задание или сделал это не в срок, это становится видно преподавателю. Кроме того, в дистанционных формах обучения существуют электронные дневники, журналы, таблица общего прогресса студента, которые демонстрируют его успеваемость.

Четвертой особенностью является использование разнообразных дидактических приемов для обеспечения мотивации. В силу непрямого, опосредованного взаимодействия студента с преподавателем на первый план выходит необходимость самомотивации, которой зачастую не хватает, чтобы завершить курс обучения. Расхожим стало мнение, подкрепленное реальными исследованиями, что до получения сертификата о прохождении онлайн-курса доходят лишь 5% обучающихся. Над вопросом повышения мотивации работают сегодня лучшие педагоги, ученые, практики, и одним из средств ее повышения является разнообразие дидактических приемов, например, моментальных онлайн-опросов, игр, викторин или хорошо структурированных текстов – лонгридов, качественного видеоряда в образовательных роликах, интересных творческих заданий.

Наконец, пятой чертой является модульность образовательного курса. Это обусловлено тем, что модульная программа является максимально адаптивной к образовательным потребностям обучающегося. В зависимости от своего предшествующего опыта обучения студент может выбирать те модули, которые ему еще не знакомы. Это также обеспечивает последовательность и пошаговость в изучении материала. Отметим, что практически все дистанционные курсы (массовые онлайн-курсы) построены на модульной технологии.

В заключении обозначим плюсы и минусы дистанционного обучения. Самым главным, пожалуй, называют максимальную гибкость в обучении. Она предполагает индивидуальный подход, модульное структурирование. Сегодня студенты приходят уже не за дипломами, а за теми актуальными знаниями, умениями и опытом, которые пригодятся им как в профессиональной, так и личной жизни. Поэтому во многом дистанционное образование реализуется на основе выстраивания индивидуальных образовательных траекторий под запросы потребителя образовательных услуг.

Второй плюс – доступность, прежде всего финансовая (отсутствие расходов на транспорт, проживание, питание, канцтовары, печать и т.д.). Если дистанционное образование грамотно организовано, оно значительно дешевле своего традиционного аналога.

Третий плюс – это максимальная инклюзивность, т.е. предоставление возможности обучения для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Для тех детей, студентов и взрослых, кто не может покинуть свои квартиры или дома, сегодня существует возможность онлайн-присутствия в классе и обучения по индивидуальной траектории.

Четвертый плюс – это возможность повышения квалификации и получения непрерывного образования, которое ведется на протяжении всей жизни. Если ранее для повышения квалификации необходимо было оформлять командировку или брать отпуск, то благодаря ИКТ сегодня можно совмещать работу с обучением. Это создает привычку постоянно учиться и повышать уровень своих компетенций.

Главными недостатками дистанционного образования является слабый уровень ИКТ-компетенций как у обучающихся, так и у преподавателей, неравномерность в распределении на территории нашей страны широкополосного Интернета, недооценка онлайн-образования большинством населения, а также отсутствие социального взаимодействия и эмпатии в процессе обучения. Не регламентирован с точки зрения нормативов труд преподавателя, который обучает дистанционно. Как

показывает опыт пандемии Covid-19, работы у добросовестных педагогов прибавилось, несмотря на то, что многие студенты призывали власти и ректорский корпус снизить стоимость платного обучения. При проектировании дистанционного курса преподаватель может неправильно нарисовать портрет целевой аудитории курса, поэтому образовательный контент, в особенности оценочные задания, могут быть слишком легкими или, наоборот, сложными. Это далеко не весь список недостатков дистанционного обучения.

Однако, все ли так плохо с этой формой и технологией? Всемирный образовательный эксперимент по переходу на дистанционный формат оказался провальным? Не будем столь категоричными. Во-первых, обозначенные выше минусы могут быть таковыми лишь временно, пока не будут устранены с помощью современных научно-технологических или инновационно-педагогических решений. Во-вторых, есть ряд преимуществ, которые могут минимизировать большую часть недостатков дистанционного обучения. У него богатая история. За счет развития у студентов компетенции самообразования дистанционное или онлайн-обучение имеет перспективы для дальнейшего усовершенствования и развития [1].

Библиографический список

1. Пастушкова О.В. Проблема формирования компетенции самообразования студента в условиях онлайн-обучения / О.В. Пастушкова, Е.В. Кривогулова // Сборник научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню российской науки «Педагогическая наука и современное образование» (доклады секционных заседаний VIII. – Санкт-Петербург, 2021. С. 229-234.
2. Петькова Ю.Р. История развития дистанционного образования. положительные и отрицательные стороны МООС / Ю.Р. Петькова // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 3. С. 199-204.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.05.2020) «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.04.2021).
4. Хуторской А. В. Педагогическая инноватика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Хуторской. – Москва : Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.

References

1. Pastushkova O.V. The problem of the formation of a student's self-education competence in the context of online-learning / O.V. Pastushkova, E.V. Krivotulova // Collection of scientific and practical conference with international participation dedicated to the Day of Russian Science "Pedagogical Science and Modern Education" (reports of breakout sessions VIII. - St. Petersburg, 2021. pp. 229-234.
2. Petkova U.R. The history of the development of distance education. positive and negative aspects of the MEP / U.R. Petkova // Successes of modern natural science. - 2015. - No. 3. P. 199-204.
3. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ (as amended on May 25, 2020) "On Education in the Russian Federation." URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 10.04.2021).
4. Khutorskoy A. V. Pedagogical innovation: textbook manual for students of higher school / A. V. Khutorskoy. - Moscow: Publishing Center "Academy", 2008. 256 p.

*Российский государственный университет
правосудия
кандидат филологических наук, доцент
Скрипник А.В.
Россия, г. Томск,
e-mail: blackstrawberry@mail.ru*

*Russian State University of Justice
Associate Professor
Skripnik A.V.
Russia, Tomsk,
e-mail: blackstrawberry@mail.ru*

*Томский государственный
педагогический университет
студентка
Рассказова О.С.
Россия, г. Томск,
e-mail: sweetpeach523@gmail.ru*

*Tomsk State Pedagogical University
student
Rasskazova O.S.
Russia, Tomsk,
e-mail: sweetpeach523@gmail.ru*

А.В. Скрипник, О.С. Рассказова

ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

В статье рассматриваются возможности применения концептологического анализа при обучении русскому языку как иностранному в китайской аудитории. Нами были представлены различные подходы к обучению русского языка в иностранной аудитории, а также методы и приемы работы на занятиях. Важную часть исследования представляет сам феномен городского текста, начало которому положил В. Н. Топоров.

Ключевые слова: концептологический анализ, концепт «город», русский язык как иностранный

A.V. Skripnik, O.S. Rasskazova

CONCEPTOLOGICAL ANALYSIS ELEMENTS IN THE TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE CHINESE AUDIENCE

The article deals with the possibilities of using of conceptological analysis in teaching Russian as a foreign language in the Chinese audience. We presented various approaches to teaching Russian in a foreign audience, as well as methods and techniques of the classwork. An important part of the study is the phenomenon of urban text which had been studied by V. N. Toporov.

Key words: conceptological analysis, the concept of "city", Russian as a foreign language

Бешеные темпы глобализации, активное развитие международных отношений и интенсификация процессов кросс-культурной коммуникации бросают новые вызовы всем сферам социальной жизни, в том числе, образованию. Особенно актуальным становится необходимость совершенствования методов и подходов к преподаванию русского языка как иностранного. В этом смысле современные достижения лингвистических дисциплин (например, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики) могут быть востребованы для расширения методического инструментария преподавателя РКИ. Исследование концепта, который является «сгустком культуры» в сознании носителя языка, представляет большой интерес в лингвокультурном аспекте.

В методике преподавания русского языка как родного сформировалось три подхода: культурологический (А. Д. Дейкина, Т. Ф. Новикова), культуроведческий (Л. А. Лодякова, А. Д. Дейкина, А. П. Еремеева, О. В. Гордиенко, Т. М. Пахнова, Л. И. Новикова) и лингвокультурологический (тесно связанный с понятием «окнцепт») (Е. В. Любичева, Т. К. Донская, Н. Л. Мишатица, Л. Г. Саяхова) [1; с. 5]. Первый подход актуален для современной системы образования. В контексте преподавания русского языка как иностранного он может трактоваться как

культуроведческий. Его актуализация началась с работ Н. М. Шанского, Е. А. Быстровой, А. Д. Дейкиной, Т. К. Донской и др. [2; с. 24-25].

Наше исследование ориентировано на то, как с практической точки зрения могут быть использованы элементы концептологического анализа в китайской аудитории на примере концепта «город».

Концепт «город» относится к тем культурным универсалиям, которые на протяжении многих веков остаются актуальными для писателей и поэтов, а также для ученых-представителей различных областей гуманитарного знания (лингвистики, литературоведения, социологии, семиотики и др.). В современных гуманитарных исследованиях город представлен как своеобразный поликультурный феномен, который содержит различные семантические коды (см., например, работы В. Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Н. П. Анцифирова, Н. С. Галушина, А. С. Степанова и др.).

Нами были разработаны примерные планы-конспекты уроков, в которых используются элементы концептологического анализа для определения национально-культурной специфики концепта «город» в китайской аудитории. В качестве материала для анализа студентам были предложены пословицы и поговорки, которые обладают огромным методическим потенциалом. Они предоставляют богатейший материал для преподавателя русского языка как иностранного, т.к. являются синтезатором народной мудрости многих поколений носителей языка. Работая с пословицами, обучающиеся способны погрузиться в другую национальную культуру, получить доступ к огромному духовному богатству, которое содержится в русских поговорках.

Целью первого занятия стало знакомство студентов-иностранцев с русскими пословицами, приведение в качестве примеров пословиц на родном языке и сравнение русских пословиц с китайскими, а также разбор непонятных или неизвестных слов, которые встречаются в русских пословицах о городе.

Студентам были предложены следующие пословицы, содержащие лексему «город»: 1. Большой город - большое одиночество. 2. В городе живёт, а колокольне кланяется. 3. В городе суета, а в деревне маета. 4. В городе места много: на любом посиди да вперёд иди. 5. В городе не пашут, а калачи едят. 6. В городе ни ткут, ни прядут, а тоньше нашего ходят. 7. Владеет городом, а помирает голодом. 8. Город деревней кормится. 9. Город - царство, а деревня - рай. 10. Город затейный: что ни шаг, то дом съестной да питейный. 11. Города строят не языком, а рублём да топором. 12. Грибы растут в деревне, а их и в городе знают. 13. Две избы – не деревня, четыре дома – не город. 14. Для города каждое деревце дорого. 15. Жить в деревне - не видать веселья. 16. Из одного города идут, да разные вести несут. 17. Когда в деревне не нужен, и в город не по что ходить. 18. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе. 19. Молчанием город не возьмёшь. 20. Не в городе, а в лесу узнается человек.

В процессе работы с лексическим составом пословиц студентами были выделены следующие незнакомые слова: вести, затейные, калач, колокольня, маета, пахать, питейный, прясть, суета, съестной, ткать, топор.

В качестве примеров поговорок на родном языке студенты привели следующие пословицы: 1. Река следует за горой, а город находится на берегу реки. (河跟山走, 城住河流。) 2. На закате можно вернуться за десять миль от города. (日落十里赶县城) 3. Женщины в Сучжоу любят украшать голову, а женщины в Ханчжоу любят украшать ноги. (苏州头·杭州脚。) 4. Город невозможно было атаковать, поэтому я взял его вином. (道路难行钱做马·城池不克酒为兵。) 5. Без фермеров, производящих продукты, у горожан не было бы трехразового питания. (乡里没有泥腿·城里饿死油嘴) 6. Одно сердце крепко, как городская стена (众志成城, 众口烁金). 7. Вы не узнаете размеров Китая, если не доберетесь до Синьцзяна, и не узнаете красоты Синьцзяна, если не доберетесь до Или. (不到新疆不知中国之大, 不到伊犁不知新疆之美。) 8. Сучжоу и Хучжоу богаты зерновыми. (苏湖熟天下足) 9. Жалко, что я всю жизнь не был в Сучжоу и Ханчжоу. (苏杭不到枉为人) .

В конце занятия был проведен свободный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом «город». В эксперименте приняло участие 14 респондентов. Обобщая весь полученный в ходе эксперимента материал, можно сделать вывод о том, что семантическая структура лексемы «город» в языковом сознании студентов-иностранцев содержит следующие семемы:

1. Меганполис

- обладающий определенной инфраструктурой (в широком смысле): здания (7) (в т.ч. высотные (2) и офисные (1)), магазины (2) и супермаркеты (1), районы (1), парк (3), разного рода заведения общественного питания (2), где развита (1) промышленность (6) и экономика (1), есть вокзал (1), аэропорт (1), метро (1), гостиницы (1) и т.д., а также управленческий аппарат (2) и орган (1) власти (1);

- характеризующийся пересечением шумных (2) улиц (3), насыщенный транспортными средствами (7) и транспортным (1) узлом (1);

- предоставляющий людям (3) (и в частности жителям (3)) выбор места работы (1), получения образования (5) и определенной профессии (1), а также способов развлечения (7);

- в котором заметно присутствие шума (2), духоты (1), стресса (1), тесноты (1), холода (2), мурашек (1), пробок (1) (в т.ч. людских (1)) и затора (2), серости (1), с характерным запахом (1), но одновременно чистый (2) и красивый (2), вызывающий счастье (2) и удобство (1);

- с определенным ландшафтом и географическими особенностями (горы (1), реки (2) (в т.ч. Сунхуа (1)), деревья (1), луг (1), бор (1), равнина (1), цветы (1)), населяемыми животными (1) и свежим (1) воздухом (2).

2. *Малая Родина*, конкретная страна (1), где находится дом (3) (в т.ч. высокий (1)) и семья (3).

Стоит отметить, что в сознании респондентов город предстает как позитивное явление, имеющее свои (незначительные!) недостатки, однако несущее людям благо и счастье. В этом заключается принципиальное отличие от русской культуры, в которой город традиционно трактуется как негативное явление, гнетущее и обезличивающее, уничтожающее все духовное в человеке. Полученный материал дает возможность выявить различия в интерпретации концепта в сознании носителей языка и иностранных студентов.

В рамках второго занятия предусмотрена работа над выделением признаков концепта на материале ранее рассмотренных пословиц. Занятие может быть организовано следующим образом: студентам предлагается объяснить семантику пословиц, в каждой пословице они выделяют те лексемы, которые каким-либо образом характеризуют понятие города в широком смысле. Примеры объяснения студентами семантики пословиц: 1. *Как правило, деревня состоит из небольшого количества домов, где все друг с другом знакомы. Город отличается большим количеством улиц, домов, людей. Каждый живет своей жизнью.* 2. *Человек, который живет в городе, остается человеком верующим. Таким же, как и деревенский человек.* 3. *В городе очень быстрый темп жизни, изменчивый, а в деревне все однообразно.* 4. *Город очень большой территориально.* 5.6.8.12. *Продукты, произведенные в деревне, часто продаются в городе. Сами горожане их не производят.*

Поиск слов и выражений, характеризующих город, может быть организован в форме групповой работы. Группы выделили следующие лексемы и выражения: большой, одиночество, суэта, много места, не пашут, калачи едят, не ткнут, не прядут, тоньше нашего ходят, владеет, кормится деревней, царство, затейный, строят рублем и топором, грибы в городе знают, четыре дома – не город, дорого каждое деревце, веселье.

Третье, итоговое, занятие предполагает выделение и обобщение когнитивных признаков концепта «город». Выделенные на прошлом занятии признаки студенты распределяют на тематические группы, общие значения которых впоследствии составят когнитивные признаки концепта «город».

Таким образом, нами были выделены три когнитивных признака концепта «город»:

1) город – это большое пространство, где много места, но в котором одиночество и суэта;

2) город – территория, состоящая из множества затейливых, непохожих на деревенские, построек;

3) город – царство, построенное за счет больших средств и усилий, где не занимаются производством, а пользуются благами деревни.

Разработка ряда уроков, посвященных работе с концептом «город», позволяет нам интерпретировать то, как студентами-иностранцами воспринимается данный концепт, а также сравнить его с интерпретацией носителя языка. При такой работе учитывается родная культура иностранного студента (сравнение русских и китайских пословиц), а также происходит углубленное знакомство с русской культурой.

Библиографический список

1. Мишати́на, Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход. Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. – СПб., 2010. – 49 с.
2. Дейкина, А. Д. Роль лингвокультурологического подхода в методике преподавания русского языка как родного, как иностранного и как неродного [Электронный ресурс] : [Текст] / А. Д. Дейкина, О. Н. Левушкина. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lingvokulturologicheskogo-podhoda-v-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-rodного-kak-inostrannogo-i-kak-nerodного> (дата обращения 19.02.2021).

References

1. Mishatina, N. L. Methodology and technology of speech development of schoolchildren: linguoconceptocentric approach. Abstract of thesis. diss. ... doct. ped. sciences. – SPb., 2010 . – 49 p.
2. Deykina, A. D. The role of the linguoculturological approach in teaching Russian as a native language, as a foreign language and as a non-native language [Internet source]: [Text] / A. D. Deikina, O. N. Levushkina. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lingvokulturologicheskogo-podhoda-v-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-rodного-kak-inostrannogo-i-kak-nerodного> (date of application 19.02.2021).

УДК 372.881.161.1

*Тюменский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского
языка и общего языкознания
Гаврикова Э.О.
Россия, г. Тюмень,
e-mail: e.o.gavrikova@utmn.ru
+79129929171*

*University of Tyumen
The chair of Russian language and
general linguistics
PhD, Assistant professor
Gavrikova E.O.
Russia, Tyumen,
e-mail: e.o.gavrikova@utmn.ru*

Э.О. Гаврикова

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАСКРЫТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОДАРЕННОСТИ

В статье предпринята попытка охарактеризовать скрытую одаренность, изложить причины сдерживания природных способностей. Названы инструменты раскрытия таланта, цели работы с детьми, имеющими лингвистические задатки, представлены игровые технологии как форма внеучебной деятельности с высокомотивированной молодежью. Охарактеризованы возможности Classcraft как инструмента развития филологических способностей.

Ключевые слова: феноменология детской одаренности, скрытая одаренность, лингвистические задатки, игровые технологии, геймификация в образовании.

E.O. Gavrikova

GAME TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR DISCLOSING LINGUISTIC GIFTS

The article attempts to characterize the latent giftedness, to outline the reasons for restraining natural abilities. The tools for revealing philological talent, the goals of working with children with linguistic inclinations are named, game technologies are presented as a form of extracurricular activities with highly motivated youth. The possibilities of Classcraft as a tool for the development of linguistic abilities are characterized.

Key words: phenomenology of children's giftedness, hidden giftedness, linguistic inclinations, gaming technologies, gamification in education.

Количество одаренных детей колеблется, согласно статистике из разных стран, от 1–2 % до 20 % от общего числа подрастающего поколения. По мнению Н.Ю. Синягиной, талантливая молодежь в России составляет около 7 % от общего количества детей. Потенциально одаренных – 30 [1; с. 63]. Наталья Шумакова считает, что около 20–25 % школьников нуждаются в продвинутом обучении, так как одаренность может проявляться в разном возрасте [2; с. 23]. По зарубежным данным, лишь 3–5% потенциально талантливых детей реализуют себя впоследствии как одаренные. Перед педагогическим сообществом поставлена важнейшая задача - научиться как можно раньше распознавать талантливых детей, определять их потенциал и помогать раскрываться их способностям.

В условиях глобальной конкурентоспособности государство акцентирует внимание на работе с талантливыми детьми. Выявление, поддержка и развитие одаренных учеников является одной из приоритетных задач системы образования. Возрастает государственная поддержка талантливой молодежи: принята федеральная целевая программа «Одаренные дети», утверждена «Рабочая концепция одаренности» (ответ. ред. Д.Б. Богоявленская), «Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов», «Стратегии развития и воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Созданы механизмы общенациональной системы поддержки одаренных детей - трансформируется сама система образования, открываются образовательные организации, нацеленные на работу с талантливыми детьми - образовательный центр «Сириус», под эгидой которого создаются региональные центры, обучающие педагогов новым формам и методам преподавания, вво-

дится система выявления, мониторинга и поддержки талантливых детей, определяются новые принципы работы с талантами, вовлекаются новые ресурсы (конкурсы, стипендии, денежные выплаты, программы), активно вводятся индивидуальные образовательные траектории, в том числе по лингвистике и литературному творчеству, формируются условия для развития и самореализации высокомотивированных детей путем предоставления доступа к дистанционным образовательным программам. Например, «Сириус» предлагает ученикам дистанционные образовательные программы «Лингвистика: фонетика и графика», «Лингвистика: морфология».

Одаренность как качество психики человека, позволяющее достичь более высоких, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми всегда привлекала к себе внимание. На протяжении длительного периода менялось как понимание одаренности, так и подходы к ее развитию и поддержке одаренных детей. На данный момент превалирует концепция Дж. Рензулли, в которой одаренность - производное высоких интеллектуальных способностей, творческого подхода и настойчивости. Следовательно, критериями определения особых способностей выступают наряду с отличной успеваемостью высоко оцененный интеллект, высокие творческие способности, высокая целеустремленность [3; с. 214].

Одаренность не всегда бывает очевидной, на протяжении долгого времени может быть скрытой, проявляться в замаскированной форме, потому что у ребенка пока нет ярких успехов, а только предпосылки, возможность достижений в будущем. Тогда даровитость понимается как талант потенциальный. В «Национальной стратегии действий в интересах детей» перед педагогическим сообществом сформулирована одна из важнейших задач современности – обеспечить условия для выявления талантливых детей вне зависимости от степени одаренности, места жительства и социально-материального статуса их семей.

Нередко путают скрытую одаренность с потенциальной, которая ярко проявляется в отдельных, несистемных ситуациях или решениях, поэтому до определенного момента не включается в систему качеств, приводящих к результату. Ярким примером выступает биография А.С. Пушкина, который попал в элитное учебное заведение благодаря протекции дяди, не отличался высокой успеваемостью (26 из 29), но имел успехи в русской и французской словесности. Потенциальная одаренность проявляется при благоприятных условиях, которые оказывают развивающее влияние на изначальные психические возможности ребенка. Проблемы развития потенциальной одаренности связаны с адекватным приложением природных задатков и психолого-педагогическим сопровождением ребенка. Велика роль Давида Ивановича де Будри, преподавателя риторики, Галича Александра Ивановича и Николая Федоровича Кошанского, учителей русской словесности и латинского языка, в раскрытии таланта А.С. Пушкина. Скрытая одаренность может быть долгое время не замечена окружающими.

Под скрытой одаренностью подразумевают определенные психические возможности для высоких достижений в том или ином виде деятельности, которые ребенок не может реализовать в данное время из-за их функциональной недостаточности. Причиной сдерживания процесса развития природных предпосылок могут выступать:

- А) неполнота задатков и способностей, не позволяющая добиться высоких результатов;
- Б) свойства личности: коммуникативная некомпетентность, низкий уровень саморегуляции, недостаточная мотивация, застенчивость;
- В) трудные семейные обстоятельства;
- Г) педагогические проблемы восприятия ребенка: когнитивная упрощенность, стереотипы восприятия, ориентация на результат;
- Д) педагогические проблемы сопровождения одаренности: отсутствие образовательной среды, инновационных форм обучения, индивидуальных условий развития [4; с. 5].

Поскольку речь идет об еще не сформировавшемся системном качестве, возможно ошибочное заключение об отсутствии одаренности у ребенка. Идентификация детей со скрытой одаренностью — процесс длительный, учитывающий и экспертную оценку творчества детей, и зону ближайшего развития, и анализ реальных достижений в интеллектуальных состязаниях и творческих конкурсах.

Раскрытию задатков способствуют метапредметные навыки – гибкие умения, soft skills, нацеленные на развитие аналитического, критического и рефлексивного вида мышления, навыков работы в команде, коммуникативных компетенций, умение достигать поставленных целей, вдохновляться новыми идеями, которые формируются на материале не только предметной сферы, но и внеучебной деятельности посредством участия в дебатах, киноклубах, творческих конкурсах, спортивных состязаниях.

заниях, кулинарных поединках, встречах с интересными людьми, посещения выставок, рецензирования спектаклей, книг.

Инструментами раскрытия филологической одаренности наряду с интеллектуальными состязаниями, олимпиадами, проектной деятельностью, работой в лабораториях и творческих объединениях, студиях, мастерских, участием в интенсивах и выездных сменах выступают проблемные уроки, тренинговые методы, игровые технологии, в частности геймификация - процесс использования игрового мышления и динамики игр для вовлечения аудитории к решению задач, превращения образовательного процесса в игру. В современной педагогике широкое признание получил термин Edutainment (от education и entertainment).

Цели использования игровых технологий в работе с лингвистически одаренными детьми:

- ✓ развитие логического мышления, способностей к анализу материала различных языков мира,
- ✓ осмысление основных понятий, идей и методов лингвистической науки,
- ✓ изучение типологического разнообразия языков мира и устройства человеческого языка в целом,
- ✓ получение новых знаний, умений, навыков, в частности, автоматической обработки текста с помощью современных информационно-компьютерных технологий,
- ✓ формирование умения использовать знания смежных наук при решении лингвистических задач,
- ✓ выполнение олимпиадных заданий,
- ✓ мотивация учебной деятельности,
- ✓ воспитание сотрудничества,
- ✓ формирование адекватной самооценки,
- ✓ развитие волевых качеств.

Игровые технологии в педагогике отличаются четкостью поставленной цели и прогнозируемым педагогическим результатом, которые могут быть обоснованы, выделены в явном или косвенном виде и характеризуются учебно-познавательной деятельностью [5; с. 186]. Обучение в сотрудничестве формирует у учащихся умения работать в команде, брать ответственность на себя, прислушиваться друг к другу, преодолевать коммуникативную некомпетентность, развивает самоорганизацию и самодисциплину.

По мнению Е.В. Шмелевой, проанализировавшей мировой опыт работы с талантливыми детьми, «среди лучших практик онлайн-образование играет основную роль» [6; с. 116], развитие получают инфокоммуникационные технологии, в том числе онлайн-программы как средство индивидуализации работы с одаренными детьми и инструмент широкого охвата мотивированных к постоянному развитию школьников и педагогов. Причем «дальнейшие изменения в методах и формах обучения будут связаны не только с прогрессом информационных технологий, но и с усилением приоритетности междисциплинарных знаний, что приведет к появлению новых форм оценки достижений учащихся, а также новых форм конструирования ими (совместно с ментором) дальнейшей траектории своего развития» [6; с. 121-122]. Будущее за Интернет-педагогикой. Осознавая необходимость и перспективность нового инструмента в процессе педагогического сопровождения одаренности, Министерство просвещения инициировало создание сервиса для дистанционного обучения «Сферум».

Напомним, что онлайн-обучение базируется на трех компонентах:

- 10% — изучение теории;
- 20% — обратная связь и наблюдения за профессионалами;
- 70% — практический опыт.

Современные ученики владеют информационно-коммуникативными технологиями и активно пользуются девайсами, что позволяет перевести часть работы в онлайн-формат, расширить инструменты и время взаимодействия.

Геймификация как инструмент работы со скрытой одаренностью соответствует наметившимся трендам в работе с талантливыми детьми, поскольку выступает в условиях общеобразовательной школы дополнительным (внеучебным) средством формирования практических навыков, развивает творческие способности обучающегося, учит теоретические знания применять на практике, в новых условиях, позволяет активно задействовать междисциплинарность, создавать задания разного уровня сложности, ранжировать участников.

Кроме того, игра развивает общеучебные навыки: память, внимание, логику, способность к обобщению и анализу, восприятие информации различной модальности; скорость принятия решения, прогнозирование ошибок, определение наиболее простого способа решения проблемы, целеустремленность, стрессоустойчивость. Геймификация способствует объединению учащихся, установлению эмоциональных контактов, формирует навыки командной работы, коммуникации, лидерства, умение принимать решение, снимает эмоциональное напряжение, страх совершить ошибку, перестраивает мозг для работы с большим объемом информации, мотивирует к самообразованию, поднимает самооценку, создает благоприятную атмосферу на занятиях, скучный материал превращает в увлекательное приключение, улучшает успеваемость.

На сегодняшний день существует несколько стратегий использования игровых технологий:

1) сквозная, при которой процесс обучения погружается в виртуальное пространство, сопровождается сценарием игры со системой стимулов, заданиями-головоломками, опасностями, прогрессом. Современный рынок предлагает педагогу в качестве инструментов использовать готовые плагины и платформы: With Portals (teachwithportals.com), Teacher Gaming Network (info.teachergaming.net), HabitRPG (habitrpg.com), Open Badges (openbadges.org), Mojoo (mojoo.com.au), Commendable Kids (commendablekids.com), Classcraft (classcraft.com), позволяющие изменить формат образовательного процесса, сделать его непрерывным, эмоционально значимым, адаптивным под запросы обучающихся и цели образования.

2) точечная, предполагающая использование отдельных элементов игры, соревновательные моменты, поощрения за быстроту, эрудицию, оригинальность решения. Преимущества – минимализация расходов и времени на подготовку. Широкую популярность получил Kahoot! — сервис для создания тестов. В школьном обучении также активно используют Duolingo — бесплатный сервис для самостоятельного изучения английского языка в игровой форме. Еще один подобный сервис - Lingualo позволяет обучаться по персональной программе. BrainExer - игры на развитие мышления, памяти и концентрации внимания. «Загадки да Винчи» развивает не только память, внимание, логику, но и умение использовать знания об истории, искусстве в новых условиях.

Опыт применения в работе с детьми, имеющими филологические задатки, во внеаудиторное время Classcraft, показал, что четкое определение цели игры, подбор заданий-головоломок, развивающих чувство языкового факта, навыки аналитической работы с текстом, требующих межпредметные знания, прозрачная система оценивания, точные индикаторы выполнения позволили сделать игру эффективным средством развития филологической одаренности у учащихся 5-7 классов. Сюжет, возможность выбора героя, система поощрений делает процесс лингвистической подготовки увлекательным, динамичным. Наличие полной и мобильной версии обеспечивают регулярность, системность процесса обучения, что позволяет проходить испытания командой, дополнительно повышать мотивацию обучающихся, создавать дух состязательности, формировать навыки командной работы, совершенствовать коммуникативные компетенции игроков, применять полученные знания и оттачивать навыки в новых, нестандартных условиях. Дополнительными бонусами платформы выступают наличие тьюторского подключения к игровому процессу, что значительно разгружает педагога и дает возможность сконцентрироваться на разработке заданий и стратегии игры. Игру можно выстроить на весь учебный год, постепенно усложняя материал, стимулируя переход героя на новый уровень, внося необходимые изменения. Платформа предоставляет возможность вернуться к недостаточно усвоенному материалу и отработать его.

Согласно исследованиям Эдгара Дейла, информация, передаваемая посредством аудиального канала, усваивается на 40%, визуального – на 50%, аудиовизуального - на 70–75%, практический навык – на 92% [7; URL].

Как показывает наш многолетний опыт использования игровых технологий в работе с талантливыми детьми, любая тема позволяет придумать интересные игры и ввести их в учебный процесс. Игровые технологии, гармонично дополняющие образовательное пространство высокомотивированных детей и используемые на постоянной основе, в условиях смешанного обучения являются эффективным инструментом раскрытия и развития одаренности.

Библиографический список

1. Синягина Н.Ю., Чирковская Е.Г. Личностно-ориентированный учебно-воспитательный процесс и развитие одаренности: методическое пособие. М.: Вузовская книга, 2001. 131 с.

2. Шумакова Н. Б. Обучение и развитие одаренных детей. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК». 2004. 336 с.
3. Renzulli, J.S. (1994). Schools for talent development: A practical plan for total school improvement. Mansfield Center, CT: Creative Learning Press.
4. Рабочая концепция одаренности/Отв. ред. Д.Н. Богоявленская. 2-е изд., расш. и перераб. М., 2003. 95 с. //URL: <http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#hid1> (дата обращения – 01.03.2021)
5. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
6. Шмелева Е.В. Лучшие современные зарубежные практики по работе с одаренными школьниками: основные черты// <http://www.chem.msu.ru/rus/books/2017/science-education-2017/109.pdf> (дата обращения - 01.03.2021).
7. Dale, E. (1969). Audiovisual methods in teaching (3rd ed.). New York: Dryden Press.// URL: https://library.osu.edu/sites/default/files/collection_files/2018-12/dale_edgar.pdf (дата обращения - 01.03.2021).

References

1. Sinyagina N.Yu., Chirkovskaya E.G. Personally-oriented educational process and the development of giftedness: a methodological guide. М.: Vuzovskaya kniga, 2001. 131 p.
2. Shumakova NB Teaching and development of gifted children. М.: Publishing house of MPSI; Voronezh: Publishing house of NPO MODEK. 2004.336 p.
3. Renzulli, J.S. (1994). Schools for talent development: A practical plan for total school improvement. Mansfield Center, CT: Creative Learning Press.
4. Working concept of giftedness / Otv. ed. D.N. Epiphany. 2nd ed., Ext. and revised M., 2003.95 p. // URL: <http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#hid1> (date of application: 01.03.2021)
5. Selevko G.K. Encyclopedia of educational technologies: In 2 volumes. V. 1. М.: Research Institute of School Technologies, 2006. 816 p.
6. Shmeleva E.V. The best modern foreign practices for working with gifted schoolchildren: the main features // <http://www.chem.msu.ru/rus/books/2017/science-education-2017/109.pdf> (date of application: 03.01.2021).
8. 7. Dale, E. (1969). Audiovisual methods in teaching (3rd ed.). New York: Dryden Press.// URL: https://library.osu.edu/sites/default/files/collection_files/2018-12/dale_edgar.pdf ((date of application: 01.03.2021).

УДК 378.147:347.78.034

*АНО ВО Самарский университет
государственного управления
«Международный институт рынка»
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики пере-
вода
Щукина Г.О.
Россия, г. Самара,
e-mail: gshchukina@gmail.com*

*Samara University of Public Administration
'International Market Institute'
The chair of theory and practice of transla-
tion
PhD, Associate professor
Shchukina G.O.
Russia, Samara
e-mail: gshchukina@gmail.com*

Г.О. Щукина

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ: ИГРА «ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ» НА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИНАХ

Статья описывает инновационный путь организации практических занятий по переводу для студентов лингвистических специальностей. За основу структурирования занятий взяты процедурные элементы социо/игровые технологии обучения, разрабатываемые В.М. Букатовым и А.П. Ершовой. Интеллектуальная и эмоциональная насыщенность занятий обеспечивается за счёт приращения индивидуальных смыслов и разнообразия пониманий материала для изучения; уход от позиции контролирующего и информирующего педагога и развитие качеств педагога, взаимодействующего с субъектами. Открытый диалог с обучающимися, живая реакция педагога на их потребности здесь и сейчас позволяет всем участникам образовательного процесса мобилизоваться и концентрировать свою волю на достижение личных устремлений.

Ключевые слова: социо/игровой стиль, герменевтическая цепочка понимания, драмогерменевтика, театральные технологии в обучении, высшая школа, перевод.

G.O. Shchukina

LEARNER-CENTERED TEACHING TECHNOLOGIES: A GAME 'THE TIMELORD' ORGANIZED IN THE TRANSLATION CLASSROOM

The article highlights the innovative way of organizing translation practice for language students. The chief stages are based on the structural components of the socio/gaming teaching procedure, provided by V.M. Bukatov and A.P. Ershova. The developing of individual perception and the variety of interpretations of the given materials in the classroom as well as rejecting the role of the Controller / the Informer and adopting that of the Cooperative Communicator facilitates the intellectual and emotional richness of classes. The open discussion with students, the teacher's immediate response to the learner's needs allows all the participants of the educational process to mobilize and concentrate on the achieving of personal objectives.

Key words: socio/gaming teaching style, the hermeneutic circle, dramatic hermeneutics, theatre technologies in education, higher education, translation studies.

В современном профессиональном образовании давно назрели перемены, как с точки зрения содержания, так и с точки зрения организации учебного процесса. Учебный план для вчерашних выпускников школ, во многих случаях, сводится к разделению материала на лекционные и семинарские часы; а режиссура занятий, т.е. поминутная проработка продуктивной, творческой занятости слушателей отходит на второй план. Причин для подобного отношения к учебному процессу много. Главным образом, считается, что контингент обучающихся – это взрослые, совершеннолетние (а, значит, серьёзные) люди, которым не нужны отголоски школьных утренников на лекциях и практических встречах. К сожалению, подобная установка преподавателей высшей школы приводит к их эмоцио-

нальному отстранению от процесса обучения и, следовательно, увеличивает и без того большую психологическую дистанцию между ними и обучающимися. Дополнительное давление на педагогов оказывают учебные материалы, представляющие собой справочную литературу, которая не предполагает дискуссий по поводу её содержания. Научные труды, которые по настоянию педагогов служат основой для подготовки к занятиям, до последнего дня (или, скорее, ночи) перед экзаменом остаются для обучающихся, в прямом и переносном смысле слова, закрытой книгой. Информация в Интернете по любой интересующей теме оказывается для студентов более доступной формой обучения, чем монотонные лекции. Каким бы мастерством и харизмой не обладал бы лектор, как нетривиальна была бы подача материала, увы, всё это разбивается о холод сердец и умов сидящих в аудитории людей. Когда приходит время семинарских встреч, преподаватель, в надежде услышать от обучающихся донесённую им когда-то речь, вынужден безуспешно обустроить процесс общения. В самом удачном случае в классе зачитывается с телефонов слушателей очередной параграф учебника, а педагог делает вид, что радуется успеху студентов, которые нашли нужную книгу. Гораздо реже, при стечении обстоятельств, семинары перерастают в бурную тематическую дискуссию. Таким образом, практические встречи требуют более направленного воздействия на эмоциональное состояние как слушателей, так и преподавателей, чтобы услышанный когда-то на лекции термин смог бы заиграть в воображении всех участников встречи индивидуальными красками.

Предложенную ниже игру можно проводить на занятиях по теории и практики перевода, когда обучающиеся уже ознакомлены с основными переводческими трансформациями. Она составлена с учётом т.н. социо / игрового стиля обучения, описанный В.М. Букатовым и А.П. Ершовой во многих научных работах. Данный стиль обучения опирается на законы театральной педагогики, принципы работы малыми группами и методы активного обучения, которые помогают педагогам уйти от формализма и прямолинейности изложения сухих теоретических фактов [1; с.75-83]. Вторым немаловажным аспектом данной педагогики является последовательное предъявление заданий на блуждание по какому-либо текстовому или визуальному материалу и его обживание, поиск странностей и их взаиморазрешение, вариативность смыслов и появление замысла и, наконец, выражение смысла и его уточнение. Данные процедурные элементы описываются термином драмогерменевтика. Это инновационное направление в современной дидактике рассматривается с позиций профессиональной игры, которая одинаково полезна как педагогам для улучшения их мастерства, так и для будущих профессионалов в любой области деятельности [2; с. 326-333]. Для проведения данной игры преподавателю понадобится подготовить параллельный текст на любую тему и заведомо спрятать в переводе текста различные ошибки. Занятие рассчитано на два академических часа.

Подготовительная работа

Все встают у доски и под счёт учителя до 10 выстраиваются по алфавиту пятой буквы с конца отчества. Для закрепления успехов выстраиваемся под счёт учителя до 8 по алфавиту любимого цвета на английском языке. В третий раз (если не успели или уже на бис) выстраиваемся под счёт до 6 по номеру месяца рождения. Если и в этот раз построиться не получилось, то проверяющие задают свой принцип построения и время выполнения (обычно задание, полученное от сверстников, выполняется сразу и без ошибок). Каждый раз замыкающий или первый в шеренге берёт себе в помощники кого-то из построившихся и вместе с ним проверяет выполненное задание и возвращается в строй. Далее обучающиеся объединяются по 3-4 чел. с начала линии и занимают любое место в классе, двигая стулья и столы. Первое задание рабочим гнездам – за 1 мин. составить название команды. Название команды определяется по алгоритму (аббревиатура из первых / последних / вторых с конца и т.д. букв месяцев рождения, имён, фамилий участников и т.д.). Посыльный от команды пишет получившееся название крупно на доске. Новые представители команд встают и по считалочке (при двух командах – по игре «камень-ножницы-бумага») назначается *Повелитель движения (ПД)*. Эта должность переходящая и занимать её будут перед каждым новым заданием новые представители команд. ПД назначает алгоритм перемены мест команд (по часовой стрелке, против часовой стрелке, по часовой стрелке на два шага и т.д.). Далее по считалочке между очередными лидерами команд выбирается *Повелитель времени (ПВ)*. В его обязанности входит засекают на секундомере время для выполнения заданий в течение следующих этапов игры. Максимальный лимит времени – 2 мин.

Первый кон

Очередной посыльный от команды берёт со стола учителя разрезанный на части (не на предложения!) текст на английском языке объёмом около 1800 слов (для всех команд одинаковый). За от-

ведённый ПВ лимит команды собирают фрагменты в связанный текст и по окончании работы встают со своих мест. Когда время истекло (или если все команды встают раньше окончания времени), ПД призывает команды, оставив всё на партах, покинуть рабочие гнёзда и передвинуться к чужим рабочим гнёздам. За отведённое ПВ время ребята проверяют тексты, сложенные предыдущей командой, и оценивают работу по 10-балльной шкале. Представитель проверяющей команды ставит оценку на доске рядом с никнеймом команды, выполнившей работу. Далее ПД вновь передвигает команды к чужим работам. Новые лидеры команд берут со стола учителя листы А4 с оригиналом текстов и по времени от соответствующего Повелителя проверяют работу судей, выставляя им на доске оценку по 10-балльной шкале рядом с никнеймом команды. При необходимости, фрагменты текстов переставляются в нужном порядке. Представители команд возвращают оригиналы учителю. Затем ПД двигает команды ещё раз, а ПВ задаёт лимит времени. Новая задача – посчитать в тексте количество слов, содержащих букву *m*, и написать их количество на доске рядом со своим названием, обведя это число в кружок. По окончании работы команды дружно хлопают и встают со своих мест. ПД задаёт новое передвижение, а ПВ новое время. Задание – посчитать в тексте слова, оканчивающиеся на букву *d*, и написать их количество на доске рядом со своим названием, обведя это число в квадратик. По окончании работы команды дружно хлопают и встают со своих мест. ПД задаёт новое передвижение. Представители команд сдают тексты учителю на стол и берут чистый лист бумаги А4 (команды подписывают его в нижнем левом углу). ПВ задаёт время, и команды пишут по памяти на листах все запомнившиеся глаголы из текста на английском языке (рука каждого будет приложена). По окончании работы, команды встают, дружно хлопают в ладоши и кричат: «Мы готовы!». Команды оставляют всё на своих местах. ПД передвигает команды к чужим работам, новый лидер команды берёт оригинал текста, а ПВ задаёт тайминг, за который нужно по оригиналу проверить работу другой команды. На доске рядом с никнеймом команды пишется количество правильно выписанных глаголов.

Второй кон

ПД возвращает команды на свои места (или если ребята уже находятся у своих мест, то даёт им любое небольшое групповое задание на движение, например, подпрыгнуть на месте или повернуться вокруг своей оси и т.д.). ПВ получает от учителя задание: засечь на секундомере 1 мин. Задание – проглядеть текст и найти в нём как можно больше странностей. По истечении времени, ПВ теперь распоряжается лимитом до 4 мин. Далее в заданное время каждый представитель команд по очереди громко объявляет о найденной странности или нелепости в тексте. В случае затруднения одной из команд, на счёт 3 происходит переход хода. После этого представители команд берут частично написанный оригинал текста, и за новый тайминг команды восстанавливают его. Команды имеют право, по общему согласованию, попросить ПВ продлить отведённое время ещё на 1 мин. После этого ПД передвигает команды к чужим листочкам, где они на свой страх и риск оценивают работы, восстанавливая пропущенные слова или исправляя неверные варианты. ПД вновь передвигает команды к новым работам, а лидеры команд берут у учителя полноценный оригинал текста для проверки судей за новое время. Выполненная работа оценивается по 10-балльной шкале рядом с никнеймом команды, выполнившей проверку.

Третий кон

Очередной посыльный возвращает англоязычный текст и берёт со стола учителя русскоязычный перевод этого текста. Перед началом третьего кона команды предполагают (не читая!), сколько точек будет в полученном тексте и пишут это число под номером своей команды. Как только команды запишут предположения, ПД передвигает участников. Теперь за отведённый ПВ лимит необходимо подсчитать точки, работая с текстом на столе чужой команды, и записать это число рядом ниже никнейма команды-хозяйки текста. По окончании работы или времени, команда встаёт со своих мест и передвигается по указанию ПД, а ПВ задаёт новое время. Новое задание – в тексте, лежащем на столе у соседей, посчитать количество запятых и записать на доске, обведя число в треугольничек. Готовность – команда встаёт и дружно хлопает в ладоши, а её представитель выходит к доске и ставит напротив номера своей команды число найденных запятых. По окончании работы команды передвигаются по указанию ПД, а ПВ задаёт новое время. Новая задача – посчитать в тексте количество слов, написанных с заглавной буквы, и записать это число под своим названием на доске. По окончании работы команды дружно хлопают и встают со своих мест. ПД задаёт новое передвижение. Представители команд сдают тексты учителю на стол и берут чистый лист бумаги А4 (команды подписывают его в верхнем правом углу). ПВ задаёт время, и команды пишут на русском языке по памяти на

листах все запомнившиеся существительные из текста. По окончании работы, команды встают, дружно хлопают в ладоши и кричат: «We are ready!». Команды оставляют всё на своих местах, а ПД передвигает их к чужим работам. Новые лидеры команды берут оригинал текста, а ПВ задаёт тайминг, за который нужно по оригиналу проверить работу другой команды. На доске рядом с никнеймом команды пишется количество правильно выписанных существительных.

Четвёртый кон

ПД возвращает команды на свои места (или если ребята уже находятся у своих мест, то даёт им любое небольшое групповое задание на движение). ПВ получает от учителя задание: засечь на секундомере 5 мин. Команды пробегают перевод текста глазами и смело подчёркивают спрятанные в нём пунктуационные, орфографические, грамматические, стилистические и т.д. ошибки на листе бумаги и фотографируют результат на телефон. По истечении времени, оставив всё на своих местах и заняв новое место, команды за новое время сверяют подчёркнутый другой командой текст со своей фотографией, ставя плюстик рядом с совпадающими примерами или (без повторов!) дополняя текст своими примерами. В конце проверки на тексте ставится название проверяющей команды и подпись каждого проверявшего. Далее команды, придя на новые места, проверяют работу судей: вносят необходимые исправления и оценивают работу предыдущих судей, ставя на доске оценку по 5-балльной шкале рядом с названием команды проверявших. Новый ПД даёт разрешение командам вернуться на свои места.

Пятый кон

Перед началом этого кона выбирается *Вершитель искусств (ВИ)* из числа очередных представителей команд. Эта должность также является переходящей. Новые лидеры команд берут ватман или четыре чистых листа бумаги А4. Задание – подсчитать в переводе все выделенные ошибки; распределить их количество по разновидностям; сообща выписать непривычной рукой (левой – для правой и правой – для левой) крупными буквами по одному примеру на каждый вид ошибки и предложить исправленный вариант. ПВ засекает время, исходя из лимита 5 мин. Команды имеют право, по общему согласованию, попросить ПВ продлить время ещё на 1 мин. Вся команда подписывает плакат и, дружно взявшись за него, вешает его на стены класса при помощи офисного пластилина. ВИ решает, какая команда, с каким плакатом и по какому виду ошибки будет сочинять хокку (всего три строки; первая и последняя строки по 5 слогов; вторая – 7 слогов; рифмы нет). ПВ определяет время. У команд есть право, по общему согласованию, попросить ПВ продлить время подготовки ещё на 1 мин. Далее команды меняются плакатами по часовой стрелке и за 20 сек. репетируют хором дружно исполнять произведение команды визави.

Шестой кон

ПД передвигает команды. Посыльные берут со стола учителя оригинал и перевод текста, выполненный в таблице по предложениям. ПВ назначает лимит времени, за который нужно проанализировать текст оригинала и перевода на наличие переводческих трансформаций. На доске нужно написать, обведя в сердечко, номера предложений с удачными примерами перевода. ПД передвигает команды, и теперь за новое время команды работают с чужим текстом, дружно подчёркивая в нём случаи неадекватного или неэквивалентного перевода. Количество этих неточностей отмечается с обведением звёздочкой на доске ниже никнейма. ПД вновь передвигает команды, а их лидеры берут со стола учителя два листа А4. За отведённое время группы просматривают текст другой команды, отмечая на бланке как можно больше исправлений выделенных фрагментов с указанием номера предложения. ПД передвигает команды для проверки работ за отведённое время. Оценка по 10-балльной шкале выставляется на бланке чужой команды с подписью всех судей. Новый ПД передвигает команды ещё раз для проверки работ судей за отведённое время. Оценка по 10-балльной шкале выставляется рядом с никнеймом команды, проводившей предыдущую проверку.

Седьмой кон

Все участники выходят к доске. Учитель объявляет условие: «Образовать круги, взявшись за руки, по количеству услышанных хлопков. Когда круг получится, дружно кричите: «We are ready!»». После первого объединения, звучит новое условие: «Теперь, нужно объединиться так, чтобы сосед справа и сосед слева, держащие вас за руки были другими, чем в предыдущий раз». Учитель в быстром темпе хлопает, то по 3, то два раза по 4, то по 6, то снова по 3. Когда все обучающиеся перемешались и сбросили в памяти предыдущий состав команд, учитель хлопает столько раз, чтобы в итоге образовалось четыре группы (минимум с тремя участниками в каждой) и говорит: «Stop!». Рабочие

группы создают никнейм команды по первой букве самой любимой песни на телефоне. Лидер команды берёт со стола учителя необходимое количество стикеров, и вся команда делает себе бейджики с названием команды. Новый ВИ определяет пары (или тройки команд), в которых они по очереди репетируют за отведённое ПВ время выступление *тихих чтецов и эмоциональных переводчиков*. Одна команда передаёт пантомимой все слова выбранного ими предложения на английском языке и в конце задаёт определённую эмоцию. Другая команда пары отыскивает загаданное предложение в тексте и хором зачитывает его перевод (с необходимыми исправлениями ошибок) в полученной эмоции. Команды определяют внутри своих объединений, кто из них был лучшим чтецом, а кто переводчиком и показывают другим командам (или учителю) свои заготовки. ВИ вновь меняется и определяет, какая команда, что будет делать с выбранным им англоязычным предложением: дружно рисовать комикс / инсценировать события в каком-либо жанре / хором петь предложение на выбранную им мелодию / писать рифмованный перевод. ПВ вновь задаёт время, и команды приступают к работе. По истечении времени, по считалочке среди посыльных, определяется порядок выступлений групп. Выступления оцениваются аплодисментами.

Все указанные этапы работы помогают обучающимся сообща постепенно вникнуть в содержание оригинала и перевода текста и готовят их к поиску странных (а, значит, непонятных) фрагментов, переводческих неточностей и ошибок. Постоянная смена ролей учит быстрому переключению внимания и ответственности за порученное дело.

Библиографический список

1. Ершова А.П., Букатов В.М. Возвращение к таланту: Педагогам о социо-игровом стиле работы. Красноярск. 1999. 222 с.
2. Ершов П.М., Ершова А.П., Букатов В.М. Общение на уроке, или Режиссура поведения учителя. М. 1998. 336 с.

References

1. Ershova A.P., Bukatov V.M. Return to Talent: for Teachers about the Socio/gaming Style of Work. Krasnoyarsk. 1999. 222 p.
2. Ershov P.M., Ershova A.P., Bukatov V.M. Communication in the Classroom or Directing a Teacher's Behavior. M. 1998. 336 p.

**МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ:
МЕТАМОРФОЗЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ
*MEDIA REALITY:
METAMORPHOSES, INTERPRETATIONS, PERSPECTIVES***

УДК 32.019.51

*Астраханский государственный
университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и истории журнали-
стики
Байбатырова Н.М.
Россия, г. Астрахань,
e-mail: aulova83@mail.ru*

*Astrakhan State University
The chair of theory and
history of journalism
PhD, Docent
Baybatyrova N.M.
Russia, Astrakhan,
e-mail: aulova83@mail.ru*

Н.М. Байбатырова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ В РЕГИОНЕ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

Статья посвящена вопросам трансформации медиасообщений и интерпретации общественно-политических реалий в эпоху пандемии. Исследуется региональный аспект подачи политических новостей, разнообразие медиатехнологий, позволяющих коммуникации институтов власти и аудитории СМИ. На материале новых медиа Астраханского региона рассматриваются инструменты и средства, способствующие налаживанию диалога между властью и обществом. Автор подчеркивает, что политическая медиареальность конструируется посредством установления двусторонней коммуникации между властными структурами и пользователями социальных сетей, подписчиками политических блогов.

Ключевые слова: региональная журналистика, новые медиа, политические акторы, политическая медиареальность, Астраханская область, социальные сети, политические блоги

N.M. Baybatyrova

POLITICAL MEDIAREALITY IN THE REGION IN THE PANDEMIC ERA

The article is devoted to the transformation of media messages and interpretation of socio-political realities in the era of a pandemic. The regional aspect of presenting political news, the variety of mediatechnologies that allow communication between government institutions and the media audience are investigated. Based on the material of the new media of the Astrakhan region, tools and means are considered that contribute to the establishment of a dialogue between the authorities and society. The author emphasizes that political mediareality is constructed through the establishment of two-way communication between government structures and users of social networks, subscribers to political blogs.

Key words: regional journalism, new media, political actors, political mediareality, Astrakhan region, social networks, political blogs

Для основной части социума политический мир не является сферой повседневной реальности, однако он составляет для каждого человека особую область значений. В средствах массовой информации политика приобретает специфический онтологический статус и может быть истолкована в соответствии с идеологическим направлением действующей легитимной власти, отражающим объективную позицию официальных политических институтов. Политическое конструирование реальности может быть рассмотрено на основе концепта социальной феноменологии австрийского социолога

Альфреда Шюца и социального конструкционизма его последователей – австрийца Питера Бергера и немца Томаса Лукмана [1; с. 45]. Согласно последней теории индивиды и социальные группы производят и трансформируют окружающую их реальность в процессе ее постоянной интерпретации.

Аудитория современных медиа начинает заинтересовываться сферой политических феноменов и сосредоточивает на них свое внимание лишь тогда, когда они затрагивают собственные повседневные интересы граждан. В данном случае происходит быстрое переключение с обыденных реалий на политические проблемы. Средства массовой коммуникации позволяют аудитории сплотиться, сделать особый политический опыт совместным. При этом коммуникативное взаимодействие в медийном пространстве придает уверенность в реальности мира политических феноменов. В итоге человек не только получает политическую информацию, но и находит тех, кто мыслит подобным образом.

Политическая медиареальность в регионах создается посредством формирования ежедневной информационной повестки дня. В список политических новостей официальных органов государственной власти Астраханской области попадают события, связанные непосредственно с деятельностью губернатора Игоря Бабушкина, региональных министерств и ведомств. В данном случае в политическом конструировании медиареальности конструктором выступает региональная политическая власть в широком истолковании этого термина. Рассмотрим ленту новостей портала органов государственной власти Астраханской области в затянувшийся период пандемии Covid-19. Ежедневно обновляется оперативная информация об эпидемиологической ситуации на территории области, дается отчет об обеспечении лекарствами ковидных госпиталей, модернизации поликлиник и ремонтных работах на мостах и дорогах. В материале «Игорь Бабушкин обсудил вопросы развития жилищного строительства и благоустройства с руководителем Минстроя РФ» говорится о реализации в регионе национального проекта «Жильё и городская среда». «В Астраханской области сокращается количество непригодного для проживания жилья. В 2019-2020 годах расселено 0,35 тысячи человек, что на 159 % выше плана. Губернатор сообщил министру о решении ускорить реализацию этого проекта до конца 2022 года за счёт выплаты покупной стоимости, приобретения жилья на вторичном рынке и строительства жилых домов», - подчеркивается в сообщении [2].

Сегодня политическая коммуникация, которая является частью политической медиареальности, очевидно, утратила однонаправленный характер. Так, в социальных сетях популярность набирают аккаунты региональных политических акторов, среди которых – губернатор, региональные министры, представители Думы Астраханской области, политические оппозиционеры. Безусловно, следует учитывать принципиальные отличия политического оффлайн- и онлайн-пространства, исследовать практический опыт применения технологий массовой интернет-коммуникации в процессах манипуляции общественным сознанием.

Проанализируем контент личного аккаунта губернатора Игоря Бабушкина и ведомственную страницу Министерства экономического развития Астраханской области в популярной сети Инстаграм. Так, на ресурсе Минэкономразвития актуализируется информация о поддержке малого и среднего бизнеса. В публикации от 30 октября 2020 года под заголовком «Экспортерам рассказали о мерах господдержки в период пандемии» говорится о помощи государства астраханским предпринимателям [3]. Подчеркивается, что одним из эффективных инструментов поддержки предпринимательства является льготное финансирование. Займы до 5 млн рублей предоставляются под ставку, не превышающую ключевую ставку Банка России. Политическая медиареальность конструируется вокруг конкретных представителей власти. В данном случае героем публикации выступает заместитель министра экономического развития Астраханской области Ольга Фомина, которая отметила, что «в первом полугодии 2020 года внешнеторговый оборот Астраханской области составил около 390 млн долларов США, увеличившись в 1,7 раза в сравнении с аналогичным периодом 2019 года» [3].

На личной странице губернатора Астраханской области в Инстаграм много информации посвящено борьбе с коронавирусом, сообщается о строительстве и работе ковидных госпиталей в Наримановском районе области, дополнительных выплатах медицинским работникам, массовой вакцинации. Отдельная тема в аккаунте политика – крупный, средний и мелкий бизнес в период пандемии, социальная ответственность предпринимателей, а также системная поддержка сельского хозяйства, механизм законодательного ограничения наценки на продукты питания в 2020-2021 годах. «Рост цен на основные продукты питания считаю недопустимым, особенно в текущих условиях. Да-

же в рыночной экономике базовая продуктовая корзина должна быть доступна каждому», - пишет на своей странице И. Бабушкин [4].

30 января 2021 года опубликован материал «Covid-19. Ослабление ограничительных мер», в котором глава региона извещает астраханцев: «Спешу поделиться хорошими новостями. У нас один из самых низких показателей в стране по заболеваемости коронавирусом: суточный прирост – 168 случаев, и это число снижается. Свободно 38% ковидных коек в больницах. На обеспечение медикаментами амбулаторных больных коронавирусом дополнительно выделено 14 миллионов рублей из федерального бюджета» [5]. Далее говорится об активной фазе прививочной кампании. Отмечается, что в Астрахани привиты свыше 9 тысяч человек, больше половины из них – пожилые люди.

В эпоху пандемии коммуникативный ракурс все активнее смещается в электронное пространство. Губернатор И. Бабушкин поручил главам астраханских районов общаться с людьми в соцсетях. «По его словам, это поможет эффективнее решать насущные вопросы астраханцев», - сообщает новостной ресурс «Новости Астрахани» в ленте популярной сети Инстаграм [6]. Политическая медиареальность становится все более мобильной и доступной для пользователей разных возрастов. Например, более десяти лет в Астрахани реализуется программа повышения медиаграмотности людей старшего возраста. Проект «Все в сеть!» не раз был отмечен на общероссийском уровне, астраханцы становились дипломантами всероссийских этапов компьютерного многоборья. Программа повышения медиаграмотности востребована у пожилых людей, она способствует продлению их социальной, культурной и физической активности. В настоящее время количество окончивших компьютерные курсы насчитывает более 16 тысяч человек. В период самоизоляции для пенсионеров было организовано участие в областном чемпионате медиаграмотности. Финальный тур прошел 10 июня 2020 года, он впервые состоялся в дистанционном формате. «В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией и из-за рисков распространения коронавирусной инфекции задания выполняли в удаленном формате, предварительно получив их по электронной почте», - говорится в тексте, размещенном на портале органов государственной власти Астраханской области [7].

Помимо этого, в регионе идет работа с молодежью и подростками. В начале февраля 2021 года вышеупомянутый новостной ресурс «Новости Астрахани» опубликовал материал «В Астрахани продолжают искать подростков, участвовавших в несанкционированных митингах». В нем идет речь о рейдах с участием представителей комиссий по делам несовершеннолетних по выявлению подростков, «находящихся в местах, опасных для их пребывания» [8]. Правоохранители патрулируют городские улицы, в том числе не допуская участия несовершеннолетних в незаконных акциях.

Таким образом, политическая медиареальность конструируется в виде политических медиаобразов. В период пандемии и постпандемии, когда реальные личностные контакты сводятся к минимуму, региональная политическая сфера становится еще более медиатизированной. При этом Интернет выступает как глобальное виртуальное пространство политических взаимодействий. Вместе с тем современная политическая коммуникация возможна и наиболее удобна через медиопосредничество. Вторичный по своему назначению, специфический мир политики воспринимается аудиторией региона через призму сообщений в новостных лентах новых медиа, социальных сетей и аналитики политических блогов. При этом человек всегда возвращается к проблемам базовой повседневной реальности.

Библиографический список

1. Гаврилов А.А. Медиареальность как тип виртуальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 11 (37): в 2 ч. Ч. I. 2013. С. 45-47.
2. Игорь Бабушкин обсудил вопросы развития жилищного строительства и благоустройства с руководителем Минстроя РФ // Астраханская область РФ. Портал органов государственной власти Астраханской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.astrobl.ru/news/124264> (дата обращения 12.02.2021).
3. Экспортерам рассказали о мерах господдержки в период пандемии // Minekonom30 (аккаунт Минэкономразвития Астраханской области) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/CG95b0Vgrw9/> (дата обращения 27.02.2021).
4. Babushkin_iyu (аккаунт губернатора Астраханской области И.Ю. Бабушкина) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/babushkin_iyu/?hl=ru (дата обращения: 27.02.2021).

5. Covid-19. Ослабление ограничительных мер // babushkin_iyu (аккаунт губернатора Астраханской области И.Ю. Бабушкина) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/CKrbGILjiI4/> (дата обращения 20.02.2021).

6. Игорь Бабушкин поручил главам Астраханских районов общаться с людьми в соцсетях // Новости Астрахани [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/CLi7HdAFdW-/> (дата обращения 27.02.2021).

7. Астраханские пенсионеры дистанционно примут участие в областном чемпионате компьютерной грамотности // Астраханская область РФ. Портал исполнительных органов государственной власти Астраханской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.astrobl.ru/news/119705> (дата обращения 14.02.2021).

8. В Астрахани продолжают искать подростков, участвовавших в несанкционированных митингах // Новости Астрахани [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/CLZ6Cgbl9Qp/> (дата обращения 25.02.2021).

References

1. Gavrilov A. A. Mediareality as a type of virtual reality // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota. №11 (37): in 2 vol. Vol. I. 2013. p. 45-47.

2. Igor Babushkin discussed the development of housing construction and improvement with the head of the Ministry of Construction of the Russian Federation // Astrakhan region of the Russian Federation. Portal of public authorities of the Astrakhan region [Internet source]. URL: <https://www.astrobl.ru/news/124264> (date of application: 12.02.2021).

3. Exporters were told about the measures of state support during the pandemic // Minekonom30 (account of the Ministry of Economic Development of the Astrakhan Region) [Internet source]. URL: <https://www.instagram.com/p/CG95b0Vgrw9/> (date of application: 27.02.2021).

4. babushkin_iyu (account of the governor of the Astrakhan region I.Yu. Babushkin) // [Internet source]. URL: https://www.instagram.com/babushkin_iyu/?hl=ru (date of application: 27.02.2021).

5. Covid-19. Weakening of restrictive measures // babushkin_iyu (account of the Governor of the Astrakhan region I.Yu. Babushkin) [Internet source]. URL: <https://www.instagram.com/p/CKrbGILjiI4/> (date of application: 20.02.2021). Igor Babushkin instructed the heads of Astrakhan districts to communicate with people in social networks // Astrakhan News [Internet source]. URL: [https://www.instagram.com/p/CLi7HdAFdW -/](https://www.instagram.com/p/CLi7HdAFdW-/) (date of application: 27.02.2021).

7. Astrakhan pensioners will remotely take part in the regional computer literacy championship // Astrakhan region of the Russian Federation. Portal of public authorities of the Astrakhan region [Internet source]. URL: <https://www.astrobl.ru/news/119705> (date of application: 14.02.2021).

8. Continue to search for teenagers in Astrakhan who participated in unauthorized rallies // Astrakhan News [Internet source]. URL: <https://www.instagram.com/p/CLZ6Cgbl9Qp/> (date of application: 25.02.2021).

УДК 811

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Кривошапова Н.В.
Приднестровская Молдавская Республика, г. Тирасполь
e-mail: krivoshapova2012@gmail.com

SEI "Pridnestrovian State University
"T.G.Shevchenko"(PSU)
The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Krivoshapova N.V.
The Pridnestrovian Moldavian Republic,
Tiraspol
e-mail: krivoshapova2012@gmail.com

Н.В. Кривошапова

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА

Статья посвящена феномену интернет-мема, активно действующего в сети Интернет для достижения комического эффекта. Интернет-мем – это единица лингвокультурной информации, которая передается посредством интернет-коммуникации. Возможности достижения комического эффекта определяются типом интернет-мема.

Ключевые слова: комический эффект, интернет-коммуникация, креолизованный мем, интернет-мем, лингвокультурема.

N.V. Krivoshapova

INTERNET MEME AS A LINGUOCULTUREMA

The article is devoted to the phenomenon of an Internet meme that actively operates on the Internet to achieve a comic effect. An Internet meme is a unit of linguistic and cultural information transmitted through Internet communication. The possibilities for achieving a comic effect are determined by the type of Internet meme.

Keywords: comic effect, Internet communication, creolized meme, Internet meme, linguoculturema.

В процессе развития информационного общества возникают определенные признаки качественно новых социально-культурных процессов и явлений, среди которых особое место занимает Интернет. Он охватил все сферы жизни, став неотъемлемой его составляющей, вступил определяющей роли в системе коммуникации, радикально изменив систему общественных отношений.

А.И. Горошко убеждена, что «Интернет образует особую коммуникативную среду – место реализации языка, которое не имело аналогов в прошлом» [1; с. 390].

Производительность использования интернет-мемов определяется отмеченными ниже факторами: прежде всего, это возможность лаконично и экспрессивно наглядно передать информацию [2; с. 49]. Языковая экономия достигается на основе аллюзии, таким образом, в процессе коммуникации мем выступает верхушкой айсберга, а основная информация остается формально не выраженной, находясь в сознании коммуникантов, как элемент культурной или эмпирической составляющей личности.

Интернет-мем чаще всего интерпретируют либо как обычную комическую картинку с надписью, либо, более широко, как определенную идею, имеющую не только план графического выражения, но и другие средства экспертизы (популярные трансформированные и нетрансформированные афоризмы и др).

Термин мем (от греч. имитатор) происходит от дефиниции «меметика», заимствованной лингвистами по биологии. Р. Докинз под мемом подразумевает определенный аналог гена как базовую единицу репликации, который функционирует в человеческом мозге и влияет на окружающую среду, распространяясь с помощью процесса имитации [3; с. 241].

В статье культуролога В.Е. Савицкой отмечено: «Вся «научность» меметики, была и остается на уровне яркой остроумной аналогии с «генами-репликаторами». Меметика навсегда застряла на уровне бле-

стящего, публицистически броского сравнения ген-мем-вирус, эксплуатируя при этом все таящиеся в обществе подспудные страхи и опасения по поводу возможности манипуляции сознанием научными методами» [4].

Деннетт интерпретирует мем как комплексную идею, которая формируется в виде чего-то определенного и памятного, как формальное средство вербализации. Зарождаясь в сознании одного человека, определенный образ, находя свое выражение, «заражает» и других лиц, трансформируясь в определенной степени в результате восприятия и осмысления, затем вновь передается дальше. Такой способ функционирования позволяет интерпретировать анализируемое понятие как одна из разновидностей вирусной информации.

Мем – это единица информации, которая содержится в сознании индивида и влияет на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникло большее количество ее копий.

Ю.В. Щурина трактует интернет-мемы как разновидность прецедентных феноменов, единицу информации, передаваемой посредством интернет-коммуникации» [5; с. 163].

Под термином мем-лингвокультурема мы понимаем мем, содержащий лингвокультурную информацию и характеризующийся речевой экспликацией.

В дифференциальные признаки мемов как лингвистических единиц включают: социально-культурный характер, полимодальность, избыточность, намеренное искажение, абсурдная модель языковой картины, установка на языковую игру при выборе лингвистических средств, юмористическая направленность, отражение социокультурной общности пресуппозиций коммуникантов благодаря общему лингвокультурному фонду.

Анализируя лингвистический аспект интернет-мемов, ученые нередко говорят о новом жанре, который характеризуется специфическими признаками на уровне орфографии, лексики и синтаксиса. Характеризуясь четкой структурой, мем выступает в роли прямой ссылки на известное изречение-источник, трансформируя его в процессе своего употребления.

В роли изречения-источника могут выступать афоризмы, крылатые изречения, фразеологизмы, цитаты и т.д.

Одним из наиболее типичных признаков мемов является ориентированность реципиента, представленная обращениями (*дамы и господа; молодой человек, девушка, бабка, хлопчик*), приказным способом (*давай, расскажи мне что-нибудь*), односложными определенно-личными предложениями (*Хорошего дня! - Как дела? - Пока не родила. Или Дела у прокурора, а у нас так...делишки; Закурить не найдется? А если найду?*).

Таким образом, еще одна причина популярности мемов кроется в одновременной близости презентованных идей, как автору, так и реципиенту.

Интернет-мем не предполагает закрепленного автора, поскольку он является результатом творческого взаимодействия пользователей социальных сетей.

Ученые выделяют две группы интернет-мемов: креолизованные мемы и собственно текстовые мемы.

Креолизованные интернет-мемы имеют смысловую гомогенную систему, в которой изучены различные структурные уровни: вербальный, визуальный и музыкально-звуковой. Они выступают в функции диспенсера языкового материала в социальной сети. Часто именно креолизованные интернет-мемы и являются основой для формирования узнаваемой фразы, которая с годом трансформируется в текстовый интернет-мем.

Таким образом, мемы воспринимаются как свертхтекст, делая возможным не только содержательность, но и позволяют эксплицировать информацию максимально лаконично, часто не апеллируя даже к вербальным средствам. Например, отправляя реципиенту изображение или мелодичный проигрыш без вербального сопровождения, мы лишаем его возможности самостоятельного нахождения смыслов и расширения коммуникативных каналов.

В социальных сетях доминируют креолизованные мемы. Креолизация придает мему экспрессивность и несет в себе дополнительную коннотацию, поэтому эмоциональная насыщенность – это главный фактор распространения мемов.

Поскольку креолизация характеризует говорящего или предмет или лицо, о которой идет речь, мем приобретает дополнительную комическую и даже ироничную эмоциональную окраску.

Самыми частыми среди креолизованных мемов являются те, что презентуют:

- необычные эмоции и специфическое изображение выражения лица, эксплицирующие отношение к данной ситуации;

- необычные обстоятельства: странное по форме и загадочное по содержанию событие;
- обыденную ситуацию / героев, объект культуры, историческую картину.

По структуре нами выделены следующие текстовые мемы:

- мемы-слова;
- мемы-словосочетания;
- мемы-фразы.

Мемы, которые по форме выражения представляют собой отдельные слова, чаще всего интерпретируются как сленг, поскольку они являются данью моде и «вирусного» распространения, однако, по нашему мнению, в отличие от единиц сленга, мемы характеризуются большим семантическим наполнением. Этот факт обусловлен тем, что любой мем имеет свою историю, которая является не только лингвокультурной справкой, но и мотивацией для обогащения и понимания его значения, то есть каждый из мемов является единицей гипертекста, виртуальной ссылкой на ситуацию своего создания.

Мемы-словосочетания, как и фразовые мемы, отражают тенденцию к «карнавализации» общения и к языковой игре. Фразовые мемы имеют структуру простого или сложного предложения.

Фразовые мемы потенциально могут служить источником пополнения паремиологического состава речи. В отличие от пословиц и присказок, входящих в общезыко́вый фонд, фразовые мемы тяготеют к единицам интернет-сленга, понятного не каждому, но широкому кругу коммуникантов. Мем, который является простым и выразительным по форме, сразу завоевывает внимание, прежде всего, молодежи, самой многочисленной и самой лабильной группы пользователей социальных сетей, поэтому часто интернет-мемы несут в себе отпечаток молодежной субкультуры с ее эмоциональной насыщенностью. Отметим, что степень экспрессивности мемов, непосредственно связана со скоростью его восприятия и распространения, а также степенью критичности его анализа. Таким образом, можно утверждать, что мемовичность является одной из основных черт культуры виртуальных социальных сетей.

Проведенный анализ подтверждает важный статус интернет-мемов как хранилища культурных знаков, богатой лингвокультурной информации и как интеллектуального продукта коллективного творчества интернет-сообщества, содержащий вербальную (текст) и паралингвистическую (изображение) составляющую, именно этот фактор позволяет мему оставаться одним из самых продуктивных средств интернет-коммуникации.

Библиографический список

1. Горошко А.И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета / Е.И. Горошко // *Educational Technology & Society*. – 11(2). – 2008. – С. 388-411.
2. Литневская Е.И. Психолингвистические особенности интернета и некоторые речевые особенности чата как исконного селевого жанра / Е.И. Литневская, А.П. Бакланова // *Вестник Московского университета. - Серия 9. Филология*. – 2005. – № 6. - С. 46-61.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. - Москва: Мир, 1993. - 318 с.
4. Савицкая Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // *Культура в современном мире*. — 2013. № 3.
5. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // *Лингвистика дискурса*. - Выпуск No 3, 2012. - С. 160-172.

References

1. Goroshko A.I. Gender aspects of communications on the example of educational practices of the Internet / E.I. Goroshko // *Educational Technology & Society*. – 11(2). – 2008. – P. 388-411.
2. Litnevskaya E.I. Psycholinguistic features of the Internet and some speech features of chat as a native mud-flow genre / E.I. Litnevskaya, A.P. Baklanova // *Bulletin of the Moscow University*. - Series 9. Philology. - 2005. - No. 6. - pp. 46-61.
3. Dawkins R. Egoistic gene / R. Dawkins. - Moscow: Mir, 1993. - 318 p.
4. Savitskaya T. E. Internet-memes as a phenomenon of mass culture // *Culture in the modern world*. 2013. № 3.
5. Shchurina Yu.V. Internet-memes as a phenomenon of Internet communication. - *Linguistics of discourse*. - Issue No. 3, 2012. - Pp. 160-172.

УДК 81'42

*Пятигорский государственный университет
Аспирант кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
Цолоева С.Б.
Россия, г. Пятигорск,
e-mail: sedatsoloeva@yandex.ru*

*Pyatigorsk State University
The chair of English language and professional
communication
Postgraduate student
Tsoloeva S.B.
Russia, Pyatigorsk,
e-mail: sedatsoloeva@yandex.ru*

С.Б. Цолоева

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению специфики процесса метафоризации в англоязычном рекламном тексте. Автор подчеркивает весомость метафоры в контексте рекламной коммуникации и рассматривает ее как одно из ключевых средств речевого воздействия на целевую аудиторию. Материалом исследования служат современные англоязычные рекламные тексты из области дизайна и архитектуры, опубликованные в журналах *The Art of Design*, *Interior Design Today* и *Icon*. Взяв за основу точку зрения представителей когнитивной лингвистики относительно природы метафоры, автор говорит о наличии двух структур знаний – «источника» (более конкретное знание) и «цели» (менее конкретное знание, актуализируемое посредством метафоры). На примере аутентичных текстов англоязычной рекламы сферы дизайна и архитектуры представлены и описаны ключевые особенности вербализации метафоры с акцентом на ее прагматическую ценность в контексте.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, рекламный текст, антропоморфная / артефактная метафора, речевое воздействие, сфера дизайна и архитектуры, английский язык.

S.B. Tsoloeva

METAPHOR AS A MEANS OF SPEECH INFLUENCE IN THE ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING TEXT

The article is devoted to the study of the specifics of the metaphORIZATION process in the English-language advertising text. The author emphasizes the importance of metaphor in the context of advertising communication and considers it as one of the key means of speech influence on the audience. The research material is modern English-language advertising texts from the field of design and architecture, published in the magazines *The Art of Design*, *Interior Design Today* and *Icon*. Taking into account the point of view of representatives of cognitive linguistics regarding the nature of metaphor, the author speaks about the presence of two structures of knowledge - "source" (more specific knowledge) and "target" (less specific knowledge, actualized by means of metaphor). On the example of authentic texts of English-language advertising in the sphere of design and architecture, the key features of metaphor verbalization are presented and described, with an emphasis on its pragmatic value in the context.

Key words: professional communication, advertising text, anthropomorphic / artifact metaphor, speech impact, design and architecture, English.

Лингвистическая наука последних десятилетий занимается комплексным анализом различных типов институционального общения, изучает особенности профессионально-ориентированной коммуникации, а также проблему взаимодействия языка и мышления.

В сферу вопросов, представляющих значительный интерес, входит реклама и ее языковое воплощение. Следует отметить, что специфика рекламной коммуникации во множестве своих проявлений не раз подвергалась детальному анализу в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых [в частности: 1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.]. Полагаем, что регулярное обращение к рекламной сфере обусловлено динамикой самой жизни, развитием экономических отношений, появлением новых способов

реализации и передачи информации (радио, телевидение, газеты и журналы, Интернет и т.д.). Тем не менее, несмотря на значительный накопленный опыт, в исследовательском поле рекламной сферы наличествуют вопросы дискуссионного характера, в трактовке и понимании которых не наблюдается однозначной позиции.

Целью настоящей статьи выступает анализ англоязычных текстов профессионально-ориентированной рекламы на предмет употребления в них метафоры. Материал исследования составили 200 текстов рекламы, опубликованных в журналах *The Art of Design*, *Interior Design Today* и *Icon*, адресованных, в первую очередь, профессионалам в сфере дизайна и архитектуры.

Как уже отмечалось ранее, реклама и ее специфика находятся в постоянном фокусе внимания ученых. Все имеющиеся исследования по данному вопросу делают акцент на способность рекламного текста воздействовать на сознание, эмоциональное и психологическое состояние адресата, конечным результатом которого является реализация определенных действий – приобретение рекламируемого товара [3; 7; 6 и многие другие].

Очевидно, что успех рекламы и эффективность рекламного сообщения достигается посредством заявленного выше алгоритма, где ключевыми элементами выступают целевая аудитория и средства воздействия на нее. К числу средств подобного рода мы относим, прежде всего, метафору, имеющую особое значение в контексте рекламной коммуникации, позволяющую «выявить универсальное и специфичное в ментальном мире как отдельного человека, так и конкретного социального института в целом, обнаружить определенные общие закономерности в системе знаний представителей социальных групп профессиональных сообществ, проследить, как когнитивные структуры реализуются в том или ином типе дискурса» [8, с. 128].

Вслед за представителями когнитивной лингвистики, считаем, что процесс метафоризации в том или ином контексте зиждется на взаимодействии двух структур «источник» и «цель» или «source domain» и «target domain», где «источник» уже существующий, устоявшийся фрагмент знания, а «цель» – новый, формируемый при помощи метафоры [9; 10; 8; 11; 12; 13; 14; 15; 16 и др.].

Эмпирический анализ языкового материала показал, что в пределах англоязычных текстов рекламы сферы дизайна и архитектуры присутствуют два типа ассоциаций: «Дизайнерский продукт – это Артефакт» (результат деятельности, творение создателей) и «Дизайнерский продукт – это Живое существо (человек)», трактуемых нами как артефактная и антропоморфная метафора, соответственно.

Обратимся к конкретным примерам употребления метафоры в масштабе нашей выборки. Начнем с артефактной метафоры, репрезентируемой 57% материала выборки.

Зачастую в контексте рекламы звучит мысль о том, что появление того или иного продукта (элемента дизайна, интерьера и т.д.) влечет за собой изменения, подобные *революции*. В связи с этим, в выборке наличествует метафорический перенос «Дизайнерский продукт – это Революция», вербализуемый различными частями речи (существительное, глагол, прилагательное).

1) *New Hygiene + is set to revolutionise the sanitaryware market, offering the cleanliness benefits of a rimless format, in a more aesthetically pleasing design* [17].

В примере (1) представлена метафора *New Hygiene + is set to revolutionise the sanitaryware market*, в котором речь идет о фирме *New Hygiene +*, способной совершить революцию на рынке сантехники. Очевидно, что ключевым смысловым элементом в метафоре выступает соответствующий глагол – *to revolutionise*.

Следующей ассоциацией, рекуррентно используемой в рекламных текстах сферы дизайна и архитектуры, является трансформация «Дизайнерский продукт – это Магия». Приведем пример:

2) *Simple and beautiful, modern mirrored furniture reflects the magic in every space* [17].

Согласно тексту, зеркальная мебель отражает *магию* в каждом пространстве, а лексема *magic* актуализирует метафорический перенос «Дизайнерский продукт – это Магия».

Помимо этого, анализ выборки показал, что в пределах англоязычных рекламных сообщений рекламируемый товар отождествляется с *драгоценностью*, например:

3) *More than a Faucet. Each product in the Axor Edge Collection is a jewel, a masterpiece, a unique architectural object* [18].

В примере (3) наличествует метафорический перенос «Дизайнерский продукт – это Драгоценность», реализуемый семантикой существительного *jewel*. Однако в масштабе всей анализируемой выборки присутствуют и другие вербализаторы данной метафоры (*pearl, gold, diamond*).

Безусловно, все примеры артефактной метафоры на лексико-семантическом уровне призваны ярко охарактеризовать рекламируемый товар, подчеркнуть его достоинства и уникальность, в свою очередь, на прагматическом уровне – оказать воздействие на адресата, сформировать положительное отношение к продукту и желание стать его обладателем.

Перейдем к рассмотрению антропоморфной метафоры (43% материала выборки), в основе которой – ассоциация с человеком, его способностями и уникальными характеристиками.

4) The “Tiepidamente” bathroom accessories allow you to keep the bathroom well organized and *give a touch of elegance and personality to your home* [19].

В представленном фрагменте рекламного текста содержится метафора *bathroom accessories ... give a touch of elegance and personality to your home*, в соответствии с которой, аксессуары для ванной комнаты подчеркивают *индивидуальность* дома. Показательно, что дому, как и человеку, свойственна индивидуальность. На наш взгляд, лексема *personality*, выраженная именем существительным, служит ключевым элементом, реализующим метафорический перенос «Дизайнерский продукт – это Индивидуальность».

Целый ряд примеров выборке повествует о наличии теплых отношений, любви, любовного романа, одной из сторон которого выступает рекламируемый товар. Приведем пример:

5) Bang & Olufsen Love Affair Collection. *This exclusive collection, containing six of our most current and iconic designs, is a living illustration of a love affair spanning from our origin in the roaring twenties into the future* [20].

В примере (5) фиксируем употребление метафоры *This exclusive collection ... is a living illustration of a love affair*, в которой словосочетание *love affair* несет основную метафорическую нагрузку в контексте и актуализирует метафорический перенос «Дизайнерский продукт – Любовь».

Резюмируя все сказанное выше, вновь отметим, что в пределах рекламной коммуникации одним из действенных и наиболее значимых языковых механизмов речевого воздействия на получателей информации выступает метафора, позволяющая ярко и экспрессивно охарактеризовать рекламируемый продукт, подчеркнуть его уникальность и неповторимость. Безусловно, в статье представлена часть материала анализируемой выборки, которая с учетом динамичной природы рекламы и языка в целом требует дальнейшего изучения. Следует также учесть тот факт, что создание рекламного текста – это творческий процесс, а бытующая в его пределах метафора характеризуется открытостью [10], допускает и подразумевает различные трансформации, рассмотрение которых, с точки зрения лингвистики, интересно, актуально и не лишено смысла.

Библиографический список

1. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: Едиториал УРСС, 2004. 280 с.
2. Костина А.В. Эстетика рекламы. М.: Вершина, 2003. 194 с.
3. Лебедева Л.В. Психология рекламы. М.: Флинта, 2013. 216 с.
4. Федотова Л.Н. Реклама в коммуникационном процессе. М.: Камерон, 2005. 464 с.
5. Cook G. The Discourse of Advertising. London: Routledge, 1992. 272 p.
6. Scott W.D. The Psychology of Advertising. Forgotten Books, 2012. 282 p.
7. Рюмина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе. М.: Март, 2004. 240 с.
8. Ширяева Т.А. Метафоры как фактор формирования бизнес сознания (на материале современного английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 3. 2011. С.128-132.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / *Metaphors We Live By*. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
11. Милетова Е.В. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе // ФИЛОЛОГОС. № 20 (1). 2014. С. 41-50.
12. Бекасова Е.Н. Антропоморфная метафора в осмыслении генезиса языка // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (402). 2017. С. 95-106.
13. Лапшова Н.В. Метафорические и метонимические особенности номинации в современном рекламном дискурсе: структурно-семантический и ассоциативный подходы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 3. 2012. С. 28-32.
14. Casakin H. Metaphors as Discourse Interaction Devices in Architectural Design // *Buildings*, 2019. P. 9, 52. DOI: 10.3390/buildings9020052.

15. Ferrari F. *Metaphor and persuasion in strategic communication*. L-NY: Routledge, 2018. 284 p. DOI: 10.4324/9781315188461.
16. Kovecses Z. *Metaphor: a practical Introduction*. New York: Oxford University Press, 2010. 375 p.
17. *Interior Design Today*, January – February 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://flickread.com/edition/html/5652fac0618b4#26> (дата обращения 11.03.2021).
18. *Icon. Autumn 2020* [Электронный ресурс]. URL: <https://online.fliphtml5.com/byhn/fxhn/#p=112> (дата обращения 11.03.2021).
19. *The Art of Design*. 2017. Issue 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-28-2017/0622875001503655468> (дата обращения: 11.03.2021).
20. *The Art of Design*. 2015. Issue 16 [Электронный ресурс]. URL: <https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-16-2015/0674198001441874076> (дата обращения: 11.03.2021).

References

1. Medvedeva E.V. *Advertising communication*. Moscow, 2004. 280 p.
2. Kostina A.V. *Aesthetics of advertising*. Moscow, 2003. 194 p.
3. Lebedeva L.V. *Psychology of advertising*. Moscow, 2013. 216 p.
4. Fedotova L.N. *Advertising in the communication process*. Moscow, 2005. 464 p.
5. Cook G. *The Discourse of Advertising*. London: Routledge, 1992. 272 p.
6. Scott W.D. *The Psychology of Advertising*. Forgotten Books, 2012. 282 p.
7. Ryumshina L.I. *Manipulative techniques in advertising*. Moscow, 2004. 240 p.
8. Shiryayeva T.A. *Metaphors as a factor in the formation of business consciousness (based on the material of the modern English language)* // *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*. № 3. 2011. P. 128-132.
9. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live By / Metaphors We Live By*. Moscow, 2004. 256 p.
10. Chudinov A.P. *Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000)*. Yekaterinburg, 2001. 238 p.
11. Miletova E.V. *Metaphorical models with the participation of adjectives, implemented in the modern English-language religious discourse* // *PHILOLOGOS*. № 20 (1). 2014. P. 41-50.
12. Bekasova E.N. *Anthropomorphic metaphor in understanding the genesis of language* // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. № 6 (402). 2017. P. 95-106.
13. Lapshova N.V. *Metaphorical and metonymic features of the nomination in the modern advertising discourse: structural-semantic and associative approaches* // *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*. № 3. 2012. P. 28-32.
14. Casakin H. *Metaphors as Discourse Interaction Devices in Architectural Design* // *Buildings*, 2019. P. 9, 52. DOI: 10.3390/buildings9020052.
15. Ferrari F. *Metaphor and persuasion in strategic communication*. L.-N.Y.: Routledge, 2018. 284 p. DOI: 10.4324/9781315188461.
16. Kovecses Z. *Metaphor: a practical Introduction*. New York: Oxford University Press, 2010. 375 p.
17. *Interior Design Today*, January – February 2014 [Internet source]. URL: <https://flickread.com/edition/html/5652fac0618b4#26> (date of application: 11.03.2021).
18. *Icon. Autumn 2020* [Internet source]. URL: <https://online.fliphtml5.com/byhn/fxhn/#p=112> (date of application: 11.03.2021).
19. *The Art of Design*. 2017. Issue 28 [Internet source]. URL: <https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-28-2017/0622875001503655468> (date of application: 11.03.2021).
20. *The Art of Design*. 2015. Issue 16 [Internet source]. URL: <https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-16-2015/0674198001441874076> (date of application: 11.03.2021).

УДК 821.161.1

Азово-Черноморский инженерный институт – филиал Донского государственного аграрного университета
кандидат филологических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Крылова М.Н.
Россия, г. Зерноград,
e-mail: krylovamn@inbox.ru
+79286024647

Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of the Don State Agrarian University
PhD, Professor of the Department of Humanities and Foreign Languages

Krylova M.N.
Russia, Zernograd,
e-mail: krylovamn@inbox.ru

М.Н. Крылова

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ КАК НЕПРЕМЕННОЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассмотрено использование средств языковой выразительности в языке интернет-пространства. Отмечается, что тенденция к выразительному оформлению мысли является одной из наиболее явных при построении текста для автора, ориентирующегося на трансляцию своих мыслей в виртуальном пространстве. Среди многообразия выразительных средств русского языка, активно используемых в виртуальном пространстве, выделены оксюморон, каламбур, окказионализм. Обращено внимание на использование разговорной лексики в научно-популярных публикациях, а также на активный переход наиболее выразительных фраз в статус интернет-мемов. Выявлена связь выразительности текста, расположенного в виртуальном пространстве, с его юмористическим характером. Делается вывод о приобретении виртуальным пространством свойств сферы, стимулирующей творческие способности говорящего и активизирующей развитие выразительности как качества русского языка.

Ключевые слова: выразительность, русский язык, оксюморон, каламбур, окказионализм, мем, интернет, виртуальное пространство.

M.N. Krylova

EXPRESSION AS AN INDIVIDUAL COMPONENT OF THE LANGUAGE OF MODERN VIRTUAL SPACE

The article discusses the use of language expressiveness in the language of the Internet space. It is noted that the tendency to expressive design of thought is one of the most obvious tendencies in constructing a text for an author who is guided by the translation of his thoughts in virtual space. Among the variety of expressive means of the Russian language, actively used in the virtual space, oxymoron, pun, and occasionalism are highlighted. Attention is drawn to the use of colloquial vocabulary in popular science publications, as well as to the active transition of the most expressive phrases to the status of Internet memes. The connection between the expressiveness of the text located in the virtual space and its humorous character is revealed. The conclusion is made about the acquisition of the properties of a sphere by the virtual space, stimulating the creative abilities of the speaker and activating the development of expressiveness as a quality of the Russian language.

Key words: expressiveness, Russian, oxymoron, pun, occasionalism, meme, internet, virtual space.

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека: преимущественно в пространстве сети носитель русского языка организует своё общение и взаимодействие с другими людьми. В этом новом виртуальном пространстве мы знакомимся с новостями, из него черпаем информацию самого разного рода – от энциклопедической до мифологической. Здесь представлены игры и интеллектуальное общение, развлечения и познавательный контент.

Язык виртуального пространства, пространства интернета привлекает внимание лингвистов.

Интернет-язык современные лингвисты рассматривают в качестве «нового способа эволюционирования языка» [1; с. 329] и признают, что в пространстве интернета язык приобретает особые формы, отличающие его от тех, которые стали привычными в художественной литературе, СМИ, устной речи в уже почти забытый период «до интернета».

В лингвистических исследованиях затрагивается вопрос о соблюдении авторами, публикующими свои тексты в сети интернет, литературных норм. Ф.Т. Грозданов, анализируя язык молодёжных интернет-газет, отмечает, что их авторы «более свободно обращаются с языком, позволяя себе не придерживаться кодифицируемых правил грамматики», а также выявляет в этом сегменте интернет-текста «одновременное ориентирование на экспрессию и стандарт» и «тяготение к разговорному стилю речи» [2; с. 5]. С.А. Лысенко пишет о таком качестве интернет-коммуникации, как «постоянно увеличивающаяся степень синхронности, разговорности и эмоциональности, что приближает формально письменное пространство интернет-коммуникации к устной форме существования языка» [3; с. 5]. Многие исследователи обращают внимание на то, что в виртуальном пространстве особое значение приобретает такое качество речи, как выразительность. Выявляются и анализируются фонетические средства выразительности (аллитерация, ритм, рифма и др.) [4], лексические выразительные инструменты (метафора, метонимия, аллегория, эпитет, синекдоха и др.) [5], выразительные приёмы, построенные на основе фразеологизмов, аллюзии, персонификации [6] и т. д. При этом чаще всего исследование выразительности проводится на материале интернет-рекламы, где использование выразительных средств связано с желанием привлечь внимание потенциального покупателя к товару и услуге, или на материале заголовков, также выполняющих преимущественно рекламную функцию, призывая читателей к знакомству с текстом статьи. Однако выразительность охватывает гораздо больше компонентов виртуального пространства.

Цель статьи – выявить роль средств языковой выразительности как компонентов языка современного виртуального пространства. Материалом для исследования стали публикации в социальных сетях, блогах, на новостных порталах и в интернет-СМИ.

Выразительные средства языка трактуются в энциклопедическом словаре-справочнике как «языковые / речевые средства, которые обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тексте информации) восприятие речи адресатом» [7; с. 90]. Выделяются фонетические, лексические, словообразовательные и грамматические средства языковой выразительности, а также стилистические приёмы, такие как тропы и фигуры [Там же; с. 91].

Рассмотрим виды средств языковой выразительности, наиболее активно применяемые сегодня в виртуальном пространстве.

Привлекают к себе внимание оригинальные **оксюмороны**, очень быстро завоевавшие интернет-пространство и ставшие чрезвычайно популярными. Оксюморон представляет собой «стилистическую фигуру, состоящую в соединении двух не просто контрастных, но противоречащих друг другу по смыслу слов, связанных определительными (в широком смысле) отношениями» [7; с. 195].

Оксюморон, приобретший сегодня особенно широкую популярность в виртуальном пространстве, – *примерно все (всё)*. Например: «В “Яблоке” от этого в шоке **примерно все**, мы ожидаем, что её восстановят и выдвинут» (Блог М. Каца), «То есть ФСБ о его приезде в Россию знало **примерно всё**» (Блог А. Носика). Слово *примерно* обозначает ‘приблизительно’ [8] и именно поэтому его сочетание со словом *всё (все)*, указывающим ‘на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений’ [Там же] образует оксюморон. Цель употребления данного оксюморона состоит в том, чтобы подчеркнуть полноту охвата каких-то явлений или лиц, то есть подчеркнуть семантику, выражаемую местоимением *всё (все)*, а слово *примерно* призвано оттенить эту семантику, заострить на ней внимание.

Второй оксюморон, активно используемый в сети интернет, – замечание «*но это неточно*» после утверждения чего-либо. Фраза «*но это неточно*» в интернете может быть охарактеризована как мем – «единица передачи культурной информации, распространяемая от одного человека к другому посредством имитации, научения и др.» [9]. Происхождение этого мема приписывается видеоблогеру Биг Рашн Боссу (Big Russian Boss), а впервые он был зафиксирован в интернете в 2015 году. За короткое время выражение стало очень популярным. Ему предшествует фраза, выглядящая очень убедительно, содержащая на первый взгляд точную информацию. Однако следующее за этой фразой замечание «*но это неточно*», чаще всего оформленное как парцеллят, перечёркивает смысл утверждения и показывает, что в нём содержится отнюдь не достоверная информация. Появляется также иро-

ния говорящего над собой и уровнем собственной осведомлённости: он намекает, что может не совсем владеть информацией, но при этом готов уверенным тоном излагать неточные сведения. Например: *никита без ковида (но это неточно)* (Название профиля в социальной сети Twitter), *«Кажется, мне нужны курсы ведьмовского мастерства, но это неточно»* (Twitter). Суть оксюморона в том, чтобы показать: даже убедительное утверждение может быть неверным, с помощью красивых фраз можно дать лживую или непроверенную информацию. Если учесть данный смысл, транслируемый мемом, то становится понятной его популярность. Действительно, для пользователей сети интернет очевидно, что непроверенная информация часто здесь маскируется выражающей внешнюю уверенность фразой, и мем, высмеивающий данное явление, акцентирующий его, оказывается в этих условиях очень востребованным.

Популярным у пользователей интернета выразительным средством является **каламбур** – «игра слов, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства (омонимии) слов и словосочетаний, имеющих разное значение» [10; с. 174]. Каламбуры вообще характеризуются выразительностью и, как правило, юмористическим звучанием, а в виртуальном пространстве, кроме того, целью авторов становится создать как можно более оригинальный каламбур. Например: *«Суперкот лежит на помощь»* («ВКонтакте»). Это подпись под картинкой с изображением спящего (обязательно максимально растянувшегося в свою длину) кота, которая получила широкое распространение, встречается в большом количестве различных сообществ, групп, пабликов и просто в индивидуальных публикациях в сети интернет. По сути, фраза стала мемом.

Игра создаётся за счёт того, что в выражении *«Суперкот спешит на помощь»* меняется одно слово: *лежит – спешит*, и смысл становится противоположным. Активные пользователи мема – любители «котиков», выкладывающие в социальные сети фотографии своих спящих питомцев. Причиной языковой игры и образования мема, на наш взгляд, является сходство растянувшегося лежащего кота с котом, куда-то спешащим, летящим.

Изображение спящего кота с подписью *«Суперкот спешит на помощь»* превратилось в сети интернет в демотиватор – сложную знаковую систему, представляющую собой «сообщение (картинку, фото и т. п.), сопровождающееся комментарием (подписью), который интерпретирует данное сообщение особым образом» [11, с. 124]. Пример демотиватора с рассмотренной надписью приведён на рисунке.



Рисунок – Пример демотиватора

Элементом выразительности являются и создаваемые авторами блогов, пабликов и публикаций **окказионализмы** – «неузальные речевые единицы (чаще всего – слова), или неузальные значения языковых единиц, создаваемые говорящим / пишущим для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного конкретным контекстом» [7; с. 193]. Рассмотрим для примера наименование паблика *«Политика и политота»*, обозначенного как «Свободное сообщество» в LiveJournal. Слово *политота* сконструировано на основе двух компонентов: слова *политика* (это очевидно) и слова *милота* (это предполагается). В паблике, посвящённом политическим вопросам, данная контаминация позволяет подчеркнуть иронический подход авторов публикаций к политическим событиям, происходящим в России. Семантика слова *милота*, возникшего достаточно недавно и широко используе-

мого в сети интернет, объясняется в викисловаре как 'что-либо, вызывающее умиление' [12]. Особенность употребления данного весьма ироничного слова состоит в том, что с его помощью указывается на что-то «миленькое», привлекающее широкие массы, но при этом не имеющее никакого отношения к интеллекту (классические примеры милоты – котики и младенцы). Естественно, данная лексема входит в отношения контраста со словом *политика*, с которым они в составе окказионализма слиты воедино и структурно, и семантически.

Интересный окказионализм видим в публикации Константина Ремчукова «Немота интерпретации происходящего: если не печенки, то что?» от 01.09.2020 г. в блоге на платформе «Эхо Москвы». Это слово *печенки-поедатели*, например: «Отмахнуться от протестующих и оппонирующих, как агентов Госдепа, Запада, **печенки-поедателей** больше нельзя». В публикации излагается мысль о том, что белорусский лидер А.Г. Лукашенко считает всех белорусов, которые выходят на улицы с протестами, агентами Запада, деятельность которых проплачена США. Слово *печенки-поедатели* является как раз презрительной характеристикой, которой, по мнению журналиста, достойны все протестующие. Появление данного окказионализма в тексте подготовлено содержательно (передаваемой информацией) и лексически (используемым неоднократно, в том числе в заголовке, словом *печенки*, с помощью которого обозначаются мнимые подачки западных спецслужб).

Особенностью окказионализмов является то, что они функционируют и становятся значимыми в конкретном тексте (или паблице), указывая на креативность его автора. Окказионализм в интернет-пространстве обязательно должен обладать выразительностью, яркостью, кроме того, в большинстве случаев он ироничен, составлен как элемент юмористического осмысления действительности.

Остановимся также на таком средстве выразительности, как **введение разговорной лексики в научную публикацию**. Вообще научные тексты, оформленные, естественно, с помощью научно-популярного стиля, являются важной составляющей современного интернет-пространства. Пользователи интернета испытывают потребность в получении научных сведений, но при этом хотят, чтобы информация подавалась доступно. И разговорная лексика становится одним из инструментов создания доступности.

Рассмотрим пример из статьи С. Петрова «О неведомом племени неведомого языка – народ Меря», расположенной на платформе LiveJournal: «...Для женщин меря характерно ношение... височных колец, которые, **на минуточку**, для финно-угров не характерны **от слова совсем**». Мы видим здесь два ярких элемента разговорной речи, на первый взгляд, совсем не соотносящихся с научным стилем. Тем не менее, статья достаточно научна, содержит проверенные научные сведения.

На последнем элементе *от слова совсем* хочется остановиться особо. Он также стал мемом. К примеру, в социальной сети Instagram находим более полутора тысяч публикаций с хэштегом *#отсловасовсем*. В них пользователи рассказывают о том, как им удалось (или пришлось) что-то сделать (от чего-то отказаться) полностью: избавиться от тяги к алкоголю, перестать выходить из дома во время коронавируса и т. п., а также убедиться в полном наличии или отсутствии чего-либо. Приведём примеры фраз из этих публикаций: «ГОД я не употребляю алкоголь **#отсловасовсем**», «Правда, дуло с таким ледяным остервенением, что тепла не было вообще, **#отсловасовсем**», «Да я не купаюсь в море (ну не **#отсловасовсем**)», «Но в последний период я сначала читаю об этом в моей книжечке, а позже снова встречаю в самом мощном марафоне, который абсолютно не имеет никакого отношения к продуктивности и работе со временем **#ОтСловаСовсем!**» и т. п. Обращает на себя внимание то, что этот языковой элемент всегда завершает фразу и, соответственно, мысль. Этим, а также гораздо более высокой степенью выразительности и интенсивности, он отличается от производного (и по сути синонимичного) слова *совсем*.

Итак, мы рассмотрели ряд средств выразительности, активно используемых в современном интернет-пространстве, в том числе, оксюмороны, каламбуры, окказионализмы, введение в научный текст разговорных элементов. Также обращено внимание на мемы, в которые регулярно превращаются наиболее выразительные фразы.

Выразительность в сети интернет достаточно часто (преимущественно) связана с юмором, то есть целью использования выразительных средств является создание юмористического (иронического, сатирического) сообщения. Развлекательность как особенность основной части виртуального пространства требует от пишущего творческого подхода к слову, поиска в нём того, что может сделать высказывание более выразительным, а публикацию – более яркой и юмористической. Естественно, для автора в этом случае важно вызвать интерес к себе и своей странице (публикации), привлечь

внимание потенциальных подписчиков, сделать свой паблик таким, чтобы в него хотелось вернуться за новой порцией выразительных и юмористических средств. Однако, помимо ориентации на внешнее одобрение и внимание, как нам кажется, использование средств выразительности связано и с потребностью обитателей виртуального пространства в творческой реализации. Интернет стал площадкой, на которой каждый ежеминутно может высказаться, выразить себя, показать самое главное в себе. И для многих этим «главным» является собственное желание и умение творчески использовать ресурсы русского языка, формировать в тексте такие их комбинации, которые будут максимально выразительны и окажутся способными наилучшим образом репрезентовать говорящего как носителя языка, прекрасно владеющего его ресурсами.

Предметом нашего внимания стали выразительные средства, наиболее часто используемые в виртуальном пространстве. Естественно, охватить весь массив выразительных средств нам не удалось, да и не являлось целью. Мы хотели показать, что выразительность является для современного интернет-пользователя настоящей, насущной потребностью. Человек, публикующий посты, делающий комментарии, создающий паблики, не может представить себе их тексты без экспрессии и транслирующих ей средств выразительности, для чего активизирует собственные творческие возможности, создавая оригинальные (а также используя уже ставшие мемами) выразительные средства. Виртуальное пространство является сферой, стимулирующей развитие выразительности как качества русского языка.

Перспективы данного исследования многообразны и в первую очередь касаются более глубокого и разностороннего рассмотрения конкретных, как затронутых выше, так и оставшихся за пределами нашего внимания, средств языковой выразительности.

Библиографический список

1. Егорова К.Г. Интернет-язык как новая разновидность языка // Инновационные технологии в образовании и науке: Сб. мат. II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 329-331.
2. Грозданов Ф.Т. Язык молодежных Интернет-газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2007. 17 с.
3. Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2010. 24 с.
4. Рогова Е.А. Фонетические средства выразительности в поликодовом тексте (на материале интернет-баннеров) // Молодой ученый. 2016. № 7-5 (111). С. 16-17.
5. Антонова А.Б., Ким Ч. Лексические средства выразительности в контекстной интернет-рекламе // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: Сб. мат. 23-й всерос. науч.-метод. конф. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2018. С. 272-275.
6. Исаева А.Ю. Стилистические приемы в заголовках газет как средство прагматического воздействия на аудиторию // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8-1 (62). С. 116-120.
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта, 2011. 480 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. 1233 с. (онлайн-версия) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 27.02.2021).
9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.ru> (дата обращения: 27.02.2021).
10. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
11. Голиков А.С., Калашникова А.А. Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестник Харьковского государственного университета. 2010. № 16. С. 124-130.
12. Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 27.03.2021).

References

1. Egorova K.G. Internet language as a new kind of language // Innovative technologies in education and science: Collection of materials of the II Int. scientific-practical conf. Cheboksary: Interactive Plus, 2017. p. 329-331.
2. Grozdanov F.T. Language of youth Internet newspapers: thesis abstract ... cand. philol. Sciences: 10.01.10. M., 2007. 17 p.

3. Lysenko S.A. The interaction of oral and written forms of the existence of language in Internet communication: thesis abstract ... cand. philol. Sciences: 10.02.19. Voronezh, 2010. 24 p.
4. Rogova E.A. Phonetic means of expressiveness in polycode text (based on the material of Internet banners) // *Young Scientist*. 2016. No. 7-5 (111). p. 16-17.
5. Antonova AB, Kim Ch. Lexical means of expressiveness in contextual Internet advertising // Staff training for power structures: modern trends and educational technologies: Collection of materials of the 23rd All-Russian scientific method. conf. Irkutsk: VSI, 2018. p. 272-275.
6. Isaeva A.Yu. Stylistic techniques in newspaper headlines as a means of pragmatic influence on the audience // *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2016. No. 8-1 (62). p. 116-120.
7. Encyclopedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings / Ed. A.P. Skovorodnikov. M.: Flinta, 2011. 480 p.
8. Efremova T.F. New explanatory and derivational dictionary of the Russian language. M.: Drofa, 2000. 1233 p. (online version) [Internet source]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (date of application: 27.02.2021).
9. Dictionaries and encyclopedias on the Academician [Internet source]. URL: <https://academic.ru> (date of application: 27.02.2021).
10. Zhrebilo T.V. Dictionary of linguistic terms and concepts. Nazran: Pilgrim, 2016. 610 p.
11. Golikov A.S., Kalashnikova A.A. Demotivators in Internet communications: genesis, meaning, typology // *Bulletin of Kharkov State University*. 2010. No. 16. p. 124-130.
12. Wiktionary [Internet source]. URL: <https://ru.wiktionary.org> (date of application: 27.03.2021).

УДК 070.1

*АНО «Институт современного искусства»
кандидат филологических наук
доцент кафедры Журналистики и массовых
коммуникаций
Лебедева Е.Г.
Россия, г.Москва
e-mail: elena@elseproduction.ru
+ 7 925 771 06 92*

*"Institute of Contemporary Art"
Candidate of Philology
assistant professor of the Department of Journal-
ism and Mass Communication
Lebedeva E.G
Russia, Moscow, tel: + 7 925 771 06 92
e-mail: elena@elseproduction.ru*

Е.Г. Лебедева

БЛОГИНГ В INSTAGRAM

В статье рассматриваются новые тенденции в развитии журналистики, а также влияние социальных сетей и блогов на формирование общественного мнения как обычных пользователей, так и самих журналистов, черпающих зачастую информацию из Интернет.

Ключевые слова: контент, блогосфера, блог, блогинг, социальная сеть, Instagram.

E.G. Lebedeva

BLOGGING IN INSTAGRAM

The article examines new trends in the development of journalism, as well as the influence of social networks and blogs on the formation of public opinion, both ordinary users and journalists themselves, often drawing information from the Internet.

Keywords: content, blogosphere, blog, blogging, social network, Instagram.

Слова «блогосфера», «блогер» и «блог» активно вошли в жизнь с учетом информатизации общества. С помощью блога можно узнать о происходящих событиях на любую тему и донести информацию до читателей. Помимо обычных интернет-пользователей блоги ведут и политики, и музыканты, и даже руководители крупных компаний. Такая деятельность, цель которой – привлечение аудитории и ее постоянное удержание за счет контента по интересам, получила название «блогинг». Сегодня очевидно, что и блогинг не стоит на месте – эта деятельность становится более адресной, близкой к своей аудитории: меняясь с каждым днем, блогинг приобретает различные формы, а раньше никто даже не мог представить, что через десяток лет все это будет, и будет настолько популярно, в том числе и на платформе Instagram, которая превратилась из развлекательной сети в полноценный мультимедийный ресурс с публицистическим контентом.

Для большинства пользователей Instagram – это не просто социальная сеть для общения, а способ заявить свою позицию по отношению к экологии планеты, социальным проектам, культуре. Например, в последние годы пользователи все больше участвуют в обсуждении изменения климата на планете, проблем людей с другим цветом кожи, осуждают насилие в любых его проявлениях, а также ведут беседы о вопросах моды, дизайна, ЗОЖ, искусства.

Следует обратить внимание на тот факт, что на сегодняшний день Интернет-блоггерство – одно из самых популярных занятий в Сети, которым занимается уже не только молодое поколение, но и взрослые. Поэтому данная тема представляет особую актуальность в современных условиях. Instagram на сегодняшний день – самая быстрая развивающаяся социальная сеть. Прежде люди читали преимущественно журналистику и книги, прошедшие цензуру и редакторские правки. Их написанием чаще всего занимались люди с соответствующим образованием в определенной области, а также те, кто уже имел богатый опыт в этой сфере. Интересную тему не давали «человеку с улицы». Сейчас же запустить свой собственный блог на аб-

солютно любую тему может каждый. Свою аудиторию хотя бы по минимуму набрать несложно, поскольку в мире обязательно найдутся люди со схожими взглядами, вкусами и интересами.

Если говорить о текстах в Instagram, то они нужны, чтобы информировать, мотивировать, обучать, развлекать, повышать лояльность аудитории, продавать, укреплять личный бренд и вызывать эмоции. Тем, кто ведет свой блог, необходимо обращать внимание на смысл, который нужно донести в тексте. Словом можно растоптать желание человека читать вас, а можно вдохновить на свершения! Только пользователь выбирает, как он им воспользуется.

Сегодня блогосфера – это важная среда для изучения мнения общества по тем или иным насущным общественно важным вопросам, и делается это за счет личных блогов. Человек, ведущий свой блог, имеет возможность представлять информацию объективно. Автор блога выражает собственное мнение, корректируя его в ходе коммуникации с читателями (или подписчиками), а также уточняет некоторые аспекты информации.

Профессия блогера подразумевает, что человек делится с аудиторией информацией, получая за это определенное материальное вознаграждение. Это может быть дневник о жизни, записи о личных увлечениях, даже о профессиональной деятельности. Профессиональные блогеры обычно это сочетают в разумных пропорциях. Главное, чтобы автор систематически выкладывал информацию в Интернет-пространство. Некоторые пользователи таким образом зарабатывают миллионы.

В зависимости от основной цели ведения блогов, их владельцев можно условно разделить на следующие типы:

бизнесмены, эксперты. Люди, занимающиеся продвижением блога ради заработка. В этом случае авторы чаще всего создают наиболее актуальный или популярный контент.

увлекающиеся. Люди, рассказывающие о своих хобби и интересах. Они часто делают это в оригинальной манере и дополняют редкими подробностями. В одном блоге может сочетаться и аналитика, и реальный опыт автора, и размышления на косвенно близкие темы, и юмористический раздел.

знаменитые люди, медийные персоны. Авторы рассказывают о своей жизни, дополняя текст красочными деталями, изображениями, репортажами с места событий. Допустимо демонстрировать в блоге смешные и оригинальные видео, публиковать фото самих блогеров, делиться информацией личного характера. В первую очередь внимание посетителей концентрируется вокруг яркой индивидуальности автора контента.

Пользователь, у которого что-то не получается, обращается к Instagram, чтобы понять, что он не один, и люди уже сталкивались с данной проблемой. А если у человека, наоборот, все хорошо, он спешит поделиться этими эмоциями. Блогеры же отличаются тем, что выкладывают оба этих аспекта. Конечно, эта потребность в сравнении себя с кем-то приводит к тому, что люди не замечают, какое психологическое влияние оказывает Instagram на их состояние. Также многие люди могут оказаться заложниками количества «лайков» и «комментариев», потому что чем их больше, тем блог более актуален. А так как люди привыкли к сравнениям, к зависимости от общественного мнения, блогерство и блогеры играют огромную роль в их жизнях.

По данным исследования поведенческого фактора в Instagram от агентства Julia Marketing и Института Онлайн-профессий, обычный пользователь расходует свое время на просмотр Instagram Stories (82 %), новостной ленты (18 %), и только в последнюю очередь использует данную социальную сеть в качестве общения [1]. Неудивительно, что «сториз» смотрят так много пользователей. Этот легкий и доступный инструмент оценили по достоинству блогеры и их многочисленные подписчики. Причин тому несколько. Во-первых, в «сториз» реальная жизнь без фотошопа и прикрас, во-вторых, в «сториз» чаще меняется картинка, поэтому можно легко переключаться между блогерами и сюжетами. Ну и в-третьих, все самые свежие новости сразу попадают именно в «сториз». Это очень легко и для самого блогера: снял – и сразу выложил. Быстро и просто.

Причем важно отметить, что пользователи выделяют по степени важности и влияния на них суть «сториз» и интересный сюжет, что еще раз доказывает важность размещения качественного, продуманного контента среди блогеров. Люди в первую очередь обращают внимание именно на личность блогера, на его человеческие качества. Неважно, сколько у него подписчиков – люди подпишутся, если человек их зацепит своей личностью, понятными текстами.

Самое распространенное мнение о ведении блога среди общественности – это получение прибыли. Однако можно сказать, что существует две основные причины, по которым люди создают блог:

- возможность оказать помощь своим подписчикам (например, в блогах психологической тематики);
- возможность самовыражения.

Каким же образом блогеры набирают колоссальное количество подписчиков? Большинство блогеров используют таргетированную рекламу для продвижения (инструмент, позволяющий обратиться к заинтересованной аудитории за счет тонких настроек показа рекламных объявлений, когда рекламодатель в сети Facebook отбирает нужных ему пользователей, которые с высокой долей вероятности купят его продукт или услугу). Также задействуют взаимный пиар (блогеры бесплатно рассказывают друг у друга у себя в аккаунтах) и покупают рекламу у других блогеров (платят деньги за то, чтобы о блогере рассказали).

Все любят развлечения. И пользователи Instagram – не исключение. Challenge, или «вызов принят» – оригинальный способ для приобщения к блогерам, испытывающим себя на прочность. Именно такое взаимодействие между пользователями стало новой эпохой в жизни Instagram. На то множество причин – это и легкий способ расширить аудиторию, и возможность заинтересовать разношерстную публику какой-нибудь неявной, но заметной рекламой, и интересный вариант провести свободное время, хотя бы на пятнадцать минут позабыв об остальных обязанностях и трудовой рутине. В переводе с английского «challenge» означает «вызов». Человек что-то делает на камеру и предлагает другим повторить это с добавлением хэштега «челленджа». Если сказать по-простому, берет на слабо. К примеру, «вам слабо опубликовать фотографию 10-летней давности?», «слабо облиться холодной водой?», «слабо придумать новый способ использования расчески?». Что даст запуск «челленджа»:

бесплатную рекламу – повышение узнаваемости, особенно если вы добавите брендированный «хэштег» и введете свой товар в задание;

увеличение охвата – во время «челленджа» по «хэштегу» кликают тысячи пользователей;

укрепление лояльности за счет увлекательного контента.

В Instagram «челленджи» нужны, чтобы информировать, мотивировать, обучать, развлекать, повышать лояльность аудитории, продавать, укреплять личный бренд и вызывать эмоции. Публикуются в истории с новыми стикером #challenge (он находится в стандартном наборе стикеров для Stories).

Запуская Challenge, сначала необходимо продумать, зачем он необходим, и какую цель можно достичь своими видео. Цели можно чередовать (привлечение внимания к компании и персоне/ привлечение внимания к товару и увеличение продаж/ напоминание о себе/набор новых подписчиков и пр.). Популярные челленджи за последний год: публикации детских фотографий, фотографии в подушках вместо платьев и костюмов (#pillowdresschallenge) - переделки картин известных художников (пользователи воссоздают картины из того, что есть под рукой – #изоляция). Группа Little Big запустила #unovisionchallenge с характерным движением из клипа на песню Uno. И не обязательно быть музыкантом для такого «челленджа», свои движения может придумать кто угодно.

"Ice Bucket Challenge" сделало «челленджи» массовым явлением. Принять в нем участие мы смогли в 2014 году. Тогда социальные медиа просто заполнили видео с людьми, опрокидывающими на себя ведра ледяной воды. Более 17 миллионов человек выложили свои видео с "Ice Bucket Challenge" только в сети Facebook, не говоря о других соцсетях. Просмотрели эти видео 440 миллионов человек. Участвовали в массовом вызове не только обычные люди, но и звезды с мировыми именами: миллиардер Марк Цукерберг, актер Роберт Дауни-младший, певица Леди Гага и другие. Российские знаменитости также не остались в стороне. С удовольствием облились на камеру, например, Филипп Киркоров, передавший «эстафету» Яне Рудковской, и Иван Ургант, поручивший продолжить «челлендж» Сергею Светлакову, Гарику Мартиросяну и Владимиру Познеру. Этот «челлендж» довольно прост. Нужно просто заполнить ванну ледяной водой, и просидеть в ней столько, на сколько хватит терпения.

Не менее популярным стал Challenge «Манекен» (англ. Mannequin Challenge). Группа людей должна замереть во время каких-либо действий, изображая манекены (как в игре «Море волнуется раз»). Позы могут быть как абсолютно обычными и естественными, так и достаточно сложными или даже странными. Видео с людьми, изображающими манекены, затем выкладываются под хэштегом #MannequinChallenge.

Oreo Challenge – это восхитительный тест на диабет, в котором участники с завязанными глазами пробуют 12 разных типов печенья Oreo. Они должны угадать вкус каждого Oreo правильно, чтобы победить. Менее вкусный – "Raw Onion Challenge", где люди съедают столько лука, сколько могут за 60 секунд. Тот, кто проиграл, должен втереть лук в глаза.

"10 years challenge" – один из популярных «челленджей» в российском Instagram. В нем охотно участвовали даже знаменитости. Его суть проста: необходимо было выложить в социальную сеть коллаж из двух фотографий: себя на 10 лет моложе и себя нынешнего.

Как оказалось, такие коллажи помогают набрать внушительное количество лайков и подписчиков, поэтому участвовать в «челлендже» решились не только обычные граждане, но и звезды, такие, как Ксения Собчак, Анастасия Решетова, Алексей Воробьев, Лиза Арзамасова и многие другие.

«Челленджи» часто становятся для теряющих популярность звезд отличным поводом вновь засветиться на публике. К слову, этот интересный способ иногда используют и начинающие знаменитости, только пробивающие себе путь ко всемирной славе.

Главное – не стоит терять чувство ответственности: «челлендж» не должен быть травмоопасным, оскорблять чьи-то чувства или призывать к выполнению аморальных действий. Лучше транслировать только положительные эмоции. Но об этом порой забывают некоторые блогеры, увлекаясь собственными амбициями и рейтингом. В этой связи безобидный «челлендж» может обернуться печальными последствиями, когда в погоне за выполнением тех или иных заданий пользователи и блогеры теряют головы. Журналисты зарегистрированных СМИ в таких ситуациях проявляют большую трезвость, так как чаще думают об ответственности перед своей аудиторией и законом.

Исследователь А. Мирошниченко говорит о том, что у современного человека, включенного в коммуникации в рамках социальных сетей, есть потребность так называемого «публичного отклика»: «Высший интерес читателя к сфере массовой информации выражается, видимо, в жажде уже не личного, а публичного отклика. Публичность – главное волшебство СМИ. Раньше оно было доступно только с одной стороны стекла – зеркало отражало только героев, но не публику. В настоящее авторствующий читатель открыл для себя сладость публичности – она позволяет добиваться отклика на свое существование. Это гораздо более высокий градус социализации, чем прежде, когда читатель был пассивным и бесправным потребителем информации» [2].

Расширение мировой блогосферы – это положительный фактор. Ресурсы и информация на них ранжируются с учетом максимального количества факторов, поэтому благодаря алгоритмам поисковых систем все равно на первый план выходят лучшие и максимально релевантные конкретным запросам.

Высокий уровень конкуренции заставляет развиваться и искать новые способы и методы предоставления информации, стимулирует и заставляет расти, мы можем утверждать, что социальная сеть Instagram является динамично развивающейся социальной сетью в мире. Мы полагаем, что феномен популярности социальной сети Instagram заключается в возможности формирования пользователем собственной, индивидуальной симулятивной реальности.

Подводя итог, можем сказать, что в процессе исследования были проанализированы тенденции развития Instagram и специфические особенности блогинга на этой платформе, а также что на протяжении всего существования приложения разработчики всесторонне расширяют функционал и инструментарий, позволяющий пользователям более креативно выкладывать свои фотографии. На основании анализа коммуникационной сущности социальной сети Instagram можно сделать выводы:

- сеть выступает в качестве универсальной публичной площадки, предоставляющей возможность как для неформального общения, так и для официальных коммуникаций;
- аудитория все больше внимания обращает на такие элементы как бэкграунд или личный контент;
- высокую роль в социальной сети Instagram продолжают удерживать блогеры различного масштаба.

Библиографический список

1. Исследование поведенческого фактора в Instagram от агентства Julia Marketing и Института Онлайн Профессий // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://julia-marketing.ru/trends2021>
2. Мирошниченко А. Новые медиа : «Ты можешь тоже!» 28.09.11 [Электронный ресурс] Режим доступа: opcn.space.ru/mcmedia/projects/19888/details/30569.

References

1. Instagram Behavioral Factor Entertainment Julia Marketing Equestrian Agency and Institute Online Profession/[Electronic Resource] - Access PJim: <https://julia-marketing.ru/trends2021>
2. Miroshnichenko A. New media: "You can too!" 28.09.11 [Electronic resource] Access mode: opcn.space.ru/mcmedia/projects/19888/details/30569.

УДК 659.19

*Санкт-Петербургский
государственный университет
промышленных технологий
и дизайна, Институт
бизнес-коммуникаций
доктор филологических наук
профессор кафедры рекламы
и связей с общественностью
Боева Г.Н.
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: g_boeva@rambler.ru*

*St. Petersburg State University of Industrial
Technology and Design
Institute of Business Communications
The chair of Advertisement and Public Relations
Dr. of Philological Sciences
Professor*

*Boeva G.N.
Russia, S.-Peterburg,
e-mail: g_boeva@rambler.ru*

Г.Н. Боева

«КЛАССИКИ НА СЛУЖБЕ»: ОБ АКТУАЛЬНЫХ РЕКЛАМНЫХ СТРАТЕГИЯХ

Русская классика рассматривается в терминах социологической теории П. Бурдьё – как «культурный капитал», который в российском, традиционно литературоцентричном культурном пространстве поддается удачной конвертации в другие виды капитала, включая экономический и символический. На примере актуальных текстов, взятых из рекламного дискурса, автор демонстрирует стратегии использования «культурного капитала», выделяя среди них успешные / неуспешные и обнаруживая культурно-просветительский и воспитательный ресурс данных стратегий. Коммуникативные неудачи в использовании образов писателей объясняются непониманием особенностей писательских литературных репутаций или недооценкой культурных особенностей контекста восприятия. Утверждается актуальность для рекламного пространства образов, восходящих к отечественной словесности, которая продолжает восприниматься как матрица культуры, «собирающая» население в нацию.

Ключевые слова: реклама, классика, образ писателя, литературная репутация, культура, дискурс.

G.N. Boeva

«CLASSICS IN SERVICE»: ABOUT CURRENT ADVERTISING STRATEGIES

Russian classics are considered in terms of P. Bourdieu's sociological theory – as «cultural capital», which in the Russian, traditionally literary-centric cultural space lends itself to successful conversion into other types of capital, including economic and symbolic. On the example of current examples from advertising discourse, the author demonstrates strategies for using «cultural capital», highlighting among them successful/unsuccessful and discovering the cultural, educational and educational resource of these strategies. Communicative failures in the use of images of writers are explained by a lack of understanding of the features of literary reputations of writers, an underestimation of the cultural features of the context of perception. The relevance to the advertising space of images dating back to domestic literature, which continues to be perceived as a matrix of culture that «collects» the population into a nation, is affirmed.

Key words: advertising, classics, image of the writer, literary reputation, culture, discourse.

Когда в 2019 г. отечественным аэропортам решили присвоить имена великих людей, среди них оказалось немало писателей (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов, В. Г. Белинский, Г. Тукай и др.). Благодаря своей общероссийской известности именно писатели идеально подошли на роль «амбассадоров» территориальных брендов: сказались наследие литературоцентричной эпохи и надежная укорененность классиков в школьной программе.

Некоторые парадоксы этих номинаций немедленно оказались в фокусе внимания анонимных создателей мемов – вирусных картинок, тиражируемых с помощью интернет-технологий. Например, на предложение дать аэропорту в Архангельске имя Ломоносова в сети отреагировали картинкой,

изображающей русского реформатора со следующей подписью: «*Не на обозе, и на том спасибо*». В Петербурге неожиданно в результате народного голосования победил Достоевский, однако в список утвержденных номинаций он не вошел. Объяснение напрашивается следующее: литературная репутация этого, бесспорно, одного из самых «петербургских писателей» не вызывает оптимистических ассоциаций, необходимых пассажиру. Этот выбор тоже был иронически отрефлексирован в сети: «*В связи с присвоением аэропорту “Пулково” имени Федора Достоевского поступило предложение переименовать залы следующим образом: общий зал “Униженные и оскорбленные”, бизнес-зал “Бесы”, отсек для опоздавших “Идиоты”, зона досмотра “Преступление и наказание”*». Прочитанный интернет-комментарий – доказательство того, что при выборе «героя рекламы», как и при выборе любого «амбассадора» бренда, недостаточно опираться на большинство голосов – необходимо еще оценить соответствие «рекламной функции» литературной репутации писателя [1]. О литературной репутации Достоевского в силу своей максимальной стереотипности дают наглядное представление те же интернет-мемы: «*Мне мешает быть счастливым Достоевский в голове*»; «*Депрессия не приходит одна – она приходит с Достоевским*» и т. п. Целый ряд мемов ассоциируют творчество Достоевского с русской литературой в целом в контексте ее депрессивности, тяготения к теме смерти. Очевидно, что специалист в выборе рекламных и брендовых стратегий должен опираться на знание о вкладе писателя в культуру и об особенностях его рецепции, особенно – современниками, ведь именно они окажутся потребителями рекламируемой продукции с культурным контентом.

Однако в выборе данных рекламных стратегий есть и удачи – те же интернет-мемы могут стать надежным «мостом», переброшенным из сферы культуры в сферу социальных отношений.

Социальный «мемо-проект», стартовавший в 2012 г., апеллирует к образам классиков, которые должны мотивировать к чтению: креаторы московского агентства *SLAVA* «надели» на российских классиков (Пушкина, Толстого и Чехова) спортивные костюмы и «заставили» их произносить жизнеутверждающие советы – каждого в соответствии с его литературной репутацией и характером творчества. Так, «тренер Пушкин» рекомендует: «*Начинай с небольших текстов, постепенно увеличивай нагрузку*», «тренер Толстой»: «*Не сдавайся: на 500-й странице откроется второе дыхание*», Чехов: «*3 подхода по 7 страниц ежедневно – и результат заметен через неделю*» [2]. Как видим, подписи к изображениям классиков учитывают представления об их литературной репутации и специфике творчества. Подобные мемы были бы действительны не только в социальной, но и в коммерческой рекламе самых разнообразных социально-культурных практик (вплоть до ЗОЖ и фитнес-хаусов).

Еще одним удачным проектом стали рекламные мемы «Классики против пиратства» (2013 г.) – работа агентства *JWT Russia* для Российского книжного союза [3]. Авторы показали, кем были бы классики русской литературы и чем они зарабатывали бы себе на жизнь, если бы сетевое пиратство помешало им «сделать карьеру» в области словесности: изображены Чехов-врач, Есенин-мясник, Горький-пекарь и Достоевский-игрок (замечу, что последний был по образованию военным инженером).

Итак, реклама с привлечением «культурного капитала» [4] зачастую требует историко-культурного «конвоя» – разумеется, в соответствии с особенностями целевой аудитории. В выборе «культурных рекламных сюжетов» следует руководствоваться культурной пресуппозицией потенциальных потребителей – их знакомством с творчеством и биографией писателей хотя бы в объеме школьной программы, которая, в сущности, копирует «литературный национальный канон». Если руководствоваться при создании рекламы эстетическим вкусом, учитывать культурный контекст, бережно воссоздавать культурные реалии, то можно придать рекламе не только коммерческую и социальную значимость, но и культурно-просветительскую ценность. Апелляция к образу писателя и художественным текстам в практиках повседневности говорит о непреходящем значении словесности как матрицы культуры, «собирающей» население в нацию.

Библиографический список

1. Машковцева Л. Ф. Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» // Дискуссия. 2012. № 2 (20). С. 173-174.
2. Классики русской литературы прочли рэп [Электронный ресурс]. URL: https://www.sostav.ru/news/2012/05/31/slava_rospechat/ (дата обращения 23.02.2021).

3. Классиков вернули к изначальным профессиям [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/klassikov-vernuli-k-iznachalnym-professiyam-2950.html> (дата обращения 23.02.2021).

4. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

References

1. Mashkovtseva L.F. Historical and cultural origins and problems of studying the concept of «literary reputation» // Discussion. 2012. № 2 (20). p. 173-174.

2. Classics of Russian literature read rap [Internet source]. URL: https://www.sostav.ru/news/2012/05/31/slava_rospechat/ (date of application: 23.02.2021).

3. Classics returned to their original professions [Internet source]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/klassikov-vernuli-k-iznachalnym-professiyam-2950.html> (date of application: 23.02.2021).

4. Bourdieu P. Field of Literature // New Literary Review. 2000. № 45. p. 22-87.

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail:
invisible2editor@gmail.com*

*Магистрант 2 курса
направления «Журналистика»
Богатырев В.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(952)109-00-14
e-mail: bogatyriov97@mail.ru*

*Master student of the 2nd-year
(qualification «Journalism»)
Bogatyrev V.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(952)109-00-14
e-mail: bogatyriov97@mail.ru*

Т.А. Воронова, В.В. Богатырев

ФОТО- И ВИДЕОКОНТЕНТ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОНВЕРГЕНТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье представлено описание особенностей фото- и видеоматериалов в рамках конвергентной журналистики, а также использования данных материалов современными медиаресурсами. Проанализированы функции данного контента, его виды и значимость как особого вида творческой деятельности журналиста и неотъемлемой части сегодняшнего медиапространства. Статья рекомендована студентам, обучающимся по направлению «Журналистика».

Ключевые слова: конвергенция, контент, фотоматериалы, видеоконтент, визуальный контент, Интернет, СМИ, цифровые технологии.

Т.А. Voronova, V.V. Bogatyrev

PHOTO AND VIDEO CONTENT IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF CONVERGENT JOURNALISM

The article presents the specificity of photo and video materials in the frame of convergent journalism and their usage by modern media resources. The functions of the given content are analyzed as well as its types and significance as a special kind of journalistic creativity and an undividable part of today's media space. The article can be recommended for the students of journalism faculties.

Key words: convergence, content, photo materials, video content, visual content, the Internet, mass media, digital technologies.

Современное общество, постоянно пребывающее в процессе получения информации, требует развития традиционных и поиска новых решений того, как эту информацию преподнести и транслировать. В таких условиях преобразование традиционной журналистики в конвергентную едва ли можно назвать неожиданностью.

Появление Интернета в первое время считалось рождением некоей цифровой библиотеки, однако его реальные возможности оказались намного шире и сложнее, чем изначально предполагалось. Востребованность «всемирной паутины» в теперешнем мире неоспорима. Как показали исследования «We Are Social» и «Hotsuit», «в 2020 году Интернетом пользовался 81% россиян, причем значительная часть аудитории пользовалась смартфонами для выхода в «онлайн» [1]. В среднем, как продол-

жают сообщать исследователи, ежедневно у потребителя уходит свыше 6 часов на общение и получение контента в Сети (при том, что на сон и работу приходится по 8 часов в сутки).

Само понятие «контент» также вошло в обиход и закрепилось благодаря Интернету. Под контентом (от англ. content – содержание, содержимое) понимается любой вид информации, составляющей содержание инфопродукта. Его можно разделить на аудио-, видеоконтент, графику и текст. В данной статье более подробно будет рассмотрен фото- и видеоконтент в контексте конвергентной журналистики.

При массовой доступности Интернета крупные СМИ обрели возможность заводить собственные веб-страницы. В ходе освоения редакциями, студиями и телекомпаниями Интернета стало очевидным, что взаимодействие с аудиторией может происходить и в Сети. Сам же термин «конвергенция» (от латинского *convergere* – приближаться, сходиться) используется в разных научных дисциплинах. В сфере журналистики оно стало синонимом крупных изменений в медиaprостранстве. Наиболее полно его раскрывает российский журналист и социолог Е.Л. Вартанова.

Конвергенция – это слияние платформ и технологий, которое позволяет доставлять пользователю информацию с помощью различных носителей и приводит к сближению медиарынка с другими. Иными словами, сущность конвергенции заключается в том, что традиционные журналистские формы преобразовываются и образуют новые. По словам Е.Л. Вартановой, «в основе технологической конвергенции медиа лежит процесс дигитализации, перевода содержания в цифровую форму, который позволяет «уравнять» печатное слово и движущееся изображение. Цифровой формат содержания позволяет осуществлять его распространение в различных формах вне зависимости от конкретной индустрии СМИ и технологических платформ» [2; с. 11]. Примером конвергентного контента может служить видеотрансляция радиоэфира или цифровые изображения страниц журнала на персональном электронном носителе, например, на смартфоне.

Современный визуальный контент необходим читателю для большего вовлечения в материал. Согласно теории клипового мышления, которая была озвучена американским социологом Элвином Тоффлером, сегодняшняя аудитория воспринимает информацию яркими фрагментами и удерживает ее в своем внимании только на несколько мгновений [3; с. 97-98]. При этом заинтересовать современного потребителя контента довольно трудно, поэтому в ход идут различные выразительные средства. Чтобы как можно дольше удерживать интерес своего читателя, не «отпустить» его к конкурентам, необходимо текстовое содержание сопровождать визуальным наполнением.

Фотоконтент, как правило, представлен в журналистских материалах фотографиями, коллажами, рисунками, репродукциями произведений искусства, диаграммами и схемами [4; с. 134]. Появление data-журналистики также повысило популярность такого вида изображения, как инфографика – графического способа передачи информации с использованием изображений, текста и цифр. С ее помощью журналисты передают сложные для восприятия факты, излагают последовательность событий или наглядно представляют большой свод данных о чем-либо.

В условиях конвергенции журналист становится универсальным работником – на нем может лежать ответственность за создание текста, сопроводительного материала, его монтаж и обработку. Впрочем, все это он может выполнять на единственном носителе.

В данном случае преимущество конвергенции состоит в том, что оказавшийся на месте событий журналист может направить в редакцию материалы, сделанные буквально секунду назад. На передачу информации с помощью смартфона и Интернета теперь уходит в разы меньше времени, чем, например, у автора печатного издания, который снимал репортажи десятилетие назад.

Благодаря техническому прогрессу стать первым и сложно и легко одновременно – все зависит от навыков корреспондента. В его силах сделать фотосюжет из нескольких фотографий, надиктовать текст новости и направить редактору для публикации.

Отдельно следует отметить возможности современной мобильной техники. Производители предлагают для покупки гаджеты с двойной и даже тройной камерой, позволяя делать широкоформатные снимки высокого качества, которые могут соревноваться по качеству с кадрами, сделанными с помощью специальной фототехники.

Конвергенция предоставила авторам материалов немалые возможности для визуального наполнения текста. Теперь журналист может использовать уже готовые изображения для оформления главной иллюстрации к статье из открытых банков фотографий. Это позволяет сэкономить время и сосредоточиться на редактуре и написании материалов.

Конвергенция позволяет сделать достоянием общественности официальные документы, которые попадают в распоряжение редакции и при помощи специальных технических средств переводятся в электронный формат. Это особенно важно, поскольку достоверность и наглядность источника вызывает у читателя больше доверия.

Здесь же можно указать такую техническую особенность, как создание скриншотов – снимков экрана и стоп-кадров видеозаписи. В первом случае журналист может проиллюстрировать какую-либо информацию, приложив скрин переписки. Особенно часто это можно встретить в расследованиях, где автор разоблачает героев и предоставляет наглядные доказательства из личной переписки. Такие скриншоты способны делать и сами читатели, предоставив их затем напрямую журналисту.

Создание стоп-кадра также помогает журналисту проиллюстрировать материал в том случае, если у него нет уникальных снимков, но есть видеозапись, собственная или из чужого источника. Для скриншотов часто характерно низкое качество изображения, но на них можно увидеть общие черты происшествия.

Все вышеизложенные примеры можно подтвердить на примере материалов портала «Вести Воронеж». Телеканал «Вести Воронеж» публикует на своей странице как видеосюжеты, так и текстовые материалы, сопровождаемые фото- и видеоконтентом.

В новостной статье «Камеры записали момент смертельного ДТП на Шишкова в Воронеже» от 27 марта 2021 года автор материала для главной иллюстрации использовал скрин из видео, о котором идет речь [5]. Таким образом, он анонсирует читателю, какой видеоматериал его ждет. Фотография для статьи «В Воронежской области COVID унёс ещё 14 жизней» была выбрана на портале фотобанка Pixabay, о чем говорит пометка рядом с изображением [6]. А материал «Мэрия показала на фото, как центр Воронежа выглядит без подсветки» проиллюстрирован снимком, который был предоставлен непосредственно мэрией Воронежа. В данном случае он стал главным объектом новости. И если во время телеэфира его можно будет увидеть только в тот момент, когда его покажут зрителям, то сетевой портал телеканала предлагает вернуться и ознакомиться со снимком в любой удобный для читателя момент.

В качестве негативных аспектов конвергенции можно назвать обширное количество контента, который создают обычные пользователи. Они вправе предоставить разрешение на размещение их уникального материала на особых условиях либо не предоставить его вовсе. В этом плане и читатель, и журналист находятся будто бы наравне, и между ними происходит своего рода соревнование за более свежий контент. Авторы пособия «Мультимедийная журналистика» отмечают, что не все создатели контента в действительности желают быть авторами: «В реальности не все и не всегда хотят быть авторами. «Тяжелых», инициативных авторов, на самом деле, относительно немного (хотя все равно гораздо больше, чем за всю историю)» [7, с. 72].

Рассмотрим далее видеоконтент в контексте конвергенции. Для начала определим, как он представлен на современных платформах.

Главным производителем видеоконтента в первую очередь нужно назвать телеканалы. На своих цифровых платформах телекомпании предоставляют доступ к уже отснятым видеосюжетам. Часто к новостным выпускам прилагают текстовую расшифровку. Никуда не исчезли специально снятые видеофильмы, социальные рекламы, клипы и передачи. Помимо прочего, актуальный видеоконтент пополнился новыми видами видеоизображений: короткие ролики (TikTok, Coub), gif-анимация, «сторис» (Instagram), видеоподкасты, а также видео в формате 360° (основанное на технологиях 3D и виртуальной реальности).

Отдельно стоит упомянуть прямые эфиры, которые стали неотъемлемой частью не только конвергентной журналистики, но и социальных сетей. Во-первых, сегодня многие телеканалы дублируют на своем портале прямую трансляцию канала. Помимо почти синхронного вещания, у зрителя есть возможность поставить на паузу или перемотать видео на нужный момент, чтобы пересмотреть его еще раз. Прямые эфиры запускаются изданиями и телеканалами с места крупных событий. Как правило, трансляции идут во все социальные сети телеканала.

Во-вторых, многие радиостанции активно используют прямые эфиры на своих порталах, практически уравнивая себя с телевидением. Пока в студии находятся ведущие и герои, идет вещание на определенную волну, и пользователь Интернета видит все происходящее на своем экране. В данном случае он уже не просто слушатель радиостанции, но и ее зритель.

На портале уже упомянутого канала «Вести Воронеж» можно найти примеры вышеуказанных форм. Так, посетитель сайта может открыть страницу, на которой загружена видеозапись итогового выпуска новостей за 26 марта. Под видеороликом для удобства навигации зрителю кратко перечисляют сюжеты и прилагают гиперссылку к каждому из них. При желании он также может включить итоговый выпуск и смотреть их все в одной видеозаписи. В разделе «Радио» также представлены выпуски разных передач, которые оформлены в видео видеозаписи – в качестве изображения редакторы ставят тематическую картинку, которая не меняется, а в это время идет воспроизведение аудиозаписи эфира. Тем не менее, сайт «Вести Воронеж» не содержит специальной страницы для просмотра прямого эфира. Как правило, у таких крупных каналов, как «Первый» или «Россия 1», такая функция предусмотрена.

Итак, какие преимущества получил видеоконтент благодаря конвергенции? Несомненно, это возможность дойти до зрителя вне зависимости от течения прямого эфира. Благодаря интернет-соединению аудитория уже не привязана к конкретному времени выпуска и может смотреть его в удобный для себя момент.

Разнообразие технических возможностей также делает пользователя более вовлеченным в процесс создания контента. Теперь можно видеть, что происходит в студии радиостанции, наблюдать за событием в рамках прямого эфира и не ждать выпуска новостей. Форма обратной связи дает возможность задавать вопросы журналисту сразу же, не набирая номер редакции. Так сокращается расстояние между аудиторией и командой профессионалов.

Журналист получает больше пространства для творчества: текстовые материалы выглядят более красочно и интересно, если их разбавлять gif-анимацией или соub-роликами. Практически любой замысел можно реализовать с помощью одного лишь телефона и программы для монтажа. Но одновременно возникает конкуренция между обычным блогером и журналистом. Создавая уникальный контент, который может понравиться аудитории, блогер усложняет условия работы профессионала.

Ведение прямых эфиров на портале радиостанции может создавать дополнительный стресс как для ведущих, так и для гостей передачи. Основатель образовательного проекта «MediaUp» и журналист Алла Котова так описывает свой опыт работы в прямом эфире: «Я помню свою минуту. Крик режиссёра: «Алла! Ты чего так тарачишь глаза в камеру! Делай, что хочешь, но расслабься — у тебя 30 секунд». А я была уверена, что не смогу произнести ни слова и так бесславно закончится моя карьера на ТВ» [8].

Как и любое явление, конвергенция приносит как положительные, так и отрицательные изменения в существующий порядок вещей. Активное внедрение современных цифровых технологий, Интернета, появление непрофессиональных авторов и даже образ жизни современного человека – все это диктует правила того, как журналисту следует создавать и доносить контент до своей аудитории.

Фото- и видеоконтент, с одной стороны, стал разнообразнее и еще более доступнее для потребителя. Вместе с тем от журналиста как никогда требуется быть универсальным работником редакции, быть в нужное время в нужном месте и более гибко подходить к созданию материала. Нельзя отрицать тот факт, что мир меняется, а вместе с ним меняются потребности аудитории и способ потребления информации. Журналистика как четвертая власть должна принимать правила игры и меняться вместе с ними.

Библиографический список

1. EX Libris: агентство медийных исследований. Исследование от «We Are Social» и «Hootsuite». URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (дата обращения: 30.03.2021).
2. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. № 5. 1999. С. 11-14.
3. Романов Н.А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 97-106.
4. Ворон Н.И. Жанры фотожурналистики: учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». М.: Факультет журналистики, 2012. 145 с.
5. Вести Воронеж. Вып. от 27.03.2021. URL: <https://vestivrn.ru/news/2021/03/27/kamery-zapisali-moment-smertelnogo-dtp-na-shishkova-v-voronezhe/> (дата обращения: 29.03.2021).
6. Вести Воронеж. Вып. от 28.03.2021. URL: <https://vestivrn.ru/news/2021/03/28/v-voronezhskoi-oblasti-covid-unes-eshyo-14-zhiznei/> (дата обращения: 30.03.2021).

7. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов/ под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 413 с.

8. Медиа Нетологии. URL: <https://netology.ru/blog/live-translyaciya> (дата обращения: 31.03.2021).

References

1. EX Libris: the agency of media researches. The research by «We Are Social» and «Hootsuite». URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (date of application: 30.03.2021).

2. Vartanova E.L. What does the convergence of mass media lead to? // Informational Society. Vol. 5. 1999. P. 11-14.

3. Romanov N.A. Clip culture in modern media space // Person. Culture. Education. 2017. Vol. 3 (25). P. 97-106.

4. Voron N.I. Genres of photo journalism: a course book. Moscow, 2012. 145 p.

5. Vesti Voronezh. 27.03.2021. URL: <https://vestivrn.ru/news/2021/03/27/kamery-zapisali-moment-smertelnogo-dtp-na-shishkova-v-voronezhe/> (date of application: 29.03.2021).

6. Vesti Voronezh. 28.03.2021. URL: <https://vestivrn.ru/news/2021/03/28/v-voronezhskoi-oblasti-covid-uneseshyo-14-zhiznei/> (date of application: 30.03.2021).

7. Multimedia journalism: a course book / ed. by A.G. Kachkaeva, S.A. Shomova. Moscow, 2017. 413 p.

8. Media of Netology. URL: <https://netology.ru/blog/live-translyaciya> (date of application: 31.03.2021).

УДК: 81

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общественных процессов, СМИ и рекламных технологий,
Зотова Анна Сергеевна,
Москва, Россия
annazot@bk.ru
+7(968)822-63-51

K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management
PhD in Philology,
Docent of the Department of Public Processes, Mass Media and Advertising Technologies
Zotova Anna Sergeevna
Moscow, Russia
annazot@bk.ru
+7(968)822-63-51

А.С. Зотова

КОММУНИКАТИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ

В статье рассматриваются современные коммуникативные практики и стратегии, применяемые журналистами при создании медиатекстов, публикуемых в интернет-СМИ. Новый период развития медиадискурса характеризуют такие критерии, как поликодовость, интертекстуальность и мультимедиальность, появившиеся в условиях цифровизации информационного пространства и использования широкого инструментария информационно-коммуникационных технологий. Среди различных технических и языковых средств, которыми пользуются журналисты для реализации своих авторских интенций, актуальным и эффективным являются возможности современного словообразования. Контент интернет-СМИ представлен разнообразием авторских неологизмов и окказионализмов, участвующих в передаче таких коммуникативных стратегий, как языковая игра, оценочность и разговорность. Эти особенности языка СМИ дают возможность журналисту оказывать воздействие на аудиторию и формировать языковую картину мира с проекцией на современную действительность.

Ключевые слова: медиадискурс, словообразование, интернет-СМИ, поликодовость, журналистская интенция, реклама

A.S. Zotova

COMMUNICATIVE WORD-FORMING PRACTICES OF MODERN MEDIA TEXTS OF INTERNET MASS MEDIA

The article deals with modern communication practices and strategies used by journalists when creating media texts published in online media. The new period of development of the media discourse is characterized by such criteria as polycode, intertextuality and multimedia, which appeared in the conditions of digitalization of the information space and the use of a wide range of information and communication technologies. Among the various technical and linguistic means that journalists use to implement their author's intentions, the possibilities of modern word formation are relevant and effective. The content of the Internet media is represented by a variety of author's neologisms and occasional expressions that are involved in the transmission of such communication strategies as language play, evaluativeness and colloquialism. These features of the language of the media allow the journalist to influence the audience and form a linguistic picture of the world with a projection on modern reality.

Key words: media discourse, word formation, internet media, polycode, journalistic intent, advertising

Современный медийный текст демонстрирует трансформацию коммуникативных тактик авторов-журналистов, поскольку клише и штампы, официозность и стандарт медиатекст заменил на творческий подход, оценку и полемику с аудиторией, в особенности, в интернет-СМИ. Одной из основных задач медиаконтента является привлечение внимания целевой аудитории, взаимодействие с ней через текст и визуализацию, а также воздействие на общественное сознание. Эти перемены стратегии, безусловно, оказали

личные языковые уровни. Особенно ярко и открыто эта тенденция отражается в интернет-изданиях, поскольку цифровые технологии предоставляют широкий инструментарий организации и выражения не только текста, но и авторского замысла. Современный интернет-контент СМИ представляет собой синергию вербальных и визуальных средств отображения реалий, картины мира, журналистских интенций. Мультимедийность, интертекстуальность и поликодовость – основные характеристики медиатекстов нового времени, которые дают возможность представить целевой аудитории новость, событие в «живом», интерактивном формате (текст, фотография, видео, аудио, ссылка на другие информационные ресурсы или площадки, дизайн, инфографика и т.д.).

Все эти особенности создания контента интернет-СМИ являются эффективными с точки зрения привлечения внимания и воздействия на общественное мнение. Однако не только цифровые технологии способствуют новому типу позиционирования СМИ, но и средства языка активно задействованы журналистами, поскольку медиа – это прежде всего текст.

Среди языкового инструментария мы в нашем исследовании отметили следующие:

- 1) появление большой доли периферийной новой лексики;
- 2) символичность оценочной лексики, как в сторону положительной, так и в сторону отрицательной демонстрации оценивания события/явления/персоны, создаваемой с помощью словообразовательных технологий.

Сегодня широко распространены и заслуженно пользуются популярностью среди журналистов и блогеров такие коммуникативные стратегии, как игровая стратегия, стратегия оценки и стратегия разговорности.

Игровая стратегия

Язык медиадискурса в наше время пестрит лексикой, образованной при помощи словообразовательной игровой стратегии, которая способна показать в материале прагматическую направленность контента и стремление автора не к словотворчеству, как таковому, в художественном аспекте, а к словотворчеству, с помощью которого можно выразить свою позицию, привлечь внимание аудитории, воздействовать на нее. Игровое словообразование наиболее активно применяется в заголовках материалов, поскольку заголовок сегодня работает сродни слогану или логотипу, делая текст заметней в сетевом информационном пространстве, среди других текстов и новостных хроник. Языковая словообразовательная игра наиболее эффективна при юмористическом настроении, использовании окказионализмов и неологизмов для коммуникации с аудиторией. Установка на экспрессию и оценку приводит к созданию экспрессивных номинативно-обязательных единиц. Приведем примеры: *коронакризис, Гульфликгейт, От фуфломизнинов к фуфловирам, Кинь-за-за, Обнулэнд, охоторядцы, фаШИЕСты, протест-драйв, Мосгортеррор, постковидный синдром, Сибириада* и др.

Эмпирические данные подтверждают нашу мысль о том, что стратегия игры в медиатекстах получила широкое применение, так, в частности, материал интернет-газеты насыщен игровыми языковыми элементами (слова, сочетания слов и т.д.). Творческий подход побеждает клише и стандарт, стилистическое разнообразие текстов журналистов есть свидетельство того, что языковая игра помогает создавать точные ассоциации с интенциями автора, той мыслью, которую он хочет выразить в своем материале. Образность, поликодовость, креативность – новые приметы современного медиаконтента, популярность которых достигается не только с помощью стилистических или лексических приемов, но и с помощью словообразовательных техник, имеющих большие возможности для работы с текстами) и реализующих игровую стратегию.

Стратегия оценки

Информационная картина мира меняется в новостной повестке ежедневно, происходящие события и явления представлены в интернет-СМИ не только в хрониках дня, но и в различных жанрах (статья, заметка, репортаж, интервью, расследование и т.д.). В этом жанровом разнообразии мы видим констатацию фактов, анализ, попытки понять и описать суть происходящих событий. Зачастую автор-журналист не просто стандартно описывает происходящее, а прибегает к оценочности, выбирая то или иное отношение к реалиям нашей жизни. Стратегия оценки эффективный инструмент не только для привлечения внимания аудитории, но и воздействия на общественное сознание, когда читателю дают «готовое» отношение к той или иной проблеме или теме обсуждения. Оценочность – это «универсальная черта публицистического дискурса, которая проявляется в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в соотношении позитивных и негативных деталей, а также в специфических лингвистических средствах» [1, 2008]. Оценочная языковая картина мира формируется с помощью различных

языковых средств (лексика, стилистика, словообразование и проч.), когда создаются новые лексемы, добавляются оттенки семантических значений в уже известные, зафиксированные в словарях, наблюдается стилистическое разнообразие заголовков статей и др. Сегодня выделяют два типа оценочной лексики:

- 1.эмотивно-оценочную;
- 2.идеологически-оценочную.

Так, например, в политико-экономической и общественно-политической медийной повестке доминирует идеологически-оценочная новая лексика, что тесно связано с экстралингвистическими факторами, поскольку вопросы политики, экономики и общества являются всегда первоочередными и входят в ежедневную информационную повестку. Приведем примеры: *Рельсотрон жажнул, пандемия жадности, Русь-двойка, обыкновенный американизм, страна Заброшка, конец КосмоКурса, Углеводородина, мозгохлёбы, кодекс нечисти* и др.

Стратегия разговорности

В условиях стремления медиадискурса к воздействию и привлечению внимания целевой аудитории, все более востребованным становится экспрессивно-оценочный, разговорный стиль современной лексики. «Разговорные экспрессивы образуют разряды неодобрительной, фамильярной, презрительной, иронической, шутливой лексики, т.е. имеют в коннотативном значении дополнительные семы» [2, 2009]. Язык медиатекстов ориентирован на разговорную, живую, «настоящую» речь, которая дает возможность сделать взаимодействие журналиста и читателя более открытым, близким, в некоторой степени доверительным. Стратегия разговорности способна обеспечить трансформацию такого взаимодействия, достичь непринужденного, неофициального «диалога» с аудиторией. Разговорное речевое поведение позволяет автору быть ближе к читателю, повысить коммуникативный эффект от материала. Следует отметить, что стратегия разговорности очень активно используется в комментариях подписчиков и ответах журналистов (например, ютуб-канал «Эхо Москвы» и др.), что стало новым веянием в медиакommunikации и поводом для научных исследований.

Стратегия разговорности передает определенную позицию автора-журналиста, которая часто может переходить в позицию уже не индивидуальную, а общественную. Приведем примеры: *игра в обнимашки, «закупорка» Суэцкого канала, каляка-малява, операция «Условка», детшикам на молочишко, Как кэнселить Гёббельса?, #поуши, Графиг вам!, киска с пропиской, О, майнинг God* и др.

Таким образом, ориентация современных интернет-СМИ на коммуникативные практики, реализующие стратегии игры, оценки и разговорности, придает медиатекстам интернет-СМИ (и не только) легкость, разнообразие, эмоциональную окраску и экспрессию, сближает журналиста и читателя, сокращает дистанцированность, а значит, сигнализирует аудитории, что автор – «свой», говорящий на одном языке, понимающий те или иные проблемы, происходящие в обществе и стране. В свою очередь, с точки зрения жизни языка, это стратегии обогащают языковое пространство журналистики и аудитории, делают его разнообразным, живым и подвижным. Коммуникативные стратегии, имеющие довольно широкий инструментарий, способны не только участвовать в создании медиаконтента, но и воздействовать на общественное сознание, менять и корректировать языковую картину мира.

Библиографический список

1. Клущина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М., 2008.
2. Шайдорова Ю.А. Лексика разговорного употребления в языке газеты: автореф.дисс.на соиск.уч.степ.к.филол.н. – Белгород, 2009.
3. Аргументы и факты // <https://aif.ru/>
4. Комсомольская правда // <https://www.kp.ru/>
5. Новая газета // <https://novayagazeta.ru/>

References

1. Klushina N.I. Stilistika publicisticheskogo teksta. – M., 2008.
2. Shajdorova Y.A. Leksika razgovornogo upotrebleniya v yazyke gazety: avtoref.diss.na soisk.uch.step.k.filol.n. – Belgorod, 2009.
3. Argumenty i fakty // <https://aif.ru/>
4. Komsomol'skaya pravda // <https://www.kp.ru/>
5. Novaya gazeta // <https://novayagazeta.ru/>

УДК 811.161

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

доктор. соц. наук, профессор кафедры управления персоналом

Коростылева Н.Н.

Россия, г.Москва, тел. +7(910)469-76-61;

e-mail: nn.korostyleva@igsu.ru

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Personnel Management

Korostyleva N.N.

Russia, Moscow +7(910)469-76-61;

e-mail: nn.korostyleva@igsu.ru

Н.Н. Коростылева

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Интернет становится частью нашей реальности, и огромную роль в ней играют социальные сети. Они оказывают существенное влияние на формирование женского образа, так как большинство их аудитории – женщины. Особенно ярко они представлены в сети Инстаграм. В постах и комментариях к ним пользователи сети создают неповторимую «паутину» языковой картины мира современных женщин, отражая происходящие в жизни социальные изменения. Статья на наглядных примерах показывает языковые средства формирования женского образа. Текст-комментарий к фотографиям и оценочные суждения подписчиков создают канал формирования женского образа в социальных сетях.

Ключевые слова: языковые средства, женский образ, социальные сети, Инстаграм

N. N. Korostyleva

LINGUISTIC MEANS OF FORMING A FEMALE IMAGE IN SOCIAL NETWORKS

The Internet is becoming a part of our reality, and social networks play a huge role in it. They have a significant impact on the formation of a female image, since the majority of their audience is women. They are especially vividly represented on the Instagram network. In the posts and comments to them, netizens create a unique "web" of the linguistic picture of the world of modern women, reflecting the social changes taking place in life. The article uses illustrative examples to show the linguistic means of forming a female image. Text comments on photos and value judgments of subscribers create a channel for the formation of a female image in social networks.

Keywords: language means, female image, social networks, Instagram

Современное общество не мыслит себя без интернета, который кардинально изменил коммуникации в постиндустриальную эпоху. Он стал медиаплощадкой повседневного общения, создавая целостную систему «виртуальных миров», субъектами которых выступают как реальные, так и виртуальные личности, группы или сообщества. Как отмечает М. Кастельс, интернет-мир стал «сетевым пространством», где происходит обмен ресурсами, информацией, технологиями, изображениями и т.д. [2].

Интернет стал частью виртуальной социальной реальности. Он состоит из многочисленных площадок с предоставлением открытого доступа всем желающим к созданию и оценке текстов, фотографий, картинок, аудио- и видеопроодукции, обмена мнениями в постоянном временном потоке.

Интернет очень популярен, о чем говорят цифры, приведенные в исследовании Mediascop: в России в 2019 г. 93,6 млн человек пользовались интернетом ежемесячно, 90,7 млн человек заходили в сеть еженедельно, а 82,8 млн – ежедневно [1]. Большое место в интернет-пространстве занимают социальные сети. Они представляют собой онлайн-платформы, которые пользователи задействуют для построения общения, знакомств, создания социальных отношений с людьми, схожими по интересам, а также для развлечения (музыка, фильмы) и работы.

Визуализация контента социальных сетей привела к появлению таких совершенно новых платформ, как Instagram, Snapchat, Pinterest, Tumblr, которые стали видео- и фотохостингами, где сосредоточен огромный ресурс индивидуальных впечатлений, воспоминаний и документальных свидетельств. Одной из самых популярных сетей является Instagram. Она была создана в 2010 году американскими программистами К. Систром и М. Кригером изначально для создания и обмена фотографиями между пользователями. В настоящее время Instagram предлагает много возможностей: загрузка фото- и видеоконтента до 60 секунд, обработка фотографий, ведение прямых трансляций, ведение своего блога, размещение рекламы как способ заработка, образовательного контента и даже совершение онлайн-покупок. Российская аудитория Instagram растет, и по сравнению с 2018 годом на 2020 год она увеличилась на 9,7%, в основном за счет населения городов-миллионников [5]. Следует отметить, что Instagram привлекает прежде всего женскую аудиторию. Сеть насчитывает на 2020 год 27,6 миллионов участников, среди которых 57% женщин и 43% мужчин, причем преобладают женщины молодого возраста (25-34 года) [5]. Исследование, представленное Forbes, дает немного другие данные, но они существенно не отличаются от предыдущей статистики. Почти 60% пользователей в Instagram – женщины, а 40% – мужчины. Возрастные характеристики следующие: аудитория в возрасте 18-34 года составляет почти 67% всех пользователей российского Instagram. Подростки 13-17 лет менее активно пользуются сервисом, их доля составляет 12,3%, причем представительниц женского пола здесь тоже большинство (почти 67%). Однако по мере увеличения возраста мужчины более активно подключаются к социальной сети: так, в возрастной группе 25-34 года максимальная доля пользователей мужского пола достигла более 41%. [3].

Таким образом, женская аудитория в Instagram существенно превышает мужскую, что и позволило рассматривать данную сеть в качестве объекта исследования. В Instagram отражаются все гендерные процессы, показывающие трансформацию гендерных ролей и образов женщин. Языковые средства формирования женского образа в сети Instagram также рассматриваются нами как неразрывная часть позиционирования гендерных ролей и одновременно их создания. В постах и комментариях к ним пользователи сети создают неповторимую «паутину» языковой картины мира современных женщин, отражая происходящие в жизни социальные изменения. Как отмечает Т.С. Пиянзина, в текстах присутствует много слов с позитивной окраской; также для привлечения внимания авторы профилей используют средства интимизации: разговорную речь, вопросительные конструкции и призывы к действию (поставить «лайк», перейти по ссылке и т.д.) [3]. Проанализируем посты и комментарии некоторых самых ярких отечественных представительниц Instagram. На первом месте почти во всех рейтингах стоит Ольга Бузова.

Фото с красными розами. Комментарий под фотографией: *«Так приятно, когда тебя ценят и любят на работе @tatasvetlova @borodinavsbuzova Спасибо за такой шикарный букет роз . А какие у вас любимые цветы?»*

Ответы обычных пользователей-женщин.

Аккууана «Красавица»: Красавица! Цветы всегда идут женщинам ♡; ekaterina.kakant: «Какой шикарный букет.♥».

Фото с проекта «Ледниковый период». Черное платье, чувственный облик с качественным неярким макияжем
Текст Ольги: *«Доброе утро, мои хорошие * Уже 8 раз Вы выбираете нас лучшей парой – это такая колоссальная для нас ответственность 🙌♥ Нас выбирает зритель, отдавая свой голос, огромное Вам, безграничное спасибо. Такое счастье знать, что Вы на протяжении такого долгого времени поддерживаете нас, верите, проживаете вместе с нами взлёты и падения ♥»*

Поддержка со стороны подписчиков.

Olesia.montenegro: «Какая нежная на фото! Оля, только вперёд! С такой поддержкой всегда будешь первой!»;

magulis94: «Прекрасная моя девочка ♡»;

valeria.kovalenko: «Нежный цветочек ♡»;

plae: «Вы умничка! И невероятно сильный боец! Многие мужики бы уже плюнули и на лёд, и в судей, после того как вас завалили! А вы с улыбкой им новый роскошный номер! Сестрёнке скорейшего выздоровления!».

О. Бузова при помощи фотографий и комментариев к ним формирует женственный образ девушки, которая преодолевает трудности, уважает и любит себя, готова взяться на любую интересную работу, участвовать в конкурсах, вести активный образ жизни. Это типичный женский эмансипированный образ.

Языковые средства подчеркивают положительные стороны создаваемого образа. Обращение «*Мои хорошие!*» и «*Вы*» с большой буквы (не к одному человеку, а ко всем подписчикам, подчеркивая беспре-

дельное уважение к ним), вопрос, обращенный к читателям, выражающий заинтересованность в их жизни («А какие у вас любимые цветы?») сразу располагают к себе пользователей сети. Односложные простые предложения рассчитаны на быстрое прочтение и одобрение подписчиков. Кроме того, они очень эмоциональны за счет употребления эпитетов («такой шикарный букет», «такая колоссальная для нас ответственность», «огромное, безграничное спасибо», «такое счастье»). В этом контексте О. Бузова предстает перед поклонниками как человек очень эмоциональный, восторженный, оптимистичный, благодаря поддержке своих поклонников. И поклонники вторят ей, выражая не менее сильные эмоции, употребляя по отношению к своему кумиру выразительные эпитеты и метафоры («красавица», «нежная», «прекрасная моя девочка», «нежный цветочек», «невероятно сильный боец»). Некоторые в «группе поддержки» повторяют фразы, написанные Ольгой. Например, Ольга пишет: «Какой шикарный букет!» и подписчица Akkuuana комментирует: «Красавица!...Какой шикарный букет!». Текст как самого автора, так и подписчиков изобилует еще и символами, характерными для электронных сообщений и веб-страниц и подчеркивающих силу выражаемых чувств. Такой язык называют «эмодзи». Он представляет собой смайлики и иные символы, которые заменяют конкретные слова и передают эмоции и настрой его пользователя. Это убыстряет передачу информации, делает ее более визуальной, наглядной.

Приведем и другой пример, профиль в Instagram Оксаны Самойловой. Она -успешный блогер и молодая многодетная мама. Рекламирует себя как супер-женщину, активную, все успевающую, желанную, привлекательную. И эта подача себя противоречит нравственному началу материнства. Но это Оксану ничуть не смущает.

Фото Оксаны со старшей дочерью. Они, полуобнявшись, похожи больше не на маму с дочкой, а на ровесниц. Оксана аккуратно накрашена, снова подчеркнуты губы, брови, глаза, кофта полуопущена, показывает обнаженное плечо блогера. Девочка копирует образ мамы. На вид ей лет 10-11, накрашена, но не ярко, подведены глаза и губы. На ней белое, похожее на свадебное, платье. Комментарий под фото скромный: samoulovaohana «Кажется теперь это моя любимая фотка с Ари))»

Ответные комментарии характеризует смысл фото.

oxana_amerikanka: «Какая она взрослая уже и красивая – можно смело отдавать в модели ☐»;

59.viktoria_95: «Какая она тут взрослая;

Красотки ☺»;

beharruapp «Как вы похожи и какая она красивая».

Фото Оксаны дополняется видео и представляет собой рекламу крема. samoulovaohana Девочки)))у меня сломался Директ))

и я очень очень добрая сегодня)))потому что вышли масочкиииии)))перейти на новый базовый уход сложно ,а маски хотя и попробовали всееее)))и маски это отличный вариант познакомиться свою кожу с чем-то новым)))тем более наши маски это просто любовь)))никто не останется равнодушным, потому что эффект вы увидите сразу)))Есть несколько новостей : 1во первых спасибо за ваши заказы ♥♥♥и в благодарность я решила быстренько смотаться в магазин и купить для вас 3 новеньких 12 айфона про на 128 гб))и разыграть их по вашим номерам заказов, участвуют все кто сделал заказ с сегодня 13:00 по завтра 13:00!!и я вам буду звонить по видео связи))готовьтесь)))2.я знаю что многие очень хотят попробовать @sammybeauty.ru ,но не у всех есть возможность, поэтому среди лайков и комментов под этим постом подарю бесплатно 10 наборов масок)))доставка тоже за мой счёт))) 3как только разблокируется мой директ я отыщу победителя из сторис)))всё в силе))

Ответные комментарии.

padenkablago: «А вообще, вы единственный блогер, который не вызывает ни малейшего отрицания и негатива. И без плюшек которые вы раздаёте. Спасибо вам да это »;

farida_zagoruko: «Оксана! Вы наша снегурочка с подарками в этом триллере "2020"!!!! Спасибо большое Вам и здоровья всем».

Профиль Оксаны явно подчеркивает ее успешность. Она красива, гламурна, стремится заинтересовать своих подписчиков косметической продукцией, одеждой от модных дизайнеров. Она продуцирует образ состоявшейся женщины: женщины-вамп, женщины- модели, женщины-матери.

Традиционный образ матери, наполненный нравственным началом, у Оксаны становится, к сожалению, ее дополнением к прекрасному имиджу. Дети – не сама ценность, а способ добиться элитарного положения в сети, когда все «лайкают», отмечают фото с детьми как понравившееся, оставляют добрые заметки. Это печально.

Отдельно стоит сказать о языке блогера. Он часто воспринимается как поток сознания без всяких правил орфографии и пунктуации, с нечетким и неправильным построением предложений, с включением просторечных и разговорных словечек (*блин, реально, смотреть в магазин, фотка, масочки, развивашки, комменты*) и производит впечатление подростковой, молодежной речи, но не речи многодетной мамы. Возможно, это умышленно для привлечения именно молодежной аудитории. Обращение к подписчикам «девички» дает Оксане статус «своего» человека. Особенностью письма Оксаны является отсутствие правильной пунктуации. Например, у блогера часто в тексте нет запятых, дефисов там, где это необходимо. Для быстроты письма Оксана всегда пишет числительные цифрами. Её «фирменным знаком» является отсутствие точек в предложениях, которые активно заменяются скобками. В ответных комментариях подписчики копируют такое поведение и тоже вместо точек ставят несколько скобок, тем самым подчеркивая «преклонение» перед кумиром и одновременно делая текст более эмоциональным. Эмоциональность также достигается с помощью многочисленных обращений и некоторых сравнений у подписчиков (*Вы - наша снегурочка; Вы - цветочек; Вы - красавица*). Общаясь с подписчиками, применяя при этом яркие языковые средства выразительности, женщины-блогеры конструируют свой образ. Язык текстов выполняет функцию «быстрого считывания информации». Важна и сама структура сообщений. В основном в текстах присутствуют скрытые или явные речевые манипуляции. В тексты уже заложены объекты, на которые будет направлен смысл сообщения, а сама структура формируется с выбором идеи, которая должна «притянуть» коммуникатора и быть им отрефлексирована. Через механизмы подражания, идентификации, стереотипизации происходит формирование и воспроизводство женских образов, наполнение профилей только той информацией, которая будет «близка» по ценностям и потребностям подписчикам и просто пользователям сети. И не последнюю роль в этом играют тексты женщин-авторов профилей и их языковые средства выразительности. Таким образом, текст-комментарий к фотографиям автора и оценочные суждения подписчиков создают канал формирования женского образа в социальных сетях.

Библиографический список:

1. Аудитория социальных сетей в России 2019.-Текст: электронный// Popsters: сайт.- URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossi> (дата обращения 19.04.2021)
2. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе, обществах. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. Кречетова А. Исследование аудитории Instagram: сервисом пользуется каждый десятый в России, большинство – женщины/ А.Кречетова.Текст: электронный// Forbes: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/343331-issledovanie-auditorii-instagram-servisom-polzuetsya-kazhdyy-desyatyy-v-rossii> (дата обращения 19.04.2021).
4. Пианзина Т. С. Содержательно-языковые особенности текстов в социальной сети Instagram // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23-24 апреля 2018 г. : в 2-х т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. Т. 2. С. 231-236.
5. Статистика Инстаграм на 2020 год.- Текст электронный //Русабилити: сайт.- URL: <https://rusability.ru/internet-marketing/statistika-instagram-na-2020-god-govoryashhie-tsifry-infografika/> (дата обращения 19.04.2021)

References

1. The audience of social networks in Russia 2019. Text: electronic // Popsters: website.URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossi> (accessed 19.04.2021)
2. Castels M. Galaktika Internet: reflections on the Internet, business, societies. Yekaterinburg: U-Factoriya, 2004. 328 p.
3. Krechetova A. Research of the Instagram audience: the service is used by every tenth person in Russia, most of them are women.- Text: electronic/ / Forbes: website.- URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/343331-issledovanie-auditorii-instagram-servisom-polzuetsya-kazhdyy-desyatyy-v-rossii> (accessed 19.04.2021).
4. Piyanzina T. S. Content-language features of texts in the social network Instagram / T. S. Piyanzina // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 23-24, 2018 : in 2 volumes-Yekaterinburg: Ural Publishing House. unta, 2018. Vol. 2. P. 231-236.
5. Instagram statistics for 2020. Electronic text / / Rusability: site.- URL: <https://rusability.ru/internet-marketing/statistika-instagram-na-2020-god-govoryashhie-tsifry-infografika/> (accessed 19.04.2021)

УДК 811

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.*

*Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Магистрант 2 курса
направления «Журналистика»
Меренкова О.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(903)420-68-98
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru*

*Master student of the 2nd-year
(qualification «Journalism»)
Merenkova O.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(903)420-68-98
e-mail: olgavladimirovna25101997@mail.ru*

Т.А. Воронова, О.В. Меренкова

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕМЫ ЛОКАЛЬНЫХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ В СМИ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Воронежская область обладает значительным туристическим потенциалом, который реализуется лишь частично. Немалую роль в привлечении внимания туристов к малоизвестным достопримечательностям и маршрутам Воронежской области играют средства массовой информации и сетевые медиа-ресурсы. Цель данной статьи – рассмотреть некоторые малоизвестные тематические музеи города Воронежа и проанализировать посвященные им материалы, размещенные в местных СМИ различного типа.

Ключевые слова: достопримечательности, туристический объект, музей, культурные объекты, средства массовой информации, сетевой ресурс, Воронежская область, Воронеж.

T.A. Voronova, O.V. Merenkova

LOCAL SIGHTS: THE COVERAGE IN MASS MEDIA OF DIFFERENT TYPES

Voronezh region possesses significant touristic resources which are fulfilled but partly. Traditional mass media and the Internet play a great part in attraction tourists to little-known sights and routes of Voronezh region. The aim of the article is to sight some little-known thematic museums of Voronezh itself and to analyze the publications devoted to them by local mass media of different types.

Key words: sights, touristic object, museum, cultural objects, mass media, Internet resource, Voronezh region, Voronezh.

Воронежская область обладает значительными возможностями для развития туризма. О наиболее известных туристических объектах города и области часто упоминается в средствах массовой информации, причем как в печатных изданиях, так и в сетевых СМИ, благодаря чему их популярность и рейтинг посещаемости держатся на соответствующем уровне. Положительной оценки заслуживает и тот факт, что популяризацией достопримечательностей Воронежа и области занимаются не только отечественные СМИ и медиаресурсы. Так, на американском сайте путешествий TripAdvisor имеется информация о «117 интересных для посещения местах в Воронеже» [2]. Но, как уже отмечалось нами в одном из ранее опубликованных исследований, «туристический потенциал края не ограничен только популярными местами, которые можно найти в путеводителе» [3]. В привлечении вни-

мания туристов к малоизвестным достопримечательностям, маршрутам и культурным объектам ведущая роль опять же принадлежит журналистам. В данной статье мы обращаемся к теме малоизвестных музеев, расположенных на территории Воронежа, и освещению указанной темы в СМИ.

В реестре достопримечательностей города и региона музеи различной тематической направленности занимают далеко не последнее место. Рейтинг самых популярных и посещаемых музеев самого Воронежа возглавляют Художественный музей имени Крамского; Областной краеведческий музей, корабль-музей «Гото Предестинация», пришвартованный у Адмиралтейской площади, которая в свою очередь входит в 10 самых посещаемых и известных мест города, и музей «Арсенал» [1]. Однако список музеев города (областные в данном обзоре мы не рассматриваем) отнюдь не исчерпывается перечисленными. Не меньший интерес для посетителей может представлять, к примеру, музей лекарственных растений Центрально-Черноземной области, который находится в главном корпусе Воронежского государственного медицинского университета имени Н.Н. Бурденко по адресу: ул. Студенческая, 10. Идея создания музея была предложена ректором ВГМУ и кафедрой биологии, работавшей собственным методом сохранения растений в музее. На сегодняшний день экспозиция представлена 127 растениями [4].

На официальном сайте ВГМУ данному музею отведена отдельная страница. В 2016 году «41 канал Воронеж» представил зрителям сюжет, в котором журналистом Андреем Марченко подробно рассказывается о создании и методике работы музея лекарственных растений.

Марченко подчеркивает, что о данном музее знают очень немногие жители Воронежа, а посещают его в основном учащиеся медицинского университета. По словам журналиста, в музее лекарственных растений каждый желающий может узнать много полезной информации о флоре Воронежской области. Посетители музея имеют возможность поближе познакомиться с тем или иным растением, узнать о его свойствах, запомнить, как оно выглядит. Тележурналист утверждает, что многие названия растений в повседневной жизни мы используем не совсем правильно, и приводит в своем сюжете подобные примеры, а также сообщает, какими целебными свойствами обладают многие знакомые нам растения.

Следует отметить, что музеи подобного рода имеются и в других городах нашей страны: к примеру, «Музей лекарственных трав и минералов» в Иркутске или «Аптекарский огород» – ботанический сад МГУ, который является старейшим в России. Однако эти музеи пользуются у посетителей гораздо большей популярностью, в чем немалая заслуга принадлежит средствам массовой информации.

Музей под англоязычным названием «Helen & Teddy», расположенный в историческом центре Воронежа – в старинном особняке «Киевское подворье» (ул. Платонова, 3), является единственным в городе музеем коллекционных плюшевых медведей разных эпох. Экспозиция представлена игрушками из Англии, Шотландии, Ирландии, Голландии, Германии, Франции, Дании и Японии.

Подобные музеи есть и в других городах России и мира: например, музей плюшевых медведей «Тедди» Яна Поута в городке Уитни (Англия), музей с таким же названием в городе Биллунн (Дания), музей «Мой любимый мишка» в Ярославле и т.д. Однако в нашем городе до недавнего времени музеи, посвященные детской игрушке, отсутствовали вообще. Что касается музея «Helen & Teddy», открытого относительно недавно – в 2014 году, то в Воронеже он аналогов не имеет и призван заполнить эту «нишу», что не ускользнуло от внимания местных журналистов.

Об истории музея и его коллекции более подробно сообщается в материале Людмилы Минаевой, размещенном в октябре 2014 года на сетевом ресурсе «РИА Воронеж» под заголовком «В Воронеже откроется музей игрушечных медведей». Журналист знакомит читателей с создателем и владельцем музея – руководителем школы иностранных языков «Интерлингва» Еленой Киктевой. Автор материала заостряет внимание на том, что в коллекции Елены Ивановны есть экспонаты, произведенные немецкой фабрикой Steiff, которая выпускает игрушки с конца XIX века. Примечательно, что в музее имеются и популярные русские «тедди», например, олимпийский мишка 1980 года и мишка-талисман сочинской олимпиады. Всего же музей насчитывает более четырехсот плюшевых игрушек [6].

Данному музею, уникальному в своем роде, частично посвящена статья Юлии Горшковой «Мишки Тедди и куклы-пенсионеры. Воронежские музеи с необычной экспозицией», опубликованная в сентябре 2015 года в интернет-версии газеты «Аргументы и факты». Автором публикации рас-

смотрено несколько малоизвестных музеев Воронежа, в число которых входит и музей «Helen and Teddy», существующий на тот момент около года [5].

В заметке под названием «Музей «Helen and Teddy» в Воронеже», опубликованной на интернет-портале «Lovely Puppets. Мастерская предметов декора. Интерьерные игрушки» в разделе «Новости», подчеркивается уникальность музея, созданного Еленой Киктевой [7]. Можно сделать вывод о том, что из малоизвестных музеев города «детище» Елены Ивановны привлекает наибольшее внимание средств массовой информации.

На территории города Воронежа также расположен интересный, но не слишком известный массовому туристу «Музей воды». Интерактивные музеи с подобной тематикой есть и в более крупных городах – например, в Киеве или в Санкт-Петербурге («Вселенная воды»). Однако о воронежском музее практически нет информации в Интернете, мало о нем пишут и в средствах массовой информации. Как следствие, названный музей имеет невысокий рейтинг посещаемости.

Статья Виктора Левшакова «Канатная дорога, музей воды и зимний сад: в Воронеже планируют реконструировать Петровскую набережную» [8], опубликованная 10 сентября 2019 в газете «Комсомольская правда», является едва ли не единственным материалом, в котором затрагивается данная тема. Автором рассматривается вопрос о проекте реконструкции одной из главных набережных Воронежа, и здесь же упомянут «Музей воды», но в несколько пренебрежительном ключе – «некий музей». Журналист пишет: «Например, вариант «Уникальный» подразумевает строительство Водного центра, создание парка и даже некоего «Музея воды» – при этом все объекты должны быть связаны дорожками для променада» [8]. Можно сказать, что средства массовой информации практически полностью обходят молчанием данный культурный объект, вследствие чего гости и жители города не могут узнать о нем более подробно. Кроме того, само словосочетание «некий музей» уже прочитывается как «непонятный» или «неизвестный», что воспринимается скорее как антиреклама.

Подведем итоги. В данной статье мы рассмотрели несколько малоизвестных достопримечательностей музейного характера, расположенных на территории города Воронежа, и проанализировали посвященные им материалы, представленные в средствах массовой информации, а именно: в периодических изданиях, на телевидении и на официальных Интернет-ресурсах тех или иных организаций (заметим в скобках, что в блогах и социальных сетях информация о данных культурных объектах отсутствует). Следует отметить, что о некоторых музеях, еще не успевших завоевать большую популярность у туристов, часто появляются новости в медиaprостранстве, но в тоже время на туристической карте Воронежа есть места, о которых практически нет сведений в сети Интернет или в печатных изданиях, что является серьезным препятствием для развития данных туристических объектов.

Библиографический список

1. Воронежский областной краеведческий музей. URL: <http://museum-vrn.ru/muzej/arsenal/istoriya-arsenal/> (дата обращения – 15.03.2021).
2. Достопримечательности Воронежа // Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attractions-g798124-Activities-c47-Voronezh_Voronezh_Oblast_Central_Russia.html (дата обращения – 28.03.2021).
3. Воронова Т.А., Меренкова О.В. Малоизвестные достопримечательности Воронежской области как объект внимания информационных ресурсов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1(36). С. 165-170.
4. Музей лекарственных растений ЦЧО // Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко. URL: <http://vrngmu.ru/academy/structure/muzejnyy-kompleks/8526/> (дата обращения – 21.03.2021).
5. Горшкова Ю. Мишки Тедди и куклы-пенсии. Воронежские музеи с необычной экспозицией // Аргументы и факты (Воронеж). Вып. от 25.09.2015. URL: https://chr.aif.ru/voronezh/events/mishki_teddi_i_kukly-pensionery_voronezhskie_muzei_s_neobychnoy_ekspoziciey (дата обращения – 23.03.2021).
6. Минаева Л. В Воронеже откроется музей игрушечных медведей // РИА Воронеж. Вып. от 26.03.2021. URL: <https://riavrnr.ru/news/v-voronezhe-otkroetsya-muzej-igrushechnyh-medvedey/> (дата обращения – 22.03.2021).
7. Музей «Helen and Teddy» в Воронеже. URL: <https://lovelypuppets.ru/blog/muzej-helen-teddy-v-voronezhe/> (дата обращения – 27.03.2021).
8. Левшаков В. Канатная дорога, музей воды и зимний сад: в Воронеже планируют реконструировать Петровскую набережную // Комсомольская правда. Вып. от 10.09.2019. URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/27027/4090839/> (дата обращения – 27.03.2021).

References

1. Voronezh regional museum. URL: <http://museum-vrn.ru/muzej/arsenal/istoriya-arsenal/> (date of application – 15.03.2021).
2. The sights of Voronezh // Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attractions-g798124-Activities-c47-Voronezh_Voronezh_Oblast_Central_Russia.html (date of application – 28.03.2021).
3. Voronova T.A., Merenkova O.V. Little-known sights of Voronezh region as an object of mass media attention // Relevant issues of modern philology and journalism. 2020. Vol. 1(36). P. 165-170.
4. The museum of medicinal herbs of CBSR // Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko. URL: <http://vrngmu.ru/academy/structure/muzeynyy-kompleks/8526/> (date of application – 21.03.2021).
5. Gorshkova Y. Teddy bears and retired dolls. Voronezh museums with unusual exposition // The Arguments and Facts (Voronezh). 25.09.2015. URL: https://chr.aif.ru/voronezh/events/mishki_teddi_i_kukly-pensionery_voronezhskie_muzei_s_neobychnoy_ekspoziciey (date of application – 23.03.2021).
6. Minaeva L. Teddy bears museum will be opened in Voronezh // RIA Voronezh. 26.03.2021. URL: <https://riavrn.ru/news/v-voronezhe-otkroetsya-muzey-igrushechnykh-medvedey/> (date of application – 22.03.2021).
7. Museum Helen and Teddy» in Voronezh. URL: <https://lovelypuppets.ru/blog/muzey-helen-teddy-v-voronezhe/> (date of application – 27.03.2021).
8. Levshakov V. Cable railway, water museum and winter garden in Voronezh: Petrovskaya quay is planned to be reconstructed // The Komsomol Truth. 10.09.2019. URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/27027/4090839/> (date of application – 27.03.2021).

УДК 009(06)

Воронежский государственный технический университет

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и технологии перевода*

Романова Г.В.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: rg.victory@yandex.ru

Voronezh state technical university.

*PhD in Philology, Associate Professor
of foreign languages and translation department*

Romanova G. V.

Russia, Voronezh,

e-mail: rg.victory@yandex.ru

Г.В. Романова

РЕЧЕВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В СМИ

Статья посвящена вопросу систематизации речевых лексических ошибок, допущенных в региональных СМИ в последние пятнадцать лет. Проведён анализ большого массива собранных примеров с речевыми лексическими ошибками. Представлена ревизия классической системы речевых ошибок (за основу взята система ошибок, предложенная И.Б. Голуб) с учётом частотности употребления выявленных примеров различных видов. Установлены и проиллюстрированы основные типы и виды речевых лексических ошибок в современных текстах. Зафиксировано 3 типа лексических ошибок. В типе 1 - ошибках, связанных с употреблением слов в несвойственных им значениях (неуместное употребление слов), отмечено три основных вида (речевая недостаточность, речевая избыточность и необоснованное употребление заимствованных слов), среди которых преобладают речевая избыточность и неправильное употребление заимствований. В типе 2 (неудачное использование групп слов: многозначных слов и омонимов, синонимов, антонимов, паронимов) численное преимущество на стороне неправильно употреблённых синонимов и паронимов. В типе 3 (нарушение лексической сочетаемости) чаще других отмечаются контаминация и разрушение структуры фразеологизма. Сделан вывод о том, что система речевых лексических ошибок русского языка претерпевает изменения в частотности повторяемых видов, и что понимание построения такого рода ошибок необходимо в назидательных обучающих целях для повышения уровня речевой культуры личности и общества в целом.

Ключевые слова: виды речевых лексических ошибок, речевая недостаточность, речевая избыточность, плеоназм, тавтология, заимствованные слова, синонимы, паронимы, нарушение лексической сочетаемости.

G. V. Romanova

SPEECH LEXICAL ERRORS IN THE MEDIA

The article is devoted to the issue of systematization of speech lexical errors made in the regional media in the last fifteen years. The analysis of a large array of collected examples with speech lexical errors is carried out. The revision of the classical system of speech errors (based on the system of errors proposed by I. B. Golub) was carried out, taking into account the frequency of identified examples of lexical errors of various types. The main types and types of speech lexical errors in modern texts are identified and illustrated. 3 types of lexical errors were recorded. In type 1 - errors associated with the use of words in unusual meanings, there are three main types (speech insufficiency, speech redundancy and unjustified use of borrowed words), among which speech redundancy and incorrect use of borrowings predominate. In type 2 (unsuccessful use of word groups: polysemantic words and homonyms, synonyms, paronyms), the numerical advantage is on the side of incorrectly used synonyms and paronyms. In type 3 (violation of lexical compatibility), contamination and destruction of the phraseological structure are most often noted. It is concluded that the system of speech lexical errors of the Russian language undergoes numerical changes, and that understanding the construction of such errors is necessary for edifying educational purposes to improve the level of speech culture of the individual and society as a whole.

Key words: types of speech lexical errors, speech insufficiency, speech redundancy, pleonasm, tautology, borrowed words, synonyms, paronyms, violation of lexical compatibility.

Проблемы грамотного владения лексическим запасом русского языка по-прежнему остаются актуальными и требуют осмысления в современной лингвистике. Более того, уместный и правильный

подбор лексики носителями русского языка в настоящее время стал, на наш взгляд, гиперактуальной проблемой в связи с тремя факторами. Первый - активное пополнение лексики русского языка иноязычными словами и речевыми конструкциями, требующее вдумчивого и скрупулёзного обращения с ними; второй фактор – общее масштабное снижение речевой культуры (впрочем, как и культуры в целом) в обществе, которое можно выразить понятием «речевая небрежность», приближающаяся к просторечию; третий фактор – низкий уровень базовых знаний по русскому языку, формируемых в современной школе, граничащий с практически полным отсутствием способности владения родным языком и потребности в стремлении к грамотности собственной речи. Цель нашего небольшого исследования - с помощью обобщения собранных частных случаев речевых лексических ошибок в опубликованных текстах или публичных выступлениях выявить универсальную систему построения таких ошибок. Ознакомление с этой системой ошибок позволит носителям языка не допускать подобного в будущем. При всём многообразии и детальности существующих описаний речевых лексических ошибок эта система не замкнута, она остаётся открытой и неисчерпаемой, как безгранична и сама лексика русского языка. В нашей работе проиллюстрируем своё видение системы речевых лексических ошибок с помощью собранного языкового материала последних пятнадцати лет, почерпнутого преимущественно из региональных средств массовой информации.

Лексические нормы – это «правила употребления слов и устойчивых выражений в точном соответствии с их значениями. Каждое слово обладает лексическим значением, т.е. смысловым содержанием, которое необходимо учитывать при словоупотреблении», в него входят понятия о различных предметах и явлениях действительности, а иногда эмоции и оценки говорящих. Незнание или непонимание значений слов приводит к двусмысленности высказываний и грубым речевым ошибкам [1; с. 31].

Начнем анализ с первого типа речевых лексических ошибок, возникающих в связи с **употреблением слов в несвойственных им значениях (неуместное употребление слов)**. Он распадается на самое большое количество видов, среди которых основными являются речевая недостаточность, речевая избыточность и необоснованное употребление заимствованных слов.

Речевая недостаточность – это пропуск слова, необходимого для точного выражения мысли. Вследствие речевой недостаточности могут возникнуть серьёзные нарушения логики высказывания: *Молодёжная программа с ограниченными физическими возможностями* (пропущено: *для людей*). Речевая недостаточность приводит к возникновению алогизма (сопоставлению несопоставимого, возникает неуместная двусмысленность понимания) или к подмене понятий, что порождает комизм и абсурдность высказывания [2; с.18].

Автомобиль «Лада» по цене завода (рекламный слоган ТВ-ролика).

Подтяжка лица и шеи без операции (объявление). Пропущено значимое слово «*кожи*» (*лица и шеи*).

На днях состоялась выставка-продажа художников Курской области. Необходимо: *...выставка-продажа картин художников*.

Беспомощность в выборе точного слова приводит к другому виду ошибок – к речевой избыточности (многословию). Это другая крайность в области речевых ошибок. **Речевая избыточность** возникает при повторной передаче одной и той же мысли иными грамматическими средствами. Речевая избыточность бывает трёх видов: плеоназм, тавтология, лексический повтор.

1. Плеоназм (от греч. *pleonasmos* – излишество) – это употребление в речи близких по смыслу и поэтому излишних разнокорневых слов (*очень пересолёное, крошечные крупички, темный мрак, главная суть, ценные сокровища* и др.). Этот вид можно назвать смысловой избыточностью, когда употреблённые слова в предложении имеют разные корни (не похожи по форме), но практически дублируют друг друга по смыслу.

Если государство не посмотрит лицом в эту сторону, то кризис неизбежен (Воронежское телевидение 2005 г.).

Расскажите о своих планах на перспективу. У него очень хорошие и золотые руки. (Воронежское телевидение 2007 г.).

Высокий заработок, стабильная зарплата (из объявления).

Разгорается скандал вокруг незаконных поборов в онкодиспансере (Воронежские новости).

Надо: «...незаконных сборов ...» или «... поборов...».

Ликвидированы последние незаконные бандформирования в Чеченской республике.

Продолжается незаконный захват земли в прибрежной зоне города Воронежа.

Одна ватно-марлевая повязка в аптеке стоит три рубля за штуку.

При анализировании речевых ошибок с плеоназмом установлено, что такие ошибки чаще других допускаются и реже осознаются носителями языка.

2. Тавтология (от греч. *pleonasmus* – излишество) – это разновидность речевой избыточности, стилистически не оправданное повторение однокоренных слов (*большое многолюдство людей, умножить во много раз, возобновить вновь, укажу в указе, предложил предложения, игра играет роль, остаются остатки и др.*). Несмотря на то, что существует достаточно обширный список установленных случаев, в которых тавтология допустима, неоправданное повторение корней является ошибкой, связанной с избыточностью формы.

Соответствие цены и качества в новом салоне бытовой техники оценили наши корреспонденты (Воронежское телевидение 2008 г.).

Эти законодательства недавно были узаконены на территории Воронежской области (Воронежское телевидение 2009 г.).

Делаем отделочные работы (из объявления).

Политик, выдвинувшийся в порядке самовыдвижения, показно показывает своё богатство.

Дорожные знаки на дорогах часто бывают погнутыми (Воронежское телевидение).

Выделяют **скрытую тавтологию** – употребление заимствованного и русского слова с тем же самым значением (*горячий хот-дог, вип-персоны, ведущий лидер и др.*).

Резюмируя, можно кратко обобщить: мероприятие удалось (Воронежское телевидение 2007 г.).

Начальник ГИБДД Воронежской области в своём выступлении отметил, что для несогласных с правилами дорожного движения есть другая альтернатива – это ходить пешком. Другая альтернатива бывшим казино – это Интернет-казино (Воронежское телевидение 2009 г.). Альтернатива переводится с латинского языка как один из двух, «необходимость выбора между двумя взаимоисключающими возможностями» [3; с.44], поэтому слово «другая» в предложениях неуместно.

3. Лексический повтор – это неоправданное повторение одного и того же слова. К примеру: *если вас не устраивают натяжные потолки, вы можете изменить свой потолок с помощью подвесного потолка.*

Особенного внимания заслуживает следующий вид речевых ошибок - **необоснованное употребление заимствованных слов**. Заимствованные (иноязычные) слова – это слова, вошедшие в русский язык из других языков мира. Высокая речевая культура говорящих подразумевает активное использование заимствованных слов, но необходимо соблюдать основные правила их употребления:

1. При использовании заимствованного слова в собственной речи необходимо точно установить его значение. *Посмотрим на красивую дуэль между тремя командами* (из комментариев к чемпионату мира 2009 года по биатлону). Дуэль подразумевает наличие только двух участников.

Любые виды внешней и внутренней отделки фасадов (из объявления).

Экстерьер дома окрашен в сине-оранжевую гамму.

То, что сегодня российская сборная играет в другой футбол, стало ясно ещё в дебюте матча.

2. Нельзя допускать речевой избыточности (скрытой тавтологии) т.е. использования рядом иноязычного и русского слова с одним и тем же значением (*прейскурант цен, свободная вакансия, памятные сувениры, народный фольклор и др.*).

В продаже имеются горячие хот-доги.

И только тогда будет виден визуальный эффект от диеты.

Администрация области в это трудное и нелёгкое время должна представлять единый монолит (плеоназм и скрытая тавтология).

3. Нежелательно перенасыщать речь заимствованными словами, т.к. это, как правило, создаёт комический эффект.

Концепцию нового интерьера старой дачи в деревне Ключевка Мануэла (имя дизайнера) представляет в коллаже (из передачи «Фазенда») [4; с. 78-79].

Ваш цинизм в данной концепции абсорбирует с мистификацией парадоксальных иллюзий (из Воронежских СМИ 2011г.).

Опишем второй тип речевых лексических ошибок – **неудачное использование групп слов: многозначных слов и омонимов, синонимов, антонимов, паронимов**. Первый вид слов этого типа,

который «страдает» от безграмотности, – это **многозначные слова и омонимы**, как известно, имеют следующие простые и логичные правила употребления в речи.

1. С помощью контекста должно быть уточнено, в каком именно из значений употребляется многозначное слово или омоним. Не должно возникнуть двусмысленности понимания. *После того, как Максим (имя нападающего футбольной команды) расстрелял голкипера Корнилова в третий раз, вопрос о победе в матче уже не стоял.*

Ночные воры перекусили провода, чтобы не возиться с болтами и гайками.

Перекусывающая провода, злоумышленник порезался, благодаря чему была установлена его группа крови.

Всем пассажирам по мягкому месту (объявление в автобусе).

2. Нельзя допускать близкого соседства сходных по звучанию, но различных по значению слов, так как может возникнуть неуместный комизм (если только это соседство допущено не намеренно в качестве особого стилистического приёма как, к примеру, в следующих воронежских рекламных слоганах: *Вся электрика для электрика, обои для обоих*). Например: *«Галерея Чижова» – самый крупный торговый центр в центре Воронежа.*

Если обратиться к группе **синонимов**, то речевые ошибки в их употреблении отмечаются чаще. При небрежном подборе синонима могут не соблюдаться следующие основные правила использования этой группы слов [2; с. 32-33].

1. Необходимо учитывать, что синонимы не тождественно равны, каждое слово имеет свой уникальный и неповторимый оттенок значения, которые следует осознавать и учитывать при подборе синонима из синонимического ряда.

Вбиваем в миску яйца и готовим тесто для пирога (фраза из рецепта). Надо: «Разбиваем...».

Время контакта пассажира с рекламой в салоне транспорта от трёхсот секунд и более (из рекламы в воронежских автобусах). Надо: «Время чтения пассажиром рекламы...».

Ветеранам Великой Отечественной войны необходимо оказывать доброкачественные медицинские услуги. Надо: «... качественные...».

Изменения погоды почувствуют обладатели хронических заболеваний. Надо: «... люди с хроническими заболеваниями...».

Детский сад вмещает в себя 120 детей (из воронежских СМИ). Надо: «Детский сад на 120 мест».

2. По причине неточного выбора синонимов может быть нарушена лексическая сочетаемость, например:

В прошлом номере газеты «Житьё-бытьё» произошла опечатка. Надо: «... .. была допущена...».

Сейчас могут вспыхнуть давно назревавшие проблемы. Надо: «...могут возникнуть ... проблемы».

Федеральный и региональный бюджет страдают дефицитом. Надо: «...испытывают дефицит».

При неправильном использовании такой группы слов, как **паронимы** возникает, как правило, во-первых, смещение паронимов в речи, т.е. употребление одного созвучного слова в значении другого.

Лада-«Приора» – это самый удачливый автомобиль российского автопрома. Надо: удачный...

Если на вашем участке песочная почва, необходимы органические удобрения. Надо: песчаная почва...

Наш диабетический центр в настоящее время оборудован новым высокотехнологическим оборудованием. Надо: высокотехнологичное оборудование...

Медицинские препараты стоят выше двухсот рублей. Надо: стоят свыше...

Кредит представляется клиентам с ежемесячным доходом более десяти тысяч рублей. Надо: ... предоставляется...

Во-вторых, смещение паронимов может привести еще и к нарушению лексической сочетаемости. *Эта болезнь передаётся воздушно-капиллярным путём (надо: воздушно-капельным путём).*

Ценники на препараты росли вместе с температурой воронежцев (надо: цены росли).

Нагрязнули холода, и упал снег (надо: выпал снег).

Третий тип речевых лексических ошибок **нарушение лексической сочетаемости** (разрушение устойчивых выражений) представлен в речи тремя видами: собственно нарушением лексической сочетаемости, контаминацией (соединение двух устойчивых выражений в одно) и разрушением формы фразеологизма [4; с. 89-94].

Собственно нарушение лексической сочетаемости – это бессистемное разрушение устойчивого выражения в речи. Один из компонентов устойчивого выражения заменяется на произвольный, чего делать нельзя, поскольку тем самым разрушается традиционная закреплённая языковая форма устойчивого выражения.

Он смутно надеется на лучшее (надо: *Он тщетно надеется на лучшее*).

Был туманный и морозящий день 1756 года (надо: *...шёл морозящий дождь*).

Не надо на меня повышать тон (надо: *...повышать голос*).

Скажите свои вопросы, я вам отвечу (надо: *задайте вопросы*).

Контаминация устойчивых выражений (соединение двух, как правило, внешне похожих (формально и содержательно) устойчивых выражений в одно) – это вид сложноорганизованной и очень частотной в настоящее время речевой ошибки.

Последствия употребления грибов не замедлили себя ждать (1УВ: *не замедлили сказаться*; 2УВ: *не заставили себя ждать*).

Липчане (жители г. Липецка) убедились в этом своими глазами (1УВ: *убедились сами*; 2УВ: *увидели своими глазами*).

Косметические маски стоят втридорога (1УВ: *стоят дорого*; 2УВ: *продают втридорога*).

При лечении этого заболевания новый метод оказывает огромное значение (1УВ: *иметь значение*, 2УВ: *оказывать влияние*).

У «чёрных копателей» была обнаружена львиная часть коллекции (1УВ: *львиная доля*; 2УВ: *большая часть*).

Ошибки последнего вида **разрушение структуры фразеологизмов** (так называемых «застывших в веках» устойчивых выражений, которые употребляются в переносном значении и в неизменном виде) достаточно часты.

Не все люди одинаковы и расчёсывать всех под одну гребёнку просто недопустимо (надо: *причёсывать под одну гребёнку*).

У нас в этом вопросе ещё и конь не повалялся (надо: *конь не валялся*).

Его белые носки резали глаза (надо: *резали глаз*).

Сражаться с противником нужно лицом в лицо (надо: *лицом к лицу*).

После вечеринки всё вернётся на свои круги (надо: *на круги своя*).

Бизнесмен предложил актрисе руку с сердцем (надо: *руку и сердце*).

Подводя итоги нашему исследованию современного состояния лексических норм русского языка с помощью фиксации трёх основных типов речевых лексических ошибок в региональных СМИ последних пятнадцати лет, следует отметить, что описанные в классической литературе типы ошибок сохранились, но их виды по частотности распространения претерпевают ревизию в связи с изменением процентного соотношения допускаемых ошибок. Этот процесс изменения частотного соотношения видов речевых лексических ошибок в современных текстах был отмечен нами в предыдущих публикациях [5; с. 98-105]. В типе 1 (ошибки, связанные с употреблением слов в несвойственных им значениях (неуместное употребление слов)) среди отмеченных видов (речевой недостаточности, речевой избыточности и необоснованного употребления заимствованных слов) «лидирует» речевая избыточность и неправильное употребление заимствований. В типе 2 (неудачное использование групп слов: многозначных слов и омонимов, синонимов, антонимов, паронимов) преобладают ошибки в употреблении синонимов и паронимов. В типе 3 (нарушение лексической сочетаемости) чаще других отмечаются контаминации и разрушение структуры фразеологизма. Подобные виды ошибок в собственной речи необходимо научиться обнаруживать и искоренять, ведь внимание к подбору слова для наиболее точного выражения мысли, переходящее в потребность, является залогом качественной речевой культуры личности. Область лексики – тончайшая языковая граница между смыслом и его грамматическим выражением, а соблюдение лексических норм – самый прямой путь к ясности мышления, чёткости выражения мысли и эффективности коммуникации.

Библиографический список

1. Русский язык и культура речи. Нормы русского литературного языка: учеб. пос./ Под ред. проф. О.В. Загоровской. Воронеж, 2003. 243 с.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2003. 448 с.
3. Новый краткий словарь иностранных слов / Отв. редактор Н.М. Семёнова. 2-е изд. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 795 с.
4. Романова Г.В. Культура речи: учеб. пособие / Г.В. Романова, М.А. Денисова, Н.Ф. Горбунова. Воронеж, 2008. 160 с.
5. Романова Г.В. Виды речевых ошибок в объявлениях // Инновационные процессы в лингводидактике. Сборник научных трудов. Воронеж, 2018. С. 98-105.

References

1. Russian language and speech culture. Norms of the Russian literary language: textbook of the village/ Edited by prof. O. V. Zagorovskaya. Voronezh, 2003. 243 p.
2. Golub I. B. Stylistics of the Russian language. Moscow: Iris-press, 2003. 448 p.
3. The new short dictionary of foreign words / Editor N. M. Semenova. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz. Media, 2007. 795 p.
4. Romanova G.V. Culture of speech: textbook. manual / G. V. Romanova, M. A. Denisova, N. F. Gorbunova. Voronezh, 2008. 160 p.
5. Romanova G.V. Types of speech errors in ads // Innovative processes in linguodidactics. Collection of scientific papers. Voronezh, 2018. - pp. 98-105.

УДК 070.1:316.62

*Московский международный университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры рекламы
и связей с общественностью
Самойленко Н. С.
Россия, г. Москва,
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Moscow International University,
Departments of Advertising
and Public Relations,
PhD, Associate Professor
Samoilenko N. S.
Russia, Москва,
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

Н.С. Самойленко

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ИНТЕРНЕТ-МЕДИА», «НОВЫЕ МЕДИА», «СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА» И «ИНТЕРНЕТ-СМИ»

Статья посвящена дифференциации понятий «интернет-медиа», «новые медиа», «социальные медиа», «интернет-СМИ». В рамках данного исследования произведена попытка определить характеристики, позволяющие дифференцировать рассматриваемые понятия.

Ключевые слова: интернет-медиа, социальные медиа, интернет-СМИ, новые медиа.

N.S. Samoilenko

DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS OF "INTERNET MEDIA", "NEW MEDIA", "SOCIAL MEDIA" AND "INTERNET MASS MEDIA"

The article is devoted to the differentiation of the concepts of "Internet media", "new media", "social media", "Internet mass media". Within the framework of this study, an attempt was made to determine the characteristics that allow differentiating the concepts under consideration.

Key words: internet media, social media, internet mass media, new media.

Сегодня медиа, которые существуют в глобальной коммуникационной сети Интернет, становятся основным каналом получения информации, средством проведения досуга, открывают новые возможности для дистанционного образования, удаленной работы и начинают использоваться для решения многих других задач.

В отечественной науке неоднократно предпринимались попытки определить содержание терминов, используемых для описания новых медийных форм, функционирующих в сети интернет [1], [2], [3]. Однако, быстрое развитие дигитальных технологий, процессы конвергенции, появление все новых форм коммуникаций в сети Интернет приводит к тому, что существующие понятия «новые медиа» и «социальные медиа», «интернет-медиа» и «интернет-СМИ» зачастую трактуются неоднозначно и требуют уточнения. Рассмотрим более подробно содержание каждого понятия.

Интернет-медиа

В соответствии с концепцией Маршала Маклюэна «medium is the message» [4], сами медиа определяются наиболее широко – как любые «посредники» в процессе коммуникации, от наиболее древних до новейших. В свою очередь, «интернет-медиа» можно определить как любые медиа, функционирующие в коммуникационной сети Интернет. К ним можно отнести все многообразие интернет-ресурсов: от развлекательных до информационных, от социальных сетей до виртуальных игр, существующих на просторах сети, от поисковых машин до цифровых библиотек и энциклопедий. Таким образом, определение «интернет-медиа» может быть сформулировано следующим образом: «интернет-медиа» – это совокупность всех видов информационных ресурсов, которые доступны пользователям глобальной информационно-коммуникационной сети Интернет.

Новые медиа

При определении «новых медиа» можно выделить две основные концепции.

В соответствии с первой концепцией, термин «новые медиа» был введен для разграничения традиционных СМИ (газет, радио, телевидения) и медиа, существующих в сети Интернет. В рамках данного подхода термины «новые медиа», «интернет-СМИ», «сетевые медиа», «интернет-медиа» могут употребляться как синонимичные. Например, Е. Л. Вартанова в качестве синонимов использует термины «новые медиа» и интернет [5]; Я. Н. Засурский включает интернет в систему СМИ [6]. В рамках данной концепции «новые медиа» понимаются как любые виды традиционных медиа, содержание которых преобразовано в дигитальную форму и может быть представлено в коммуникационной сети интернет.

Вторая концепция складывается вследствие изучения особенностей, неотъемлемых характеристик, присущих «новым медиа». Вслед за Л. Мановичем мы можем выделить основные из них: интерактивность, цифровой код и мультимедийность [7]; Российский исследователь М. Н. Ким формулирует их схожим образом: «Мультимедийность, интерактивность, simultанность, гипертекстуальность – вот те ключевые признаки, которые отличают новые медиа от традиционных» [8]; В свою очередь, западные исследователи обращают внимание на то, что новые медиа быстрее, чем традиционные; новые медиа открытые, традиционные – закрытые; новые медиа привлекают пользователей, традиционные – публику; новые медиа кратки, традиционные – многословны; новые медиа доставляют картинку, традиционные – текст; новые медиа активны, традиционные – пассивны; новые медиа обеспечивают пользователю возможность генерировать содержание, традиционные медиа дают эту возможность производителю [9].

Изучение присущих «новым медиа» характеристик позволяет сформулировать вывод, что далеко не все «интернет-медиа» соответствуют тем характеристикам, которые выделяют ученые, большая часть «интернет-медиа» функционируют по другим, более традиционным правилам, а интернет-среда для них является лишь иным каналом распространения информации. Изменение канала передачи информации (например, перепечатка газетной статьи для публикации в сети Интернет) не наделяет эту информацию свойствами, характерными для «новых медиа».

Учитывая вышеперечисленные факторы, наиболее релевантным определением «новых медиа» мы считаем определение Р. Ноймана, который определяет их как новый формат существования мультимедиа, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента [10]. Схожее определение в российской научной среде дает А. А. Деникин, который утверждает, что «новые медиа» – это программные продукты с возможностью обратной связи, с алгоритмами взаимодействия с пользователем, с трансформируемыми структурами и интерфейсами [11].

Социальные медиа

«Социальные медиа», в свою очередь, более узкое понятие по отношению к новым медиа. Отличительной чертой социальных медиа является то, что роль производителя контента переходит полностью к аудитории («пользователям») в соответствии с терминологией теоретиков «новых медиа»). В англоязычной традиции используется термин UGC (user-generated content) – контент, который генерируют пользователи. Создателям «социальных медиа» отводится роль модераторов коммуникационных процессов, происходящих между пользователями. Также создатели социальных сетей отвечают за активное внедрение инструментов и постоянное расширение способов коммуникации между пользователями. Всеобъемлющую дефиницию «социальных медиа» дает Д. Мерти: «В широком смысле «социальные медиа» означают множество относительно недорогих и широкодоступных электронных инструментов, позволяющих любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми» [12].

Интернет-СМИ

В законе «О СМИ» РФ под средствами массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) [13].

В свою очередь термин «интернет-СМИ» ограничивает данное законодательно закрепленное определение только сетевыми изданиями. Таким образом, «интернет-СМИ» являются средствами массовой информации, распространяемыми через информационно-коммуникационную сеть Интернет.

Как было рассмотрено выше, в рамках одного из подходов термин «новые медиа» трактуется схожим образом как традиционные СМИ, распространяемые через Интернет. Однако, насколько правомерно отождествлять данные понятия? Являются ли «интернет-СМИ» «новыми медиа»? Мы можем проанализировать «интернет-СМИ» на соответствие вышеперечисленным, присущим «новым медиа», характеристикам (цифровой код, интерактивность, мультимедийность и т. д.). Изучение показывает, что большая часть СМИ в коммуникационной сети Интернет продолжает использовать интернет лишь как иной способ распространения информации. Соответственно, лишь небольшое количество «интернет-СМИ» можно отнести к «новым медиа».

Попробуем визуально представить соотношение рассмотренных в статье понятий (Рис. 1):

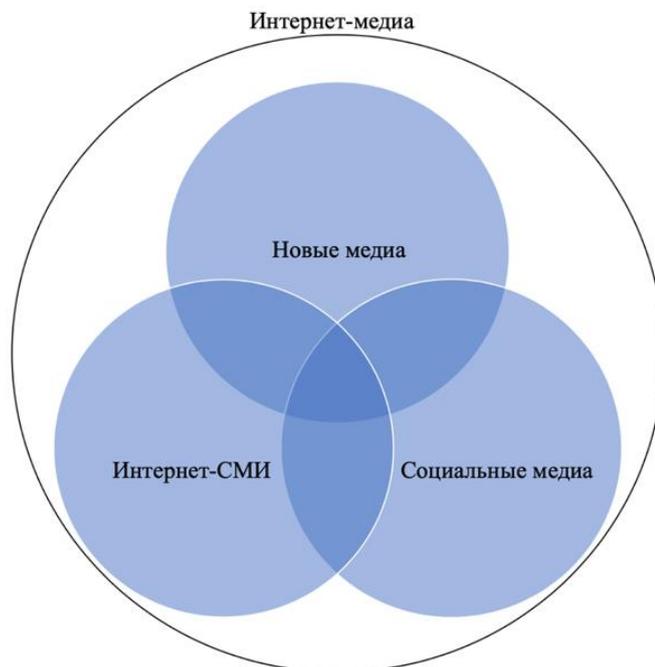


Рис. 1

Поясним, что для интернет-среды свойственны процессы конвергенции между различными формами медиакommunikаций. Так, при взаимодействии «социальных медиа» и «интернет-СМИ» появляются издания, представляющие пользователям возможность создавать свой контент (комментарии, новости от читателей, «народные темы» и так далее); при конвергенции «интернет-СМИ» с «новыми медиа» в материалы СМИ внедряются интерактивные способы взаимодействия с пользователями (например, геймификация); появляются мультимедийные элементы, порождающие новые виды журналистского творчества и жанры медиатекстов (например, трансмедийный сторителлинг, лонгрид) и так далее.

Таким образом, анализ рассмотренных понятий позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «интернет-медиа» является наиболее широким для обозначения коммуникационных ресурсов, функционирующих в сети интернет, и включает в себя все рассмотренные в работе термины: «новые медиа», «социальные медиа», «интернет-СМИ».

2. Термин «новые медиа» необходимо определять через выявленные учеными присущие им характеристики, основными из которых являются интерактивность, мультимедийность, цифровой код.

3. Термин «социальные медиа» указывает на главенствующую роль пользователей в формировании контента.

4. К определению «интернет-СМИ» могут относиться средства массовой информации, которые в полной мере используют современные возможности цифровой среды и присущие «новым медиа» характеристики. Такие «интернет-СМИ» могут быть отнесены к «новым медиа». Однако, продолжают существовать средства массовой информации, для которых интернет является только иным каналом распространения информации.

Библиографический список

1. Рогалева О. С., Шкайдерова Т. В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник ОмГУ. 2015. №1 (75). С. 222-225.
2. Никитенко Вероника Александровна Сравнительный анализ понятий «Новые медиа» и «Социальные медиа» // Огарёв-Online. 2017. №12 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-ponyatiy-novye-media-i-sotsialnye-media> (дата обращения: 09.04.2021).
3. Носовец Светлана Геннадьевна Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. №4 (10). С. 40-47.
4. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – Москва.: Кучково поле, 2007. 464
5. Вартанова Е. Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // Информационное общество. 2008. Вып. 5–6. С. 37–39. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/9f381b9f3747cc63c3257576003a8c8c> (дата обращения: 07.01.2021).
6. Система средств массовой информации России : учеб. пособие / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2003. 264 с.
7. Manovich L. The Language of New Media. Massachusetts: The MIT Press, 2001.
8. Ким Максим Николаевич Редакция СМИ: базовые принципы организации и управления // Управленческое консультирование. 2015. №4 (76). С. 123-129.
9. Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. С. 98-106.
10. W. Russell Neuman, The Digital Difference: Media Technology and Theory of Communication Effects, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016, 384 pp.
11. Деникин А. А. О некоторых особенностях новых медиа URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2013-2/yazyki/4070.html>. (дата обращения: 07.01.2021).
12. Murthy, D 2013, Twitter: Social Communication in the Twitter Age, Cambridge, UK: Polity Press, 2013., 193 pp.
13. Федеральный закон N 2124-1 «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/smi/> (Дата обращения: 14.03.2021).

References

1. Rogaleva O. S., Shkaiderova T. V. New media: the evolution of the concept (analytical review) // Bulletin of OmSU. 2015. No. 1 (75). pp. 222-225.
2. Nikitenko Veronika Aleksandrovna Comparative analysis of the concepts of "New Media" and "Social media" // Ogarev-Online. 2017. №12 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-ponyatiy-novye-media-i-sotsialnye-media> (accessed: 09.04.2021).
3. Nosovets Svetlana Gennadyevna New media: to the definition of the concept // Communicative research. 2016. No. 4 (10). pp. 40-47.
4. McLuhan M. Understanding media: the external expansion of a person. - Moscow.: Kuchkovo field, 2007. 464
5. Vartanova E. L. New media as a factor of modernization of mass media // Information society. 2008. Issue 5-6. pp. 37-39. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/9f381b9f3747cc63c3257576003a8c8c> (date of reference: 07.01.2021).
6. The system of mass media of Russia: textbook. manual / edited by Ya. N. Zasursky. M., 2003. 264 p.
7. Manovich L. The Language of New Media. Massachusetts: The MIT Press, 2001.
8. Kim Maxim Nikolaevich Editorial office of mass media: basic principles of organization and management // Managerial consulting. 2015. No. 4 (76). С. 123-129.
9. Steens O., Van Fucht D. New Media // Bulletin of the Volga. Series 8: Literary studies. Journalism. 2008. No. 7. pp. 98-106.
10. W. Russell Neuman, The Digital Difference: Media Technology and Theory of Communication Effects, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016, 384 pp.
11. Denikin A. A. About some features of new media URLs: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2013-2/yazyki/4070.html>. (accessed: 07.01.2021).
12. Murthy, D 2013, Twitter: Social Communication in the Twitter Age, Cambridge, UK: Polity Press, 2013., 193 pp.
13. Federal Law No. 2124-1 "On Mass Media" of 27.12.1991 URL: <http://www.consultant.ru/popular/smi/> (Accessed: 14.03.2021).

УДК 808.5

*Белорусский государственный университет
Кандидат психологических наук,
доцент кафедры теории
и практики перевода
Уланович О.И.
Беларусь, г. Минск,
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru
тел.: +375292589227*

*Belarusian State University
The chair of translation theory and practice
PhD, associate professor
Ulanovich O.I.
Belarus, Minsk,
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru
tel.: +375292589227*

О.И. Уланович

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАФРЕЙМИНГА В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье раскрывается суть коммуникативной технологии медиафрейминга как способа воздействия на оценки и мнение аудитории посредством особой эстетической формы подачи информации, а также анализируется потенциал антропоцентрических проекций в политическом фрейминге. Медиафрейминг – это способ преподнесения аудитории фактов и явлений, когда они «упаковываются» во фрейм – некоторый существующий уже в массовом сознании образ-оболочку с заранее определенными характеристиками; при этом оценки и отношение переходят с данного образа на преподносимое политическое явление. Через антропоцентрические фреймы в русскоязычном коммуникативном пространстве акцентируется целенаправленность, сознательность и даже злонамеренность политических субъектов и их действий; тогда как в англоязычном политическом дискурсе – через доминирующие фреймы физических и психических недугов человека, болезней и судьбоносных обстоятельств подчеркивается идея неподвластности, неконтролируемости и фатальности ситуаций и действий.

Ключевые слова: медиафрейминг, политический дискурс, политическая коммуникация, антропоцентрические проекции, метафорические образы.

O.I. Ulanovich

ANTHROPOCENTRIC IMAGES IN MEDIA FRAMING TECHNOLOGY IN THE ENGLISH AND RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

The article concerns communication technology of media framing as a way of influencing on the assessments and opinions of the audience through a special aesthetic form of presenting information; the potential of anthropocentric images in political framing is revealed. Media framing is a way of delivering facts and phenomena to the audience where they are presented within a frame, that is a certain image-shell already existing in the mass consciousness with predetermined characteristics; assessments and attitudes are shifted from this image to the presented political phenomenon. Anthropocentric frames – images from the sphere of the physical, mental and social existence of a person – are actively used in political communication for metaphorical modeling of subjects of politics, the state of the world and relationships in politics. Things transmitted through anthropocentric frames in Russian political communication are purposefulness, conscientiousness and even malicious intent of political actors and their actions; while in the English-language political discourse the effects of uncontrollability and fatality of situations and actions are emphasized through dominant frames of physical and mental disorders of a person, diseases and fateful circumstances.

Key words: media framing, political discourse, political communication, anthropocentric frames, metaphorical images.

Современное массмедийное пространство выступает транслятором различных коммуникативных интенций и платформой реализации различных дискурсивных практик и демонстрирует все более и более тесное сращение с разными видами дискурса. В предметно-дискурсивном поле медиакоммуникации сегодня доминирует политическое общение. Массмедийная среда предоставляет все более совершенные и усложненные формы взаимодействия субъектов в пространстве политической коммуникации, отличающиеся многослойностью, многозначностью и интерпретативным разнообра-

зием. К таковым относятся технологии имиджирования, рекламы, брендинга, медиакультурного импринтинга и др., позволяющие конструировать весьма конкурентоспособные образы субъектов политики и политических институтов. В ряду отмеченных выше медиатехнологий достойное место занимает и коммуникативная технология медиафрейминга.

Являясь «одним из самых дискуссионных в тезаурусе политической коммуникативистики» [1, с. 86], понятие *фрейминг*, в целом и общем, предполагает акцентирование отдельных аспектов преподносимых явлений с целью подведения реципиентов к формированию вполне определенных оценок, установок, к соглашению с транслируемыми «диагнозами» и даже с навешиваемыми «ярлыками», к принятию «правильных» моральных суждений и предписаний. Важным при этом является способ акцентирования той или иной стороны явления – способ высвечивания через фрейминг. По образному определению фрейминга А.А. Казакова, медиапространство позволяет «упаковывать» событие в уже имеющийся шаблон», имплантировать его в «оболочку»-фрейм [1, с. 87], который определенным образом и преподносит явление публике: высвечивает одни его стороны, затемняет или ретуширует другие. Это и обеспечивает манипулятивный потенциал медийных фреймов и их отличие от когнитивных схем или «немедийных» фреймов. Можно утверждать, что фрейм – это тот **символический контекст, который мотивированно преобразует социальные значения в личностные смыслы.**

Среди разнообразия вербально-когнитивных инструментов реализации технологии политического медиафрейминга в политической риторике особого внимания заслуживает метафорическое проецирование. При этом метафору никак не следует сводить к тропу – стилистическому средству художественной образности. Метафора – это когнитивный механизм, основанный на взаимодействии двух понятийных областей: мира объектов метафорической характеристики и мира экспансии образов для метафорического сравнения, которое реализуется через ассоциирование за счет усмотрения подобия, сходства, аналогии между объектами из этих двух областей.

Осуществленный нами контекстуально-семантический анализ ряда англо- и русскоязычных публичных выступлений современных политиков позволил сформировать экспериментальный корпус контекстных эпизодов, включающих выражения метафорического типа. Структурно-семантический анализ контекстных эпизодов обнаруживает, что сферами экспансии метафорических фреймов – являются: **мир живой и неорганической природы, артефактный мир** человеческого бытия, а также сам **человек** в его **физическом, психическом, духовном и социальном существовании** в соответствии с антропоцентрическим принципом человеческого мировосприятия.

В.Н. Телия обоснованно отмечает факт антропоцентричности и антропомерности метафоризации как когнитивного процесса, поскольку наиболее часто актуализируемыми феноменами являются таковые именно из мира человека [2]. Согласно антропоцентрическому принципу человек является «мерой всех вещей»: выбор того или иного основания для метафорической проекции связан со стремлением человека соизмерять все новое для него (в том числе и фактически несоизмеримое), во-первых, по своему образу и подобию, а во-вторых, с явлениями, обеспечивающими его существование в обществе. Этот принцип проявляется в создании антропомерных эталонов или стереотипов, которые выступают своего рода ориентирами в качественном (или количественном) восприятии и оценке окружающей действительности.

Метафорический потенциал антропоцентрического кода в создании фрейминговых эффектов проявляется как в активной поставке прототипических образов из сфер *психической* и *социальной* жизни человека, области его *физических характеристик и здоровья*, так и в широком диапазоне объектов метафорической характеристики. К таковым относятся следующие реалии политического пространства: индивидуальные и групповые субъекты политики (отдельные личности, государства, партии, движения), мир / планета, политические действия, взаимоотношения между субъектами, политический миропорядок.

Так, в выступлении Дж. Керри *миру / планете* как объекту метафорической характеристики атрибутируются следующие типично человеческие физические качества и физиологические состояния: *world's eyes, the face of the Earth, the heart of Europe, bleeding, main artery, organic process* и т. д. Это, можно полагать, создает фрейминговый эффект максимальной сопричастности, соучастия, сопереживания:

– *the humanitarian disaster that is unfolding before the world's eyes...* – ‘гуманитарная катастрофа, которая разворачивается **на глазах у всего мира**’;

– *the massive influx of refugees that has now spread <... > into the heart of Europe* – ‘поток беженцев, который сейчас проник в самое **сердце** Европы’ (Дж. Керри).

Сирии, подавляемой, по мнению говорящего (Дж. Керри), диктатом власти атрибутируются человеческие физические страдания: в ней **подвергаются удушению** проявления оппозиции (*any attempt to develop an organized political opposition choked off*), что провоцирует **внутреннее нагноение** в организме (*sectarian differences <...> festered beneath the surface*). Страна страдает от **удушения** и **мертвой хватки** как со стороны экстремизма, так и со стороны руководителя-диктатора: *the stranglehold of extremists on the one side and the stranglehold of a dictator on the other*. И эти физические страдания должно воспринимать как крайне горестные с учетом исторического статуса территории, представленной в онтологическом образе общего кровного прародителя: *They [Damascus and Aleppo] are part of Mesopotamia, the cradle of civilization* – ‘Они – часть Месопотамии, **колыбели цивилизации**’; *the region where civilization itself was born* – ‘место **рождения** самой цивилизации’ (Дж. Керри).

В свете антропологической проекции истерзанная войной Сирия уподобляется нуждающемуся в излечении больному человеку: *The longer this terrible civil war lasts, the harder it will be for the country to recover, and the more wounds of body and mind we will see opened – wounds that can never be truly closed* – ‘Чем дольше продолжается гражданская война, тем сложнее для страны **процесс выздоровления**, и тем больше появится **телесных и душевных ран – ран**, которым не суждено **зарубцеваться**’ (Дж. Керри).

Через антропоцентрическую проекцию в речах Трампа передается оценка ситуации в Сирии и Венесуэле как **трагедии**: *The ongoing tragedy in Syria is heartbreaking; Currently, we are witnessing a human tragedy, as an example, in Venezuela*. При этом в понятии «трагедия» (термин, обозначающий жанр драматического искусства) заключено своего рода признание судьбоносности событий, их неотвратимости.

Антропоцентрическая метафорическая проекция в англоязычном политическом дискурсе наделяет недемократические мировые режимы такими характеристиками, несвойственными культурному уровню человека, как

– **варварство**: *...when barbarous acts and aggression go unchecked – dictators and terrorists are emboldened* (Тереза Мэй));

– **дикая жажда / страсть**: *Socialism's thirst for power leads to expansion, incursion, and oppression* (Трамп);

– **зверский аппетит**: *Does anyone seriously believe that flooding Iran's radical theocracy with weapons and cash will curb its appetite for aggression?* (Биньямин Нетаньяху).

Перефразируя название психического заболевания «синдром дефицита внимания» генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш характеризует сегодняшнее состояние мира как тяжелый случай синдрома дефицита доверия: *Our world is suffering from a bad case of "Trust Deficit Disorder"*.

Нами было замечено, что несколько иная проекция доминирует в антропоцентрических фреймах при создании метафорического образа современного мира в выступлениях Путина и Лаврова: акцентируется не столько физические или физиологические характеристики человека, сколько его *социально-психологические* качества. Так, в мире «*главствует эгоизм*», наблюдаются симптомы «*растущего экономического эгоизма*» (Путин), что неприемлемо «*для большинства членов семьи Объединенных наций*» (Лавров). При этом отдельные страны-лидеры, у которых все еще доминирует «*блоковое мышление времен 'холодной войны'*» (Путин), используют «*язык силы*» (Лавров), «*играют и манипулируют словами*» (Путин). Влиятельные политические игроки (страны), убежденные в своей избранности в силу социально-психологического «*комплекса исключительности и превосходства своих обычаев*», пытаются «*продиктовать со стороны готовые рецепты демократического устройства*» «*под предлогом сохраняющегося спроса на лидерство в международных делах*» (Лавров) и эгоистично *экспортируют* социальные эксперименты: «*Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены <... > приводили не к прогрессу, а к деградации*», «*экспорт теперь уже так называемых 'демократических' революций продолжается*» (Путин).

Лицемерие (по мнению российской власти) мировых субъектов политики (государств и их лидеров) также вскрывается через атрибутирование им паттернов мотивированных социальных действий человека. Так, известные претенденты на мировое господство «*поначалу пестовали [ИГИЛ] как орудие против неугодных светских режимов*», а теперь открыто «*заигрывают с террористами*» и «*закрывают глаза на каналы финансирования и поддержки террористов*» (Путин).

Тем самым очевидно, что такая метафорическая проекция в выступлениях российских политических лидеров формирует несколько иной фрейминговый эффект: задается картина определенной целенаправленной и расчетливой политической активности ряда символических фигур, обладающих определенными морально-ценностными качествами и движимых вполне осознанными мотивами. При этом в англоязычном политическом дискурсе, как было отмечено выше, через антропоцентрические метафорические проекции в политическом миропорядке подчеркиваются состояния физических дисфункций, болезней, психологических недугов, судьбоносности трагедий.

Сегодня в фокусе внимания современных политиков образ **экстремизма / терроризма**, в создании которого посредством фрейминга также активно используются антропоцентрические метафорические проекции. Замечено, что как в русско-, так и в англоязычных политических выступлениях государственных лидеров метафорический портрет воинствующего **экстремизма / терроризма** формируется через прототипический образ **болезни** в стадии обострения и образ **нездорового человека** с широким спектром симптоматики физического или психического нездоровья.

В свете типично антропологических ассоциаций в речи Обамы конструируется весьма негативный портрет экстремизма: он и:

– *the cancer (of violent extremism)* ‘раковая опухоль’, *that has ravaged so many parts of the Muslim world* ‘которая опустошила (уничтожила) многие страны мусульманского мира’;

– *a pervert* ‘страдающий извращениями человек’, *who has perverted one of the world’s great religions* ‘который извратил (совратил) одну из великих религий мира’;

– *madness* ‘безумие’, для избавления от которого требуется *antidote: these investments [programs to support entrepreneurship and civil society, education and youth] are the best antidote to violence* ‘такие инвестиции являются лучшим противоядием насилию’ (Обама).

Фреймы болезни и физически или психически больного человека, в принципе, типичны при создании антропоцентрического метафорического образа терроризма в англоязычной политической коммуникации в целом. Терроризм – это:

– **раковая опухоль: metastasizing threats** – ‘разрастающаяся подобно опухоли угроза’ (Х. Клинтон);

– **безумие: there is no other way for this madness to end** – ‘не существует иного способа покончить с этим безумием’ (Обама).

– **варварство: a network of lawless savages** – ‘сеть необузданных дикарей’ (Трамп);

– **кроважность: bloodthirsty killers known as ISIS** – ‘кроважные убийцы, известные как ИГИЛ’ (Трамп), *Iran was caught red-handed trying to murder European citizens* (Б. Нетаньяху).

Особенность метафорического образа воинствующего экстремизма в выступлении Российского президента обнаруживается в акценте в русскоязычных метафорах социальности / сознательности совершаемых террористами «безумных» действий, в отличие от «англоязычного» метафорического образа «терроризм-болезнь (физический / психический недуг)». В выступлении Путина терроризм (ИГИЛ) подобно изощренному изуверу «своими кровавыми преступлениями **оскверняет** величайшую мировую религию – ислам», **издевается над исламом и извращает его гуманистический ценности**, «**сеет зло и человеконенавистничество**», «**несет <...> прямую угрозу**» мусульманским странам, «**посягает на права и свободу граждан**» (Путин).

Показателен антропоцентрический образ экстремизма / терроризма в русскоязычном политическом дискурсе как:

– «**врага цивилизации, человечества и мировой культуры**» (Путин),

– «**новоявленного мракобеса**», который «**несет идеологию ненависти и варварства, попирает мораль, ценности мировых религий**» (Путин),

– кукловода и азартного игрока: «... **всегда трудно вести двойную игру...**», «...**расставлять фигуры на ближневосточной доске в своих интересах**» (Путин);

– институционализированной организации: «**Если бы не Россия, то к концу 2015 года на территории Сирии и Ирака было бы создано квазигосударственное экстремистское образование...**» (В. Герасимов); «**весной 2018 года были ликвидированы террористические анклав**» (С. Гаджимагомедов).

Тем самым негативный метафорический образ **воинствующего экстремизма** в выступлениях англоязычных политиков задается атрибутированием этому явлению порочных действий и нездоровых состояний физически или психически больного человека (безумие, раковая опухоль, развратить,

опустошить). Отрицательный образ *терроризма* в выступлениях русскоязычных политиков формируется также посредством антропологического прототипического образа, однако при акцентировании осознанности и мотивированности совершаемых террористами «безумных» деяний (осквернять, извращать, издеваться, сеять угрозу).

Таким образом, наблюдаемое различие в антропоцентрических образах, формируемых в англо- и русскоязычном политическом дискурсе лежит в плоскости использования русскоязычными политиками преимущественно антропоцентрических фреймов из сферы *социального* существования человека и фреймов из области *физического* и *психического* существования человека – англоязычными политиками. Здесь кроется интересное лингвокультурное различие: в русскоязычной политической коммуникации через антропоцентрические проекции во фрейминге акцентируются аспекты мотивированности, сознательности и даже злонамеренности действий и обстоятельств, а, значит, их контролируемости со стороны субъектов. Тогда как в англоязычной политической риторике фреймы из сферы экспансии «человек» (а именно: фреймы физиологических ощущений, физических состояний и болезни) подчеркивают идею неподвластности, неконтролируемости, спонтанности и фатальности обстоятельств и действий.

Библиографический список

1. Казаков А.А. Фрейминг медиатекстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 85–90.
2. Телия В.Н. Метафора как проявление принципа антропоцентричности в естественном языке // Язык и логическая теория: сб. научных трудов. М.: Наука, 1987. С. 86–192.

References

1. Kazakov A.A. Framing of media texts as a tool for influencing the audience: an overview of common interpretations // Bulletin of Saratov University. Ser. Sociology. Political science. 2014. Vol. 14. Iss. 4. P. 85–90.
2. Teliya V.N. Metaphor as a manifestation of the principle of anthropocentricity in the natural language // Language and logical theory: collection of articles and scientific works. Moscow, 1987. P. 86–192.

УДК 81-114

*Томский государственный
педагогический университет
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой теории языка и методики
обучения русскому языку
Курьянович А.В.
Россия, г. Томск,
e-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru*

*Tomsk State Pedagogical University
Doctor of Philology, Head of the Department of
Theory of Language and Methods of Teaching the
Russian Language
Kuryanovich A.V.
Russia, Tomsk,
e-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru*

*студент историко-филологического
факультета
Канова А.А.
Россия, г. Северск,
e-mail: alinaakanova@mail.ru*

*student of the Faculty of History and Philology
Canova A.A.
Russia, Seversk,
e-mail: alinaakanova@mail.ru*

А.В. Курьянович, А.А. Канова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА В ЭЛЕКТРОННОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются вербальные средства создания положительного образа регионального образовательного учреждения высшего образования в электронном публичном дискурсе, в частности, посредством знакомства с материалами, размещенными на его официальном сайте. В связи с определением публичного дискурса в качестве одной из ведущих сфер коммуникации, распространенного канала связи и источника информации, а также в силу востребованности и популяризации электронного общения в жизни современного носителя языка проблематика данного исследования является актуальной. Интерес к теме закономерен на фоне современных гуманитарных исследований, в том числе, осуществляемых в рамках таких научных направлений, как когнитивная и функциональная лингвистика, медиалингвистика, теория текста и дискурса, имиджелогия. В качестве эмпирического материала выступают лексические единицы, репрезентирующие имидж Томского государственного педагогического университета в электронном публичном дискурсе. Единицы отобраны посредством сплошной выборки в ходе анализа официального сайта данного образовательного учреждения.

Ключевые слова: образ регионального вуза, электронный публичный дискурс, лексические средства, официальный сайт вуза, Томский государственный педагогический университет.

A.V. Kuryanovich, A.A. Canova

LANGUAGE MEANS OF CREATING THE IMAGE OF A REGIONAL UNIVERSITY IN THE ELECTRONIC PUBLIC DISCOURSE

The article discusses the verbal means of creating a positive image of a regional educational institution of higher education in electronic public discourse, in particular, through acquaintance with the materials posted on its official website. In connection with the definition of public discourse as one of the leading spheres of communication, a widespread communication channel and a source of information, as well as due to the demand and popularization of electronic communication in the life of a modern native speaker, the problems of this study are relevant. Interest in the topic is natural against the background of modern humanitarian studies, including those carried out within the framework of such scientific areas as cognitive and functional linguistics, media linguistics, theory of text and discourse, and imageology. The lexical units that represent the image of the Tomsk State Pedagogical University in the electronic public discourse are used as empirical material. The units were selected by means of a continuous sample during the analysis of the official website of this educational institution.

Key words: image of a regional university, electronic public discourse, lexical means, the official website of the university, Tomsk State Pedagogical University.

В рамках современной когнитивно-дискурсивной лингвистики особое место уделяется изучению текстов разной жанрово-стилевой принадлежности, функционирующих в рамках различных дискурсов. Интересным объектом рассмотрения выступает *публичный дискурс*. Публичный дискурс репрезентирует коммуникации, предполагающие статус открытости и апеллирующие к общественным взглядам, ценностям, оценкам. Публичные коммуникации наблюдаются в различных сферах жизни современного общества – политике, экономике, духовной культуре и т.д. По определению В.М. Русакова и О.Ф. Русаковой, публичные коммуникации – это системы взаимодействия в социуме, основной адресной аудиторией которых является общественность, главной стратегической задачей – воздействие на ментальные структуры общественности, к которым относятся образы, мысли, картины мира, ценностные ориентации, формы и способы идентификации, мнения, символические и знаковые миры и др. [1]. Публичный дискурс представляет «многомерное пространство коммуникации в публичной сфере, рассматриваемое с точки зрения особенностей своего языкового построения и выражения в соответствии с условиями или контекстом существования различных сфер социальной жизни и действующих в ней публичных институтов и факторов» [2, с. 47].

В настоящее время благодаря развитию сети Интернет на основании специфики канала общения формируется и новая коммуникативная среда – электронная. *Электронная коммуникация* обладает специфическими чертами, в том числе: виртуальным, дистанцированным, опосредованным характером интеракции участников, наличием средства и формы коммуникации в виде гипертекста, синкретизмом дискурсивной природы, существованием особых правил этикета (см., например, об этом: [3]).

Поскольку очевиден факт пересечения функциональных свойств электронного и публичного взаимодействия, считаем целесообразным в качестве дискурсивного контекста рассмотрения образа регионального вуза определить сферу электронной публичной коммуникации, представленную, в частности, в виде информационного электронного контента – официального сайта вуза. В рамках данной работы предметом рассмотрения выступает имидж высшего учебного заведения педагогического профиля, а именно – Томского государственного педагогического университета (ТГПУ), формируемый посредством его официального сайта [4]. Таким образом, *электронный публичный дискурс* можно рассматривать как особую разновидность дискурса, формирующуюся и развивающуюся в совершенно новой коммуникативной среде – электронной, обладающей свойствами открытого публичного пространства.

Одним из функциональных свойств электронного публичного дискурса выступает способность участвовать в формировании имиджа отдельных лиц и целых организаций с целью продвижения их интересов в регионе, стране, мире. Электронная публичная среда как пространство существования официального сайта педагогического регионального вуза ориентирована на формирование и поддержание его позитивного образа в глазах широкой общественности. Это, в свою очередь, является важным фактором роста конкурентной среды в сфере образования и успешности деятельности образовательного учреждения: формирования положительного отношения абитуриентов к учебному учреждению, эффективности привлечения инвесторов, установления сотрудничества с другими вузами региона и страны, а также международных отношений с иностранными вузами.

Образ организации в представлении различных групп общественности называется *корпоративным, или организационным, имиджем* – соответствующим целям психического воздействия на людей, специально сконструированным в их сознании психическим образом [5]. Разные аспекты деятельности вуза создают возможность говорить о различных проявлениях образа вуза: его *бизнес-имидже* (деловой репутации, степени успешности выпускников, многообразии факультетов и различных направлений подготовки, использовании инноваций, истории и традициях вуза), *социальном имидже* (маркере роли вуза в социальной, экономической и культурной жизни региона, возможности обучения инвалидов, сирот, социальной защищенности студентов в целом), *визуальном имидже* (представлении о внешнем виде корпусов, кабинетов, лекционных, спортивных и актовых залов, символике и интернет-сайте учреждения) (см. работы М.В. Вахтеровой, В.Г. Горчаковой, Е.А. Какоткиной, Н.В. Кочетковой, К.С. Матвеевой, А.Ю. Панасюк, Е.Б. Перельгиной, Г.Г. Почепцова, М.А. Симаковой и др.).

На интернет-сайте Томского государственного педагогического университета (далее – ТГПУ) представлены тексты, оформляемые различными интернет-жанрами: заметки, новостные репортажи,

интервью и др. Заметка, как правило, характеризуется краткостью и лаконичностью, ввиду чего теряется выразительность и образность лексических единиц. Новостной репортаж подразумевает освещение событий путём подробного и объёмного описания происходящего или произошедшего. Заметки – наиболее частотный тип текста на сайте ТГПУ. Целевой аудиторией официального сайта ТГПУ выступают абитуриенты, их родители, студенты и сотрудники вуза. В связи с этим основной целью всех текстов является, безусловно, привлечение внимания к деятельности и успехам вуза. Интернет-публикации можно считать особым инструментом рекламы. К их задачам можно отнести информирование, краткое освещение события.

В качестве единиц анализа выступают лексемы – слова и выражения, номинирующие ТГПУ и его разные сферы деятельности, имеющие позитивную коннотацию, выполняющие роль создания положительного образа вуза в электронном публичном дискурсе. Отметим, что положительная коннотация может создаваться различными способами: во-первых, за счет слов, в значении которых изначально, вне контекста, присутствует сема положительной оценки; во-вторых, посредством контекста, с помощью которого в словах актуализируется положительная коннотация; в-третьих, при помощи образно-выразительных средств.

В процессе анализа текстов, представленных на официальном сайте ТГПУ, посредством сплошной выборки выявлено 26 языковых единиц. Из них к первой группе способов создания положительной коннотации относятся 15 словных и сверхсловных элементов: *стал призером, на первом месте среди всех педагогических вузов страны, 1 место среди педагогических университетов России, 2 место среди педагогических вузов России, стал одним из ста лучших вузов России, занимает 1 место, ТГПУ занимает 2 место среди педагогических вузов России, подтвердил статус лучшего педагогического университета страны и Восточной Европы, завоевали «серебро», завоевали золото, покорили сцену, победили во Всероссийской универсиаде, признана лучшей, завоевала главную награду, присудило гран-при*. Ко второй группе относятся 11 единиц из выявленных 26: *организатор, оказался единственным педагогическим, ТГПУ окажут индивидуальную адресную помощь, получить качественное образование и реализовать себя, сильнейшая в стране структура студенческого самоуправления, семинары от ведущих экспертов, активная реализация программы «Школьный учитель – 2019», прошел научно-практический семинар, проводит конкурс презентаций, организует летний лагерь, вошли в число самых цитируемых*. В ходе рассмотрения единиц, относящихся к третьей группе, обнаружено не было. Это можно объяснить тем, что новостные ленты требуются максимальной прозрачности и ясности информации для целевой аудитории. Сайт ТГПУ, с этой точки зрения, перенасыщен, ввиду чего предпочтение отдается минимальному объёму новостных лент, чтобы сократить время на поиск и переработку информации. Для стилистики медиатекстов также не характерен язык образности, так как в данной ситуации требуется максимальная понятность и минимальное время, потраченное на восприятие информации адресатами. Таким образом, на основании результатов выборки единиц для анализа очевидно, что в качестве средств создания положительной коннотации в восприятии образа вуза посредством языковых средств преобладают единицы, в основу значения которых уже заложена сема положительной оценки.

В целях сохранения верифицируемости данных исследования необходимо провести различия между понятиями *имидж / образ* и смежными с ними дефинициями *самопрезентация* и *самоимидж*. Имидж – стихийно или целенаправленно формируемый образ определенного объекта, оказывающий эмоционально-психологическое воздействие на окружающих. Самопрезентация – вербальная и невербальная демонстрация себя в системе внешних коммуникаций с помощью использования определенных стратегий и тактик. Функционал единиц, создающих имидж, реализуется в упоминании вуза региональными СМИ, а единиц, создающих самоимидж, – в упоминании сотрудниками и студентами своего вуза. Единиц, создающих самоимидж вуза, обнаружено не было. Это может быть связано с особенностями ведения вузом своей рекламной кампании: контент, создаваемый сотрудниками университета или студентами, в большинстве случаев оказывается субъективным и мешает объективному восприятию деятельности вуза. А грамотно и профессионально выстроенная тактика информационной политики вуза направлена на создание исключительно положительного имиджа вуза, особенно для будущих абитуриентов.

Таким образом, в процессе обзора и частичного анализа единиц эмпирической базы обнаружено, что все единицы, найденные на официальном сайте ТГПУ, фигурируют в жанрах заметки или новостного репортажа и направлены на объективное информирование целевой аудитории о деятельно-

сти вуза. Анализ контента отобранных единиц осуществляется нами в четырёх аспектах: тематическом, грамматическом, лексико-семантическом и стилистическом.

Все собранные единицы дифференцируются на следующие *тематические группы*: (1) Спортивные и культурно-массовые достижения студентов ТГПУ, (2) Общественная деятельность вуза, (3) Позиция в рейтингах и статус университета. К первой тематической группе относятся 8 единиц (*завоевали, получили, покорили, признано* и пр.). Во вторую группу входят 11 единиц (*проводит, оказывает, организатор* и пр.). Единицы, относящиеся к этой тематической категории, обозначают роль вуза в организации общественных мероприятий, а также непосредственное участие в них. Третья тематическая группа насчитывает 7 единиц. К данной категории относятся словосочетания, в которых главным словом является существительное «место» в значении «определённого положения в рейтинге», и порядкового числительного, указывающего на саму позицию: первое, второе место. Стоит подчеркнуть наличие уточнения и конкретизации позиции посредством слова «среди» в связке с указанием на специфику вуза – «педагогический», и указанием географии – «России», «Сибири», «мира», например: *1 место среди педагогических вузов России*. Примечательны также такие выражения, как «один из» и под., которые передают значимость позиции и роли ТГПУ в регионе и стране. Следовательно, анализ тематического содержания материалов сайта ТГПУ позволяет сделать вывод о том, что первостепенной задачей сайта является формирование положительного образа ТГПУ с точки зрения осуществляемой образовательной и общественной деятельности в рамках региона – на территории Томской области.

Анализируя грамматические особенности отобранных языковых единиц, отметим, что преобладающее большинство их представляют словосочетания, в которых главным словом выступает глагол, указывающий на результат, а зависимым – существительное, чаще всего в значении «место среди призёров и победителей». В числе единиц из синтагматического окружения ключевых глаголов (*проводит, окажет, реализует* и др.) отмечены также слова со значением «формата мероприятия» (*семинар, урок, программа* и др.) или «автор/разработчик мероприятия» (*организатор, специалисты* и др.). Примечательно также наличие прилагательных типа «единственный» в связке с прилагательным «педагогический», «качественное» в связке с – «образование» и прилагательных в превосходной степени, таких, как «лучший», «сильнейший». В целом все отмеченные языковые единицы способствуют формированию положительного образа регионального педагогического вуза.

Лексико-семантический анализ отобранных языковых единиц позволяет сделать следующие выводы. Одним из частотных слов являются существительные «золото» и «серебро» в значении «медали высшего достоинства как награда за выдающиеся успехи в спортивных соревнованиях, на конкурсах». Актуальной семой в семантике этих слов выступает компонент «ценный металл, что-то ценное». Образ ТГПУ как вуза, имеющего признание в регионе и стране, создается также за счет использования лексемы «гран-при» («главная награда»). Данные единицы всегда сопровождаются словом «завоевали» в значении «добиться чего-либо своей деятельностью», что свидетельствует об объективности побед, одержанных вузом. Общий положительный смысл высказываний дополняет частотный атрибут «единственный» (в значении «исключительный») и существительное «место». Последнее в заметках и новостных репортажах на официальном сайте ТГПУ употребляется в значении «позиция среди победителей, призёров». Отметим также роль числительных – порядковых и количественных (*первое место, второе место, один из ста*), прилагательных в положительной и превосходной степени (*единственный, качественное, лучший, сильнейший*), участвующих в создании положительного образа ТГПУ в глазах широкой общественности.

Анализ выделенных языковых единиц с точки зрения стилистического аспекта подразумевает поиск и анализ коннотативной составляющей их семантики, то есть дополнительного ассоциативного, эмоционального, экспрессивного, образного, оценочного компонентов. Все единицы, выделенные нами, имеют исключительно положительную коннотацию, что непосредственным образом обуславливает формирование посредством материалов официального сайта вуза его положительного имиджа.

Таким образом, в условиях ускоренного развития СМИ, приоритетом имиджевой политики регионального вуза является работа в Интернет-среде. Как правило, эта работа реализуется на официальном сайте вуза, где публикуются официальные сообщения о деятельности университета, выступления ректора и других сотрудников, интервью, встречи. Имидж образовательной организации должен соответствовать определённым целям оказания воздействия на восприятие людьми – целевой

Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы II международной научной конференции аудиторией сайта – образа образовательного учреждения. Создание положительного образа регионального вуза имеет большое значение для поддержания его конкурентоспособности на рынке.

Библиографический список

1. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2011. 333 с.
2. Косоруков А.А. Публичный дискурс как фактор государственной политики России (на примере евразийской интеграции) // Мировая политика. 2018. № 3. С. 47-58.
3. Курьянович А.В. Функционально-прагматические свойства электронных эпистолярно-медийных текстов в аспекте восприятия интернет-пользователей // Русская речевая культура и текст: материалы IX Международной научной конференции. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2016. С. 120-125.
4. Официальный сайт Томского государственного педагогического университета. URL: <https://www.tspu.edu.ru> (дата обращения: 15.02.2021).
5. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психологические основы «Паблик рилейшнз»: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. 2-е изд. СПб.; Питер: Питер Принт, 2004. 203 с.

References

1. Rusakova O.F., Rusakov V.M. *PR-diskurs: teoretiko-metodologicheskii analiz* [PR discourse: theoretical and methodological analysis]. 2-ye izd., ispr. i dop. Yekaterinburg: Diskurs-Pi Publ., 2011. 333 p. (in Russian).
2. Kosorukov A.A. *Publichnyy diskurs kak faktor gosudarstvennoy politiki Rossii (na primere yevraziyskoy integratsii)* [Public discourse as a factor of state policy in Russia (on the example of Eurasian integration)] // *Mirovaya politika*. 2018. vol. 3, pp. 47-58 (in Russian).
3. Kur'yanyovich A.V. *Funksional'no-pragmaticheskiye svoystva elektronnykh epistolyarno-mediynykh tekstov v aspekte vospriyatiya internet-pol'zovateley* [Functional and pragmatic properties of electronic epistolary media texts in the aspect of perception of Internet users] // *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Tomsk: Izd-vo TSNTI Publ., 2016. Pp. 120-125 (in Russian).
4. *Ofitsial'nyy sayt Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Official site of Tomsk State Pedagogical University]. URL: <https://www.tspu.edu.ru> (date of access: 15.02.2021).
5. Bogdanov E.N., Zazykin V.G. *Psikhologicheskiye osnovy «Pablik rileyshnz»* [Psychological foundations of "Public relations"]: *ucheb. posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu i spetsial'nostyam psikhologii*. 2-ye izd. SPb.; Piter: Piter Print Publ., 2004. 203 p. (in Russian).

СЛОВО В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА *WORD IN THE TEXT SPACE*

УДК 81

*Воронежский государственный университет
д-р филол. наук, профессор,
заведующий кафедрой славянской филологии*

*Ковалев Г.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
The chair of Slavonic philology,
Doctor of philology, full professor,
the head of the chair*

*Kovalev G.F.
Russia, Voronezh, tel. 8(473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье представлена современная проблематика исследований в области литературной ономастики, отмечены основные тенденции развития данной отрасли науки, указаны применяемые специалистами-ономатологами методики.

G.F. Kovalev

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF RESEARCH DEVELOPMENT IN THE FIELD OF LITERARY ONOMASTICS OF RUSSIAN WRITERS

The article presents the current problems of research in the field of literary onomastics, highlights the main trends in the development of this branch of science, indicates the methods used by onomatologists.

В отличие от других ономастических направлений, в литературной ономастике исследуются все типы и уровни ономастических единиц. Это потому, что литературная ономастика – это литературные тексты, прямо или косвенно отражающие жизнь человека и человеческого общества. Более того, именно в литературной ономастике особенно рассматриваются такие типы антропонимов, как псевдонимы, именование прототипов и др.

Методика нашей работы связана с поиском деталей в творчестве самого писателя, помогающих вскрыть ономастическую лабораторию того или иного автора, в его черновиках, в воспоминаниях его современников и даже в совершенно косвенных источниках. Удивительно, но методы наши совпали с тем, о чем писал П.А. Вяземский, когда он готовил свой труд о Д.И. Фонвизине: «Тут на опыте убедился я в пользе и правдивости учения, что все во всем (tout est dans tout). Все в мире часто незаметно, но более или менее связывается и держится между собою. Ни в физическом, ни в нравственно-человеческом мироздании нет пустых мест. Все последовательно и соответственно занято. Нередко одно слово, одно имя, одно малейшее событие может вас увлечь в разнообразные и далекие изыскания. Так было и со мною» [1, с. 308].

К сожалению, имена могут быть и средством псевдонаучной эквилибристики. Мы уже писали, как используют литературоведы (а иногда и некоторые лингвисты) термин, доставшийся нам от эпохи «неистового Виссариона» – мы имеем в виду пресловутые «речные фамилии» персонажей, типа *Онегин*, *Ленский* и *Печорин* [2]. Другой вариант измышлений с помощью литературных имен проиллюстрируем фрагментом очень дельной работы Елены Толстой о специфике творчества А.П. Чехова. Разбирая рассказ «Тина», Е. Толстая пишет о его героине: «Сусанна обманывает, завлекает и губит. Здесь характерно ее имя: библейское Сусанна – невольная соблазнительница. Библейская аллюзия

скомкана и намеренно неточна, на самом деле героиня должна бы – по роли своей – быть Юдифью, завлекающей любовью врага своего народа, чтоб погубить его» [3, с. 31]. Налицо навязывание А.П. Чехову несуществующей библейской аллюзии, а затем ее опровержение, дескать, не прав Чехов. Полагаю, что за библейской маской у писателя настойчиво фигурировало другое, близкое по звучанию имя – *Сусанин*.

Характерно высказывание А. Белого по поводу творчества А.Блока, особенно если несколько абстрагироваться от А. Блока: «Понять Блока поэта <...> это значит рассмотреть мир его Музы в русле имени этой Музы» [4, с. 7]. Это высказывание можно понять и так: мир творчества писателя вполне представим и как мир имен. Для одних авторов это будет периферия, для других основной компонент творчества.

А. Белый полагал, что имена произведений обязаны отвечать законам ритма и «музыки текста». П. Зайцев вспоминал: «Брат профессора, Никанор Иванович, которого Белый часто называл Иваном Никаноровичем, объясняя, что «Иван Никанорович ритмичнее», тогда как Никанор Иванович с трудом входит в музыку текста, – тип собирательный» [5, с.373-374].

Сам же А. Белый иногда подробно объяснял ситуации, когда имена у него вызвали определенные звуко-семантические ассоциации. Так, в романе «Москва под ударом» он трактует именно в этом плане фамилию капиталиста Эдуарда фон *Мандро*: «Если бы осознать впечатление от звука «мандро», то можно было бы увидеть, что в «манн» было синее; в «др» было черное, будто хотевшее вспомнить когда-то виденный сон; «манн» – «манило», а «др» наносило удар... Да, удар над Москвой» [6, с. 56].

Весьма трудно было бы догадаться о происхождении одного из персонажей раннего А. Белого, если бы не записи С.Н. Дурылина: «В 1910 г. Борис жил летом один в квартире отца, в здании училища Живописи. <...> Борис стал рассказывать мне сюжет своего произведения и читать оттуда куски и фразы, отрывки, набросанные на путанных листочках. Они казались осколками каких-то ненаписанных симфоний А.Белого, но с большей тревогой, с большей мужественностью! Белый – женственен, Борис – мужествен

Герой звался – Реликвимини.

Герой был странен не менее своей фамилии, а фамилия – ею особенно доволен был Борис – была классическая: прямо из 5-й гимназии. Есть такой неприятный для гимназистов «неправильный глагол» <...>, если спрягать это «relinquere», то второе лицо множественного числа настоящего времени будет *reliquimini*. У Бориса был тогда уже – *до* всяких футуристов (футуристы посыпались в 1913 г.) – особый вкус к «заумным» звучаньям и словам, и я думаю, ему было приятно, что его герой не только страдает, но и спрягается» [7].

В. Шаламов по-своему интерпретирует качество имен персонажей: «Насколько трудно реалисту менять фамилии своих героев – Толстой, Куприн просто-таки с трудом меняют фамилии, настолько поработает материал.

Гоголь – пример другого рода. Фамилии героев, веселые фамилии сочиняются на ходу – и Хлестаков, и Яичница, и переплетено все фантастикой, как весь Гоголь.

Достоевский фамилии все мещанские придумывает для романов, и только для романов. Соответствие тут очень малое с «натурой». Совсем не тот принцип кладется в основание образа, типа. Болконских, Волконских у Достоевского нет. А у Куприна в «Поединке» был реалистический слепок, – вызывающий неуважение» [8, с.160].

А вот, как выяснила М. Шагинян при анализе текста романа О. де Бальзака «Утраченные иллюзии», французский автор регулярно черпал именник и протоперсонажей из своей же действительности: «Дело в том, что я погрузилась во все французские газеты того времени, когда Бальзак писал этот роман. И, к восторгу своему (восторгу исследователя), открыла, что Бальзак, в сущности, писал эту парижскую эпопею как репортаж: все, все, ну буквально все – имена куртизанок, происшествия, названия ресторанов и увеселительных мест, имена снобов и ловеласов из аристократических семейств, титулованных лиц с их экипажами и гризеток в их нарядах – было в газетах» [9, с. 505].

Интересно высказался по этому же поводу Е.И.Замятин: «Кстати сказать, это правило фамилии, имена прирастают к действующим лицам так же крепко, как к живым людям. И это понятно: если имя почувствовано, выбрано верно – в нем непременно есть звуковая характеристика действующего лица» [10, с. 978].

Эту звуковую характеристику имени уловили художник М.В. Добужинский и поэт К.И. Чуковский. Было бы неизвестно, откуда К.И. Чуковский взял своего Бармалея, но известно, что имя его навеяно Петербургскими реалиями. Именно здесь, на Петроградской стороне, была Бармалева улица, официально так и названная в 1798 г. по владельцу дома полковнику Бармалею. Идея сделать из этого имени персонаж принадлежит художнику М.В. Добужинскому. Вот как описал это сам К.И. Чуковский:

«Гуляя, мы вышли на Бармалееву улицу.

– Почему у этой улицы такое название? – спросил я. – Что это был за Бармалей? Любовник Екатерины Второй? Генерал? Вельможа? Придворный лекарь?

– Нет, – уверенно сказал Добужинский. Это был разбойник. Знаменитый пират. Вот напишите-ка о нем сказку. Он был вот такой. В треуголке, с такими усищами.

Вернувшись домой, я сочинил сказку об этом разбойнике, а Добужинский украсил ее прелестными своими рисунками» [11, с. 331].

Характерно наставление брату Александру, данное А.П. Чеховым: «... не употребляй в рассказах фамилий и имен своих знакомых. Это некрасиво: фамильярно, да и того... знакомые теряют уважение к печатному слову...» [12]. Оно было дано в связи с действительными ономастическими злоупотреблениями Александра в рассказе «Визиты». Таким же было мнение А.П. Чехова и по поводу произведений Б.М. Маркевича: «Б.Маркевич в своих произведениях изображает только своих близких знакомых, – признак писателя, не видящего дальше своего носа» [13].

В.М. Шукшин же наоборот использовал только реальные имена. Его сестра Наталья Макаровна вспоминает характерные детали ономастической лаборатории писателя: «Односельчане нередко были героями его рассказов. Мама упрашивала Васю не брать сrostкинские фамилии, а то вот, например, как взбеленились сестры Любавины после выхода в свет романа «Любавины». До Москвы дошли с жалобами, говорят, «чо попало пишет». Если взять Гриньку Малюгина или Пашку Колокольникова, то будь добрый, опиши их так, чтобы на себя были похожи, себя узнавали. А что образы собирательные, вымышленные, им в это верить не хочется, вот это и есть «чо попало».

Как-то Вася меня спрашивает, почему Люба Байкалова (сродная наша сестра) замуж не выходит, ведь давно вроде пора? Я говорю, она переписывается с тюремным заочником, он пишет ей хорошие письма, обещает после освобождения приехать в Сrostки. Вася эту переписку не одобрил. И вот в фильме «Калина красная» Егор Прокудин освобождается от собственных пут и едет к заочнице Байкаловой Любове Федоровне. (Даже отчества не изменил)» [14].

Академичный литературовед В.Я. Пропп в своем трактате «Проблемы комизма и смеха» специально коснулся проблемы создания комического с помощью имен собственных: «О комических именах можно было бы написать целое исследование. Мы здесь ограничимся самыми краткими наблюдениями. Можно наметить несколько разных видов комических имен. При помощи одних из них автор намекает на свойства изображаемых им героев. <...> В русской комедии XVIII в. этот принцип последовательно применялся Фонвизиним в его комедии «Недоросль». Таковы Тарас Скотинин, госпожа Простакова, Кутейкин, Цыфиркин, Вральман. Смешны имена только отрицательных типов, так как их имена подчеркивают недостатки. Имена положительных героев (Правдин, Стародум, Милон в «Недоросле», в «Бригадире» – Добролюбов) не смешны. Гоголь пользуется подобными именами очень умеренно и осторожно. В «Шпоньке» учитель грамматики зовется Никифор Тимофеевич Деепричастие. У Гоголя характер иногда зашифрован в именах и не высказывается так буквально, как у Фонвизина. Такие имена, как Хлестаков, Сквозник-Дмухановский, Держиморда, Собакевич, Манилов и другие, несомненно чем-то выражают характер тех, кто этими именами обозначен. Такова и фамилия Растаковский, если слог «Рас» воспринят как префикс усиливающий значение (Таковский – Растаковский). Таким же еле уловимым комизмом обладает имя штаб-офицерши Пелагеи Григорьевны Подточиной («Нос») [15].

Изучать в писательском творчестве необходимо все основные единицы ономастического пространства: антропонимы, топонимы, астронимы, зоонимы и т.д. И тогда открывается еще один аспект изучения имени: имя, как показатель истинной принадлежности автора к тому или иному произведению. Сколько копий сломано по поводу авторства В. Шекспира. Брался в электронную обработку текст (правда, с чем его сравнивать?), делались и другие попытки доказать его авторство или обратное. А вот лучше всего в этом процессе анализа текстов В. Шекспира все-таки сработала ономастика. В работах И. Гилилова вполне аргументированно доказывается, что автором «Шекспира» является

граф Роджер Мэннерс Рэтленд и его супруга Елизавета. В самом деле, В. Шекспир, как и А.С. Пушкин, никогда не выезжал за пределы своей родины. Кроме того, В. Шекспир напрочь не знал иностранных языков. А вот граф Рэтленд учился в Падуе (Италия), и теперь уже документально известно, что его сокурсниками были датские студенты..., знаменитые по «Гамлету», – да, да, те самые Розенкранц и Гильденстерн. Более того, известно, что граф Рэтленд специально в 1603 г. ездил в Данию (чтобы «довести» текст «Гамлета»?) [16, с.99-100].

Чаще всего ономастически исследуют конкретное произведение автора. Например, в монографии С.А. Коротких (она же позднее – Скуридина) «Ономастика романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» [17] проведен комплексный анализ всех без исключения онимов романа Ф.М. Достоевского. Взыскательного читателя удовлетворит прекрасно подготовленный указатель онимов, куда, кроме обычных онимов, вошли даже названия изданий, упоминаемых в романе [17, с.193-197].

Некоторые исследователи берутся за определенный жанр у автора. Так, Е.А. Бунеева исследовала ономастику так называемых «малых поэм» С. Есенина [18]. А вьетнамская исследовательница Чьонг Тхи Фьонг Тхань рассмотрела особенности ономастики раннего Андрея Платонова [19].

В качестве еще одного из направлений исследования литературной ономастики особенно в последние годы хорошо зарекомендовало себя составление ономастических словарей одного автора или одного произведения. Начало было положено, правда, еще во второй половине XIX века публикацией Словаря Я. Грота к стихотворениям Г.Р. Державина [20, с. 356-444]. Правда, почти все такие словари исследуют не ономастику автора, а в целом язык. Но и такой подход уже облегчает работу исследователя-ономаста.

Известный литературный критик и публицист М. Ольминский создавал свой «Щедринский словарь» в 1897 году в... тюрьме, куда он был препровожден за проповеди народнических идей. В этот словарь попали, в отличие от пушкинского, все имена персонажей, даже позаимствованные М.Е. Салтыковым-Щедриным у А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и И.А. Гончарова [21].

Интересным и довольно полным оказался Словарь К. Петрова к сочинениям Д.И. Фонвизина [22]. Правда, первые авторские словари еще нельзя было называть ономастическими – они лишь включали в свой состав имена собственные. В.И. Чернышев, критически анализируя Словарь к сочинениям Д.И. Фонвизина, так охарактеризовал наличие в нем имен собственных: «К. Петров помещал в словарь и собственные имена. Сам Фонвизин был против их внесения в русский словарь; он рассуждал так: «Собственные имена отнюдь не составляют существа языка, а уменьшительные их еще меньше, и если Ивану нет места в лексиконе, тем не менее, Ваньке такая претензия прилична». Далее он делал очень основательные возражения против доводов членов Российской Академии, настаивавших на праве собственных имен занимать место в словаре (Соч., стр. 255 и далее). Главное дело, впрочем, не в том, помещать или не помещать эти имена, но как помещать. Составитель словаря не выяснил себе этот вопрос. Некоторые имена он помещал в словарь, некоторые нет. Например, в словаре находятся: Митрофанушка, Простаков, Стародум (впрочем, лишь как название журнала, а не как лица), Софьюшкин, Софьин, Милон, Ско-тинин, Цыфиркин, Кутейкин, Вральман, Тришка, но в нем не помещены: Митрофан (Терентьевич), Еремеевна, Правдин, Софья, Софьюшка. Трудно понять, чем руководствовался К.Петров при таком выборе имен для словаря» [23, с. 320].

Следует отметить Словарь литературных типов (под ред. Н.Д.Носкова): СПб., 1908-1914, т.1-8 (т.1, 1908, вып.1-2, Тургенев; т.2, 1908, вып.3, Лермонтов; т.3, 1909, вып.4, Гоголь; т.4, 1909, вып.5, Аксаков; т.5, 1910, вып.6, Грибоедов; т.6, 1912, вып.7-8, Пушкин; т.7, 1914, вып.9-10, Гончаров) [24].

С деятельности А.Л. Бема начинается эпоха собственно ономастических словарей писателей (Словарь личных имен у Достоевского // О Достоевском. Прага, 1933, т.2, с.1-81) [25]. Правда, и этот словарь все же был ближе к словнику.

Образцом авторского ономастического словаря можно назвать работу питерских авторов: Федоров А.В., Фоянкова О.И. Словарь автобиографической трилогии М.Горького. Имена собственные (личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений) Л., 1975. Эта работа продолжена дальневосточными авторами: Словарь повести М. Горького «Фома Гордеев». Владивосток, 1990, вып.1 (Имена собственные), вып.2 (А – бытие). Можно отметить также целый ряд других интересных работ [подробнее см. 26, с.157-208].

Интересным и полезным для ономастов изданием может оказаться «Миры братьев Стругацких. Энциклопедия» (В 2 т. / Сост. В.Борисов. М., 1999), поскольку, как пишет составитель в первом томе, сделана попытка «собрать воедино ономастическую лексику АБС (то есть, А. и Б. Стругацких), а

именно: имена персонажей и упоминаемых в их книгах реальных лиц, географические, астрономические и прочие названия, как вымышленные, так и реально существующие в нашем мире».

Казалось бы, серьезным явлением в исследованиях ономастики эпохи Серебряного века должен был оказаться четырехтомный Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова и др. М., 2001-2010 [27]. Однако множество поэтов, включенных в текст данного словаря, создают впечатление просто наваленного без разбору материала. Поэтому монографические словари, в которых представлены тексты одного автора, дают гораздо больше материала для погружения в исследование особенностей ономастики отдельного автора.

Словарь О.С. Крюковой «Ономастикон романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин» (М., 1999), претендующий на жанр ономастического словаря, к сожалению, вышел, к сожалению, только на уровень словника [28].

Довольно интересно сделана работа В.М. Калинкина [29], хотя, на наш взгляд, в словарных статьях слишком много дефинитивно-терминологического аппарата и значительно слабее представлен литературно-исторический комментарий.

«Словарь языка А.С.Пушкина» так и не вообрал в себя всю полноту ономастического материала, поскольку в него вошли только отчасти библейские, древнеантичные и ренессансные онимы. А вот имена персонажей так и не были собраны лексикографами А.С.Пушкина. Поэтому приходится дополнять его. С этой целью и была начата серия изданий, из которых вышло пока два: Обухова Е.С. Ономастика лицейской лирики А.С.Пушкина. Словарь. Воронеж, 2005, 208 с. [30]; Обухова Е.С. Ономастика творчества А.С.Пушкина Петербургского периода (1817-1820). Словарь. Воронеж, 2009, 168 с. [31]. Сейчас, к сожалению, эта лексикографическая работа прервана в связи с переездом автора в Охрид (Северная Македония). Думается, что мы найдем пути к продолжению этого словаря.

На Украине впервые был издан словарь поэтических онимов В. Брюсова (Рогозина В.И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова. Донецк, 2011, 274 с. [32]).

Одна из последних работ в этом направлении – словарь персонажей А.П. Чехова, подготовленный М. Ткаченко [33]. О нем восторженно отзывался О. Табаков: «Эта книга из тех немногих изобретений, которые приходят в голову людям, действительно погруженным в мир Чехова. Нам предложен полный словарь чеховских героев, извлеченных из прозы, драм и водевилей, из всего того, что именуют миром Чехова. Просто взяли и составили нечто вроде «телефонного справочника» по Чехову. Выписали в ряд по алфавиту всех его персонажей с указанием фамилии (если таковая присутствует), имени, или отчества, или просто клички. Рядом указали профессию того или иного человека и из какого произведения он извлечен. Вот, казалось бы, и вся хитрость. На самом деле получился на редкость информативный справочник, имеющий отношение не только к Чехову, но и к той России, которую он зафиксировал в своем творчестве» [34].

Правда, восторг О. Табакова разделить профессиональным исследователям ономастики А.П.Чехова крайне сложно. По многим параметрам книга М.Ткаченко более соответствует лишь подарочному альбому. Антропонимикон же А.П.Чехова представлен крайне скупо: фамилия или прозвище – характер роли – название произведения. Например:

Киршмахер помещик «Враги»

Любимов дьякон «Письмо»

Ляганов чиновник «Свадебные пометки».

Кроме того, в этот не словарь, а словник попали только, как сообщает составитель, вымышленные имена и только в художественных произведениях. Поэтому говорить о великой ценности данного издания не может быть и речи.

Сравнительно недавно вышла в свет работа японского достоевковеда Накамура Кэнноске «Словарь персонажей произведений Ф.М.Достоевского» [35]. К сожалению, эта работа, законченная к 1990 г., оказалась чисто литературоведческая и с лексикографией ее объединяет только совсем лишнее первое слово в названии (Словарь...). Хотя переводчик этой книги А.Н.Мещеряков писал: «В ней, впервые в мировой науке, подвергнуты анализу все основные персонажи всех без исключения художественных произведений писателя, что позволяет говорить о настоящей энциклопедичности этого труда. <...> Автор разобрал «по косточкам» все художественные произведения Достоевского, дал характеристику всем основным персонажам» (Там же, с.6). Однако в этой книге совершенно нет никаких ссылок, никаких объяснений имен и т.д., поэтому при полном отсутствии исследовательского аппарата вряд ли можно говорить об энциклопедизме данного издания, что и обесценило это, без-

условно, талантливое литературоведческое сочинение. Оно лишь повторило в значительно расширенном варианте работу коллектива под руководством А.Л.Бема [см.: 25]. А жаль, ведь по персонажам Ф.М.Достоевского уже столько много написано и в России, и за ее рубежами.

Даже в таком популярном журнале, как «Русский язык в школе», в его приложении «Русский язык в школе и дома» регулярно с №7, 2010 г. печатался словарь С.И. Зинина «Поэтические антропонимы в произведениях Ф.М.Достоевского» (к сожалению, как и в японском варианте: без должного комментария и ссылок на литературу). Печатали по 3-4 страницы в номере и конца так и не было не видно (в №12 за 2012 г. были еще только статьи на букву Р).

И, наконец, один из последних проектов – уже в стадии подготовки к публикации подготовленный Е.Яблоковым и М.Богомоловой Словарь персонажей повести А. Платонова «Ювенильное море» [36].

О важности лексикографической фиксации имен собственных говорит и работа сотрудников Института славяноведения РАН над созданием базы данных «Славянские мифологические персонажи» [37].

За последнее столетие изучение ономастики в мире перешло от фазы отдельных замечаний лингвистов, литературоведов, историков, географов, а также писателей и поэтов к полновесному научному исследованию всех сторон ономастических единиц всевозможных типов и языков. Специализированные ономастические журналы выходят в разных странах: старейший из них – шведский «*Namn och Bygd*» (с 1913 г., Уппсала), «*Revue Internationale d'Onomastique*», основанный А.Дожа в 1949 г. в Париже, «*Beiträge zur Namenforschung*» (выходит с 1949 г., Бонн, позже Хайдельберг), «*Names*» (выходит с 1949 г., Беркли, позже Мэдисон), «*Onoma*» (с 1950 г., Лувен), «*Onomastica*» (с 1955 г., Вроцлав – Краков – Варшава), журнал «*la Nouvelle revue d'onomastique*» (NRO) выпускается ассоциацией «*La Société française d'onomastique*» (с 1960 г.). В Казахстане нерегулярно, но все же выходят выпуски «Вопросы антропонимики» (Алматы). На Украине в Одесском Национальном университете издаются «Записки з ономастики», готовился 16 выпуск, а в Донецком Национальном университете выходит журнал «*Λογος ονομαστικῆς*» (с 2006 г., в связи с украинскими арталетами на Донецк выпуск был временно приостановлен, но потом все-таки продолжился).

Если говорить о Российской Федерации, то здесь уже около двух десятков лет издается довольно академичный журнал «Вопросы ономастики» (первый номер журнала вышел в 2004 г., Екатеринбург).

В Советском Союзе библиография ономастики была поставлена очень высоко. Под руководством А.В.Суперанской вышли три тома с прекрасно подготовленным вспомогательным аппаратом (большим форматом А-4):

Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год. М., 1970, 205 с.

Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971-1975 гг. с приложением за 1918-1962 гг. М., 1978, 301 с.

Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1976 по 1980 гг. М., 1984, 265 с.

Впоследствии дело затормозилось из-за недостатка финансирования, а потом не стало и руководителя.

Пожалуй, из современных изданий выделяются лишь указатели, созданные в Адыгейском государственном университете:

Ономастика-1. Указатель литературы, изданной в Адыгейском государственном университете с 1993 по 2008 гг. / Сост. С.Ш. Шхалахо. Майкоп, 2008, 51 с.

Ономастика-2. Указатель литературы, изданной в Адыгейском государственном университете с 2009 по 2014 гг. / Сост. А.А.Адзинова. Майкоп, 2014, 32 с.

Позднее вышел аналогичный библиографический указатель и в Беларуси: Мезенка Г.М. Белоруская анамастыка (2000-2015 гг.). Бібліяграфічны паказальнік. Віцебск, 2016, 182 с.

Украинская ономастика представлена изданием: Бібліяграфія української ономастики. / Коллектив. Відповідальний редактор: к. філол. н. С.О. Вербич. Київ, 2013. 370 с.

Это в целом обо всей ономастике. Однако потихоньку начала выделяться, как уже отдельная дисциплина ономастики, литературная ономастика. Сравним, насколько продвинулось дело у библиографов зарубежья. Например, французы издают не только мощные библиографии ономастики по периодам. Например, в ономастической биб-лиогрфии М.Мюлон есть уже значительный массив позиций по литературной ономастике (Mulon M. *L'onomastique française. Bibliographie des travaux publiés*

de 1960 a 1985. Paris, 1987, XXIV, 417 p.). Издают и ономастические справочники по отдельным аспектам, в частности, по литературной топонимике (Deroy L., Mulon M. Dictionnaire de noms de lieux. Paris, 1992, 532 p.).

В англоязычной лексикографии отмечается около трехсот авторских словарей, посвященных языку более чем восьмидесяти художникам слова. Среди таких словарей довольно много чисто ономастических, например, по ономастике У.Шекспира, Ч.Диккенса, В.Скотта и др. (Karpova 2011). Есть и обзоры работ по литературной ономастике (Ashley 2003, p. 279-304).

Благодаря уже двухвековой истории изучения ономастики в Польше, она получила шесть выпусков библиографии польской ономастики:

1. Bibliografia onomastyki polskiej, opr. W. Taszycki, Kraków 1960.
2. Bibliografia onomastyki polskiej od roku 1959 do roku 1970 włącznie, red. M. Taszycki przy współudziale M. Karasia i A. Turasiewicza, Kraków 1971.
3. Bibliografia onomastyki polskiej od roku 1971 do roku 1980 włącznie, red. K. Rymut, opr. H. Mól, R. Przybytek, Z. Zierhofferowa, Wrocław 1983.
4. Bibliografia onomastyki polskiej od roku 1981 do roku 1990 włącznie, opr. R. Przybytek i K. Rymut, Kraków 1992.
5. Bibliografia onomastyki polskiej od roku 1991 do roku 2000 włącznie, opr. R. Przybytek, K. Rymut, Kraków 2001.
6. Bibliografia onomastyki polskiej, 2014. (<http://bibliografia.onoma-styka.ijp-pan.krakow.pl/>). К сожалению, этот выпуск оказался самым неудачным и на редкость не профессиональным.

Но только в 2001 году вышла первая библиография польской литературной ономастики: Sarnowska-Giefing I., Korzeniowska-Gosieniecka M. Bibliografia polskiej onomastyki literackiej do roku 2000. Poznań, 2001, 67 s. Причем здесь были указаны работы не только по польской литературе, но и по мировой, включая русскую литературу (правда, с некоторыми пробелами). А в 2013 г. вышел второй том этой же библиографии: Sarnowska-Giefing I., Graf M., Grelak-Piaskowska J. Bibliografia polskiej onomastyki literackiej za lata 2001-2013. Poznań, 2013, 53 s.

Для исследователей польской литературной ономастики весьма полезной окажется и статья: Парамонова А.Е. Проблемы периодизации польской литературной ономастики // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2006. № 1 (39), с.66-70.

В болгарской ономастике вышло лишь три выпуска ономастической библиографии:

Дуриданов И., Андреева С. Библиография на българската ономастика 1940-1970. София, 1980, 404 с.;

Чолева А., Бечева Н., Кокаличева Р., Лазарова Л. Библиография на българската ономастика 1971-1980. Велико Търново, 1993, 160 с.

Балкански Т., Белнейска-Георгиева М., Константинова Ц., Михайлова Д. Библиография на българската ономастика 1981-2000. Велико Търново, 2013, 398 с.

Однако в этих изданиях редко попадаются работы по литературной ономастике, они просто единичны на фоне топонимике и антропонимике, видимо, поэтому отдельной библиографии по литературной ономастике в Болгарии еще долго не будет.

В ономастике Северной Македонии вообще пока нет традиции исследования ономастических единиц в художественной литературе (См.: Ячева-Улчар Е. Ономастичките проучувања во Македонија во период од самостојувањето до денес // Предавана на XL Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Охрид 13-30 VIII 2007. Скопје, 2008, с.111-123; см. также: Стаматоски Т. Македонска ономастика. Скопје: Ин-т за макед. јаз. "Крсте Мисирков", 1990. 336 с.).

Аналогично в Чехии и Словакии, по общей ономастике издано более пятидесяти томов *Acta onomastica* (Praha, основан в 1960 г. В.Шмилауэром и Й.Свободой), а также периодические издания по ономастической библиографии:

Novakova M., Dvornic L. Bibliografie Česke a Slovenske onomastiky. 1989-1990 / Československa akad. ved. Ustav pro jazyk česky. Praha, 1992. [2], 87 s.;

Novakova M., Dvornic L. Bibliografie Česke a Slovenske onomastiky. 1991-1992. Praha, 1993, 63 s.;

Novakova M. Bibliografie česke onomastiky. 2001-2002. Praha, 2004, 85 s.

Однако также специальных библиографий по литературной ономастике здесь пока так и не подготовлено.

Единственное издание по библиографии сербо-хорватской ономастики, которое оказалось нам доступно, было:

Putanec Valentin, Simunović Petar. Retrospektivna onomastička bibliografija hrvatsko-srpska do godine 1975. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1987. VII, 405 s. (Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Razred za filološke znanosti ; knj. 68).

Если же говорить об изучении ономастики русской литературы, то уже более сорока лет прошло со времени выхода первой библиографии литературной ономастики [38]. В этом библиографическом списке насчитывалось около 260 позиций. Его авторы ставили цель собрать сведения по мировой литературе на русском языке. Поэтому доля собственно исследований по ономастике русской литературы в этой библиографии была небольшой и далеко не полной даже для того времени.

За прошедшие годы отечественными ономастами и литературоведами было сделано многое. Появились новые аспекты исследований ономастических единиц, да и сами единицы стали более разнообразными, перейдя за традиционные пределы антропонимии. Частично новая литература по проблемам литературной антропонимики описана в работах Н.В. Виноградовой (1998, с.157-197), ученых барнаульской школы [39], а также ономастов байкальского региона [40]. Однако, как и ранее, они учитывают публикации по ономастике не только русской, но и мировой литературы в целом, поэтому библиография по отечественной литературной ономастике оказывается далеко не полной.

Аналогичную Библиографию сейчас готовят к опубликованию представители донецкой ономастической школы под руководством профессора В.М.Калинкина. Главная черта данной работы – обязательная аннотация при каждой библиографической ссылке. Эта Библиография, видимо, будет содержать около 10000 позиций, поскольку она будет содержать информацию по мировой литературной ономастике.

Мы уже предпринимали попытку составления библиографии литературной ономастики [26, с.157-208]. В первой пробе было зафиксировано около 700 позиций. Однако за четыре года, прошедших после этого издания, ко времени первого нашего отдельного издания Библиографии [41] количество публикаций (доступных нам хотя бы для фиксации) более чем удвоилось и насчитывало 1943 позиции.

После уточнений, исправлений и дополнений библиография составила уже более 3200 позиций, что и заставило нас переиздать эту книгу в 2014 г. Это было последней библиографией, объявшае всю историю ономастики русской литературы от ее начала по 2010 год [42]. Содержала она 3244 позиций на разных языках

Наша библиография составлена более узко, чем предыдущие: учитываются монографии и статьи только по русской литературе (включая, правда, и основные жанры русского фольклора: былина, сказка, песня, а также частушка, пословица и поговорка). В то же время тематика публикаций значительно расширена: если прежние библиографии были нацелены в основном на литературную антропонимию, то в нашу библиографию вошли исследования по всем ономастическим единицам, поскольку литературная ономастика своеобразно отражает вполне реальную жизнь: антропоним, топоним, астроном, зооним, этноним, эргоним и др. В качестве самостоятельной ономастической единицы фигурируют и собственные фамилии авторов и их псевдонимы, а также название или заглавие литературного произведения. Кроме того, мы включили и довольно обширный материал, который обычно не является ономастическим. Речь идет о прототипах или протоперсонажах. Конечно, это ближе к литературоведению, но без такого материала трудно говорить о глубине ономастической полноты в исследовании того или иного имени персонажа. А ведь зачастую от прототипа и берется имя персонажу, ср. у А.С.Пушкина: Шванвич > Швабрин, у Л.Н.Толстого: Оболенский > Облонский, у М.А.Булгакова: Барбюс > Берлиоз и т.п.

Естественно, что в данную библиографию не включены рукописи, депонированные в ИНИОН РАН (ввиду их малой доступности для периферийного читателя, а зачастую и из-за невысокого качества публикаций).

Исходя из желания представить библиографию компактно, мы отказались от резюмирующих или пояснительных комментариев, поскольку это удвоило бы объем публикации. Мы понимаем, что обрекаем на определенные сомнения исследователей, встретивших в нашем списке такое: Гришкова Л.В. Имя собственное в художественном тексте // Функционирование языковых единиц в тексте. Курган, 2001, с.19-22. Конечно же, хорошо было бы снабдить данную позицию пояснением, что она "посвящена функционированию имен собственных в текстах М.Волошина", но пусть уж недостаток

отсутствия такого пояснения разделят с нами авторы не совсем информативных названий собственных трудов.

К сожалению, не так уж редки и случаи, когда в названии работы четко обозначены авторы, ономия которых якобы исследуется, однако и следа того, что обозначено в названии, в работах не обнаруживается. В качестве примера приведем статью: Кузина Н. Имя собственное и поэтический мир (О.Мандельштам и Б.Пастернак) // Русская филология. 6. Тарту, 1995, с.135-138. Здесь, несмотря на название статьи, читатель не встретит ни одного проанализированного автором имени собственного (рассматриваются категории времени, пространства, поэтического мира и т.д. и т.п.). Аналогичны работы Е.Л.Гинзбурга, якобы посвященные топонимии Ф.М.Достоевского.

Желая облегчить работу исследователей, а также учителей-словесников, студентов и аспирантов, мы добавили еще и раздел "Словари и справочники", в который вошли различные энциклопедии, ономастические словари разнообразных типов, другая справочная литература, включая «небумажную» информацию Интернета.

Библиография оснащена "Указателями", цель которых – значительно ускорить процесс поиска нужных исследований. Таких указателей четыре: "Указатель исследований по писателям", "Указатель названий произведений", "Указатель онимов" (в основном имен персонажей и топонимов) и "Предметный указатель онимов".

Библиография составлена не по вредительскому ГОСТу 2003 года, от которого дурно пахло незнанием и дискредитацией русского языка, а по упрощенным нормам, принятым у цивилизованных авторов и издателей. То есть: нет запятой между фамилией и инициалами, нет лишних тире, нет дурного повтора фамилии. Да и названия издательств и редакторов в основном тоже пришлось сократить, иначе текст увеличился бы в объеме более чем в два раза.

В настоящее время автор собирает материал следующего выпуска "Библиографии" – с 2010 года по 2020 год. Но, поскольку библиографические данные в современном научном пространстве задерживаются почти на 5-6 лет (и не только из-за пожара, сгубившего библиотеку и информационную базу ИНИОН), это издание придется дополнить пропущенными работами предшествующего периода. Материал нового выпуска Библиографии только за последние 10 лет уже составляет более 2200 позиций. Видимо, в 2022 г. новый том Библиографии будет опубликован.

Библиографический список

1. Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992.
2. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж, 2004.
3. Толстая Е.Д. Поэтика раздражения. М., 2002.
4. Белый А. Вступительное слово // Памяти Александра Блока. Пб., 1922.
5. Зайцев П. Московские встречи (Из воспоминаний об Андрее Белом) // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995.
6. Белый А. Москва под ударом. С. 191.
7. Воспоминания о Борисе Пастернаке. М.: «Слово», 1993. С. 56.
8. Шаламов В. Несколько моих жизней: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: «Эксмо», 2020.
9. Шагинян М. Человек и время. М., 1982.
10. Замятин Е.И. Зеленый ветер. Воронеж, 2002.
11. Чуковский К.И. Чукоккала. М., 1979.
12. Письмо А.П. Чехову от 4 янв. 1886 г. // Полное собр. соч. и писем. Письма. М., 1974. Т. 1. С. 177
13. Осколки, 1884, №7, 18 февр.
14. Зиновьева (Шукшина) Н.М. Наш дом у горы Пикет // Труд, 1999, 24 июля, с.5.
15. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999.
16. Гилилов И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М., 2000.
17. Скуридина С.А. Ономастика романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» Воронеж, 2004, 199 с.
18. Бунеева Е.В. Ономастическое пространство поэм С.А. Есенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 2011. 19 с.
19. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Ономастика ранних и автобиографических произведений Андрея Платонова. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2019. 164 с.
20. Грот Я. Словарь к стихотворениям Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.Грота. СПб., 1883, т.IX, с.356-444.
21. Ольминский М.С. Словарь Щедрина. М., 1937.

22. Петров К.П. Словарь к сочинениям и переводам Д.И.Фонь-Визина. СПб., 1904.
23. Чернышев В.И. Избр. труды. Т. 2. М., 1970.
24. Словарь литературных типов / Ред. Н.Д. Носкова. М., 1909.
25. Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. Л.Милетич. София, 1933.
26. Ковалев Г.Ф. Ономастические этюды. Писатель и имя. Воронеж, 2002.
27. Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: В.П.Григорьев, Л.Л.Шестакова и др. М., 2001, т.1: А – В. 896 с.; 2003, т.2: Г – Ж; 2008, т.3: З – Круг; 2010, т.4: Кругл – М. 768 с.
28. Крюкова О. С. Ономастикон романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин" : 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина посвящается. – М. : Мик, 1999. – 150 с.
29. Калинин В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С.Пушкина). Донецк, 1999, 247 с.
30. Обухова Е.С. Ономастика лицейской лирики А.С.Пушкина. Словарь. Воронеж, 2005, 208 с.
31. Обухова Е.С. Ономастика творчества А.С.Пушкина Петербургского периода (1817-1820). Словарь. Воронеж, 2009, 168 с.
32. Рогозина В.И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова. Донецк, 2011, 274 с.
33. Все герои А.П. Чехова – вся Россия. М., 2004.
34. Табаков О. От Аболтухова до Яшкина // Лит. газ., 2004, №20-21, с.10.
35. Накамура Кэнносэ «Словарь персонажей произведений Ф.М.Достоевского». СПб., 2011. 400 с.
36. Яблоков Е., Богомолова М. Опыт Словаря платоновских персонажей (на материале повести «Ювенильное море» // Поэтика Андрея Платонова. Сборник 1. На пути к «Ювенильному морю». Белград, 2013.
37. Левкиевская Е.Е. Электронный способ классификации мифологических персонажей // Живая старина, 2002, №2.
38. Зинин С.И., Степанова А.Г. Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре. Библиография // Антропонимика. М., 1970.
39. Виноградова Н.В. Имя литературного персонажа: Материалы к библиографии // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 1998, вып. 4.
40. Маюрова Ж.Д. Библиография ономастических работ исследователей Байкальского региона // Вестник Бурятского гос. ун-та. Филология. Улан-Удэ, 2009. Вып.10, с.293-294.
41. Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы. Воронеж, ВГУ, 2006, 212 с.
42. Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. Воронеж, "Научная книга", 2014, 346 с.

References

1. Vyazemsky P.A. Notebooks. M., 1992.
2. Kovalev G.F. Writer. Name. Text. Voronezh, 2004.
3. Tolstaya E.D. The Poetics of irritation. M., 2002.
4. Bely A. Opening remarks // Memory of Alexander Blok. IB., 1922.
5. P. Zaitsev Moscow meeting (From the memoirs of Andrew White) // memories of Andrew White. M., 1995.
6. White A. Moscow under attack. P. 191.
7. Memories of Boris Pasternak. M.: Slovo, 1993. P. 56.
8. Shalamov V. Several of my life's Memories. Notebooks. Correspondence. Investigative cases. M.: "Eksmo", 2020.
9. Shaginyan M. Man and time. M., 1982.
10. Zamyatin E.I. Green wind. Voronezh, 2002.
11. Chukovsky K.I. Chukokkala. M., 1979.
12. Letter to A.P. Chekhov from January 4, 1886 // Complete collection of op. and letters. Letters. M., 1974. Vol. 1. p. 177
13. Fragments, 1884, No. 7, February 18.
14. Zinoviev (Shukshina) N.M. Our house is in the mountains Picket // Labor, 1999, 24 July, p. 5.
15. Propp V. Ya. Problems of Comedy and laughter. M., 1999.
16. Gililov I. M. Play about William Shakespeare, or the Mystery of the Great Phoenix. M., 2000.
17. Skuridina S. A. Onomastics of the novel of F. M. Dostoevsky's "Brothers Karamazov" Voronezh, 2004, 199 p.
18. Buneeva E.V. Onomastic space of S.A. Yesenin's poems: abstract. dis. ... Candidate of Philology. sciences. Voronezh. 2011. 19 p.
19. Truong Thi Phuong Thanh. Onomastics of Andrey Platonov's early and autobiographical works. Voronezh: Nauka-Unipress, 2019. 164 p.
20. Grotto Ya. Dictionary of Derzhavin's Poems // Derzhavin's Writings with explanatory notes by Ya. Grot. SPb., 1883, vol. IX, p. 356-444.
21. Olminskogo M. S. Dictionary Of Shchedrin. M., 1937.

22. Petrov K. P. Dictionary to the works and translations of D. I. Background-Visine. SPb., 1904.
23. Chernyshev, V. I. Selected Works. works. Vol. 2. M., 1970.
24. Dictionary of literary types / Ed. N.D. Noskova. M., 1909.
25. Bem A. Personal names of Dostoevsky // Collection in honor of Prof. L. Miletich. Sofia, 1933.
26. Kovalev G.F. Onomastic sketches. Writer and name. Voronezh, 2002.
27. Dictionary of the language of Russian poetry of the twentieth century / Ed.: V. Grigoriev, L. L. Shestakova etc. M., 2001, vol. 1: A – V. 896 S.; 2003, vol. 2: d – W; 2008, vol. 3: Z – a Circle; 2010, vol. 4: Round – M. 768.
28. Kryukova O. S. Onomasticon of A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" : dedicated to the 200th anniversary of the birth of A. S. Pushkin. - Moscow : Mic, 1999. - 150 p.
29. Kalinkin V.M. Theory and practice of lexicography of poetonyms (based on the work of A.S. Pushkin). Donetsk, 1999, 247 p.
30. Obukhova E.S. Onomastics of A.S.Pushkin's lyceum lyrics. Dictionary. Voronezh, 2005, 208 p.
31. Obukhova E.S. Onomastics of A.S.Pushkin's creativity of the Petersburg period (1817-1820). Dictionary. Voronezh, 2009, 168 p.
32. Rogozin V.I. Dictionary of proper names in the poetry of Valery Bryusov. Donetsk, 2011, 274 p.
33. All the heroes of A.P. Chekhov – all Russia. M., 2004.
34. Tabakov O. From Aboltukhov to Yashkin // Lit. gaz., 2004, No. 20-21, p. 10.
35. Nakamura Kannonke "Dictionary of characters in the works of F.M.Dostoevsky". St. Petersburg., 2011. 400 p.
36. Yablokov E., Bogomolova M. The experience of the Dictionary of Platonic characters (based on the material of the story "Juvenile Sea" // Poetics of Andrey Platonov. Collection 1. On the way to the "Juvenile Sea". Belgrade, 2013.
37. Levkieskaya E.E. Electronic method of classification of mythological characters // Zhivaya starina, 2002, No. 2.
38. Zinin S.I., Stepanova A.G. Names of characters in fiction and folklore. Bibliography // Anthroponymy. M., 1970.
39. Vinogradova N.V. The name of a literary character: Materials for bibliography // Literary text: problems and research methods. Tver, 1998, issue 4.
40. Mayurova Zh.D. Bibliography of onomastic works of researchers of the Baikal region // Bulletin of the Buryat State University. Philology. Ulan-Ude, 2009. Issue 10, pp.293-294.
41. Kovalev G.F. Bibliography of onomastics of Russian literature. Voronezh, VSU, 2006, 212 p.
42. Kovalev G.F. Bibliography of onomastics of Russian literature for 2010. Voronezh, "Scientific Book", 2014, 346 p.

УДК 81

Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье *The St. Cirill and Methody university in Skopje*

Обухова Е.С.

Obukhova E.S.

доктор филологических наук, преподаватель

PhD, lecturer

Северная Македония, Охрид

North Macedonia, Ohrid

Тел.: 38975255737,

T.: 38975255737,

e-mail: _oes_@mail.ru

e-mail: _oes_@mail.ru

Е.С. Обухова

ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННЫМИ МАКЕДОНСКИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ РЕАЛИЙ РОМАНА Д. ДАНИЛОВА «ОПИСАНИЕ ГОРОДА»

В статье рассматриваются особенности национального восприятия явлений и событий в связи с личным опытом человека, связанным в первую очередь с местом его собственного проживания, окружением и особенностями македонского менталитета. Особенности восприятия оказывают непосредственное влияние на перевод и на степень его понятности для македонского читателя.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, перевод художественной литературы, македонский язык, Д. Данилов, хронотоп

E.S. Obukhova

PERCEPTION BY MODERN MACEDONIAN READERS OF THE REALITIES OF THE NOVEL BY D. DANILOV "THE DESCRIPTION OF THE TOWN"

The article examines the peculiarities of the national perception of situations and events in connection with a personal experience, associated primarily with the place of their own residence, environment and peculiarities of the Macedonian mentality. Perceptual features have a direct impact on the translation and on the degree of its comprehensibility for the Macedonian reader.

Key words: onomastics, toponymy, translation of fiction, Macedonian language, D. Danilov, chronotope

При переводе художественной литературы переводчик сталкивается с рядом сложностей. Среди которых такие как: «специфика перевода устойчивых выражений, проблема перевода игры слов, необходимость принятия во внимание культурных различий» [5]. Культурные различия в данном случае для нас являются ключевыми.

Роман Дмитрия Данилова «Описание города» выбран нами не случайно. В нем лирический герой двенадцать раз приезжает город, стараясь максимально глубоко им проникнуться, так, чтобы «город вошел в печенки». Здесь сразу же происходит разделение – отграничение читателя русского и иностранного, так как уже в самом начале романа происходит факт узнавания: читатель пытается сопоставить выбранный автором город с теми городами, которые он знает. Македонский же читатель, если он не был в России, вряд ли может подставить какой-либо город, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, так как при стандартном диалоге с жителем Македонии обычным вопросом является: «Ты из Москвы?». Мало какой другой город будет известен собеседнику, поэтому при дальнейшем объяснении придется сослаться на географическую карту.

Первое, что мы знаем о самом городе, – это то, что это город на другую букву, то есть не на букву В, К, И, П и С, которые автоматически исключаются, но при этом также являются скрытыми онимами и представляют собой часть загадки. Говоря об этом, следует заметить, что даже эти пять онимов, используемых в начале текста, свидетельствует о чрезвычайном богатстве ономастической

сферы России, потому что даже пять ближайших (на расстоянии ночи на поезде) крупных городов не подходят автору для описания. Здесь могут иметься в виду города Воронеж или Владимир, Курск, Иваново, Павлов Посад и Самара или Саратов, но можно предположить и вероятность использования других названий.

Автор романа говорит, что город должен быть недалеко от Москвы, на расстоянии «не больше ночи на поезде». Здесь мы встречаемся с первым моментом удивления македонского читателя, связанным с понятием расстояния. Ночь на поезде для любого европейца – это уже выезд в другую страну, а не в другой город. Сравним: из Скопье в течение 8 часов на поезде можно доехать до Белграда, Софии, Салоников, проехать всю Албанию, доехать до Черногории, Турции и т.д.

Также интересно само расстояние внутри города, траектория, по которой движется лирический герой. Для македонского читателя это тоже достаточно большое расстояние. Столица Македонии Скопье – почти миллионный город. Население же других крупных городов небольшое. Сравним: Тетово – 86 000 человек. Охрид (главный туристический город) – около 50 000 человек. Кичево – 27 000 человек. Можно перечислять и дальше. Но главное здесь то, что города не очень большие, и общественный транспорт в них мало развит в отличие от города, который зашифровал Д.Данилов, города Брянска. Сравним: “Паѓа слаб снег, по далечната пруга полека се движи краток електричен воз со четири вагони...” [2,10] (четыре вагона – по македонским меркам – это большой поезд).

Если бы этот город не был назван как «город на другую букву», то при переводе на македонский язык была бы уместна сноска-комментарий. В Македонии есть город Дебар, лингвистический родственник Брянска, так как Дебар, как и Брянск, происходит от слова «дебри», ср.: Брянск – от Дебрянск.

Таким образом, получается, что самая простая загадка Данилова оказывается сложной для македонского читателя. А в тексте встречаются и другие зашифрованные названия.

Многие названия зашифрованы через конструкцию “только другое название”, “только другое прилагательное”, “только другая часть тела” (“Название ... второй – класс общества, примерно как “Крестьянин” или “Буржуа”, только другой класс” [1, 35] – “...името на втората пак означува класа во општеството, на пример како „Селанец“ или „Буржуј“, само друга класа, [2, с.114], “ мост, названный в честь одной из дат, примерно как двадцатидевятиапрельский, только другая дата, опять небольшой лес”[1, 26] – “мост наречен во чест на еден датум, како на пример дваесет и деветтоаприлски, само друг датум...”) [2, 113], что опять же порождает в романе определенную обобщенность, то, что свойственно для России в целом, а также для ее ономастического богатства, как сказано выше. Если посмотреть список географических названий, то можно будет найти большинство предложенных авторов имен, в том числе тех, которые кажутся вымышленными. Хотя и здесь отлично работает игра слов. Очевидно, что такого страшного названия как “двадцатидевятиапрельский” в ономастическом мире быть не может в силу непроизносимости, а стандартное “первомайский” сразу же вспомнится читателю, в том числе македонскому, в качестве разгадки ономастического ребуса.

В связи с постоянной игрой автора в названия возникает интересный факт: при видимом отсутствии топонимов их частотность оказывается гораздо больше, чем если бы все имена были бы раскрыты. Это происходит потому, что для каждого имени-загадки автор выбирает по два-три существующих или вымышленных имени для сравнения.

По сути, в этой авторской игре используется так называемая прецедентность имени, о которой говорит Г.Ф. Ковалев: «...феномен первичного образца, поставленного для оценки или сопоставления, чтобы какое-либо явление было вторично создано благодаря опоре на тот образец, который уже был» [3, 158]. В данном случае автор сам создает новую модель для узнавания по ней старой.

Некоторые случаи заставляют задуматься, потому что вообще невозможно узнать, что же автор имел в виду: “Сюжет о коневодстве в городе, название которого обозначает один из суставов, примерно как город Колено или город Плечо, только другой сустав”[1,38]. – “Тема за одгледувањето коњи во градот чие име означува еден зглоб, отприлика како град Колено или град Рамо само друг зглоб” [2, 125]. (Здесь читатель однозначно задумывается, какой еще сустав вообще может быть. В данном случае имеется в виду топоним Локоть).

С. Лебедев, исследовавший имена в романе Д.Данилова, по этому поводу пишет: “... у читателя, не знакомого с брянскими топонимами, преимуществ, кажется, больше – читая, он будто бы разгадывает кроссворд, а не пытается соотнести описание с местностью. Так, признаюсь, и сам,

прожив в Брянске 19 лет, был поставлен в тупик простой, казалось бы, загадкой: «Есть намерение побывать в поселке у самой границы описываемого города. Название поселка обозначает тип документа. Как, например, поселок Накладная или Справка, только не накладная и не справка». А речь всего-то о поселке Путевка» [4, 32]. Именно в этом контексте слово “Накладная” оказывается сложным и нелогичным для перевода. Поселок с названием “Накладная” еще можно себе как-то представить, но с названием “Товарен лист” – очень сложно, но именно на таком варианте и пришлось остановиться при переводе.

При этом задачей переводчика здесь является не расшифровка имен, а правильная постановка условий загадки, чтобы заинтересованный читатель смог догадаться, о чем же идет речь в тексте.

Таким образом, в тексте оказываются зашифрованы географические названия (от макро- до микротопонимов), названия магазинов, кинотеатров, станций, местных газет, названий футбольных клубов и т.п., но в нем есть и обычные названия, интересные с переводческой точки зрения. Для перевода в данном случае имеет смысл использовать аналог, употребляемый в македонском языке, который помогает уточнить визуальную картину происходящего. Так, например, автомобиль “ВАЗ-2105” имел на территории Югославии другое экспортное название – “Лада Рива”. И очевидно, что первое название не позволит читателю представить нужный автомобиль, а второе – как раз наоборот. В связи с этим перевод был сделан следующим образом: “Рядом с остановкой городского общественного транспорта стоит автомобиль ВАЗ-2105. [1, 13] – “Покрај постојката за јавен градски превоз стои автомобил «Лада Рива» (ВАЗ-2105) с шаховски полиња, кои означуваат такси, на покривот, во автомобилот спие возачот” [2, 46].

В городе на другую букву есть и реалии, возникшие на советском пространстве, а значит, близкие по содержанию. Например, лексема “Нама”: “Преку крстосницата се наоѓа таканаречената Централна Универзална продавница (Нама), десно од неа е величествениот Драмски театар” [2, 49]. В оригинале отрывок звучит так: “За перекрестком – так называемый Центральный универсальный магазин, правее – величественный Драмтеатр” [1, 15].

Почему автор указывает, что магазин – “так называемый”? В этом беглом замечании скрывается авторская ирония. Автор не назвал магазин ни универсамом, ни универмагом, а использовал полное название. То есть, здесь присутствует ирония, связанная с универсальностью, которая, вероятно, исчезла в ранние постсоветские времена.

Нама – в македонском языке “Народен магазин”, название, само по себе интересное тем, что сейчас слова “магазин” в македонском языке не встречается, вместо него используются лексемы “продавница” и “дуќан”: “Магазин – м.л. продавница ж, дуќан; универсальный – стоковна куќа» [6, 328]. Таким образом, эта лексема появилась непосредственно под русским влиянием. И в разговорной речи по отношению к понятию «торговый дом» употреблялась именно она, а не лексема «стоковна куќа».

Здесь верный перевод помогает приблизить русскую реалию и русский город к читателю, сделать ситуацию понятнее и ближе, так как очевидно, что одной из целей Д.Данилова является приближение незнакомого города к читателю, возможность сравнить со своим городом, увидеть общее для русских городов. Подобное чувство так или иначе должно возникнуть и у македонского читателя.

Несмотря на обилие громоздких географических названий типа <Фамилия крупного деятеля большевизма>град, из поля зрения читателя не пропадают и собственные имена, обозначающие вымышленных и реальных лиц.

Основная загадка текста – имя одного известного писателя, на месте дома которого находится “пустое место, огороженное железным забором” [2, 2]. Здесь при переводе все получается совсем сложно, так как угадать имя писателя сможет далеко не каждый россиянин, в связи с тем, что писатель выбран не самый известный. Никак пояснить ничего нельзя, потому что в таком случае все загадки текста раскроются сами собой. Но все же в статье не назвать писателя нельзя. Это Добычин Леонид Иванович (1894 –1936). Именно по его следу Д.Данилов отправляется в город на другую букву, то есть в Брянск. Интересно, что одна из книг Добычина, как и книга Данилова, описывает город на другую букву, стандартную для описания города, который писатель намеренно не называет: это Город Эн.

Подобно имени Добычина, скрыты и имена людей, в честь которых названы улицы. Но есть и немало открытых имен. Обычно это имена, взятые “например”, случайные фамилии, имена и отчества в газетах, объявлениях и вывесках.

Фамилия, имя, отчество – стандартное трехкомпонентное сочетание для русской ономастики. При переводе следует обращать внимание на то, что отчество как таковое в македонском языке присутствует только в документации для уточнения того или иного лица, но никогда не используется при обращении. При переводе пришлось сохранить стандартную русскую форму. Так, в контексте: «На одной – черно-белая фотография немолодого импозантного мужчины и надпись: Свиридов Анатолий Яковлевич...» [1, 29] – «...повозрасниот импозантен маж, покрај неговата фотографија е напишано „Свиридов Анатолиј Јаковлевич“» [2, 96]. По правилу в македонских документах пишется или «Свиридов Јаков Анатолиј» или «Свиридов Анатолиј татково име Јаков», но в данном контексте было решено выбрать русский вариант с отчеством, так как вторая конструкция слишком громоздкая, а первая может внести путаницу в связи с порядком имен.

Безотносительно к персонажам автор использует также ряд личных имен в уменьшительно-ласкательной форме. Например, это происходит, когда рассказчик размышляет о строке из песни Муслима Магомаева «Мы хотим всем рекордам/наши звонкие дать имена»: «Что звонкого в именах Миша, Вася, Света, Лена, Коля, Толя, Ваня, Оля, Дима, Петя, Славик, Валера, Шура? Логичнее было бы написать “наши тихие дать имена” или “наши свистящие и шипящие дать имена” [1, с.42] – «Зошто звучни? Што има звучно во имињата Миша, Васја, Света, Лена, Коља, Тоља, Вања, Оља, Дима, Петја, Славик, Валера, Шура? Пологично би било да се напише „да им ги дадеме нашите тивки имиња“ или „нашите свиречки и шиштечки имиња“» [2, 138]. Здесь рассказчик, как и в других рассуждениях о рекламе, о книгах, о названиях, снова выдает в себе филолога, практически подсознательно размышляющего о каждом встретившемся слове. В данном случае не все уменьшительно-ласкательные имена македонского языка имеют такую же форму. Например, уменьшительно-ласкательное имя от Димитар – будет Димче или Митко. Но в данном случае это не имена персонажей, а простое перечисление, в связи с чем имена в переводе оставлены в исходной форме с применением простой транскрипции.

Интересно, что автор в том же контексте предлагает звонкие имена иностранного происхождения, среди которых оказалось имя Габсбург: «Рубен, или Брэндан, или Рэзван, или Габсбург» [1, 42], – «Рубен или Брендан, или Резван, или Хабсбург, или Бурбон-и-Бурбон?» [2, 138], которое при транскрибировании оказывается совсем не звонким, но здесь контекст не был настолько значимым, чтобы стоило его менять на какое-либо другое имя.

Среди открытых имен собственных интересно использование женских имен футбольными болельщицами в качестве средства уничижения (по сути в том же смысле, как мы называем людей Ваньками Каинами или Иудами), что само по себе как действие может отказать непонятным македонскому читателю, так как в практике футбольных болельщиков Македонии такого приема не встречается (если брать шире, то редко можно встретить оскорбление мужчины его сравнением с женщиной): «Девушки называют игроков команды-направления женскими именами. Когда мяч достается кому-нибудь из игроков команды-направления, девушки орут: Клава, колготки подтяни! Люся, юбку подоткни!...Судья, ты Люся. Люся, юбку подтяни». [1, 40] «Девојките го нарекуваат играчите на екипата-правец со женски имиња. Кога топката ќе ја прифати некој од играчите на екипата-правец девојките викаат: Клава, крени ги хулахопките! Љусја, спушти го здолништето!... Судија, ти си Љусја. Љусја, спушти ја сукњата. [2, 130].

Имена собственные, не имеющие особой коннотации в связи с тем, что они обозначают известных личностей, нередко представляют в тексте основу для игры слов: “На одном из домов висит вывеска: “Адвокат Нужный Владимир Николаевич”. [1, 3] – Адвокат «Потребен Владимир Николаевич» [2, 13]. В данном случае имя можно было безболезненно сменить, чтобы получить аналогичный эффект.

Второй пример представляет собой более сложную ономастическую игру: “Или, может быть, имя, может, у какого-то народа есть такое имя — Рылись. Рылись Альбертович... Или название населенного пункта, откуда родом владелец ломбарда. Родился в дальнем глухом поселке Рылись...”[1, 44] – “Можеби тоа е презиме на сопственикот на заложувалницата – Рање? Или, можеби име, можеби кај некој народ има такво име – Рање. Рање Албертович... Или име на населено место, од каде потекнува сопственикот на заложувалницата. Се родил во далечното зафрлено село Рање...[2, 144] Вымышленное име здесь является части игры слов. Если в русском языке “Рылись” – это часть слова “открылись”, то в македонском языке “Рање” было выбрано как

часть слова “отворање”, имея и дополнительный смысл, ассоциируясь с вульгарной лексемой “срање”, которая не только соответствует контексту, но и делает его смешным.

Но в тексте романа присутствуют и так называемые литературные онимы. Как отмечает А.Фомин, «литературный оним может участвовать в продуцировании эстетически важных ассоциаций в художественной речи» [7]. А. Шешкен в статье о македонских переводах классиков отмечает, как они повлияли в свое время на македонских писателей: «Это убедительно показывает становление и развитие македонской литературы на национальном языке. Ее быстрое и эффективное обогащение во второй половине XX в. стало возможным именно благодаря широкой переводческой практике классиков национального искусства слова... Переводы русской литературы продолжают обогащать национальное искусство слова в конце XX в». [8]. Подобным образом наличие литературных персонажей в тексте обогащает ассоциативную палитру читателей. Но с переводом имен и персонажей также возникают определенные сложности.

В тексте как персонаж рекламы присутствует Александр Пушкин. Это имя настолько известно, что у читателя сразу возникает соответствующая ассоциация, и здесь никакой комментарий не нужен. Но есть моменты, которые по сути требуют сносок в тексте. Например: «Целая полоса – “Персональная страница Кузьмы Прудкова”. ...Частушки-кузьмушки» [1, с.5] – «Цела страна – “Лична страница на Кузма Прудков”. ...Песнички од Кузмичка» [2, 22]. Казалось бы, очередное вымышленное имя: Кузьма Прудков. Но здесь у русского читателя возникает очевидная ассоциация, так как имя создано по модели имени Козьмы Пруткова. Козьма Петрович Прутков – литературная маска, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 50-60-е годы XIX века поэты Алексей Толстой и братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы. Вероятно, эта связь онима окажется утерянной в связи с тем, что об этом авторе знают далеко не все.

То же касается и контекстов типа: «А ти викај, душо моја/ Миша Круг, свири!» [2, 151]. Вряд ли музыкант Михаил Круг известен кому-либо из македонских читателей. В связи с тем, что рассказчик рассматривает тексты из газет, в романе встречаются следующие контексты: «17 марта. Герасим Грачевник. Коли грач прилетел, через месяц снег сойдет. 21 мая. Арсениј Пшеничник» – «Герасим-гавранција. Ако долета гавран, за еден месец снегот ќе се стопи. 21 мај. Арсениј Пченичник». За казалось бы забавной приметой скрываются известные святые – Герасим Иорданский (Герасим Иорданский – христианский монах 5 века) и Преподобный Арсениј Великий, которые оказываются неизвестными как раз из-за странного контекста.

При использовании имен собственных, обозначающих реальных людей, осложняется момент перевода игры слов. Например: «Заметка “Кто круче Игоря Крутого?”» [1, 11] Сравним: Кратка статија “Кој е подобар од Игор Крутој?” [2, 39]. Так как в тексте исходника это было перечисление, то особой силы данная игра слов не имеет, это просто заголовок. И если бы в данном случае это была бы фамилия персонажа, то можно было перевести другой фамилией, чтобы сохранить игру слов, но так как Игорь Крутой – это реальный человек, то здесь было принято решение отказаться от игры слов, сделав обычный перевод.

Степаненко Е.В. о культурологическом аспекте перевода произведений с македонского на русский язык и обратно отмечает следующее: «Близость двух славянских языков (македонского – южнославянского и русского – восточнославянского) не снимает проблему их различий. Македонская культура развивалась в тесной связи с культурой южнославянских и других балканских народов, в многочисленных культурно-языковых контактах, в разных государственных образованиях» [6]. В связи с этим стоит отметить те чисто русские реалии, которые встречаются в тексте и вызывают сложности с переводом:

Заметка “Чисто по-русски” о русских словах, вошедших в другие языки. Фигурируют слова vodka, sputnik, matrioshka, apparatchik, dacha, bortsch, perestroika, glasnost, intelligentsia, samovar, balalaika, troika. Заметка проиллюстрирована изображением группы матрешек [1, 12].

«Кратка статија “Чисто по руски” за руските зборови кои што навлегле во другите јазици. Фигурираат зборовите vodka, sputnik, matrioshka, apparatchik, dacha, bortsch, perestroika, glasnost, intelligentsia, samovar, balalaika, troika. Кратката статија е илустрирана со слика на група матрјошки» [2, с.39]. Здесь перечислены как раз те русские лексемы, которые знакомы всем без перевода. Они выделены автором курсивом и написаны на латинице. Если рассматривать каждый пример подробно, оказывается, что не всем известна лексема «матрешка» (деревянные куклы чаще называют «бабушка»), а также лексема «дача», значение которой совершенно неясно для македонского читателя.

Таким образом, при переводе художественного произведения с русского на македонский язык, особенно современно литературного произведения с разнообразными пластами стилей и лексики, следует учитывать то, что реалии, используемые в текстах, например, советского времени, могут иметь аналоги даже при их отсутствии в словаре, а лексемы, считающиеся международными, могут оказаться неясными для читателя. Кроме того, иногда стоит пожертвовать той или иной лексемой или выражением для того, чтобы сохранить смысл текста или сложную игру слов, работающую на протяжении всего текста.

Библиографический список

1. Данилов Д. Опис на градот./ Превод на руски: Обухова Е.С., Шуканов Н. Скопје, PROZART MEDIA, 2017. 192 с.
2. Данилов Д. Описание города// Новый мир, 2012, № 6. С. 1-59.
3. Ковалев Г.Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе// Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004, №1. С. 158-164.
4. Лебедев С. Портрет художника в топосе: Брянская “одиссея” Л.Добычина глазами Д.Данилова // Новый мир, 2014, № 11.
5. Сиривля М.А., Кан В.А. Некоторые проблемы перевода художественных текстов// Lingua mobilis № 7 (46), 2013. С. 68-74.
6. Степаненко Е.В. Культурологические аспекты перевода македонской драмы на русский язык (на материале пьес Горана Стефановского)/ Автореферат дисс. к.ф.н. , М., 2007.19 с.
7. Фомин А.А. Ассоциативные связи литературного онима и аксиология художественного образа // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Выпуск 4. 2001. № 20.
8. Шешкен А.Г. Перевод как школа литературного мастерства (на примере македонской литературы 1945-1990-х гг). // Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы. Тезисы. Международная научная конференция 3-4 декабря 2013 г., Москва. 12с.

References

1. Danilov D. The description on the town / Translation into Russian: Obukhova E.S., Shukanov N. - Skopje, PROZART MEDIA, 2017. 192 p.
2. Danilov D. The description of the town // Novy Mir, 2012, no. 6, p. 1-59.
3. Kovalev G.F. Proper name as a precedent in advertising // Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism. 2004, no. 1. P. 158-164.
4. Lebedev S. Portrait of the artist in topos: Bryansk “odyssey” by L. Dobychin through the eyes of D. Danilov // Novy Mir, 2014, no. 11.
5. Sirivlya M.A., Kan V.A. Some problems of translation of literary texts // Lingua mobilis № 7 (46), 2013. P. 68-74.
6. Stepanenko E.V. Cultural aspects of the translation of the Macedonian drama into Russian (based on the dramas of Goran Stefanovsky) / Abstract of the thesis. PhD, M., 2007.19 p.
7. Fomin A.A. Associative links of literary onyms and axiology of artistic images // News of the Ural State University. Ser. Humanitarian sciences. Issue 4. 2001. №. 20.
8. Sheshken A.G. Translation as a school of literary skill (on the example of Macedonian literature of the 1945-1990s). // Literary translation and its role in the literary process of Central and South-Eastern Europe. Abstracts. International scientific conference December 3-4, 2013, Moscow. 12p.

УДК 811.111-26

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и технологии перевода
Артемова О.Г.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: olgaartemova65@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Foreign languages and
translation technologies
Doctor of Philology, associate professor
Artemova O.G.
Russia, Voronezh,
e-mail: olgaartemova65@yandex.ru*

О.Г. Артемова

АНГЛИЙСКОЕ СЛОВО В ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ТЕКСТА

В статье представлены результаты маркемологического исследования языка английской прозы XVII-XX веков. Маркемологический подход к исследованию языка, предложенный и развиваемый в работах А.А. Кретова, А.А. Фаустова и их учеников, основывается на применении метода маркемного анализа, позволяющего учесть системный вес слова по его частоте и оценить информативность каждого слова по его длине в тексте. Мерой информативности слова в конкретном тексте является *Индекс Текстуальной Маркированности* (ИнТеМ). Положительный ИнТеМ свидетельствует об аномально высокой частоте слова данной длины в соответствующем тексте. На его основе выделяется особая разновидность ключевых слов – маркемы. Проведенный маркемный анализ языка английской прозы позволил установить доминантную и вице-доминантную маркемы для каждого из восьми полувековых срезов и для английской прозы в целом; выделить устойчивые и изменчивые маркемы в языке английской прозы и осуществить их стратификацию; осуществить семантическую классификацию срезовых и интегральных маркем; установить и визуализировать предпочтительные маркемные связи авторов и срезов; выделить центры аттракции; осуществить маркемную стратификацию авторов по типичности-оригинальности маркемного состава их языка. Применение метода лингвостатистической генеалогии позволило построить и визуализировать проспективные и ретроспективные маркемно-генеалогические связи авторов.

Ключевые слова: маркема, аксиология, метод маркемного анализа, метод лингвостатистической генеалогии, язык английской прозы

O.G. Artemova

ENGLISH WORD IN THE SPACE OF ENGLISH TEXT

The paper presents the results of markemological study of the English prose language of XVII-XX centuries. Markemological approach to the language study is proposed and developed in the works of A.A. Kretov, A.A. Faustov and their colleagues. Such studies are based on the method of markeme analysis, which considers the system weight of each word by its frequency and evaluates its information content by its length in the text. Index of Textual Markedness (InTeM) is a measure of the information value of a word in a particular text. A positive InTeM indicates an abnormally high frequency of a given length word in the corresponding text. The words with positive InTeM are the source of identifying markemes, which represent a special kind of keywords. Markeme analysis of the English prose language results in the following: 1) establishing the dominant and vice-dominant markemes for each of the eight half-century intervals and for the whole period under consideration; 2) identifying and stratifying stable and changeable markemes in the English prose language; 3) semantic classification of interval and integral markemes; 4) establishing and visualizing the preferred markemic links between authors and intervals; 5) identifying the centers of attraction; 6) markemic stratification of authors according to the typicality-originality of their language markeme composition. The use of the statistic-linguistic genealogy method allowed constructing and visualizing prospective and retrospective markeme-genetic relations of the authors.

Keywords: markeme, axiology, the method of markeme analysis, the statistic-linguistic genealogy method, English prose language

Марксмологический подход к анализу текста предполагает выделение особой разновидности ключевых слов – *маркем*, фиксирующих важнейшие темы в творчестве автора и позволяющих получить информацию о «несущих конструкциях» его художественного мира [1].

Задача извлечения ключевых слов, именуемых исследователями также «словами-концептами», «лексическими доминантами», «смысловыми вехами» – одна из труднейших в обработке естественного языка. Существующие методы и алгоритмы извлечения ключевых слов из текста ориентированные исключительно на частотность слова в тексте без учета его информативности, не эффективны при исследовании аксиологии текста. Решить эту задачу позволяет использование такой разновидности ключевых слов как *маркемы*.

Проведенное марксмологическое исследование языка английской художественной прозы имело **целью** изучение маркемного состава языка прозаических текстов знаковых для английских литературы этого периода писателей и выявление в языке английской прозы лексических единиц (маркем), вербализующих общие ценностные ориентиры каждой эпохи, их эволюцию и определение вклада каждого из авторов исследуемых текстов в социально значимую вербализацию этих ориентиров.

Поскольку основным методом марксмологического исследования является метод маркемного анализа, предполагающий компьютерную обработку текста специальными программами, в качестве **объекта исследования** использовались доступные в электронном виде прозаические тексты 128-ми английских писателей, представляющих 8 полувековых срезов: по 16 писателей в срезе. Общий объем исследованного материала – около 174 млн. словоупотреблений.

Предмет исследования составили маркемы, выделяемые в текстах исследуемых авторов XVII-XХ веков, и образуемые ими статические и динамические связи между авторскими корпусами текстов.

Используемый нами *метод маркемного анализа* позволяет (в отличие от меры TF-IDF, широко используемой в «цифровой гуманитаристике») учесть системный вес слова по его частоте (Ч-вес) и оценить информативность каждого слова по его длине (Д-вес) в тексте. Мерой информативности слова в конкретном тексте является *Индекс Текстуальной Маркированности* (ИнТеМ), определяемый как разность системных Ч- и Д-весов слова, находящаяся в интервале от -1 до +1. Положительный ИнТеМ свидетельствует об аномально высокой частоте слова данной длины в соответствующем тексте. Квантитативные исследования В.Т. Титова, предложившего формулу вычисления функционального веса, которая впоследствии была использована для вычисления ИнТеМа, собственно и заложили основы для создания А.А. Кретовым метода маркемного анализа и его последующего развития при активном участии А.А. Фаустова [2, 3].

Для получения ранжированного в порядке убывания ИнТеМа списка словоформ отдельного текста используется **Программа Тематического Анализа Английской Лексики**, разработанная студентами факультета ПММ ВГУ под руководством д. техн. наук Ирины Евгеньевны Ворониной [4]. Получаемый на выходе список словоформ используется для выделения авторских маркем. Как особая разновидность ключевых слов маркема должна соответствовать ряду критериев, обеспечиваемым ее прохождением через систему из семи специальных фильтров.

Достаточным для каждого автора считается выделение 50-ти маркем с максимальным значением ИнТеМа. Порог в 50 маркем для одного автора установлен, исходя из соображений целесообразности. Его определяют следующие обстоятельства:

1) Выделение маркем осуществляется только из числа тематически маркированной лексики, т.е. той лексики, ИнТеМ которой положительный.

2) Для выделения 50-ти маркем, как правило, требуется обработать текст, длина которого составляет 70-100 тысяч словоупотреблений. Бывает достаточным и порядка 50-ти тысяч словоупотреблений, как, например, в случае с автором первой половины 18-го века Эд. Муром (41227). Выделение более 50-ти маркем неизбежно приведет к увеличению минимально допустимой для обработки и анализа длины текста как минимум в два раза.

3) При попарном сравнении, в нашем случае 16-ти авторов одного среза, образуются 240 пар авторов, а при попарном сравнении 128-ми – 16256 пар. Учитывая, что при выделении 50-ти маркем суммарно в каждой паре авторов сравниваются 100 маркем, то общее число сравнений для 240 пар авторов одного среза составляет 24.000 сравнений, а для 16256 пар авторов исследуемого периода – 1.625.600 сравнений. Таким образом, увеличение числа маркем приводит к многократному увеличе-

нию числа сравнений.

4) Следует иметь в виду, что 50 маркем – это не произвольно выхваченные из английских текстов 50 слов, а самая вершина Эвереста английской литературы, представляющая в концентрированном виде всю мощь и богатство языка английской литературы, характеризующие исследованные тексты отдельных авторов, отдельных срезов и, наконец, все 2032 текста, составившие объект нашего исследования.

Таким образом, исследование текстов 128-ми авторов дает нам основание полагать, что 50-ти маркем достаточно, чтобы осуществить маркемный анализ языка произведений одного автора и получить представление о его главных ценностных предпочтениях, а на основе сопоставительного маркемного анализа – получить представление о ключевых ценностных ориентирах отдельного исторического периода или эпохи, в той мере, в которой они выражены в языке произведений исследуемых авторов.

Для достижения **цели** исследования последовательно решены следующие **задачи**:

1. При исследовании срезовых маркем и **интегральных** маркем установлены доминантная и вице-доминантная маркемы, определены **сквозные интегральные** маркемы.

2. На основе установленного для каждой интегральной маркемы Индекса Изменчивости выделены 29 устойчивых и 21 изменчивая маркемы в языке английской прозы XVII-XX веков, осуществлена их стратификация с выделением ядра и периферии устойчивости и изменчивости.

3. В каждом срезе осуществлена семантическая классификация срезовых маркем с выделением семи *семантических блоков* маркем: ментально-перцептивных, эмоциональных, социальных, качественных, морально-этических, характеризующих межличностные отношения, выражающих фундаментальные понятия. Аналогичная классификация осуществлена и в отношении **интегральных** маркем.

4. В каждом срезе в каждой паре авторов на основе вычисленного для нее Индекса Маркемной Близости выделены **связующие этих авторов** маркемы. Визуализация этих маркемных связей показала формирование в каждом срезе одного-трех центров аттракции, представленных в виде графов. В каждом срезе центром маркемного притяжения являются следующие пары авторов, образующие соответствующий центр-аттракции:

- Срез 17-1: **Мэссинджер-Флетчер; Роули-Миддлтон; Бэкон-Рэли.**
- Срез 17-2: **Хэд-Бен; Эвелин-Сейлз.**
- Срез 18-1: **Аддисон-Стил; Свифт-Дефо; Гей-Монтегю.**
- Срез 18-2: **Бейдж-Холкрофт; Смоллет-Берни; Берк-С.Джонсон.**
- Срез 19-1: **В. Скотт-Марриет.**
- Срез 19-2: **Диккенс-Гринвуд.**
- Срез 20-1: **Вулф-Голсуорси; Конан Дойль-Кристи.**
- Срез 20-2: **Силлитоу-Праггетт; Мёрдок-Голдинг.**

В английской прозе исследуемого периода выделены три центра аттракции, представленные XVII, XIX и XX веками.

В рамках рассмотренного материала они соответствуют трем периодам в развитии языка английской прозы – первый (становление) охватывает XVII – первую половину XVIII века, второй (расцвет) – вторую половину XVIII – XIX век, третий (увядание) – XX век. Опора на доминантные маркемы (с учетом вице-доминантных) позволила уточнить и содержательно наполнить данное членение: эпоха **удовлетворенности**, эпоха **понимания**, эпоха **разочарования**, эпоха **ответственности**.

Период **становления** маркемного состава языка английской прозы охватывает две эпохи: эпоху **удовлетворенности** и эпоху **понимания**. Анализ доминантных и вице-доминантных срезовых маркем, показывает, что наступление эпохи **понимания** в Срезе 18-1 подготавливалось на протяжении всего XVII века, в обоих срезах которого *understanding* является вице-доминантной маркемой. При этом, несмотря на смену эпох, последовавшую в Срезе 18-2 и выдвинувшую на первый план **разочарование**, на протяжении еще столетия **понимание** по-прежнему остается важным ориентиром для английских писателей. Так, в Срезе 18-2 *understanding* становится вице-доминантной маркемой, а в Срезе 19-1 ей на смену приходит семантически связанная с ней маркема *consciousness*. И только в Срезе 19-2 внимание авторов переключается с проблемы **понимания, осознания** на проблему **ответственности**, на что указывает появление в этом срезе *responsibility* в качестве вице-доминантной маркемы. Таким образом, период **расцвета**, наступивший в развитии маркемного состава языка ан-

глийской литературы, являющийся, как свидетельствует доминантная маркема, эпохой **разочарования**, можно с опорой на вице-доминанты подразделить на 3 этапа: **осмысленное** разочарование; **осознанное** разочарование и разочарование, приводящее к пониманию **ответственности**. Таким образом, наступление в XX веке периода **увядания** и эпохи **ответственности подготовлено** процессами, происходившими в языке английской литературы второй половины XIX века. При этом первую половину XX века можно охарактеризовать как **осмысленную** ответственность, а вторую половину – как ответственность, приводящую к **разочарованию**.

Учитывая цикличность в чередовании доминантных и вице-доминантных маркем, можно допустить возможность повторного наступления эпохи **разочарования** в XXI веке.

Для характеристики результатов ранжирования английских писателей **по типичности-оригинальности маркемного состава их языка** на основе суммарного Индекса Маркемной Близости введены понятия: писатели-**нуклеары**, **медиары**, **маргиналы**. У **нуклеаров** маркемный состав наиболее типичен для языка английской прозы XVII-XX веков. Маркемные системы **маргиналов** и **супермаргиналов** нетипичны для английской прозы, но они создают богатство и разноцветие ее языка. Писатели-**медиары** на шкале типичности-оригинальности располагаются между этими полюсами. При этом различаются **медиары-плюс** – со значением типичности выше среднего и **медиары-минус** – со значением типичности ниже среднего.

В результате сводной стратификации авторов хронологического периода установлено, что самым типичным для языка английской литературы является XIX век, 19 (из 32-х) представителей которого являются **нуклеарами**. Самым нетипичным стал XVII век, в котором 13 авторов являются **маргиналами**, а два автора – **супермаргиналами**. Среди представителей XVIII и XX веков преобладают **медиары** – 25 и 21 автор, соответственно. Один **супермаргинал** выделен в Срезе 20-2.

В результате ранжирования авторов по типичности-оригинальности маркемного состава их языка на основе суммарного Индекса Маркемной Близости установлено, что класс **нуклеаров** образуют 30 авторов. Самым типичным для языка английской литературы является **маркемный состав Лэма**, за которым вплотную следуют **Стивенсон** и **Диккенс**.

Класс медиаров образуют 73 автора. Ближе всего к классу нуклеаров находится **Бейдж**. Замыкает класс медиаров **Фаулз**.

Класс **маргиналов** (или политкорректнее – «**оригиналов**»), маркемный состав языка которых является нетипичным для английской прозы, составляют 22 автора. Открывает этот класс **Голдсмит**, замыкает – **Гоббс**. Самым «оригинальным» является маркемный состав языка **Балларда**, **Чапмена** и **Мильтона**, составивших класс **супермаргиналов**.

Применение метода лингвостатистической генеалогии позволило построить и исследовать маркемно-генеалогические (МГ) деревья, визуализирующие проспективные и ретроспективные МГ-связи исследуемых авторов. При этом применялись процедуры **реконструкции** (установление **всех потомков** данного предка) и **деконструкции** (установление **всех предков** данного потомка), описанные В.А. Виноградовым для установления родства языков. Так, процедуры **реконструкции** применялись по принципу «ближайший по маркемному составу предшественник – *предок*». Процедуры **деконструкции** применялись по принципу «ближайший по маркемному составу последователь – *потомок*». В результате были получены два отличных друг от друга генеалогических дерева – древо **дивергентных рекурсивных** связей авторов и древо **конвергентных прогрессивных** МГ-связей авторов XVII – XX веков.

Ретроспективные МГ-связи позволили выделить МГ-род **Шерли**, объединивший 95 авторов, три изолированных **семейства**: **семейство Бэкона** (7 авторов), **семейство Рэли** (6 авторов), **семейство Роули** (17-1), четыре **минимальных семьи** (9 авторов).

В результате **проспективной** М-генеалогии выделены три МГ-родословия: **Голдинга** (24 автора), **О’Брайана** (28 авторов) и **Силлитоу** (57 авторов). Также выделены одно **семейство** **Грина** (3 автора) и четыре **минимальные проспективные семьи** (8 авторов).

Установлены авторы, оказавшиеся маркемными «одиночками» при **ретроспективной** и **проспективной** М-генеалогии.

Десять пар авторов образуют обоюдные МГ-связи. В их образовании участвует 35 авторов: три автора – **В. Скотт** (19-1), **Гринвуд** (19-2), **Конан Дойль** (20-1) – задействованы одновременно в образовании как ретроспективных, так и проспективных обоюдных связей, благодаря чему маркемный состав языка английской художественной прозы образует единый связный граф, маркемно-

генеалогическое единство, целостность, систему.

Целостность маркемного состава языка английской прозы обеспечивается также непрерывным накоплением интегральных маркем и их полным (или почти полным) принятием всеми последующими срезами. Сложившись в основном в первой половине XVII века, состав интегральных маркем стабилен, хотя и всё менее интенсивно прирастал до середины XX века.

С XVII по XIX века неуклонное накопление числа интегральных маркем обеспечивает складывание маркемного фонда языка английской литературы. По данным маркемологии XIX век можно назвать «золотым веком английской прозы», на оба среза которого приходится максимальное и приближающееся к максимальному количество интегральных маркем – Срез 19-2 – 37 маркем, Срез 19-1 – 36 маркем. Значительный и последовательный спад числа интегральных маркем в обоих срезах XX века свидетельствует о *кризисе, переживаемом английской художественной прозой в XX веке: число интегральных маркем в этот период ниже уровня первой половины XVIII века и соответствует периоду становления английской художественной прозы. Данный факт можно рассматривать как свидетельство завершения классического периода в истории английской прозы и начале нового – пост-классического – периода ее развития.*

Библиографический список

1. Кретов А.А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования // Универсалии русской литературы. Воронеж, 2010. С. 138-153.
2. Титов В.Т. Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. 238 с.
3. Фаустов А.А. Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы / А.А. Фаустов, А.А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 16-31.
4. Гусельникова А.С., Воронина И.Е., Кретов А.А. Выделение тематически маркированной лексики в текстах на естественных языках // Материалы XV Международной научно-методической конференции «Информатика: проблемы, методология, технологии», 12-13 февраля 2015 г., Воронеж, ВГУ. 2015. Т. 3. С. 245-250.

References

1. Kretov A.A. The notion of a markeme: the identification technique and the practice of using // Russian literature universals. Voronezh, 2010. P. 138-153.
2. Titov V.T. General lexicology of Roman languages. Voronezh, 2002. 238 p.
3. Faustov A.A. Kretov A.A. The notion of a markeme and preliminary results of Russian literature markeme analysis // Bulletin of Voronezh State University. Ser. Linguistics and cross-cultural communication. 2017. Vol. 4. P. 16-31.
4. Gusel'nikova A.S, Voronina I.Ye., Kretov A.A. Identification of thematically marked lexis in natural language texts // Papers of XV International scientific and methodical conference "Information science: problems, methodology, technologies", 2015. Voronezh: VSU, 2015. Vol. 3. P. 245-250.

УДК 821.161.1- 293

*Ивановский государственный университет
Кандидат филологических наук, доцент
Хромова И.А.
Россия, г. Иваново, тел. 89612446514;
e-mail: khromova54@mail.ru*

*Ivanovo State University
PhD, Associate Professor
Khromova I. A.
Russia, Ivanovo, tel. 89612446514;
e-mail: khromova54@mail.ru*

И.А. Хромова

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГЛАВИЯ КОМЕДИИ
А.Н. ОСТРОВСКОГО «ПРАВДА — ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ»**
(*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта
№ 19-012-00070 А*)

В статье рассматривается феномен заглавия как важный компонент текста. Автором статьи предлагается интерпретация заглавия пьесы А.Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше» (1876), определяется специфика пословичного заглавия комедии, выявляется его амбивалентность, неоднозначность, соотношение с жанровым подзаголовком. Семантика ключевых слов «счастье», «правда» анализируется в контексте русских пословиц и народных сказок; делается вывод, что авторская семантика, зашифрованная в заглавии пьесы, опирается на синтез народной традиционной морали и просветительских взглядов драматурга.

Ключевые слова: А.Н. Островский, заглавие, интерпретация, пословица, сказка, народная комедия.

I.A. Khromova

**THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF THE TITLE OF THE COMEDY BY
A. N. OSTROVSKY «TRUTH IS GOOD, BUT HAPPINESS IS BETTER»**
(*The publication was prepared in the framework of the research project supported by RFBR
NO. 19-012-00070 A*)

The article considers the phenomenon of the title as an important component of the text. The author of the article offers an interpretation of the title of the play by A. N. Ostrovsky «Truth is good, and happiness is better» (1876), defines the specifics of the proverbial title of the comedy, reveals its ambivalence, ambiguity, and correlation with the genre subtitle. The semantics of the keywords «happiness» and «truth» are analyzed in the context of Russian proverbs and folk tales; it is concluded that the author's semantics, encoded in the title of the play, is based on the synthesis of traditional folk morality and the educational views of the playwright.

Keywords: A. N. Ostrovsky, title, interpretation, proverb, fairy tale, folk comedy.

Одним из важных компонентов текста является его заглавие. Особый интерес к названию литературного произведения обусловлен уникальным положением его в тексте, множественностью выполняемых им функций. С.Д. Кржижановский в книге «Поэтика заглавия» (1931) впервые поставил вопросы, касающиеся природы заголовка. Он видит в заглавии свёрнутый текст: «книга и есть – развёрнутое до конца заглавие...» [1; с. 3]. Исследователь также рассматривает семантику заглавия, его структуру и типологию. Во второй половине XX века изучением феномена заглавия занимались как лингвисты, так и литературоведы, при этом они по-разному подходили к решению этой проблемы. Позднее, в связи с интересом к интерпретации текста пришло понимание необходимости объединения усилий. В диссертации Н.А. Веселовой «Заглавие литературно – художественного текста: онтология и поэтика» (1998) было обосновано комплексно – филологическое осмысление заглавия [2; с. 1-2]. Этот подход получил своё наиболее полное воплощение в филологическом анализе текста. Н.А. Николина подчёркивает, что с доминантой текста обычно связано «заглавие художественного произведения, которое занимает сильную позицию и не случайно рассматривается исследователями как “аббревиатура смысла” всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации» [3; с. 166]. В последнее время широкое распространение получил термин «заголовочный ком-

плекс» (заглавие в широком смысле), включающий в себя имя автора, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф и т.д.

А.Н. Островский придавал заглавию пьесы весьма существенное значение. Задачей данной статьи является интерпретация заглавия «Правда — хорошо, а счастье лучше» с учётом жанрового подзаголовка. Драматург работал над пьесой осенью 1876 года: её первоначальное название — «Наливные яблоки» (сцены из московской жизни) было заменено в окончательном варианте на «Правда — хорошо, а счастье лучше», комедия в 4 действиях. А.Н. Островский обычно определялся с заголовком пьесы в последнюю очередь, когда текст был написан. Двойное название произведения в данном случае позволяет проследить динамику «авторской» интерпретации пьесы.

Одна из важнейших особенностей заглавия текста — полисемантизм. Словосочетание «Наливные яблоки» имеет прямой смысл (спелые, красивые) и метафорический. Не случайно в пьесе часто повторяется этот образ, характерный для русских народных сказок. Яблоки в них обладают волшебной силой, дают герою молодость, здоровье, красоту (например, «Сказка о молодце — удалце, молодильных яблоках и живой воде»). Действие пьесы происходит в доме и яблоневом саду богатых купцов Барабосевых. Мавра Тарасовна, глава семейства, обеспокоена сохранностью яблок. Но охранять от «воров» нужно не только яблоки, но и внучку Поликсену, влюбившуюся в приказчика Платона. Яблоки в пьесе — символ самой невесты («Девка — что твоё яблочко»). Пьеса возвращает нас к раннему А.Н. Островскому, к одной из самых архетипических его комедий «Бедность не порок» (1853). Снова купеческая среда, атмосфера домашней тираннии, в которой задыхается «богатая невеста», вновь приказчик отца в роли избранника. Но по определению одного из персонажей пьесы: «Какая всё, год от году, перемена в Москве, совсем другая жизнь пошла» [4; с. 294]. Мавра Тарасовна, «Кабаниха на новый лад», держит весь дом, всё семейство в своих руках. Но не так сильна её власть, она не может смириться с тем, что её внучка хочет жить своим умом и сама выбирает себе жениха. В кульминационной сцене III действия, в саду Поликсена настаивает на том, что пойдёт за того, кого любит, а Платон Зыбкин, «правдолюбивый приказчик» Барабосевых, пытается учить нынешних самодуров. Островский хотел показать изменения, которые произошли в купеческой среде, поэтому и предпочёл жанр «сцены из московской жизни».

В процессе работы над пьесой драматург даёт ей новое название: «Правда — хорошо, а счастье лучше», видимо в связи с неопределённостью первого заголовка. У А.Н. Островского были свои представления о том, каким должно быть заглавие произведения. В письме к писателю Н.Я. Соловьёву от 2 октября 1880 года он обсуждает с соавтором заглавие пьесы («Светит, да не греет»): «Мы не подберём названия, — что это значит? Это значит, что идея пьесы не ясна, что сюжет не освещён, как следует, что в нём трудно разобраться; что самое существенное пьесы не оправдано: зачем она написана, что нового хочет сказать автор?» [5; с. 716]. А.Н. Островский вновь обращается к пословице, из 47 его оригинальных пьес — 15 имеют пословичные заглавия.

Е.К. Созина в статье «Семиотика заглавий в пьесах А.Н. Островского» справедливо отмечает «некую амбивалентность, неоднозначность пословицы в пьесах драматурга» [6; с. 41]. На первый взгляд, пословичная сентенция выражает обыденную народную мораль: правда — хорошо, а счастье лучше, счастье лучше правды, полностью реализуется в пьесе. Движение интриги в ней соответствует логике пословицы: Поликсена влюбляется в приказчика отца, нянька Фелицата устраивает свидания молодых влюблённых; чтобы помешать этому, Платона хотят посадить в долговую яму, но случай и вмешательство няньки Фелицаты приводят к счастливому концу. Мавра Тарасовна соглашается отдать внучку за бедного приказчика. В финале пьесы она говорит Платону: «Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не случай тут один, так плакался бы ты со своей правдой всю жизнь. А ты вот как говори: не родись умён, а родись счастлив — вот это, миленький, вернее. Правда — хорошо, а счастье лучше» [7; с. 320]. Заглавие и финал комедии (сильные позиции текста) образуют кольцевую семантическую композицию, подтверждающую пословичную мораль.

Слово «счастье», являющееся ключевым словом в комедии А.Н. Островского — многозначно. В слове В.И. Даля даётся такое толкование: «рок, судьба, часть и участь, доля; случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех; благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство» [8; с. 381]. Персонажи пьесы по-разному понимают счастье. Для Барабосевой важен издавна заведённый порядок, соблюдение традиций, сохранение семьи. Не случайно имя Поликсены означает «пчёлка», ассоциируется с ульем, семьёй. Выше отмечалось, что яблоки символизируют в комедии женскую ментальность, связанную с устройством дома, замужеством, продолжением рода. Тематика любви и семьи, волновавшая драматурга на протяжении всего его творчества, становится

особенно актуальной в 1870-е годы. В современном Островскому обществе происходит распад семейных связей, разрушение «дома», об этом драматург позднее напишет в «Бесприданнице». Мавра Тарасовна соглашается выдать внучку замуж за Платона ещё и потому, что знает, что он честен и будет радеть о благополучии семейства. Вмешательство случая, «желанная неожиданность» приводят к благополучному финалу – акцентируется другой смысл слова «счастье». Главную роль в этом играют представители народного мира: Фелицата, своего рода Фигаро в юбке, и Сила Грознов, отставной унтер, в прошлом предмет тайной любви Барабошевой. Фелицата благодаря своей смекалке устраивает счастье Поликсены: «Ну как мне себя не хвалить! Доброй то я всегда была, а ума-то я в себе что-то прежде не замечала... а теперь выходит, что в доме-то я умней всех. Вот чудо-то! ...Какую силу сломила!» [9; с. 316]. Именно в её уста Островский вкладывает поговорку «Бог не без милости, казак не без счастья», которая также обозначает понимание счастья как возможную удачу, успех.

Авторская семантика, зашифрованная в заглавии, раскрывается в семантике целого текста. Для А.Н. Островского оказались важны обе составляющие части поговорки «Правда – хорошо, а счастье лучше». Ключевые слова пьесы – «счастье», «правда» и «ум». Правда – это то, что идёт от ума, воли человека, его позиции (ср. счастье – судьба, участь, то, что даётся вне воли человека, свыше). Платон Зыбкин, «учёный человек», является носителем правды, с ним связана тема ума, просвещения. Его способность говорить всем правду в глаза воспринимается окружающими как «повреждение в уме», незнание жизни, глупость; над ним смеются, купец Барабошев и его главный приказчик Мухояров сделали из Платона шута. Он нигде не может ужиться, но остаётся верен своим принципам: «Всякий человек, что большой, что маленький, – это всё одно, если он живёт по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает своё дело и другим на пользу, – вот он и патриот своего отечества» [9; с. 279]. А.И. Журавлёва относит Платона Зыбкина к «подлинным героям, но с фактурой в чём-то прямо противоположной Чацкому», рассматривает его в ряду таких персонажей как Любим Торцов и Геннадий Несчастливцев [10; с. 107]. Чтобы не впасть в резонёрство, драматург создаёт комедийный вариант «купеческого» Чацкого. В отношении А.Н. Островского к своему герою преобладает добрый юмор, лёгкая ирония; не случайно возникает сравнение его с «храбрым лыцарем», героем романа Сервантеса. Драматург понимал неспособность Платона Зыбкина изменить окружающую действительность (на это указывает его значащая фамилия), но ценил его готовность говорить правду, стремление «сражаться с невежеством». В этом проявляются просветительские взгляды А.Н. Островского. Он возлагал надежды на плодотворное воздействие идей на общество, поэтому такое большое место в пьесе занимают «словесные сражения». В четвёртом действии, когда Мавра Тарасовна объявляет своё решение – выдать за Платона Поликсену и назначить его главным приказчиком, он восторженно заявляет: «Вот она правда-то, бабушка! Она своё возьмёт» [11; с. 319]. Герой искренне думает, что победил словом правды. Островский почему-то не использовал в пьесе русские поговорки о правде, которые помогают понять образ Платона Зыбкина: «Доброе дело – правду говорить смело», «Кто за правду горой, тот истинный герой» и др. [12; с. 220]. Более того, поговорки и русские народные сказки о Правде и Кривде уточняют народные представления о правде и многое проясняют в поговорочном названии пьесы: «Правда – хорошо, а счастье лучше». В.И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка, поясняя значения слова «правда», приводит такие поговорки: «Правда – свет разума. Правда светлее солнца», «Без правды жить легче, да помирать тяжело», «Бог тому даст, кто правдой живёт» [13; с. 391]. В одной из народных сказок спор двух купцов о том, как лучше на свете жить, кривдой или правдой, сюжетно завершается победой последнего и моралью: «что правдою-то жить лучше, чем кривдою» [14; с. 156]. Таким образом, драматург опирался на народную точку зрения и при создании положительного образа своего героя.

Островскому важно было акцентировать нравственные ценности народного мира, поэтому семантика заглавия сложная, она активизирует многие значения слов «правда» и «счастье» одновременно. Для разных персонажей комедии и счастье, и правда – своё, разное. Какова же позиция А.Н. Островского? Прав Е.Г. Холодов, утверждавший, что «произведения Островского вовсе не дают основания ставить знак равенства между философией драматурга и философией поговорки; они вовсе не позволяют отождествлять позицию художника с моралью, заключённой в поговорочном заглавии» [15; с. 221]. Если в ранней драматургии Островского смысл пьесы иногда сводится к поговорке, вынесенной в заглавие, то в позднем творчестве связь семантики заглавия и целостного содержания текста становится более сложной. В этом случае важно учитывать жанровый подзаголовок – комедия. А.И. Журавлёва относит пьесу «Правда – хорошо, а счастье лучше» к типу народной комедии, сложившейся в 1850-е годы («Не в свои сани не садись», «Бедность не порок»). События в этих пьесах оценивались с точки зрения народной нравственности, они тесно связаны с фольклором. По её мнению, реформа театра Островского состояла в том, что русский театр он

«срастил» с национальными корнями, положил в его основу свою народную комедию. Драматург создал театр, воплощающий «модель национального мира», «в нём прослеживается, как введённые им в литературу коренные типы национальной жизни, взаимодействуют с движущейся реальной жизнью современной России, основываясь, безусловно, уже не на патриархально – родовом, а на индивидуально – личностном начале» [16; с. 9]. Пореформенная жизнь рождала новые коллизии, поэтому «Правда – хорошо, а счастье лучше» – это несколько иной, видоизменённый вариант народной комедии. Понятие «правды», являющееся важнейшей частью русской ментальности, русской культуры, чрезвычайно значимо для А.Н. Островского, но не менее значимо для него оказалось народное представление о счастье. Вечная мудрость пословицы и утешение, обычно даруемое в конце сказки, составляют основу комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше». А.Н. Островский устраивает так, что его «правдолюбивый приказчик» не терпит фиаско в столкновении с невежеством, с подлостью, а, подобно сказочному герою, получает в жёны любимую девушку. И в этом была глубокая сценичность пьес А.Н. Островского.

Библиографический список

1. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавия. М.: Никитенские субботники, 1931. 31с.
2. Веселова Н.А. Заглавие литературно – художественного текста: онтология и поэтика: автореферат дис...канд. филол. наук. Тверь, 1998. 24 с.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
4. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т.4. М.: Искусство, 1975.
5. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т.11. М.: Искусство, 1979.
6. Созина Е.К. Семиотика заглавий в пьесах А.Н. Островского // Щельковские чтения 2004. Творческое наследие и личность А.Н. Островского: бытие во времени. Сборник статей. Кострома, 2004. 268 с
7. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т.4. М.: Искусство, 1975.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.4. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882.
9. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т.4. М.: Искусство, 1975.
10. Журавлёва А.И. А.Н. Островский – комедиограф. М.: Изд-во МГУ, 1981. 216 с.
11. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т.4. М.: Искусство, 1975.
12. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т.Т.1. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа. 220 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.3. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882.
14. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1984. 511 с.
15. Холодов Е.Г. Язык драмы. Экскурсы в творческую лабораторию А.Н. Островского. М.: Искусство, 1978. 240 с.
16. Журавлёва А.И., Makeev M.S. Александр Николаевич Островский. М.: Изд-во МГУ, 1997. 105 с.

References

1. Krzhizhanovsky S. D. Poetics of the title. M.: Nikitenskiye subbotniki, 1931. 31 p.
2. Veselova N. A. The title of the literary and artistic text: ontology and poetics: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Tver, 1998. 24 p.
3. Nikolina N. A. Philological analysis of the text. M.: Academy, 2003. 256 p.
4. Ostrovsky A. N. Poln. sobr. soch.: in 12 t. t. 4. M.: Iskusstvo, 1975.
5. Ostrovsky A. N. Poln. sobr. soch.: in 12 t. t. 11. M.: Iskusstvo, 1979.
6. Sozina E. K. Semiotics of titles in the plays of A. N. Ostrovsky // Shchelykov Readings 2004. The creative heritage and personality of A. N. Ostrovsky: Being in Time. Collection of articles. Kostroma, 2004. 268 p.
7. Ostrovsky A. N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. t. 4. M.: Iskusstvo, 1975.
8. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 t. t. 4. SPb.; M.: Type. M. O. Wolf, 1882.
9. Ostrovsky A. N. Full. Coll. Op.: 12 t. t. 4. M.: Iskusstvo, 1975.
10. Zhuravleva A. I. A. N. Ostrovsky – komediograf. M.: MSU Publishing House, 1981. 216 p.
11. Ostrovsky A. N. Full. Coll. Op.: 12 t. t. 4. M.: Iskusstvo, 1975.
12. Dal V. I. Proverbs of the Russian people: in 2 t. t. 1. SPb.; M.: Type. M. O. Wolf. 220 p.
13. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 t. t. 3. SPb.; M.: Type. M. O. Wolf, 1882.
14. Afanasev A. N. Russian fairy tales: in 3 t. T. 1. M.: Nauka, 1984. 511 p.
15. Kholodov E. G. The language of drama. Excursion to the creative laboratory of A. N. Ostrovsky. M.: Art, 1978. 240 p.
17. Zhuravleva A. I., Makeev M. S. Alexander Nikolaevich Ostrovsky. M.: MSU Publishing House, 1997. 105 p.

УДК 398.2

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела фольклора
и литературы
Чарина О.И.
Россия, г. Якутск,
e-mail: ochar@list.ru*

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences Siberian
the Folklore and Literature Department,
Associate Professor, PhD in Philology,
Senior Researcher
Charina O.I.
Russia, Yakutsk,
e-mail: ochar@list.ru*

О.И. Чарина

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ РУССКИХ СКАЗОК НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЯКУТИИ (ЗАПИСИ XIX и XX вв.)

В статье рассматриваются некоторые особенности заимствованного текста сказки. Сказка, являясь прозаическим жанром фольклора, может содержать любую современную исполнительную лексику. В тексте сказки помимо сказочного мира отражен окружающий мир: природа, предметы быта, одежда, еда. В сказке присутствует выражение личного отношения сказителя к тексту. Это происходит при помощи вводных слов, восклицаний, а также особенностей построения сюжета сказки, наращивания эпизодов, синтаксических повторов и проч. Исследование было проведено в отношении сказки из с. Походск «Раз юкагиры жили». Мы остановимся на вопросах заимствования некоторых местных образов, лексики. В данной работе были выявлены особенности бытования русского фольклора в иноязычной среде, когда из соседнего языка заимствуются некоторые сюжеты сказок. Так, в русском фольклоре потомков старожилов низовой реки Индигирка бытовали сказки, песни эвенских, юкагирских якутских народов. Подсчитано, что в процентном отношении сказки, заимствованные из фольклора местных народов, составляют примерно 14%. На примере сказки «Дильки-Корба и Дутки-Корба» исследуются особенности использования эвенской сказки в русском фольклоре. В данном случае важными становятся пространственные характеристики текста: тундра, постройки, одежда героев. Основная направленность сказки, связанная с героическим образом главного персонажа, также характеризует текст. Сказитель использует зачинное слово из якутского языка, что характерно для всех его сказок: русских, заимствованных. Таким образом, заимствованные сказки расширяют репертуар сказителя, вместе с тем, сказки соседних этносов отражают близкий сказителю и его слушателям мир тундры.

Ключевые слова: русский фольклор, фольклорный текст, локальная специфика, взаимовлияние, литературные сказки, сказки соседних этносов, лексические заимствования, эвенские, якутские сказки.

O.I. Charina

FEATURES OF TEXTS OF RUSSIAN FAIRY TALES IN THE NORTHEAST OF YAKUTIA (RECORDS OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES)

The article discusses some features of the borrowed text of the fairy tale. A fairy tale, being a prose genre of folklore, can contain any modern vocabulary for the performer. In the text of the fairy tale, in addition to the fairy-tale world, the surrounding world is reflected: nature, household items, clothing, food. In the fairy tale there is an expression of the narrator's personal attitude to the text. This happens with the help of introductory words, exclamations, as well as features of the plot of the fairy tale, the build-up of episodes, syntactic repetitions, and so on. The study was conducted in relation to a fairy tale from s. The campaign "Once the Yukaghirs lived". We will focus on the issues of borrowing some local images, vocabulary. In this work, the peculiarities of the existence of Russian folklore in a foreign language environment were revealed, when some fairy tale plots are borrowed from a neighboring language. So, in the Russian folklore of the descendants of the old-timers of the lower reaches of the Indigirka River, there were fairy tales, songs of the Even, Yukaghir Yakut peoples. It is estimated that the percentage of fairy tales borrowed from the folklore of local

peoples is about 14%. Using the example of the fairy tale "Dilyki-Korba and Dutki-Korba", the features of the use of the Even fairy tale in Russian folklore are investigated. In this case, the spatial characteristics of the text become important: tundra, buildings, clothing of the heroes. The main focus of the fairy tale, associated with the heroic image of the main character, also characterizes the text. The narrator uses the initial word from the Yakut language, which is typical for all his fairy tales: Russian, borrowed. Thus, borrowed fairy tales expand the repertoire of the storyteller, at the same time, the tales of neighboring ethnic groups reflect the tundra world close to the storyteller and his listeners.

Keywords: Russian folklore, folklore text, local specificity, mutual influence, literary fairy tales, tales of neighboring ethnic groups, lexical borrowings, Even, Yakut fairy tales.

В настоящее время в современной фольклористике становится важным изучение состояния регионального русского фольклора. Традиционный русский фольклор в Якутии связан с территориями, на которые русские заселялись еще в XVII-XVIII вв. К таким относятся поселения в нижнем течении рек Колыма и Индигирка, поскольку русские пришли с Европейского Севера. В Нижнеколымском районе – это село Походск, чуть выше по течению располагались г. Нижнеколымск (сейчас это почти заброшенное поселение), ряд деревень на месте проживания русских старожилов, а также с. Русское Устье в Аллаиховском районе. Следует отметить, что устное народное творчество Северо-Востока Якутии характеризуется в основном эпическими произведениями: былинами, историческими песнями, балладами, сказками.

В конце XIX в. записывал произведения фольклора И.А. Худяков [1], в рамках Сибиряковской экспедиции ряд произведений русского фольклора записали В.Г. Богораз и Д.И. Меликов [2; 3].

Рассмотрим некоторые особенности заимствованного текста сказки. Сказка как прозаический жанр фольклора содержит всю современную исполнительную лексику. Следовательно, в тексте сказки отражены окружающий мир, природа, предметы быта, одежда, еда. Помимо этого, в сказке присутствует личное отношение сказителя к сюжету. Для этого автор использует такие приемы, как вводные слова, восклицания, при построении сюжета сказки происходит наращение эпизодов, возникают синтаксические повторы и проч. Мы остановимся на вопросах использования некоторых местных сюжетов, образов, лексики. Ранее мы провели исследование в отношении сказки из с. Походск «Раз юагиры жили», на материале этой сказки в наше время исполняют песню «Кукша» [2; с. 342-345; 3; с. 91-100]. Записана песня «Кукша» в 2005 г., в ней говорится о перипетиях девушки, нашедшей себе мужа.

В Русском Устье якутский исследователь С.И. Боло зафиксировал 9 сказок, но он записал ряд названий фольклорных произведений, не зафиксировав тексты за неимением времени [4; с. 70]. Эти записи присутствуют в сборнике «Фольклор Русского Устья» – сказки, например: «Ивашко Пепелушко», «Кривой Ерахта», «Конек-Горбунек» [там же; с. 54-58, 151, 201].

Значительную часть сказок записал Н.А. Габышев, помимо русских сказок, сказок, основанных на литературных сюжетах, также зафиксировал тексты, заимствованные из фольклора соседних этносов. В.Л. Венедиктов отмечает, что «Н.А. Габышевым от русских сказителей записано 9 сказок, перенятых от соседних народов» <...>. «С аршин величиной человек». Эвенская (?) <...>. «Дутки-корба и Дильки-корба», Эвенская сказка; «Самоеды». Эвенская (?) сказка. «Олька-Шемаха», – от С.П. Киселева. Якутская (?) сказка» [там же, с. 316]. Как видим, часть указанных сказок вызывает вопросы, связанные с уточнением объекта заимствования.

В селе Русское Устье сказки соседних этносов исполняли несколько сказителей, но основной репертуар был записан от Семена Петровича Киселева (1885-1947). Рассматривая общее количество произведений фольклора, зафиксированных от С.П. Киселева, видим, что записано 65 произведений. Из них – 10 сказок заимствованы из фольклора местных народов – это примерно 14%. 11 былин, практически, весь известный репертуар по с. Русское Устье, известно и опубликовано – 8. При этом отметим, что из 68 песен – исторические песни составляют 10 произведений (также – 14 %).

Отсюда следует, что сказки должны содержать некоторые образы, лексику, которые заимствованы из местного репертуара. Например, в некоторых текстах помимо лексики на русском языке, также встречаются якутские образы и термины, эвенские, юагирские образы и термины.

При исполнении сказки общерусского плана сказитель/рассказчик вносит в текст незначительное количество якутских образов. Например, сказка «Финиста ясного сокола перышко» [4; с. 211]. Так, характерно, что рассказчик помещает героев в родную среду: «Идет, видит, что юрточка вертится!» [там же]. Здесь «юрточка» – «жилая постройка или амбар, из коротких бревен, приставленных друг к другу и опирающихся на раму из бревен, укрепленную на четырех столбах» [2; с. 162].

По поводу использования в репертуаре заимствованных сказок. Замечательна сказка литературного происхождения – «Конёк-Горбунёк», написанная П.П. Ершовым. «Записана она от Пантелеймона Чикачева,

1877 года рождения, с. Русское Устье, Аллаиховский район. Собрал С.И. Боло 19 марта 1941 г. записи» [5; п. 454, л.1-4; 5, с. 315].

Эта присказка приведена в сборнике «Фольклор Русского Устья» в укороченном виде – 18 стихов, где начало:

Не на небе – на земле,
Старик жил в одном шеле (селе) [4; с. 201].

Текст в сборнике «Фольклор Русского Устья» опубликован в сокращенном виде (18 стихов), видимо, из соображений представить другие тексты, которые даны в прозе, из экономии места. Всего Боло записал 211 стихов этой сказки. Г. Л. Венедиктов, комментирующий сказки, писал: «Присказка к пересказу сказки Ершова (пересказ доведен до того, что герой увидел перо)» [там же; с. 315]. Сказка в исполнении П.Н. Чикачева «пестрит» вкраплением лексики, которая встречается только на Колыме и Индигирке. Упоминается местный «хотон», т.е. – место содержания коров. В сказке в нем содержатся кони и Конек-Горбунек. Мы видим следующие особенности сказывания, например:

Отправляется в дозор;
Он ложится под кусток,
Хлеб круюшку уби(е)рал,
Да на небе звезды считал;
Вдруг он увидал кубылицу
Сквозь собачьи рукавицы [5; ф. 5, оп. 3, л. 1].

Как видим, вместо простых «рукавиц» в сказке П.П. Ершова присутствуют «собачьи рукавицы», вместо «ноздрей» – «норки».

Другой заимствованный литературный сюжет – сказка «Худая девка», записанная Н.М. Алексеевым от И.Н. Чихачева. Сюжет связан с производением, где главной героиней является Золушка. Сказка рассказана обыденным языком, который настраивает на обязательность происходящего в сюжете: «Жил-бул старик со старухой», «А от них недалеко жил сар» (царь); «мулись, мулись и пошли» (мылись, мылись) [4; с. 145].

Мифологическая тема якутской культуры проявляется в применении продуктов белого цвета – молока. По сюжету все девушки должны помочь перелить молоко некоему человеку, две сестры отказываются, а третья помогает. Далее им встречается человек, который «сору да кумыс переливат» («Сорат» и «кумыс» – кисломолочные продукты) [Там же]. Таким образом, здесь проявляется не только влияние якутского языка, но и представления народа саха о мире, о защитной роли продуктов из молока. Здесь проявилось важное сакральное значение молочной продукции, характерное для якутов как скотоводов, об этом пишет Г.У. Эргис [6; с. 153-166].

Также ясно, что произведения, заимствованные из соседнего фольклора Северо-Востоке Якутии, одновременно заимствуют лексику, образы из якутского или другого языка и фольклора. Например, характерны тексты сказок «Самоеды», «Дутки-Корба и Дильки-Корба». Так, рассматривая сказки, Г.Л. Венедиктов писал: «русские почитали здесь не только “хозяев” стихий, но даже бросали дары и “матушке-синю морю”», – и далее пишет, что «это была крестьянская вера <...>» [4; с. 14]. Сказки, усвоенные из фольклора соседних этносов, встречались такие, которые показывали героическое прошлое соседнего народа и окружающий мир. Р.Н. Базилишина характеризует сказки: «Отсутствие же явно фантастического начала, близость событий к реальным жизненным ситуациям и типам людей делает их похожими или на предания и устные рассказы/сказы (“Опять промышленник”, “С аршин величиной человек”, “Дутки-корба и Дельки-корба”, “Чукчи” и аналогичные), или своей мистической подоплекой, иллюстрирующей возможности проявления сверхъестественного в повседневной жизни, приближает их к быличкам или легендам» [7; с.13].

Сказка «Дутки-корба и Дельки-корба», как уточняется, заимствована из эвенского фольклора. Исполнялась только одним сказителем. Как отмечает в сноске Н. А. Габышев, «Дутки-Корба – «Духи», самоназвание индигирских ламутов. Корба, видимо, собственное имя» [там же; л. 94]. Некоторые уточнения: «Дутки», возможно, от «дудыка – меховая рубашка (короткая, шерстью внутрь, надевается под национальный костюм)» [8; с. 98]. «Дильки» – от «дильки – дэлики – горностаи» [там же; с. 94].

Вот пример текста: «Жил-бул Дутки-Корба. Джэ, ездит. У него двенадцать оргишей – луком промышляет. Случайно увидит двенадцать оленей, стрелит двенадцатью оргишами, всех убивает. Слышит, в другом мешке человек есть – такой же удалый, как он» [5; л. 94]. «Оргиши» от «оргыс (ойгыс) – развилина, стрела развилком» [2; 98]. Этимологию слова еще нужно выяснять.

Сказка создана как «внутриэтнический сказ». Видно, что условный мир произведения близок быту и пейзажу русскоустыинцев, сама сказка по объему небольшая, действие происходит между родами ламутов

(эвенов) в «шендухе». «Шендуха или сендуха - тундра». Показано, что герои живут одиночно. Для сказки характерна неожиданность дальнейшего развития. Так, случайно Дутка-Корба уничтожил одиннадцать оленей своего противника. Случайно жена Дутки-Корба подслушивает план того, как Дильки-Корба собирается справиться с Дутка-Корбой. Но, по правилам боя важно, чтобы в поединке выжил только один: «Надо мной смеяться, чалиться будут. Этакой удалой человек, а раненый ходит» [там же; ф.5, оп. 3. п. 779, л. 96]. Здесь: «чалиться» – насмехаться [там же], это выражение уже характерно для русского говора жителей Индигирки.

Интересно описание смертной белой одежды героя: «белые обутки, белые рукавицы, белый малахай, белые штаны, белая кукашка» [5; ф.5, оп. 3. п. 779, л. 95]. Здесь «кукашка» – «рубашка из оленьих шкур. Чаще всего носится шерстью вверх» [2; с. 72]. Далее следует описание боя Дильки-Корба и Дутки-Корба. Дильки-Корба оказался очень ловким человеком, которого никак не может застрелить Дутки-Корба: «Двенадцать оргишей перестрелял – нигде кукашку не задел» [там же; л. 96]. Здесь имеется в виду, что Дутки-Корба пытается попасть в Дильки-Корбу, но никак не может в него попасть. В какой-то момент он ранит Дильки-Корбу, и последний просит убить его: «теперь сверху руби меня пальмой!» [там же]. «Пальма – нож на рукоятке», использовали в основном якуты, позаимствовав это оружие у русских. Местные этносы отличались воинственностью, а их сказки отличаются сюжетами о поединках, боях, в которых выясняется, что выживает наиболее ловкий, сильный и прозорливый воин.

Также заметно индивидуальное тяготение к использованию зачина «джэ буо». Так, Боло фиксировал начальное восклицание «Дьэ», например: «Дьэ, понесло этот корабль» [3; с. 55]. [См. об этом – 9; с. 136-143]. Записи сказок показывают, что С.И. Боло как якутоязычный собиратель, несомненно, точнее зафиксировал тексты, нежели М.А. Кротов «Дэ прижвали», «Дэ пошел» [4; с. 51]. В данном случае мы наблюдаем личное зачинное слово исполнителя. Следовательно, можно заключить, что в Русском Устье существовала особая фольклорная традиция, которую смогли зафиксировать собиратели фольклора-сотрудники Института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР. В целом можно сделать вывод, что в сказках русскоустыинцев и походчан отражен близкий им мир природы. Также встречаются предметы быта, присущая им еда, северный пейзаж и деревенский мир. Яркой особенностью сказок русских северо-востока Якутии является отражение окружающего мира: сендуха, село, юрты; соседи: чукчи, эвены, юкагиры.

Библиографический список

1. Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / изд. подгот. В. Г. Базанов, О. Б. Алексеева. М.; Л. 1964. 301 с.
2. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В.Г. Богораз // Сб. ОРЯС. Спб., 1901. Т. 68. № 4. 346 с.
3. Чарина О.И. Русско-юкагирская сказка и песня «Кукша» // Традиционная культура. –2013. – № 1. – С. 91-100.
4. Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев. Л., 1986. 384 с.
5. Рукописный фонд Якутского ЯНЦ СО РАН; Материалы Этнографо-лингвистической экспедиции по изучению русского старожильческого населения низовьев р. Индигирки 1946 г.; ф. 5, оп. 3, п. 454, л. 1-4; п. 779, л. 94-96.
6. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г.У. Эргис. М.: Наука, 1974. 404 с.
7. Базилишина Р. Н. Фольклорная традиция на краю ойкумены: сказки Русского Устья: автореферат дисс... к. филол. н. Иркутск, 2000. 22 с.
8. Эвенско-русский словарь / сост. Роббек В.А., Роббек М.Е. Новосибирск, 2005. 354 с.
9. Ларионова А.С. Вербальное и музыкальное в якутском дьэрэтии ырыа. Новосибирск, 2004. 320 с.

References

1. Bogoraz V. G. The regional dictionary of the Kolyma Russian adverb / Collected on a place and V. G. Bogoraz // Sb. OR-YaS. SPb., 1901. T. 68. No. 4. 346 h.
2. Great Russian fairy tales in I. A. Khudyakov/prod. records. subgoth. V. G. Bazanov ws O. B. Alekseeva. M.; L. 1964. 301 p.
3. Charina O. I. Russko-yukagirskaya fairy tale and song "Kuksha"//Traditional culture. 2013. N. 1. Pp. 91-100.
4. Folklore of the Russkoje Ustje / compileres S. N. Azbelev ws G. L. Venediktov & N. A. Gabyshev. L., 1986. 384 p.
5. Handwritten Fund of the Yakutsk YANC SB RAS; Materials of the Ethnographic and Linguistic Expedition to Study the Russian Old-Fashioned Population of the Lower Reaches of the River Indigirki 1946; f. 5, op. 3, fale 454, l. 1-4; fail 779, l. 94-96.
6. Ergis G.U. Essays on Yakut folklore/G.U. Ergis. M.: Science, 1974. 404 p .
7. Basilishina R.N. Folklore tradition on the edge of the Oikumena: tales of the Russkoje Ustje: autoreferat diss... c. fhilol. n. Irkutsk, 2000. 22 p.
8. Even-Russian dictionary / compileres Robbek V.A. & Robbek M.E. Novosibirsk, 2005. 354 p.
9. Larionova A.S. Verbalnaya and musical in the Yakut Dierathy Yirya. Novosibirsk, 2004. 320 p.

УДК 811.161.1

*Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина*
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка, методики
его преподавания и документоведения
Бородина Н.А.
Россия, г. Елец
e-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Bunin Yelets State University
The Department of the Russian Language, Methods
of Its Teaching and Document Science
PhD, Associate Professor
Borodina N.A.
Russia, Yelets
e-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Н.А. Бородина

МИФОТОПОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И.А. БУНИНА

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480003)

Статья посвящена анализу мифонимикона стихотворений И.А. Бунина, созданных им за более чем полувековой период, с 1888 по 1952 гг. Автор подробно останавливается на группе мифотопонимов, выделяет в их составе разные разряды в зависимости от номинируемого мифолого-географического объекта, указывает на источники заимствования, определяет функции, которые выполняют данные имена собственные в поэтических текстах И.А. Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин; поэзия; ономастика; имя собственное; мифонимы; мифотопонимы.

N.A. Borodina

MYPHOTOPONYMS IN I.A. BUNIN'S POETRY

(Funding: The research was funded by RFBR and Lipetsk Region, project number 20-412-480003)

The article is devoted to the analysis of the mythonymicon of I.A. Bunin's poems, created for more than half a century from 1888 to 1952. The author dwells in detail on the group of mythological names, distinguishes among them different categories depending on the nominated mythological and geographical object, points to the sources of borrowing, determines the functions of myphotoponyms in the poetic texts of I.A. Bunin.

Key words: I.A. Bunin; poetry; onomastics; proper noun; mythonyms; myphotoponyms.

Мифонимы, номинирующие вымышленные объекты, которые никогда не существовали в действительности, являются особым пластом ономастической лексики [1; с. 180]. Несмотря на устойчивый научный интерес к этому разряду имен собственных их единой трактовки и стройной классификации в настоящее время нет. Мало изучено и функционирование мифологических имен в произведениях художественной литературы при наличии достаточно большого числа работ, анализирующих использование мастерами слова ядерных компонентов ономастического поля.

Цель данного исследования – обратившись к мифонимикону поэтического наследия И.А. Бунина, выявить употребляемые им мифотопонимы, определить их роль в выражении авторского замысла.

В результате сплошной выборки из более 700 стихотворений лауреата Нобелевской премии по литературе было обнаружено 14 мифолого-географических наименований. Среди них выделяются мифохоронимы (*Рай, Джиннат, Эдем, Ад, Сакар*), мифоастионимы (*Ирем, Содом*), мифоинсулонимы (*Атлантида, Буян*), мифопотамонимы (*Алмазная Река, Ковсерь*), мифопетроним (*Алатырь*), мифоороним (*Долина Смерти и Огня*) и мифомикрохороним (*Мистарим*), взятые из христианской, иудаистской и мусульманской религиозно-мифологической литературы, славянского фольклора и греко-римской мифологии.

Анализируемые имена собственные в поэтических текстах И.А. Бунина выполняют разные функции.

Во-первых, мифотопонимы выступают в качестве географического ориентира, служат своеобразной координантной сеткой произведения.

Например, остров Буян у И.А. Бунина – местожительство сказочной колдуньи – Бабы-Яги. Согласно мифологическим представлениям славян он локализуется на море Окиане и соотносится с потусторонним миром, добраться куда можно, только преодолев водное пространство [2; с. 43]. Поэт не отступает от фольклорной традиции. Отсутствие света и тепла, царящие на острове сырость и туман, наличие водной преграды, отграничивающей его от мира живых, – вот признаки «того» света, приписываемые поэтом Буяну: *Лес гудит, свистит, нагоняет сон / Ночь и день стоит над волной туман, / Окружен со всех с четырех сторон / Тьмой да мглой сырой островок Буян* («Русская сказка») [3; с. 365].

Следование народным традициям наблюдается и в указании И.А. Бунина на место гибели былинного богатыря Святогора: *В чистом поле, у камня Алатыря, / Светит месяц по шлему богатыря: / Принял божью смерть Святогор* («Святогор») [3; с. 277]. Концентрическое мифологическое мироустройство реализуется здесь в результате включения точечного ландшафтного объекта (камень Алатырь) в протяженный, бескрайний географический объект (чистое поле). Согласно космогоническим представлениям восточных славян Алатырь – «всем камням камень, всем камням отец» – является «пупом земли», служит границей между верхним и нижним миром, обычным и сверхъестественным и представляет собой камень-алтарь, камень-жертвенник [4].

Во-вторых, необходимость введения в ткань поэтических текстов И.А. Бунина мифотопонимов обусловлена созданием соответствующего фона для развертывания мифологических событий или приданием нужного колорита описываемому.

Так, художественное переложение притчи «Господь Скорбящий», входящей в «Разрушение Второго храма» Агады, требует от поэта и номинации локуса, где Бог испытывает глубокую печаль. Ср. в Агаде: «место есть у Господа, где он плачет, и "Мистарим" (тайники) название его» [5; с. 195] – у И.А. Бунина: *И отошел с покинутого трона / К тем тайникам, чье имя – Мистарим, / И плакал там о гибели Сиона, / Для Ангелов Служения незрим* [3; с. 385].

Или другой пример. Картины безжизненной пустыни создают в затуманенном сознании человека «мираж зеркальный», уносящий его душу далеко, в рай, где в тенистых садах протекает река изобилия Аль-Каусар, воды которой белее снега и слаще меда [6; с. 373, 628]: *А там течет, там льется за туманом / Река всех рек, лазурная Ковсерь, / И всей земле, всем племенам и странам / Сулит покой. Терпи, молись – и верь* («Ковсерь») [3; с. 125]. Подобное пиететное отношение к садам, дарующим прохладу, к источникам пресной воды характерно для ислама – религии, зародившейся в засушливой местности. Использование И.А. Буниным коранических образов при описании природно-климатических реалий позволяет ему передать дух истинной веры.

В-третьих, мифотопонимы в поэзии И.А. Бунина способны иметь определенную эстетическую нагрузку, служить средством художественной выразительности.

В собранной нами картотеке отмечены примеры, в которых объект сравнения представлен мифотопонимом или включает его в свой состав. Так, экзотическая природа Цейлона вызывает у поэта ассоциации с райскими кущами: *Все дико и прекрасно, как в Эдеме: / Торчат шипы акаций, защищая / Узорную нежнейшую листву, / Цветами рдеют кактусы, сереют / Стволы в густых лианах...* («Цейлон») [3; с. 321], в то время как прекрасные сады древнеперсидского Шираза уподобляются им садам мифического города Ирама, который, согласно Корану, якобы существовал в Южной Аравии и был уничтожен Аллахом за грехи и неверие его жителей [6; с. 560]: *Сад в эту ночь – как сад Ирема* («Розы Шираза») [3; с. 224]. Обжигающие солнечные лучи рождают в воображении автора образ испепеляющего огня преисподней: *В шелках песков лишь сизые полыни / Растит аллах для кочевых отар, / И небеса здесь несказанно сини, / И солнце в них – как адский огонь, Сакар* («Ковсерь») [3; с. 125].

В своих лирических произведениях И.А. Бунин следует за сложившимися в мифолого-религиозных первоисточниках способами художественного освоения мира, применяет разработанную в них систему образов.

Например, раскрывая участь, которая постигнет Иерусалим за отступление от Господа, поэт использует устоявшийся символ – город Содом, жители которого были крайне грешны, распутны и

злы и навлекли на себя грозный и праведный Божий суд [7; с. 609]: *И падет / Сион во прах, зане язык его / И всякое деянье – срам и мерзость / Пред господом, и выражение лиц / Свидетельствует против них, и смело, / Как некогда в Содоме, величают / Они свой грех* («Из книги пророка Исаии») [3; с. 410]. В соответствии с библейским текстом мифологическое пространство у И.А. Бунина способно к персонификации, к наделению его свойствами живого существа: *И я взглянул: конь бледен, / На нем же мощный всадник – Смерть. И Ад / За нею шел, и власть у ней была / Над четвертью земли, да умерщвляет / Мечом и голодом, мором и зверями* («День гнева») [3; с. 168].

В заключение отметим, что мифотопонимы в поэзии И.А. Бунина несмотря на невысокую частотность употребления обладают высоким художественным потенциалом, выполняя в анализируемых стихотворениях разнообразные функции (номинативную, эстетическую, изобразительную).

Библиографический список

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
2. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. 288 с.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 1: Стихотворения 1888–1952. Переводы. М.: Художественная литература, 1987. 687 с.
4. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Имена камней в заговорах восточных славян. М.: РАН, 2020. 76 с.
5. Агада. Сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей / Перевод С.Г. Фруга. М.: Раритет, 1993. 319 с.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т.1. А – К. 671 с.
7. Библийская энциклопедия. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, РИПОЛ классик, 2005. 768 с.

References

1. Superanskaya A.V. General theory of proper names. M.: Nauka, 1973. 366 p.
2. Russian onomastics and onomastics of Russia. Dictionary / Ed. O.N. Trubachev. M.: School-Press, 1994. 288 p.
3. Bunin I.A. Collected edition in 6 volumes. V. 1: Poems 1888-1952. Translations. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 687 p.
4. Agapkina T.A., Berezovich E.L., Surikova O.D. The names of stones in the incantations of the Eastern Slavs. M.: RAS, 2020. 76 p.
5. Haggadah. Legends, proverbs, sayings of the Talmud and Midrash / Translation by S.G. Frug. M.: Raritet, 1993. 319 p.
6. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols. / Ch. ed. S.A. Tokarev. M.: Sov. encyclopedia, 1991. V.1. A – K. 671 p.
7. Bible Encyclopedia. M.: LOKID-PRESS, RIPOL classic, 2005. 768 p.

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of
Russian Language and Intercultural Com-
munication
Bulgakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Бугакова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «ЮШКА»

В данном исследовании представлен анализ особенностей функционирования ономастических единиц в рассказе А. Платонова «Юшка». А. Платонов – известный русский писатель 20-го века, проживший достаточно сложную жизнь, что не могло не отразиться на произведениях, создаваемых автором. Но особое внимание среди всего литературного наследия, оставленного А. Платоновым – сюда входит и проза, и драматургия, и публицистика, и пр., – на наш взгляд, привлекают особенности введения автором в тексты своих произведений ономастических единиц. Имя собственное – это та лексическая единица, с употреблением которой мы сталкиваемся ежедневно в процессе использования языка. Имена собственные используются для наименования людей, животных, стран, рек, поселений и т.д. Присущее именам собственным разнообразие, как функциональное, так и языковое, привело к возникновению ономастики – науки, которая занимается рассмотрением имен собственных, названий и т.п. Полагаем, что имя собственное – это особый художественный элемент, не существующий в тексте самостоятельно и всегда взаимосвязанный с другими элементами текста, поскольку это необходимо для создания художественного образа. Анализ взаимодействия всех этих систем позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной ономастической единицы. Очевидно, что введение автором в произведение конкретных ономастических единиц всегда неслучайно, подобный выбор всегда обусловлен непосредственно ассоциациями автора, связанными с тем или иным именем. Мы рассмотрели рассказ А. Платонова «Юшка» с целью выявления особенностей функционирования ономастических единиц в этом произведении и пришли к выводу, что для А. Платонова как для автора характерен оригинальный подход при выборе имени героя. Автор использует существующие в языке слова, наделяя их способностью становиться именем и сообщая таким образом герою те черты, которыми наделен предмет, называемый этой лексемой. Выбор имени героя для А. Платонова – весьма значимый процесс, поскольку на имени героя строится все произведение, создаваемое автором, от имени героя зависит отношение к нему других персонажей, вводимых в произведение.

Ключевые слова: А. Платонов, ономастика, оним, художественный текст, «Юшка», Ефим.

N.B. Bugakova

SOME FEATURES OF THE FUNCTIONING OF ONOMASTIC UNITS IN THE STORY OF A. PLATONOV "YUSHKA"

This study presents an analysis of the features of the functioning of onomastic units in the story of A. Platonov "Yushka". A. Platonov is a famous Russian writer of the 20th century, who lived a rather difficult life, which could not but affect the works created by the author. But special attention among the entire literary heritage left by A. Platonov - this includes prose, drama, journalism, etc., - in our opinion, is attracted by the peculiarities of the author's introduction of onomastic units into the texts of his works. A proper name is that lexical unit, with the use of which we encounter every day in the process of using the language. Proper names are used to name people, animals, countries, rivers, settlements, etc. The inherent variety of proper names, both functional and linguistic, led to the emergence of onomastics - a science that deals with the consideration of proper names, names, etc. We believe that a proper name is a special artistic element that does not exist independently in the text and is always interconnected with other elements of the text, since it is necessary to create an artistic image. An analysis of the interaction of all these systems makes it possible to

more accurately understand the author's intention and the purpose of introducing one or another onomastic unit into the text. It is obvious that the introduction by the author of specific onomastic units into a work is always not accidental, such a choice is always caused directly by the author's associations associated with a particular name. We examined the story of A. Platonov "Yushka" in order to identify the features of the functioning of onomastic units in this work and came to the conclusion that A. Platonov, as an author, is characterized by an original approach when choosing the name of the hero. The author uses words that exist in the language, endowing them with the ability to become a name and thus imparting to the hero those features with which an object called this lexeme is endowed. The choice of the name of the hero for A. Platonov is a very significant process, since the entire work created by the author is built on the name of the hero, the attitude of other characters introduced into the work depends on the name of the hero.

Key words: A. Platonov, onomastics, onym, literary text, "Yushka", Efim.

Многие исследователи занимались анализом языка произведений А. Платонова – яркого, самобытного, впечатляющего, врезающегося в память – с различных точек зрения. Традиционно подчеркивается метафоричность, мифологичность, трудность языка писателя. Нас заинтересовала специфика платоновского ономастикона.

Известно, что имя собственное – это та лексическая единица, с употреблением которой мы сталкиваемся ежедневно в процессе использования языка. В современной лингвистике популярны исследования, касающиеся имен собственных в художественной литературе. В самостоятельную научную дисциплину в этой связи выделилась литературная ономастика – раздел ономастики, занимающийся изучением онимов и специфики их употребления в художественных текстах. Это обусловлено, на наш взгляд, расширением сферы исследования языка художественного текста, лингвистики текста. По мнению В.В. Виноградова, «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах ... не может быть иллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [1, с. 38]. Логично предположить, что литературная ономастика, возникшая и существующая на фоне общенародной ономастики, опирается на нее, поэтому является вторичной. Писатель, создающий художественный текст, в любом случае придерживается существующих ономастических норм, даже если стремится от них абстрагироваться. Естественно, возможны ситуации, когда писатель, в целях реализации художественного замысла, прибегает к ономастическому творчеству, но даже в этом случае он не может не считаться с определенными правилами употребления имен собственных.

Принято считать, что имя собственное – это «уникальный элемент художественного целого, без осознания значимости которого невозможно адекватное понимание текста» [2, с. 3]. Однако имя не существует в тексте самостоятельно: оно всегда взаимосвязано с другими элементами текста, поскольку это необходимо для создания художественного образа. Соответственно, исследовательский интерес ученых, занимающихся проблемами литературной ономастики, заключается прежде всего в поисках связей между онимом и текстом, в пространстве которого он функционирует. Известно, что «писатель подбирает либо конструирует не только личные имена, но и все компоненты ономастического пространства произведения. Он знает характеры, занятия, душевные и физические данные персонажей. И в этой ситуации имя не может не войти в какие-то связи с уже известными свойствами персонажа и задачами произведения» [3, с. 11]. Эти связи могут оказаться многоплановыми и разнообразными, но они не всегда специально запланированы, осознанно введены автором. Имя в художественном произведении может сказать больше, чем задумал писатель [4, с. 36]. Анализ взаимодействия всех этих систем позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной ономастической единицы. Очевидно, что введение автором в произведение конкретных ономастических единиц всегда неслучайно, подобный выбор всегда обусловлен непосредственно ассоциациями автора, связанными с тем или иным именем. Имя может отражать автобиографическую информацию, историко-культурную, хронотопическую и т.п. [2, с. 3]. Эта позиция, безусловно, находит подтверждение и у исследователей творчества А. Платонова. Так, например, самый авторитетный знаток биографии А. Платонова – Н.В. Корниенко – считает, что «... платоновский текст автобиографичен и точен в реалиях» [5, с. 11].

Предлагаемое исследование посвящено анализу особенностей функционирования ономастических единиц в рассказе А. Платонова «Юшка». «Юшка» - рассказ, написанный А. Платоновым, по разным данным, либо в первой половине 30-х гг., либо в 1937 г., опубликован был только после смерти писателя, как и многие его тексты. Этот рассказ увидел свет в 1966 году. На нескольких стра-

ницах рассматриваемого произведения автор виртуозно раскрывает особенности менталитета жителей описываемого городка, их образ мыслей, поднимая тему добра и зла.

Название рассказа «Юшка» – это также имя главного героя, вообще «звали его Ефимом, но все люди называли его Юшкой» [6]. Согласно данным «Словаря русских личных имен» А.В. Суперанской, имя Ефим происходит от греч. *Εὐφίμιος* (*Эуфемийос*) – ‘благожелательный, благодушный’ [7, с. 187]. Анализируя текст, понимаем, что выбор имени *Ефим* для героя автором неслучаен. Юшка действительно на удивление спокоен и умиротворен, несмотря на все провокации в свой адрес: «Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку. – Юшка! – кричали дети. – Ты правда Юшка? Старик ничего не отвечал детям и не обижался на них; он шел так же тихо, как прежде, и не закрывал своего лица, в которое попадали камешки и земляной сор. Дети удивлялись Юшке, что он живой, а сам не сердает на них» [6]. С точки зрения детей, представляемых А. Платоновым в этом тексте, живой человек непременно должен злиться, «серчать» тогда, когда его обижают.

Интересна ситуация введения автором для именованного главного героя лексемы *юшка*. Словари не приводят возможности образования от имени *Ефим* уменьшительного *Юшка*. Полагаем, что данный оним А. Платонов образует самостоятельно, на основании существующей в языке лексемы *юшка*, которая в этимологическом словаре М. Фасмера приводится в форме *юша* и обозначает «человек, насквозь промокший от дождя», «сырой, мокрый» [8, с. 537]. Считаем необходимым отметить важность воды в картине мира А. Платонова. Он считал, что вода – самое главное для существования всего живого, без воды не может быть жизни, вода – сама жизнь. Поэтому подобный выбор имени для героя, на наш взгляд, неслучаен. Таким образом автор передает волю к жизни, витальность героя. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля приводит следующее значение лексемы *юшка*: «навар мясной, рыбий, похлебка» [9, с. 460]. Обратившись к тексту рассматриваемого рассказа, мы видим, что А. Платонов, употребляя лексему *юшка* для обозначения имени человека, хотел обратить внимание читателя на то, что поведение героя было нетипичным, несвойственным живому человеку: «Дети ... думали – вправду ли Юшка живой? Потрогав Юшку руками или ударив его, они видели, что он твердый и живой» [6]. Несмотря на обилие уменьшительных форм от имени *Ефим*, зафиксированных в «Словаре русских личных имен» А.В. Суперанской [7], А. Платонов образует свой оним – *Юшка*, подчеркивая тем самым нетипичность поведения героя, его необычность, непохожесть на других.

Несмотря на употребление лексемы *юшка* в качестве имени главного героя, мы видим, что он сохраняет черты, присущие человеку с именем Ефим: благодушие, всепрощение: «Юшка тоже радовался. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его» [6]. Юшка демонстрирует снисходительное отношение к тому, что дети позволяют себе в его адрес, потому что понимает, что эти дети воспитаны таким образом, что не умеют выражать свои чувства иначе, как делать больно, физически или морально, человеку, по отношению к которому они хотят проявить свою любовь. Анализируя текст, находим свидетельство тому, что такое имя – Юшка – герой выбрал себе сам. Узнают об этом жители городка уже после смерти Юшки, когда в город приходит, чтобы его разыскать, девушка, которой он долго помогал. Она ищет Ефима Дмитриевича, но такого человека никто не знает, и тогда кузнец, у которого работал Юшка, выдвигает предположение: «Уж не Юшка ли он? Так и есть – по паспорту он писался Дмитричем... – Юшка, – прошептала девушка. – Это правда. Сам себя он называл Юшкой» [6]. Становится очевидно, что себя и свою жизнь герой не воспринимал всерьез: это определяется по легкомысленному отношению к собственному имени. В жизни этой девушки Юшка сыграл решающую роль, поскольку девушка была сирота, и он всю жизнь все заработанные деньги отвозил ей, практически ничего не тратя на себя. Так девушка смогла получить образование и стать врачом: «И все ее знают в городе, называя дочерью доброго Юшки, позабыв давно самого Юшку и то, что она не приходилась ему дочерью» [6]. Осознание того, что Юшка был добрым, пришло к жителям города лишь после его смерти, в течение жизни к нему относились как к ненужному, лишнему: «Веселый прохожий, знавший Юшку, посмеялся над ним: – Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер, что ли» [6].

Несмотря на то, что Юшка выступал раздражителем для всех, кто проживал в городе, у него был определенный функционал, определенная роль, важное место, которое он занимал в жизни людей. Юшка служил своеобразным мерилем времени: «Когда Юшка рано утром шел по улице в кузни-

цу, то старики и старухи подымались и говорили, что вон Юшка уж работать пошел, пора вставать... А вечером, когда Юшка проходил на ночлег, то люди говорили, что пора ужинать и спать ложиться – вон и Юшка уж спать пошел» [6].

Таким образом, проанализировав рассказ А. Платонова «Юшка» с целью выявления особенностей функционирования ономастических единиц, можем сделать следующие выводы: для А. Платонова как для автора характерен оригинальный подход при выборе имени героя. Автор использует существующие в языке слова, наделяя их способностью становиться именем и сообщая таким образом герою те черты, которыми наделен предмет, называемый этой лексемой. Выбор имени героя для А. Платонова – весьма значимый процесс, поскольку на имени героя строится все произведение, создаваемое автором, от имени героя зависит отношение к нему других персонажей, вводимых в произведение.

Библиографический список:

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., Наука, 1963. - С.38.
2. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского / С.А. Скуридина. Автореферат... доктора филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2020. – С.3.
3. Ворошилова Е.В., Васильева С.П. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск, 2009. 11 с.
4. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А.Карпенко // Филологические науки. 1986. № 4. С.34-40.
5. Корниенко Н.В. Невозвращение Платонова / Н.В. Корниенко. Литературная газета, 1999, №35, С. 11.
6. А. П. Платонов. Избранные произведения: Рассказы. Повести. М.: Мысль, 1983 / А. Платонов // <https://ilibrary.ru/text/1192/index.html> (06.03.21)
7. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 187.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4: Т Ящур / М. Фасмер. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 537.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: С-V. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2006. С. 460.

References:

1. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. M., Nauka, 1963. - p.38.
2. Skuridina S.A. Onomastic code of artistic texts by F.M. Dostoevsky / S.A. Skuridina. Abstract... Doctor of Philology: 10.02.01. Voronezh, 2020. - p.3.
3. Voroshilova E.V., Vasilyeva S.P. Literary onomastics: a textbook for students of philological specialties. Krasnoyarsk, 2009. 11 p.
4. Karpenko Yu.A. Proper name in fiction / Yu.A.Karpenko // Philological sciences. 1986. No. 4. pp.34-40.
5. Kornienko N.V. Non-return of Platonov / N.V. Kornienko. Literaturnaya gazeta, 1999, No. 35, p. 11.
6. A. P. Platonov. Selected works: Short Stories. Stories. M.: Thought, 1983 / A. Platonov // <https://ilibrary.ru/text/1192/index.html> (06.03.21)
7. Superanskaya A.V. Dictionary of Russian personal names. M.: LLC "Firm " AST Publishing House", 1998. p. 187.
8. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 t. t. 4: T FMD / M. Fasmer. M.: Astrel: AST, 2007. p. 537.
9. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Vol. 4: S-V. M.: OLMA-PRESS; JSC PF "Red Proletarian", 2006. p. 460.

УДК 811.112.2

*Уральский государственный
экономический университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков
Стихина И. А.
Россия, г. Екатеринбург,
e-mail: aniris.irina@yandex.ru*

*Ural State University of Economics
The chair of foreign languages
PhD, assistant professor
Stikhina I. A.
Russia, Yekaterinburg
e-mail: aniris.irina@yandex.ru*

И.А. Стихина

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО АВТОРА У. ВИДМЕРА)

В статье рассматривается феномен креолизованного текста, отмечается необходимость комплексного подхода к его изучению. Доказывается преобладание лингвистических исследований креолизованного текста в рамках рекламных, политических и Интернет-текстов. Доминирование визуального способа восприятия информации привело к увеличению разнообразного визуального контента в сети Интернет, что, в свою очередь, стимулировало исследовательскую активность, в частности, возникновение мемов, изучающей креолизованные тексты в сети. При этом художественная литература, представляющая собой огромный источник креолизованных текстов, не исследуется так активно. В данной статье предпринята попытка восполнить данный пробел. Подчеркивается, что в художественной литературе широко представлены тексты с частичной креолизацией, однако, можно найти и тексты с полной креолизацией. На примере произведения немецкоязычного швейцарского автора У. Видмера анализируются особенности такого текста, а именно его неделимость и экспрессивность. Констатируется, что креолизация в данном случае ярко демонстрирует игровой подход автора к работе с языковым и визуальным материалом, что, в целом соответствует постмодернистской стилистике У. Видмера. Дальнейшие исследования креолизованных текстов в художественной литературе могут быть направлены на систематизацию их особенностей.

Ключевые слова: креолизованный текст, художественная литература, немецкоязычная литература, Урс Видмер, экспрессивность, игра

I. A. Stikhina

CREOLISED TEXT IN THE LITERATURE (EXAMPLE OF ONE WORK OF GERMAN-SPEAKING AUTHOR URS WIDMER)

The article considers the phenomenon of a creolized text. The complex scientific approach is defined as the main one. It is stated that linguistic studies of creolized texts are mainly devoted to advertising, political and Internet texts. The leading role of visual perception of information caused the growth of different visual contents in the Internet. In its turn it stimulated the research, in particular, the creation of memetics, which studies creolized texts in the net. The literature, which is actually a significant source of creolized texts, is not researched so actively. This article seeks to bridge the gap. It is stated that literature has a wide range of texts with partial creolisation, however, you can also find texts with full creolisation. By the example of Urs Widmer's work in German language the features of such a text are revealed and analyzed, in particular integrity and expressivity. Creolisation in this text demonstrates the ludic approach to language and visual materials. In general, it corresponds to the postmodern stylistics of U. Widmer. Further research of creolized texts in the literature can be directed towards systematization of their special aspects.

Key words: creolised text, literature, German-speaking literature, Urs Widmer, expressivity, ludic approach

Учёные сходятся во мнении, что феномен креолизованного текста должен исследоваться комплексно [1, с. 4], то есть как система, обладающая единством. Зачастую исследования в этом поле носят междисциплинарный характер: лингвистические научные работы, например, могут включать культурологические, литературоведческие, искусствоведческие и иные аспекты.

Прежде всего необходимо определить, что понимается под феноменом креолизованного текста. К самому понятию текста в настоящее время существует масса подходов. Самое широкое толкование предлагает семиотика. Текстом, с точки зрения семиотики, может считаться содержательно взаимосвязанная последовательность любых знаков, а также, по определению Чернявской, «совокупность всех коммуникативных сигналов любой формы, так или иначе задействованных в интерактивном процессе» [2; с. 91]. Такая широкая трактовка объединяет вербальные и невербальные компоненты, более того, исключительно невербальные образования могут пониматься как тексты. Экстралингвистические факторы учитывает и трактовка текста лингвистом Л.В. Щербой, который определяет его как «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [3; с. 26].

Термин «креолизованный текст» акцентирует наличие элементов разных семиотических систем, задействованных в тексте. «Креолизация» – понятие, обозначающее комбинирование таких элементов – «средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности» [4, с. 109]. К другим подобным терминам можно отнести «поликодовые тексты» [5]. Также «лингвизуальный комплекс» [6], «изовербальный комплекс» [4] – понятия, используемые исследователями для описания комбинации вербальной и изобразительно-графической систем. Некое универсальное определение креолизованного текста лингвистами сформулировано следующим образом: креолизованный текст – это текст, фактура которого «состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»». Кинотексты, тексты телевидения, средства агитации, плакаты, рекламные тексты и др. являются соответствующими примерами [7, с. 180-181].

Существуют тексты с частичной креолизацией, когда вербальные и невербальные компоненты вступают в «автосемантические отношения, т.е. вербальные элементы относительно автономны, а изобразительная часть текста выступает в качестве дополнения» [8, с. 110]. При полной креолизации обнаруживается невозможность разделения компонентов. Как отмечает Кресс, в этом случае имеют место синсемантические отношения: вербальный текст зависит от изобразительного ряда, при этом визуальные компоненты являются неотъемлемой частью текста [9; с. 8]. Целостность произведения, коммуникативный эффект достигаются при этом посредством взаимодействия вербального и невербального компонентов текста. Поэтому, как отмечает А.Н. Баранов, при анализе такого креолизованного текста логичной представляется необходимость исходить из принципа цельности смысла, создаваемого вербальным и невербальным компонентами текста, находящимися в отношениях семантической взаимозависимости [10, с. 45].

В XX – начале XXI вв., в период стремительного роста интернет-коммуникации, количество креолизованных текстов росло, и сейчас объём визуализации контента продолжает увеличиваться. Именно креолизация становится важным инструментом коммуникации – «привлечения и удержания внимания адресата, способом выражения смысловой организации текста» [1, с. 3]. Неслучайно визуальный компонент приобретает всё большее значение. Исследователи отмечают, что, как правило, у большинства людей формируется зрительный тип восприятия [11, с. 82]. Доминирование зрения, возникающее как в фило-, так и в онтогенезе, настолько прочно, «что даже такие серьезные нарушения его функций, какие наблюдаются у слабовидящих и частично зрячих, не влекут за собой изменения типа восприятия» [Там же]. Существование огромного количества визуальной информации в сети Интернет не могло не привлечь внимание лингвистов. В их поле зрения попадают как рекламные и политические тексты, так и другие жанры, свойственные именно виртуальному общению, в частности, комические креолизованные интернет-мемы («демотиваторы», «эдвайсы», креолизованные интернет-анекдоты и др.) [12, с. 3]. Развивается научная отрасль – меметика. Она изучает мемы «с психологической и социологической точек зрения», а также роль, которую «играют комические креолизованные интернет-мемы в современной киберкоммуникации и жизни современных социумов» [12, с. 4].

Художественная литература, также являясь источником креолизованных текстов, в меньшей степени интересует исследователей. С одной стороны, это оправданно: доминирование креолизованных текстов в сети Интернет и иных СМИ привлекает к себе повышенное внимание, и их системное изучение, несомненно, актуально; с другой стороны, креолизованный текст в художественной литературе заслуживает внимания как многогранный феномен, к тому же некоторые явления письменной коммуникации, наблюдаемые в сети, уже имели место в литературе. В связи с этим мы полагаем, что

изучение креолизованных текстов художественной литературы также интересно с исследовательской точки зрения.

Зачастую креолизованный текст в художественной литературе – это текст с частичной креолизацией: авторский вербальный текст сопровождается иллюстрациями художника. Также литераторы самостоятельно иллюстрируют свои произведения, используя для этого различные рисунки, фотографии. Но изобразительные компоненты могут быть не только иллюстрациями, дополняющими произведение или каким-то образом разъясняющими его. Визуальные компоненты могут являться неотъемлемой частью произведения в комбинации с вербальным текстом. Принцип поликодовости в таком креолизованном тексте реализуется с максимальным эффектом. В качестве примера приведём здесь произведение швейцарского немецкоязычного автора Урса Видмера под названием «13 фотографий», опубликованное впервые в 1977 году. [13]. В данном произведении речь не идёт об иллюстрировании художественного текста, а скорее, наоборот – о вербальном сопровождении фотографий: каждая фотография представляет собой основной компонент, к которому прилагается вербальная составляющая, интерпретирующая/объясняющая фото. Текст не описывает и не комментирует происходящее/изображённое на фото с позиций логики и здравого смысла; текст предлагает неожиданную, «сказочную» интерпретацию, фиксирует игру воображения автора, его причудливые ассоциации. Креолизованный текст экспрессивен: читатель воспринимает его эмоционально, как единое, неразделимое на части произведение. Визуальная и вербальная части переплетены настолько, что в отрыве друг от друга представляют собой отдельные компоненты, полностью лишённые смысла, транслируемого автором. Далее, на рисунке, приведём вид страницы такого текста и вербальную часть на немецком языке (справа):



Warum sitzt niemand in deinem Stuhl, Yvonne? Warum hast du deinen Geliebten durchs Fenster gestürzt? Niemand wird es dir ansehen, Yvonne. Deine Richter werden sich in dich verlieben und die Staatsanwälte von dir träumen. Deine Hinrichtung wird ein Gang des Triumphs sein. Ich weiß, wenn es Nacht wird in deiner Zelle, bindest du deine Haare zu einem langen Zopf, und ein Herr, Herr Friedhelm Mayr, klettert zu dir herauf, und ihr habt kein Geheimnis voreinander. Ach, Yvonne. Früher waren Frauen in deinem Alter Greisinnen. Du warst jetzt 57. Nie bis jetzt dachte ich, daß meine Mutter so aussah wie du und daß sie am offenen Fenster auf einen Geliebten wartete, der nicht mein Vater wurde.

Рис

Данный креолизованный текст передаёт особенности стиля У. Видмера: людическое начало, юмор, иронию, присущие автору [14]. Игра, свойственная постмодернистской поэтике, ярко представлена в этом произведении. У. Видмер играет с ассоциациями, вызванными фотографией, и интертекстуальные отсылки, возникающие в процессе ассоциирования, добавляют объём паузине текста. Они наполняют невербальный (иконический) компонент (фото) новыми смыслами, расширяя поле возможных интерпретаций. Так, например, на фотографии (Рис.) мы видим девушку, сидящую у открытого окна на стуле, напротив стоит пустой стул. Автор фиксирует литературный архетип – дева-узница башни. Он ассоциирует девушку с преступницей, сбросившей возлюбленного из окна, а также с узницей башни, ожидающей казни; с героиней сказки о Рапунцель, сбрасывающей косы для того, чтобы возлюбленный мог подняться к ней; с собственной матерью, ожидающей возлюбленного, который не стал его отцом.

В данном немецкоязычном произведении мы наблюдаем достаточно редкий для художественной литературы пример полной креолизации. Визуальный компонент не несёт исключительно коннотативную нагрузку, то есть не иллюстрирует вербальный компонент, а, как и вербальный текст, несёт денотативную нагрузку. Оба компонента, таким образом, влияют на интерпретацию креолизованного текста читателем. Между визуальным и вербальным компонентами возникает игра смыслов, ассоциаций. Таким образом, креолизованный текст усиливает игровую авторскую стилистику, экспрессивно

воздействуя на реципиента. Данное явление можно наблюдать также в интернет-текстах, людическая маркированность которых [15] усиливает эмоциональное воздействие. Параллели, проведённые между литературным произведением постмодернистской направленности и существующей в интернет-сети письменной коммуникацией неслучайны. Данная тема может быть перспективна для дальнейших исследований лингвистов и литературоведов, в том числе с целью систематизации особенностей и типологизации креолизованных текстов в художественной литературе.

Библиографический список

1. Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2013. 24 с.
2. Чернявская В.Е. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 267 с.
3. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24-39.
4. Барнацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; Под редакцией А.П. Сквородникова. Вып. 3 (11). Красноярск: Красноярский гос. университет, 2000. С. 104-110.
5. Эйгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тареза. Ч.1. М., 1974. С. 103-109.
6. Большианова Л.С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: Содержание и структура: автореф. ... дисс. канд. филол. наук: 10.02.04. Л., 1986. 31 с.
7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-186.
8. Barthes R. *Le Texte et l'image*. Paris: Paris Musées, 1986. 142 p.
9. Kress G. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge, 2010. 215 p.
10. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2011. 134 с.
11. Новиков А.К. Психологические особенности восприятия незрячих // Молодой ученый. 2010. № 11 (22). Т. 2. С. 82-86. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/22/2195/> (дата обращения: 11.02.2021).
12. Гуторенко Л.С. Комические креолизованные Интернет-мемы в русско-, испано- и англоязычной виртуальной коммуникации: лингвистический аспект и социокультурные особенности: автореферат. канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2019. 22 с.
13. Widmer, U. 13 Fotos / U. Widmer // *Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr*. – Diogenes Verlag AG, Zürich, 1987. S. 53-65.
14. Стихина И.А. Постмодернистские маркеры идиостиля Урса Видмера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-2 (84). С. 296-299.
15. Каллистратидис Е.В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации: на материале русского языка начала XXI века: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2013. 24 с.

References

1. Korda O.A. Creolised text in the modern print media: structural and functional characteristics: thesis abstract... PhD in Philology: 10.01.10. Yekaterinburg, 2013. 24 p.
2. Chernyavskaya V.E. Polycode, intertextuality, interdiscursiveness. Tutorial. Moscow, 2014. 267 p.
3. Shcherba L.V. On the three-fold aspect of linguistic phenomena and on experiment in linguistics // L.V. Shcherba. Language system and speech activity. Leningrad, 1974. P. 24-39.
4. Eiger G.V., Yukht V.L. Towards the construction of a typology of texts // *Linguistics of the text. Part 1*. Moscow, 1974. P. 103-109.
5. Bolshiyanova L.S. Verbal accompaniment of photographic images in the modern British press: Content and structure. thesis abstract... PhD in Philology: 10.02.04. Leningrad, 1986. 31 p.
6. Bernatskaya A.A. On the problem of "creolization" of the text: history and current state // *Speech communication: Specialized bulletin / Krasnoyar. state un-t; Edited by A.P. Skovorodnikov. Iss. 3 (11). Krasnoyarsk State University, 2000. P. 104-110.*
7. Sorokin Y.A., Tarasov E.F. Creolized texts and their communicative function // *Optimization of speech impact*. Moscow, 1990. P. 180-186.
8. Barthes R. *Text and image*. Paris: Paris Musées, 1986. 42 p.
9. Kress G. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge, 2010. 215 p.
10. Baranov A.N. *Linguistic examination of the text: theory and practice*. Moscow, 2011. 134 p.

11. Novikov A.K. Psychological characteristics of the perception of the blind. // Young scientist. 2010. Iss. 11 (22). Т. 2. P. 82-86. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/22/2195/> (date of application: 11.02.2021).
12. Gutorenko L.S. Comic creolized Internet memes in Russian, Spanish and English-language virtual communication: linguistic aspect and socio-cultural characteristics. thesis abstract... PhD in Philology: 10.02.20. Moscow, 2019. 22 p.
13. Widmer, U. 13 Fotos / U. Widmer // Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr. - Diogenes Verlag AG, Zürich, 1987. P. 53-65.
14. Stikhina I.A. Postmodern markers of Urs Widmer's idiostyle // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2018. Iss. 6-2 (84). P. 296-299.
15. Kallistratidis E.V. Language game in informal Internet communication: on the material of the Russian language at the beginning of the XXI century: thesis abstract... PhD in Philology: 10.02.01. Rostov-on-Don, 2013. 24 p.

УДК 80:808.2

*Кубанский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
Катермина В.В.
Россия, г. Краснодар,
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru*

*Kuban State University
The chair of English Philology
Doctor of Philological Sciences, Professor
Katermina V.V.
Russia, Krasnodar,
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru*

В.В. Катермина

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных»).

В статье рассматриваются теоретические основы функционирования имени собственного в художественном тексте. Отмечается, что исследование антропонимического материала в ментальной парадигме предусматривает рассмотрение круга вопросов, связанных с современным функционированием именованных, их ролью в социальной и психической жизни индивидов. В лингвистике обращение к проблеме восприятия продуктов речемыслительной и языкотворческой деятельности связано с развитием когнитивного направления, элементы которого используются в работе: подход к антропонимам с позиций антропоцентризма предполагает их анализ с целью познания их носителя и того, от кого это имя получено; экспансионизм подразумевает выход в социокультурную сферу онтологии антропонимов; экспланаторность заключается в стремлении объяснить рассматриваемые явления. Лишь имя, рассмотренное в различных аспектах своего бытия, может предстать перед нами во всем своем «многоголосии» в жизни человека. Важно учитывать знаковую природу имен собственных, их способность репрезентировать ономастические концепты и выступать в качестве средств взаимодействия знаковых систем. И наконец, необходимо принимать во внимание, что, будучи языковыми знаками, имена собственные не только указывают на некоторый объект, но также замещают в сознании людей как отдельных индивидов, так и понятие «человек». Изучение художественной ономастики открывает пути для более глубокого познания человека как члена культуры и пользователя языком, как индивида, переносящего на бумагу свой личный опыт и свое ценностное отношение к миру, а также как творца художественных образов

Ключевые слова: имя собственное, художественный текст, антропонимика, художественная ономастика, язык, культура.

V.V. Katermina

PROPER NAMES IN A LITERARY TEXT

The article discusses the theoretical foundations of the functioning of a proper name in a literary text. It is noted that the study of anthroponymic material in the mental paradigm involves considering a range of issues related to the modern functioning of names, their role in the social and mental life of individuals. In linguistics, addressing the problem of perceiving the products of speech-thinking and linguistic activity is associated with the development of a cognitive direction, the elements of which are used in the work: an approach to anthroponyms from the standpoint of anthropocentrism involves their analysis in order to understand their bearer and from whom this name was received; expansionism implies entering the socio-cultural sphere of the ontology of anthroponyms; Explanatory is the desire to explain the phenomena under consideration. Only a name, considered in various aspects of its existence, can appear before us in all its "polyphony" in a person's life. It is important to take into account the sign nature of proper names, their ability to represent onomastic concepts and act as means of interaction of sign systems. And finally, it is necessary to take into account that, being linguistic signs, proper names not only indicate some object, but also replace in the minds of people both separate individuals and the concept of "person". The study of artistic onomastics opens the way for a deeper knowledge of a person as a member of culture and a user of language, as an individual who transfers his personal experience and his value attitude to the world to paper, as well as as a creator of artistic images

Key words: proper name, literary text, anthroponymics, artistic onomastics, language, culture.

Проблема «человек и язык», а также «язык и культура» приобретает в последнее время все большую актуальность. Становится очевидным, что адекватное исследование языка возможно только при условии выхода за его «пределы», при обращении к человеку – творцу языка, причем такой подход возможен только на конкретном национально-языковом материале.

Каждый человек как языковая личность располагает концептуальной и языковой картинами мира, которые представляют собой глобальную, непрерывно конструируемую систему информации об универсуме [1]. Концептуальная и языковая картины мира каждого человека неоднородны: они включают в себя универсальные элементы, не зависящие от лингвокультурного мировоззрения личности, элементы, отражающие национальный характер языковой личности, а также информацию, обусловленную образованием человека, его социальной средой, то есть связанное с фоновыми знаниями, вертикальным контекстом, культурными традициями той или иной языковой личности.

Имя собственное является границей, разделяющей бытие и инобытие, универсальное и национально специфическое, даже «точкой», местом, в котором они разделяются и встречаются; имя позволяет в определенной степени представить социальный статус, духовный мир, национальные особенности и т.п. как именуемого, так и именующего [2].

Важно учитывать знаковую природу имен собственных, их способность репрезентировать ономастические концепты и выступать в качестве средств взаимодействия знаковых систем. И наконец, необходимо принимать во внимание, что, будучи языковыми знаками, имена собственные не только указывают на некоторый объект, но также замещают в сознании людей как отдельных индивидов, так и понятие «человек».

Изучение художественной ономастики открывает пути для более глубокого познания человека как члена культуры и пользователя языком, как индивида, переносящего на бумагу свой личный опыт и свое ценностное отношение к миру, а также как творца художественных образов. В целом, изучение литературных произведений с точки зрения их ономастической организации дает возможность установить роль имен собственных как структурообразующих средств [3; с. 7].

Имена собственные в произведениях изящной словесности (поэтонимы) сегодня все чаще привлекают внимание специалистов-филологов. Причина понятна: в мини-контексте художественного произведения или метаконтексте всего наследия писателя они выполняют особую концептуально-характеристическую: индивидуализирующую и типизирующую, – социально-психологическую, философско-идеологическую, эстетическую, стилистическую и иные функции, связанные с конкретным авторским заданием. Мощный содержательный потенциал онимов, целенаправленно реализуемый в границах литературного целого и обретающий вследствие этого символический смысл, служит проникновению в глубины мировидения того или иного художника, а поэтическое оформление его именослова позволяет вскрыть специфику творческих установок и принципов [4; с. 4].

На рубеже XX–XXI веков утвердилось понимание, что к имени собственному, попадающему в художественный текст, необходим особый подход. Ведь здесь оно обретает качественно новые характеристики и начинает выполнять новую роль. А. А. Кожин подчеркивает: «В процессе литературного творчества собственное имя подвергается семантизации, включению в зоны художественного смысла» [5; с. 55]. Тем самым формируется новый статус онима, перерастающего в обобщенно-художественный знак, получающего символизировавшую значимость. «Имя – великая сила и неубывающая энергия», – определяет сущность рассматриваемого явления А. Ф. Лосев [6; с. 883]. Но, переливая «через край своими смысловыми возможностями», оно пребывает «в основе своей внутри предопределенного ему смыслового круга» [6; с. 883].

Важным моментом в развитии современной лингвистической ономастики является ее стык с идеями и методами общей стилистики и лингвистики текста. Академик В. В. Виноградов в работе «Задачи стилистики» писал: «Вопрос о подборе имен, фамилий и прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях – не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [7; с. 37–38].

В литературном произведении имена собственные выполняют ведущую роль в создании «семантической композиции» художественного текста наряду с другими средствами стиля [8; с. 102]. В этом плане они являются объектом комплексной науки ономастистики, которая включает в себя методы лексикологии, семиотики, стилистики, поэтики и лингвистики текста в широком смысле. Она (ономастистика) объединяет, по мнению Г. В. Степанова, 3 подхода к тексту: общетеоретический, грамматический и стилистический [9; 200].

Давая персонажу имя, писатель учитывает характер, внешний и внутренний мир своего героя. Имя

собственное входит в художественное произведение с уже определенными свойствами персонажа и задачами произведения. Иногда автор не всегда осознанно вводит то или иное имя, но оно может сказать «больше, чем задумал писатель» [10; с. 145].

Имена собственные в художественном произведении изучаются ономастикой и, следовательно, основной функцией личных имен собственных становится стилистическая (в отличие от дифференциальной, являющейся доминирующей для ИС в речи). Художественная ономастика прежде всего не различает, а «говорит» [11; 36].

Следует выделить две разновидности стилистической функции: информационно-стилистическую (выразителем является внутренняя форма имени) и эмоционально-стилистическую (фонетическая и словообразовательная формы [несоответствие имени и фамилии, имени и образа]).

Имя собственное может приобретать независимое употребление, становясь символом (Гамлет, Обломов). Информационно-стилистическая функция увеличивается и подобные ИС приближаются к нарицательным словам.

Имена обладают определенной актуализацией в любом художественном тексте, то есть они всегда что-то «говорят». Как справедливо заметил Ю. Тынянов, «в художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [12; с. 127]. Передачей коннотативных смыслов они выполняют свои художественные функции. Имя может сравниваться с загадкой, ответ на которую мы получаем, опираясь на общеязыковые и культурно-психологические коннотации имена собственные в сознании народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции).

Антропонимическая коннотация – это «многогранное социально лингвистическое явление, сформированное лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Коннотации приобретаются именами на протяжении всего периода их функционирования в обществе. В зависимости от времени и ареала распространения имен меняются их популярность, стилевая принадлежность, предпочтительность суффиксальных форм и социокультурные коннотации» [13; с. 8].

Создание реалистичных и художественно убедительных образов литературных персонажей требует от автора соответствия их имен закономерностям национальной ономастики. Подобная зависимость выражается «в том, что как в выборе существующих, так и в создании новых фамильных имен автор руководствуется исторически сложившимися структурными и этимологическими моделями имен, социальными, национальными и диалектными особенностями их употребления» [14; с. 119].

Результаты исследования имен собственных в художественном тексте подтверждают имеющиеся в науке следующие данные:

1. Отбор имен собственных для персонажей в художественном тексте всегда произволен (исключения составляют исторические и хроникально-документальные произведения, хотя и в них возможно существование вымышленных имен), то есть свидетельствует об определенных пристрастиях – языковых, несобственно языковых и неязыковых – автора.

2. Имя в художественном тексте, в силу антропоцентричности последнего, значимая деталь в создании художественного образа, который творится в целом тексте и составляет основное его содержание. Поэтому речевое воплощение художественного образа является текстообразующим фактором, лингвистическое изучение которого в настоящее время может стать одной из новых и чрезвычайно важных задач лингвистического анализа художественного произведения.

3. Имя собственное выполняет не только функции номинативную, апеллятивную, но и функцию социальной маркировки, отражает характерные для данного времени нормы межличностных взаимоотношений, то есть выбор имени позволяет говорить о целом комплексе национально-специфических, общекультурных, групповых и индивидуально-специфических свойств языковой личности «номинатора».

4. В художественном тексте, кроме собственного его ономастикона, входят и имена из других текстов, а также имена-знаки культурного «вертикального контекста», концептуализировавшиеся в истории мировой и/или национальной культуры либо в данном тексте, причем автор может использовать как «концепты-штампы», так и «видоизмененные» концепты, вступающие в сложные отношения с привычно существующими в сознании массы носителей языка концептуальными представлениями о данных личностях.

5. Сам отбор, частотность использования тех или иных имен-концептов косвенно служит характеристикой тезаурусного фонда, находящегося в сознании автора [15; с. 46–47].

Осознание языка как «феномена культуры, как культурно-исторической среды, воплощающей в себе

материальную и духовную культуру народа, постижение его как сокровищницы культуры, способствующей передаче культурных ценностей и накопленного опыта от поколения к поколению, приводит к необходимости описания национально-культурной специфики лексических единиц, в том числе личных имен собственных (антропонимов), которые отражают как внутренние законы функционирования языковой системы, так и систему социальных норм, связанную с условиями жизни и особенностями мышления народа – носителя языка. Имя собственное является знаком не только конкретного человека, оно “вписано” в определенный социокультурный контекст, иначе говоря, оно культурно-исторически обусловлено» [13; с. 3].

Библиографический список

1. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
2. Катермина В. В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 21 с.
3. Косиченко Е. Ф. Лингвосомиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2017. 354 с.
4. Поник М. В. Поэтика имени в романистике Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь 2014. 218 с.
5. Кожин А. А. Именованье в мире литературных персонажей // Русский язык за рубежом. 2004. № 4. С. 52–55.
6. Лосев А. Ф. Вещь и имя // Бытие. Имя. Космос. М.: «Мысль», 1993. С. 803–880.
7. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 253 с.
8. Фoniaкова О. И. Имена собственные в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
9. Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого-го анализа художественного текста // Изв. РАН. ОЛЯ. 1980. Т.39. №3. С. 195-204.
10. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика или «говорящие имена» в литературе. Ташкент: Фан, 1978. 148 с.
11. Карпенко Ю. А. Имена собственные в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
12. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. 598 с.
13. Зубкова Л. И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2009. 40 с.
14. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1966. 222 с.
15. Исаева Л. А., Катермина В. В. Языковая личность А. С. Пушкина: особенности проявления в номинации персонажей // Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век). Краснодар: КубГУ, 1999. С. 45–53.

References

1. Pavilionis R. I. The problem of meaning: modern logical-philosophical analysis of language. M.: Mysl', 1983. 286 p.
2. Katermina V. V. Personal proper name: national and cultural features of functioning (based on the Russian and English languages): author. dis. ... Cand. philol. sciences. Krasnodar: KubSU. 21 p.
3. Kosichenko E. F. Linguosemiotic concept of onomasticon (based on literary texts): dis. ... Dr. Filol. sciences. M.: Mosk. state linguist. un-t, 2017. 354 p.
4. Ponik M. V. The poetics of the name in the novels of F.M. Dostoevsky: dis. ... cand. philol. sciences. Simferopol, 2014. 218 p.
5. Kozhin A. A. Naming literary characters in the world // Russian language abroad. 2004. No. 4. P. 5255.
6. Losev AF Thing and name // Genesis. Name. Space. M.: “Mysl”, 1993. S. 803-880.
7. Vinogradov V. V. Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics. M.: Publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1963. 253 p.
8. Fonyakova O. I. Proper names in literary text. L.: Leningrad State University, 1990. 103 p.
9. Stepanov G. V. On the boundaries of linguistic and literary analysis of a literary text // Izv. RAS. OLYA. 1980. Vol. 39. No. 3. S. 195-204.
10. Magazanik E. B. Onomapoetics or “speaking names” in literature. Tashkent: Fan, 1978. 148 p.
11. Karpenko Yu. A. Proper names in fiction // Philological sciences. 1986. No. 4. P. 34–40.
12. Tyunyanov Yu. Archaists and innovators. L.: Priboy, 1929. 598 p.
13. Zubkova L. I. Russian name of the second half of the XX century in the linguoculturological aspect (based on the works of F. Abramov, V. Astafiev, V. Rasputin and V. Shukshin): author. dis. ... dr. filol. sciences. Voronezh, 2009. 40 p.
14. Shchetinin L. M. Words, names, things. Rostov n / d: Publishing house Rost. University, 1966. 222 p.
15. Issaeva L. A., Katermina V. V. The linguistic personality of A.S. Pushkin: features of manifestation in the nomination of characters // Poetics of Russian literature (Pushkin era. Silver age). Krasnodar: KubGU, 1999. S. 45–53.

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского
языка и технологий перевода
Расторгуева М.Б.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: rast.mari@mail.ru
+79036540423*

*Voronezh State Technical University
Department of foreign languages and translation
technology
PhD in Philology, Associate Professor*

*Marina B. Rastorgueva
Russia, Voronezh,
e-mail: rast.mari@mail.ru*

М.Б. Расторгуева

ЭПИТЕТ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Д. РУБИНОЙ «НА ВЕРХНЕЙ МАСЛОВКЕ»)

Статья посвящена анализу группы эпитетов, сформированных посредством конструкций образования степеней сравнения качественных прилагательных, представленных в повести Д.И. Рубиной «На верхней Масловке». Данное средство языковой выразительности в категории имени прилагательного является одним из основных способов формирования общей структуры произведения и образов героев. Автор статьи в своей работе продолжает исследование, связанное с изучением языковой составляющей творчества Д. Рубиной.

Ключевые слова: фигуры, эпитет, качественные прилагательные, степени сравнения прилагательных, современная российская проза.

M.B. Rastorgueva

EPITHET AS ONE OF THE MEANS OF FORMING THE IMAGE OF THE HERO IN THE WORKS OF MODERN RUSSIAN PROSE (ON THE EXAMPLE OF THE STORY OF D. RUBINA "IN VERKHNYAYA MASLOVKA")

The article is devoted to the analysis of the group of epithets formed by the structures of the comparative degrees of the qualitative adjectives presented in the story by D. I. Rubina "In Verkhnyaya Maslovka". This method of language expressiveness using adjectives is one of the main ways to form a general structure of the work and the images of the heroes. In its work, I continue to study the language component of creativity of D. Rubina.

Key words: figures, epithet, high-quality adjectives, degrees of comparison of adjectives, modern Russian prose.

Как известно, одним из основных средств, используемых авторами в творческом процессе для формирования общего фона произведения и образов героев, является эпитет. Данную единицу стилистической направленности в филологии традиционно относят к категории тропов – «синтаксических фигур, т.е. синтаксических средствах выразительности речи – повторах, параллелизме, инверсии, анафоре и др.» [2].

«Ученые-лингвисты под эпитетом понимают «определение, прибавляемое к названию предмета или лица для большей художественной выразительности» [1, с. 1489], «образное определение какого-либо предмета, явления или лица, выраженное обычно метафорическим прилагательным, но иногда и наречием, именем существительным, числительным, глаголом» [3, с. 256]. Также к эпитетам относят лексические единицы, выступающие в качестве «поясняющего, раскрывающего, конкретизирующего понятия, явления, значения» другого понятия [6, с. 48] [8, с. 23]. Чаще всего понятие «эпитет» связан с понятием «имя прилагательное», что, в свою очередь, формирует определенную взаимосвязь с понятиями «качественное прилагательное», «степени сравнения качественных прилагательных» [5]. К разряду качественных прилагательных относят имена прилагательные, которые обозначают при-

знак, проявляющийся в большей или меньшей степени. В зависимости от проявления признака в подобных лексических единицах выделяют три степени сравнения прилагательных:

- положительная (фиксирует факт обладания предмета каким-либо признаком);
- сравнительная (признак одного из предметов выражен сильнее, чем у другого или у того же предмета в другом контекстуальном пространстве);
- превосходная (предмет обладает неким признаком в большей степени, чем все остальные подобные предметы) [5].

Степени сравнения качественных прилагательных представлены двумя формами – простой (синтетической) (степень сравнения выражается с помощью одного слова) и составной (аналитической) (степень сравнения выражается с помощью нескольких слов) [5]. Малоизученность произведений лексики современной российской прозы с точки зрения разнообразия ее стилистической составляющих и важность всестороннего рассмотрения стилеобразующих текстовых категорий определяют *актуальность исследования*.

Основной целью настоящей статьи является всестороннее рассмотрение эпитетов с точки зрения словообразовательной составляющей в неразрывной связи с категорией «степень сравнения качественных прилагательных», представленных в повести Д. Рубиной «На Верхней Масловке» [4]; в качестве основного метода подбора материала использовался *метод сплошной выборки*.

Данная цель предполагает решение ряда *задач*:

- всестороннее рассмотрение эпитетов повести, представленных качественными прилагательными;
- распределение качественных прилагательных по категориям в соответствии с традиционной градацией;
- на основании распределения соответствующих эпитетов сбор статистических данных и формирование выводов по стилистической составляющей повести «На Верхней Масловке».

Данный материал представляет собой описание результатов исследований и выводов, к которым автор статьи пришел в ходе проведенного анализа группы эпитетов, связанных с категорией степеней качественных имен прилагательных повести Д. Рубиной «На Верхней Масловке», как уже было отмечено выше [4]. Статья была написана в рамках общего исследования произведений Д. Рубиной и является его логическим продолжением [7, 8, 9]. В результате проведенного анализа эпитетов категории «степени сравнения имен прилагательных», представленных в повести «На Верхней Масловке», нами было выявлено 319 лексических единиц, которые были распределены по 2 группам в соответствии с общепринятой категориальной составляющей. Было выделено 2 основные группы эпитетов с подгруппами:

- эпитеты, образованные посредством качественных прилагательных положительной степени, с формированием подгрупп в соответствии с тематикой;
- эпитеты, образованные посредством качественных прилагательных превосходной степени, с формированием подгрупп в соответствии с количеством слов, участвующих в построении конструкции - простой (синтетической) формы и составной (аналитической) формы.

Рассмотрим группу эпитетов, образованных посредством качественных прилагательных положительной степени. В ней нами были отмечены 9 основных подгрупп: эпитеты, связанные с понятием размера; эпитеты, связанные с понятием свойства; эпитеты, связанные с понятием временных периодов; эпитеты, связанные с понятием цвета; эпитеты, связанные с понятием формы; эпитеты, связанные с понятием восприятия рецепторов (вкус, запах и др.); эпитеты, связанные с понятием температуры; эпитеты, связанные с понятием звука; эпитеты, связанные с понятием общей характеристики. Данная группа представлена следующим количеством лексических единиц – 297.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием цвета» нами были отнесены следующие лексические единицы – *красный, ядовито-зеленая, синий, желтая, палевые, вишневая, кровавая, голубые, белесый, рыжая, бледная, пасмурный, узорный, желудево-коричневые, разномастные, эмалево-сгущенная, облезлая, багровое, черные, малиновый, серые, кровавые, защитный, белесый, белый, седые, смуглое, темно-серый, бархатно-вишневая, грязно-бурая*. Всего нами их было обнаружено 30.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием временных периодов» нами были отнесены следующие лексические единицы – *прошлые, мгновенная, новая, старый, хронический, вечные, короткая, современное, престарелая, преклонный, антикварный, бывший, старинный, пожилая, несвежий, старенький*. Всего нами их было обнаружено 16.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием формы» нами были отнесены следующие лексические единицы – *мягкая, штопанная, мятая, худой, долгополое, подвижное, легкая, худоцавая, детские, корявая, вислые, дряблые, косолапые, пудовая, голенастая, сухая, высушенная, крошечная, резной, расхлябанные, сиротская, долговязая, круглая, сохлая, опрятно-круглое, сухопарый, тощий*. Всего нами их было обнаружено 27.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием размера» нами были отнесены следующие лексические единицы – *неженские, мощные (руки), большая, крупные, небольшая, изящный, маленькая, кряжистая, четырехугольный*. Всего нами их было обнаружено 9.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием свойства» нами были отнесены следующие лексические единицы – *легкая, красивый, титаническая, выхоленная, величественная, милая, зланный, трудовой, здоровый, хороший, проклятые, свободный, легендарный, робкий, могучая, агрессивная, конкретная, приличные, щемяще-грустная, притягательно молодой, независимая, жесткий, дорогие, энергичная, романтические, роскошная, бабские, надрывные, незнакомя, чужая, убогая, знаменитый, великая, убийственная, тихий, ужасные, оскорбительные, вздорные, ревнивый, трусливый, ровный (голос), великопленный, идиотский, живые, верные, подпрыгивающие, ворчливый, носатая, лохматая, насупленный, трезвый, веселенький, пьяный, призрачный, приличный, несчастный, собачий (характер), невероятные, сияющая, наивная, скрипучее, натянутые, скандальное, безрадостный, сорочья, роскошный, угрюмо-деловые, блудливый, радушный, античная, бодрая, хмуро-величавый, желчные, вежливый, доброжелательный, злобный, невинные, иронический, безобразный, сказочный, умильная, неловкий, сердитый, недоуженный, добрый, деятельный, ядреный, хрупкая, стеклянные, дрожащие, зычные, задумчиво-жесткие*. Всего нами их было обнаружено 92.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием восприятия рецепторов (вкус, запах и др.)» нами были отнесены следующие лексические единицы – *тяжкая, мокрая, зябкая, гулкий небольшая, сумрачная, уютный, ватное (безразличие), тонкая, острая, удушливая, блестящая, горькое, холодное, любимый, атласные, тошнотворный, крепкий, тягучий, блестящие, чудесный, хитрый, сладкое, затхлый, сырой, звонкая, травный*. Всего нами их было обнаружено 27.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием температуры» нами были отнесены 3 лексические единицы – *блаженно-горячий, теплая, ледяной*.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием звука» нами были отнесены следующие лексические единицы – *глухое, тихий, низкий*. Всего нами их было обнаружено 3.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с понятием общей характеристики» нами были отнесены следующие лексические единицы – *приличные, славная, милое, огорченное, унижительная, бездомный, почтительный, личный, прилюдный, нормальный, святая, безмозглая, бесстыжая, даровитые, обшарпанная, сумасшедший, бессовестный, нищий, хренов (гений), молодой, странный, длинноногий, отвлеченный, неземная, хорошенькая, умиротворенная, безумная, талантливый, глупый, напыщенный, противная, широкий (человек), знаменитый, выдающийся, феноменальный, ужасная, голодный, общежитский, шелудивый, величественная, недобрый, неширокий, бесхарактерный, маниакальная, чопорная, миленькие, удачный, благопристойный, полезный, положительный милая, нежно-насупленная, глуповатый, юный, глуповатый, чопорный, дохлая, престижный, потрепанная, подуставшее, пластически (склад лица), подвижные, взлетные, привязчивый, небезупречный, пошло-вато-игривая, остервенелый, фарфоровое, эфирная, пасторальная, дурацкие, роскошная, могучая, крутой, радостно-наглой, задумчиво-жесткий, деловитый, ненасытные, необыкновенный, честный, дьявольский, тонкая, страстная, прерывистая, робкий, загадочный, умный, жалкая, беспечная, шальная, могучий*. Всего нами их было обнаружено 90.

Рассмотрим группу эпитетов, образованных посредством качественных прилагательных превосходной степени. В ней нами были отмечены 2 основные подгруппы:

- эпитеты, связанные с конструкцией «простая (синтетическая) форма»;
- эпитеты, связанные с конструкцией «составная (аналитическая) форма».

Данная группа представлена следующим количеством лексических единиц - 22.

К подгруппе «Эпитеты, связанные с конструкцией «простая (синтетическая) форма» нами были отнесены следующие лексические единицы – *мерзейшая, злейший, сверхъестественная, милейший, глупейшее, нежнейшая, сложнейшими, огромный*. Всего нами их было обнаружено 8.

Внутри данной подгруппы нами были отмечены как однокоренной способ образования простой формы (например, *мерзейший, нежнейшая*), так и разнокоренной (например, *огромный*).

К подгруппе «Эпитеты, связанные с конструкцией «составная (аналитическая) форма», нами были отнесены следующие лексические единицы – *смехотворно мелкая, очень модное, достаточно привлекательная, довольно вкусно, слишком дорого, очень живые, очень трезвые, очень монументальная, не слишком щепетильный, страшно довольная, совсем молоденькая, крайне неудобен, немыслимо шикарный, очень ловкие*. Всего нами их было обнаружено 14, и практически все они могут быть отнесены к категории просторечной лексики.

В процессе проведенного анализа, как уже отмечалось выше, было выявлено, что эпитеты, представленные категорией «степени сравнения имен прилагательных», используемые автором для формирования образов героев, в повести Д. Рубины «На Верхней Масловке» представлены 319 единицами. Наиболее обширна группа эпитетов, образованных посредством качественных прилагательных положительной степени (297 лексических единиц), наименьшим количеством лексических единиц отличается группа эпитетов, образованных посредством качественных прилагательных превосходной степени с конструкцией «простая (синтетическая) форма» (8 лексических единиц). Группа эпитетов, образованных посредством качественных прилагательных положительной степени, представлена наибольшим количеством подгрупп – 9, среди которых наиболее наполненная подгруппа – «Эпитеты, связанные с понятием свойства» (92 единицы), наименее – «Эпитеты, связанные с понятием температуры» и «Эпитеты, связанные с понятием звука» (по 3 единицы); эпитеты, образованные посредством качественных прилагательных сравнительной степени, не были обнаружены в ходе анализа текста. Достаточно широко представлены контекстные эпитеты.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. С.-П.: Норинт, 1998. 1535 с.
2. Введение в литературоведение. Основы теории литературы / В.П. Мещеряков, А.С. Козлов, Н.П. Кубарев / Под общ. редакцией В.П. Мещерякова. 3-е изд-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 422 с. URL: https://studme.org/55061/literatura/figury_rechi_tropy#790 (дата обращения – 05.04.2019)
3. Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов / И.А. Книгин. М.: Лицей, 2006. 272с.
4. Рубина Д. Любка / На Верней Масловке. Фарфоровые затеи: повести, рассказы. М.: Эксмо, 2014. С. 120-271
5. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. - 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/395390/> (дата обращения – 05.04.2019)
6. Тимофеев Л.И., Венгров Н.П. Краткий словарь литературоведческих терминов/ И.Л. Тимофеев, Н.П. Венгров. М.: Учпедгиз, 1963. 52 с.
7. Эльвия Ваффа Хидир Мохаммед Али. Эпитет в современной российской прозе (на примере рассказа Д. Рубиной «Мастер-тарабука») // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. Воронеж: Интернум, 2018. С. 68–72.
8. Эльвия Ваффа Хидир Мохаммед Али. Эпитет как лингвокультурная составляющая ассоциативного ряда путешествующего // Русский язык в система международного образования. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию кафедры русского языка как иностранного, 14 – 15 мая 2018 г. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2018. С. 23-27.
9. Эльвия Ваффа Хидир Мохаммед Али, Расторгуева М.Б. Эпитет как способ выражения межкультурной составляющей современной прозы (на примере рассказа Д. Рубиной «Адам и Мирьям») / Материалы всероссийской научно-практической конференции-вебинара «Современные технологии в преподавании русского языка как иностранного», 29 – 30 октября 2018г. Оренбург: ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет. 2018. С. 271-278.

References

1. Large explanatory dictionary of the Russian language / Edited by S. A. Kuznetsov. S.-P.: Norint, 1998. 1535 p.
2. Introduction to literary criticism. Fundamentals of the theory of literature / V. P. Meshcheryakov, A. S. Kozlov, N. P. Kubarev / Under total. edited by V. P. Meshcheryakov. 3rd ed., reprint. and additional m.: Yurayt, 2015. 422 p. URL: https://studme.org/55061/literatura/figury_rechi_tropy#790 (accessed on 05.04.2019)
3. Knigin I. A. Dictionary of literary terms / I. A. Knigin. M.: Lyceum, 2006. 272s.
4. Rubina D. Lubka / On Verney Maslovka. Porcelain ideas: stories, short stories. Moscow: Eksmo, 2014. pp. 120-271.
5. Modern Russian language: Textbook / Edited by N. S. Valgina. - 6th ed., reprint. and additional M.: Logos, 2002. 528 p. [Electronic resource]. URL: <https://studfiles.net/preview/395390/> (accessed on 05.04.2019)

6. Timofeev L. I., Hungrov N. P. A short dictionary of literary terms/ I. L. Timofeev, N. P. Hungrov. M.: Uchpedgiz, 1963. 52 p.

7. Elvia Waffa Hidir Mohammed Ali. Epithet in modern Russian prose (on the example of the story by D. Rubina "Master-tarabuka") // Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language in higher education and school. Voronezh: Internum, 2018. pp. 68-72.

8. Elvia Waffa Hidir Mohammed Ali. Epithet as a linguocultural component of the associative series of the traveler // Russian language in the system of international education. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 45th anniversary of the Department of Russian as a foreign language, May 14-15, 2018-Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2018. - pp. 23-27

9. Elvia Waffa Khidir Mohammed Ali, Rastorgueva M. B. Epithet as a way of expressing the intercultural component of modern prose (on the example of the story by D. Rubina "Adam and Miriam") / Materials of the All-Russian scientific and practical conference-webinar "Modern technologies in teaching Russian as a foreign language", October 29-30, 2018. Orenburg: FGBO UVO " Orenburg State Medical University. 2018. pp. 271-278.

УДК 808.1

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
Соискатель кафедры русского языка, методики
его преподавания и документоведения
Рогова Д.С.
Россия, г. Елец
e-mail: crazy-dashiki@mail.ru
+ 79601553838*

*Yelets State University named after I.A. Bunin
Applicant for the Department of the Russian Lan-
guage, Methods of its Teaching and Documentation
Rogova D.S.
Russia, Yelets
e-mail: crazy-dashiki@mail.ru
+ 79601553838*

Д.С. Рогова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕКСТОВ И ОБРАЗОВ КАК ФОРМА ПОСТРОЕНИЯ ИГРОВОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАКСА ФРАЯ)

В статье рассматривается идейно-философская обусловленность обращения Макса Фрая к известным художественным текстам и культурным явлениям, а также особенности функционирования деконструкции в произведениях Макса Фрая; выявляются принципы актуализации отдельных культурных констант в рамках культурного контекста (на примере цикла «Мифоложки» Макса Фрая). Дается характеристика специфики трансформации мифологем как явления построения межкультурного игрового пространства.

Ключевые слова: текст, трансформация, интерпретация, миф, сюжет, культурная игра, деконструкция.

D.S. Rogova

TRANSFORMATION OF TEXTS AND IMAGES AS A FORM OF CONSTRUCTING A GAME INTERCULTURAL SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF MAX FREI)

The article examines the ideological and philosophical conditioning of Max Frei's appeal to well-known literary texts and cultural phenomena, as well as the peculiarities of the functioning of deconstruction in the works of Max Frei; the principles of actualization of individual cultural constants within the cultural context are revealed (on the example of the cycle "Mifolozhki" by Max Frei). The characteristic of the specificity of the transformation of mythologemes as a phenomenon of building an intercultural play space is given.

Keywords: text, transformation, interpretation, myth, plot, cultural play, deconstruction.

Принцип культурной игры, который воплощается в цикле небольших рассказов Макса Фрая под названием «Мифоложки», можно считать своеобразным следующим шагом интертекстуальности. Автор в малой литературной форме актуализирует для читателя известные мифологические, легендарные, сказочные (фольклорные и литературные) и исторические сюжеты.

Среди героев этих произведений: Прометей, Икар, Геракл, колобок, Кай, Винни-Пух и даже коза из детской логической задачки про капусту, волка и козу. Сам термин «мифоложка» может рассматриваться как «ложный миф», т.е. с точки зрения семантики – это произведение, в котором известный сюжет получает новую необычную интерпретацию. С точки зрения структуры, мифоложка строится путём так называемого «литературного скрещивания» разных произведений в единое целое. Сам Фрай говорит о происхождении названия следующее: «...Понятно, что сам метод – рассказывать новые истории, опираясь на уже существующий и (по крайней мере, теоретически) массово-опознаваемый культурный контекст – существовал задолго до меня. Мне принадлежит только название «мифоложки» – столь же легкомысленное и одновременно точное, как лучшие образцы жанра. Проследив по собственным записям процесс возникновения этого термина, не без удивления обнаруживаю, что первоначально было придумано слово «мифоложь» («миф» + «ложь», конструкция совершенно прозрачная, но при этом неточная, поскольку искажения мифа в процессе авторской работы над ним вряд ли следует считать именно «ложью»).

Вероятно, именно поэтому термин просуществовал в таком виде всего несколько дней, а потом ему на смену пришло название «мифоложка», в фундаменте которого лежат и ёрническое «мифоложство» (по аналогии с «мужеложством», «скотоложством»), и нежное уменьшительно-ласкательное от «мифология», и всё та же изначальная «ложь», куда от неё денешься. На мой взгляд, подобная постмодернистская игра с мифами и другими общеизвестными сюжетами имеет смысл только в том случае, когда по ходу дела мы обнаруживаем в нем тайный потенциал (явный-то был реализован в процессе рождения мифа/сюжета) и обрабатываем так, чтобы созидательная мощь многократно возросла» [1; с.3].

Под «созидательной мощью» интерпретированного в мифоложках сюжета автор, возможно, имеет в виду попытки привлечь читательское внимание к ситуативно-бытовым проблемам, актуальным уже не для эпохи создания взятых за основу мифоложек мифов, а для современности.

Цикл включает в себя произведения с явным преобладанием новеллистического начала, в которых усиливается интерес к внутреннему миру человека, в основе рассказа оказывается отдельно взятый эпизод, а основной поэтики становится неожиданное сочетание реально возможного, но ситуативно необычного.

Создаваемый в произведении волшебный мир отличается цельностью и в то же время многоплановостью и загадочностью. Первое качество определяется спецификой включённого материала, второе связано с использованием приёма смысловой и структурной деконструкции.

Так, миф о медузе Горгоне представлен М. Фраем в бытовых, сниженных координатах: *«Она с отвращением глядит на собственное отражение. Моргает спросонок, цурится близоруко, но и без того все очень хорошо видно. Слишком хорошо. «Ужас, – думает. – Нет, ну действительно ужас! Мешки под глазами, хуже, чем у мамы. Подбородок – да, я давно подозревала, что он двойной, но он же тройной на самом деле! Жирная стала свинья, тошно-то как! А цвет лица... Нет, это не цвет лица уже, это цвет мочи Химеры – в лучшем случае. Ничего удивительного: когда я в последний раз спала по-человечески? То-то же... А волосы, волосы как сваялись! Это уже не просто космы, это же змеи натуральные. Того гляди зашипят...» [2; с.7].*

Характеристика Горгоны идентична психологической характеристике комплексующей женщины средних лет, неожиданно увидевшей все свои недостатки в зеркале, каковым стал для неё щит Персея. Смерть Горгоны в контексте данной «мифоложки» – это смерть от стыда (перед Персеем) и ужаса от собственного безобразия: *«И она умирает от стыда. Сказано – сделано. Персей так толком и не понял, почему зеркальный щит произвел на Медузу столь сокрушительное воздействие. Но на войне важен результат, а понимание – дело десятое» [1; с.7].*

Намеренное превращение этого мифа в утрирование «бытовухи» является элементом проверки того, насколько подобные коррективы вообще вписываются в мифологическую вселенную Древней Греции. Существенная степень изменения изначальных мифологических образов не лишена смысла и причудливо соотносится с исходными, поэтому специфику их преобразований можно считать оправданной в рамках постмодернистского разрушения стереотипа о классическом сюжете мифа.

Миф о царе Эдипе и миф о Сизифе также полностью воспроизводятся в «Мифоложках», но поступки героев получают в них новую психологическую доминанту: *«Прежде, чем прыгнуть со скалы, Сфинкс шепчет на ухо Эдипу еще несколько слов. Эдип слышит его последнюю загадку вполне отчетливо, но ничего не понимает. Он ошарашенно качает головой, пожмает плечами и идет в Фивы – царствовать. <...> С удивительной ясностью Эдип вдруг осознает, что цель его жизни – вовсе не благополучие Фив и, уж тем более, не счастливая семейная жизнь. Он родился для того, чтобы найти ответ на последний вопрос Сфинкса. Бывают и такие судьбы. Чтобы роскошь и суета дворца не отвлекали его от размышлений, царь выкалывает себе глаза золотой пряжкой Иокасты, благо её украшения разбросаны по всему дому» [2; с.8].*

В интерпретации Фрая миф начинает течь по иному руслу развития: в первоисточнике Сфинкс ничего не говорит Эдипу перед смертью, а сам Эдип выкалывает себе глаза после того, как ему открылась страшная правда пророчества, и Иокаста покончила с собой. Нанесённое увечье становится не вынужденной мерой, а добровольным желанием.

«Иногда Сизифу бывает позволено передохнуть. <...> В часы отдыха Сизифа иногда навещают дети и внуки. Приносят гостинцы, глядят сочувственно, жалеют старика. Впрочем, сам Сизиф совершенно уверен, что они уважают его упорство и, возможно, даже завидуют. Только виду не подадут. – Смотрите на меня, дети, – снисходительно говорит он. – Смотрите и учитесь. У вся-

кого человека должно быть свое дело. Без дела жизнь становится пустой и никчемной. Вы уже взрослые, а ни у кого из вас еще нет ни камня, ни горы. Мне стыдно за вас, шалопаи!» [2; с.9].

Здесь герой мифа, несущий наказание за попытку обмануть саму Смерть, не испытывает страданий от вечной обречённости на бессмысленный тяжкий труд, а наоборот, гордится собственным упорством, и даже находит в этом занятии истинный смысл. Сизиф даже пытается пристыдить своих потомков, укоряя их в том, что ни у кого из них нет ни камня, ни горы, а значит, и дела всей жизни.

Фрай интерпретирует миф о человеке, понесшем справедливое наказание за проступок, превращая его в историю, соответствующую современным запросам уклада жизни (система ценностей, обязательной составляющей которой является стабильная престижная работа, которой, в идеале, человек должен заниматься всю жизнь).

Авторские продолжения сказочных сюжетов представлены в мифоложках о Дюймовочке и Кае. Продолжения обоих произведений Г.Х. Андерсена носят зловещий характер. Так, Дюймовочке в волшебной стране предстоит встреча не с прекрасным эльфом, а с героем романа В.В. Набокова «Лолита»: «– Здравствуйте, – сказал Дюймовочке эльф. – Меня зовут Гумберт. Гумберт Гумберт, с вашего позволения» [2; с.11].

Мифоложка, в которой Дюймовочка встречается с Гумбертом, представляет собой своеобразную сжатую гиперболизацию сюжета романа В. Набокова «Лолита», в котором юной героине в начале отношений с почти сорокалетним героем было всего двенадцать. Фрай не пытается разрушить детскую сказку пошлым нюансом, а просто играет на контрасте не столько возраста (ведь возраст Дюймовочки к моменту свадьбы с эльфом не должен был противоречить юридическим аспектам вступления в брак), сколько роста персонажей, что самому автору кажется забавным и становится элементом межкультурно-постмодернистской игры с читателем.

Кая же, научившегося писать (сложившего слово «вечность»), Снежная Королева превращает в настоящего поэта, вырывая его язык: «Снежная Королева была довольна. – Что ж, составлять слова из букв ты уже умеешь, – сказала она. – Дело за малым. Небрежно погладила его по голове, неожиданно сжала пальцы на затылке – так, что он уже не мог ни высвободиться, ни отвернуться. Приказала: – Открой рот. – Что вы собираетесь делать? – испуганно спросил Кай. – Ничего из ряда вон выходящего. Небольшая формальность напоследок. Вырву грешный твой язык, и празднословный, и лукавый» [2; с.10].

У Фрая Кай неожиданно становится поэтом, проходя своеобразный обряд посвящения, который также прошёл лирический герой стихотворения А.С. Пушкина «Пророк», только в роли шестикрылого серафима здесь выступает Снежная Королева. Читателю остаётся догадываться, что следующим шагом на пути становления Кая как творца слова станет замена языка на «жало мудрой змеи», а сердца на «уголь, пылающий огнём». Автор мифоложки намекает на создание «следующего Пушкина», снова наращивая новые смыслы на сюжеты как сказки, так и стихотворения, взятых за основу.

Вариативное продолжение получают история Икара, скандинавского бога Одина, Питера Пэна, колобка, черепахи из апории Зенона об Ахиллесе и черепахе и других известных мифологических и сказочных персонажей.

Принцип культурной игры, которую Фрай использует при создании цикла «Мифоложки», заключается в том, чтобы найти общее между двумя наиболее далёкими друг от друга сюжетами, в создании эффекта наложения, – это своеобразный постмодернистский приём углубления смысла исходного сюжета, причём последний при сохранении фабульной основы получает принципиально новое наполнение, соответствующее общим настроениям и идеям времени.

Автор не просто обращается к предыдущему тексту, как бы «взывая к его авторитету», а пытается стать соавтором (в данном случае – сотворцом мифа). Идея постмодернизма как ниспровержения авторитетов их же посредством подтверждается адаптацией мифологических источников к авторскому тексту, а также изменением изначальных образов, которым те подвергаются в рамках литературного замысла автора, только у Фрая это ниспровержение происходит беззлобно, строго в рамках игрового пространства.

При анализе мифоложек целесообразно использовать постмодернистский термин «деконструкция» (понимание текста через разрушение стереотипа или же включение его (текста) в новый контекст). Использование принципа деконструкции предполагает, что смысл строится в процессе прочтения, а традиционное представление лишено глубины или навязано автором.

Именно поэтому так необходимо «стимулирование мысли», способное высвободить тайные смыслы текста, не контролируемые самим автором. Постмодернистскому игровому переосмыслению подвергаются все компоненты каждой отдельно взятой «мифоложки».

Таким образом, можно сделать вывод, что цикл Макса Фрая «Мифоложки» соотносим с философской прозой, так как в них поднимаются «вечные» вопросы человеческого существования и делается попытка создания целостной авторской модели мира, в которой эти вопросы представляются гармонично разрешимыми.

Библиографический список

1. Фрай Макс. Первая линия. Рассказы и истории разных лет. М.: АСТ, 2016.
2. Фрай Макс. Сказки и истории. М.: АСТ, 2017.

References

1. Frei Max. First line. Stories and stories from different years. M.: AST, 2016.
2. Frei Max. Fairytales and stories. M.: AST, 2017.

УДК: 811.161.1; 821.161.1

*Храм во имя Святого Пророка, Предтечи
и Крестителя Господня Иоанна,
кандидат филологических наук, независимый
исследователь
Турилова М. В.
Российская Федерация, г. Калуга,
mariaturilova@mail.ru*

*St John the Holy Prophet, Forerunner
and Baptist of the Lord Church,
Candidate of Philological Sciences, Independent
Researcher
Turilova M. V.
Russian Federation, Kaluga, mariaturilova@mail.ru*

М.В. Турилова

ЭТИМОЛОГИЯ, ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ПОНИМАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается влияние этимологических и диалектных значений слов на смысл художественного текста на примере стихотворения «Тихая моя родина» Н. М. Рубцова. Сравниваются опубликованный и другой варианты. Комментируются слово *буна* и прочие отличия. Предположено, что рассматриваемая аудиозапись чтения поэтом варианта стихотворения является литературной мистификацией.

Ключевые слова: диалектология, литературная мистификация, Н. М. Рубцов, русский язык, художественная литература, этимология

M.V. Turilova

ETYMOLOGY, DIALECTOLOGY, AND UNDERSTANDING LITERARY TEXTS

The article regards the influence of etymological and dialectal meanings of words on the meaning of the literary texts on the example of a poem “My Quiet Homeland” by N. M. Rubtsov. We compared the published and another variants of the poem, comment upon a word *buna* and other differences and suggest that the audio recording before us with the poet reciting a variant of the poem is a literary hoax.

Key-words: dialectology, etymology, fiction, literary hoax, N. M. Rubtsov, Russian

В 2021 году отмечается юбилей русского поэта Николая Михайловича Рубцова (1936–1971 гг.) – 85 лет со дня рождения. В статье рассматривается влияние этимологических и диалектных значений слов на смысл художественного текста на примере стихотворения поэта «Тихая моя родина» (1963 г.). Оно включено в сборник «Прощальная песня. Избранное» (1997) [5, с. 59]. В сентябре 2020 г. в сети Интернет был размещен видеоролик с аудиозаписью чтения Н. М. Рубцовым этого стихотворения в ином варианте [6], чем опубликованный в печатных изданиях [4].

Сборник «Прощальная песня.
Избранное» (1997)

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
– Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Видеоролик с аудиозаписью чтения стихотворения Н. М. Рубцовым

Нивы, буна, соловьи...
– Где же могила? Не видели?
Поле до края небес.
Тихо ответили жители:
–Каждому памятник — крест.
Лица старушек землистые,
Вроде могильной земли,
Тоже какою-то мгlistою
Серой травой заросли.

Там, где я плавал за рыбами,
 Сено гребут в сеновал:
 Между речными изгибами
 Вырыли люди канал.
 Тина теперь и болотина
 Там, где купаться любил...
 Тихая моя родина,
 Я ничего не забыл.
 Новый забор перед школою,
 Тот же зеленый простор.
 Словно ворона веселая,
 Сяду опять на забор!
 Школа моя деревянная!..
 Время придет уезжать —
 Речка за мною туманная
 Будет бежать и бежать.
 С каждой избою и тучею,
 С громом, готовым упасть,
 Чувствую самую жгучую,
 Самую смертную связь.

Старый забор перед школою,
 Тщательно выметен сор,

Поле, холмы, облака...
 Медом, зерном и сметаной
 Пахнет в тени ивняка.

Во втором варианте стихотворения есть слово *буна*; *могила*, *небес*, *крест* во 2 строфе; отсутствующая в опубликованном варианте строфа «Лица старушек землистые, / Вроде могильной земли, / Тоже какую-то мгlistую / Серой травой заросли» с аллитерационной рифмой между стихами (ср. в германской, скандинавской поэзии); слова *старый* и *сор* в одной из последних строф; описание дольства – «Медом, зерном и сметаной / Пахнет в тени ивняка» – в конце стихотворения.

Слово *буна́* в современном русском языке является техническим термином: «полузапруда, поперечная дамба; гидротехническое сооружение, предназначенное для регулирования режима водного потока и защиты морского или речного берега от размыва» [2] (из немецкого языка; совр. нем. *Bühne* ‘сцена, эстрада, подмостки, арена’, ‘театр’, ‘площадка, платформа’, ‘помост, возвышение’, ‘склад’, ‘потолок’, ‘полос’).

В диалектах есть вероятные однокоренные и омонимичные слова. Это волог. *бун* ‘мост из бревен для переправы через реку’ [7, т. 1, с. 215], волог., вят. *бу́ня* ‘старая, поношенная одежда’, волог. ‘грязные белье, одежда’ [8, т. 3, с. 278], волог. тотем. *будáк* ‘маленькая речная рыбка сем. вьюновых, живущая под камнями; голец’, волог. тотем. *будан* ‘жидкая пища’ (из монг., бурят. *буда* ‘просо’ > калмыц. *будан* ‘мучная похлебка’) [8, т. 3, с. 240].

В архангельских говорах: каргоп. *бум-сима* ‘бык-производитель’, олон. *бунгать* ‘мутить, взбаламучивать воду при лове рыбы неводом’, ‘звонить в большой колокол’; *бундирь* и *бундирь* волог., олон. ‘пузырь на воде’, олон., петрозав. ‘нарыв, болячка’, костром. ‘в названиях частей тела человека и животных’, олон. ‘купол церкви’, ‘пожилой, пустой дом’ [8, т. 3, с. 275-276], холмогор., поморск. междом. *бун-бун* ‘о мычащих звуках, издаваемых быком’, холмогор., поморск. *бунить* ‘реветь, мычать’, холмогор., поморск. *бунók* ‘цветок красного клевера’, *бунчать*, *буньчать* ‘гудеть, издавать монотонные звуки’ (о тракторе, радио, осе, комаре, гнилом дереве, корове, шуме в голове, моторке и др.) (также *бунчить*, *буньчить*), ‘бубнить, ворчать, бухтеть’ (о человеке), *бунчина* ‘то же, что *брезга*: болтливый человек, пустослов, сплетник’, *бунявка* ‘травянистое растение’ (мезен. «*Борцявки да бунявки, бунявки тожо едят, борцявки-то лучче. Борцявки да бунявки раньшэ в лук ложили*») [1, т. 2, с. 175-176]. Ср. также курск. *буд* ‘листья, перья лука; зеленый лук’; казан. *буда* ‘род репы’, забайк., сиб., хабар. *будá* ‘просо’ (из монг., бурят. яз.), рост. *будáк* ‘жидкая пища’ [8, т. 3, с. 240].

В говорах других регионов: калуж. *бульчь* ‘своенравный’, черномор. и азовск. *бунацо* ‘спокойно на море, штиль’, пск., твер. *бунбить* ‘бубнить’, ленингр. *бунгать* ‘ударять по воде веслом, палкой’, новоросс. *бундарить* ‘шуметь, спорить; прекословить, перечить’, урал. *бундеть* (также *бузандать*) ‘ворчать’, *бунить* куйбыш. неодобр. ‘плакать’, ‘петь (чаще о пьяных)’, терск., сарат. ‘говорить неразборчиво, гнусаво’, ряз., тамб. *бу́ня* ‘чванливый, спесивый человек, гордец’, симб. *буняга* ‘ворожея’ [8,

т. 3, с. 275-276; 278].

Самое простое объяснение решений при редакции стихотворения – выбор понятных, нейтральных, максимально неличных вариантов.

Другое объяснение – аудиозапись является литературной игрой, мистификацией, вариант стихотворения не принадлежит Рубцову.

Наконец, можно попробовать истолковать вариант стихотворения, принимая авторство поэта. Подруга детства Н. М. Рубцова Е. П. Буняк (Романова), знавшая поэта с 5 лет, вспоминает о смерти ближайших родственников от голода, поиск еды на клюквенных болотах в лесу и колхозном гороховом поле, дополнительную луковицу от цинги для нее и молоко для «худенького» Рубцова. По ее словам, поэт учился отлично, играл на гармошке, много читал, был любимчиком у воспитателей, красивым, аккуратным, умным заводилой. Романова же была бойкой. Их объединяла «любовь к животным, природе. При детском доме было подсобное хозяйство, огород, была лошадь со странной кличкой Охочая, собака Розка, которая лаяла на чужих, и ее привязывали на цепь». В большом детском доме в с. Никольское были и дети — русские немцы. После детского дома они с поэтом в одно и то же время учились в Тотьме, а потом их жизненные пути больше не пересекались, только однажды она увидела Рубцова по телевизору читающим стихи, и он был совсем не похож на Колю Рубцова из ее детства [3].

Фамилию *Буняк* автор статьи получила в браке, поэтому поэт не может называть ее словом *буна* и «вспоминать» в связи с Никольским, разве что фамилия мужа совпала с детским прозвищем Романовой со значением «заводила, сумасброд», «нытик» или, наоборот, «покой» (ср. черноморские и азовские говоры – возможно, во флоте Рубцов служил с матросами родом оттуда), «буна, поперечная дамба, т. е. рамки» или «актриса», «ведьма» – такое тоже возможно, хотя и маловероятно.

Говоря о том, что «отозвалось в стихах», Рубцов упоминает первые три года жизни в Архангельской области (с. Емецк), раннее сиротство, сельский детский дом на р. Толшма в Вологодской области (с. Никольское), где до него «всё же докатились последние волны старинной русской самобытности», незавершённую учёбу в лесотехническом техникуме в Тотьме и горно-химическом техникуме в Кировске Мурманской области, четырёхлетнюю срочную службу на Северном флоте, работу в Архангельском траловом флоте и на заводе в Ленинграде [5, с. 5]. Черновые и неопубликованные варианты стихотворений добавляют штрихи к биографии поэта.

Библиографический список

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980-202. Вып. 1-21.
2. *Буна* // Техника : Энциклопедия. М.: «Росмэн», 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_tech/151/буна (дата обращения 15.04.2021).
3. Буняк Е.П. Жизнь поэта. В Красковском и Никольском детских домах вместе с Колей Рубцовым // Рубцовский сборник. Вып. 1 : материалы научной конференции 27-28 апреля 2006 г., посвященной 70-летию со дня рождения поэта / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Череповецкий гос. ун-т». Череповец: ЧГУ, 2008. С. 75-80.
4. Рубцов Н.М. Звезда полей. [Электронный ресурс]. URL: <http://rubcow.ru> (дата обращения 14.04.2021).
5. Рубцов Н.М. Прощальная песня. Избранное. М.: Издат. общ-во ООО «Штрихтон», 1997. 192 с.
6. Видеоролик: Н.М. Рубцов читает стихотворение «Тихая моя родина». Размещено 29.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=Видеозапись%20чтения%20Н.%20Рубцовым%20своего%20стихотворения%2C%2029%20сент.%202020%20г.%2C%20youtube&path=wizard&parent-reqid=1618394788569374-794874846008411971500103-production-app-host-man-web-yp-337&wiz_type=vital&filmId=17145769523078363576 (дата обращения 14.04.2021).
7. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001-2021. Т. 1-7.
8. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М., Л.: «Наука», 1965-2021. Вып. 1-51.

References

1. Arkhangelsk Regional Dictionary / Edited by O. G. Getsova. M.: Publishing House of Moscow State University, 1980-202. Issue 1-21.

2. Buna // Technique : Encyclopedia. M.: "Rosman", 2006. [Electronic resource]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_tech/151/буна (accessed 15.04.2021).
3. Bunyak E.P. The poet's life. In Kraskovsky and Nikolsky orphanages together with Kolya Rubtsov // Rubtsov collection. Issue 1 : materials of the scientific conference on April 27-28, 2006, dedicated to the 70th anniversary of the poet's birth / Federal Agency for Education, State Educational Institution "Cherepovets State University". Cherepovets: ChSU, 2008. pp. 75-80.
4. Rubtsov N.M. The star of the fields. [electronic resource]. URL: <http://rubcow.ru> (accessed 14.04.2021).
5. Rubtsov N.M. Farewell song. Favorites. Moscow: Izdat. the company "Shtrikhton" LLC, 1997. 192 p.
6. Video clip: N.M. Rubtsov reads the poem "My quiet homeland". Posted on 09/29/2020. [electronic resource]. URL: [https://yandex.ru/video/preview/?text=Video recording%20threading%20N.%20rUbtsovym%20their%20threading%2C%2029%20sent.%202020%20r.%2C%20youtube&path=wizard&parent-reqid=1618394788569374-794874846008411971500103-production-app-host-man-web-yp-337&wiz_type=vital&filmId=17145769523078363576](https://yandex.ru/video/preview/?text=Video%20recording%20threading%20N.%20rUbtsovym%20their%20threading%2C%2029%20sent.%202020%20r.%2C%20youtube&path=wizard&parent-reqid=1618394788569374-794874846008411971500103-production-app-host-man-web-yp-337&wiz_type=vital&filmId=17145769523078363576) (accessed 14.04.2021).
7. Dictionary of dialects of the Russian North / Edited by A. K. Matveev. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2001-2021. Vol. 1-7.
8. Dictionary of Russian folk dialects / Edited by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. M., L.: "Science", 1965-2021. Issue 1-51.

УДК 904/ 94(32)

Семенов М.В.
Российская Федерация
Московская область, г. Видное
+7 (926) 362-19-71
e-mail: nvd-news@mail.ru

Semenov M.V.
Russian Federation
Moscow region, Vidnoe city
+7 (926) 362-19-71
e-mail: nvd-news@mail.ru

М.В.Семенов

ПЕРЕВОД ТЕКСТА РОЗЕТТСКОГО КАМНЯ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В работе рассматривается перевод текста, выбитого в третьей нижней части плиты, известной как РОЗЕТТСКИЙ КАМЕНЬ, с древнегреческого на русский язык. Актуальность перевода Розеттского камня имеет большое археологическое, культурное и историческое значение. Кроме того, перевод древнегреческого текста послужил «краеугольным камнем» для расшифровки древнеегипетской иероглифической письменности. Работа по переводу Розеттского камня состояла из двух частей. Первая часть заключалась в распознавании выбитых на плите знаков соответствующим буквам. Сложности первой части работы заключались в следующем: древнегреческая часть камня достаточно хорошо сохранилась, однако, в некоторых местах надписи имеют временные повреждения. Кроме того, утрачена часть оригинального древнегреческого текста из-за диагонального скола в правой нижней части камня с 31-ой по 54-ую строку; часть букв, выбитых на камне, имеют очень большую схожесть: например, буквы (попарно) А – Λ; О – Θ; Π – Ν; текст на камне выбит слитно заглавными буквами. Вторая часть работы – перевод древнегреческого текста на русский язык. Сравнивая выполненный нами перевод древнегреческого текста Розеттского камня с ранее опубликованным переводом, известным, как – Перевод греческой части Розеттского декрета, выполнен к.и.н. А.Я. Гуревичем [3] отмечаем схожее и близкое по смыслу содержание обоих переводов. Однако в переводе А.Я. Гуревича пропущены два значительных фрагмента текста: с 1-ой по 6-ую и с 41-ой по 54-ую строки. Также перевод А.Я. Гуревича является адаптированной версией для русского языка. В своем переводе мы намеренно не изменяли грамматические формы и порядок следования слов оригинального текста с целью максимального сохранения замысла автора/авторов.

Ключевые слова: Розетта, древний Египет, перевод Розеттского камня, древнегреческий язык, Птолемей, Филопатор, Елифан, Арсеноя.

M. V. Semenov

TRANSLATION OF THE ROSETTA STONE TEXT FROM ANCIENT GREEK INTO RUSSIAN

The work with the translation of the text engraved in the third lower part of the stone, known as the ROSETTA STONE, from ancient Greek into Russian. The relevance of the translation of the Rosetta Stone is of great archaeological, cultural and historical significance. In addition, the translation of the ancient Greek text served as a "cornerstone" for deciphering the ancient Egyptian hieroglyphic writing. The translation of the Rosetta Stone consisted of two parts. The first part consisted in recognizing the characters engraved on the plate by the corresponding letters. The difficulties of the first part of the work were as follows: the ancient Greek part of the stone is well preserved, however, in some places of the inscription there is temporary damage. In addition, part of the original ancient Greek text was lost due to a diagonal cleavage in the lower right part of the stone from the 31st to the 54th lines; some of the letters engraved on the stone are very similar: for example, letters (in pairs) A - Λ; O - Θ; Π - Ν; the text on the stone is embossed in one piece in capital letters. The second part of the work is the translation of the ancient Greek text into Russian. Comparing my translation of the ancient Greek text of the Rosetta Stone with a previously published translation, known as - Translation of the Greek part of the Rosetta Decree, made by Mr. Gurevich. [Reader on the history of the Ancient World / Edited by Academician V. V. Struve, vol. 2 p. 274 - 277], I note the similar and close meaning of the content of both translations. However, in the translation of Mr. Gurevich, two significant fragments of the text are missing: from the 1st to the 6th and from the 41st to the 54th lines. Also translation of Mr. Gurevich is an adapted version for the Russian language. In my translation, I deliberately did not change the grammatical forms and word order of the original text to be closer to

the author / authors.

Keywords: Rosetta, ancient Egypt, translation of the Rosetta stone, ancient Greek, Ptolemy, Philopator, Eriphanes, Arsenoi.

Перевод третьей нижней части Розеттского камня на русский язык (построчно)

1. Царствующего молодого и наследующего царство от отца правителя царя прославленного, согласно установленного (закона), в сравнении
2. с богами благочестивыми – соперниками находящегося выше, жизни людей научившего, правителя тридцатилетнего, подобного Гефесту. О великий царь, подобный Гелиосу.
3. Великий царь верхних и нижних стран. Потомка богов Филопаторов, наследника Гефеста, признанного потомка Гелиоса, воплощения живого Зевса, потомка Гелиоса. Птолемея
4. вечноживущего, возлюбленного Пта, который (один) из девяти жрецов орла (священного): орла (священного) Александра и богов Сотеров (спасителей) и богов Адельфов (братьев) и богов Эвергетов (оказывающими услуги), и богов Филопаторов,
5. бога Епифана Евхариста (прелестного), победительницы Береники Эвергетской (благотельницы) огненной (рыжей) (от) Филина, канефоры (носящей кувшин на голове) Арсенои Филадельфы храброй (от) Диогена, святой Арсенои Филопаторы (от)
6. Птолемея. Месяца ксантика 14 (четырнадцатого) египетского, 18 (восемнадцатого) Мехира (греческое летоисчисление) голосование (было). Верховные жрецы и прорицатели и те, которые самые священные вносящие, одеяния
7. богов и птерофоры и жрецы-начетчики и другие жрецы все,ответствующие сверх того за страну священную Мемфис и царства, (пришли) на панагирей (праздник всенародный) принятия наследования
8. царства Птолемеем, вечноживущим, возлюбленным Пта, богом Епифаном прелестным (Евхаристом), опередившим отца своего. Собравшиеся внутри Мемфиса любили дни эти все
9. с тех пор, как царь Птолемей (правил), вечноживущий, возлюбленный Пта, бог Епифан прелестный (Евхарист), (произшедший) от царя Птолемея и царевны Арсенои богов Филопаторов. Многочисленной благотворительности дары (жертвенные)
10. от самого подлинного (царя), на царскую власть поставленного всеми подданными. Бог от бога и бог подобный Гору, Исиды и Осириса сыну. О защитник отцу самому Осирису, богом
11. благотворительство дававший, приносил дары денежные и зерновые доходы и расходы многочисленные выдерживал Египта, пожалуй, сам один спокойно управлялся и дары совершавший.
12. Могущий проявлять человечность ко всем, и из получаемых от египтян доходов также обложение налогами с одной стороны наконец-то ослабил (отменил) и другие (сборы) тоже облегчил, чтобы войско (народ) и другие все
13. в благополучии были, самой царской казне долг без помощи египтян (вернул) и были остатки царские для себя самого многочисленное большинство дошедшие. И внутренней стражей
14. предводительствующий (командующий) и виноватых (обвиняемых) в течение долгого времени освободил, и следующее приказал, что доходы храмам (жрецам), дающиеся в течение года, установленные зерном (хлебом)
15. и деньгами в равной степени, но и надлежащую долю богам установленную с виноградников, данных земель, и с пашней и других (земель), принадлежащих богам, в царствование отца самого,
16. оставить стране. Повелел храмам (жрецам) ничего более не давать (платить) за посвящение в таинства, кроме того было не уплачено во время первого года правления отца своего. Освободил
17. также жрецов группы от ежегодного в Александрию плавания. Постановил также захватить корабли (морские), чтобы не приобретать за счет казны (царской). Совместно уплачиваемый (налог) священными виссонными
18. тканями сократил на 2/3 части, оставшееся (после смерти предыдущего правителя). Повсюду в первое время (все) привел в соответствующий порядок, думающий, чтобы по обыкновению воздать богам
19. должным образом. И справедливость всем вернувший, подобный Гермесу, о великий и величайший, постановил, возвратившимся (из изгнания), воинам и другим из чужой страны

20. замыслившим домой (вернуться) во время волнений (смуты) оставить (сохранить) личную собственность. Заранее обдумал, чтобы (перед) отправляющимися силами конным, а также и пешим, а также и кораблями, перед атакующими
21. Египет затопить (сушу морской водой). И сушу удерживая, расходы (нес) денежные и продовольствием (зерном) очень большие, чтобы дары (жертвенные) и остатки все и на безопасность были использованы.
22. Придя также в Ликополис, бусиридцами занятый и укрепленный, к осаде орудий доставил много диковинных и другие средства всякие, так как в течение долгого
23. времени объединялась враждебность среди собравшихся (внутри), которые вред причиняли обрядам священным и среди египетских жителей много плохих было, которые к ним принадлежали. И
24. стоя у стен, оборудовал рвы и насыпи значительные, которыми окружил (город). От Нила, поднимающегося (разливающегося) высоко в течение восьмилетия, обычно затоплявшего
25. равнины, удерживал (от затопления) многочисленные местности (сушу), чтобы отрезать от рек. Предводительствовал сам, дел множество не малочисленное (сделал) и против выдвинул всадников и пеших для охраны.
26. В короткое время город напротив крепости окружил и оставшихся (внутри) захватил и всех уничтожил, подобный Гермесу и Гору, о Исида и Осириса сын, ненавидел всех из этих
27. мест, восставших прежде, продолжающих страдания внутри (страны) во время правления самого отца, и страну бросивших и казне нанесших ущерб, пришел на помощь Мемфису. Защитил
28. отца и свое царство, всех истребил должным образом, в подходящее время пришел на помощь, чтобы завершить ... согласно обычаю (закону) принятия наследования царского, принятого. А также
29. священный долг бывший (не уплаченный) казнохранилищам в течение восьми лет зерном и деньгами (серебром) множеством не маленьким ...а также почитающиеся (должны быть уплаченными) в царскую казну льняные ткани,
30. без проверки уже сданных в тому времени, отменил, а также дары священные: артабу (зерна) с ауры пашни священной и, виноградным вином наполненный,
31. кувшин глиняный с ауры пашни (виноградника) (отменил), Аписов- и Мневии-быков многочисленных хорошо кормить указание (дал), и о других священных животных египетских более могущественных по-царски думал (заботился), подобающе.
32. Все необходимое для похорон их давал щедро и со славой. И делавший для храмов пожертвования, клянется обоими богами, и панагиреи (праздники всенародные) и другие обычаи и
33. почести священные Египта оберегал в соответствии с законами, и в Апейоне работу с большими издержками завершил, руководя, золота
34. и камней драгоценных множество не малочисленное (потратил) и дары священные (давал), и храмы и алтари дубовые, нуждающиеся в починке (починил). Кроме того, несущий благотворительность,
35. божественный замысел узнавший, святых, почитавший очень, вновь взошедший на само царствование. И тогда досталось ему, данное самими богами, здоровье, победа, сила и другое.
36. Царское сохраняющему положение свое, и детям на все времена благо судьбы. Жрецы храмов страны повсюду распорядились ...
37. Вечноживых царей Птолемеев, возлюбленных Пта, богов Епифанов прелестных (Евхаристов), равно также и их предков самих богов Филопаторов и отцов прародителей богов Эвергетов,
38. богов братьев (Адельфов) и отцов богов спасителей (Сотеров) огромно почитать. Воздвигнуть вечноживого царя Птолемея бога Елифана прелестного (Евхариста) икону (изображение) в каждом храме...
39. По истине, именуя Птолемея защитником египтян, установить его (на место) господствующего (главного) бога храма, оружие, победу обеспечившее, держащего...
40. путем (способом). И жрецам почитать иконы (изображения) три раза в день и возлагать перед ними священные украшения и другие, как велит обычаем, завершить обязанности (почести) другим богам на

41. панагирее (празднике), установить царям Птолемям богам Епифанам прелестным (Евхаристиям), (от) царя Птолемея и царицы Арсенои богов Филопаторов (произошедших) статую и святилище золотое
42. святое и установить в священное место вместе с другими святилищами. Во время большого панагирея (праздника всенародного), когда отправляются в путь святилища (совершается вынос), бога Епифана Евхариста (святилище)
43. выносить, чтобы хорошо видно было. Отныне и на будущие времена, полагалось на святилища царей десять долей золота и присоединять (к нему) щит..
44. Щитовидные (со щитами) цари на других тоже святилищах были, в середине должна находится царская корона фараона, окаймленная, для прибытия в Мемфис (одеваемая) на
45. завершение, как велит обычай, принятие наследование царства, призываю богов в свидетели. И напротив царского дворца четырехугольного приказать (поместить) царские амулеты золотые (с надписью)
46. царям Епифанам сооруженное верхней страной, а также и нижней. И с тех пор 30-го числа Месори проводить праздник в честь дня рождения царя правящего, также и ...
47. получившего в наследство царство от отца своего, и практиковать священное почитание славному первоначально, и праздновать дни эти
48. в египетских храмах в течение месяца и совершать сущности и возлияния другие, как велит обычай, обязанности, ранее другими панагерееми (праздниками всенародными) установленные...
49. струиться (служить) в храмах. Установить веселье и панагирей (в честь) вечноживых и возлюбленных Пта царей Птолемеяев богов Епифанов прелестных (Евхаристов) во всей...
50. стране, первого числа месяца Тоита в течение пяти дней и носить венки празднующим церемонии и возлияния, и другие почести проводить
51. и богу Епифану прелестному (Евхаристу) святому и других именовать (называть) богов, отправляя богослужение, и разместить (записать) все в письменном акте (документе)...
52. священство самого (царя). И разрешить всем простым людям участвовать в празднике и в названный храм входить и держать у себя закончен...
53. каждый год, чтобы жившие частной жизнью (не участвующие в делах) египтяне славили и ценили бога Епифана прелестного (Евхариста) царя также законного.
54. ...на камне священным и туземным, и эллинским (греческим) начертать и установить в каждом первом, втором...(храме)...

Библиографический список

1. Древнегреческо-русский словарь, составил И.Х. Дворецкий под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР проф. С.И.Соболевского, с приложением грамматики составленной С.И. Соболевским, около 70 000 слов (в обоих томах). М.,1958.
2. Соболевский С.И. Древнегреческий язык: учебник для высших учебных заведений. Санкт-Петербург, 2000.
3. Хрестоматия по истории Древнего мира / Под редакцией академика В. В. Струве, т. 2. С. 274 – 277.

References

1. Ancient Greek-Russian dictionary amounted to I. H. Butler, edited by corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Professor S. I. Sobolev, with the application of grammar compiled by S. Sobolevsky, about 70,000 words (both volumes). M.,1958.
2. Sobolevsky, S. I. ancient Greek: textbook for higher educational institutions. St. Petersburg, 2000.
3. Anthology on the history of the Ancient World / Edited by Academician V. V. Struve, vol. 2. pp. 274-277.

УДК 82.01

*Кемеровский государственный университет
преподаватель кафедры журналистики и русской
литературы XX века.*

Аксенова А. А.

Российская Федерация, г. Кемерово,

E-mail: AA9515890227@yandex.ru

Kemerovo state University

*lecturer of the Department of Journalism and Russian
Literature of the XX century.*

Aksenova A. A.

Russian Federation, Kemerovo,

E-mail: AA9515890227@yandex.ru

А.А. Аксенова

СЛОВО И ВРЕМЯ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматриваются особенности взаимодействия образа времени и образа «слов» в произведениях М. Цветаевой. Целью является объяснение некоторых аспектов художественного изображения «слова». Ставится задача прояснить проблему изображённого слова. Выдвигается общий тезис о том, что тенденция к опредмечиванию слова позволяет объяснить соседство образов слов и времени в этих произведениях. Образ слова (как часть изображённого мира) открывается в интерпретации художественного целого. Здесь мы приводим ряд особых случаев, когда слова не только отсылают к образам, но и сами вовлечены в единство изображённого мира, что не даёт им растворяться во множестве интертекстуальных связей. Методы, использованные в этом исследовании: интерпретация образа в контексте смыслового целого конкретных произведений, то есть герменевтический метод. Начертанные слова в произведении «В чёрном небе слова начертаны» переводят время человеческой жизни из бытового плана в план Вечности. В произведении «Детский день» слова детской песенки, звучащие в соседней комнате, возвращают лирического героя к воспоминаниям. Образ «земли», как сугубо человеческой обители, в произведении «В Раю» связан с темой «старых слов», отсылающих к образу памяти и земной жизни.

Ключевые слова: слово, образ, символ, М. Цветаева, лирика, визуальное.

A. A. Aksenova

THE WORD AND TIME IN THE POETRY OF MARINA TSVETAEVA

This article discusses the features of interaction between the image of time and the image of «words» in the works of M. Tsvetaeva. The goal is to explain some aspects of the artistic representation of the «word». The task is to clarify the problem of the depicted word in the lyrics of M. Tsvetaeva. The General thesis is put forward that the tendency to objectify the word allows us to explain the proximity of images of word and time in these works. The image of the word (as part of the depicted world) is revealed in the interpretation of the artistic whole. Here we present a number of special cases where words not only lead to images, but are themselves involved in the unity of the depicted world, which does not allow them to dissolve in a variety of intertextual connections. Methods used in this study: interpretation of the image in the context of the semantic whole of specific works, that is, the hermeneutical method. The inscribed words in the work "In the black sky words are inscribed" translate the time of human life from the everyday plan to the plan of Eternity. In the work "Children's Day", the words of a children's song, sounding in the next room, bring the lyrical hero back to memories. The image of «earth» as a purely human abode in the work "In Paradise" is connected with the theme of «old words», referring to the image of memory and earthly life.

Key words: word, image, symbol, M. Tsvetaeva, lyrics, visual.

Специфика «слова» в произведениях М. Цветаевой раскрывается в том, что оно воображается читателем как участник изображённого мира, а значит, предполагает и выход в визуальное измерение. Стоит отметить, что мы не отождествляем здесь художественный образ и каждое (любое) слово самого *текста* произведения, как это принято у сторонников «точного» литературоведения. Образ *слова* проявляет здесь свою человекосоразмерность (как образ дороги отсылает к жизненному пути человека, весеннее утро - к началу жизни, посох - к странствиям и т.д.).

Построение образа невозможно без актуализации контекстуальных взаимосвязей произведения, так возникает художественный мир, обладающий объёмом воображаемого пространства, а не только лишь плоскостью информации. Поэтому в понимании художественного образа «слов» мы непременно обращаемся к его взаимосвязям с остальными образами произведения. Отсюда необходимая цель - прояснить слово «в определении ситуативной семантики, то есть семантики не готовых словарных значений, а их актуальных, окказиональных взаимодействий в данном тексте» [1; с.194]. Только так можно определить, какую роль в изображаемом миропорядке имеет тот или иной художественный образ.

В статье Л. Ю. Фуксона даётся важное, на наш взгляд, наблюдение: «В искусстве нет внеобразных смыслов. <...> единство бытия и смысла есть в нашем понимании эстетическая ценность, и та образная логика произведения, которая постигается в ходе толкования, поэтому есть не только символическая, но и ценностная логика» [2; с.29]. В целях объяснения нашего подхода к предпринятому рассмотрению, сразу приведём некоторые установки, обозначенные в книге А. Б. Есина: «По сравнению с жизнью, как таковой, художественное произведение предстает условностью и потому, что его мир – это мир *вымышленный*. Даже при самой строгой опоре на фактический материал сохраняется огромная творческая роль вымысла, который является сущностной чертой художественного творчества» [3; с.8]. Приведённый фрагмент является значимым для вступления к этой статье, поскольку мы стремимся заранее отстраниться от так называемого «наивно-реалистического» чтения. Это позволяет избежать утраты эстетической специфики произведения, то есть мы будем подходить к прочтению текста именно как *художественного*, а не как философских высказываний М. И. Цветаевой.

Нередко в лирике актуальна тема, воспевающая «Silentium» и «Невыразимое», где абсолютной ценностью объявляется само переживаемое чувство, а любая попытка выразить его - обречена на провал, где «слово» предстаёт как препятствие и как грубое, несовершенное орудие передачи смысла. Но есть и другая, противоположная этому сторона дела. В ней открывается, что само поэтическое искусство, которое призвано тронуть душу словами, не может осуществиться иначе, чем в слове. Мы будем исходить из того, что «слово» в рассматриваемых здесь произведениях является компонентом изобразительности как часть художественного мира: «Мир включает в себя, далее, то, что правомерно назвать *компонентами* изобразительности» [4; с.432]. В мире *произведения М. Цветаевой «В чёрном небе слова начертаны»* [5; с.401] образ «слов» является частью изображённого миропорядка.

Необходимость вообразить себе начертание в небе слов сразу же переводит читателя из сферы рациональной реальности в сферу поэтического языка, где все законы подчинены образной логике художественного миропорядка. Подробнее об этой ситуации литературной саморефлексии говорится в статье Л. Ю. Фуксона, в которой предлагается «сосредоточить внимание на самой границе перехода от нехудожественной реальности к художественной» [6; с.142]. Здесь «слова», то есть творение человека, соответствуют образу небесных светил, чьё существование в природе установлено иной, внечеловеческой творческой силой. Слова, которые начертаны в небе — это не буквальное явление, а сам сотворённый мир, который открывается поэтическим словом. Поэтому начертание слов (как процесс) относится к упорядочиванию *ценностных зон* и их смысловых характеристик. Иначе говоря, в акте творения и рецепции, исходя из словесных знаков, образуется мир, наполненный смыслом.

Ценностная нагрузка изображаемого мира проявляется в том, что «слова» помещаются в отведённой для них пространственной сфере («чёрное небо»). В смысловом отношении противопоставление земли и неба, помимо очевидного противостоящего их пространственного взаиморасположения, аргументировано и тем, что смертное ложе (и предание мёртвого праха земле), как и ложе страсти, отсылает к сфере *земного* человеческого существования. Тогда как «чёрное небо», «огонь над кудрями», «начертанные слова» расположены в верхней части мира и касаются человека лишь иногда, как «дуновение вдохновения». Логика всякого поэтического мира основана на совмещении своеобразия и жизнеподобия: чтобы быть понятным человеку, искусство пользуется жизнеподобием, но, чтобы указать на истину, оно высказывается своеобразным, алогичным (с позиции повседневной жизни) способом. Приведём здесь мысль Л. Ю. Фуксона: «удивление есть знак нахождения чего-то странным, встречи со странностью. Удивление дает возможность заглянуть по ту сторону привычного (в каком - то смысле это и есть миссия искусства)» [7; с.112]. Смысловое

соотношение «и ослепли», «и не страшно», «и не сладко» - отражает характеристику «киного рвения». Иное рвение указывает границу между сферой земных дел, ограниченных страхом смерти, сладкой страстью, и сферой творчества. Поэтому роль «слов» как предмет изображения в этом тексте открывает осмысление словесного творчества и осмысление самой человеческой жизни, указывает на её объёмное измерение: начертанные слова переводят время человеческой жизни из бытового плана в план Вечности.

Произведение открывает единство образов пишущего и пашущего, как образ земного и творческого труда. Работа над словом, как и возделывание земли, указывает на открытое(-ие) предназначение человека («слова начертаны»). Так становится ясно, почему в начале стихотворения небо именно чёрного цвета, как черна и сама земля. Мы полагаем, что в данном произведении сферы жизни и творчества не противостоят друг другу, как в романтизме, а расположены более сложным образом: оставаясь при своих различиях, быт и искусство, страх и бесстрашие перед лицом смерти, «киное рвение» и страсть - всё это в изображаемом мире находится в разных ценностных сферах, но встречается *в самом человеке*.

Слова детской песенки *в произведении М. Цветаевой «Детский день»* [5; с.159-160] отсылают самого лирического героя к воспоминаниям, а читателя – к воображению этих воспоминаний. Заглавие уже указывает на особый период человеческой жизни – детство. С позиции ребёнка взрослые живут в измерении «скучных» дел, а сам ребёнок чаще интересуется сферой игры. Поэтому его утро и «отравлено», и «пасмурно», ведь регулярность музыкальных упражнений (граммы) противостоит действиям «по настроению». Творческая и весёлая сторона музыки вытесняется за счёт скучного упражнения и режима дня. Уже здесь «труд» привносится в детский день как чужеродный элемент взрослого мира, а режим дня (как что-то логичное для взрослых) - является совершенно лишним с точки зрения ребёнка. Ещё только предстоящая взрослая жизнь определяется как «опасный путь», тогда как в детстве слова «опасный путь», «бой», «бриллианты» - пока остаются только словарными (словами диктанта). Это привносится из взрослого мира в качестве подготовки к другим этапам жизни, в то время как сама жизнь («лучшие годы») уже началась и в ней ещё маленькому человеку уже по-своему трудно («не дают вздохнуть»). Хотя все детские трудности ещё и приближены к игровому, тренировочному осмыслению жизни.

Плетение «тернового венца» отсылает к образу земного пути (от рождения к смерти), но в рамках детского дня «венец» ещё является игрушкой-поделкой, как и «опасный путь» – ещё только словом диктанта. Незавершённость тернового венца («не доплетён») здесь не случайна, она указывает на незавершённость и различных трудностей самой жизни. Поэтому «звон к вечерне» слышится только **вдали**, но сам сигнал (звон) – это вновь указание на призыв к распорядку, режиму дня. Мы понимаем, что слова из детской комнаты доносятся за её пределы уже до взрослого человека, а описание детского дня развёрнуто в воображении лирического героя. Так, «сумерки» этого детского дня указывают не только на завершение одного дня, а возвещают читателю и о завершении детства.

В *стихотворении М. Цветаевой «Курлык»* [5; с.103] мы имеем дело с примером «детского» и «непонятного» слова. Такое слово оживляет воспоминания детства в сознании лирического героя. Дом кажется большим относительно маленького ребёнка (молчание дома большого), сказочная колдунья тоже из мира детства, но её оскаленный клык уже намекает на близость опасного мира, причём угроза взрослого мира для ребёнка достаточно абстрактна и непонятна, как и для взрослого чуждо слово «курлык». Здесь все образы детства связаны со стремлением к свободе, вопреки чопорности («чопорной гостье покажешь язык») и рифма «клык - курлык» сближает детское слово и сказочный мир, в то время как затянутый башлык открывает несоразмерность ощущений ребёнка и удушающей заботы («шею **до боли** стянувший» - выделено А. А.). Не случайно синонимом к слову «чопорный» иногда выступает выражение «застёгнутый на все пуговицы», как максимально строгий, надутый, принуждённый и чинный. Композиция в первых двух строчках каждой строфы связывает события детства, а в других двух - рефлексии взрослого, которая раскрывается в употреблении таких характеристик: «детская», «непонятная», «глупая», «всё воскресает», «милая».

В стихотворениях «Детство» и «Курлык» память о детстве воскресает благодаря «глупым словам» немецкой песенки или слову «курлык». Они становятся в изображённом художественном мире не просто случайным моментом, а ценностно значимым, полнокровным образом. В

ретроспективном взгляде лирического героя ценностная зона времени проступает как раз благодаря осуществлённому «слову».

Примеры утверждения жизненных ценностей, объединённые любовью, словом и памятью мы обнаруживаем *в произведении М. Цветаевой «В Раю»* [5; с.123], где вся организация художественного мира основана на противопоставлении образов «земли» и «неба», «памяти» и «беспамятства», «строгости» и «усмешки», «невинности» и «вины», «покоя» и «беспокойства». Образ «земли», как сугубо человеческой обители, связан с темой «старых слов», отсылающих к образу памяти и земной жизни. Но «память», как знак земного существования, - давит на плечи, и как тяжесть чрезмерно прижимает к земле. Это важно, поскольку измерение земной жизни сопровождается тем, что присуще самому человеку - слезами.

Слёзы как то, что указывает на человеческое в человеке, вызваны здесь воспоминанием лирической героини. Они результат неустрашимого разрыва между прошлым и настоящим, то есть определяются темой времени. Без «памяти» нет и «слёз», значит, нет и всего человеческого, земного. В. М. Хаимова подчёркивает, что лирика М. Цветаевой пронизана «острой тоской от ощущения конечности земного бытия» [8; с.20]. Образ «встреч» представляет собой ценность земного человеческого существования, а утрата встреч и память о них вызывает слёзы. В раю измерение жизни закончилось, поэтому исчезает и память, а вместе с ней уходит вся человеческая тяжесть. Рай — это не место для встреч: там просто нет земли и нет памяти.

Признаком этого внеземного пространства является присутствие ангелов (как не людей), которые летают, тогда как люди ходят; они прибывают в покое, а живым людям свойственно беспокойство («слёзы» и «ловить твой взор»). Стройное движение противостоит хаотичному, строгие девы - усмехающейся героине; детский хор, символизирующий невинность, как и лилии, противопоставлен «земным песням», которые поёт лирическая героиня. Музыка (в образе арфы) как творчество соединяет и небо, и землю. Слова и тоска здесь — это и встреча человека с человеческим в себе, от которого лирическая героиня и не намерена отказаться даже в раю. Упоминание «новой встречи» само по себе указывает на то, что было некое прошлое, и в этом прошлом есть «мы» героев. Так, «новая встреча» соединяется с чередой прошлых встреч, хранящихся в памяти, поэтому слёзы и «старые слова», которые были сказаны в прошлом, сближаются в смысловом отношении и проясняют друг друга. Если же «новая встреча» уже включает в себя те старые слова («не утаю»), значит, снимается и разрушается граница между рационально-публичным и чувственно - личным, поскольку как раз сокрытие слёз указывает на границу между личным и публичным, как жест ограждения личных чувств, существующих в противовес публично-рациональным поступкам. Ненужность тайны («не утаю») в этом произведении указывает на побеждающую близость, как связь между людьми, которая открывается *словом*.

Исходя из рассмотренных связей в мире этих произведений, становится ясно, что «мир» и «слово» в нём имеют взаимоуказующее значение. В результате предпринятых истолкований были выявлены те сферы изображённого мира, с которыми сопоставлено изображённое слово. В лирике Марины Цветаевой «слово» даёт отсылку к образам «труд», «память», «игра», «детство», «время», «жизнь». Слово сближается с действием, изображённый герой вступает в сотворчество, преодолевает немислимые границы. В тексте «В чёрном небе слова начертаны» творческая работа над словом, как и возделывание земли, открывает созидательный смысл в предназначении человека. Утверждение нерушимой связи между людьми и темы памяти мы обнаруживаем в произведении «В Раю». Здесь слово становится хранителем земных событий, дорогих встреч, слёз и всего человеческого в человеке. Ещё один смысловой аспект, выявленный в произведениях «Детский день» и «Курлык» проявляется в том, что «слово» осуществляет собой связь жизненного времени, воскрешает прошлое, охватывает человеческую жизнь.

Библиографический список

1. Фуксон Л. Ю. Интерпретация фрагмента текста как опыт "медленного чтения" // Сибирский педагогический журнал. № 3. 2015. С. 193 – 197.
2. Фуксон Л. Ю. Символический и ценностный аспекты интерпретации литературного произведения (Повесть Гоголя «Невский проспект») // Известия Ан. Серия литературы и языка. Том 56. № 5 1997. С.22-29.
3. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2000.

4. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. и доп. М.: 2004.
5. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994.
6. Фуксон Л. Ю. Интерпретация фрагмента // Новый филологический вестник. 2012. №2 (21). С. 142 – 150.
7. Фуксон Л. Ю. Феномен самораскрытия художественного произведения. Повесть Н. В. Гоголя "Портрет" // Критика и семиотика. Вып. 14, 2010. С.105 – 112.
8. Хаимова В. М. Время и вечность в лирике М. Цветаевой // Вестник Московской международной академии №1, 2018. С.78 – 80.

References

1. Fucson L. Yu. Interpretation of a text fragment as an experience of "slow reading" // Siberian Pedagogical Journal. No. 3. 2015. pp. 193-197.
2. Fucson L. Yu. Symbolic and valuable aspects of the interpretation of a literary work (Gogol's Novella "Nevsky Prospekt") // Izvestiya An. Literature and Language Series. Volume 56. No. 5 1997. pp. 22-29.
3. Esin A. B. Principles and methods of analysis literary works: a tutorial. – 3rd ed. – М.: Flinta, Nauka, 2000.
4. Khalizev V. E. Theory of literature: a textbook for students. higher. studies. institutions. - 4th ed., ispr. and add. - М.: 2004.
5. Tsvetaeva M. I. Collected works: In 7 t. Comp., podgot. text and comments. A. Sahakyants, L. Mnukhin. - М.: Ellis Lak, 1994.
6. Fucson L. Y. interpretation of the fragment // New philological Bulletin. 2012. No. 2 (21). pp. 142-150.
7. Fuchson L. Yu. The phenomenon of self-disclosure of a work of art. The Story Of N. V. Gogol's "the Portrait" // Criticism and semiotics. Issue 14, 2010. pp. 105-112.
8. Khaimova V. M. Time and eternity in the lyrics of M. Tsvetaeva // Bulletin of the Moscow International Academy No. 1, 2018. pp. 78-80.

УДК 811.161.1'282 (470.322)

*Смоленский государственный
университет*

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского
языка*

Королева И.А.

Россия, г. Смоленск,

e-mail: innakor@mail.ru

Smolensk State university

Doctor of Philology,

*Professor of the Department of Russian
language*

Koroleva I.A.

Russia, Smolensk,

e-mail: innakor@mail.ru

И.А. Королева

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ЗАПИСИ В.Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Традиционная народная культура в настоящее время изучается весьма активно. Большой интерес вызывают у исследователей этнографические тексты, записанные в дореволюционное время собирателями обрядов, поверий, песен, легенд и т.д. Широко известно в науке имя смоленского этнографа, фольклориста, диалектолога, краеведа Владимира Николаевича Добровольского (1856 – 1920), автора многочисленных фольклорно-этнографических заметок, «Смоленского этнографического сборника», «Смоленского областного словаря». В статье рассмотрены имена собственные в тексте 1908 года, содержащем записи об обрядах и поверьях крестьян Починковского уезда Смоленской губернии, связанных с домашними и полевыми работами. Имена собственные – один из маркеров традиционной смоленской народной культуры начала XX века. Помимо того, они отражают особенности смоленских говоров этого времени, так как записаны в соответствии с реальным произношением.

Ключевые слова: В.Н. Добровольский, этнографические записи, имя собственное, традиционная народная культура, Смоленский край.

I.A. Koroleva

PROPER NAMES IN THE ETHNOGRAPHIC TEXT: NOTES BY V.N. DOBROVOLSKY

Traditional folk culture is currently being studied very actively. Ethnographic texts recorded in pre-revolutionary times by collectors of rituals, beliefs and songs are of great interest to researchers. legends, etc. The name of Smolensk ethnographer, folklorist, dialectologist, ethnographer Vladimir Nikolaevich Dobrovolsky (1856 - 1920), author of numerous folklore and ethnographic notes, "Smolensk ethnographic collection", "Smolensk regional dictionary" is widely known in science. The article discusses proper names in the text of 1908, containing records of the rituals and beliefs of the peasants of the Pochinkovsky district of the Smolensk province, associated with domestic and field work. Proper names are one of the markers of the traditional Smolensk folk culture of the early twentieth century. In addition, they reflect the peculiarities of the Smolensk dialects of this time, as they are written in accordance with the real pronunciation.

Key words: V.N. Dobrovolsky, ethnographic records, proper name, traditional folk culture, Smolensk region

В ряду трудов В.Н. Добровольского одной из мало известных и пока еще не привлекавших достаточного внимания исследователей является изданная в 1908 году Смоленским губернским статистическим комитетом и отпечатанная в типографии П.А.Силина этнографическая работа об обрядах и поверьях крестьян Смоленской губернии. В 2000 году смоленский краевед И.И. Илькевич переиздал ее в библиотеке журнала «Годы» (Серия «Наследие», основатели которой – Н. Котрин (Минск) и Л. Степченков (Смоленск)).

Исследование В.Н. Добровольский посвятил И.В. Ягичу, выдающемуся лингвисту, палеографу, литературоведу, историку, этнографу, фольклористу, который, работая в основном на Западе, обратил внимание западноевропейских ученых на начинающего смоленского собирателя этнографического материала, опубликовал о Добровольском статью в одном из научных изданий. Как нам представляется, настоящие записи

позволяют познакомиться с бытом, обрядами и поверьями смоленских крестьян, с одним из наиболее распространенных видов «домашней промышленности» крестьян – прядением и ткачеством, услышать их речь, песни, пословицы и поговорки, поверья, предания.

Мы рассмотрим конкретный аспект текстов исследования Добровольского – использование этнографом имен собственных. С этой стороны работа не изучалась.

В предисловии к изданию этнограф отмечает, что выполнение домашних и полевых работ у крестьян Смоленской губернии сопровождается обрядами, песнями, поверьями; все эти данные народного мирозерцания (сегодня мы бы сказали – народной картины мира) принадлежат нередко глубокой старине и проливают свет на древний быт. Даже с орудиями производства самых обычных работ – прялкой и кроснами – соединены суеверия, относящиеся и к самим работницам – пряхам и ткачихам.

В.Н. Добровольский пишет, что многие обряды и поверья приурочиваются к праздникам и дням, имеющим календарное значение. В частности, он особо обращает внимание на святочные поэтические приметы и гадания относительно посевов, будущего урожая хлеба, приплода скота, предположения относительно выбора наиболее удобного времени производства полевых работ.

В связи со святочной поэзией, так называемым Авсением, кануном нового года, «стоят песни о ткачихе и пряхе: фиктивное пряденье и снованье в обрядах, поэтические предания, связанные с кроснами, прялкой и личностью пряхи и ткачихи...» [1, с. 8].

Интересно описаны разные случайности, «подсмотренные» этнографом в с. Самохотовке.

Молодую Платонику недавно корова обидела – отожала часть кросен. Она в слезах побежала к опытной ткачихе – Марковне – за помощью. Та, конечно же, помогла: «из совсем испорченной работы, вследствие совета хитроумной Марковны, вышло «нечто». Платониха, огорченная коровой, утешилась» [1, с. 15].

Как видим опытную «ткаху» зовут только по отчеству (7 употреблений) – так принято в сельском мире. Молодую же – Платонику (5 употреблений) или молодуху (2 употребления). Упомянут и муж молодухи – Аухимович (Ефимович), который тоже именуется по отчеству. Причем следует отметить, что произношение фонетически сложного имени Ефим (не свойственное смоленским говорам начальное Е, произношение Ф) дается практически в транскрипции, причем все пять раз, а правильное написание представлено в скобках. Таким образом, можно в именах найти отражение фонетических особенностей смоленских говоров прошлого, сохранившихся и до настоящего времени.

Отчество *Марковна* на Смоленщине было нередким. Можно вспомнить, что и великий Твардовский запечатлел народную «премудрицу» Марковну – жену знаменитого героя цикла «Про Данилу».

Именование молодой «ткахи» представлено моделью с суффиксом –ИХ(а). Это может быть именованием по фамилии мужа: *Платонов* – *Платонику*, а может быть именованием по уличной фамилии – от родового корня (возможно, это свекр *Платон*, все его близкие – *Платоновы*, женщины – *Платоники*). Добровольским показана особенность сельского именнаяречения.

Имена *Ефим*, *Марк* и *Платон* отмечены в именнике смолян за 1908 год [2, с.143-144]. *Ефим* – греческое «благочестивый, священный»; *Марк* – греческое и латинское «молоток»; *Платон* – греческое «широкоплечий» [3, с. 113,152,180].

Интересны имена собственные в песнях и обрядах, относящихся к пряхе и приуроченных в большей части к святкам. Записи сделаны в сельце Свалы Смоленского уезда.

На игрища является Аннушка – «пряля-самотока». На посиделках девушки поют песню о символическом черном бычке, где упомянуты имена нескольких мужчин, которые осуществляют символические действия: Андрей, Яхим (Ефим), Иван, Сяргей (Сергей), Ягор (Егор), Антон, Марк, Устин, Мирон. Как видим, и в этой песне некоторые имена даны в произносительном варианте, обычном в разговорной речи смолян. Отражен процесс диссимилиативного яканья, свойственного смоленским говорам и сегодня (замена звука Ф) [4, с.50-53].

Использованы и именованья прозвищами: *Новик*, *Галавень Краучонок* (*Кравчонок*). Имеет место отражение процесса аканья, употребление Ё вместо В, твердое Ч. *Кравчонок* – сын Кравца (на что указывает суффикс – ОНОК): кравец – диалектное «портной» [5, с. 98].

Имя *Аннушка* – знаковое в системе смоленского именника: в полной форме Анна оно засвидетельствовано уже в памятниках обороны Смоленска 1609-1611 гг., в которых женских имен фиксировалось очень мало. В 1908 году оно было вторым по популярности после имени Мария, в 1918 году – первым [6, с.146, 150]. Это одно из самых любимых имен Твардовского (поэма «Дом у дороги»). Анна – древнееврейское «грация, милость» [3, с. 51]. Суффикс -УШК(а) привносит в имя уменьшительно-ласкательное

значение. В песне Аннушка – хозяйка, распорядительница игрищ. Часто в песнях выводится прядущая, снующая и ткущая богатырша. Это символ учения. Сначала на больших и необычных инструментах у этой богатырши ничего не получается, но потом она становится «тонкопрялей» [1, с. 18].

В смоленских песнях для такой богатырши обычно имя *Дуня* (полное форма – Евдокия). На Смоленщине имя *Евдокия* входило в десятку популярных имен в 1908 году [2, с.146]. В народе чаще всего оно употреблялось в сокращенных формах *Дуня* или *Дунюшка*, что и видим у Добровольского. *Евдокия* – греческое «благоволение» [3, с.102]. Имя было широко распространено по всей Руси.

В смоленской веснянке выводится ткачиха *Марья* или *Домна* (чаще *Марья*) Павловна [1, с. 20]. Добровольский предполагает, что под именем женщины показан приход весеннего солнышка, которое так же непостоянно, как и работа ткачихи: у нее то кросна приходят в беспорядок, то снова дело идет успешно. *Марья Павловна* то боится свекра (зимы пока еще не ушедшей до конца), то радуется приезду отца (приходу весны). Шесть раз именуется ткачиха именем и отчеством, что показывает определенное уважение к умелице. Имя *Марья* – символ русской женщины, было самым популярным на Смоленщине в 1908 году [2, с. 146]. Используется оно только в народной форме – *Марья* (каноническое – *Мария*); по происхождению древнееврейское, предположительная семантика основы – «горькая» [3, с.150-151].

Отчество *Павловна*, образовано, предполагает Добровольский, не от имени *Павел*, а от имени *Павлин*. В свою очередь, *Павлин*, *Пава* в народном языке – эпитеты богатого хозяина, хозяйки, жениха в том периоде свадьбы, когда образ его является просветленным. С «Павлином» в арийской мифологии связывалось представление о нарождающемся новом годе. «Павлин» символизирует вечернюю и утреннюю зори, радужное сияние весеннего солнышка [1, с.23]. Как видим, имя собственное как бы сливается с именем нарицательным и поэтому берется в кавычки. *Павье перышко*, *Павий венок* – любимые образы народной поэзии. И именно поэтому отчество ткачихи – *Павловна*.

Реальность записей можно проследить по названиям населенных пунктов, где эти записи были сделаны. Так, до сих пор существует деревня *Свалы*, до 1917 года относящаяся к Смоленскому уезду, после 1917 – к Починковскому. Впервые отмечена в документах в 1861 году. То же можно сказать и о деревне *Самохотовке*, которая, правда, существовала до 1950 года, а потом исчезла с карты Смоленщины. Впервые в документах она была засвидетельствована в 1904 году [7, с.327-328].

В заключении нашего небольшого исследования хотелось бы подчеркнуть, что труды В.Н. Добровольского небезынтересны для лингвистов, фольклористов, этнографов, историков, но самое главное, как нам представляется, для краеведов, для тех, кто любит свой родной Смоленский край и интересуется его особенностями.

Библиографический список

1. Добровольский В.Н. Обряды и поверья, относящиеся к домашним и полевым работам крестьян Смоленской губернии. Смоленск, 1908. Переиздание: Смоленск: Годы, 2000. 28 с.
2. Имена на Смоленщине: история и современность / Отв. ред. И.А. Королева. Смоленск: СГПУ, 2005. 196 с.
3. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1966. 384 с.
4. Словарь смоленских говоров. Вып. 1. Смоленск: СГПИ, 1974. 310с.
5. Словарь смоленских говоров. Вып. 5. Смоленск: СГПИ, 1988. 146с.
6. Имена на Смоленщине: история и современность / Отв. ред. И.А. Королева. Смоленск: СГПУ, 2005. 196 с.
7. Административно-территориальное устройство Смоленской области. Справочник. М.: Московский рабочий, 1981. 416 с.

References

1. Dobrovolsky V. N. Rites and beliefs related to household and field work of peasants of the Smolensk province. Smolensk, 1908. Reprint: Smolensk: Years, 2000. 28 p.
2. Names in the Smolensk region: history and modernity / Ed. by I. A. Korolev. Smolensk: SSPU, 2005. 196 p.
3. Petrovsky N. A. Dictionary of Russian personal names. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966. 384 p.
4. Dictionary of Smolensk dialects. Issue 1. Smolensk: SSPI, 1974. 310s.
5. Dictionary of Smolensk dialects. Issue 5. Smolensk: SGPI, 1988. 146c.
6. Names in the Smolensk region: history and modernity / Ed. by I. A. Korolev. Smolensk: SSPU, 2005. 196 p.
7. Administrative-territorial structure of the Smolensk region. Reference book. Moscow: Moskovsky rabochy, 1981. 416 p.

УДК 808.2:82-3

Воронежский государственный технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Карташова Е.Н.
Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant
Kartashova E.N.
Russia, Voronezh, +7(4732) 71-50-48
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Е.Н. Карташова

ФЕМИНИТИВЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА

В статье рассматривается роль феминитивов как средств создания женских образов в прозе В.М. Шукшина. Автором отмечается, что основная функция данных лексем – это выражение отношения автора или персонажа-мужчины к героине.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, феминитивы, проза, женские образы

E.N. Kartashova

FEMINITIVES AS A MEANS OF CREATING FEMALE IMAGES IN THE WORKS OF V.M. SHUKSHIN

The article examines the role of feminitives as a means of creating female images in V.M. Shukshin's prose. The author notes that the main function of these tokens is to express the attitude of the author or the male character to the heroine.

Key words: V.M. Shukshin, feminitives, prose, female images

Своим неоднозначным видением жизни, своеобразным языком и искренним самовыражением в текстах своих произведений В.М. Шукшин привлекает внимание читателей. В произведения писателя представлено многообразие женских образов. Раскрытию идейного содержания образа способствует исследование лексики, используемой автором для репрезентации образа женщины. Одним из средств, используемых автором для создания женских образов, являются феминитивы.

Феминитивы — имена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными к ним. Обычно феминитивы обозначают профессии, социальную принадлежность, место жительства, некоторые феминитивы обозначают не женщину определённой профессии, а жену занятого этой профессией мужчины («профессорша» — это жена профессора, «генеральша» — жена генерала). Многие феминитивы, бывшие в употреблении в древнерусском языке, в современном русском не используются («казначая», «ткаля»).

Исторически в русском языке преобладали наименования лиц мужского пола, потому что многие области деятельности были закрыты для женщин, однако в некоторые периоды истории происходило появление новых феминитивов. Активное создание новых феминитивов в русском языке происходило на рубеже XIX–XX веков, когда многие профессии, прежде доступные в России только мужчинам, получили распространение и среди женщин («пианистка», «авиатриса», «педагогичка»).

Автор использует феминитивы с суффиксом **щиц,чиц** обозначающие принадлежность к определенной профессии:

*«Странный они народ, **продавищицы**: продаст обыкновенный килограмм пшена, а с таким видом, точно вернула забытый долг.... Ну, дьявол с ними, с **продавищицами**» «Сапожки» [1,II,с.13]; «– Сейчас прибежит кто-нибудь, – сказала **продавищица**» «Чудик» [1,III,с.25]; «**Буфетчица** в управ-*

лени, *шишка на ровном месте*» «Чудик» [1, III, с. 33].

Феминитивы с суффиксом **к** также репрезентируют профессиональную деятельность героинь: «*Подошла **официантка**, тоже засмотрелась на парня ...*» «Случай в ресторане» [1,II]; «*Он серьезно задумал отвезти **циркачку** к себе домой, жениться. Что она была **циркачкой**, они скроют, никто знать не будет*» «Чередниченко и цирк» [1,II, с.56]; « — *Я извиняюсь, вы кто будете?*

— *Леля Селезнева с факультета журналистики.*

— **Корреспондентка?**

— *Да»* [1,II,с.113] «*Леля Селезнева с факультета журналистики; «Ну пожил один сколько-то, подвернулась образованная, **лаборанка**, увезла его к черту на рога, в Фергану какую-то»* [1,II, с.48] «*На кладбище; «Глеб опять великодушно улыбнулся. Особо жене кандидата, тоже кандидату, **кандидатке**, так сказать»* «Срезал» [1,II, 42].

Феминитив кандидатка имеет разговорный оттенок, автор с его помощью подчеркивает презрительное отношение к героине его персонажа Глеба Капустина.

Феминитивы с суффиксом **ш**: «*Завтра зайду к **учительше**, – сказала мать и тоже строго посмотрела на Ваньку, – узнаю, как он там...*» «Темными зимними вечерами» [1,II,с.67]; «***Аптекариша** покраснела»* «Сильные идут дальше» [1,II, с.54]. Лексемы **аптекариша, учительша** также являются просторечными. С их помощью автор показывает речевые особенности жителей советской деревни. С этой же целью он передает на письме особенности произношения феминитивов: **лаборанка, ксплотаториша** - феминитив эксплуататорша, также в словарях также имеет помету разговорное, от эксплуататор – человек, эксплуатирующий других, присваивающий результаты чужого труда [2, с. 951]. С помощью феминитивов раскрывается пренебрежительное, ироничное отношение героев произведений Шукшина к женским персонажам: «*А ты, как... не знаю, как **ксплотаториша** какая: заездила мужика»* «Беспалый» [1,II, с.63];

«*Ни обед ни разу не сготовила, ни с внучкой не погуляла...**Барыня** кособокая»* «Жена мужа в Париж провожала» [1,II] Здесь слово **барыня** используется в значении *женщина, ведущая праздный образ жизни, пренебрегающая трудом* [1,II, с.181].

«*Фуражку я дарю вам **синьорина**,- в коровник ходить»* «Дебил» [1,II, с.23]. Синьорина – вежливое обращение к девушке в Италии не совсем уместно в данном контексте, что придает иронический оттенок речи персонажа.

Ряд феминитивов с суффиксами **их, ниц** обозначают статус женщины в отношениях с мужчиной, особенности характера: **хахалиха** – согласно словарю языка В.М. Шукшина В.С. Елистратова – любовница, подружка [3, с.348]. «*...Стало быть, его ... **хахалиха**, что ли, Валя»* «Хахаль» [1,II, с.94].

Заочница – о невесте, с которой жених знаком лишь по письмам, заочно [3,с.130]. «*Ждет меня. Но живую я её ни разу не видел. – Как это? – **Заочниц**»*. «Калина Красная» [1,III, с.47].

Тихушница - человек, который делает что-то нехорошее исподтишка [3, с. 246]. «*Тихая с виду, в очках, коротконогая. Одинокая, но заявляет, что «они от меня никуда не уйдут». Будем называть её **Тихушница**»* «Три грации» [1,II, 83].

Таким образом, феминитивы в прозе В.М. Шукшина служат для выражения отношения автора или персонажа – мужчины к героине. Иногда с их помощью выражается ироничное, пренебрежительное отношение к женским персонажам. Некоторые феминитивы передают разговорное произношение, что позволяет ему донести до читателя язык общения сельских жителей.

Библиографический список

1. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3-х т. / Сост. Л.Федосеева-Шукшина.- М.: Мол. гвардия, 1985.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Азъ, 1994.
- 3.Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина: Около 1500 слов, 700 фразеологических единиц.- М.: «Азбуковник», «Русские словари» 2001. - 432 с.

References

1. Shukshin V.M. Collected works: in 3 volumes / Comp. L. Fedoseeva-Shukshina. M. : Mol. guard, 1985.

2 Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language [Text]: 72500 words and 7500 phraseological expressions / SI Ozhegov, N. Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences, Institute of Rus. lang., Russian Cultural Foundation. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Az, 1994.

3. Elistratov V.S. Vasily Shukshin's Dictionary of Language: About 1500 words, 700 phraseological units. М. : "Azbukovnik", "Russian Dictionaries" 2001. - 432 p.

УДК 811.1/2

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялта
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания
Дронякина Н.В.
Россия, г. Ялта,
e-mail: n-dronyakina@mail.ru

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
Humanities and Education Science Academy (branch) in Yalta
The chair of foreign philology and methods of teaching
PhD, associate professor
Dronyakina N.V.
Russia, Yalta,
n-dronyakina@mail.ru

Н.В. Дронякина

ТЕЛЕСНАЯ МЕТАФОРА *ГЛАЗ, EYE, OEIL* В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье определяется этнокультурная специфика телесной метафоры, репрезентированной лексемами *глаз, eye, oeil* в русском, английском и французском языках, относящихся к разным типам языка. Определено, что объем переносных значений рассматриваемых единиц отличается, но в основном они совпадают. В основе исследуемых телесных метафор лежат три вида переноса – форма, расположение, функция.

Ключевые слова: телесная метафора, этнокультурная специфика, языковая картина мира, культурная картина мира, лексема

N.V. Dronyakina

BODY METAPHOR *ГЛАЗ, EYE, OEIL* IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGE WORLD PICTURE

The article deals with the study of cultural peculiarities of body metaphor represented by the lexemes *глаз, eye, oeil* in the languages belonging to different types of languages – Russian, English and French. It was revealed that the number of indirect meanings of the lexemes under analysis differ but they are mostly the same. Three types of transfer underlie the body metaphors under analysis – form, place and function.

Key words: body metaphor, ethnocultural peculiarity, language world picture, cultural world picture, lexeme

Результатом сопоставления языков и культур служат выявленные сходные и отличительные признаки. Культурная специфика может быть зафиксирована не только в слове и в словосочетании, но также и в понятии, что указывает на лакунарность одного из компонентов смысловой структуры слова или самого слова вообще. Непосредственно этнокультурный компонент семантики языковой единицы заключается во внеязыковом содержании (или фоновые знания), требующего применения целого арсенала лингвистических методов по его реконструкции.

Культурная картина мира специфична и различается у народов мира. Специфика культурной картины мира обусловлена целым рядом факторов: климатом, географией, природными условиями, социальным устройством, историей, традициями, верованиями, образом жизни. Культурная картина мира представляет собой отражение реальной картины мира через призму понятий, сформировавшихся на основе представлений, полученных человеком с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как индивидуальное, так и коллективное [1, с. 15].

Главная культурная проблема XXI века, по мнению Г.Д. Гачева, будет состоять в том, чтобы начавшийся процесс глобализации не обернулся утратой национальной самобытности народов, чтобы «отдельные голоса» не утонули в звуках современного «мирового хора» культуры [2, с. 11].

Языковая картина мира фрагментарно отражает культурную картину мира в своих разноуров-

невых единицах, поскольку она ментальна и ресурсы языка ограничены в способности полностью вербализировать представление народа о мире. Под языковой картиной мира понимают «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [3, с. 38].

Особый научный интерес вызывает лексическая метафора, которая в качестве своего имени имеет название части тела человека (органа зрения) и служащая для наименования предметов окружающего мира.

Объектом нашего исследования является телесная метафора «глаз», «eye», «oeil» в русской, английской и французской языковой картине мира, а предметом – этнокультурная специфика функционирования телесной метафоры «глаз», «eye», «oeil» в русской, английской и французской языковой картине мира.

Цель исследования – выявить сходство и различие в номинации предметов окружающего мира посредством телесной метафоры «глаз», «eye», «oeil» в русской, английской и французской языковой картине мира.

Термин «телесная метафора» был введен в научный обиход лингвистики М. Джонсоном и Дж. Лакоффом [4]. В русле когнитивной теории метафора трактуется как «один из основных способов познания мира, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой, осуществляя, таким образом, классификацию реальности». Поскольку первой сферой человеческого опыта является собственное тело, в психике присутствуют образно-схематические понятия, которые осознаются как некоторые понятные и хорошо знакомые структуры, исходя из телесного опыта. Затем они применяются к абстрактным понятиям. Называние таких абстрактных сфер и происходит при помощи телесной метафоры, которая играет роль отсылки к знакомому, всем известному [5, с. 25].

В нашем исследовании мы рассматриваем часть человеческого тела как основание для метафорического переосмысления действительности, то есть, исследование, нацеленное на выявление специфики восприятия части тела человека в русской, английской и французской традиции, поиск метафорических значений, приписываемых такой части тела, как *глаз / eye / oeil*, и определение способа отражения данных культурных смыслов в соответствующих языковых картинах мира.

Представления о глазах и зрении, реконструируемые по данным языка, традиционных народных верований, обрядов, фольклора разных народов, относятся к архаическому, мифопоэтическому пласту народного сознания. Мифологические представления о глазах и зрении очень разнообразны, они охватывают многие сферы и жанры традиционной культуры: верования, обряды, фольклор, язык и фразеологию. Например, в английском языке слово *window* («окно») восходит к скандинавскому *vindauga* (*vindr* «wind» + *auga* «eye») – букв. «глаз ветра» [6]; в русском языке слово *окно* происходит от *око* «глаз», которое сейчас является архаизмом [7]. Такие мифологические представления активно участвуют в категоризации знаний о мире и человеке, о жизни и смерти, о мире людей и загробном мире, к которому принадлежит все сверхъестественное и непознанное.

Настоящее исследование было проведено на основе применения комплекса лингвистических методов. Так анализ лексикографических дефиниций [8; 9; 10; 11; 12] и метод специальной выборки позволил вычленивать спектр метафорических значений в смысловой структуре слов *глаз, eye, oeil* в русском, английском и французском языках, что позволило с учетом выявления их синонимов установить дивергентный и конвергентный характер номинативных принципов рассматриваемых языковых единиц, описывающих устройство мира.

Рассмотрим сходные и отличительные семасиологические и ономазиологические аспекты исследуемых нами слов.

1. Семантический вариант «отверстие для наблюдения» реализуется в русском и английском языках посредством названия части тела: *глазок, eye of door, yeux d'une porte*. В русском языке слово *глазок* является производным от *глаз*, задействован флективный способ для номинации предмета – уменьшительно-ласкательный суффикс -ок. В английском и французском же языках, которые относятся к аналитическому типу языка, значение слова конкретизируется в словосочетании *eye of door* (букв. глаз двери), *yeux d'une porte* (глаза двери). Отметим, что в английском языке существует ряд синонимов для обозначения отверстия для наблюдения: *judas window* (букв. окно Иуды), *judas hole* (букв. отверстие Иуды), *spy hole* (букв. отверстие шпиона), *door viewer* (букв. дверной прибор для

наблюдения), *peep-hole* (отверстие для подглядывания), *viewing hole* (отверстие для визуального наблюдения). В свою очередь, во французском языке значение «отверстие для наблюдения» реализуется лексемой *oeil*, но в форме множественного числа (*yeux*). Тем не менее, в словаре синонимов французского языка существует эквивалент *oeillet*, который состоит из корневой морфемы *oeil* и уменьшительного суффикса *-et*. Так же, как и в английском языке, во французском языке рассматриваемое понятие тоже синонимически выражается посредством библейского антропонима – *judas* («глазок в двери»; букв. «Иуда»).

2. Семантический вариант «отверстие предмета для шитья» в английском и французском языках выражен одинаковым именем – *eye* (of a needle), *oeillet*. Однако во французском языке встречается синоним *trou d'une aiguille* (букв. дыра). В русском языке рассматриваемое значение выражено лексемой, обозначающей название иной части тела человека – *ушко* (иголки).

3. Семантический вариант «отверстие в продукте» в трех языках выражен одинаково – названием зрительного органа: *глазок* (в сыре, картошке), *cheese-eye* (букв. сырный глаз), *eye* (of a potato), *oeil* (du fromage).

4. Семантический вариант «согнутая кольцом часть нити» выражен в английском и французском языках *eye* (for a crochet needle), *oeil*. В русском же языке телесная метафора *глаз* (или *глазок*) не содержит данное значение, однако употребляется лексема *петля*, которая не относится к телесному культурному коду. Этимологические раскопки слова позволили предположить, что слово *петля*, вероятно, пришло из древнегерманского языка со значениями «оковы», «путы» и «хватать» [7]. В английском языке синоним *loop* («петля») имеет более широкое употребление.

5. Семантический вариант «рисунок в форме глаза» выражен в русском языке посредством лексем *глазок* (на крыльях бабочки, на перьях павлина), в английском – *eyes* (on the wings of a butterfly, on peacock feather). Во французском языке употребляется лексема *ocelle*, которая не отражает телесный код культуры.

6. Семантический вариант «область относительно тихой погоды в центре циклона» характеризуется одним способом лингвокультурного кодирования в трех языках, что, вероятно, обусловлено универсальностью метеорологической терминологии – *глаз* (бури, циклона), *eye* (of the storm), *oeil* (de cyclone).

Примечательно, что в русском языке лексема *глазок* выражает значение «почка, срезаемая с растения для прививки».

Отметим, что своеобразие мировоззрения народов пролеживается и в номинации выходного отверстия (ср. рус. *устье* (шахты) – часть тела «рот»), англ. *eye* – часть тела «орган зрения». В свою очередь, во французском языке метафора *oeil* выражает такие значения, которые являются семантическими лакунами в русском и английском языках, – «серьга» (пружины); «игра драгоценного камня», «блеск материи».

Таким образом, лексико-семантический, лингвокультурный и лексикографический анализ лексем *глаз*, *eye*, *oeil* в русском, английском и французском языках выявил в большей мере общий выбор способа лингвокультурного кодирования объектов окружающей действительности, что свидетельствует о сходстве восприятия мира. Тем не менее, в трех языках имеют место разные обозначения устройства мира посредством названия одной части тела человека.

Библиографический список

1. Садохин А. П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования: дисс. ... докт. культурологич. наук : 24.00.01. М., 2009. 342 с.
2. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. 511 с.
3. Попова З. Д., Стернин И. А., Когнитивная лингвистика. М.: «АСТ – Восток – Запад», 2007. 314 с.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
5. Башкатова Ю. А. Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах // Вестник КемГУ. Кемерово, 2013. № 2. С. 24-27.
6. Online Etymology Dictionary. URL : <https://www.etymonline.com>
7. Этимологический словарь русского языка. URL : <https://vasmer.slovaronline.com>
8. Мультиран: онлайн-словарь. URL : <https://www.multitran.com>
9. Толковый словарь русского языка. URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ozhegova/search_ozhegov1.php

10. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL : <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/>
11. Французско-русский словарь / Авт.-сост. В.Л. Скакун. Минск : Харвест, 2003. 1056 с.
12. Woordhunt : ресурс для изучения английского языка и двуязычный онлайн-словарь. URL : <https://woordhunt.ru>

References

1. Sadohin A.P. Intercultural competence: essence and mechanisms of formation: thesis... PhD in Culture Studies: 24.00.01. Moscow, 2009. 342 p.
2. Gachev G.D. Kosmo-Psycho-Logos: National World Images. Moscow, 2007. 511 p.
3. Popova ZD., Sternin I.A. Cognitive linguistics. Moscow, 2007. 314 p.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
5. Bashkatova Yu.A. Body metaphor in English and Russian linguocultures // Bulletin of Kemerovo State University. Kemerovo. 2013. Vol. 2. P. 24 – 27.
6. Online Etymology Dictionary. URL : <https://www.etymonline.com>
7. Etymological dictionary of the Russian language. URL : <https://vasmer.slovaronline.com>
8. Multitran: online-dictionary. URL : <https://www.multitran.com>
9. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ozhegova/search_ozhegov1.php
10. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/>
11. French-Russian dictionary / Ed. by V.L. Skakun. Minsk, 2003. 1056 p.
12. Woordhunt: resource for learning English and online bilingual dictionary. URL: <https://woordhunt.ru>

УДК 802.0

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Паринова А.С.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: anna.parinova.90@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, Senior lecturer
Parinova A.S.
Russia, Voronezh,
e-mail: anna.parinova.90@mail.ru*

А.С. Паринова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА «РАЗРУШЕНИЯ РАЯ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ (ПО ПОВЕСТИ Л. БОРОДИНА «ЛОВУШКА ДЛЯ АДАМА»)

В современной литературе актуализирован сюжет «разрушения рая», однако трансформация сопряженных с ним мотивов заслуживает отдельного внимания. В повести Л. Бородин «Ловушка для Адама» находят своё воплощение не только *мотив утраты гармонии и безгреховного состояния* современного мира, которые приводят героя к желанию начать новую жизнь в лице нового Адама. На первый план здесь выходят *мотивы запрета, коварства и искушения, мотив хрупкости «рая», его несовершенства*. Вокруг них выстраивается философское рассуждение писателя о современном человеке, его способности или неспособности обрести внутреннюю гармонию с Богом и с самим собой.

Ключевые слова: сюжет разрушения рая, мотивный комплекс рая, мотив утраты гармонии, мотив утраты Бога, мотив искушения, антиномия рай-ад, современная русская проза, Л. Бородин, повесть «Ловушка для Адама», новый Адам.

A.S. Parinova

TRANSFORMATION OF THE PLOT OF "THE DESTRUCTION OF PARADISE" IN MODERN RUSSIAN PROSE (BASED ON THE STORY OF L. BORODIN "THE TRAP FOR ADAM")

The plot of "the destruction of paradise" is updated in modern literature. Special attention deserves the transformation of the motives associated with it. "The Trap for Adam" L. Borodin's story have not only the motif of the loss of harmony and the sinless state of the modern world, which give hero the desire to start a new life, to become a new Adam. The motives of prohibition, treachery and temptation, the motive of the fragility of "paradise" come to the fore here. The writer builds a philosophical argument about modern person around them, ability or inability to find inner harmony with God and with himself.

Keywords: the plot of "the destruction of paradise", the motives complex of "paradise", the motive of "the loss of harmony", the motive of "the loss of God", the motive of "temptation", the antinomy of "paradise-hell", modern Russian prose, L. Borodin, the story "The trap for Adam", the new Adam.

Антиномия «рай-ад» существует в мировой литературе практически со времен её зарождения. Наполнение же данного комплекса мотивов и их интерпретация меняется постоянно. Это обусловлено множеством факторов, но наиболее важные изменения происходят в нём в зависимости от эпохи, в которой работает писатель.

Так, например, интересующий нас сюжет «разрушения рая» получает в русской литературе особенное звучание на рубеже XIX-XX века. Помещичья усадьба с садом, олицетворявшая «рай на земле», оказывается разрушенной временем из-за смены эпох, смены поколений людей. О.А. Богданова отмечает этот топос в прозе А.П. Чехова, Ф. Сологуба, Г.И. Чулкова, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева как «рай, в который нет и не может быть возврата, но который светит как эталон должного бытия, как родина всего лучшего в человеческой душе» [1; с. 111]. Разрушение прошлой,

иной жизни связано и с индивидуальным конфликтом: детство человека (героя или писателя) находится как правило в другой эпохе, возврата которой нет и быть не может. Это добавляет данному сюжету личного пафоса и трагичности, с ним сопряжен *мотив утраты*. Например, *мотив утраты присутствия Отца, мотив утраты гармонии, мотив утраты невинности, безгреховного состояния*.

Однако именно на рубеже XX-XXI века в российскую прозу возвращается сюжет «разрушения рая». На первый план в нём выходят другие мотивы: *мотивы коварства и искушения, гибельной тайны и запрета, мотив хрупкости и несовершенства рая*. В обоих случаях это две стороны одной и той же мифологемы ветхозаветного Эдема. Но в современной литературе появляется другой тип героя-повествователя, который сам становится разрушительным началом. Преемственность традиций классики XIX в современной литературе выражается в заимствованной типологии героев как «героев времени», но только в смешанном виде, включающего в себя черты и «лишнего», и «нового», и «ищущего» героя, героя-интеллекта, интеллектуала.

Таким является герой повести Л. Бородин «Ловушка для Адама». Действие в повести Л. Бородин происходит в России 90-х годов, автор подробно описывает быт и нравы этого времени. Он чувствует себя своим в бандитской среде, ему доверяют, его любят. Привычный уклад нарушает восточка из «иног» мира: «Сон, с которого все началось был о маме» [2; с. 4]. В монологе безымянного героя в самом начале повести на первый план выходит контраст между внешней уверенностью и внутренними сомнениями, порожденными ночными видениями молчаливого лица матери. После смерти она обречена вечно наблюдать за жизнью сына, таким образом становясь совестью героя, с её позиции он смотрит на свой путь, вспоминает то, как пришёл к тому, что стал бандитом, как принял в себе грехи и стал с ними сосуществовать: «Этот разговор происходил еще во времена Порядка. А когда с Порядком было покончено, то я полностью избавился от чувства дискомфорта, которое, несмотря на твердость мною принятых решений, всё-таки затаилось где-то между душой и желудком в виде крохотного, вяло шевелящегося змееныша. Я радостно выблевал его вместе с остатками гражданского чувства и захлебнулся воздухом свободы» [2; с. 9]. Единственное, что мешает ему жить счастливо и спокойно теперь - это «до разрыва печальное» лицо матери, являющееся во снах. Так обретенная им гармония с современным миром оказывается разрушенной.

Порядок и Свобода здесь – это смена эпох и форм управления страной, происходящая в 1990-е годы. В отличие от авторов литературы рубежа XIX-XX веков, Л. Бородин не даёт оценки этих изменений в обществе в рамках антиномии «ада-рая». Его внимание направлено на осмысление философских категорий Порядка и Свободы, которые априори даны человеку, поэтому предметом изображения становится не сама действительность и её проблемы, а взаимоотношения героя с миром, его внутренние поиски.

Оставшийся один в живых после нападения на их банду каких-то «черных теней», герой совершает побег из города. Но это бегство не столько «от», сколько «к». В повести контрастируют два топоса: мир реальный, исторический и мир мифологический. Однако оба они наделены райскими мотивами. С одной стороны, это город, в котором начинается действие, он не имеет названия, но противопоставляется столице, герой подчеркивает его древность, отдаленность от цивилизации, и то, что он «объективно хорош». Однако по-настоящему делает исключительным это место не столько его старина, сколько Озеро, которое для героя пространственно соединено с городом и отделяет его от дальних берегов: «от города не видны, горы и скалы, что по берегу не везде пройдешь – дикость первоприродная» [2; с. 10]. Эти «дальние» места сопровождает мотив изобилия: «из-за труднодоступности не загажены эти места, где рыбы, дичи, грибов и ягод, если не тьма, то уйма» [2; с. 10].

Он едет куда глаза глядят, пока не достигает Озера. Приближаясь к нему, герой ощущает счастье и радость «в каждой клетке и молекуле», «в воздухе и воде» [2; с. 20]. Но Озеро не принимает героя, воды отторгают его, жаждущего перерождения. Несмотря на боль он чувствует притяжение, его тянет туда: «в ту самую даль, что лежала на севере Озера и почему-то ждала меня с тем же нетерпением, с каким я стремился к ней» [2; с. 25].

Покинув свой мир при таинственных обстоятельствах, герой попадает на противоположный берег, отрезанный от города водной гладью, недоступный для большинства горожан. Он словно освобождается от времени и пространства, совершая свой «поход-побег», пытается начать жизнь сначала, называя себя Адамом. Внутренний конфликт героя, однако, это не разрешает. Об этом свидетельствует ужас в глазах матери, приснившейся герою уже после побега: «Словно она не меня видела, а мой разложившийся труп» [2; с. 26].

Первым, кого он встречает из людей является мужчина богатырского телосложения, называющий себя отец Викторий. Во время их разговора герой воспринимает его как сумасшедшего, обращает внимание на противоречивость его внешности и его учения: на громкий смех, козу рогатую, странную низкую избушку, зловонную лампаду и пьянящее молоко. Их дискуссия носит философский характер: они обсуждают второе пришествие, и Викторий заставляет Нового Адама почувствовать себя избранным.

Это сближает проблематику повести с проблематикой романов Ф.М. Достоевского. По мнению О.С. Сухих, главная проблема, объединяющая произведения этих авторов – «вопрос избранности тех людей, которые по библейским пророчествам будут спасены и счастливы в жизни вечной» [3; с. 263]. Однако Л. Бородин, работая в модернистском ключе, имеет возможность создать модель рая на земле и поместить туда «избранного» человека, «современного» Раскольникова, и таким образом он выводит тему на другой уровень.

Изначально намерения героя чисты, он отвергает «пушку», протянутую Отцом Викторием, при этом ощущая безграничную свободу и уверенность в своих силах и внутреннее «торжество»: «Я свободен. И свободой велик. Что будет, то будет, но моей волею, а не твоим вещанием. Так что бывай здоров и не чихай! Это мой путь, а не твой, сам пошёл, сам дойду...» [2; с. 31]. Он, желающий начать новую жизнь, провозглашает себя Новым Адамом.

Он предчувствует приближение «того самого» места, и это ощущение связано традиционными мотивами рая, не осознанными им самим в полной мере, но упомянутыми в описании окружающей действительности. Образ камня, встретившего Адама, напоминает фольклорный камень Алатырь; герой выглядывает из-за его «ребра грани», размышляя о ветхозаветных евреях и земле обетованной. Описание же самого «острова» также мифологично: лазурная бухта, скалами окаймленная долина, большая поляна, сытая корова, неторопливо гуляющие самодовольные куры, собаки – «жить-поживать, да добра наживать, и добро это было в яви» [2; с. 31] - подводит итог увиденному пришелец. Ощущение любви к жизни, спокойствия, доброй энергии заполняют героя, он чувствует себя словно в «благоднейшем месте планеты».

Семья, встреченная им здесь, также идеализируется, супруги Антон и Ксения поражают героя своей самобытностью, справедливостью и *порядком*. Описывая их в своем сознании, герой проводит параллель между ними и персонажами старинных русских сказок и былин: Адама поражает её светлотность и его мужественность и простота.

Подробно описано их жильё: изба из кедровых стволов, просторная кухня и большая комната, русская печь, обмазанная по-старинному коричневой глиной, самодельная мебель, иконы. Даже обнаруженное здесь оружие воспринимается героем исключительно как используемое для защиты, а не для нападения. Он испытывает восторг при осмотре каждой детали дома: будь то краюха хлеба или детский теремок Павлика.

Новый Адам восхищается этой семьёй, надеясь, что рядом с ними в нём самом проснутся лучшие его качества. Герой всё ещё жаждет перерождения, но его грехи вместе с тем никуда не исчезают, они находятся в нём и разрушают это «райское» место самим его присутствием здесь. Ложь, с которой он приходит в эту семью, воспринимается им как ложь во благо. Он выдумывает на ходу историю своей жизни, придумывает себе новое имя – всё это должно помочь герою начать жизнь с чистого листа. Однако именно с этого момента начинается разрушение этого сакрального места *порядка*, «рая на земле».

Молитва, произнесенная им вместе с семьёй, кажется герою освобождением матери от мучений, услышанный им звук, похожий на вздох женщины, был воспринят им как её облегчение. Автор показывает, что в этот момент герой эгоистично использует их семейный ритуал в собственных целях, при этом искренно не погружаясь в желание соединиться с Богом в молитве. Гордыня и тщеславие, с которым Адам, почувствовав себя богатырем, закидывает сено на потолочное перекрытие контрастирует с нежеланием Антона соперничать. Зависть к его смеху, к красоте его жены, к его спокойной и благой жизни приводит героя к осуждению этого человека, как не достойного этих благ.

Его мысли проносятся перед читателями, и в них нет света, радости, покаяния, а есть только ложь, злость, притворство и гордыня: «Чертов отрок тут же сунул мне в руки удочку и сумку, и я вынужден был принять вид лихого добывальщика пропитания» [2; с. 36]. Поучения Павлика о благодарности Богу воспринимаются Адамом с сопротивлением. Пытаясь это осмыслить, он приходит к

мысли о разладе между разумом, который жаждет изменения, и «душой или инстинктом», которые противятся, упираются и капризничают.

Когда же Адам отдаётся своему инстинкту, возжелав жену ближнего своего, он находится словно во сне, очнувшись от которого он обнаруживает себя в крови и понимает, что случилось непоправимое, что он пересек некую черту. Приход отца Виктория, победителя, объясняет, что именно совершил герой, он разрушил ЕГО число, что навсегда отменило второе пришествие. Адам осознает, что был избран для того, чтобы изменить мир, избавить его от Бога, освободить от ЕГО порядка: «Свобода! Ты теперь – самый великий революционер в истории» [2; с. 52]. Осознав это, он в ужасе убивает отца Виктория, после чего тот исчезает. Инфернальная сущность этого героя подтверждается и орудием убийства – это «один из топоришков Антона, которым он выказывал мёртвому дереву любовь к жене» [2; с. 53].

Получается, что внутренняя свобода современного человека разрушает идеальный мир, рай, в который попадает Адам. С одной стороны, свобода была дана ему Богом при его сотворении. С другой стороны, именно эта *свобода выбора* разрушает гармонию человека и рая, Ева и Адам совершают грех, поддавшись искушению. Грехи же Нового Адама: ложь, эгоизм, гордыня, похоть – все они также разрушают и этот смоделированный автором «рай». Осознание того, что человеку достаточно просто быть самим собой на уровне инстинкта, чтобы разрушить божий мир, спасти человечество от Бога, приводит героя и читателя в исступление.

Разрушает ли герой рай неизвестно, он в спешке покидает это место, осознав, что именно он является причиной раскола их семьи, их гармонии, как внешней (в отношениях), так и внутренней (в душе героев поселяется похоть, злость, ревность, страх).

Тем удивительнее, что в финале Озеро принимает, а не отвергает его, он чувствует чью-то помощь и поддержку («словно кто-то мягко подталкивает меня в живот») [2; с. 53]. Это демонстрирует зародившуюся веру героя в Бога, в его безграничную силу, в порядок, который им установлен, веру в то, что ЕГО число вовсе не разрушилось, что ничего еще не поздно.

Итак, мы видим, произошедшие изменения внутри мотивного комплекса рая при сохранении ветхозаветного сюжета его разрушения. Модернистское прочтение Л. Бородиным «Легенды о Великом Инквизиторе» направляет внимание читателя в чертоги человеческого разума. Это место становится единственно значимым, именно здесь происходит обретение или разрушение «рая» человеком.

Библиографический список

1. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX-XXI вв.: топика, динамика. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2019. – 288 с.
2. Бородин Л. И. Ловушка для Адама // Юность. 1994. № 9. С. 4–53.
3. Сухих О.С. Великий инквизитор XX века (традиции Ф.М. Достоевского в повести Л.И. «Ловушка для Адама») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 2 (1). С. 263–268.

References

1. Bogdanova O. A. Estate and dacha in russian literature of the xix-xxi centuries: topic, dynamics, mythology. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2019, 288 p.
2. Borodin L. I. Trap for Adam // Yunost. 1994. No. 9. pp. 4-53.
3. Sukhoi O. S. The Great Inquisitor of the twentieth century (the traditions of F. M. Dostoevsky in the story of L. I. Borodin "The Trap for Adam") // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. n.I. Lobachevsky. 2010. № 2 (1) .Pp. 263-268.

УДК 81'22

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения
Шаталова О.В.
Россия, г. Елец,
e-mail: shat_o_v@mail.ru
тел.: +79046822770*

*Yelets State University
named after I.A. Bunin
The chair of Russian language,
its teaching methods and records management
PhD, full professor
Shatalova O.V.
Russia, Yelets,
e-mail: shat_o_v@mail.ru
tel.: +79046822770*

О.В. Шаталова

ПРОБЛЕМЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПУБЛИЦИСТА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

В статье делается попытка охарактеризовать публицистику как среду объективации индивидуально-авторских интенций личности с целью формирования общественного мнения на примере обращения к исторически и социально значимым персоналиям XIX (В.Г. Белинский, А.Н. Добролюбов, А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.Г. Короленко и др). Закрепленность позиции публициста как личности, обладающей индивидуальным концептуальным представлением о действительности и способной выражать личностные интенции в соответствии с социально-политическими условиями развития общества и личными морально-нравственными представлениями, в XX веке подтверждается деятельностью (речевой реализацией) И.Г. Эренбурга, И.Л. Андроникова, В.А. Пескова, В.В. Овчинникова, Ю.А. Сенкевича и др. Прагматический анализ публицистической среды XXI века, основных параметров функционирования текста в современном медиа-дискурсе позволяет сделать вывод о нивелировании позиции публициста как уникальной в ее идейно-тематической и формально-языковой представленности.

Ключевые слова: публицистика, языковая личность, идиостиль, приоритетные языковые конструкции, медиа-среда.

O.V. Shatalova

PROBLEMS OF CHARACTERISTICS OF THE PUBLICIST'S LANGUAGE PERSONALITY: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

The article attempts to characterize journalism as an environment of objectification of individual authorial intentions of a person in order to form public opinion by the example of addressing historically and socially significant personalities of the XIX century (V.G. Belinsky, A.N. Dobrolyubov, A.I. Herzen, M.E. Saltykov-Shchedrin, V.G. Korolenko etc.). The anchoring of the position of the publicist as a person who has an individual conceptual idea of reality and is able to express personal intentions in accordance with the socio-political conditions of the development of society and personal moral ideas in the XX century is confirmed by the activities (speech implementation) of I.G. Ehrenburg, I.L. Andronikov, V.A. Peskov, V.V. Ovchinnikov, Y.A. Senkevich etc. A pragmatic analysis of the journalistic environment of the XXI century, the main parameters of the functioning of the text in modern media discourse allows us to conclude that the position of the publicist is leveled as unique in its ideological-thematic and formal-linguistic representation.

Key words: journalism, linguistic personality, idiosyle, priority linguistic constructions, media environment.

Публицистика как форма репрезентации общественной мысли и реализации личностной позиции в русской культуре развивалась в течение ряда веков. При этом – в зависимости от социально-политических и культурно-исторических условий – менялось представление не только о понятийной сущности публицистики, ее целях, но и об образе личности, выступающей в качестве носителя общественно значимых идей.

От древнерусского представления о философе-риторе, носителе религиозно-нравственных ценностей, формулирующем морально-идеологическую стратегию, к XIX веку сформировалось понимание о публицисте как личности, способной влиять на социально-культурную и духовно-нравственную жизнь народа. Основные идеологи публицистики II половины XIX века не всегда однозначно представляли идейную направленность публицистических выступлений: В.Г. Белинский говорил о публицистике как об особой сфере искусства [1; с. 127], тогда как, по мнению А.Н. Добролюбова, публицистика прежде всего должна решать актуальные общественные проблемы, давать «толчок общественному мнению... преобразовать его сообразно со своим» [Цит. по: 4, с. 82]. Таким образом, корректировалась и целевая аудитория: интеллигенция, способная воспринимать философско-нравственные сентенции и делать самостоятельные выводы из рефлексивных наблюдений публициста, считала именно В.Г. Белинского «идейным гуру», тогда как разночинная публика, сторонники активных социальных преобразований, ориентировались на радикально-прагматический стиль А.Н. Добролюбова.

Однако общим аспектом восприятия публицистики интеллигенцией оставалась целевая установка на активное вмешательство в социально-политическое и духовно-нравственное состояние общества посредством Слова. Личность публициста при этом оставалась одной из определяющих категорий, поскольку даже печатные издания воспринимались через призму авторского коллектива. В разряд исторических анекдотов (в лучшем смысле данного понятия) уже давно вошли ситуации противостояния редакций «некрасовского» «Современника» и «молодой редакции» «погодинского» «Москвитянина», личная реакция Николая I на статью И.В. Киреевского «XIX век», что можно считать почти официальным признанием влияния «четвертой власти», фраза Александра II, адресованная А.Н. Герцену, с шуточной угрозой о возможном прекращении подписки на «Колокол» в случае, если публицист не перестанет ругать императора.

Значимость для общества публикаций В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.К. Михайловского, Н.А. Бердяева позволила историку В.В. Зеньковскому охарактеризовать публицистику через понятие «теургическое беспокойство» [3; с. 299]. Состояние публицистики XIX века как среды, определяемой взглядами и деятельностью (словесной) выдающихся личностей, дополнительно выявляется и в том, что писатели, многие из которых уже тогда были признаны как классики, одновременно с созданием произведений художественной литературы активно выступали со статьями, рецензиями, «датскими» речами. В этом случае можно вспомнить И.А. Гончарова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко.

Обзорное обращение к публицистике XX века – при относительно объективном нивелировании конкретики идеологических взглядов и установок – позволяет также обозначить индивидуально-личностный характер публицистики: фельетоны М. Булгакова, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова – самостоятельная эра публицистик, отражающая и создающая интонацию времени. Тексты И. Эренбурга периода ВОВ едва ли не заучивались читателями наизусть, а послевоенные «Японские заметки» и «Индийские впечатления» воспринимались как единственно возможный взгляд на дальние страны по причине принадлежности их публицисту, которого знали все, бравшие в руки газету.

Советская публицистика II половины XX века, естественно, в силу определенных историко-политических установок, в том числе и конъюнктурных, которые впоследствии будут охарактеризованы как «застой», не отличавшаяся бурным характером социальных выступлений, была во много нейтральна и неярка. Однако в этот период развивается публицистика, которая по содержанию и по своим коммуникативным установкам может быть охарактеризована как просветительская, направленная на формирование определенного интеллектуального и духовно-нравственного контента, в рамках которого развивается личность – думающая, чувствующая, тонкая в восприятии мира в его ближайшей реализованности и одновременно в его вселенском и вневременном формате. Менторская интеллигентность Д.С. Лихачева, лиричная поэтичность В.А. Пескова, поликультурный универсализм В.В. Овчинникова и Ю.А. Сенкевича. Эти интенции, порожденные многогранностью и глубиной каждой из обозначенных личностей, воспринимались читателями и усваивались как некие культурно-нравственные ориентиры. Даже в том случае, когда публицистика переходила из печатно-вербального состояния в телевизионный формат, обрастая дополнительными факторами предоставления информации и репрезентации концептуальных идей, принципиальным оставался индивидуальный стиль, авторский почерк журналиста.

Естественно, обозначенная форма реализации публицистической позиции определялась, в первую очередь, языковыми характеристиками. Стиль каждого из названных (и других) выдающихся публицистов складывался не только из собственно лингвистических параметров (лексические и синтаксические приоритеты, предпочитаемые тропы и фигуры и пр.), но и из внешних – жанр, объем предлагаемого материала, манера коммуникативно-прагматической подачи материала, собственная интонация общения с адресатом / читателем, наличие / отсутствие иллюстраций, привлечение фоновых данных и пр.. Совокупность таких черт и определяла узнаваемый облик публициста (в современных научных исследованиях часто используется понятие *языковой личности*, что частично справедливо, но в условиях обсуждения проблем публицистики как среды требует идеологического и формально-ситуативного расширения).

Однако современная публицистическая среда, которая стремительно и бесповоротно включилась в состав глобальной медиа-среды, оказалась подчинена неким общим – медийным – тенденциям бытования и развития, правилам, которые определяются неким универсальным форматом. Понятие «формат издания» определяет фактически все аспекты публикуемого текста: от тематики до количества печатных знаков.

Даже в том случае, когда журналист ведет так называемую индивидуальную колонку, он ограничен формальными параметрами. На первый взгляд, в понятии объема не стоит видеть критичный фактор для реализации личности публициста: вспоминая о классическом «краткость – сестра таланта», даже сказать, что заданные жесткие условия способствуют выявлению наиболее талантливого в обращении со словом журналиста. По личному опыту общения с главными редакторами различных СМИ можем свидетельствовать, что даже в случае заинтересованности со стороны печатного издания автору изначально сообщается возможный объем публикации. (Заметим, что для телевизионных и Интернет-СМИ ситуация аналогична, только объем высказывания определяется не печатными знаками, а минутами эфирного времени: перед выступающим стоит задача соотношения своих личных особенностей мышления и речи с возможностью высказаться за ограниченный промежуток времени). Но определенный объем статьи предполагает, во-первых, некое соотношение с жанром: М. Кольцов, М. Зощенко – мастера фельетона, а В. Песков, Л. Пантелеев писали в основном очерки. В современных же условиях публицист, рассчитывающий на возможность публичного представления своего мнения, не имеет возможности свободного создания текста. Как правило, заданный объем достаточно небольшой, что объясняется динамичностью современной действительности и отсутствием возможности у адресата / читателя / слушателя / пользователя Интернет-контента уделять значительное время на ознакомление с текстом. Естественно, что «сокращаются» прежде всего «нефактические» компоненты текста: вводные слова, частицы, упрощаются синтаксические конструкции. А это во многих случаях те компоненты, которые способствуют индивидуализации авторского стиля речи. Приведем несколько примеров:

– вопросно-ответная форма изложения в выступлениях И. Эренбурга – это не только способ обратиться к читателю, но и возможность непрямого цитирования мнения оппонента, которое получает яркую пародийно-ироничную окраску [5];

– вставные конструкции, содержащие дополнительную по отношению к главному передаваемому факту информацию – инфосегменты, формируют специфическую историко-культурную атмосферу в текстах И. Андроникова, концептуальный фон [6];

– вводные конструкции, подчеркивающие общепризнанность передаваемой информации, позволяют Ю. Сенкевичу («На “РА” через Атлантику») обозначить подразумеваемый общий с читателем интеллектуально-эмоциональный контент [7].

Заметим, что приведенные лингвистические маркеры в речи выдающихся публицистов одновременно отражают определенные риторические категории, которые являются акцентными в речевом портрете говорящего, без чего невозможно формирование индивидуально-авторской манеры.

Естественно, что формальные критерии современной публицистической парадигмы не ограничиваются требованиями объема: общепризнанно влияние на публицистическую среду, фактически перешедшую в медийный формат, таких экстралингвистических условий, как «оперативность создания и потребления текста, периодичность, коллективное авторство» [2; с. 84], использование текстов-«первооснов» для компиляции и пересказа фактической информации.

Таким образом, на наш взгляд, происходит формальное нивелирование личности публициста не только как общественно значимой категории, но и как языковой категории, обладающей индивидуально-авторским стилем мышления и передачи информации.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. О критике и литературном мнении «Московского наблюдателя» // Полное собрание сочинений. Т. II. М., 1953.
2. Воеводин Ф.С. К вопросу о специфике языковой личности журналиста // Университетские чтения – 2016 (г. Пятигорск, 14-15 января 2016 г.). Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. С. 81-86.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х тт. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
4. Плавская Е.В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 4. С. 81-93.
5. Шаталова О.В., Щеулин В.В. И. Эренбург: синтаксический эскиз к речевому портрету // В лабиринте сознания, времени и языка: сб. статей в честь 80-летия профессора В.Г. Руделева. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 313-318.
6. Шаталова О.В. И.Л. Андроников: синтаксический эскиз к речевому портрету // Современное информационное пространство: коммуникация в рекламе и PR: материалы междунар. науч. конф. (9 апр. 2013 г.) / под общ. ред. М.В. Ягодкиной. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 110-115.
7. Шаталова О.В. Языковая личность публициста: риторический и стилистический канон (Ю. Сенкевич «На “РА” через Атлантику») // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2017. № 3. С. 128-136.

References

1. Belinsky V.G. On criticism and literary opinion of the «Moscow observer» // Complete collection of works. Moscow, 1953. Vol. II.
2. Voevodin F.S. On the question of the specifics of the linguistic personality of a journalist // University readings-2016 (Pyatigorsk, January 14-15, 2016). Pyatigorsk State Linguistic University, 2016. P. 81-86.
3. Zenkovsky V.V. The history of Russian philosophy. In 2 vol. Rostov-on-Don, 1999.
4. Plavskaya E.V. Journalism as a type of historical sources: the problem of definition // Bulletin of the RSUH. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies. 2008. Vol. 4. P. 81-93.
5. Shatalova O.V., Shcheulin V.V. I. Ehrenburg: syntactic sketch for a speech portrait // In the labyrinth of consciousness, time and language: a collection of articles in honor of the 80th anniversary of Professor V.G. Rudelev. Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2013. P. 313-318.
6. Shatalova O.V. I.L. Andronikov: a syntactic sketch for a speech portrait // Modern information space: communication in advertising and PR: materials of the international scientific conference (April 9, 2013) / under the general editorship of M.V. Yagodkina. St. Petersburg: LSU named after A.S. Pushkin, 2013. P. 110-115.
7. Shatalova O.V. Linguistic personality of a publicist: rhetorical and stylistic canon (Y. Senkevich «RA» across the Atlantic») // Bulletin of SFU. Philological sciences. 2017. Iss. 3. P. 128-136.

УДК 801.3=82(045/046):26

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Студент 4 курса,
направление «Журналистика»
Уразова А.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication
Bulgakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

4th year student,
direction "Journalism"
Urazova A.A.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова, А.А. Уразова

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ РАССКАЗА А. ПЛАТОНОВА «МАТЬ» («ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ»)

В данном исследовании представлен анализ автобиографических мотивов в рассказе А. Платонова «Мать», известном также под названием «Взыскание погибших». А. Платонов – известный русский писатель 20-го века, проживший достаточно сложную жизнь, что не могло не отразиться на произведениях, создаваемых автором. Но особое внимание среди всего литературного наследия, оставленного А. Платоновым – сюда входит и проза, и драматургия, и публицистика, и пр., – на наш взгляд, привлекают особенности введения автором в тексты своих произведений автобиографических мотивов. Нам стало интересно проанализировать влияние Великой Отечественной войны на создаваемые писателем тексты. Известно, что А. Платонов уже в 1942 году добровольцем ушел на фронт рядовым и вскоре стал военным журналистом, фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». В период войны отдельным изданием трижды выходил его рассказ «Одухотворенные люди», были напечатаны еще три сборника прозы: «Рассказы о Родине», «Броня» (1943), «Взыскание погибших» («Мать»), «В сторону заката солнца» (1945). Полагаем, что рассказ «Мать» является одним из самых показательных с точки зрения влияния ВОВ на творчество писателя. Завершая рассмотрение рассказа А. Платонова «Мать», известного также под названием «Взыскание погибших», с целью выявления автобиографических мотивов в этом произведении, мы пришли к выводу, что для А. Платонова как для автора характерен автобиографический подход. Писатель, создавая этот рассказ и тесно переплетая его со своей биографией, пытался донести до читателя, что необходимо сохранять в сердцах людей память, покаяние и любовь; это важно для жизни в целом, поскольку, с точки зрения А. Платонова, духовным фундаментом русского человека является вера и покаяние.

Ключевые слова: А. Платонов, биография, война, художественный текст, военный корреспондент.

N.B. Bugakova, A.A. Urazova

AUTOBIOGRAPHICAL MOTIVES OF A. PLATONOV'S STORY "MOTHER" ("RECOVERY OF THE DEAD")

This study presents an analysis of autobiographical motives in A. Platonov's story "Mother", also known as "Recovery of the Dead". A. Platonov is a famous Russian writer of the 20th century, who lived a rather complicated life, which could not but affect the works created by the author. But special attention among all the literary heritage left by A. Platonov - this includes prose, drama, journalism, etc. - in our opinion, is attracted by the peculiarities of the author's introduction of autobiographical motifs into the texts of his works. It became interesting for us to analyze the impact of the Great Patriotic War on the texts created by the writer. It is known that A. Platonov volunteered for the front as an ordinary soldier in 1942 and soon became a military journalist, a front-line correspondent of the newspaper Krasnaya

Zvezda. During the war, his story "Spiritual People" was published three times in a separate edition, three more collections of prose were published: "Stories about the Motherland", "Armor" (1943), "Recovery of the dead" ("Mother"), "TOWARDS Sunset" (1945). We believe that the story "Mother" is one of the most revealing from the point of view of the influence of the Second World War on the writer's work. Concluding the review of A. Platonov's story "Mother", also known as "Recovery of the Dead", in order to identify autobiographical motives in this work, we came to the conclusion that A. Platonov as an author is characterized by an autobiographical approach. The writer, creating this story and closely intertwining it with his biography, tried to convey to the reader that it is necessary to preserve memory, repentance and love in the hearts of people; this is important for life in general, because, from the point of view of A. Platonov, the spiritual foundation of the Russian person is faith and repentance.

Keywords: A. Platonov, biography, war, literary text, war correspondent.

Андрей Платонович Климентов – писатель, известный читателю под фамилией Платонов, родился 28 (16) августа 1899 года. Фамилию он сменил в 1920-х годах, образовав ее от имени отца, Платона Фирсовича Климентова, слесаря железнодорожных мастерских в слободе Ямской города Воронежа. Жизнь писателя не была беззаботной, на его долю выпали тяжелые испытания, в том числе и смерть единственного и горячо любимого сына [1]. Все эти события не могли не отразиться в творчестве А. Платонова, особенностям которого посвящено немало исследований. В частности, изучением произведений А. Платонова занимались А. Варламов [2], Н.В. Корниенко [3], И.И. Матвеева [4], В.Г. Арсланов [5], О.Г. Ласунский [6], Г.Ф. Ковалев [7], Т.А. Никонова [8]. Нам стало интересно проанализировать влияние Великой Отечественной войны на создаваемые писателем тексты. Известно, что в годы ВОВ А. Платонов был военным корреспондентом. Жизненная ситуация складывалась таким образом, что с началом Великой Отечественной войны писатель с семьей эвакуировался в Уфу, где вышел сборник его военных рассказов «Под небесами Родины». Но уже в 1942 году он добровольцем ушел на фронт рядовым и вскоре стал военным журналистом, фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». Несмотря на то, что Платонов заболел туберкулезом после того, как пролежал ночь, засыпанный землей, он не оставил службу вплоть до 1946 года. В период войны отдельным изданием трижды выходил его рассказ «Одухотворенные люди», были напечатаны еще три сборника прозы: «Рассказы о Родине», «Броня» (1943), «Взыскание погибших» («Мать»), «В сторону заката солнца» (1945).

Полагаем, что рассказ «Мать» является одним из самых показательных с точки зрения влияния ВОВ на творчество писателя.

Стоит начать с того, что у рассказа «Мать» есть и второе название – «Взыскание погибших». На первый взгляд может показаться, что речь идет о розыске людей после войны. И в рассказе действительно касаются данного вопроса. А. Платонов описывает ситуацию, когда фашисты захоронили людей нагими в братской могиле. Когда их найдут... если их найдут, если крест из двух веток, сделанный Дуней не сломается, даже так определить личности погибших будет уже невозможно. Да и некому их, скорее всего, будет к тому времени оплакивать. О чём упомянула сама Евдокия Петровна, героиня рассматриваемого рассказа: «Я им крест из двух веток связала и поставила, да это ни к чему: крест повалится, хоть ты его железный сделай, а люди забудут мертвых...» [9].

Но есть и другое толкование данного названия. «Взыскание погибших» – это также именование иконы Пресвятой Богородицы, с которой рассказ «Взыскание погибших» связан духовными узами. И рассказ, и икона – это скорбный реквием дому и погибшей семье. Пред иконой матери молятся за своих погибающих детей. Молитва за усопших – это и есть взыскание погибших. А икона «Взыскание погибших» обладает чудодейственной силой. Подобное название, выбранное автором для рассказа как второе, отсылает нас как к христианству, так и снова говорит нам об основной теме, проходящей по всему рассказу, о материнстве.

Христианские мотивы можно заметить в словах главной героини Марии Васильевны: «Глубоко отрыли-то? Ведь голых, зябких хоронили, глубокая могила была бы потеплее!..» [9].

В православии принято облачать погибших, ведь на церковно-славянском языке умерший человек – усопший, или уснувший. А уснувший может чувствовать. Поэтому Мария Васильевна искренне считает, что её детям будет холодно в неглубокой могиле без одежды.

Само произведение было написано в 1943 году. Через девять месяцев после того, как умер сын Андрея Платоновича. На тот момент Платону Андреевичу было всего двадцать один год. Он заболел туберкулезом после тюремного лагеря, в котором пробыл около двух лет. В документах ОГПУ–НКВД–НКГБ А. Платонов говорил о смерти сына: «Я чувствую себя совершенно пустым человеком,

физически пустым, вот есть такие летние жуки. Они летают и даже не жужжат. Потому что они пустые насквозь. Смерть сына открыла мне глаза на мою жизнь. Что она теперь моя жизнь? Для чего и кого мне жить. Советская власть отняла у меня сына — советская власть упорно хотела многие годы отнять у меня и звание писателя. Но моего творчества никто у меня не отнимет. Они и теперь-то печатают меня, скрипя зубами. Но я человек упорный. Страдания меня только закаляют» [2].

И тут уже можно провести параллели с Марией Васильевной, и её состоянием после смерти своих детей. Все они были уже взрослыми, как и сын Андрея Платоновича: «Матвею-то сколько ж было? — двадцать третий шел, а Василию двадцать восьмой. А дочке было восемнадцать, теперь уж девятнадцатый шел бы, вчера она именинница была...» [9]. Само состояние матери, потерявшей в ходе войны всех своих детей, хорошо прописано автором, что и сам пережил потерю единственного сына: «Она не имела страха и не остерегалась никого, и враги ее не повредили. Она шла по полям, тоскующая, простоволосая, со смутным, точно ослепшим, лицом. И ей было все равно, что сейчас есть на свете и что совершается в нем, и ничто в мире не могло ее ни потревожить, ни обрадовать, потому что горе ее было вечным и печаль неутолимой — мать утратила мертвыми всех своих детей. Она была теперь столь слаба и равнодушна ко всему свету, что шла по дороге подобно усохшей былинке, несомой ветром, и казалось — ее влечет вперед лишь ветер, уныло бредущий по дороге ей вслед» [9].

Наконец, сама героиня. Её имя идентично имени матери Андрея Платоновича. Мария Васильевна становится не просто матерью, она — олицетворение Богородицы в земном обличии. И Платонов утверждает, что она совершенно не одна подобна Божьей матери: «В жизни бывает этот смутный отчужденный свет на лицах людей, пугающий зверя и враждебного человека, и таких людей никому непосильно погубить, и к ним невозможно приблизиться. Зверь и человек охотнее сражается с подобными себе, но неподобных он оставляет в стороне, боясь испугаться их и быть побежденным неизвестной силой» [9].

Платонов с осени 1942 года по осень 1944 работал военным корреспондентом. Вероятно, на своих заданиях он не раз и не два видел матерей, подобных Марии Васильевне. Оттого и красноармеец в самом конце не кажется чужим человеком. В нём чувствуется сам автор. Словно бы Андрей Платонович увидел эту женщину. Он не встречался с ней ранее, не знал её имени. Но говорит: «Чьей бы ты матерью ни была, а я без тебя тоже остался сиротой» [9].

Может, главная героиня имела совсем другую историю. Может, у неё было другое имя, другое лицо. Но в каждой женщине, утратившей семью, он видел свою мать. Платонов считал, что материнская любовь, любовь к своему ребёнку — это что-то свыше. Именно эта любовь помогает Марии Васильевне пройти через опасные зоны, где ведутся военные действия, мимо врагов, что не понимали и не принимали этой «человечности» на лице женщины. Именно из-за этой любви Дуня продолжает жить. Жить за своих детей. И эту страждущую любовь Платонов может увидеть, почувствовать. И именно по этой причине он и видит в каждой подобной Марии Владимировне женщине свою родную маму.

Таким образом, завершая попытку выявления автобиографических мотивов в рассказе А. Платонова «Мать» («Взыскание погибших»), можем сделать вывод, что писатель, создавая этот рассказ и тесно переплетая его со своей биографией, пытался донести до читателя, что необходимо сохранять в сердцах людей память, покаяние и любовь; это важно для жизни в целом, поскольку, с точки зрения А. Платонова, духовным фундаментом русского человека является вера и покаяние.

Библиографический список:

1. Бугакова Н.Б. Аспекты изучения ономастики А. Платонова / Н.Б. Бугакова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 62.
2. Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 308.
3. Корниенко Н.В. Платонов А. Герой нашего времени // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 7 / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 512-520.
4. Матвеева И.И. «Резцом эпох и молотом времен...». Судьба и творчество Андрея Платонова / И.И. Матвеева. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 182 с.
5. Арсланов В.Г. «Третий путь» Андрея Платонова: Поэтика. Философия. Миф. СПб.: Владимир Даль, 2019. — 558 с.
6. Ласунский О.Г. Литературные раскопки / О.Г. Ласунский. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. С. 201-240.

7. Ковалев Г.Ф. Автобиографизм ономастики в произведениях А. Платонова // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции / сборник материалов международной научной конференции. – Воронеж, 2019. С. 147.

8. Никонова Т.А. Роман А.Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2004 . С. 3-4.

9. Платонов А. Мать (Взыскание погибших). Режим доступа: <http://militera.lib.ru/prose/russian/platonov1/06.html> (дата обращения 23.03.21)

References:

1. Bugakova N.B. Aspects of the study of onomastics by A. Platonov / N.B. Bugakova // Topical issues of modern philology and journalism. 2021. No. 1 (40). p. 62.

2. Varlamov A.N. Andrey Platonov. M.: Molodaya gvardiya, 2013. p. 308.

3. Kornienko N.V. Platonov A. Hero of our time // "The Land of Philosophers" by Andrey Platonov: Problems of creativity. Issue 7 / RAN. In-t world Lit. im. A.M. Gorky. - Moscow: IMLI RAS, 2011. pp. 512 - 520.

4. Matveeva I.I. "The chisel of epochs and the hammer of times...". The Fate and creativity of Andrey Platonov / I.I. Matveev. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2019. 182 p.

5. Arslanov V.G. "The Third Way" by Andrey Platonov: Poetics. Philosophy. Myth. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2019. 558 p.

6. Lasunsky O.G. Literary excavations / O.G. Lasunsky. Voronezh, Central Chernozem Book Publishing House, 1972. Pp. 201-240.

7. Kovalev G.F. Autobiographism of onomastics in the works of A. Platonov // Andrey Platonov and artistic searches of the twentieth century: problems of reception / collection of materials of the international scientific conference. Voronezh, 2019. p. 147.

8. Nikonova T.A. A. Platonov's novel "Chevengur": the author's position and contexts of perception: interuniversity collection of scientific papers. Voronezh, 2004 . Pp. 3-4.

9. Platonov A. Mother (Recovery of the dead) / A. Platonov. Access mode: <http://militera.lib.ru/prose/russian/platonov1/06.html> (accessed 23.03.21)

УДК 811

*Дальневосточный федеральный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации
Бутенина Е.М.
Россия, г. Владивосток,
e-mail: butenina.em@dvfu.ru*

*Far Eastern Federal University
Chair of linguistics and
intercultural communication
Dr. of Philology, Professor
Butenina E.M.
Russia, Vladivostok
e-mail: butenina.em@dvfu.ru*

Е.М. Бутенина

ЭМИГРАНТСКАЯ ПРОЗА КАК «ВЕРИФИКАТОР» ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье современная эмигрантская проза рассматривается как инструмент для уточнения, или «верификации», отдельных теоретических положений межкультурной коммуникации. В частности, примеры из художественных и автобиографических текстов эмигрантов из России и Китая анализируются в рамках концепций Эдварда Холла о невербальной (хронемика и проксемика) и вербальной коммуникации (высококонтекстные и низкоконтекстные культуры), а также в рамках ценностных измерений Герта Хофстеде. Материал эмигрантской прозы показывает, как длителен процесс адаптации и усвоения инокультурных норм. При этом практически любая адаптационная ситуация многомерна и позволяет одновременно обсудить стереотипы и ценности, особенности национальных характеров и картин мира, стадии культурного шока и фазы аккультурации и при этом высветить дискуссионные положения теории, на которых стоит остановиться в отдельной работе.

Ключевые слова: эмигрантская проза, межкультурная коммуникация, Э. Холл, хронемика, проксемика, измерения Г. Хофстеде.

Е.М. Butenina

ÉMIGRÉ WRITING AS A TOOL OF 'VERIFYING' INTERCULTURAL COMMUNICATION THEORY

This paper discusses émigré writing as a tool of 'verifying' intercultural communication theory. In particular, examples from fiction and autobiographies by émigré authors from Russia and China are analyzed in terms of Edward Hall's concept on nonverbal (chronemics and proxemics) and verbal communication (high context and low context cultures) as well as Geert Hofstede value dimensions. This material demonstrates how time consuming the process of adaptation to a different culture is. Besides, any adaptation case is multidimensional and allows to discuss stereotypes and values, national characters and worldviews, culture shock stages and acculturation phases, while discovering some disputable points of the theory that deserve attention in another paper.

Key words: émigré writing, intercultural communication, E. Hall, chronemics, proxemics, Geert Hofstede.

Межкультурная коммуникация изначально формировалась как прикладная область, поэтому для уточнения, или «верификации», отдельных теоретических положений этой дисциплины, особенно в практике ее преподавания, целесообразно обращаться к современной эмигрантской прозе. В данной статье этот подход реализуется на примере работ Эдварда Холла и Герта Хофстеде. Практическим материалом служит художественная и автобиографическая проза эмигрантов первого и второго поколения из России и Китая. Анализируемые примеры, наряду со многими другими, представлены в качестве заданий в авторском учебнике «Практикум по межкультурной коммуникации» [1].

Американский антрополог Эдвард Холл, основатель теории межкультурной коммуникации, обратился к ее невербальной составляющей еще в одной из первых своих книг, «Беззвучный язык» (*The Silent Language*, 1959), где рассматривал особенности восприятия времени (хронемика) и пространства (проксемика) в разных культурах. В этой книге Холл вводит понятие монохронизма и

называет монохронной (*monochronic*) американскую культуру, для которой характерно выполнение одного дела за один отрезок времени (*one thing at a time*) [2; с. 178]. Во второй книге, «Скрытое измерение» (*The Hidden Dimension*, 1966), исследователь вводит термин для нелинейного восприятия времени и такие культуры называет полихронными. Хотя Холл довольно подробно изучал жизнь индейцев навахо и хопи, в качестве примера он упоминает только южноевропейские и латиноамериканские полихронные культуры [3; с. 173-174].

Более полувека спустя о восприятии времени индейцами на основе личного опыта общения с ними написал в своих эссе русско-американский филолог и культуролог Александр Генис: «Белые считают время часами, индейцы считают, что времени вообще много. Приходить на работу в определенный час да еще каждый день кажется им, как, впрочем, и большинству моих литературных знакомых, непосильным бременем» [4]. Интересно и точно сопоставление индейской и русской культуры, для которой тоже характерен полихронизм, в «богемной» литературной среде находящийся, очевидно, максимальное проявление.

Во второй книге Холл развивает понятие проксемики и выделяет четыре дистанции (с близкой и дальней фазой внутри каждой), определяющие степень близости коммуникантов: интимная (от касания до 18 дюймов), личная (от 1,5 до 4 футов, расстояние вытянутой руки, предел физического доминирования), социальная (от 4 до 12 футов, расстояние двух вытянутых рук, комфортна для профессионального и светского общения) и общественная (от 12 футов, не предполагает непосредственного контакта) [2; с. 118-125]. Напомним, что фут составляет примерно 30 см.

Значимость различных дистанций в межкультурном общении можно пронаблюдать, например, в рассказе «Разговоры на автобусной остановке» Лары Вапняр (уроженки Москвы, а в данный момент – жительницы Нью-Йорка и успешной англоязычной писательницы). Вапняр описывает ежеутренний ритуал проводов детей в школу на остановке автобуса, где собираются родители разного этнического происхождения. По негласному правилу они разделяются на три группы, которые отличает проксемика (термин Холла): англоязычные матери занимают площадку «шириной около восьми футов», то есть соблюдают социальную дистанцию, русскоязычные матери стоят в «нескольких футах» от них, что тоже не исключает социальной дистанции, а китайские матери «собираются на другой стороне улицы» [5], и это уже общественная дистанция, исключающая возможность непринужденного общения. Никто из китайской группы не переходит улицу и не делает попытку установить контакты за пределами своей диаспоры. В русской группе смельчаки находятся, но получают порицание остальных. Так на примере освоения пространства писательница демонстрирует особенности межкультурной адаптации в мультиэтнической среде.

В своей третьей знаменитой книге «За пределами культуры» (*Beyond Culture*, 1976) Холл обращается к вербальной коммуникации и акцентирует понятие контекста, на основе которого выделяет высококонтекстные (*high context*) и низкоконтекстные (*low context*) культуры [6; с.105-116]. В высококонтекстных культурах словом выражается далеко не вся информация, и гораздо важнее паравербальные (интонация, паузы) и собственно невербальные (жесты, мимика) компоненты коммуникации. В некоторых случаях вербальное выражение даже противоположно смыслу, заложенному говорящим. Главным образом, это культуры стран Востока и некоторые культуры Запада, например, Англия. В низкоконтекстных культурах, напротив, информация максимально вербализуется, что характерно для коммуникативного стиля стран Северной и Западной Европы, США, Канады.

В романе китайско-американской писательницы, эмигрантки второго поколения Эми Тан, «Клуб радости и удачи» (1989) диалог неподготовленных представителей двух этих разных коммуникативных культур приводит к неприятной ситуации. Дочь впервые приглашает в дом жениха-американца, и мать-китаянка, гордящаяся своим кулинарным искусством, предлагает гостю угощение с такими словами: «Аяй! Это блюдо недостаточно соленый, нет запах <...>. Слишком плохой, чтобы есть» [7; с. 223]. Безусловно, ни одна хозяйка и тем более представительница восточной культуры, для которой так важно сохранение лица, не предложит блюдо, которое «слишком плохой, чтобы есть». Женщина имеет в виду прямо противоположное: блюдо удалось, она им гордится, но сдержанность, определяющая коммуникацию китайцев, не позволяет ей сказать об этом напрямую. Американец же трактует её высказывание буквально и, со свойственным его культуре деятельным подходом, сразу же «исправляет» ситуацию: «Не беда, нужно только добавить капельку соевого соуса, – и, к мамину ужасу, Рич вылил целое озеро темной соленой жидкости в блюдо прямо у нее на глазах» [там же]. В одноименной экранизации романа (1993, режиссер Уэйн Ван) ужас матери и дочери вы-

ражается на их лицах очень красноречиво. При обсуждении этого эпизода со студентами стоит отметить, как важно предугадывание и моделирование ситуаций в межкультурной коммуникации: дочери нужно было предупредить своего спутника об особенностях вербального общения в культуре ее родителей.

В эмигрантской прозе можно найти материал и для обсуждения ценностной теории известного нидерландского социолога Герта Хофстеде. На основе опроса многочисленных сотрудников компании IBM в разных странах Хофстеде выработал систему из шести измерений, позволяющих сопоставлять многие культуры с помощью обновляемого инструмента на сайте исследователя. Так, одно из измерений, избегание неопределенности, выявляет отношение культуры к новизне или, другими словами, степень ее консервативности. У России этот показатель составляет 95 единиц из 100 (для сравнения: в США он составляет 46 единиц).

Очень наглядно русское «избегание неопределенности» описано в эссе «Опять о новом» А.К. Жолковского, проживающего в США с 1980 года. В эссе известный филолог приводит разговор со старшим коллегой незадолго до своего отъезда:

- Из Вашей аргументации явствует, что «новое» у Вас ассоциируется с «хорошим»?
- А у Вас нет?
- Нет. Мне новое внушает страх.

Далее Жолковский замечает, что только в Новом Свете понял своего коллегу и «по-настоящему прочувствовал дрожь, охватившую Акакия Акакиевича при слове “новую”» [8; с. 152] (у героя Гоголя «затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться»). Можно сказать, что данные о консервативности русской культуры тоже «вышли» из гоголевской «Шинели».

Другое измерение Хофстеде оценивает степень потворства своим желаниям, то есть готовность посвящать время досугу. В США этот показатель составляет 68 единиц, а в России – 20, что позволяет определить нашу культуру, наряду, например, с китайской (24), как «сдержанную». На материале китайской культуры этому можно найти подтверждение в автобиографии сино-американки второго поколения Эми Чуа «Боевой гимн матери-тигрицы» (2011). В своей книге она показывает, как пыталась сохранить суровые китайские принципы в воспитании детей и какое яростное сопротивление это вызывало с их стороны. Успешная в профессиональной жизни женщина подчеркивает первостепенную значимость воспитания в семье китайских родителей и свою «неамериканскость», поэтому, в частности, замечает: «Правда в том, что я не умею радоваться жизни. Я веду массу списков разных дел и ненавижу массаж и отпуск на Карибах» [9; с. 121].

Проза эмигрантов, отражающая личный опыт освоения новой культуры, служит бесценным материалом для понимания интракультурного и интеркультурного общения. Материал художественной и автобиографической прозы эмигрантов из России и Китая, культуры которых очень сильно отличаются от культуры США, показывает, как длителен процесс адаптации и усвоения новых норм даже для представителей второго поколения. При этом практически любая адаптационная ситуация, описанная эмигрантами, многомерна и позволяет одновременно обсудить стереотипы и ценности, особенности национальных характеров и картин мира, стадии культурного шока и фазы аккультурации и при этом высветить дискуссионные положения теории, на которых стоит остановиться в отдельной работе.

Библиографический список

1. Бутенина Е. М., Иванкова Т. А. Практикум по межкультурной коммуникации: учебник и практикум для вузов. М: Юрайт, 2021. 184 с.
2. Hall E.T. The silent language. New York: DoubleDay & Company, 1959. 240 p.
3. Hall E.T. The hidden dimension. New York: Anchor Books, 1966. 218 p.
4. Генис А. Письма русского путешественника из Канады. Архив 1997–2004. 24.05.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204427.html> (дата обращения 27.03.2021).
5. Varnyar L. The Talk of the Bus Stop // The New York Times. Jan. 25, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/25/nyregion/new-york-observed-the-talk-of-the-bus-stop.html> (дата обращения 27.03.2021).
6. Hall E.T. Beyond culture. New York: Anchor Books, Doubleday, 1989. 299 p.
7. Тан Э. Клуб радости и удачи / пер. О. Савоскул. М.: АСТ, 2016. 416 с.
8. Жолковский А.К. Звезды и немного нервно: мемуарные виньетки. М.: Время, 2008. 317 с.
9. Чуа Э. Боевой гимн матери-тигрицы / пер. Е. Щербаковой. М.: АСТ, Corpus, 2013. 288 с.

References

1. Butenina E.M., Ivankova T.A. Practical course on intercultural communication. M.: Yurait, 2021. 184 p.
2. Hall E.T. The silent language. New York: Anchor Books, Doubleday, 1959. 241 p.
3. Hall E.T. The hidden dimension. New York: Anchor Books, Doubleday, 1966. 218 p.
4. Genis A. Russian traveler's letters from Canada. Archive of 1997–2004. 24.05.2011. [Internet source]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204427.html> (date of application: 23.03.2021).
5. Vapnyar L. The Talk of the Bus Stop // The New York Times. 2004. Jan. 25. [Internet source]. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/25/nyregion/new-york-observed-the-talk-of-the-bus-stop.html> (date of application: 23.03.2021).
6. Hall E.T. Beyond culture. New York: Anchor Books, Doubleday, 1989. 299 p.
7. Tan A. The joy luck club: a novel / tr. by O. Savoskul. M.: AST, 2016. 416 p.
8. Zholkovsky A.K. The stars and a little nervous: memoir vignettes. M.: Vremya, 2008. 317 p.
9. Chua A. Battle hymn of the tiger mother / tr. by E. Sherbakova. M.: AST, Corpus, 2013. 288 p.

УДК 811.35

Дагестанский государственный педагогический университет кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой дагестанских языков Россия, г. Махачкала e-mail: uzlipat066@mail.ru

Dagestan State Pedagogical University Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the department of Dagestan Languages Russia, Makhachkala e-mail: uzlipat066@mail.ru

П.М. Габидуллаева

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАБИБА АЛИЕВА

В статье проводится анализ заимствованных слов из русского языка в художественной прозе даргинского писателя Хабиба Алиева. Отмечается, что все заимствования относятся к тематическим разделам: «Общество» и «Человек». Наибольшее количество составляют существительные. Попав в даргинский язык, русские слова, как и все другие заимствования, полностью ассимилировались. Они стали изменяться по правилам морфологии этого языка. Однако становится очевидным то, что писатель использует заимствованные слова из русского языка лишь в случае острой необходимости.

Ключевые слова: даргинский язык, русизмы, заимствования, художественная проза, тематические группы, существительные, глаголы, прилагательные, лексика.

P.M. Gabibullayeva

THEMATIC GROUPS OF BORROWINGS FROM THE RUSSIAN LANGUAGE IN WORKS OF KHABIB ALIYEV

The article analyzes the borrowed words from the Russian language in the fiction of the Dargin writer Khabib Aliyev. It is noted that all borrowings belong to the thematic sections: "Society" and "Man". The largest number are nouns. Once in the Dargin language, Russian words, like all other borrowings, were completely assimilated. They began to change according to the rules of the morphology of this language. However, it becomes obvious that the writer uses borrowed words from the Russian language only in case of urgent need.

Key words: Dargin language, Russianisms, borrowings, fiction, thematic groups, nouns, verbs, adjectives, vocabulary.

По данным исследователей, значительную часть словарного состава даргинского языка составляют заимствования из русского языка. Их проникновение началось в XIX в. и было обусловлено установившимися в дальнейшем экономическими, политическими и культурными отношениями. Этот процесс происходил вместе с заимствованием самих предметов и понятий, до этого не имевшихся у даргинцев. И, естественно, он имеет свои особенности.

Отметим, что в заимствованиях из русского языка в даргинский наметились два этапа: дореволюционный и советский. Оба существенно отличаются. Заимствования дореволюционного этапа проникали исключительно путем устного общения, так как на тот период даргинский язык не имел письменности. Они малочисленны, ввиду недоступности русской грамоты для даргинцев. Имеются и достаточно серьезные расхождения между произношением этих заимствований и написанием в языке-источнике. Основная масса заимствований из русского языка в даргинский дореволюционного периода связана с общественно-политической лексикой.

В разговорную речь местных жителей в малом количестве проникали слова домашнего обихода: *истакан* «стакан», *пабрика* «фабрика», *устул* «стол», *урус* «русский» и т.д. В таких заимствованиях из русского языка происходили изменения фонетического и морфологического характера, так как при освоении русских слов, не характерных для даргинского языка, звуки заменялись на

близкие по звучанию. Трудными оказались звуки русского языка: [ф], [о], [ы], [ш]. Указанные звуки отсутствуют в исконном даргинском языке. Соответственно, они заменялись звуками [п], [у], [и], [ш]. Например: *фабрика – пабрика, дежурный – дежурний, тонна – туна* и т.д.

Здесь также встречаются случаи замены русских смычных [к], [д] даргинскими абруптивами: *доярка – доярк1а, доход – дахут1* и т.д.

Поясним, что после Октябрьской революции происходит массовое проникновение русских слов не только в даргинский, но и во все дагестанские языки. Новые понятия образовательной, научной, административной, культурной жизни активно заимствуются. Тем более, что русский становится для многонационального Дагестана языком межнационального общения. Постепенно им овладевают все. За основу литературных языков принимается русская графика. Именно через русский язык происходит проникновение множества интернациональных слов в даргинский. Этот процесс продолжается и в настоящее время.

Русские заимствования выражают самые разнообразные понятия и активно используются в печати и устной речи местного населения. В первую очередь, это понятия культурного, научного и общественно-политического характера.

Укажем, что в последнее время русизмы проникают во все сферы жизни даргинцев. Однако явления новой действительности, чему способствует и развитие научно-технического прогресса, порою вынуждают вводить заимствования в даргинский язык, в том числе и в художественную литературу [1; с.398]. Исследователи считают, что примерно 20 % словарного состава даргинского языка составляют заимствования из русского языка. Однако еще не выяснен качественный состав таких проникновений.

В художественных произведениях даргинского писателя Хабиба Алиева наблюдаются разные заимствования иностранных слов. Большое место занимают заимствования-понятия.

В данной работе мы делаем попытку изучить лексику прозы Х. Алиева с целью выявления в ней заимствованных русских слов.

По нашим подсчетам, в рассказах и повестях писателя встречается достаточное количество заимствований из русского языка. К примеру, в повести «Лес старого Кади» почти в каждом предложении наблюдается по 1-2 слова из русского языка: *Кьиблала шайчирад ахъти, гьал километр-лацад гьарахъли уздит1унти шурми сари, бях1личи бикайчи бях1яни сирмугла, мигла вац1урбани, мях1яулла, дургла кьадубани к1апкадарити. Лесхозла директорличила сари, чичила сари дик1адалли Кьадила пикруми. Лаг ч1икьбит1унси гьуни гьамбируси машинала чиргьмани шаладариб* [2; с.123].

Эти слова проникли в даргинский язык в середине XX века. Интересно, что в составе заимствованных слов много интернационализмов: *доктор, коммунист, космос, автомат*.

Интересен обзор заимствований в прозе писателя по частям речи. Как стало известно, преобладают существительные. Они встречаются чаще всего в исходной форме, т.е. в именительном падеже единственного числа. Все русские заимствования изменяются по падежам согласно законам даргинского языка. В некоторых случаях встречаются прилагательные или глаголы с даргинскими словообразовательными элементами. Глаголы русского языка используются вместе с вспомогательными глаголами: *отказбарес* - отказ + барес букв. «сделать» (вспомогательный глагол дарг.яз.) «отказать». Носителем основного лексического значения остается русское слово.

Даргинский язык заимствовал из русского языка суффиксы *-ев, -ова, -ович, -овн-*, с помощью которых образуются даргинские фамилии и отчества: *Саидович, Саидовна, Мусаев и т.д.*

В этой связи Мусаев М-С.М. отмечает, что «попадая в даргинский язык, русские слова, как и все другие заимствования, полностью ассимилировались и в морфологическом отношении. Они изменяются по законам даргинской морфологии. При переходе в даргинский язык, все русские слова потеряли способность принадлежать, как в русском языке, к тому или иному роду, поскольку в даргинском языке отсутствует категория рода» [4; с.43].

Заимствованные русские слова, встречающиеся в прозе Х. Алиева, представим по двух тематическим группам.

1. Тематическая группа «Общество». Внутри данной группы выделено еще несколько подгрупп: «Здравоохранение» (*больница, укол, операция, лаборатория, палата, анализ, гимнастика, массаж, санитар, хирург, справка*); «Образование» (*школа, класс, журнал, ученик, грамматика, ма-*

тематика и т.д.), «Административное дело» (*совхоз, колхоз, контора, бухгалтер, экономист, счетовод* и т.д.) [3; с.12].

2. Тематическая группа «Человек». Внутри данной группы выделяются подгруппы, связанные с профессией, родом деятельности, внешним видом, одеждой, продуктами и т.д. Например: *шофер, директор, председатель, секретарь, учитель, доктор, пальто, плащ, шляпа, костюм, коньяк* и др. [3; с.19].

Оказывается, что среди заимствованных русских слов значительное место в прозе писателя занимают и слова, обозначающие различные понятия, которые трудно объединить в тематические группы. В основном это некоторые наименования меры и количества, названия бытовых предметов и т.п. Например: *авария, асфальт, багаж, адрес, билет, посылка, вагон, поезд* и т.д.

Таким образом, к заимствованиям из русского языка писатель прибегает лишь в необходимых случаях. Отметим, что почти всегда новое слово применяется в контексте художественного произведения без перевода или пояснения. Изменения встречаются лишь в редких случаях.

Библиографический список

1. *Гасанова У.У.* Родной язык в поликультурном пространстве // Мир науки, культуры и образования.г. Горно-Алтайск.2018.№ 5.С.398-399.
2. *Алиев Хабиб.* Лес старого Кади. Махачкала, 1988.
3. *Алиев Хабиб.* Пора листопада. М.: Советская Россия, 1989.
4. *Мусаев М-С.М.* Лексика даргинского языка. Махачкала, 1978.

References

1. *Aliev Habib.* The forest of the old Cadi. Makhachkala, 1988.
2. *Aliev Habib.* It's time for listopada. M.: Sovetskaya Rossiya, 1989.
3. *Gasanova U.U.* Native language in the multicultural space //The world of science, culture and education.Gorno-Altaiisk. 2018. No. 5. pp. 398-399.
4. *Musaev M-S. M.* Lexika darginisky yazyk. Makhachkala, 1978.

УДК 811.342.2+811.512.1

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
кандидат технических наук,
доцент кафедры гидрогазодинамики трубопроводных систем и гидромашин
Латыпов Ф.Р.
Российская Федерация,
Республика Башкортостан, г. Уфа
e-mail: vei10@yandex.ru
мобил. телефон: 8-91-91-48-48-64

Ufa State Petroleum Technical University,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor
Department of Fluid Dynamics of
Pipeline Networks and Fluid Machinery
Latypov F.R.
Russian Federation, Republic of
Bashkortostan, Ufa
e-mail: vei10@yandex.ru
teleph. 8-91-91-48-48-64

Ф.Р. Латыпов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИБЕРИЙСКОГО ТЕКСТА PICO-AJOS II A, СВЯЗАННОГО С ПОДГОТОВКОЙ НЕОПЫТНЫХ БОЙЦОВ К РЕАЛЬНЫМ СРАЖЕНИЯМ

В статье рассматривается один из текстов, составляющих письменное наследие древнейшего населения Пиренейского полуострова. Текст относится к III-I вв. до н.э., когда на полуострове более двухсот лет полыхала непрерывающаяся война. Одним из способов психо-эмоциональной поддержки местного населения на тот период было изготовление и распространение «мэриями» иберийских городков «успокоительных рекомендаций» среди горожан, начертанных на металлических пластинах (древняя ближневосточная традиция). На основе метода дешифровки ПЭКФОС, автор статьи, опираясь на свой многолетний опыт анализа подобных текстов, представляет свой вариант интерпретации содержания рассматриваемой надписи.

Ключевые слова: иберийские письма Испании, метод дешифровки древних текстов ПЭКФОС, психологическая поддержка населения во время войны в античную эпоху.

F.R. Latypov

INTERPRETATION OF THE IBERIAN TEXT FROM PICO-AJOS II A REFERRED TO TRAINING OF UNSKILLED WARRIORS FOR REAL BATTLES

This paper considers one of the texts that constitute the writing heritage of the most ancient population in the Iberian Peninsula. The text is dated back to the 3rd-1st centuries BC, when the permanent war in the peninsula had been raging for more than two hundred years. One of the ways for psycho-emotional support of the local population at that time was the manufacturing of «soothing letters» disseminated by administrations of Iberian settlements among their residents. These letters were inscribed on metal plates (ancient Near-East tradition). Using the CECAPF deciphering method (*consecutive etymological* and *combinatorial approximation with phonetic feedback*), the author of this paper gives his own interpretation of the content of the inscription under consideration based on the long-term experience in analyzing such texts.

Key words: Iberian writings in Spain, CECAPF method for deciphering ancient texts, psychological support of the population during the war in antiquity.

Роль Пиренейского полуострова в истории человечества трудно переоценить. С XV века полуостров стал источником мощного пассионарного потока носителей европейской культуры, которые распространились потом по многим частям света, особенно в Западном полушарии, дав начало большому миру Латинской Америки. Где, в какие времена закладывались основы гордого испанского духа, менталитета? Каковы особенности становления этой третьей по очередности появления (после Древних Греции и Рима) полуостровной цивилизации, берущей начало еще в античности и носившей название Иберия?

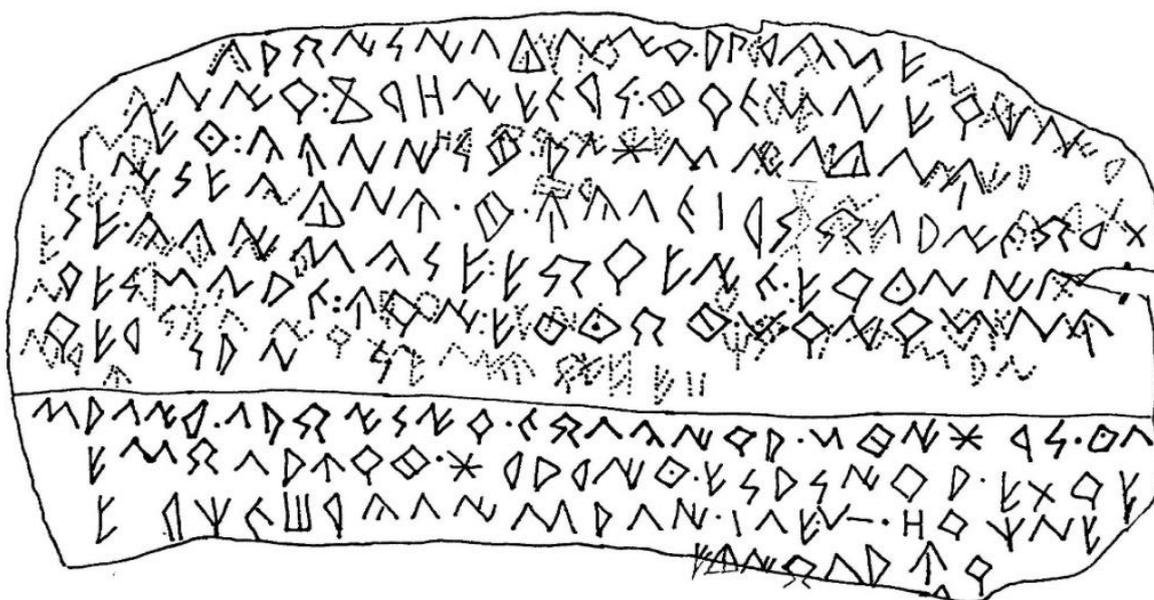
Так сложилось, что в IV-I вв. до н.э. Иберия стала местом столкновения двух нарождающихся

империй – Карфагена и Древнего Рима [1]. И основное количество иберийских письменных источников, начертанных на металлических пластинах (их более 200) [2], на поверхностях декорированных ваз, бытовой посуде [3], каменных надгробных стел приходится на период III-I вв. до н.э.

В названный период на Пиренейском полуострове полыхала непрерывающаяся война (две Пунические войны, война по завоеванию Иберии Римом, гражданская война уже внутри Римской империи (между Цезарем и Помпеем) и др.).

В 2010-2020 гг. мы уже изучили большую группу иберийских надписей, найденных вблизи городка Пико-де-лос-Ахос (Pico de los Ajos в провинции Валенсия). Оказалось, там речь идет об организации главного военно-спортивного праздника иберов «Келти-Белеш», на котором молодые бойцы оттачивали свое боевое искусство и готовились к будущим реальным сражениям, где им предстояло отстаивать независимость своей страны и право на развитие своей национальной культуры и духовного мира.

В конце 2020 года наше внимание привлекла, ранее не изученная нами, иберийская надпись, начертанная на свинцовой пластине Пико-де-лос-Ахос II А. На рисунке ниже мы приводим прорисовку этой надписи, выполненную испанскими исследователями [4; с. 74].



Прорисовка надписи Пико-де-лос-Ахос II А, выполненная испанскими исследователями [4; с. 74]

Глядя на это замысловатое полу-алфавитное (медиа-левантинское [5]) письмо может возникнуть вопрос – как нам удалось интерпретировать содержание этой надписи, ведь иберийские тексты, как и многие доримские и до греческие тексты античного Средиземноморья считаются непереводаемыми. Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в предысторию изучения подобных надписей Древнего Средиземноморья.

Во-первых, иберийские языки Пиренейского полуострова (их носители зафиксированы в исторических анналах с III тыс. до н.э.) ныне включены в круг наиболее вероятных, родственных между собой, древнейших неиндоевропейских языков Средиземноморья: минойского, этрусско-тирренского, сардского (о. Сардиния), ретского (предгорья Альп в Швейцарии), иберийских (турдетанского, эдетанского, илергетского и др.), пиктско-бриттских (Шотландия, Уэльс) и др. Эти языки эпохи неолита предшествовали появлению греческого (XII в. до н.э.) и романо-кельтских (VIII в. до н.э.) языков на Европейском континенте.

Бывшая когда-то популярной гипотеза о родстве баскского (тоже неиндоевропейского языка) и иберийских языков, летом 2020 года была полностью отмечена американскими учеными после фронтального многопозиционного сопоставления этих языков на современном компьютере, построенному по принципу нейронных сетей [6].

Во-вторых, выход на иберийские тексты в наших исследованиях начался не на пустом месте, а на базе родственного с иберийскими языками, этрусского языка еще в 1977 году.

Опираясь на сведения, почерпнутые из архаической латыни (самые ранние надписи на нем обнаружены на римском Форуме и относятся к V в. до н.э.), где этрусский язык называется **turcorum**, и на сведениях излагаемых в Ветхом завете священного писания христиан Библии (там мифический прорицатель Иезекиил описывает многочисленные тюркские племена **tag-ar-ma** на территориях нынешнего Ливана и Сирии), зная о большой доле ближневосточных элементов в культурах как этрусков так и иберов, а также учитывая фреквентальные фоноэволюционные процессы в языках мира, в 1979 году нами была сформулирована *фоноэволюционная пратюркская гипотеза* и разработан метод дешифровки текстов, выполненных на древних неиндоевропейских языках Средиземноморья. В дальнейшем этот метод получил наименование ПЭКФОС (*последовательное этимологически-комбинаторное приближение с фонетической обратной связью*).

В 1981 году на основе метода ПЭКФОС нам удалось перевести 2/3 самого протяженного этрусского текста, нанесенного на льняные бинты этрусской мумии из Среднего Египта (в такие бинты было завернуто тело молодой этрусской девушки (в этом тексте, обозначаемом как TLE 1, она фигурирует как **xiś cis**), принесенной в жертву верховному богу этрусского пантеона **Tin gir**).

О содержании этого текста нами было доложено на всесоюзной этрускологической конференции в 1983 году в Эрмитаже в Ленинграде [7], [8].

В 1988 году в Хорватии в Загребе были опубликованы данные о физико-химических исследованиях (в лабораториях Австрии и Словении [9]) тела и бинтов названной мумии. Мы тогда сразу же поехали в Загребский Археологический музей для ознакомления с указанными данными. При чтении соответствующих отчетов и ознакомлении с телом самой мумии, были обнаружены пять фактов, подтверждающих наш перевод 1981 года. Об этом мы доложили на международном этрускологическом коллоквиуме в Москве (ГМИИ им. А.С. Пушкина) в мае 1990 года [10], [11]. Таким образом на сегодняшний день разработанный нами метод дешифровки ПЭКФОС является единственным методом, подтвердившим свою верификативность реальными фактами.

Далее, в период 1981-2020 гг. нами были получены переводы наиболее протяженных этрусских, минойских и тирренских текстов [11].

В 2008 году при изучении иберийского текста на свинцовой пластине из Ла-Серрета-де Алькой обнаружили и подтвердились факты генетического родства этрусского и иберийского языков [9]. Были выявлены и основные различия между сравниваемыми языками. Например, в системе местоимения: этрусск. **mi** «я» ~ иберийск. **ban** «я». Иберийский язык оказался фонетически более продвинутым в эволюционном плане [9], так как иберы значительно больше испытывали социальных потрясений, чем вольготно, в господствующем положении, проживавшие на Апеннинском полуострове этруски.

В период 2008-2020 гг. нами были переведены и наиболее протяженные иберийские тексты, обнаруженные на востоке Испании начиная с юга от Андалусии, заканчивая на севере южным побережьем Франции (Ансерюна-Ауде, Печ Махо) [12]. Таким образом, к началу перевода иберийского текста Пико-Ахос II А, мы имели базовый фонд родственных неиндоевропейских лексем Западного Средиземноморья более 700 единиц и располагали сведениями по большинству грамматических форм иберийских диалектов. Это позволило нам также правильно произвести разбивку сплошного иберийского текста (уж очень не любили они ставить слово разделительные точки) на отдельные лексемы, что является большой головоломкой для испанских коллег.

Итак, учитывая все выше сказанное, в конце 2020 года на основе метода дешифровки ПЭКФОС нами был получен (построчно) такой перевод иберийского (опять-таки военной направленности) текста Пико-Ахос II А:

1. Не имеют обычно тенденции (привязанности **beisil**) духи (**dunir**) в бранные предметы (**abirca**) вселяться (одеваться **gie-nir**), (а только) в созданные небесные конструкции (**coroi ekers**), в живые организмы (**terkeci**), те, что Бог **Tin** (создал),
3. (а) это (**icu**) (в частности) воспламеняющий (**cau-**) сознание и тело (**an-bošil**) дух (**dunu**) да (**te**) и
4. низший (**baisel**) дух (**dunu**). Начитанные (**ucalke**) же (люди) все знают две (**ike**) эти разновидности (вселенского духа).
5. Исходя из этого (поэтому **se**), прячущие (**case**) (от исторических перипетий) головы

- (**calís**, восточ.-семит. **callä** «голова») люди осуждались всегда (**ebereke** ~ казан.-тюрк. **ïäberlängä**- «осуждались»), боящиеся (труссы – «низшедшие от страха» **ercu nine**).
6. Победный (**ginake**) клич (**arés**) в сражениях (**urí**) убивает страх (**ercu**) и (**v.**) гасит тягу к злобе, вражде, мщению (**cinu**).
 7. **fer ...** (очищает ?) ... **san** душу (этриск. **scan** «душа»).
 8. Жертвоприношение (**salir**) (пленных ?), встречающиеся кое-где (**kebel-cai-ra**), как правило (**beisir**), под собой не имеет тупую злобу, и поэтому быстро забывается, потом даже вспоминается с юмором (**cu-**
 9. **leś**), так как воспринимается как необходимые жизненные невзгоды (**urte**). Это (**bo**) (остаточные воспоминания) редко (**raricu**) наблюдаются (**esasiira**). Обычно же следует (**etafe**)
 10. быстрое (**erti**) перманентное удаление (этих воспоминаний) (**ketorcali**), особенно, после жертвоприношений малого (**bale**) и среднего (**ortine**) количества.
 11. Опытный (истинный ?) (**edui**) знаток (много участвовавший в битвах ?) (**belaur**).

Из полученного перевода (он все-же ближе к интерпретации чем к дословному переводу, так как для некоторых древних понятий нет в современных языках аналогий), можно сделать следующие выводы:

1. Текст Пико-Ахос II А как бы дополняет серию надписей Пико-Ахос I (А, С, D), II (В), III (А, В), посвященных в основном пропаганде положительных сторон военно-спортивного праздника иберов «Келти-Белеш» [13, 14]. В тексте П.-А. II А основной упор делается на выработку философского отношения к такому явлению человеческой жизни как смерть. Аналогичная постановка вопроса была и у этрусков [15]. В рассмотренном тексте дается «психологическая подпорка» молодым воинам при участии в таком мероприятии как принесение в жертву богу **Tin gir** военнопленных;

2. В тексте П.-А. II обнаруживаются такие лингвокультурные универсалии человеческого бытия как **du-nu** «ду-х» (тюрк. **ty-n**), **san** «душа» (тюрк. **jan**), **coro-** «сооружать, создавать конструкцию» (тюрк. **qyr-**, англ. **Creator** «Создатель»), **uca-** «читать, учить» (тюрк. **uqu-** «←//→»), русск. **уч-ить**;

3. Несмотря на рекомендацию в тексте спокойно относиться к жертвоприношению части военнопленных, в то же время сквозят «нотки гуманизма»: «... чтобы гасить в себе тягу к злобе, вражде, мщению». Высокий стиль текста обеспечивается заменой чисто иберийских слов на заимствования из древних восточно-семитских (аккадский и др.) языков, что типично и для патетики этруских религиозных текстов [16]: **calís** «головы» вместо ибер. **baś** «головы», **baisel** «низкий» вместо ибер. **tuben** (этриск. **tupi** «внизу, на дне, в Преисподне» [6; с. 61]), **cinu** «злоба, вражда, мщение» вместо ибер. **us-al**.

Библиографический список

1. Арибас Антонио. Иберы. Великие оружейники железного века / Пер. с англ. Е.Б. Межевитинова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 190 с.
2. Латыпов Ф.Р. Элементы этнопедагогике иберов, нашедшие отражение в надписях на свинцовых пластинах и в граффити на поверхностях декорированных ваз. Уфа: Полиграфдизайн, 2019. 136 с.
3. Латыпов Ф.Р. Интерпретация содержания иберийских надписей на бытовой посуде (на основе метода ПЭКФОС) // Проблемы востоковедения. 2019. № 4. С. 77-83.
4. Textos ibericos del Museo de Prehistoria de Valencia, serie de trabajos varios, num 81. Valencia: Diputacion provincial de Valencia, 1985. 131 p.
5. Hinarejos Benjamin Collado. Los íberos y su mundo: Madrid: Ediciones Akal, S. A., 2014. 269 p.
6. В МТИ нейросеть научилась расшифровывать забытые языки [Электронный ресурс]. habr.com/news/t/524480 (дата обращения 16.02.2021).
7. Латыпов Ф. Р. Пратюркские черты этрусского языка в связи с ностратической теорией // Кратк. тез. докл. науч. конф.: Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Л., 1983. С. 55-57.
8. Латыпов Ф.Р. Фрагменты текста Загребской мумии об обряде человеческого жертвоприношения (IV в. до н.э., Египет): тайные замыслы этрусской элиты // Проблемы востоковедения. 2014. № 3. С. 87-91.
9. Liber linteus Zagradiensis // Vjesnik archeološkog muzeja u Zagrebu, 3 serija, vol. XIX. Zagreb: Poseban otisak, 1987. 106 s.
10. Латыпов Ф. Р. Загребская мумия – возможный свидетель апофеоза этрусского обряда человеческого жертвоприношения (результаты обследования тела мумии в августе 1988 г. в сопоставлении с пратюркским чтением текста пелены в 1981 г.) // Тез. докл. междунар. коллоквиума: Этрусски в их связи с народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. С. 42-44.

11. Латыпов Ф.Р. Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов на русский, английский и итальянский языки. Уфа: Полиграфдизайн, 2014. 152 с.
12. Латыпов Ф.Р., Авзалов А.Х. Рекомендательные фразы для лекаря и некоторые характеристики состояния больного в иберийской инструкции на свинцовой пластине из Ансерюны // X Междунар. науч.-метод. конф.: Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: РИК УГАТУ, 2018. С. 167-182.
13. Латыпов Ф.Р. Организация, зрелищные моменты и оценка значимости иберийского национального праздника «Келти-Белеш», отраженные в серии надписей на свинцовых пластинах из Пико-де-лос-Ахоса // Сб. статей по материалам XXXIX Междунар. науч.-практич. конф.: Культурология, филология, искусствоведение: Актуальные проблемы современной науки, № 10 (31), октябрь 2020 г. Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2020. С.35-42.
14. Латыпов Ф.Р. Культурные традиции и лингвистические особенности языков тюркских народов Поволжья-Урала и Казахстана, находящие соответствия в иберийских текстах I D, III B из Пико-де-лос-Ахоса при описании праздника «Келти-Белеш» // Сб. матер. науч. конф.: Диалог культур Запада и Востока через призму единства..., Алматы 28 марта 2019 г. Алматы: ИИиЭ им. Ч. Ч. Валиханова, Ком. НПО и ОН Респ. Казахстан, 2019. С. 26-35.
15. Мавлеев Е.В. Смерть в Этрурии. Психофизиологический аспект // Сфинкс и мифология бытия, памяти Е.В. Мавлеева. М.: ИЦ «Полет Джонатана», 2012. С. 719-723.
16. Латыпов Ф.Р. Пять восточно-семитских заимствований в экспрессивной этрусской надписи-рекламе для *exeθai* «прекрасных юношей» на арибалле Пупт из Цере // Матер. II Междунар. науч.-метод. конф.: Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: Издат. УГАТУ, 2010. С. 283-289.

References

1. Arribas A. The Iberians. Great Armourers of the Iron Age. London, 1964. Russian edition: Arribas, Antonio. Ibery. Velikie oruzheyniki zhelezno go veka /Transl. from English by E.O. Mezhevitinov. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2004. 190 p.
2. Latypov F.R. Elements of Iberian Pedagogy Reflected in the Inscriptions Made on Lead Plates and as Graffiti on the Surfaces of Ornamented Vases. Ufa: Poligraf dizayn, 2019. 136 p.
3. Latypov F.R. Meaning Interpretation of Iberian Inscriptions on Household Utensils (based on CECAPF method) // The Problems of Oriental Studies Journal, 2019, no 4 (86). p. 77-83.
4. Textos ibericos del Museo de Prehistoria de Valencia, serie de trabajos varios, num 81. Valencia: Diputacion provincial de Valencia, 1985. 131 p.
5. Hinarejos Benjamin Collado. Los iberos y su mundo: Madrid: Ediciones Akal, S. A., 2014. 269 p.
6. In Massachusetts Institute of Technology, the neural network has learnt to decipher texts from long lost languages. [Internet source]. habr.com/news/t/524480 (дата обращения 16.02.2021).
7. Latypov F.R. Parent Turkic Features of the Etruscan Languages in Connection with the Nostratic Theory. Leningrad: The State Hermitage, 1983. p. 55-57.
8. Latypov F.R. Fragments of the Zagreb Mummy's Texts about the Human Sacrifice Ritual (4th Century BC, Egypt): Secrets Intentions of the Etruscan Elite // The Problems of Oriental Studies Journal, 2014, no 3 (65). p. 85-91.98.
9. Liber linteus Zagradiensis // Vjesnik archeološkog muzeja u Zagrebu, 3 serija, vol. XIX. Zagreb: Poseban otisak, 1987. 106 s.
10. Latypov F.R. Zagreb Mummy as a Possible Witness of the Etruscan Human Sacrifice Rite Apotheosis (the Mummy's Body Examination Results obtained in 1988 compared to the Parent Turkic Reading of the Mummy's Winding Sheet in 1981) // Abstracts from Reports at the International Colloquium: Etruscans in Their Connection with the Mediterranean Peoples. Moscow: The Pushkin State Museum of Fine Arts, 1990. p. 42-44.
11. Latypov F.R. General Evidence, Major Groups of Words and Literal Translations of the Longest Texts into Russian, English and Italian. Ufa: Poligraf dizayn, 2016. 152 p.
12. Latypov F.R., Avzalov A.H. Advisory Phrases for Healer and some Characteristics of Patient Condition in the Iberian medical manual Inscribed on the Lead Plate from Enseruna // The X Internat. Science and Metodolog. Conf.: Theory and Practice of Language Communication. Ufa: Ed. by USATU, 2018. p. 172-176.
13. Latypov F.R. Organization, Spectacular Moments and Relevance Assessment of the Iberian «Kelti-Belesh» National Festival reflected in a Series of Inscriptions on Lead Plates from Pico de los Ajos // Collected works based on the proceedings of the 39th International Science & Research Conference «Culturology, Philology, Art Criticism: Topical Issues of Modern Science», no 10 (31), Octob. 2020. Novosibirsk: Ed. by ООО «СибАК», 2020. p. 35-42.
14. Latypov F.R. Cultural Traditions and Linguistic Features of the Languages of Turkic Peoples from the Volga-Urals and Kazakhstan That Find Their Correspondences in the Iberian Texts I D, III B from Pico de los Ajos When Describing the «Kelti-Belesh» Festival. Proceedings of the Scientific Conference: The Dialogue of Western and Eastern Cultures through the Prism of Unity..., Almaty, March 28, 2019. Almaty: Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, 2019. p. 26-35.
15. Mavleev E.V. Death in Etruria. Psychophysiological Aspect // Sphynx and the Mythology of Being, in commemoration of E.V. Mavleev. Moscow: E.C. «Poliot Djonatana», 2012. p. 719-723.
16. Latypov F.R. Five Eastern Semitic Lexical Borrowings in the Expressive Etruscan Advertising for *exeθai* «fair youths» on the Poupé ariballus from Caere. Ufa: Ed. by Ufa State Aviation Technical University (USATU), 2010. p. 282-289.

УДК 802.0

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 38 имени Е.А. Болховитинова, учитель русского языка и литературы
Пигунова К.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail:kseniyapigunova@mail.ru*

*Municipal budgetary educational Institution secondary general education school with advanced study of individual subjects No. 38 named after E. A. Bolkhovitinov, teacher of Russian language and literature
Pigunova K. V.
Russia, Voronezh,
e-mail: kseniyapigunova@mail.ru*

К.В. Пигунова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОСОБОГО ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Роман Е.Г. Водолазкина «Лавр» - заметное и интересное в художественном отношении произведение современной литературы. В нем нашли взаимодействие разные тенденции повествовательной стратегии, а именно реализм, модернизм и постмодернизм, которые получили индивидуально-авторское воплощение в особой стилистике романа. Повествование берет свое начало в средневековой Руси, когда христиане находятся в ожидании конца света, предполагаемого в 1492 году. Именно в это время мы застаем центрального героя романа Арсения (позже – Устина, Амвросия, Лавра) ребенком, после «морowego поветрия» и гибели родителей поселившегося в доме своего деда Христофора, травника и местного врача. По словам самого Е. Водолазкина, главный герой романа - время. Пространство Древней Руси, на котором разворачивается история жизненного пути целителя, его любви и подвижничества – не более, чем событийный фон, который необходим для передачи главной сути романа, о которой мы можем лишь косвенно догадываться, пока она не прозвучит в устах итальянского предсказателя Амброджо: «мне всё больше кажется, что времени нет». Позже читатель вернется к этой мысли, погрузившись в видение предсказателя, в котором Франческа Флеккиа не случайно развивает теорию относительности Эйнштейна, говоря о феномене более «простым, доступным языком». Интерес к категориям пространства и времени, возникший в ходе проведенного нами исследования, не случаен. В романе «Лавр» Евгений Водолазкин применяет различные формы интертекста, в основном используя их для достижения эффекта своего рода путешествия во времени. Роман, отдавая дань постмодернистской традиции, представляет собой полотно, сотканное из цитат и аллюзий самого различного характера, которые, в свою очередь, являются проводниками читателя из одного времени в другое, делая, таким образом, пространство текста многомерным.

Ключевые слова: Евгений Водолазкин, «Лавр», современная литература, постмодернизм, реализм, интертекстуальность, время, пространственно-временной континуум, Древняя Русь

К. V. Pigunova

INTERTEXTUALITY AS A WAY TO CREATE A SPECIAL SPACE-TIME CONTINUUM IN THE NOVEL "LAURUS" BY EVGENY VODOLAZKIN

E. G. Vodolazkin's novel "The Lavr" is a notable and artistically interesting work of modern literature. It interacted with various trends of narrative strategy, namely realism, modernism and postmodernism, which received an individual author's embodiment in a special style of the novel. The story originates in medieval Russia, when Christians are waiting for the end of the world, expected in 1492. It is at this time that we find the central character of the novel Arseny (later – Ustin, Ambrose, Lavr) as a child, after the "pestilence" and the death of his parents, who settled in the house of his grandfather Christopher, an herbalist and a local doctor. According to Ye. Vodolazkina, the main character of the novel - time. The space of Ancient Russia, where the story of the healer's life path, his love and asceticism unfolds, is nothing more than an event background that is necessary to convey the main essence of the novel, which we can only indirectly guess at until it sounds in the mouth of the Italian fortune teller Ambrogio: "it seems to me more and more that there is no time". Later, the reader will return to this thought, plunging into the vision of the predictor, in which Francesca Flecchia does not accidentally develop Einstein's theory of relativity, speaking about the phenomenon

in a more "simple, accessible language". The interest in the categories of space and time that arose in the course of our research is not accidental. In the novel "Lavr" Evgeny Vodolazkin uses various forms of intertext, mainly using them to achieve the effect of a kind of time travel. The novel, paying tribute to the postmodern tradition, is a canvas woven from quotations and allusions of a very different nature, which, in turn, are the guides of the reader from one time to another, thus making the space of the text multidimensional.

Keywords: Evgeny Vodolazkin, "Lavr", modern literature, postmodernism, realism, intertextuality, time, space-time continuum, Ancient Russia

«Пространство» и «время» – категории с размытым содержательным наполнением. О постоянном их переосмыслении свидетельствует вся история человечества. Все существующие модели мира, в том числе индивидуально-художественные, отражают нерасторжимое единство времени и пространства. Для обозначения их неразрывной связи, воплощенной в художественном тексте, используются термины «хронотоп» (преимущественно в литературоведении) и «континуум» (в лингвистике текста).

Континуум как особая категория художественного текста играет исключительно важную роль в организации его содержания и в отображении представлений автора об устройстве мира. При этом пространство и время, неотделимые друг от друга в реальности, в тексте также воплощаются в их нерасторжимом единстве. В то же время практический литературоведческий анализ этих категорий предполагает их рассмотрение по отдельности. Позднейшие исследователи, не отказываясь от идеи неразрывного взаимопроникновения пространства и времени в художественном произведении, тем не менее, склонились к выделению и обособлению пространства именно в силу его художественно-образительной самостоятельности, тогда как время в этом плане вынуждено прибегать к пространственному опосредованию.

Если рассматривать отдельный текст как определенный пространственно-временной континуум, мы приходим к выводу, что явление интертекстуальности есть соприкосновение разноуровневых пространственно-временных плоскостей, точкой пересечения которых становится заимствованный текстовый элемент. На сегодняшний день понятие «интертекстуальное пространство» не является самостоятельным и общепринятым, тем не менее, само явление существует и рассматривается как некое «смысловое поле», представляющее собой бескрайнюю совокупность культурных кодов, смысловых систем и всех существующих предтекстов. В лингвистике практикуется синонимизация понятий «интертекстуальное» и «семантическое» пространство.

Время – основополагающий фактор существования феномена интертекстуальности. Категоризация «прошлое» - «будущее» позволяет устанавливать вертикальные связи между текстами, идентифицировать заимствованные, зафиксированные ранее элементы. Во вневременном пространстве явление интертекстуальности представляется одновременно невозможным, но в то же время и идеально возможным. Парадокс заключается в том, что при отсутствии категорий «прошлое-настоящее-будущее» невозможна классификация «предшественник» - «последователь», значит, само определение форм интертекста, а именно аллюзии и цитаты, включающее в себя наличие прецедентного источника, становится в таком случае абсурдным. Однако следует учесть, что, по мнению Р. Барта, каждый текст является интертекстом, абсолютного претекста не существует, а все заимствования лишь формальны. Так как каждый текст рождается из общего многообразия кодов, то пространство «вне времени» делает межтекстовость понятием естественным, обыденным фактом, а также снимает проблему выявления вертикальных отношений между текстами.

Интерес к категориям пространства и времени, возникший в ходе проведенного нами исследования, не случаен. В романе «Лавр» Евгений Водолазкин применяет различные формы интертекста, в основном используя их для достижения эффекта своего рода путешествия во времени. Роман, отдавая дань постмодернистской традиции, представляет собой полотно, сотканное из цитат и аллюзий самого различного характера, которые, в свою очередь, являются проводниками читателя из одного времени в другое, делая, таким образом, пространство текста многомерным.

Повеествование берет свое начало в средневековой Руси, когда христиане находятся в ожидании конца света, предполагаемого в 1492 году. Именно в это время мы застаем главного героя романа Арсения (позже – Устина, Амвросия, Лавра) ребенком, после «морозового поветрия» и гибели родителей поселившегося в доме своего деда Христофора, травника и местного врача. Христофор знакомит внука с целебными свойствами трав, памятниками письменности, учит грамоте и дает ему представление об устройстве мира. После смерти деда Арсений продолжает его дело, лечит людей, более того,

в нем обнаруживается особенный дар к исцелению. Встретив свою первую любовь, Устину, Арсений совершает роковую ошибку, не обвенчавшись с ней после зачатия ребенка. Устина умирает во время родов, не причастившись, младенец – не будучи крещеным. Арсений решает пройти жизненный путь за свою возлюбленную и «отмолить» ее душу, нарекает себя Устином и отправляется в путь, оставившись во встречаемых селах, излечивая жителей от чумы и прочих недугов. Герой боится, что, живя в достатке, он забудет об Устине, поэтому движение его не прекращается. Позже, ограбленный разбойниками и переживший тяжелую болезнь, Арсений-Устин оказывается в Пскове и начинает юродствовать. В это же время в Псков прибывает итальянский предсказатель Амброджо Флеккиа, интересующийся ожидаемым концом света и ищущий попутчика для совершения паломничества в Иерусалим, где, возможно, он сможет найти ответы на свои вопросы. Так Арсений и Амброджо начинают своё путешествие, в ходе которого они встречают самых разных людей, знакомятся с их мировоззрением, попадают в смертельно опасные ситуации и делятся друг с другом собственными мыслями. Добравшись до Палестины, Амброджо погибает от рук мамлюков, Арсений в частичном беспомоществе попадает в Псков, оттуда отправляется в Кирилло-Белозерский монастырь, где его постригают в монахи и нарекают именем Амвросий. Спустя некоторое время Амвросий чувствует, что ему пришла пора отречься от мира и, приняв схиму под именем Лавр, отправляется в уединение, выбрав пещеру в лесу, вблизи от Рукиной Слободки. Последним деянием Лавра становится спасение от жителей Слободки девушки Анастасии и ее ребенка. После принятия родов Лавр умирает, проводив его в последний путь съезжаются люди со всех окрестных земель.

Приближающийся конец света является тем ключевым событием, на фоне которого разворачиваются все остальные сюжетные линии романа. Более того, в контексте данного события мы можем определить хронотоп романа. С момента рождения главного героя до момента ожидаемого апокалипсиса проходит пятьдесят два года – таков временной промежуток, вмещающий в себя большую часть повествования. Конец света – не только точка отсчета, которая разделяет события на «до» и «после», но и важнейший мотив, объясняющий поступки и действия героев романа. Так, в ожидании «всеобщего воскресения» Арсений поначалу стремится сохранить тело погибшей возлюбленной: «По словам деда моего, Христофора, в год от Сотворения мира 7000-й вполне возможен конец света. Если исходить из того, что на дворе год 6964-й, продержаться нашим телам осталось тридцать шесть лет» [1, с. 110].

Ожидание на Руси конца света – причина, которая приводит Амброджо Флеккиа в Псков. Сама фигура Амброджо представляется нам как фигура хранителя, посланника, находящегося как будто бы вне времени и над ним. Его видения тесно переплетают время настоящее и будущее, а рассуждения относительно пространства и времени устремлены в вечность. Именно из уст Амброджо звучат те сокровенные мысли, которые стремится разделить с нами автор: «Я скажу странную вещь. Мне все больше кажется, что времени нет. Все на свете существует вневременно, иначе как мог бы я знать небывшее будущее? Я думаю, время дано нам по милосердию Божию, чтобы мы не запутались, ибо не может сознание человека впустить в себя все события одновременно. Мы заперты во времени из-за слабости нашей. Значит, по-твоему, и конец света уже существует, спросил Арсений. Я этого не исключаю. Существует ведь смерть отдельных людей – разве это не личный конец света?» [1, с. 306].

Из уст народа «конец света» звучит как событие бытовое, само собой разумеющееся. Стилистические приемы, используемые Водолазкинским, в частности, употребление делового стиля речи в контексте произведения создают эффект непрекращающейся иронии, которая распространяется даже на сакральные образы и смыслы: «Так когда же, спрашивается, конец света, закричала толпа. Нам это важно, простите за прямоту, и в отношении планирования работы, и в смысле спасения души. Мы многократно обращались в монастырь за уточнениями, но однозначного ответа не получали» [1, с. 411]. Спасение души и всякое проявление религиозности ввиду использованных автором приемов звучит комически, великое таинство превращается в формализованный процесс, сходный с деловым общением в сфере услуг. Данный прием позволяет и самому повествователю зачастую иронизировать как в отношении ожидаемого апокалипсиса, так и в отношении самого народа: «Когда же убедились, что конец света является единственным его интересом, к нему стали относиться теплее. Выяснение времени конца света многим казалось занятием почтенным, ибо на Руси любили масштабные задачи» [1, с. 262].

Не случайно, что в год ожидаемого конца света, который так и не произошел, Арсений принимает схиму и обретает имя Лавр, которое, по словам старца Иннокентия, «знаменует вечную жизнь» [1, с. 443].

Как нами уже было сказано, стилистические приемы, подразумевающие использование в тексте, описывающем средневековье, наряду с древнерусскими формами (такими, как присутствующий на протяжении всего романа звательный падеж), церковнославянизмами, жаргонизмов, делового стиля, и прочих современных нам образований, а также внезапно возникающих сюжетных «зарисовок», относящихся к другой эпохе, выстраивают поистине сложный пространственно-временной континуум. Однако ключевую роль в создании эффекта «путешествия во времени» играет богатейший интертекстуальный план произведения, сотканный из многочисленных цитат и аллюзий.

По словам самого Е. Водолазкина, главный герой романа - время. И мы ни на секунду не сомневаемся в этом утверждении. Пространство Древней Руси, на котором разворачивается история жизненного пути целителя, его любви и подвижничества – не более, чем событийный фон, который необходим для передачи главной сути романа, о которой мы можем лишь косвенно догадываться, пока она не прозвучит в устах Амброджо: «мне всё больше кажется, что времени нет» [1, с. 306]. Позже читатель вернется к этой мысли, погрузившись в видение предсказателя, в котором Франческа Флеккиа не случайно развивает теорию относительности Эйнштейна, говоря о феномене более «простым, доступным языком».

Сюжет и фабула в данном случае вступают в сложные отношения. Автор, как было отмечено ранее, включает в текст фрагменты, принадлежащие к более поздней эпохе, соединяя таким образом разные временные пласты и создавая эффект коллажа («Несмотря на все помехи, с высоты 122 метров Альберту Михайловичу было видно многое – Заячий остров, Петербург и даже страна в целом. Ему было видно и то, как в далекой Палестине не позолоченный, а вполне реальный ангел возносил к небу душу итальянца Амброджо Флеккиа» [1, с. 390]) и нарушая тем самым естественную хронологию событий.

Тексту присущи темпоральные скачки, которые нарушают линейную последовательность событий. Также Водолазкин использует прием ретроспекции, относящийся в то же время к зеркальной композиции романа, которая предстает в сочетании с композицией обрамления. Главным признаком кольцевой композиции является географический путь, пройденный героем: покинув в юности село Рукина Слободка, герой возвращается в его окрестности уже в старости, претерпев внутреннюю трансформацию, пройдя путь от Арсения до Лавра. Элемент проспекции, использованный в первой книге, наделяет роман свойством зеркальности: «Глядя в печь, Арсений видел там порой свое лицо. Его обрамляли седые волосы, собранные в пучок на затылке. Лицо было покрыто морщинами. Несмотря на такое несходство, мальчик понимал, что это его собственное отражение. Только много лет спустя. И в иных обстоятельствах. Это отражение того, кто, сидя у огня, видит лицо светловолосого мальчика и не хочет, чтобы вошедший его беспокоил... Отчего ты плачешь, Арсение? Я плачу от радости. Арсений безмолвно поворачивается к волку. Волк слизывает его слезы» [1, с. 30]. В последней книге читаем: «Случалось, он видел в огне свое лицо. Лицо светловолосого мальчика в доме Христофора. У ног мальчика свернулся волк. Мальчик смотрит в печь и видит свое лицо. Его обрамляют седые волосы, собранные в пучок на затылке. Оно покрыто морщинами. Несмотря на такое несходство, мальчик понимает, что это его собственное отражение. Только много лет спустя. И в иных обстоятельствах. Это отражение того, кто, сидя у огня, видит лицо светловолосого мальчика и не хочет, чтобы вошедший его беспокоил... Отчего ты плачешь, Амвросие? Я плачу от радости. Амвросий безмолвно поворачивается к волку. Волк слизывает его слезы» [1, с. 419].

Что касается самого героя, перед нами, как уже было сказано, предстает целитель, который находит смысл собственной жизни в искуплении греха погибшей возлюбленной. Читатель может проследить эволюцию героя с момента рождения до самой смерти. Первым делом мы узнаем, что при крещении мальчику было дано имя Арсений, в честь святого Арсения Великого, египетского подвижника. Само же имя Арсений в переводе с греческого (Αρσένιος) означает «мужчина, мужской, мужественный» [2, с. 41]. Уже с самого детства в мальчике обнаруживаются чудесные способности. Это ощущали и жители Рукиной слободки: «Было в Арсении что-то такое, что облегчало их непростую жизнь. И они были ему благодарны» [1, с.18]. Позже Арсений предвидит гибель своего отца от «чумового поветрия»: «Что убо плачешь, спросил мальчика Христофор. Зрю на нем знамение смертно, ответил мальчик» [1, с. 20]. Когда же мальчик поселяется в доме Христофора, с ним происходит

еще одно чудо – во время прогулки он приручает волка: «Он не уйдет, возразил Арсений. Он же пришел, чтобы быть с нами. Мальчик подошел к волку и взял его за загривок. Волк сел. Из-под задних лап торчал конец его хвоста» [1, с. 16]. Данный эпизод является одним из ключевых в раскрытии фигуры персонажа. В христианстве волк — зло, жестокость, хитрость и ересь, дьявол, угрожающий верующим. Лишь святым дана сила любвеобильного убеждения, чтобы приручить дикость свирепого зверя, как это сделал, к примеру, Франциск Ассизский, католический святой, атрибутом которого стал волк [3]. Также образ волка тесно связан со святым Георгием Победоносцем, а точнее с его народной интерпретацией — Егорием Храбрым, почитавшимся в качестве защитника волков и защитника от волков. Использованная Водолазкиным аллюзия свидетельствует о том, что перед нами – исключительный герой, обладающий определенным даром. Большую роль в становлении мальчика играют книги, переписанные его прадедом, особое место среди которых занимает «Александрия». Неоднократно в ходе повествования мы встречаем параллели, проведенные между главным героем и Александром Македонским. Так, приручение волка Арсением подобно тому, как Александр в юности усмирив свирепого коня: «И никто к коню тому подойти не осмеливался. Александр же приходил к нему часто; конь же, всякую оставляя ярость, кротко Александру повиновался, царю своему и всаднику. Однажды Александр властно за ухо его взял, и с кротостью конь последовал за ним, как бык-подъяремник» [4, с. 24].

После смерти деда Арсений продолжает его «ремесло»: « Умение возлагать руку, облегчать возложением руки боль в какой-то мере определило первое прозвище Арсения – Рукинец» [1, с. 62]. Второе имя Арсений приобретает после гибели своей возлюбленной. Решив пройти жизненный путь не только за себя, но и за нее, юноша называет себя в честь покойной Устином, что в переводе с латыни означает «справедливый» [3, с. 421]. Образ Устины косвенным образом может быть связан с Устиной Антиохской [5], святой, принявшей мученическую смерть, но не отступившей при этом от христианской веры. Именуясь Устином и став юродивым, Арсений полностью уходит в себя, в его сознании сосуществуют две личности – он сам и погибшая Устина, с которой герой ведет непрерывный внутренний диалог.

Знакомство с Амброджо и паломничество в Иерусалим коренным образом меняют сознание героя, меняется и его внешний облик: «Вернувшийся человек не был похож ни на пришедшего в город юродивого, ни на покинувшего город паломника. Арсений изменился. В сочетании с темным, не порусски загорелым лицом его светлые волосы стали еще светлее. Сначала могло показаться, что они выгорели на жарком солнце Востока, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что волосы Арсения больше не были светлыми – они были белы. Арсений вернулся седым. Над переносицей через весь лоб тянулся шрам, который смотрелся как глубокая горькая морщина. Вкупе с появившимися у Арсения настоящими морщинами шрам придавал его лицу выражение скорбного бесстрастия иконы» [1, с. 391]. После возвращения и пострижения в монахи Арсения в память о святителе Амвросии Медиоланском, а также о погибшем друге Амброджо нарекают Амвросием, что в переводе с древнегреческого означает «бессмертный» [3, с. 38]. И снова выбор автором имени для своего персонажа не случаен: что, как ни бессмертие, могло обозначать имя человека, верившего в бесконечность пространства и времени? Стоит отметить, что во второй раз главный герой приобретает «чужое» имя, вмещая в себя еще одну жизнь: « Пусть это имя в правильном произношении будет воспоминанием и о твоём друге. Сколько же жизней ты будешь проживать отныне одновременно?» [1, с. 412]. И наконец, закончив путь познания и приняв схиму, Арсений-Амвросий становится Лавром. Последнее наречение является самым важным, в нем лежит ключ к пониманию заглавия романа: «18 августа, когда Амвросий принимал большую схиму, было днем святых мучеников Флора и Лавра. С этого дня Амвросий стал Лавром. Старец Иннокентий сказал из отходной кельи: Хорошее имя Лавр, ибо растение, тебе отныне тезоименитое, целебно. Будучи вечнозеленым, оно знаменует вечную жизнь» [1, с. 443]. «Целебность» имени естественным образом отсылает нас к роду деятельности главного героя, бессмертие – указывает на его святость. Значение последнего имени наиболее точно передает сущность героя, более того, именно будучи Лавром, герой наконец-то обретает себя и достигает конечной точки собственного пути: «Я более не ощущаю единства моей жизни, сказал Лавр. Я был Арсением, Устином, Амвросием, а теперь вот стал Лавром. Жизнь моя прожита четырьмя непохожими друг на друга людьми, имеющими разные тела и разные имена. ... Быть мозаикой – еще не значит рассыпаться на части, ответил старец Иннокентий» [1, с. 444]. Однако, спасши Анастасию и подарив жизнь её ребенку, Лавр совершает свое главное предназначение и с успокоившейся душой

покидает этот мир. Таким образом, Лавр – имя знаковое, его обладатель прожил несколько этапов жизни, которые при последнем наречении сплелись воедино.

На протяжении романа автор использует традиционные приемы интертекстуальности: аллюзия, прямая и косвенная цитата, реминисценция. Однако особенность исследуемого нами произведения состоит в том, что все эти традиционные приемы используются для достижения вовсе не типичных целей, одна из которых – игра с читателем, усиление увлекательности чтения. Главная смысловая задача – показать, что время относительно и движется подобно спирали. События каждый раз повторяются, только на новом уровне, в разных формах. Посредством взаимодействия разнородных жанров, стилей, временных пластов, Водолазкин стремится создать эффект непрерывности, единства времени, наделяя таким образом пространство романа некоей многослойностью.

Библиографический список

1. Водолазкин Е.Г. Лавр. М: АСТ, 2013. 448 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л: Просвещение, 1981. 285 с.
3. Полный православный богословский энциклопедический словарь [Электрон-ный ресурс] / [под ред. Профессора А.П. Лопухина] - СПб: Петроград. - <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaja-bogoslovskaja-jenciklopedija/tom-4/> (1992 г).
4. Гончарова Е.М. Александрия. Жизнеописание Александра Македонского. М: Айри-Пресс, 2005. 512 с.
5. Баженова А. Славян родные имена. М: Ладога-100, 2005. 587

References

1. Vodolazkin E. G. Lavr. M: AST, 2013. 448 p.
2. Arnold I. V. Stylistics of the modern English language. L: Prosveshchenie, 1981. 285 p.
3. Complete Orthodox Theological encyclopedia [Electronic resource] / [ed. Professor A. P. Lopukhin] - St. Petersburg: Petrograd. - <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaja-bogoslovskaja-jenciklopedija/tom-4/> (1992).
4. Goncharova E. M. Alexandria. Life of Alexander the Great. M: Iris-Press, 2005. 512 p.
5. Bazhenova A. Slavyan rodnye imeni. M: Ladoga-100, 2005. 587.

УДК 821.161.1

*Российский государственный
гуманитарный университет
соискатель ученой степени кандидата фило-
логических наук по специальности
«Русская литература»
Королева А.М.
Россия, г. Москва,
email: Alinak28@yandex.ru*

*Russian State University for the Humanities
PhD student, Russian literature
Koroleva A.M.
Russia, Moscow,
email: Alinak28@yandex.ru*

А.М. Королева

О ЧЁМ СПРОСИТЬ ПОЭТА? ЗАПИСКИ СЛУШАТЕЛЕЙ, ПОЛУЧЕННЫЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКОМ НА ТВОРЧЕСКИХ ВЕЧЕРАХ

В статье вводятся в научный оборот материалы из архива Бориса Пастернака в РГАЛИ. Записки слушателей вечеров поэта в 1920–1930-х гг. раскрывают особенности литературного быта ранней советской эпохи. На основе откликов гостей поэтических вечеров с применением историко-функционального подхода выстраивается образ массового читателя во всей специфике его читательских запросов и взглядов на современный литературный процесс. Проведенный статистический анализ позволил выявить наиболее любимые публикой произведения Пастернака.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, литературный быт, массовый читатель, творческий вечер, «Сестра моя – жизнь», «Темы и вариации», «Спекторский», «Второе рождение».

А.М. Koroleva

WHAT TO ASK POET ABOUT? AUDIENCE NOTES RECEIVED BY B. PASTERNAK DURING LITERARY EVENINGS

The article first time publishes materials from Boris Pasternak's archive in RGALI. The notes of the listeners of the poet's evenings in the 1920–1930s characterize literary life in early soviet ears. The image of the mass reader is built in all the specifics of his requests and views on the modern literary process. The research identifies the most popular poems of Pasternak with the help of the statistical analysis.

Key words: B. Pasternak, literary life, the mass reader, poet's evening, "My Sister, Life", "Themes and Variations", "Spectorsky", "Second Birth".

Борис Пастернак на протяжении всей жизни участвовал в творческих вечерах с чтением своих произведений. По традиции слушатели могли передавать записки с вопросами. Поэт ценил живой отклик читателей и хранил записки, переданные во время его выступлений. Сейчас они находятся в РГАЛИ (Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 33. Далее ссылки на эту единицу хранения даются в основном тексте с нумерацией листов). Архивная датировка материалов приводит крайние даты 1928–1934 гг. Вторую половину 1930-х гг. Е.Б. Пастернак назвал «вынужденным молчанием темных предвоенных лет», когда поэт не читал стихи с эстрады [1; с. 602]. «Катастрофические перемены в политической жизни страны в 1936–1937 гг. прямо коснулись места Пастернака внутри советской литературы. События этого периода воздвигли сцену между поэтом и писательским союзом, вывели Пастернака за пределы литературной жизни...», – отмечает Л.С. Флейшман [2; с. 526].

В архиве поэта сохранились 34 записки слушателей, написанные чернилами и карандашом на тетрадных или блокнотных листках и на бумаге альбомного формата; одна записка сделана на обрывке газеты. Записки публикуются с соблюдением правил орфографии и пунктуации (приводятся 28 материалов). Большинство из них анонимны, некоторые отклики подписаны инициалами, подписями с указаниями фамилий и рода занятий (студент, работник типографии «Правда»), один гость вечера назвал себя начинающим поэтом. Публикуемые архивные источники вносят вклад в изучение вос-

приятия литературы массовым читателем 1920–1930-х гг., что подчеркивает актуальность выбранной темы. Этот период в жизни Пастернака исчерпывающего рассмотрен Л.С. Флейшманом [2; 3], литературный быт двух первых десятилетий советской власти описан Н.А. Громовой [4].

Выступления на литературных вечерах в разные периоды отличались по характеру отклика публики. В 1922 г. выступления Пастернака проходили в Доме печати и в Тургеневской читальне в Москве. Современники вспоминали, что «зал был переполнен молодёжью. <...> Борис Леонидович выступал тогда крайне редко, а имя его, среди молодежи уже имело громадную притягательную силу. Стихи из напечатанных и ненапечатанных сборников ходили по рукам, переписываемые друг у друга» [5; Т. XI, с. 111]. Тогда гости слушали стихи из «Сестры моей – жизни» и из еще не опубликованной книги «Темы и вариации» (она создавалась в 1916–1922 гг. и была издана в 1923 г.).

Восприятие публикой выступлений поэта в первой половине 1930-е гг. часто омрачалось тем, что «аудитория плохо понимала его, а пресса искажала смысл сказанного и приходилось затем оправдываться и объясняться», – замечает Е.Б. Пастернак [1; с. 602]. Несмотря на изменившийся уклон эпохи, лирика поэта находила отклик у читающей публики. В 1934 г. поэтический вечер Пастернака состоялся в Ленинградской капелле, и он «прошел блестяще: говорили, что это был “большой” праздник литературный» [6; с. 252]. После издания романа в стихах «Спекторский» (1933 г.) поэт читал его со сцены клуба ФОСПа. Гость вечера А.К. Гладков вспоминал: «Он вышел на сцену, красивый, совсем молодой, смущенно и приветливо улыбнулся, показав белые зубы, и начал говорить ненужные объяснительные фразы, перескакивая с одного на другое, потом вдруг сконфузился, оборвав сам себя, сказал что-то вроде: “Ну, вот сами увидите...”. Снова улыбнулся и начал тягуче: “Привыкли выковыривать изюм / Певучестей из жизни сладкой сайки...”» [7; с. 232]. Выступления писателя на литературных вечерах в 1940-е гг. описаны в мемуарах Н.С. Муравиной [8], а период 1950-х гг. остались в памяти поэтов-шестидесятников Е. Евтушенко [9; с. 13–24], А. Вознесенского [7; с. 369–455] и Б. Ахмадулиной [9; с. 34–39].

По содержанию записки гостей литературных вечеров делятся на группы: пожелания услышать определенные стихотворения, вопросы биографического и творческого характера, развернутые впечатления о лирике поэта как хвалебные, так и критические. Чаще всего слушатели просили поэта прочесть стихотворение «Сестра моя – жизнь». Иногда читатели указывали лишь название сборников: «Г<оварищ> Пастернак! Очень просим Вас прочесть что-либо из «Темы и Вариаций» и «Сестры моей – жизни» (Л. 19). Интересна форма обращений к поэту в записках с вежливыми просьбами услышать любимые стихотворения: «Неприменно прочтите: “Стихи мои, бегом, бегом” и “Смерть поэта”. И не стесняйтесь так уж слишком. Право, не стоит» (Л. 4). Или другие примеры: «Прочтите ваше интересное стихотворение “Сестра моя – жизнь”» (Л. 10); «Ну, пожалуйста, “Заместительницу” и “На пароходе” и “Весеннюю порою льда”» (Л. 16); «Борис Леонидович, прочтите, пожалуйста, “Определение поэзии” и “Другу”» (Л. 37); «Прочтите что-нибудь о Маяковском» (Л. 24); «Гов<арищ> Пастернак. Прочтите пож<алуйста> “Мне Брамса сыграют”» (Л. 33).

Итак, поклонники Пастернака желали услышать стихотворения 1913–1932 гг. из сборников «Поверх барьеров» (изд. 1916 г.; переизд. 1929 г.), «Сестра моя – жизнь» (изд. 1922 г.) и «Второе рождение» (изд. 1932 г.). Также не стоит забывать, что в 1933 г. вышла книга «Избранные стихи» Пастернака. Сборники «Сестра моя – жизнь» и «Второе рождение» вызвали равный интерес у читателей. Один слушатель воспроизвел вторую строчку из стихотворения: «Годами когда-нибудь в зале концертной / Мне Брамса сыграют тоской изойду» [курсив мой – А.К.] [5; Т. II, с. 65]. Просьба прочесть стихотворение «Другу», вероятно, подразумевает «Борису Пильняку» со знаменитыми строками «Оставлена вакансия поэта: / Она опасна, если не пуста» (1931 г.) [5; Т. I, с. 212]. А за просьбой: «Прочтите что-нибудь о Маяковском» скрывается «Смерть поэта» (1931 г.). Это стихотворение на вечерах Пастернак читал полностью, несмотря на то, что оно было опубликовано без последних двенадцати строк.

До нас дошли две записки одного поклонника поэта, который желал услышать фрагменты из «Спекторского»: «Гов<арищ> Пастернак! Прочтите, пожалуйста, отрывок из «Спекторского»: Зимний пикник, Бухтеев<нрзб.>» (Л. 9 об.). Речь идет о стихах из второй части вступления к роману, где герои в канун 1913 г. «Решили новый год встречать на лыжах, / Неся расход со всеми наравне» [5; Т. II, с. 12–17, здесь с. 13] («Зимний пикник»). Далее гость вечера подразумевал окончание романа в стихах, в котором Ольга Бухтеева предстает перед Сергеем Спекторским в облике революционерки времен военного коммунизма: «Она шутя обдернула револьвер / И в этом жесте выразилась вся» [5;

Т. II. с. 47]. Не случайно слушатель просил прочитать последовательно отрывки о «зимнем пикнике» и «о Бухтеевой». Это фрагменты одной сюжетной линии: на пикнике Спекторский, влюбленный в замужнюю красавицу Бухтееву, подталкивает ее к измене, а в окончании романа она бросает Спекторскому хлесткую фразу о тех днях:

Вы вспомнили рождественских застольцев?.. –
Изламываясь радугой стыда,
Гремел вопрос. – Я дочь народовольцев.
Вы этого не поняли тогда? [5; Т. II. с. 47]

Упомянутая записка примечательна тем, что несмотря на то, что «Спекторский», по справедливому определению А.Ю. Сергеевой-Клятис, «оказался во многом непонятым и не оцененным читателями» [10; с. 3], роман в стихах всё-таки вызвал интерес многих современников.

Читателям были любопытны творческие искания Пастернака и они спрашивали: «Почему Вы переделали “Вторую балладу”, первая редакция ужасно хороша» (Л. 20). Впервые она была опубликована в 1930 г. в журнале «Красная новь» № 12 с посвящением З. Нейгауз, в книге «Второе рождение» в стихотворение внесены значительные изменения и снято посвящение. Заголовочные комплексы книг вызвали вопросы современников: «Почему “Сестра моя жизнь” посвящена Лермонтову?» (Л. 35). Ответим на него выдержкой из письма поэта 1958 г.: «Я посвятил “Сестру мою жизнь” не памяти Лермонтова, но самому поэту, точно он еще жил среди нас – его духу, все еще действенному в нашей литературе. Вы спрашиваете, чем он был для меня летом 1917 года? Олицетворением творческой смелости и открытий, началом свободного поэтического утверждения повседневности» [5; Т. X, с. 380]. Также поэтика посвящения подробно рассмотрена С.Н. Бройтманом [11; с. 110–118].

Публику литературных вечеров интересовала биография писателя и к нему приходили записки с конкретными вопросами: «Сколько Вам лет? Где и какое вы кончили учебное заведение?» (Л. 28); «Какого происхождения Борис Пастернак? Его социальная среда и краткая биография?» (Л. 8); «Борис Леонидович! Вы кажется были на Урале? Будете ли вы о нем писать?» (Л. 18). Последний вопрос связан с поездкой на Урал летом 1932 г. в составе писательской бригады. В Свердловской области он стал свидетелем массового голода свезенных на Урал раскулаченных крестьян. Вернувшись в Москву, по воспоминаниям жены поэта, он «пошел в Союз писателей и заявил, что удрал с Урала без задних ног и ни строчки не напишет, ибо он видел там страшные бедствия...» [1; с. 478]. Судя по формулировке вопроса, слушатель не знал о пребывании писателя на Урале в 1916 г., когда было написано стихотворение «Урал впервые».

Многие отклики публики на литературных вечерах поднимали проблему социального заказа, в её понимании массовым читателем. К примеру, записка с подписью «начин<ающий> поэт»: «Когда же гр<ажданин> Пастернак, Вы вырветесь из своей пресловутой камерной тематики и перейдете к более нужным стихам?» (Л. 5 об.). Или замечание работника типографии «Правда»: «Но нельзя жить только прошлым, ибо настоящее наше и будущее принадлежит нам» (Л. 27). Один вопрос был адресован К.Л. Зелинскому, ведущему вечера: «Почему т<оварищ> Пастернак так далек от трудовой тематики? Ведь будущее – рабочего класса и можно рисковать попасть между строк истории» (Л. 6 об.). Некоторые слушатели выбирали наставнический тон: «Тов<арищ> Пастернак. Построение социализма, построение бесклассового общества в одной стране – это жемчужина на пути истории и ее нельзя перешагнуть. Почему вы талантом, мастерством своим не воспоете наши дни. Которые рожают новое в истории новых людей. А ведь какая это цельная и богатая тема для художника. Прошлое нам темно, мы делали революцию и потому она знание наше» (Л. 14). Подытожим цикл таких посланий сложенной вдвое запиской с надписью на лицевой стороне: «Пастернаку вопросы. “Ударный Октябрь”»: со следующим содержанием:

	«Скажи,
	Что значит петь о
небесах	
	О вьюге, ветрах
и буране?	
	А почему в
твоих устах	
	Ни звука нет о
о промфинплане?	

И почему Вы так грустите об уходящем роясь в мещанском укладе, вещах и грустных отношениях людей прошлого» (Л. 39–39 об.).

Отклики читателей раскрывают восприятие творчества Пастернака глазами его современников. Примечательны развернутые записки-комментарии: «Пастернак – безусловно самый большой и талантливый мастер, слава современности. Его лиричность и индивидуализм не могут не могут отнять огромного умения владеть словом и образом. В лирике его нет ничего слащавого, сюсюкающего, а исключительная искренность и простота, и необычайная оригинальность и сила образа» [подчеркивание автора – А.К.] (Л. 17). Иной пример: «Поверхностное чтен<ие> произв<едений> Пастернака ничего не дает и даже кажется местами нелепостью, но стоит лишь только сердечно окунуться в произведение, как начинается какое-то беспокойство, начинается что-то такое близкое» (Л. 31).

Одна фрагментарно сохранившаяся записка, состоящая из двух вопросов, затрагивает темы, которые обсуждаются специалистам в наши дни: «1) Как Вы оцениваете последний период в творчестве Пастернака (после “1905 г.”)? 2) Пастернак производит особое впечатление тем, что вскрывает новые стороны в вещах, своей остротой восприятия, срывающей поверхностную корку с событий. Напрасны попытки, которые в свое время сделал Асеев, представить Пастернака как материалиста. Но как уживаются нео-кантианство <оборвано>» (Л. 21). Приведем краткий комментарий к вышеизложенному. Книга «Девятьсот пятый год» вышла в десятилетнюю годовщину революции, в 1927 г. В последующие годы писатель опубликовал «Повесть» (1929 г.), «Охранную грамоту» (отдельная книга 1932 г.), «Второе рождение». Отношениям Н.Н. Асеева и Пастернака в 1920–1930 гг. посвящён раздел книги Н.А. Громовой [4; с. 141–147]. Поэт в юности серьезно занимался философией и вершиной его увлечения стала поездка в Марбург в 1912 г., где он учился в семинаре неокантианца Г. Когена.

Необычен вопрос слушателя о том, как сам поэт воспринимает свои стихи: «Зелинский, спросите Пастернака – приятно ему теперь читать, вернее производит сейчас на него впечатление его стихи, как на нас» (Л. 3, 3 об.). Писатель, никогда в жизни не заботившийся о сохранности своих рукописей, не стал уничтожать единственную ругательную записку. Прочитируем ее в орфографии и пунктуации источника: «Уважаемый, декламатор! Скажите пожалуйста жив ли автор ваших стихов т.е. Пастернак, то? И если жив то почему?» (Л. 32). Не все записки были серьезны, некоторые поклонники присылали шуточные отклики о восприятии лирики публикой. Здесь стоит обратить внимание на форму послания:

	Милый
	Пастернак,
	Нельзя же тихо
так –	
	у нас вверху
опять	
	начали спать (Л. 15)

Лирика поэта, не рассчитанная на массового советского читателя, находила отклик в душе молодого поколения. Показательна записка от двух комсомольцев: «Очень обидно, когда говорят, что Пастернак для “избранной верхушки”. Мы, комсомольцы <аббревиатура нрзб.>, мы очень любим п<исате>ля и с большой радостью читаем его <нрзб.> стихи» (Л. 36).

Таким образом, наибольший интерес у читателей вызывали книги «Сестра моя – жизнь» и «Второе рождение»; сборники «Поверх барьеров», «Темы и вариации», поэмы «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт» оказались почти не замеченными массовым читателем. Участники первых пятiletок требовали от литературы отражения жизни рабочего класса, поэтому Пастернака чаще всего упрекали в игнорировании трудовой тематики. Ценители поэзии, наоборот, любили поэта за необычайную оригинальность, остроту восприятия, искренность, простоту и силу образа.

Библиографический список

1. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997. 728 с.
2. Флейшман Л.С. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2000. 656 с.
3. Флейшман Л.С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб.: Академический проект, 2003. 464 с.
4. Громова Н.А. Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 20-х–30-х годов. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 608 с.

5. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003–2005.
6. Сергеева-Клятис А.Ю. Пастернак в жизни. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 557 с.
7. «Вечности заложник»: [Воспоминания о Борисе Пастернаке]. М.: ПРОЗАиК, 2017. 464 с.
8. Муравина Н.С. Встречи с пастернаком (Воспоминания). Tenafly (N.J.): Эрмитаж, 1990. 224 с.
9. Мир Пастернака: каталог выставки. М.: Советский художник, 1989. 210 с.
10. «Спекторский» Бориса Пастернака: Замысел и реализация / Б.Л. Пастернак; Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Сергеевой-Клятис. М.: Совпадение, 2007. 231 с.
11. Бройтман С.Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». Изд. 2-е. М: ЛЕНАНД, 2019. 752 с.

References

1. Pasternak E.B. Boris Pasternak. Biography. M.: Citadel. 1997. 728 p.
2. Fleyshman L.S. Boris Pasternak and literary process in 1930s. SPb.: Akademicheskij projekt. 2005. 656 p.
3. Fleyshman L.S. Boris Pasternak in the twenties years. SPb.: Akademicheskij projekt. 2003. 464 p.
4. Gromova N.A. Knot. Poets. Friendship. Gaps. From the literary life of the late 20s-30s yr. M.: AST: CORPUS, 2016. 608 p.
5. Pasternak B.L. Complete works in 11 vol. M.: SLOVO. 2003.
6. Sergeyeva-Klyatis A. Yu. Pasternak in life. M.: AST: Elena Shubina editorial office. 2015. 557 p.
7. “The hostage of eternity”: [Memories about Boris Pasternak]. M.: PROZAIK. 2014. 464 p.
8. Muravina N.S. Meetings with Pasternak (Memories). Tenafly (N.J.): Hermitage. 1990. 224 p.
9. The Pasternak’s world: exhibition catalog. M.: Soviet artist. 1989. 210 p.
10. “Spektorskiy” by Boris Pasternak: Conception and realization / B.L. Pasternak; comp. pref. and com. A.Yu. Sergeyeva-Klyatis. M.: Sovpadeniye. 2007. 231 p.
11. Broytman S.N. The poetics of Boris Pasternak’s book “My Sister, Life”. 2-nd ed. M.: LENAND. 2019. 752 p.

УДК 81.42

*Воронежский государственный технический университет
аспирант 3-го курса обучения
кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Кушнир К.И.
Россия, Воронеж, 89507784224 e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
3 year graduate student
Department of Russian language and intercultural communication
Kushnir K.I.
Russia, Voronezh, 89507784224 e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

К.И. Кушнир

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРИРОДНЫХ СТИХИЙ В ЯЗЫКЕ В.А. СОЛОУХИНА
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «О, ГЛАЗА ЧИСТОТЫ РОДНИКОВОЙ!»)**

В статье анализируются языковые особенности лирического сборника В.А. Солоухина на примере стихотворения «О, глаза чистоты родниковой». Исследуется структурно-семантическая организация лексики, участвующей в вербализации образа природных стихий, к которым относятся огонь, вода, земля, воздух, приводится описание репрезентантов сосуществования и взаимодействия всех природных стихий, сопровождающих героя лирических произведений В.А.Солоухина. Стихии природы и лексемы, их выражающие, рассматриваются в связи с особенностями русского менталитета, культуры и истории в национальной специфике.

Ключевые слова: текст, лингвистический анализ, лирическая миниатюра, В. Солоухин, лексема, стихия, огонь, вода, земля, воздух, концепт.

K.I. Kushnir

**LEXICAL REPRESENTATION OF THE INTERACTION
OF NATURAL ELEMENTS IN THE LANGUAGE OF V.A. SOLOUKHIN
(ON THE EXAMPLE OF THE POEM "OH, THE EYES OF SPRING PURITY!")**

The article analyzes the linguistic features of V.A. Soloukhin's lyrical collection on the example of the poem "Oh, the eyes of purity of the spring". The structural and semantic organization of the vocabulary involved in the verbalization of the image of natural elements, which include fire, water, earth, air, is investigated, the description of the representatives of the coexistence and interaction of all natural elements accompanying the hero of the lyrical works of V.A.Soloukhin is given. The elements of nature and the lexemes expressing them are considered in connection with the peculiarities of the Russian mentality, culture and history in national specifics.

Keywords: text, linguistic analysis, lyrical miniature, V. Soloukhin, lexeme, element, fire, water, earth, air, concept.

Одними из первых о роли стихий в пространственной картине мира писателя стали говорить Ю.М. Лотман и З.Г. Минц, отметившие, что мир стихий находится в постоянном взаимодействии с миром бытовых реалий, он менее конкретизирован, поэтому дает возможность большей широты читательской интерпретации [1]. Ю.М. Лотман отмечал, что каждое художественное произведение наряду с прямым значением обладает более глубинным архаическим пластом, единицами которого являются «архисемы» [2]. Основываясь на данных утверждениях, мы рассматриваем природные стихии как единство смысловых комплексов, способных реализовываться не только в образах, напрямую связанных со стихиями, но и на уровне метафор, обладающих дополнительным символическим значением. Таким образом, природные стихии рационально причислить к целым смысловым комплексам, которые реализуются как напрямую, так и в метафорах, обладающих дополнительным семантическим значением, отсылающих к внутреннему авторскому миру или переживаниям лирического ге-

роя.

Первоосновой мироздания выступают стихии, являющиеся первовеществами, скрепляющими и движущими силами. В связи с частотным употреблением образов стихий в творчестве В.А. Солоухина закономерно обращение к ним и лексемам, их репрезентирующим, как составляющим картины мира писателя. В 90-х годах XX столетия термин «языковая картина мира» появился в отечественной лингвистической литературе, в настоящее время он используется в ряде гуманитарных наук. В трудах Ю.Д. Апресяна, И.Л. Бурича, А. Вержбицкой, А. Зализняка, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Е.С. Яковлева и др. изложены современные представления о языковой картине мира. Однако следует отметить, что на данном этапе развития лингвистической науки понятие «языковая картина мира» находится на стадии становления, постепенно меняется его объем и расширяется поле применения в ряде филологических наук. Следует отметить, что языковая картина мира может пониматься как непосредственное отражение мысли и психологии народа.

В.А. Солоухин в своей лирике отражает трепетное, бережное отношение к природе. Стихии природы – неоспоримая составляющая его языковой картины мира, однако, исследуя его творчество, удалось выявить, что особое значение для автора имеют стихии воды и земли, отличающиеся особым многообразием репрезентирующих их лексем.

Творчество автора подлежит рассмотрению как моделирование языковой картины мира и создание индивидуально-авторских форм.

До настоящего времени попыток специального изучения стихий природы и лексем, их репрезентирующих, в творчестве В.А. Солоухина не предпринималось.

В данном исследовании основное внимание сосредоточено на стихиях природы как на константах вещественно-осязаемого мира. В качестве материала исследования выбрано стихотворение В.А. Солоухина «О, глаза чистоты родниковой», написанное в 1948 году. Мы остановились на данном произведении неслучайно, поскольку здесь природные стихии играют доминирующую и структурообразующую роль в создании художественного содержания.

Вода для В.А. Солоухина является одной из любимых стихий. Писатель был рожден в семье крестьян села Алепино, находящегося во Владимирской области, недалеко от реки Ворши, в связи с чем не вызывает удивления столь частое обращение в своих произведениях В.А. Солоухина к водной стихии, являющееся проявлением автобиографизма. Лексемы, репрезентирующие стихию воды, несложно обнаружить практически в каждом его лирическом тексте. Такие слова, как *вода, ручей, ключ, родник, болото, речка, пруд, озеро, море, океан, лужа, дождь, ливень, град, капля, капель, росинка, топь, разлив, струйка, дождевка, брызги, волна, прибой, пена, водоворот, омут, течение, поток, половодье, наводок, струя, источник, фонтан, водоворот* и проч. выступают неизменными элементами его пейзажей.

В языковой картине мира В.А. Солоухина водная стихия обладает множеством значений, каждое из которых по-своему близко автору. В стихотворении «О, глаза чистоты родниковой» лексема *вода* представлена в следующих словосочетаниях: *вода ручейковая, глубокая вода, речная вода*. Это природная стихия, способствующая созиданию образа лирического героя. Помимо традиционных представлений, господствующих в XX веке – вода рассматривалась с географической, химической и физической точек зрения – лексема *вода*, являясь полисемантической, приобретает символический смысл. Так, Большой толковый словарь Д.Н. Ушакова фиксирует 2 значения, в то время, как С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова отмечают до 4 значения понятия *стихия воды*. Однако следует отметить, что данными значениями не исчерпывается полное представление о стихии *воды* в творчестве В.А. Солоухина. В стихотворении В.А. Солоухина стихия *воды* представлена лексемами *родник, ручей, река, омут*. Три первые лексем, бесспорно, свидетельствуют о движении, что подтверждают данные лексикографии: «Ручей – небольшой поток воды; перен. Употр. в применении к чему-н. обильно текучему» [3], «Родник – ручей, водный источник, текущий из глубины земли, ключ» [3]; «Река – ж. (от *реять, течь*, общего корня с *речь*?) поток водный, проточная по земляному ложу вода, большего объема, чем речка и ручей; речажина пск. речка, реченька, речушка: речушка, реченка; речища» [4]. Как движется водный поток, передаваемый автором с помощью данных лексем, так и путешествует лирический герой, сопровождаемый думами, переживаниями и мыслями о дорогих сердцу местах. Традиционно в русской культуре с помощью лексемы *омут* передается состояние гибели, разрушительной силы, о чем также говорят словари: «Омут – обстановка, окружение и т. п., которые увлекают, затягивают человека и могут его погубить» [5]. В исследуемом стихотворении мы не находим

этому подтверждения, здесь омут – место уединения лирического героя, он не сторонится его, а, наоборот, стремится посещать его как можно чаще, отмечая чистоту стихии, притяжение, говоря: «Но стоит! Стоит пройти километры, //Чтоб кануть в спокойную власть глубины» [6].

Особый интерес вызывает то, как искусно В.А. Солоухин подбирает лексемы для передачи взаимосвязи природных стихий. К таким, например, относятся: глубина, берег – взаимодействие стихий *воды* и *земли*. Не вызывает сомнений, что это граница названных стихий. «Глубина – протяжённость, расстояние от поверхности (воды, земли и т.п.) до дна или до какой-л. точки по направлению вниз. Измерение глубины.» [5]; «Берег – край земли у водной поверхности. Берег моря, реки, озера» [3].

Кроме того, стихию *земли* в своей лирике автор репрезентирует следующими лексемами: *земля, овраг, низина, холм, пыль, гора, камень, гранит, уклон, глина, суглинок, холм, вершина, покров, пашня, яма, пустыня, дорога, тропинка, склон, бугор, грязь, островок, скала, утес, поляна, луг, чернозем, долина, берег, песок, пляж, равнина* и проч. Из них в данном стихотворении встречаются только *луг, яма*. Наименования стихии *земля* использованы здесь для выражения категориальных смыслов. Как известно, традиционны представления о *земле* как о стихии действенной, рождающей. В языковом пространстве В.А. Солоухина находит отражение классическая формула «Мать-земля», выражающая значение «рождающего, материнского начала». Важнейшим качеством стихии *земля* с древнейших времен считалась жизнотворная и плодоносящая сила, что, безусловно отражено в данном стихотворении: на *земле* рождаются *черные ивы, лоза, цветы, травы*, но их существование невозможно без *воды*. Лирический герой ощущает всю важность момента, значение каждой новой жизни, соответственно относится к дарам Матери-земли – максимально трепетно: «Сетей не бросаю, лоз не ломаю, // Не порчу цветов на прибрежном лугу, //Кувшинок не рву и стрекоз не сбиваю...». Вместе с тем, он сопереживает земле, выражая всю свою горечь при созерцании «мусорных ям» и «спаленных трав» [6].

При обращении к стихии *огня* В.А. Солоухин целиком разделяет традиционные представления древних славян об *огне* как стихии, обладающей разрушительной силой и созидательным началом. Все его произведения свидетельствуют о том, что *огонь* дарит тепло и свет, способствует зарождению и поддержанию жизни природной и человеческой. Единственный случай, когда лексема *огонь* приобретает негативное значение – при метафорическом переносе наименования оружия. Итак, для репрезентации стихии *огня* в своем творчестве В.А. Солоухин прибегает к использованию следующих лексем: *огонь, костер, печь, пламя, пепел, очаг, уголек, свеча, факел, жар, зола, горенье, пожар, огневинка, пыланье, искра* и проч. В исследуемом стихотворении встречается только лексема *огонь*: «У глаз у твоих чистоты родниковой, //Над ними, где бьется огонь золотой» [6]. При описании огненной стихии В.А. Солоухин обращается здесь к колоративу *золотой*. Оранжевый и красный цвета традиционно признаны исчерпывающим лексикографическим портретом огненной стихии [5], однако для автора этого недостаточно, в связи с чем в свои произведения он вводит адъективы *золотой* и *янтарный*. Эпитеты, вводимые для характеристик *огня*, в лирических текстах В.А. Солоухина используются при зарисовках сельского пейзажа, что вполне объясняется происхождением автора – он связывает деятельность огненной стихии с плодородием, следовательно, очевидно сближение с золотом.

Воздух выступает одной из важных стихий картины мира В.А. Солоухина, что подтверждается внушительным числом лексем, репрезентирующих данную стихию, и неизменным обращением автора к словам *воздух, небо, буря, ветер, ветряк, туман, туманность, мгла, полумгла, метель, вьюга, поземка, стужа, ураган, буран, тайфун, вихрь, суховей, дымка* и т.д. В исследуемом стихотворении стихия *воздуха* представлена единственным репрезентантом – лексемой *ветер*, проявляющейся в диалоге: «Чего он приходит – понять невозможно, // мужчина, доживший почти до седин?» [6], «Ах, все они, знаете ль, тронуты ветром, //Догадки особые здесь не нужны...»[6] - с помощью вопросно-ответной формы изложения В. А. Солоухин передает недоумение видевших лирического героя прохожих, которые удивляются благоговейному отношению к природе героя, способного «пройти километры» для того, чтобы только отдаться мыслями «спокойной власти глубины». Интересен тот факт, что лексема *ветер* употреблена рядом с описанием героя, мужчины, «дожившего почти до седин», что служит очередной отсылкой к изменениям, связанным с течением времени, поскольку «ветер – движение потока воздуха в горизонтальном направлении». Таким образом, все четыре стихии природы сопровождают лирического героя на протяжении всего пути, взаимодействуя при этом и друг друга дополняя, не вступая в традиционное противоборство.

При анализе каждого произведения В.А. Солоухина необходимо отталкиваться от личности писателя: творец умеет удивляться, данный человеческий талант плавно перерастает в талант художественный. Каждое стихотворение его – это всегда законченный пейзаж, в арсенале поэта нет ни одного лирического произведения, где бы не встречались стихии природы, причем чаще всего они взаимодействуют, дополняя друг друга, работая на единую авторскую задумку – показать, что в мире все взаимосвязано, гармонично организовано. В связи с этим человеческий и природный миры представляют собой единую систему, внутри которой все отлажено и работает, как часы. Лирический герой – отражение самого автора: как В.А. Солоухин становится частью огромного мира природы, так и герой его лирических произведений может увидеть, понять, прочувствовать каждую крупинку окружающей природы. Для В.А. Солоухина талантом художника является умение ощутить жизнь всем своим естеством, передать читателю радость бытия посредством своего творчества.

Библиографический список

1. Минц З.Г., Лотман Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин- Достоевский - Блок) // Типология литературных взаимодействий: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1983. С. 35-41.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2005.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. М., 2017. 960 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 2011. 2732 с.
5. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. СПб.: Изд-во «Наука», 2004—.
6. Солоухин В. А. Стихотворения. М. : Сов. Россия, 1990. 384 с.

References

1. Mints Z.G., Lotman Yu.M. Images of natural elements in Russian literature (Pushkin- Dostoevsky - Blok) // Typology of literary interactions: Works on Russian and Slavic philology. Literary studies. Tartu, 1983. Pp. 35-41.
2. Lotman Yu.M. The structure of a literary text // Lotman Yu.M. About art. St. Petersburg, 2005.
3. Ushakov D.N. A large explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition / D.N. Ushakov. - M., 2017. 960 p.
4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes. St. Petersburg, 2011. 2732 p.
5. The Great Academic Dictionary of the Russian language: In 30 volumes / Edited by K.S. Gorbachevich. - St. Petersburg: Publishing house "Science", 2004-.
6. Soloukhin V. A. Poems. M. : Sov. Russia, 1990. 384 p.

УДК 821.161.1 Бунин.06(082)

*Воронежский государственный
университет
аспирант
филологического факультета
Митина Г.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: gmitina19@gmail.com*

*Voronezh State University
Postgraduate of Philology Department
Mitina G.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: gmitina19@gmail.com*

Г.В. Митина

**«И МИФОМ ТЕПЕРЬ ТЕ ДНИ НАМ КАЖУТСЯ»:
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА**

В статье рассматриваются стихотворения И.А.Бунина с древнегреческими мифологическими образами и сюжетами. Основным в произведениях данного типа является морской мотив. Стихотворения с морским древнегреческим мотивом классифицируются по группам в зависимости от авторских способов работы с мифом. Уделяется внимание заголовочному комплексу и его художественной функции.

Ключевые слова: Бунин, поэзия, мифология, море, заголовок, мотив, образ, сюжет.

G.V. Mitina

**«AND NOW THOSE DAYS SEEM LIKE A MYTH TO US»:
MYTHOLOGICAL IMAGES AND PLOTS IN THE POETRY OF I.A. BUNIN**

The article considers I.A. Bunin's poems with Ancient Greek mythological figures and stories. The key motive in these poems is a sea one. The poems with the sea Ancient Greek motive are classified based on the author's myth processing technique. Attention is given to the heading and its artistic function.

Key words: Bunin, poetry, mythology, sea, heading, motive, figure, story.

Начало XX века в России ознаменовано политическими и социальными потрясениями, которые вызывали всеобщее ощущение надвигающейся катастрофы. Особенно остро отреагировали на перемены люди искусства: художники, писатели, поэты. Попытки выхода из кризиса с помощью спасительного Слова привели к культурному возрождению и появлению уникального литературного феномена – поэзии Серебряного века.

Представители этого литературного периода отличаются принципиально новым творческим подходом к созданию образа и объединены попыткой найти объяснение тому, что происходит с ними, со страной, с веком. Назревший кризис заставил вспомнить о неизменном и вечном, вернуться к осмыслению первооснов мироздания, задуматься о роли человека в огромной вселенной. Одним из ключей, открывающим перспективу решения этих философских задач, становится мифология. Миф в поэзии начала XX века «пропущен через рефлектирующее авторское сознание» [1; с.201]. Поэт берет на себя высокую миссию преобразования реальности и даже создания новой. Именно мифотворчество дало толчок для развития в поэзии различных жанров и направлений.

Источником вдохновения для поэтов служила мифология разных народов: Древнего Египта, Древнего Рима, Древней Руси, Скандинавии. В условиях кризиса и разлада наиболее востребованной становится мифология Древней Греции, в которой так силен культ красоты и гармонии. Античные образы и герои занимали умы представителей новых течений, особенно символистов, задачей которых было прозреть в символе миф. Культурное наследие Древней Греции было особенно востребованным: «Золотое руно», «Кентавр», «Битва кентавров» А.Белого [2], «Царь Иксикон», «Меланиппа-философ» И.Анненского [3; с.289-346, 347-412], «Психея», «Нить Ариадны», «Орфей», «К Деметре»

В. Брюсова [4; с.147, 275-276, 385-387, 383-384].

Стихотворения с мифологическими мотивами занимают существенное место и в творчестве И.А. Бунина. О мифологии у Бунина писали Иванова Д.М., Бердникова О.А., Двинятина Т.М. Смольянинова Е.Б., Каримириаби Э.М. и другие исследователи [5, 6, 7, 8, 9].

В отличие от упомянутых исследователей, которые большей частью изучали прозу, нас интересует поэзия Ивана Алексеевича Бунина.

Предметом исследования в нашей работе являются древнегреческие мифологические мотивы, которые наиболее полно представлены в его стихотворениях в период с 1900-х по 1910-е годы. Среди множества античных мотивов, воспетых поэтом, наиболее часто встречается морской. Об образе моря в прозе и поэзии художника пишет в своей диссертации Малишевский И.А., определяя этот комплекс произведений как «морской код», однако он мало касается мифологических мотивов [10; с.52].

Мы выявили, что морские образы, присутствующие в изобилии в поэзии Бунина, могут выражаться либо посредством изображения моря как природного феномена, либо через мифологические сюжеты и мотивы. Однако из десяти рассмотренных нами стихотворений на мифологические сюжеты только четыре имеют соответствующее заглавие («Атлант», «Гальциона», «Тезей», «Океаниды»), в остальных мифологический морской мотив появляется уже далее в самом тексте.

Древнегреческий морской мотив у автора может выполнять различные функции. Во-первых, Бунин нередко воспроизводит мифологический сюжет в его точном – изначальном – варианте. Так происходит в «Гальционе» (1908), где уже само вынесенное в заголовок стихотворения имя героини задает мотив самоотверженной любви и верности, закрепленный у Бунина и в жанре сонета как традиционной поэтической формы для любовной темы.

Морская стихия здесь так же мифологизирована: «волна», «крутая зыбь», «пучина», «морское лоно» характеризуют разные, изменчивые состояния моря, подвластного «воле Эола». Крик Гальционы и ее супруга, превращенных в «двух белых чаек», часто сопровождает и предостерегает моряков, символизируя превратности морского путешествия (супруг Гальционы, согласно мифу, погиб в кораблекрушении). Отсюда дважды повторенная характеристика моря: «И высоко возносит их волна», хотя, возможно, это символизирует и высоту их подвига любви и верности.

Согласно мифу, «семь мирных дней» в году, когда «светло морское лоно», отец Гальционы Эол «сторожит свои ветры», и море на время утихает. Мотив тишины и покоя усилен Буниным, как и во многих его морских стихотворениях, образом «степи»:

Чернеет степь, на солнце дремлет вол.
Семь мирных дней проводит Гальциона
В камнях, в гнезде. И внуков ждет Эол [12; с.56].

Финальный терцет этого бунинского сонета акцентирует покой и семейственность как одну из вечных основ бытия, которые не могут поколебать ни время, ни стихии, что было особенно значимо для изменчивой и катастрофичной эпохи, в которую жил поэт. Не случайно, стихотворение датировано столь важным для многих поэтов Серебряного века 1908 годом – только что пережиты Россией революционные бури первой русской революции 1905-1907 годов.

Вторую группу составляют стихотворения, в которых Бунин прибегает к свободному изложению мифа, останавливая свое внимание лишь на некоторых деталях оригинала. Целью такого выборочного упоминания часто является создание неповторимого морского пейзажа. В «Океанидах» (1903 или 1905) морские нимфы неотделимы от самой стихии:

Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела [11; с.258]!

Сочетание величия моря и женской красоты усиливает эстетическую функцию данного стихотворения, демонстрируя то «сочетанье прекрасного и вечного», которое всегда искал Бунин.

К этой категории относится и более позднее произведение «Голубь» (1916), где героиня отождествляется с Афродитой, которая по преданию была рождена из морской пены и перенесена на ост-

ров Кипр, получив свое второе имя – Киприда. Её священной птицей, согласно мифу, считается голубь, являющийся олицетворением другого бога любви – Эроса, известного как Купидон (по римской мифологии) [12; с.169].

Заглавие стихотворения вмещает сразу несколько смыслов. На уровне мифа голубь является священной птицей Киприды, а Эрос часто предстает спутником Афродиты и, по одной из версий, его стрелы были украшены голубиными перьями. К будущей «жертве» «он пернатой стрелой несется». При этом он замечает только ту, которая уже стоит «на жарком песке», хоть ее сердце ещё остается холодным. По сути Бунин показывает как бы рождение из «белоснежной пены» еще одной «богини», жрицы любви, поэтому «Киприда с божественным смехом / Обнимает тебя выше бедр».

И наконец, третью группу образуют стихотворения, где Бунин использует известные мифы для раскрытия мировоззренческих вопросов и рассчитывает на вдумчивое понимание его текста. Это стихотворение «Спор» (1909) [12; с.76]. Составленное гекзаметром, оно построено в форме диалога между жителями Фессалии и Крита, в котором отражается непонимание между людьми, борьба мнений, столкновение культур и цивилизаций – всё это характерно для восприятия действительности в начале века. Именно заголовок расставляет акценты и дает понять, что это не просто разговор, а спор: если фессалийцы счастливы «густым вином», хлебом, «овечьим сыром», хранящим «горную свежесть», то жители Крита прославляют сияющий, «как снег, парус», «зеленые волны», скрежет «рулевой цепи». То есть сталкиваются два мировоззрения: домашний мир и кочевая, полная опасностей жизнь. Для много путешествующего Бунина это была достаточно актуальная проблема, осмысленная им с помощью мифологических мотивов.

Более глубокий исторический и духовный конфликт содержится в другом лирическом произведении под названием «Атлант» (1905) [11; с.309]. На этот раз диалог ведется между лирическим героем и сверхъестественными силами, которые оставляют его перед выбором: «И сатана спросил, оставившись: «Ты веришь ли в предания, в легенды?», «И Дух спросил: «Ты веришь ли в Атланта?» Ответ лирического героя «О да, Титан, я верил, жадно верил» свидетельствует о той жажде веры «в предания, в легенды», в те эпохи истории, когда жили герои и титаны, которым отличалась культура начала XX века. Вместе с тем сюжет стихотворения содержит аллюзию на евангельское повествование об искушении Христа в пустыне. Вместо моря здесь фигурирует «Океан», который приравнивается поэтом к «Вечности».

Ещё одно религиозно-философское стихотворение «Тезей» (1907) сочетает несколько мифов, хотя заголовок сразу отсылает к широко известному мифу о Тезее как победителе Минотавра и о сыне, забывшем про обещание отцу [12; с.37]. Бунин талантливо переплетает сюжетные линии, накладывает один мифологический образ на другой и достигает непревзойденного результата. На первый план выходит история возвращения Тезея. Но, вопреки ожиданиям, вместо побежденного Минотавра Бунин вводит персонаж из другого мифа – Кентавра, который сопровождает Тезея на пути домой: сначала в виде созвездия «светит зеленым светом», затем в виде устрашающего существа: «вновь пропитал Кентавр ткань праздничной одежды палящим ядом змей». Имеется в виду эпизод, когда Кентавр Несс подговаривает жену Геракла погубить супруга при помощи отравленного плаща. Формально отсылая в более подробный мифологический сюжет, в действительности поэт создает аллюзию на ветхозаветное повествование о грехопадении первых людей. Их ожидали «праздничные одежды», но они пошли на поводу у змея. Подобно тому, как поступили первые люди, Тезей тоже не послушал отца. Он не смог сопротивляться «сладкой дремоте» и уснул «в венке из мирт и лавра», забыв про данное им обещание. Тем времен «один Эгей не спал над морем в звездном свете» и ждал возвращения сына. И уже возникает целый ассоциативный ряд по отношению к тексту Евангелия: притча о блудном сыне и моление о чаше. В Эгее проглядывает образ Христа, Кентавр показан как воплощение зла. В целом, в стихотворении четко прослеживается борьба двух начал: радости и горя, сладости и яда, памяти и забвения. Первый и предпоследний глаголы в стихотворении также противостоят друг другу – «уснул» и «не спал». Точечные сопоставления ведут к общей философской антиномии. В итоге на мифологической основе формируется новая смысловая интенция: через мифологическое – к христианской традиции, причем античное и христианское предания объединены темой забвения человечеством заветов отцов, вечных ценностей.

Таким образом, использование мифологических сюжетов и мотивов дает Бунину возможность создания новой художественной реальности. Обращение к опыту великих предков было вызвано не только спецификой времени, в котором жил и творил автор, но и его личной потребностью познать

«тоску всех стран и всех времен». Проявляя интерес к мифам разных стран, поэт наиболее часто использует античные образы в своем творчестве. Древняя Греция была для Бунина образцом культуры и источником всего лучшего, что сохранила европейская цивилизация. Познакомившись с Гомером ещё в детстве, поэт навсегда связал наследие эллинов с понятиями о высшей красоте. Морской мотив ярко представлен в стихотворениях на мифологическую тему. Подобно природной стихии, которая описана художником то штилем в летний день, то морской «пучиной», художественный образ моря вмещает целый «пучок смыслов» [13; с.119]. Отсылая, с одной стороны к покою и вечности, а с другой – к земной жизни с человеческими страстями, морской мифологический мотив позволяет лучше понять противоречивые грани мировоззрения Бунина-поэта.

Библиографический список

1. Максимов Д.Е. Русские поэты начала века: Очерки. Л.: Советский писатель, 1986. 408 с.
2. Белый А.Н. Полное собрание сочинений. [Электронный ресурс].
URL:https://royallib.com/book/beliy_andrey/polnoe_sobranie_stihotvoreniy.html (дата обращения 18.04.2021).
3. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. Писатель. 1990. 640 с.
4. Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т.1. М.: Художественная литература. 1973. 777 с.
5. Иванова Д.М. Мифопоэтический и философско-эстетический аспекты воплощения образа природы в прозе И.А.Бунина. Автореферат на дис. на соиск. уч. ст. к. ф. н. Елец. 2004. 24с.
6. Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И.А.Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / Бердникова. Воронеж. 2009. 272 с.
7. Двинятина Т.М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология. Дис. на соиск. уч. ст. д. ф. н. СПб., 2015. 441 с.
8. Смольянинова Е.Б. Буддийский Восток в лирике И.А. Бунина. Автореферат на дис. на соиск. уч. ст. к. ф. н. СПб. 2007. 27 с.
9. Каримириаби Э.М. Мистическое в лирике И.А. Бунина в контексте философской эстетики востока. Автореферат на дис. на соиск. уч. ст. к. ф. н. Казань. 2015. 19 с.
10. Малишевский И.А. Морской код в творчестве И.А. Бунина. Дис. на соиск. уч. ст. к. ф. н. Воронеж, 2015. 200 с.
11. Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. Т.1. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. 544 с.
12. Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. Т.2. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. 544 с.
13. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте. [Электронный ресурс].
https://rvb.ru/20vek/mandelstam/slovo_i_kultura/01text/01text/13.htm (дата обращения 18.04.2021).

References

1. Maksimov D.Ye. Russian poets of the century beginning: Essays/ D.Ye. Maksimov. – L.: Soviet writer. 1986. – 408 p.
 2. Belyi A.N. Complete edition. [Electronic resource].
 3. URL: https://royallib.com/book/beliy_andrey/polnoe_sobranie_stihotvoreniy.html (date of application 18.04.2021).
 4. Annenskiy I.F. Poems and tradegies. L.: Soviet writer. 1990. 640 p.
 5. Bryusov V.Ya. Collected edition: in 7 vol. V.1. M.: Hudozhestvennaya literatura. 1973. 777 p.
 6. Ivanova D.M. Mythopoetic and philosopho-aesthetic aspects of natural imagery realization in I.A. Bunin's prose. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Yelets. 2004. 24 p.
 7. Berdnikova O.A. «It is abundant God's world»: I.A. Bunin's works in the context of Christian spiritual tradition: Monograph / Berdnikova. Voronezh. 2009. 272 p.
 8. Dvinyatina T.M. I.A. Bunin's Poetry: Evolution. Poetics. Textology. D.Sc. dissertation (Philology). St. Petersburg. 2015. 441 p.
 9. Smolyaninova Ye.B. Buddhist East in I.A. Bunin's lyrics. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). St. Petersburg. 2007. 27 p.
 10. Karimiriabi E.M. Mystic in I.A. Bunin's lyrics in the context of the Eastern philosophical aesthetics. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Kazan. 2015. 19 p.
 11. Malishevskiy I.A. Sea code in I.A. Bunin's works. PhD dissertation (Philology). Voronezh. 2015. 200 p.
 12. Bunin I.A. Poems: in 2 vol. V.1. St. Petersburg: Pushkin House Publisher, Vita Nova, 2014. 544 p.
 13. Bunin I.A. Poems: in 2 vol. V.2. St. Petersburg: Pushkin House Publisher, Vita Nova, 2014. 544 p.
- Mandelstam O.E. Conversation about Dante. [Electronic resource].
https://rvb.ru/20vek/mandelstam/slovo_i_kultura/01text/01text/13.htm (date of application 18.04.2021).

ТЕКСТ КАК БЫТИЕ: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО TEXT AS EXISTENCE: TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF F.M. DOSTOEVSKY

УДК 821.161.1

Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя школа №14 г. Липецка
кандидат филологических наук, учитель
О. В. Ланская
Россия, г. Липецк, +79508066912
e-mail: o.vlad.lanskaja.ru.

Municipal secondary school № 14 in Lipetsk.

Candidat of Philology, teacher
O. V. Lanskaya
Russia, Lipetsk,
e-mail: o.vlad.lanskaja.ru.

О.В. Ланская

ДОМ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

В статье рассматривается языковое воплощение дома в романе Достоевского «Бедные люди». На материале исследования автор приходит к выводу, что пространство жилища деформированное, разрушающееся, в нем невозможно жить. Это пространство страдания, обрекающее человека на гибель. Слово *дом* в тексте имеет ряд синонимов, которые раскрывают смыслы, восходящие к теме и идее произведения. Это *квартира, квартира, угол, уголок, лачуга, трущоба, Ноев ковчег*. Пространство дома фиксируется с помощью слов, входящих в лексико-тематические группы «мебель», «граница». Ключевым при этом является слово *окно*, которое обозначает для героев связь с иным миром, надежду на лучшее будущее, мгновения счастья. Раскрывается представление о доме через атмосферу, царящую в нем, взаимоотношения героев. Характеризуется жилище и через противопоставления «город – деревня», «Петербург – деревня», «природа – замкнутое пространство комнаты». Результаты исследования свидетельствуют о том, что дом в романе Достоевского – своеобразная модель мира, отражающая социально-экономическое положение человека, несправедливое устройство общества.

Ключевые слова: пространство, сема, словосочетание, лексико-тематическая группа

O. V. Lanskaya

HOUSE IN F.M. DOSTOEVSKY'S «POOR PEOPLE»

House in F.M. Dostoevsky's "Poor People" The article examines the linguistic embodiment of the house in Dostoevsky's novel Poor People. Based on the research material, the author comes to the conclusion that the space of the dwelling is deformed, collapsing, it is impossible to live in it. This is a space of suffering that dooms a person to death. The word house in the text has a number of synonyms that reveal meanings going back to the theme and idea of the work. This is an apartment, a flat, a corner, a shack, a slum, Noah's ark. The space of the house is fixed with the help of words included in the lexico-thematic groups "furniture", "border". The key word in this case is the word window, which means for the heroes a connection with another world, hope for a better future, moments of happiness. The idea of the house is revealed through the atmosphere that reigns in it, the relationship of the heroes. The dwelling is also characterized through the oppositions "city - village", "Petersburg - village", "nature - the closed space of a room." The results of the study indicate that the house in Dostoevsky's novel is a kind of model of the world, reflecting the socio-economic situation of a person, the unjust structure of society.

Key words: space, seme, word combination, lexico-thematic group

Дом для человека – основа жизни, защита и опора, своеобразная точка отсчета, определяющая его жизненный путь. Пространство дома – модель бытия. Именно в жилище формируется

представление о жизни, добре и зле, правде и справедливости, нравственном идеале. Через атмосферу дома можно охарактеризовать общество, определить его нравственные установки.

Пространство дома Макара Девушкина, героя романа Достоевского «Бедные люди», связано с образом Вареньки. Все мысли героя обращены к этой девушке. Каждый знак внимания с ее стороны доставляет ему радость. Так, в письме от 8 апреля он вспоминает мгновения, сделавшие его счастливым, событие, которое произвело на него сильное впечатление: Девушкин увидел, что «уголочек занавески у окна...загнут и прицеплен к горшку с бальзамино» [1; с. 9]. Ему даже почудилось, что увидел он и героиню. Отсюда использование в тексте лексического повтора, ключевого слова *счастлив*, определяющего душевное состояние Макара: «Вчера я был *счастлив*, чрезмерно *счастлив*, донельзя *счастлив*!» [1; с. 39]. Данная лексическая единица восходит к слову *счастье* с семами 'часть', 'доля', 'совместное участие» [2; т. 3, с. 816].

В связи с этим ключевым словом в тексте является слово *окно* (*окошко*), обозначающее границу между своим и чужим, наделенную, «многообразными символическими функциями» [3; с. 339]. Как известно, в фольклоре окно связано с рождением человека, его жизнью и смертью. У Достоевского же окно, приподнятая занавеска ассоциируются с надеждой, счастьем, так как дают единственную возможность хоть мельком увидеть любимого человека: «<...> тут же показалось мне, что и личико ваше мелькнуло *из окна*, что и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали» [1; с. 39].

Окно для героя в повести Достоевского не просто окно. Это и радость бытия, связь с природой, с иным миром, в котором человек ощущает себя свободным: «Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У нас растворили *окошко*; солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами» [1; с. 40]. Описание пространства в связи с этим основывается на антитезе «мир за окном, природа – дом, квартира».

В лексико-тематическую группу «граница» входят номинации *стена*, *двери*, *занавеска*, *перегородка*: «По правую руку его будет глухая *стена*, а по левую все *двери* да *двери*, точно номера, все также в ряд простираются»; «Ну, вот и нанимают эти номера, а в них по одной *комнатке* в каждом» [1; с. 41]; «Опустите *занавеску* – значит, прощайте, Макар Алексеич, спать пора! Подымете – значит, с добрым утром, Макар Алексеич» [1; с. 40].

В лексико-тематическую группу «дом» входят номинации *трущоба*, *квартира*, *квартирка*, *угол*, *лачуга* (с семами 'шалаш из коры, ветвей', 'палатка', 'хижина', 'войлочный шатер' [2; т. 2, с. 468]), словосочетание *Ноев ковчег*, которые в тексте являются синонимами слова *дом*: «Ну, в какую же я *трущобу* попал, Варвара Алексеична! Ну, уж *квартира*!»; «Порядку не спрашивайте – *Ноев ковчег*!» [1; с. 41]; «Потом он (Быков. – О.Л.) заметил, что я весьма бедно живу, что не диво, если я больна, проживая в такой *лачуге*» [1; с. 149 – 150].

В данную группу входит также словосочетания *в конуре сырой*, *в дымном углу*: «Ну, посмотрим, что там такое в этих домах? Там в каком-нибудь *дымном углу*, *в конуре* сырой какой-нибудь, которая, по нужде, *за квартиру* считается, мастеровой какой-нибудь от сна пробудился» [1; с. 134].

В лексико-тематическую группу «квартира» входят также слова, фиксирующие внутреннюю организацию пространства. Это *комната*, *комнатка*, *кухня*, *номер*, *уголочек*, *коридор*: «Вообразите, примерно, длинный *коридор*, совершенно темный и нечистый» [1; с. 41]; «Я живу в *кухне*. <...> *комнатка* небольшая, *уголок* такой скромный...»; «<...> так что и выходит как бы еще *комната*, *номер* сверхштатный; все просторное, удобное <...> Ну, вот это мой *уголочек*» [1; с. 42].

Данные текстовые синонимы свидетельствуют об отношении героя к своему жилищу, о реальном положении дел. Дом Макара Девушкина на самом деле – это кухня. Потом он называет это помещение комнаткой, так как оно представляет собой часть кухни; затем – уголочком. Такое изменение обозначения места проживания свидетельствует о том, что герой старается, с одной стороны, представить свою комнату в лучшем свете; с другой – он не может обманывать Вареньку и себя самого. Фактически герой живет в углу кухни за перегородкой, и у него нет своего дома.

Пространство жилища структурируется через вещи. В связи с этим В.Н. Топоров отмечает, что существуют разные связи между пространством и вещами, «причём иногда в вещах подчеркивается не только их материально-физический, вещественный аспект, но и пространственный» [4, с. 238]. Отсюда следует, что «в мифопоэтической модели мира пространство находит себя в вещи и тем явственнее, чем сакральнее вещь» [4, с. 238]. Утверждается, что любая вещь сакральна, если она не

потеряла связь с Космосом. Следовательно, «вещи не только конституируют пространство через задание его границ, отделяющих пространство от не-пространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение (семантическое обживание пространства)» [4, с. 239].

В лексико-тематическую группу «мебель» в тексте входят слова *кровать, стол, комод, стулья*, фиксирующие реалии времени, отсутствие у Девушкина средств к существованию: «Поставил я у себя *кровать, стол, комод, стульев* парочку, образ повесил» [1; с. 42].

В письме от 9 апреля герой снова описывает дом, в котором живет, но если 8 апреля он рассказывает о коридоре и своей комнатке, то теперь говорит о лестнице. Данное описание связано с противопоставлением «черная лестница – парадная»: «Во-первых, в доме у нас, на чистом входе, *лестницы* весьма посредственные; особенно *парадная* – чистая, светлая, широкая, все чугуном да красное дерево» [1; с. 49]. Определения *чистая, светлая, широкая* имеют в тексте антонимы: «Зато уж про черную и не спрашивайте: *винтовая, сырая, грязная*; «<...> стены такие *жирные*, что рука прилипнет, когда на них опираешься» [1; с. 49]. Все в этом пространстве непригодно для жизни. Оно деформированное, разрушающееся: «<...> ступеньки *поломаны* <...> На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы *поломанные*, ветошки развешаны, окна *повыбиты*» [1; с. 49]. Даже гостя в своей комнате Девушкин приглашает присесть на сломанный стул. Слова *поломаны, поломанные* через *ломить* приобретают семы 'ломать так, чтобы распалось на части', 'бить', 'разбивать', 'препятствовать', 'раздирать', 'терзать' [2; т. 2, с. 516].

Сам воздух в этом доме губит человека. При этом «запах дурной» [1; с. 49] не только на лестнице, но и в комнатах: «<...> расположение комнат; оно, нечего сказать, удобно, это правда, но как-то в них душно, то есть не то чтобы оно *пахло дурно*, а так, если можно выразиться, немного *гнилой, остро-усласенный* запах какой-то» [1; с. 49]. Определения *гнилой, остро-усласенный* ассоциируются с запахом мертвого пространства, покойницей. Даже птицы в этом доме не могут выжить: «У нас чижики так и мрут. Мичман уж пятого покупает, – не живут в нашем воздухе, да и только» [1; с. 49].

Сам человек в этом пространстве приобретает особое свойство: уподобляется ему: «На первый взгляд впечатление невыгодное, но это все ничего; стоит только минуты две побыть у нас, так и пройдет, и не почувствуешь, как все пройдет, потому что и сам как-то дурно *пропахнешь*, и платье *пропахнет*, и руки *пропахнут*, и все *пропахнет*, – ну, и привыкнешь» [1; с. 49].

Снова в письме от 9 апреля Макар Девушкин описывает свою комнату, ее местоположение. Создается впечатление, что герой хочет создать у Вареньки положительное впечатление о своем жилище, но у него ничего из этого не получается, так как комната его находится фактически в кухне, а в ней «по утрам чадно немного, когда рыбу или говядину жарят <...> на веревках всегда белье висит старое» [1; с. 49], запах от которого жильца «беспокоит немного». М.М. Бахтин по этому поводу пишет следующее: «Почти после каждого слова Девушкин оглядывается на своего отсутствующего собеседника, боится, чтобы не подумали, что он жалуется, старается заранее разрушить то впечатление, которое произведет его сообщение о том, что он живет в кухне, не хочет огорчить своей собеседницы» [5; с. 126].

Нет покоя Макару Девушкину ни днем, ни ночью, поэтому дом свой герой называет содомом: «Теперь уж я все-таки пообвык, а вот удивляюсь, как в таком *содоме* семейные люди уживаются» [1; с. 50 – 51]. Слово *содом* имеет, по М. Фасмеру, семы 'гвалт', 'суматоха', 'шуметь', 'кричать' [2; т. 3, с. 706], то есть обозначает пространство, в котором никогда не бывает тишины, нет ни минуты покоя. Это пространство заставляет человека страдать, обрекает на гибель. Недаром во всех домах, описанных Достоевским, умирают люди. Так, в доме, в котором вначале жила Варенька Доброселова, умер ее отец; в доме Анны Федоровны, в который потом переехала героиня, – ее мать и Покровский; в жилище, где обитал Макар Девушкин, – Горшков и его ребенок.

Описание дома в тексте Достоевского свидетельствует о том, что «настоящее представлено в романе как фантастическое извращение, большое искажение нормальных и благих начал. Здесь все не так, как "было"; не так, как должно быть» [6; с. 78]. В связи с этим пространство воспринимается как «отражение исторически сложившихся общественных отношений» [6; с. 78].

У героев Достоевского дом – это воспоминания, которые с ним связаны, особая атмосфера. Для Девушкина его старая квартира – вовсе не стены: «Квартирка-то была, знаете, маленькая такая; *стены* были... ну, да то говорить! – *стены* были, как все *стены*, не в них дело, а вот воспоминания-то обо всем моем прежнем на меня тоску нагоняют...» [1; с. 46]. Прежнее – это старая добрая хозяйка,

ее внучка, вечера около круглого стола, сердечные отношения.

Вспоминает о своем прошлом в письме от 1 июня и Варенька. Рассказывает она о своей деревне, дне отъезда из родного дома, приезде в Петербург. Описывая пространство, героиня противопоставляет Петербург и деревню. Используется при этом противопоставление «осень в деревне – осень в Петербурге», которое фиксируется в тексте через определения, вступающие в антонимические отношения: «Мы въехали в Петербург осенью. Когда мы оставляли деревню, день был такой *светлый, теплый, яркий* <...> а здесь, при въезде нашем в город, дождь, *гнилая осенняя* изморозь, непогода» [1; с. 55 – 56]. Атмосфера в деревне определяется через употребление слов *ясно* и *весело*: «<...> все было ... *ясно* и *весело*» [1; с. 55]. В деревне было все понятно и просто: «<...> сельские работы кончались; на гумнах уже громоздились огромные скирды хлеба и толпились крикливые стаи птиц» [1; с. 55]. В Петербурге же все было по-иному. Атмосфера в доме резко изменилась: «А дома у нас по целым дням была *страшная тоска* и *скука*» [1; с. 56]. Настроение героини при этом определяется с помощью слово *грустно*: «*Грустно* мне было вставать поутру» [1; с. 56]. При этом слово *грустно* через *грусть* приобретает сему 'отвращение' [2; т. 1, с. 465]. Слово *скука* – семы 'теснить', 'поставить в затруднительное положение', 'причинять боль', 'мука' [2; т. 3, с. 661]. *Тоска* – 'стеснение', 'горе', 'печаль', 'беспокойство', 'волнение' [2; т. 4, с. 88]. Данные номинации входят в лексико-тематическую группу «состояние души героини».

Важно обратить внимание, что в Петербурге погибает семья героини: «Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты – меня позабыли совсем» [1; с. 56]. Потом родители Вареньки умирают. И если в деревне люди были близкими и родными, то в городе Варенька почувствовала страшное одиночество. Люди в Петербурге оказались другими. Они характеризуются с помощью слова *толпа*, определений *новых, незнакомых* лиц, *негостеприимных, недовольных, сердитых* [1; с. 56].

Счастливой же Варенька была только в деревне, в доме, который неразрывно связан с природой. Отсюда любовь героини к таким временам года, как осень и зима: «Как я любила *осень* в деревне!» [1; с. 127]; «Я так любила *осень*, – позднюю *осень*» [1; с. 128]. Особое отношение было у Вареньки к озеру: «Я помню, в двух шагах от нашего дома, под горой, было *озеро*. Это *озеро*, – я как будто вижу его теперь, – это *озеро* было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь!»; «<...> тут-то я и ускользну тихонько из дому, чтобы посмотреть на мое *озеро*» [1; с. 127].

Как ключевые воспринимаются в тексте при описании природы слова *вода* и *небо*: «По синей *воде* встает белый пар, тонкий, прозрачный»; «<...> вспорхнет чайка запоздалая, то окунется в холодной *воде*, то опять вспорхнет и утонет в *тумане*» [1; с. 128]. При этом вода воспринимается в тексте как «источник жизни»; небо – как красота, покой и гармония. Мир Вареньки в это время разноцветный, что зафиксировано рядом определений: «*Небо* такое холодное, *синее* и по краям разведено все *красными огненными* полосами, и эти полосы все *бледнее* и *бледнее* становятся» [1; с. 127 – 128].

Представление о доме связано в этот период с традициями, с атмосферой, царящей в жилище: «<...> в избах начнутся *посиделки*»; «Прибежишь, запыхавшись, домой; дома *шумно, весело*; раздадут нам, всем детям, работу: горох или мак шелушить. Сырые дрова трещат в печи; матушка *весело* смотрит за нашей *веселой* работой; старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов» [7; с. 128]. Как ключевые воспринимаются слова *весело, веселый* с семами 'здоровый', 'целый', 'невредимый' [2; т. 1, с. 303]. Весело в доме вечером, весело и утром. Наступает зима, настроение героини не изменяется. Она счастлива: «Светло, ярко, *весело!*»; «Все так довольны, так *веселы!*...» [1; с. 129]. В этом мире светит солнце. Весь он наполнен светом: «Солнце светит кругом яркими лучами, и лучи разбивают, как стекло, тонкий лед» [1; с. 129]. Солнце воспринимается в тексте как символ счастливой жизни, надежды на светлое будущее. Наполнен теплом и дом: «В печке опять трещит огонь» [1; с. 129]. Все перечисленные примеры свидетельствуют о том, что у Достоевского «мир, окружающий человека, всегда дается как часть души этого человека, становится как бы внутренним пейзажем ... души, в немалой степени определяет человеческие поступки» [8; с. 33].

Вспоминая о прошлом, о доме в деревне, Варенька пишет Макару Девушкину: «Ах, какое золотое было детство мое!..» [1; с. 129].

Противопоставление «Петербург / город – деревня / природа» связано с описанием Макаром Девушкиным погоды. Природа в городе бесцветна. Все кажется темным, мрачным. Ключевыми

словами при описании пейзажа становятся слова *тучи, туман, дождь*: «*Дождя* не было, зато был *туман*, не хуже доброго *дождя*. По небу ходили длинными, широкими полосами *тучи* <...> Мокрый гранит под ногами, по бокам дома высокие, черные, закоптелые; под ногами *туман*, над головой тоже *туман*» [1; с. 130]. Люди, гуляющие по набережной, поражали «*страшными, уныние наводящими* лицами» [1; с. 130].

Итак, пространство дома в романе Достоевского «Бедные люди» трагично, губительно для человека. Оно восходит к таким понятиям, как «реалии середины XIX века в России», «жестокость, бесчеловечность, равнодушие», «социальное неравенство». Образ жилища в произведении создается через противопоставление «Петербург / город – деревня / природа», использование ключевых слов, передающих атмосферу пространства, в котором вынужден существовать человек. Если представление о доме обычно связано с представлением о своем пространстве, защищенном месте, то в тексте Достоевского такого представления о жилище нет. Это пространство чужое, незащищенное, для которого характерна атмосфера обреченности, страдания и гибели.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Бедные люди. М.: Издательство «Правда», 1982. С. 39 – 160.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.
3. Топорков А.Л. Окно // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 339 – 341.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227 – 284.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Издательство «Э», 2017. 640 с.
6. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди»: Монография. Л.: Худож. лит., 1988. 208 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
8. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментар. Кн. Для учителя. М.: Провещение, 1984. 240 с.

References

1. Dostoevsky F.M. Poor people. Moscow: Pravda Publishing House, 1982. P. 39 –160.
2. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes. M. : ООО Astrel Publishing House: AST Publishing House, 2004.
3. Toporkov A.L. Window // Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary. M. :Mezhdunar. Relations, 2002.S. 339 – 341.
4. Toporov V.N. Space and text // Text: Semantics and structure. Moscow: Nauka, 1983. S. 227 - 284.
5. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics. M: Publishing house "E", 2017.640 p.
6. Vetlovskaya V.E. Roman F.M. Dostoevsky "Poor People": Monograph. L. : Khudozh. lit., 1988.208 p.
7. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. M. : Rus. lang. – Media, 2006.
8. Belov S.V. Roman F.M. Dostoevsky's "Crime and Punishment": Comments. Book. For the teacher. Moscow: Providence, 1984.240 p.

УДК 821.161.1

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Студент 3-го курса института Филологии
Меринов К.А.
Россия, г. Липецк,
e-mail: klikovic123@gmail.com
+79046883501

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky
3rd year student of the Institute of Philology
Merinov K. A.
Russia, Lipetsk,
e-mail: klikovic123@gmail.com
+79046883501

К.А. Меринов

«ГОСПОДИН ПРОХАРЧИН» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ»

Творческое наследие Достоевского, укорененного в православной традиции отечественной культуры, вписывается в контекст современной проблематики развития человечества и обретает статус беспрецедентной актуальности в эпоху трансгуманистической деформации его духовных доминант. Петербургская поэма «Двойник», посвященная пережитым Голядкиным трагическим метаниям души по мытарствам, открывает тему подпольного сознания как оси симметрии всех творческих исканий писателя. Коллизии духовного опыта человека, даже подавленного житейской неустроенностью, на нравственно-историческом переломе – художественное открытие Достоевского, выявляющее различные пути самоопределения человека. Если герой «Двойника», замещенный, к немалому его удивлению, своей копией, не принимает обезличивающие условия перехода на более высокий уровень социального обустройства и остается самим собой – расположенным к окружению и миру, то Семен Иванович Прохарчин составил для себя программу земного преуспевания с затаенными планами поведовать, опосредованно восходящую к идеям Макса Штирнера, оказавшего влияние на умонастроение этих лет. Итоги духовной биографии героев ранних произведений писателя при сюжетном их совпадении: сумасшествие и смерть, контрастируют друг с другом: Голядкин, воспротивившийся совету лекаря переломить себя, тем и отличается от Прохарчина, не состоявшегося как господин, тогда как в бредящем Семене Ивановиче начитанный Марк Иванович заметил проступающие наполеоновские черты, задавая так и оставшийся без ответа вопрос: «Для вас свет, что ли, создан?»

Ключевые слова: Достоевский, человек, духовная традиция, «Господин Прохарчин», Зимовейкин, Марк Иванович, православная аксиология, «большое время».

К.А. Merinov

«GOSPODIN PROKHARCHIN» BY F. M. DOSTOEVSKY: ARTISTIC ANTHROPOLOGY IN THE CONTEXT OF "BIG TIME»

The creative heritage of Dostoevsky, rooted in the Orthodox tradition of Russian culture, fits into the context of modern problems of human development and acquires the status of unprecedented relevance in the era of transhumanistic deformation of spiritual dominants. The St. Petersburg poem "The Double", dedicated to Goliadkin's tragic soul-tossing through the ordeal, opens the theme of underground consciousness. The conflicts of the spiritual experience of a person, even if he is depressed by everyday disorder, at a moral and historical turning point is Dostoevsky's artistic discovery, which reveals in the light of the eternal opposition of Law and Grace various ways of self-determination of a person. If the hero of the "Double", replaced by his copy, does not accept the depersonalizing conditions of the transition to a higher level of social arrangement and remains himself – disposed to the environment and the world, then Semyon Ivanovich Prokharchin made for himself a program of earthly prosperity, going back to the provisions with hidden plans to command, indirectly going back to the ideas of Max Stirner, who influenced the mindset of these years. The results of the spiritual biography of the heroes of the writer's early works, with their plot coincidence: madness and death, contrast with each other: Goliadkin, who resisted the doctor's advice to break himself, is thus different from Prokharchin, who did not take place as a master, while in the delirious Semyon Ivanovich, the well-read Mark Ivanovich noticed the Napoleonic features emerging, asking the unanswered question: "Is the light created for you?"

Keywords: Dostoevsky, man, spiritual tradition, "Gospodin Prokharchin", Zimoveykin, Mark Ivanovich, Orthodox axiology, "big time".

Художнику в творческом прозрении открывается правда о человеке, сокрытая от его современников, и в связи с этим возникает ситуация непонимания духовного смысла произведений, так что воплощение их замыслов завершается в «большом времени»: «<...> Они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами <...> как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания» [1; с. 331]. Данным положением И.А. Есаулов обосновывает становление литературоведческой аксиологии, методологически определяющей постижение духовной традиции, преломленной в историко-литературных конструктах: «Изучение “малого времени” тех или иных событий является только лишь одним из возможных контекстов понимания <...> полнота смыслового явления раскрывается только в “большом времени”» [2; с. 17]. Художественно-философское освещение проблемы человека и его становления в творчестве Достоевского, посвятившего себя разгадке тайны человека и поискам человека в человеке, восходит к православной антропологии: «<...> как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости» [3; 62]. В.Н. Захаров в своем опыте понимания творческого наследия Достоевского приходит к убеждению, восходящему к утверждению Владимира Мономаха, с которым князь и мудрец был готов на Страшный суд: «У Достоевского нет лишних и маленьких людей. Они принципиально невозможны в его мире. Каждый безмерен и значителен, у каждого свое лицо» [4; с. 160]. И поэтому Голядкину, устраненному с жизненного горизонта своим двойником, мерещится нечто наподобие апокалиптической обезличенности: «<...> с каждым шагом его <...> выскакивало <...> по такому же точно <...> господину Голядкину <...> так что народилась страшная бездна совершенно подобных» [5; с. 392]. Придя в себя поутру, оцепеневший от охватившего ужаса титулярный советник IX класса, обойденный с повышением, для чего следовало бы переломить свой характер, решительно отверг возможную потерю самого себя даже из каких бы то ни было прагматических побуждений: «Не будет же этого!» [5; с. 392]. В.Н. Майков сразу же по выходе «Двойника» в свет обратил внимание на пророческое предостережение Достоевского: «<...> так глубоко проник в человеческую душу, так беспретпотно и страстно вгляделся в сокровенную механизацию человеческих чувств, мыслей и дел» [6; с. 86].

Опубликованный в X номере «Отечественных записок» за 1846г. рассказ Достоевского «Господин Прохарчин» развивает тему становления человека в обезличенном мире, заявленную в петербургской поэме «Двойник», вышедшей в свет в том же году во втором номере того же журнала. Удержавшийся на протяжении двадцати лет в фаворитах Устиньи Федоровны *благомыслящий* маленький чинуша Семен Иванович Прохарчин, сторонился круга постояльцев, установивших между собой *словно братские* отношения, при весьма различных их судьбах: начитанный Марк Иванович и вознамерившийся попасть в высшее общество Зиновий Прокофьевич, писарь Океанов и разночинец Кантарёв как-то уживались и находили друг с другом общий язык, однако Семен Иванович всем «был как будто не товарищ». Личностная заурядность, отдалившая от тесного дружеского круга Прохарчина, неоднократно становилась предметом насмешек, так что Марк Иванович взял его под свою защиту от весьма резвых острословов. Было решено, что в неспособности уживаться и ладить с людьми виноват не кто иной, как сам Семен Иванович, скрывающийся от всех за ветхими ширмами. И сюжет рассказа строится как разгадка этой диковинки его характера.

Компаньонов Прохарчина удивляла его страшная прижимистость: не брал полного обеда у Устиньи Федоровны, под присмотром которой прожил двадцать лет и не сдавал белье в стирку, хотя у него под кроватью стоял тщательно оберегаемый от посторонних сундучок и он задумывал даже повесить на него новый замок, с потайной пружиной. Зиновий Прокофьевич было предположил, что Семен Иванович откладывает в нем для потомков средства. Последствия, казалось бы, незначай сказанного поразили всех: Зиновию Прокофьевичу прежде «несговорчивый, молчаливый и на праздную речь неподатливый» [5; с. 212] с невероятным эмоциональным порывом предрекает никогда не попасть в высшее общество, а поступить в гусары и там потерять ногу. Потом вдруг выходит чаевничать к *несотоварищам* и пространно объясняет им, как отсылает ежемесячно по пять рублей в Тверь золовке (сестре мужа!) и отказывает себе во всем.

Неожиданное преображение затворника-молчуна Семена Ивановича не только показалось всем «забавным», но и сподвигло их на дальнейшее выяснение дела. Заметив интерес Прохарчина к новостям, подчас малоправдоподобным, компания запустила в шутку сообщения о якобы грядущих переменах по службе: «<...> будто бы слышал кто-то сегодня, как его превосходительство сказали само-

му Демиду Васильевичу, что, по их мнению, женатые чиновники <...> выйдут посolidнее <...> и к повышению чином удобнее <...> будут учить танцевать, приобретать все признаки благородства и хорошее обращение <...> некоторые чиновники должны для того, чтоб немедленно сделаться образованными, какой-то экзамен по всем предметам держать <...> и некоторым господам придется положить свои карты на стол» [5; с. 244-245]. Последнее до крайности изумило и раздражило Семена Ивановича, потому что место в канцелярии для него было некоей охранительной грамотой. Новости до того изменили Прохарчина: «лицо стал иметь беспокойное, взгляды пугливые, робкие и немного подозрительные» [5; с. 245], что он посмел даже обратиться за разъяснениями к Демиду Васильевичу, и поэтому все еще более встревожились произошедшим на их глазах перерождением *благомыслящего* чиновника и компаньона в потерявшего всякое чувство меры приличия обычного человека.

Обезумев от ужаса быть выставленным из канцелярии, - ведь он неженат, не отличается благородством и не способен выдержать экзамен - Семен Иванович на неопределенное время пропадает из поля зрения сослуживцев и постояльцев Устиньи Ивановны, которую эта история очень обеспокоила. Прохарчина след находят на пожаре в Кривом переулке, где его видят с каким-то «попрошайкой-пьянчужкой». Возвращенный в свой угол, Семен Иванович два дня лежит в беспамятстве и видит сон: давешний пожар, символизирующий то, как в мгновение ока может сгореть его до мелочей устроенная жизнь - с местом в канцелярии и сбережениями в потрепанном тюфяке. В отходящем в мир иной и бредящем Прохарчине, отчаянно рискнувшем даже подступиться к Демиду Васильевичу с вопросом о собственной будущности, начитанный Марк Иванович заметил наполеоновские черты, да и не случайно в его припрятанном капиталце (по нынешнему курсу около трех миллионов) отыскался наполеондор. Марк Иванович опирается в своем мировосприятии на Библейскую истину: «<...> кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк 9:35), так что аллюзия вполне очевидна. И тогда он начал пространно допытываться: «Что вы, один, что ли, на свете? Для вас свет, что ли сделан? Наполеон вы, что ли, какой? Что вы? Кто вы? Наполеон вы, а, Наполеон или нет?! Говорите же сударь, Наполеон или нет?...» [5; с. 257] Вопрос остался безответным. И последнее, что слышал Семен Иванович: «Сенька, ты вольнодумец!!» [5; с. 256] А все его знали как *благомыслящего*.

Таким образом, неограниченный эгоизм Прохарчина опосредованно восходит к нашумевшей в Европе книге Макса Штирнера «Единственный и его собственность», оказавшей влияние на сознание европейской молодежи. Этот труд читали и в кружке М.В. Буташевич-Петрашевского, в котором состоял молодой Достоевский, выступавший даже на одном из пятничных собраний с докладом по книге о притязаниях сверхчеловека на неограниченную власть, сводящихся к эгоистическому тезису: «Я обладатель человечества, я – человечество и ничего не делаю для блага другого человечества» [7; с. 182]. И если в «Двойнике» Достоевский выводит героя, не решившегося переломить себя, дабы выйти на новый уровень земного преуспевания, то в «Господине Прохарчине» показан герой, совращенный пресловутой идеей о праве власти над другими.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979
2. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд. СПб.: Изд-во РХГА, 2017
3. Поучение Владимира Мономаха // Изборник: Повести Древней Руси. М.: Художественная литература, 1986. С. 59-70.
4. Захаров В.Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11: евангельский текст в русской литературе XVIII-XXвв. Вып. 8. С. 150-164
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках в тексте с указанием страницы.
6. Майков В.Н. Нечто о русской литературе в 1846 году // Русская эстетика и критика 40-х-50-х годов XVIII века. М.: Искусство, 1982. С. 81-105.
7. Штирнер М. Единственный и его собственность. М., 1918.

References

1. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979

2. Esaulov I. A. Russian classics: a new understanding. 3rd ed. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Arts, 2017
3. The Teaching of Vladimir Monomakh // Izbornik: The Stories of Ancient Russia. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. pp. 59-70.
4. Zakharov V. N. Dostoevsky's Artistic anthropology // Problems of Historical Poetics. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House, 2013. Issue 11: the Gospel text in Russian literature of the XVIII-XX centuries. Issue 8. pp. 150-164
5. Dostoevsky F. M. Complete collection of works in 30 t. T. 1. L.: Nauka, 1972. Further references to this edition are given in parentheses in the text indicating the page.
6. Maikov, V. N. Something about Russian literature in 1846 // Russian aesthetics and criticism of the 40-ies and 50-ies of the XVIII century. M.: Iskusstvo, 1982. P. 81-105.
7. Stirner, M. The only one and his property. M., 1918.

УДК 81

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультур-
ной коммуникации
Новикова М.В.,
Россия, г. Воронеж, тел.: +79192466211
e-mail: litra.novikova@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural
communication*

*PhD, associate professor
Novikova M. V.,
Russia, Voronezh, tel. +79192466211
e-mail: litra.novikova@yandex.ru*

*студент 2 курса
направления «Журналистика»
Лиханская Ю.Е.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(980)245-01-49
e-mail: yulyalikhanskaya@yandex.ru.*

*2nd year student of the
branch «Journalism»
Likhanskaya Yu. E.
Russia, Voronezh, tel. +7(980)245-01-49;
e-mail: yulyalikhanskaya@yandex.ru*

М. В. Новикова, Ю. Е. Лиханская

СЕМАНТИКА ГАРДЕРОБА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Статья посвящена изучению символики гардероба Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В ходе исследования репрезентантов предметов гардероба героя были выявлены важные функции костюма, которые помогли произвести анализ идейного пласта романа, связанного с теорией Раскольникова.

Ключевые слова: гардероб, костюм, Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», образ шляпы, теория Раскольникова.

M.V. Novikova, Yu. E. Likhanskaya

THE SEMANTICS OF THE CLOSES IN THE DOSTOEVSKY'S NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

The article is devoted to the study of the wardrobe of Rodion Raskolnikov in the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky. Studying the items of the hero's wardrobe, important functions of the costume were identified, which helped to analyze the ideological layer of the novel associated with Raskolnikov's theory.

Keywords: wardrobe, Dostoevsky, "Crime and punishment", the image of the hat, Raskolnikov's theory.

В настоящий момент семантика моды является мало изученным объектом в литературоведении. На русской почве подобные исследования проводились И.В. Поповой, Я.С. Матосян, Ф.Л. Кошицкой, но до сих пор эта область оставляет широкий простор для изучения. В своей работе мы обратимся к символике гардероба героев в романе «Преступление и наказание».

На первых страницах произведения мы знакомимся с центральным персонажем – Родионом Раскольниковым. Ф.М. Достоевский уделяет большое внимание описанию внешнего вида героя: «...но, боже мой, какой у него костюм, как он ужасно одет!..» / «...Слишком уж на нем был скверен костюм...» [2, с. 241]. Подобные описания гардероба Раскольникова уже наталкивают нас на мысль о том, что перед нами человек низкого материального достатка. Изображая столь бедный костюм, в который одет герой, автор ведет читателя к дальнейшей мысли о бедности как явлении, толкающем на преступление. «Бродя по городу Петербургу, главный герой произведения видит именно беспредельные людские беды и невзгоды: то 15-летняя девочка, которую напоили и обманули, то мешанка Афросинюшка, которая бросается с моста в воду. Раскольников становится свидетелем всех этих

кошмаров, царивших в жизни того жуткого и мрачного города» [10, с.158]. В этом смысле важны и слова Мармеладова: «... бедность не порок, это истина, <...> но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто» [2, с.158]. Многие герои литературы, находящиеся в крайнем состоянии бедности или даже нищеты, готовы совершить те или иные злодеяния, поскольку именно отсутствие средств к существованию толкает человека к тому, чтобы перейти нравственную черту. Раскольников не становится исключением: изучая окружающую его действительность, собственное положение дел и даже свой гардероб, герой понимает, насколько он ничтожен, что и становится одним из импульсов создания ужасающей теории. Автор, описывая костюм Раскольникова, пытается показать, что страшны не лохмотья, которые он носит, а то состояние, которое они рожают в человеке.

Интересно обратить внимание и на описание такой детали гардероба героя как шляпа: «Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим образом заломившаяся на сторону» [2, с. 43]. В этом описании прослеживаются автобиографические детали, связанные с жизнью самого автора и реалиями эпохи, поскольку «циммерман – известный в Петербурге в 19 веке владелец фабрики и магазина головных уборов. В его магазине была куплена шляпа Достоевского, поэтому и на страницах романа мы видим именно эту шляпу» [7]. На наш взгляд, состояние шляпы всецело отражает душевное состояние героя: шляпа деформирована, т.е. заломлена в сторону «самым безобразнейшим образом», в сознании героя Ф.М. Достоевского также произошли изменения, в результате чего возникают помыслы об убийстве.

Как отмечает Е.Г. Постникова, «идея власти, захватившая Раскольникова, является главным двигателем его поступков и основной причиной совершенного героем убийства» [5, с.15]. Неслучайно как атрибут костюма, предназначенный для ношения на голове, вводится в повествование шляпа: то, что на голове и в голове, представляют собой единство, приводящее к духовному расколу героя, что отражается на антропонимическом уровне: фамилия *Раскольников*, по мнению С.А. Скуридиной, коррелирует с однокоренными апеллятивами, повторяющимися в тексте романа («из раскольников», «на расколоте блюдечке»). Так, герой с расколотым сознанием поселяется в расколотый мир [6, с.14]. Раскол внутреннего мира героя объясняется разделением «на две половины, одна из которых пытается утвердиться в мысли о том, что он «право имеющий», другая осознает, что он всего лишь «тварь дрожащая» [2, с.71].

Описание шляпы Раскольникова навязчиво повторяется в романе: «...сей пальмерстон (он достал из угла исковерканную круглую шляпу Раскольникова, которую, неизвестно почему назвал пальмерстоном) или сия ювелирская вещица?» [2, с. 149]. Во времена Ф.М. Достоевского пальмерстоном называли длинное приталенное мужское с или женское пальто с узкими рукавами [9]. Название было получено в честь английского политического деятеля Генри Пальмерстона, который отдавал предпочтение этому фасону пальто. В подобном контексте шляпа как деталь, олицетворяющая собой теорию Раскольникова, и наименование *пальмерстон*, связанное с образом успешного политического деятеля Пальмерстона, выявляют авторскую иронию, так как позиция Пальмерстона во время Крымской войны (1853 - 1856) вызывала патриотическое негодование. Коррелирует с намерениями Раскольникова прозвище Пальмерстона – «поджигатель всех смут и всех революций». В одном из стихотворений П.А. Вяземского Пальмерстон именуется пророком, представая на самом деле в образе лжепророка.

Интересно и сопоставление шляпы с ювелирным украшением: здесь снова срабатывает прием антитезы, так как ранее автор описывал ужасное состояние головного убора, из этого становится очевидным, что шляпа не сохранила в себе ни изысканности линий, ни дорогого вида. Но при условии, что шляпа воспринимается в совокупности с теорией Раскольникова, проведенная параллель становится очевидной: теория героя, как и ювелирное украшение, имеет множество граней.

До сих пор нет единого мнения, для чего Раскольников убил старуху, каковы были его истинные мотивы: проверить себя или возможность существования своей теории, помочь бедным, изменить свое социальное положение и т.д. Д.И. Писарев в своей работе «Борьба за жизнь» утверждает, что герой под давлением социальной действительности, убивает старуху из-за нищеты. Исследователь И.Ф. Фархатова, считает, что только лишь социальным мотивом нельзя оправдать поступок Раскольникова: «И хотя мотив бедности не снимается, всем строем своего романа <...> автор доказывает, что в основе его произведения - не простое уголовное дело, а философски обоснованное, опира-

ющиеся на логически выстроенную теорию преступления <...> именно эта теория, а не само преступление, есть порождений неприятия социальной действительности»[8, с. 96]. Обращаясь к тексту романа, мы видим подтверждение этой мысли: богатство, полученное после убийства, он не применил по назначению, не раздал нуждающимся, не использовал, чтобы изменить свое бедственное положение, отсюда напрашивается вывод о том, что убийство было совершенно вовсе не для наживы, и не для того, чтобы раздать бедным, а с целью проверить, испытать себя: «Мне надо было узнать тогда и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек?» [2, с.118]. Исходя из выше приводимых доказательств, можем сделать вывод, что ключевым мотивом для совершения убийства было желание Раскольникова проверить свой потенциал, но это вовсе не исключает состояние бедности, довлеющей над героем и способствующей зарождению подобных идей в его голове. Сама теория в высшей степени оригинальна, хоть и безнравственна, а это становится еще одним фактом, уподобляющим ее ювелирному украшению. Редкость, оригинальность, многогранность линий и оттенков – «ювелирская вещица», способна погубить человеческие жизни. Исследователь В.К. Кантор указывает на скромность детализированных портретных штрихов в романах Ф.М. Достоевского, но «если уж он уцепится за какую-нибудь вещь, то вырастает она в символ человеческой жизни»[3]. Именно так происходит с описанными деталями гардероба героя, каждая из них символизирует его чувства и мысли.

Пальто Раскольникова, упоминаемое на страницах романа, тоже не становится исключением: «Машинально потащил он лежащие подле, на стуле, бывшее его студенческое зимнее пальто, теплое, но уже почти в лохмотьях...»; «...так как пальто было очень широкое, настоящий мешок...»[2, с. 99]. Как отмечает К.В. Гарнова, «именно в нем (т.е. в пальто) Раскольников пронесит орудие убийства – топор <...> и сам пытается «спрятаться» при помощи этого же пальто»[1, с. 122]. Мешковатость пальто имеет двойственное значение: скрыть орудие убийства, скрыть самого героя. Пальто выступает неким атрибутом, скрывающим его от этого мира, а вместе с ним и скрывающим его мысли. Ведь, когда Раскольников отправляется убивать старуху, он постоянно прокручивает весь план в голове, но при этом, ни разу не называет те действия, которые он собирается совершить, убийством, заменяя данное слово другими – более общими по семантике: «когда я вышел делать эту... *пробу*», «о том, что *дело* надо сделать топором»[2, с. 92] и т.д. Полагаем, происходит это по той причине, что он не готов к реализации собственной теории, не готов к роли, которую отвел себе. Символика гардероба в этом смысле вновь синонимична его теории и всему, что он с ней связывает. Ведь если спрятаться за бесформенным пальто, то вроде и незаметно, что ты несешь орудие убийства, а если не называть вещи своими именами, то ты их и не совершал. Возможно, с этим связана и оговорка, допущенная Ф.М. Достоевским, когда пальмерстоном названа шляпа, тогда как это пальто, как будто Раскольников и свою голову хочет спрятать в пальто, чтобы скрыться от идей, его преследующих.

Ф.М. Достоевский намеренно вводит описания гардероба Раскольникова, тем самым давая возможность читателю выстроить дополнительные коннотации, помогающие глубже понять психологию героя. Гардероб Раскольникова – это не просто предметы одежды, отражающие особенности эпохи, в которой существует герой, это вещи, тождественно связанные с теорией героя, помогающие глубже раскрыть образ убийцы или интеллектуального человека, «заблудившегося во мраке безверия».

Библиографический список

1. Гарнова К.В. О некоторых функциях костюма в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 2. С.122.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970.
3. Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики. Электронный ресурс: <https://culture.wikireading.ru/25611> (дата обращения – 27.07.19)
4. Лендова О.В., Новикова М.В.. Ономастика в романе «Преступление и наказание» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2018. № 1 (28). С. 71.
5. Постникова Е.Г. Философия власти в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4. С.15
6. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: автореферат ...дисс.доктора наук: 10.02.01, Воронеж 2020. С.14
7. Словарь литературных типов. URL: <https://literary.types.academic.ru/5689/> (дата обращения – 24.05.19)

8. Фархатова И.Ф. Преступление Родиона Раскольникова // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1 (1). С. 96.

9. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/15938> (дата обращения – 24.05.19)

10. Яхьяпур Марзие, Карими-Мотахар Джаноллах, Махназ Дареми. «Бедность» в произведениях Ф. Достоевского и Гуламхусена Саэди // Евразийский вестник гуманитарных исследований, 2014. С.158.

References

1. Garnova K. V. About some functions of the costume in the novel by F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment" // Scientific research and development of young scientists. 2014. No. 2. p. 122.

2. Dostoevsky F. M. Crime and punishment. Central Chernozem Book Publishing House Voronezh, 1970.

3. Kantor V. K. In search of personality: the experience of Russian classics. Electronic resource: <https://culture.wikireading.ru/25611> (date of application – 27.07.19)

4. Lendova O. V., Novikova M. V.. Onomastics in the novel "Crime and Punishment" // Actual issues of modern philology and Journalism, 2018. No. 1 (28). p. 71.

5. Postnikova E. G. Philosophy of power in "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky // Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2012. Vol. 1. No. 4. p. 15

6. Skuridina S. A. Onomastic code of F. M. Dostoevsky's literary texts: abstract.... diss. Doctor of Sciences: 10.02.01, Voronezh 2020. p. 14

7. Dictionary of literary types. URL: https://literary_types.academic.ru/5689/ (date of request 24.05.19)

8. Farkhatova I. F. Crime of Rodion Raskolnikov // Penal enforcement law. 2006. No. 1 (1). p. 96.

9. Encyclopedia of Brockhaus and Efron. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/15938> (accessed 24.05.19)

10. Yahyapur Marzieh, Karimi-Motahar Janollah, Mahnaz Daremi. "Poverty" in the works of F. Dostoevsky and Gulamhusen Saedi // Eurasian Bulletin of Humanitarian Studies, 2014. p. 158.

УДК 82 (821.161.1: Русская литература)

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук, доцент
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, associate
professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural
communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: elshka-82@yandex.ru*

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: elshka-82@yandex.ru*

С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых

ПЕТЕРБУРГ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И МОСКВА М.А. БУЛГАКОВА: К ВОПРОСУ О МИФОПОЭТИЧЕСКОМ И ХРОНОТОПИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МАКРОТОПОНИМОВ

В статье представлен взгляд на топонимы как средства вербализации хронотопа. Авторами отмечается, что в творчестве Ф.М. Достоевского мифопоэтическим потенциалом обладают как вымышленные топонимы (*Скотопригоньевск, Скворешники, Мордасов, город Т.*), так и реальный топоним *Петербург*, тогда как в художественных текстах М.А. Булгакова мифопоэтически и хронотопически детерминирован топоним *Москва*.

Ключевые слова: топоним, Москва, Петербург, Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков.

S.A. Skuridina, E.O. Kuzminykh

ST. PETERSBURG BY DOSTOEVSKY AND MOSCOW BY BULGAKOV: ON THE QUESTION OF THE MYTHOPOETIC AND CHRONOTOPIC POTENTIAL OF MACROTOPONYMS

The article presents a look at toponyms as a means of verbalization of the chronotope. The authors note that in the works of F. M. Dostoevsky, both fictional toponyms (*Skotoprignyevsk, Skvoreshniki, Mordasov, the city of T.*) and the real toponym Petersburg have mythopoetic potential, while in the artistic texts of M. A. Bulgakov, the toponym Moscow is mythopoetically and chronotopically determined.

Keywords: toponym, Moscow, St. Petersburg, F. M. Dostoevsky, M. A. Bulgakov.

Современный читатель, обратившийся к произведениям классической литературы, далеко не всегда может себе представить, что скрыто за тем или иным введенным в художественный текст топонимом. Зачастую названия географических объектов не вызывают никаких ассоциаций, что связано со значительным временным интервалом, существующим между реальной действительностью, в которой находится реципиент, и изображаемой эпохой. Информация, содержащая адрес проживания того или иного персонажа, может восприниматься как фоновая в то время, как она в большинстве своем является первостепенной, превращаясь в обстоятельную характеристику хронотопа. Топонимическое обозначение позволяет заглянуть в прошлое не только с целью соотнесения географических

реалий нынешних с реалиями минувшими, но и с целью определения социального статуса героя, с целью указания на изображаемый историко-культурный период.

Впервые о возможности имени собственного, для понимания которого важна как этимологическая, так и коннотативная составляющая, выступать в качестве атрибута хронотопа упоминает основатель Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалёв в монографии «Ономастические этюды: писатель и имя» [1].

Топоним – это не только название географического объекта, но и, что обусловлено скрытой культурологической коннотацией, – индикатор определенной эпохи. По мнению И.В. Гюббенета, «эти коннотации представляют собой новое содержание топонимов, функционируя уже как бы в отвлечении от своего первоначального содержания и подвергаясь разнообразным, модификациям в зависимости от изменений в ходе общественного развития» [2, с. 84]. Выявление скрытых смыслов, содержащихся в топониме, способствует более глубокому проникновению в творческий замысел писателя, а следовательно, выводит читателя на другой уровень восприятия художественного текста. Как указывает И.В. Гюббенет, «адрес – неотъемлемая черта образа литературного персонажа, составляющая одно целое с описанием его внешности, речевым портретом и другими деталями авторской характеристики» [2, с. 86].

Многие топонимы Ф.М. Достоевского носят характер сквозных мотивов, то есть пронизывают практически все уровни текста, выступая в роли мифопоэтических координат. Однако вопрос о способности ономастических единиц разного уровня, являющихся нередко выражением мифопоэтических констант, выступать в качестве знаков художественного хронотопа до сих пор является малоизученной [см. 3, с. 154-268].

Хронотоп города у Ф.М. Достоевского представлен двумя вариантами: столичный хронотоп, точнее, хронотоп каменного города Петербурга, и провинциальный хронотоп, воплощением которого является не только Скотопригоньевск с его реальным прототипом Старой Руссой, но и скрывающаяся за заглавной буквой *Т*. Тверь в романе «Бесы», а также другие нестоличные города России.

В творчестве Ф.М. Достоевского немало вымышленных топонимов, ассоциативный потенциал которых обусловлен прозрачностью этимологии (*Скотопригоньевск*, *Скворешники*). К подобным топонимам относится название города в повести «Дядюшкин сон» – *Мордасов*.

Проблема перевоплощения человека в животное выражена лаконично в вымышленном топониме *Скотопригоньевск*, выбранном Ф.М. Достоевским для обозначения пространства, населенного людьми, превратившимися в животных. Интересно, что на одной из улиц уездного городка Скотопригоньевска размещается трактир под названием «Столичный город», что позволяет расширить границы провинциального хронотопа до столичных масштабов.

Выбор топонима *Скворешники* в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» был мотивирован особым пространственным статусом дома как родового гнезда (неслучайно перемещение в пространстве-времени большинства персонажей романа «Бесы» репрезентируется с помощью глагола «летать» и его производных, а некоторые герои носят птичьи фамилии), а также мифологическими представлениями о бесах, являющихся окрыленными существами.

В пространстве города усматривается не только горизонтальная (вширь) направленность, но и вертикальная (ввысь), в связи с чем можно говорить о репрезентации мифопоэтической оппозиции *верх – низ*. С этой точки зрения интересны фамилии персонажей, семантически детерминированные мифологемой *верх*: отец и сын *Верховенские*, Катерина Ивановна *Верховцева*, а также антропонимы *Карамазов*, *Версилов*.

Петербург – «самый умышленный и отвлеченный город в мире» [4, т. 13, с. 101] – предстает перед читателем во многих текстах Ф.М. Достоевского, в связи с чем исследование образа Петербурга в творческом наследии писателя имеет уже столетнюю историю, благодаря чему восстановлены маршруты его героев, рассмотрена обусловленность их образов топографическими реалиями. По мнению В. Бирон, Ф.М. Достоевский применяет «кинематографический» прием «в топографии своих романов – он очень вольно строит декорации к ним. Сбивая читателя точностью поворотов влево, вправо, количеством шагов, он свободно «переносит» дома, меняет владельцев, смещает улицы, добавляет этажи т.д. Ему нужна не топографическая точность, а емкий образ, характер дома или места действия» [5, с. 8].

Топонимы, встречающиеся в художественных текстах Ф.М. Достоевского, являются емкой социолингвистической характеристикой. Как указывает Д.С. Лихачев, «каждый район Петербурга

имел определенную социальную окраску. <...> Район Сенной и Лиговки был районом самых низов города, и поэтому не случайно Достоевский избирал район Сенной местом своих особо пристальных наблюдений и местом действия «Преступления и наказания». Именно поэтому же ему надо было давать точные адреса – где и что происходило. Генерал Епанчин живет близ Литейной (ныне это проспект, а в свое время – улица), недалеко от Преображенского собора. Это определяет категорию лиц, к которым он принадлежит: это район нуворишей, лиц, стремившихся жить поближе к старой аристократии, обитавшей в особняках на Сергиевской, Фурштادتской и прилегающих улицах. «Пять углов» – это некий промежуточный район «полубогатых людей», район весьма смешанный по своему положению лиц, и именно там содержит квартиру для Настасьи Филипповны Тоцкой» [6].

Как для Ф.М. Достоевского, ключевым и наиболее осмысленным исследователями топонимом является Петербург, в творчестве М.А. Булгакова – это, безусловно, Москва. Объемный образ столичного пространства, воссозданный в художественных и публицистических текстах, а также в эпистолярном наследии писателя, позволил говорить о нем, как об одном из создателей московского текста: «Первейшее место в освоении именно московского космоса 20-х гг., безусловно, принадлежит М.А. Булгакову» [7, с. 238].

Несмотря на то, что в научных работах наиболее объемно охарактеризовано московское пространство, описанное в повестях М.А. Булгакова и романе «Мастер и Маргарита», специфические черты столичного топоса писателя выявляются уже в малой прозе начала 1920-х годов.

Образ булгаковской Москвы амбивалентен: в его текстах равноправно сосуществуют Москва inferнальная (по отношению к которой наиболее часто употребляется эпитет «новый»), в описании которой отражены исторические реалии начала 1920-х годов, и Москва сакральная, являющаяся частью культурной памяти и надежд писателя.

Москва inferнальная не имеет верхней точки пространственной вертикали. Это город-преисподняя, символическими репрезентантами являются «бездонная тьма» [8, т. 1, с. 144], «зверская беготня» [8, т. 1, с. 219], «демонические голоса», крик, визг, гомон [8, т. 1, с. 145], духота, жара, «чудная какая-то клоака» [8, т. 1, с. 107], теснота, электрический свет и огонь. В художественном мире писателя электрический свет становится признаком антимира, а огонь имеет бесовскую природу, является частью эсхатологического мифа.

Ожидание конца света – часть мифа «Москва-Третий Рим», связанного со столичным пространством. По мнению П. Ниче, толковать это сопоставление следует так: «Первые два Рима подвергнуты наказанию за их измену православию. Теперь их место заняла Москва. Если же и Москва впадет в грехи, ей не последует четвертый Рим просто напросто потому, что нигде в мире нет больше ни одного православного государства. Это означало бы конец света...» [9, с. 205].

Преобладание inferнальных характеристик в описанном М.А. Булгаковым столичном топосе отражает тенденцию, характерную для русской культуры послереволюционной эпохи, когда «концепт «Третьего Рима» проявляется или в виде ностальгии по дореволюционной России или в виде надежд на его новое грядущее воплощение, т.е. он соотносится или с прошлым Москвы (и России в целом) или с ее сакральным будущим, но не имеет воплощения в настоящем»; «Настоящее Москвы воплощено или в образе «Града Китежа»... или «Второго Вавилона» [10, с. 828].

Одной из характерных и значимых для писателя черт московского топоса 1920-х годов является отсутствие домашнего (уединенного) пространства или его превращение в общественное место (квартиру, коммуны, общежитие, площадь на колесах и т.д.), что указывает на исчезновение одной из составляющих «московского» мифа: представление о столице, как о городе «домашнем» и «гостеприимном» «Утерянная “домашность” Москвы особенно остро переживается в связи с темой постоянного скитальчества, “вырванных корней”, “перекати поля”, которая преследует русского человека на протяжении всего XX века» [10, с. 828]. Бесприютность – одна из значимых черт мироощущения, изображенного М.А. Булгаковым жителя столицы, образ которого зачастую автобиографичен.

Булгаковская столица утрачивает не только дом, но и храмы, являющиеся значимыми точками вертикали городского пространства. Стремление избавиться от духовных центров, по мнению Е.Е. Левкиевской, становится основной чертой «Второго Вавилона» [10].

Inferнальный московский хронотоп, парадоксальным образом сближается с петербургским, на что указывают не соотносимые со столичным топосом характеристики: окраинное положение, мотивы потопа, миражности, блуждания, текстологические и сюжетные параллели с произведениями писателей-творцов петербургского текста.

Упоминания о Петербурге в раннем творчестве писателя немногочисленны. Пространственные координаты «северной» столицы неопределенны, поэтому заменяются временными, что, вероятно, является отражением исторических реалий. В начале 1920-х годов город с названием *Петербург* уже исчезает с карты России, становясь частью культурной памяти.

Появление в текстах писателя Москвы сакральной связано с важной для него идеей «завоевания столиц», которая может восприниматься в метафорическом ключе, как возвращение исконного. Для писателя образ потерянной и будущей Москвы восходит к «ностальгическому» варианту концепции Москва – «Третий Рим» и связан с «<...> ролью Москвы как сакрального центра России и с системой московских православных топосов, вокруг которых развивалась духовная жизнь страны (храма Христа Спасителя, часовни Иверской Божией Матери, кремлевских храмов и др.)» [10, с. 828].

При описании сакральной столицы писатель неоднократно указывает на то, что сакральный облик столицы определяется ее географическим положением. Москва – концентрический город, расположенный на семи холмах. Главной духовной ценностью в идеальном московском пространстве становятся «сорок сороков» и основной из них – Храм Христа Спасителя. По справедливому утверждению И.С. Урюпина, «внутреннее (духовное) и внешнее (физическое) пространство булгаковских произведений почти всегда храмоцентрично»; определяет хронотоп произведений и выступает «своего рода аксиологическим индикатором» [11, с. 102].

Представление о Москве, как о центре духовности, соседствует в текстах писателя с мыслью о столице, как о символе государственности, которая также является составной частью концепции Москва – «Третий Рим». Мифологема «город-государство» в свою очередь актуализирует мифологемы «Москва-мать» и «Москва-дом».

Как видим, смена эпох приводит к смене топосов: в произведениях Ф.М. Достоевского Москва – это место рождения героев, то есть их прошлое, тогда как Петербург – это пространство жизни героев в настоящем, в связи с чем понятие *столичный хронотоп* всецело связано с образом Петербурга; в творчестве М.А. Булгакова актуализация *столичного хронотопа* происходит в Москве, образ которой представлен в двух ипостасях – Москва сакральная и Москва inferнальная.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. Ономастические этюды. Писатель и имя. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 275 с.
2. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
3. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Дисс. ...доктора филологических наук: 10.02.01. Воронеж, 2021. 392 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
5. Бирон В. Петербург Достоевского. Л.: Товарищество «Свеча», 1991. 52 с.
6. Лихачев Д.С. Достоевский в поисках реального и достоверного // Литература – реальность – литература. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1981. С. 53-72.
7. Корниенко Н.В. Москва во времени (Имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10-30-х гг. XX в.) // Москва в русской и мировой литературе. Сборник статей. : Ин-т мир. лит. им. М. Горького Рос. акад. наук / под ред. Н.Д. Блудилина, С.А. Небольсина. М.: «Наследие», 2000. С. 210–248.
8. Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Составление, предисловие, подготовка текста В. Петелин. М.: «Голос», 1995–1999.
9. Ниче П. Москва – Третий Рим? // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимины. Москва, 13-18 мая 1990 г.: [в 2-х частях] / АН СССР, Ин-т истории СССР, Московский государственный историко-архивный институт; [отв. ред.: Ю. Н. Афанасьев, А. П. Новосельцев]. М.: Ин-т истории СССР, 1990. С. 205.
10. Левкиевская Е.Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник / ред-сост. Е.В. Пермяков. М.: О.Г.И. РГГУ, 1997. Вып.2. С. 805-835.
11. Урюпин И.С. Религиозно-философский контекст московского текста М.А. Булгакова: образ храма Христа Спасителя в творчестве писателя // Москва и « московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сб. науч. ст. Ред.-сост. Н.М. Малыгина. М., 2012. Вып. 6. С. 92-105.

References

1. Kovalev G. F. Onomastic sketches. The writer and the name. Voronezh: VSU Publishing House, 2001. 275 p.

2. Gyubbenet I. V. Fundamentals of philological interpretation of literary and artistic text. Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1991. 205 p.
3. Skuridina S. A. Onomastic code of F. M. Dostoevsky's literary texts. Diss. ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.01. Voronezh, 2021. 392 p.
4. Dostoevsky F. M. The complete collection of works in 30 volumes. L.: Nauka, 1972-1988.
5. Biron V. Dostoevsky's Petersburg. L.: Svecha Partnership, 1991. 52 p.
6. Likhachev D. S. Dostoevsky in search of the real and true // Literature – reality literature. L.: Sov. writer: lenigr. otd-nie, 1981. P. 53-72.
7. Kornienko N. In. Moscow time (Name of St. Petersburg and Moscow in Russian literature 10-30-ies of the XX century) // Moscow, in Russian and world literature. Collection of articles. : In-t mir. lit. im. M. Gorky Russian Academy of Sciences / edited by N. D. Bludilin, S. A. Nebolsin. M.: "Heritage", 2000. pp. 210-248.
8. Bulgakov M. A. Collected works in 10 volumes. Compilation, preface, preparation of the text V. Petelin. M.: "Voice", 1995-1999.
9. Nitsche P. Moscow – The Third Rome? // Controversial issues of national history of the XI-XVIII centuries: abstracts of reports and reports of the First readings dedicated to the memory of A. A. Zimin. Moscow, 13-18 may 1990: [in 2 parts] / an SSSR, In-t istorii SSSR, Moscow state Institute for history and archives; [OTV. edited by: Y. N. Afanasiev, A. P. Novoseltsev]. M.: In-t istorii SSSR, 1990. S. 205.
10. Levkieskaya E. E. Moscow in the mirror modern Orthodox legends // Lumanovski collection / ed-comp. E. V. Permyakov. Moscow: O. G. I. RGGU, 1997. Vol.2. Pp. 805-835.
11. Uryupin I. S. The religious and philosophical context of the Moscow text of M. A. Bulgakov: the image of the Cathedral of Christ the Savior in the writer's work // Moscow and the "Moscow text" in Russian literature. Moscow in the fate and creativity of Russian writers: collection of scientific articles, Ed. - comp. N. M. Malygin. M., 2012. Issue. 6. pp. 92-105.

УДК 81

*Воронежский государственный
технический университет
магистрант кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации,
направление «СМИ и интернет»
Хрупин А.В.
Россия, г. Воронеж, тел.: +79610299811
e-mail: deadlol96abc@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural
communication
Master student of
direction "Mass media and the Internet"
A.V. Khrupin
Russia, Voronezh, tel. +79610299811
e-mail: deadlol96abc@yandex.ru*

А.В. Хрупин

ОБРАЗ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СМИ

В статье рассматривается образ Ф.М. Достоевского в отражении журналистских текстов, которые оказывают существенное значение на его восприятие и воспроизведение в общественном сознании и культурном пространстве.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, образ Ф.М. Достоевского.

A.V. Khrupin

THE IMAGE OF F.M. DOSTOEVSKY IN THE MEDIA

The article examines the image of F.M. Dostoevsky in the reflection of journalistic texts, which have a significant impact on his perception and reproduction in the public consciousness and cultural space.

Key words: F.M. Dostoevsky, the image of F.M. Dostoevsky.

На сегодняшний день СМИ являются одним из основных средств формирования в массовом сознании отношения к определенному явлению, в том числе, посредством отражения объективной действительности через призму журналистских текстов, происходит мифологизация явления. Поэтому для изучения явления образа Ф.М. Достоевского в современном культурном пространстве необходимо, в первую очередь, обратить внимание на то, как Ф.М. Достоевский, а также его произведения, отражаются современными СМИ. Для анализа нами был взят контент интернет-ресурсов за последние 5 лет, посвященный Ф.М. Достоевскому, при этом мы намеренно, преследуя цель создания объективной картины, обходили материалы, публикация которых обусловлена празднуемым в 2021 году двухсотлетием со дня рождения писателя.

Большое количество материалов соотносится с личностью Ф.М. Достоевского. Например, большинство статей за 2018 год посвящено проблеме создания музея Достоевского на Кузнечном переулке, что обусловлено теснотой существующего музея: «музей задыхается от нехватки площадей, а главное, он не приспособлен для людей с ограниченными возможностями», а «еще в 1988 году было принято решение о расселении 6 квартир, расположенных по черной лестнице дома 5 по Кузнечному переулку, и передаче их под нужды музея. Однако до распада страны успели расселить только 3 квартиры», – сообщает портал СтройПулс [5]. Несмотря на то, что строительство музея было одобрено, сам проект не вызвал одобрения, так как «черный неотесанный гранит в сочетании медными плитами, коррелирующими с куполами Владимирского собора, по замыслу архитектора», на самом деле не соответствует исторической застройке данного района Санкт-Петербурга. Сам архитектор думает по-другому: ««Я же не указываю, как вам писать статьи, почему вы мне указываете? Петербург Пушкина, Петербург Достоевского, современный Петербург – это разные Петербурги. Почитай-

те, что в начале XX века журналисты писали о здании магазина купцов Елисеевых на Невском проспекте. Тогда тоже считали, что «не вписывается». Время все расставит по своим местам и отделит зерна от плевел. Не понравится, снесут и построят что-то другое. Но я уверен, что будущие поколения будут гордиться этим зданием» [5].

Данная проблема в 2018 году освещалась на канале НТВ, где отмечалось, что в сквере, «на месте которого и должно появиться новое пространство, провели одиночный пикет на площади Ломоносова» [9].

«Российская газета» выступила со статьей «Страсти по Достоевскому», в которой привело мнение Веры Бирон, считающей, что новый музей должен отличаться от существующей архитектуры: «Здание музея, которое будет строиться в XXI веке, не должно имитировать прежний доходный дом, – добавила Вера Бирон. – Оно предназначено именно для музея, поэтому облик здания должен отличаться от окружающей городской среды. Если найден будет точный вариант, новый музей может стать знаком города, его визитной карточкой» [7].

Как видим, несмотря на то, что строительство нового музея – это новый этап сохранения памяти о Ф.М. Достоевском, а значит, забота о культуре молодого поколения, проект встретил негативную реакцию, которая обусловлена не только несоответствием архитектурного облика, но и вторжением в экологию Санкт-Петербурга: «Градозащитники упирают прежде всего на экологический аспект проблемы, справедливо замечая, что в Центральном районе не соблюдаются нормы «обеспеченности зелеными насаждениями общего пользования». Дело в том, что общероссийский стандарт составляет минимум шесть метров на человека, а в центре Северной столицы – всего 4,4 метра. «Решение о строительстве нового здания музея Достоевского на месте сквера в Кузнечном переулке противоречит основным положениям "Петербургской стратегии сохранения культурного наследия", а также нарушает наше право на благоприятную окружающую среду», – говорится в открытом письме, направленном в Смольный», – отмечает «Российская газета» [7].

Отметим еще одну проблемную по своей сути ситуацию за 2018 год, связанную с именем Ф.М. Достоевского, и представляющую интерес для нашей работы в контексте анализа образа писателя. Информационным поводом послужила победа Ф.М. Достоевского в конкурсе «Великие имена России» и последующая за этим общественная реакция. «Великие имена России» – это инициатива правительства, направленная на выявление, путем голосования наиболее знаковых и выдающихся отечественных деятелей разных направлений, внесших значительный вклад в становление России. Их имена должны будут послужить наименованиями для 47-и аэропортов страны. Так по результатам голосования аэропорт Пулково в городе Санкт-Петербург, должен был быть переименован, в честь победившего на втором этапе конкурса Ф.М. Достоевского. Однако, подобные изменения были встречены горожанами негативно и с известной долей иронии. Так в газете «Метро» была опубликована статья с заголовком: «Переименование аэропорта Пулково: имя Достоевского нравится не всем». В статье сообщается о том, что: «После того, как стало ясно, что имя писателя Федора Достоевского победило в конкурсе лучших имен для аэропорта Пулково, соцсети взорвались десятками иронических комментариев. Общественная палата Петербурга настаивала на имени Петра Великого» [6]. Отметим, что имя Петра Великого, послужит новым наименованием для аэропорта города Воронежа, так как в процентном соотношении воронежцев, проголосовавших за этот вариант, оказалась больше. Однако вернемся к Достоевскому, насколько мы можем судить, поводом для упомянутых в статье иронических комментариев послужил творческий образ писателя, обусловленный социальной направленностью его произведений. Прочитав некоторые из комментариев, приведенных в статье: «Аэропорт Пулково имени Достоевского – почувствуй себя идиотом; Теперь москвичи будут ржать над нами: а полетели к Униженным и оскорбленным; Напоминаем вам, что идиотам запрещено покидать кресло до полной остановки, – именно так, уверен петербуржец Андрей Зеленкин, будут приветствовать пассажиров в Пулково. – Первыми к выходу приглашаются бесы из салона бизнес-класса, бедные люди выйдут позже.» [6]. Для издания «Метро», сложившаяся ситуация прокомментировал и внук писателя Дмитрий Достоевский: «Не нужно ничего переименовывать! От этого погода не улучшится, и задержки не исчезнут.»

В продолжение темы, но уже 31 мая 2019 года появилась публикация на интернет-ресурсе «Федеральное агентство новостей» под заголовком: «Шуров порадовался, что аэропорт Пулково не назвали именем Достоевского». Лидер группировки «Ленинград» выразил следующее мнение – «Я буду по-прежнему аэропорт называть «Пулково», мне так удобнее. Достоевский – писатель мрач-

ный» [66]. Отметим, что наименование аэропорта Пулково останется без изменений: «Как сообщалось, президент России Владимир Путин указом присвоил аэропортам России имена лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством. При этом «Пулково» имени не получил несмотря на то, что решение о присвоении ему имени Достоевского должно было быть принято по итогам народного голосования» [8].

Прямое отношение к образу Ф.М. Достоевского можно увидеть непосредственно в интервью с известными исследователями. Например, на странице интернет-газеты «Лицей» за 9 ноября 2012 года опубликовано интервью под названием «Время ФМ» с доктором филологических наук Н.А. Тарасовой. Интересны подобные материалы тем, что интервьюируемый выражает свое отношение с научных позиций. В качестве эпиграфа для интервью послужило высказывание Н.А. Тарасовой: «Я считаю величайшей мыслью Достоевского о том, что человека нужно любить, что человек нуждается в сочувствии и сострадании, что даже падшему, согрешившему человеку дана возможность покаяния и прощения». В продолжении беседы она пояснила значение текстологии в творчестве Ф.М. Достоевского и важность работы с первоисточником: «Мне казалось, что невозможно судить об авторском замысле и его воплощении, не учитывая всю историю этого замысла, от черновиков до печатного текста, с изучением особенностей авторского языка. Это так и есть. В процессе публикации авторского текста могли появляться ошибки его прочтения, допускаявшиеся наборщиками, корректорами, редакторами» [1].

Интересно отношение Н.А. Тарасовой к популярности Достоевского в мировом сообществе и проблема восприятия его произведений за границей, связанная с двойным переводом: «Популярности Достоевского в других странах способствуют общие идеи, которые принято связывать с его творчеством, – осмысление христианской темы, изображение русского народа, проблема страдания, вопрос о преступлении, покаянии и прощении. Но это идеи, воплощенные не только собственно в текстах Достоевского, но и в многообразной культурной рецепции его произведений – в театре, кино, философской мысли. Отсюда и популярность» [1].

Также Наталья Александровна рассказала, как она открыла для себя Достоевского: «Я открывала Достоевского постепенно. В школьные годы на меня произвела впечатление именно форма его сочинений – стиль, живость диалогов, динамика действия и, главное, способность каким-то неуловимым образом вызвать сильное сопереживание тем событиям, которые описывались в его романах. С одной стороны, это было первое и внешнее впечатление от прочитанного. С другой, – это была уже симпатия, я поняла, что это мой автор».

Также интерес для нашей работы представляет интервью с одним из ведущих в России исследователей жизни и творчества Ф.М. Достоевского Игорем Волгиным, опубликованное 3 июля 2018 года на сайте газеты «Московский Комсомолец» под заголовком «Игорь Волгин и белые пятна Достоевского». В нем известный исследователь рассказывает о ведущейся им работе – «Я в основном занимаюсь неизвестными сюжетами, белыми пятнами биографии Достоевского. А ведь это – одна из самых замечательных и трагических биографий в мире, она включает в себя, я думаю, все интенции России, весь диапазон духовных исканий: все российские, русские духовные искания прошли через Достоевского. Иными словами, я занимаюсь сюжетами малоизвестными или вовсе неизвестными» [3].

В интервью с Игорем Волгиным были затронуты некоторые легенды и байки о Ф.М. Достоевском, которые исследователь опроверг. Например, что история из «Преступления и наказания», в которой Свидригайлов надругался над 14-летней девочкой, после чего та повесилась, связана с самим писателем: говорили, что Достоевский сам признавался в подобном Тургеневу. «Это всё легенды. Они возникли очень давно, впервые – в письме Николая Стрехова Льву Толстому, причем со слов некоего господина Висковатова, с которым Достоевский близок не был, но которому якобы рассказывал какие-то интимные вещи о себе. Это, как сказала поэтесса, давно разоблаченная морока... Миф о Достоевском-педофиле не имеет ничего общего с правдой, хотя проистекает из реального события. Достоевский в компании рассказал как-то о самом страшном переживании своей жизни: когда ему было 11 или 12 лет, в московской Мариинской больнице для бедных, где его отец служил врачом, несовершеннолетнюю девочку-служанку изнасиловал пьяный. Это одно из самых сильных потрясений его детства», – прокомментировал Игорь Волгин [3].

Также, была затронута тема, связанная с образом Ф.М. Достоевского в современной России. Как пояснил исследователь: «Всё на продажу» – черта современного общества потребления. Это не плохо и не хорошо. Другое дело, что такие «конфетки» возникают в искусстве, скажем, в фильмах о

Достоевском, где он становится гламурно-конфетным бонвиваном. Самое смешное, что некоторые школьники воспринимают роман Бориса Акунина «FM» как настоящее «Преступление и наказание»... Вот это очень плохо, конечно, но ничего не поделаешь. Гении обречены на тиражирование и маргинализацию.»

Так, на наш взгляд, отмечаемая современниками неоднозначность образа Ф.М. Достоевского, обусловила возникновение в наше время двух противоположных тенденций. Первая тенденция – это сохранение образа Ф.М. Достоевского как великого писателя и философа, которая реализуется, как правило, через публикации и интервью с профильными специалистами. Вторая тенденция – превращение образа Ф.М. Достоевского в образ поп-культуры, что связано с его тиражированием в массы через его переосмысление. Массовизация образа Ф.М. Достоевского создается в процессе интерпретации его, которая невозможна без трансляции субъективного опыта интерпретатора, и в результате теряются основные идеи и смыслы.

Библиографический список

1. «Время FM». URL: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/4579-vremya-fm> (дата обращения – 8.05.19).
2. Захаров Е.Е Творчество Достоевского в русском литературно-критическом сознании начала XX века: пути восприятия и осмысления: Дис. . канд. филол. наук. Саратов, 1999.
3. Игорь Волгин о белых пятнах Достоевского. URL: <https://www.mke.ee/sobytiya/igor-volgin-i-belye-pyatna-dostoevskogo> (дата обращения – 15.05.19).
4. Музей Достоевского. URL: <http://www.voronezh.pro/muzey-dostoevskogo.html> (дата обращения – 14.05.19).
5. Неизбежный музей Достоевского. URL: <http://stroypuls.ru/gorodskaya-sreda/156253/> (дата обращения – 26.04.19).
6. Переименование аэропорта Пулково: имя Достоевского нравится не всем. URL: <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/pereimenovanie-aeroporta-pulkovo-imya-dostoevskogo-nravitsya-ne-vsem-1494783/> (дата обращения – 24.05.19).
7. Страсти по Достоевскому. URL: <https://rg.ru/2018/04/18/reg-szfo/v-peterburge-razgorelsia-skandal-vokrug-muzeia-dostoevskogo.html> (дата обращения – 11.05.19).
8. Шнуров порадовался, что аэропорт Пулково не назвали именем Достоевского. URL: <https://riafan.ru/1183284-shnurov-poradovalsya-chto-aeroport-pulkovo-ne-nazvali-imenem-dostoevskogo> (дата обращения – 17.04.19).
9. Эксперты раскритиковали облик нового здания петербургского музея Достоевского. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2086245/> (дата обращения – 24.05.19).

References

1. "Time FM". URL: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/4579-vremya-fm> (date of access - 05/08/19).
2. Zakharov EE Dostoevsky's work in the Russian literary-critical consciousness of the early 20th century: ways of perception and understanding: Dis. ... Cand. philol. sciences. Saratov, 1999.
3. Igor Volgin on Dostoevsky's white spots. URL: <https://www.mke.ee/sobytiya/igor-volgin-i-belye-pyatna-dostoevskogo> (date of access - 15.05.19).
4. Dostoevsky Museum. URL: <http://www.voronezh.pro/muzey-dostoevskogo.html> (date of access - 05/14/19).
5. The inevitable Dostoevsky Museum. URL: <http://stroypuls.ru/gorodskaya-sreda/156253/> (date of access - 04/26/19).
6. Renaming Pulkovo Airport: Not everyone likes Dostoevsky's name. URL: <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/pereimenovanie-aeroporta-pulkovo-imya-dostoevskogo-nravitsya-ne-vsem-1494783/> (date of access - 05.24.19).
7. Passion for Dostoevsky. URL: <https://rg.ru/2018/04/18/reg-szfo/v-peterburge-razgorelsia-skandal-vokrug-muzeia-dostoevskogo.html> (date of access - 05/11/19).
8. Shnurov was glad that Pulkovo airport was not named after Dostoevsky. URL: <https://riafan.ru/1183284-shnurov-poradovalsya-chto-aeroport-pulkovo-ne-nazvali-imenem-dostoevskogo> (date of access - 17.04.19).
9. Mironova N.N. Evaluation discourse: problems of semantic analysis // Izvestiya AN. A series of literature and language. M., 1997. T. 56. No. 4. S. 52-59.

УДК 81'42

*Самарский государственный социально-педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Клюшина А.М.
Россия, г. Самара,
e-mail: klyushina@pgsga.ru
+7297014908*

*Samara State University of Social Sciences and Education
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at English Philology and Cross-Cultural Communication Department
Klyushina A.M.
Russia, Samara,
e-mail: klyushina@pgsga.ru
+7297014908*

А.М. Клюшина

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЕНТОВ СЕМАНТИКИ КРАЙНОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»)**

Настоящая работа посвящена характеристике сочетаний конститuentов семантики крайности в художественном произведении Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Автор статьи рассматривает субкатегорию минимальности функционально-семантической категории крайности, передающей значения выбора, количества, действия, субъекта-объекта действия. Высказывается мнение, что обращение к семантике крайности является стилиобразующим в творчестве Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория крайности; семантика крайности; Ф.М. Достоевский; «Бедные люди»; субкатегория минимальности.

А.М. Klyushina

**INTERACTION OF THE CONSTITUENTS OF THE SEMANTICS OF EXTREME IN THE
NOVELS OF F.M. DOSTOEVSKY (BASED ON THE NOVEL “POOR PEOPLE”)**

The article is devoted to the characterization of combinations of constituents of the semantics of extreme in the novel of F.M. Dostoevsky “Poor People”. The subcategory of minimality of the functional-semantic category of extreme is studied. It conveys the meanings of choice, quantity, action, subject-object of action. The author expresses the opinion that the appeal to the semantics of extreme is the style-forming in the works of F.M. Dostoevsky.

Key words: the functional-semantic category of extreme; the semantics of extreme; F.M. Dostoevsky; “Poor People”; the subcategory of minimality.

Полевой подход, который возник в конце XIX века, получил широкое распространение во второй четверти XX века. В настоящее время изучены разнообразные аспекты исследования языковых единиц в полевом подходе [11]. Многие функционально-семантические категории уже выявлены и описаны в лингвистике, к ним относят семантики градуальности [14], неизвестности [1], сомнения [18], представления [3], пассивности [9; 19], умолчания [7], неуловимого [8], невыразимого [16], ожидания [21], типичности [20] и др.

Мы рассматриваем семантику крайности как особую функционально-семантическую категорию, обладающую своим планом выражения в русском языке и русской речи. Впервые о семантике крайности написала Т.М. Николаева в монографии «Семантика акцентного выделения» [17]. Изучая проблемы акцентного выделения, Т.М. Николаева отметила, что дополнительное значение в высказывании может выражаться особой выделительной интонацией в устной коммуникации или акцентными частицами в письменной коммуникации [17; с. 63].

В отечественной русистике только начинают появляться работы по исследованию функционально-семантической категории крайности. Лишь попутно говорится о семантике крайности в моно-

графии Е.П. Иванян [7; с. 222] и в работах учеников ее научной школы И.В. Бровкиной [2; с. 19-20] и Л.А. Горшковой [4; с. 90], которые посвящены исследованию неопределенных местоимений. В последнее время появляются первые научные работы, посвященные выражению семантики крайности в художественных произведениях [12; 13].

Цель настоящей статьи – дать краткую характеристику бытования сочетания конститuentов семантики крайности в художественном тексте на материале произведений Ф.М. Достоевского.

Средства передачи функционально-семантической категории крайности иерархически организованы и представлены на разных языковых уровнях: в особой просодии (акцентном выделении), лексически при помощи лексем *край*, *крайний*, *крайность* и др., фразеологизмов, включающих лексему *крайность*. Конституентами семантики крайности в определенных условиях являются частицы *хоть*, *-нибудь* и др. Мы считаем, что синтагматическое «соседство» лексем *хоть* + *какой-нибудь*, *хоть* + *что-нибудь*, *хоть* + *как-нибудь*, *хоть* + *сколько-нибудь*, *хоть* + числительное, *хоть* + диминутив регулярно порождает семантику крайности, а именно её субзначение минимальности.

Анализ творчества Ф.М. Достоевского позволяет нам предположить, что этот мастер слова достаточно частотно применял средства выражения функционально-семантической категории крайности. Мы можем отметить, что средства передачи семантики крайности так актуализированы в художественном пространстве его произведений, что являют собой своего рода стилиобразующую черту автора. Приведем высказывания критиков, литературоведов, ученых о творчестве Ф.М. Достоевского и его творческом методе, которые косвенно доказывают наше предположение.

А.Б. Криницын указывает на то, что «структура героя напрямую зависит от концепции человека у писателя. Достоевский исходит в своем понимании человеческой природы из принципов парадокса и «схождения **крайностей**» [15; с. 129], а также: «максимально усложняя характер своих героев, Достоевский совмещает в нем несовместимые противоположные черты, меняя местами **крайность** и норму» [15; с. 128].

Б.А. Грифцов отмечает: «Многопланность и радикализм сознания, требующего **крайностей**, полных осуществлений, мечущегося от **крайностей** и никогда не удовлетворяющегося “полулюбовью”, никогда не способного найти синтез, найти единую, всеопределяющую точку» [5; с. 206].

Во всех приведенных цитатах употребление абстрактного существительного *крайность* выражает радикальный выход за норму описываемой ситуации, чрезвычайность; о лексикографическом портретировании лексемы *крайность* см. [10]. Приведенные высказывания косвенным образом указывают на актуальность нашего исследования и подтверждают его новизну.

Что касается взаимодействия конститuentов семантики крайности *хоть* и *-нибудь*, *хоть* и *числительное*, *хоть* и *диминутив* то, согласно замечанию Т.М. Николаевой, они передают субзначение минимальности [17; с. 63]. Приведем примеры употребления исследуемых сочетаний для выражения субзначения минимальности функционально-семантической категории крайности в художественном произведении Ф.М. Достоевского «Бедные люди» в значениях выбора, количества, действия, субъекта-объекта действия.

Значение выбора субзначения минимальности семантики крайности может выражаться взаимодействием конститuentов *хоть* + *что-нибудь*, *хоть* + *какой-нибудь*:

[из письма Макара] *Я было хотел говорить, да он меня прервал: «Я, дескать, всех боюсь здесь, Макар Алексеевич, то есть не то что боюсь, а так, знаете, совестно; люди-то они всё гордые и кичливые. Я бы, говорит, вас, батюшка и благодетель мой, и утруждать бы не стал: знаю, что у вас самих неприятности были, знаю, что вы многого и не можете дать, но **хоть что-нибудь** займы одолжите; и потому, говорит, просить вас осмелился, что знаю ваше доброе сердце, знаю, что вы сами нуждались, что сами и теперь бедствия испытываете — и что сердце-то ваше потому и чувствует сострадание»* [6; с. 122].

[из письма Варвары] *Живите тихонько, как можно скромнее, и с этого же дня начинайте всегда **хоть что-нибудь** откладывать, чтоб несчастья не застали вас опять внезапно* [6; с. 128].

[из письма Макара] *Не взыщите, душечка, на писанин; слогу нет, Варенька, слогу нет никакого. **Хоть бы какой-нибудь** был! Пишу, что на ум взбредет, так, чтобы вас только поразвеселить чем-нибудь* [6; с. 43].

Значение количества субзначения минимальности функционально-семантической категории крайности выражается сочетанием конститuentов *хоть* + *сколько-нибудь*:

[из письма Варвары] *Теперь я к вам обращаюсь, Макар Алексеевич, и молю вас о помощи. Не оставляйте меня, ради бога, в таком положении! Займите, пожалуйста, **хоть сколько-нибудь** достаньте денег, нам не на что съехать с квартиры, а оставаться здесь никак нельзя более: так и Федора советует* [6; с. 102].

Значение действия в исследуемом художественном произведении передается взаимодействием конститuentов *хоть* + *раз*:

[из письма Макара] *Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив! Вы хоть раз в жизни, упрямец, меня послушались* [6; с. 31].

Значение субъекта-объекта действия субзначения минимальности семантики крайности выражено сочетанием *хоть* + диминутив, *хоть* + *-нибудь*, *хоть* + числительное:

[из письма Макара] «*Батюшка, Макар Алексеевич, — говорит он мне, — я многого и не прошу, а вот так и так (тут он весь покраснел), жена, говорит, дети, — голодно — хоть гривенничек какой-нибудь*». *Ну, тут уж мне самому сердце защемило. Куда, думаю, меня перецегаляли! А всего-то у меня и оставалось двадцать копеек, да я на них рассчитывал: хотел завтра на свои крайние нужды истратить. «Нет, голубчик мой, не могу; вот так и так», — говорю. «Батюшка, Макар Алексеевич, хоть что хотите, говорит, хоть десять копеечек»* [6; с. 122-123].

[из письма Макара] *А если сравнением выразиться, так это, может быть, оттого происходит, что я сам запуган и загнан, как хоть бы и этот беденький мальчик, что милостыни у меня просил* [6; с. 121].

[из письма Макара] *А я всё про свое — что, дескать, Петр Петрович, нельзя ли как-нибудь? Он молчит и как будто не слышит, я постоял-постоял, ну, думаю, попробую в последний раз, да и дернул его за рукав. Он хоть бы что-нибудь вымолвил, очинил перо, да и стал писать; я и отошел* [6; с. 101-102].

Из всех выявленных примеров, демонстрирующих взаимодействие конститuentов функционально-семантической категории крайности для передачи субзначения минимальности наиболее частотным оказалось синтагматическое соседство частиц *хоть* + *-нибудь* (46,2%). В то время как взаимодействие конститuentов семантики крайности *хоть* + диминутив (38,5%) и *хоть* + числительное (15,3%) оказалось менее частотным.

Подведем итоги. Творчество Ф.М. Достоевского изобилует примерами обращения к конститuentам семантики крайности. Косвенным подтверждением этому являются многочисленные цитаты, включающие лексему *крайность* ученых, критиков о творческом методе анализируемого писателя и характере, действиях героев его романов. Комплексными конститuentами функционально-семантической категории крайности являются сочетания *хоть* и *-нибудь*, *хоть* и числительное, *хоть* и диминутив. В анализируемом художественном произведении эти конститuentы семантики крайности достаточно частотны и передают значение минимальности (выбора, действия, количества, субъекта-объекта действия). Мы считаем перспективным проведение исследований по выявлению других конститuentов функционально-семантической категории крайности в художественных произведениях Ф.М. Достоевского, творчество которого насыщено примерами выражения семантики крайности.

Библиографический список

1. Акимова О.Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке. М., 1999. 168 с.
2. Бровкина И.В. Единицы неопределенной семантики в прозе А. Платонова: функциональный аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2009. 24 с.
3. Голадейко Л.Н. Лексико-фразеологические средства выражения семантики представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. 72 с.
4. Горшкова Л.А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева: диссертация ... кандидата филологических наук. Самара, 2005. 187 с.
5. Грифцов Б.А. Эстетический канон Достоевского. Вступительная заметка и публикация В. Лушпая // Вопросы литературы. 2005. №2. С. 191-208.
6. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 1. С. 31-146.
7. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М., 2015. 307 с.
8. Калинина Л.В. Языковые средства выражения семантики неуловимого в поэзии раннего О. Э. Мандельштама // Филология и культура. 2015. №4 (42). С. 76-80.
9. Ключина А.М. Средства выражения пассивности в английском языке в синхронии и диахронии: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2013. 23 с.
10. Ключина А.М. Лексикографическое портретирование лексики «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf>.
11. Ключина А.М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. № 10. С. 113-118.
12. Ключина А.М. Проявление семантики крайности в персонификации В.С. Высоцкого // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 2020. Издательство: МГОУ. С. 247-250.

13. Ключина А.М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2020. С. 138-144.

14. Колесникова С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. М., 1998. 178 с.

15. Криницын А.Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 128-142.

16. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого и средства её передачи в русском языке: монография. Самара: СГСПУ, 2017. – 243 с.

17. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. Москва: Изд-во «Наука», 1982. 104 с.

18. Никольская И.Г. Выражение семантики сомнения в современном русском языке // Известия Российской государственной педагогической академии им. А. И. Герцена. – 2009. №118. С. 197-201.

19. Стойкович Г.В., Ключина А.М. Категориальные и некатегориальные средства выражения пассивности в английском научном, художественном и политическом дискурсах: монография // под науч. ред. д.п.н. М. П. Нечаева. – Чебоксары: Экспертно-методический центр, 2014. 65 с.

20. Трушков М.А. Семантика типичности и основные средства её выражения в современном русском языке: автореф. дис. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2018. 24 с.

21. Чебышев Ф.А. Семантика ожидания и средства её выражения в русском языке: автореф. дис. ... к. филол. н. Пермь, 2017. 24 с.

References

1. Akimova O.B. Semantics of the unknown and means of its expression in the Russian Language. M., 1999. 168 p.
2. Brovkina I.V. Units of indefinite semantics in the prose of Andrey Platonov: the functional aspect. Ufa, 2009. 24 p.
3. Goladeyko L.N. Lexical and phraseological means of expressing the semantics of representation in the modern Russian language (based on the material of fiction). Ufa, 2012. 72 p.
4. Gorshkova L.A. Semantics and functions of indefinite pronouns in B. K. Zaitsev's Prose. Samara, 2005. 187 p.
5. Gritvov B.A. Dostoevsky's aesthetic canon. Introductory note and publication by V. Lushpay // Literature Issues. 2005. № 2. P. 191-208.
6. Dostoyevskiy F.M. Poor People // Dostoyevskiy F.M. Collected works in 15 volumes. L.: Science, 1991. T. 9. P. 5-570.
7. Ivanyan E.P. The semantics of default and the means of its expression in the Russian language. M., 2015. 307 p.
8. Kalinina L.V. Linguistic means of expressing the semantics of the elusive in the poetry of the early O. E. Mandelstam // Philology and Culture. 2015. № 4 (42). P. 76-80.
9. Klyushina A.M. Means of expressing passivity in English in synchronicity and diachrony. Samara, 2013. 23 p.
10. Klyushina A.M. Lexicographic portraiture of the lexeme "крайность" // World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2020. № 4, <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf>
11. Klyushina A.M. The problem of the existence of a functional-semantic approach in linguistics: a systematic review // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. 2020. T. 13. № 10. P. 113-118.
12. Klyushina A.M. The manifestation of the semantics of the extreme in peronosphere of V.S. Vysotsky // Lekant's Readings. M., 2020. P. 247-250.
13. Klyushina A.M. The combination of particles to convey the semantics of the extreme in the work of A. Gelasimov // Semantics. Functioning. Text. Киров, 2020. P. 138-144.
14. Kolesnikova S.M. The semantics of gradualness and ways of its expression in the modern Russian language. M., 1998. 178 p.
15. Krinitsin A.B. On the typification of heroes in the novels "The Pentateuch" by F. M. Dostoevsky // Scientific Dialogue. 2016. № 4 (52). P. 128-142.
16. Mikhailova M.Yu. Semantics of the ineffable and the means of its transmission in the Russian language. Samara, 2017. 243 p.
17. Nikolaeva T.M. The semantics of accentuation. M., 1982. 104 p.
18. Nikol'skaya I.G. Expression of the semantics of doubt in modern Russian // Izvestia of the Herzen Russian State Pedagogical University. 2009. № 118. P. 197-201.
19. Stoikovich G.V., Klyushina A.M. Categorical and non-categorical means of expressing passivity in English scientific, artistic and political discourses: a monograph. Cheboksary, 2014. – 65 p.
20. Trushkov M.A. Semantics of typicality and the main means of its expression in the modern Russian language. Nizhnii Novgorod, 2018. 24 p.
21. Chebyshev F.A. Semantics of expectation and means of its expression in the Russian language. Perm', 2017. 24 p.

УДК 811.161.1

*МБОУ СОШ № 87 г.Воронежа
заместитель директора по УВР,
учитель русского языка и литературы
Полевая Г.Н.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: galka.polevaya@yandex.ru
+79102861703*

*Secondary school № 87, Voronezh,
Deputy Director for educational work
Teacher of Russian language and literature
Polevaya Galina N.
Russia, Voronezh,
e-mail: galka.polevaya@yandex.ru*

Г.Н. Полевая

РАЗБОР АНТИТЕЗЫ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

В статье рассматривается пример представления основной антитезы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» для восприятия старших школьников, которых необходимо привести к мысли об ответственности человека за свой выбор.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», ответственность, свобода, преступление, наказание, человек.

G.N. Polevaya

ANALYSIS OF THE ANTITHESIS «CRIME – PUNISHMENT» AT LITERATURE LESSONS IN HIGH SCHOOL

The article discusses an example of the submission of the main antithesis in the novel "Crime and Punishment" by Dostoevsky for the perception of senior schoolchildren. The images of significant characters of the work are sorted out into 2 motifs: a crime and, as a result, punishment: a schematic table appears. It is important to bring schoolchildren to the idea that Dostoevsky speaks of a person's responsibility for the choice.

Key words: Dostoevsky, "Crime and Punishment", responsibility, freedom, crime, punishment, man.

Традиционно изучение романа Ф.М. Достоевского предполагает раскрытие перед учащимися основных мотивов романа, выход на главную мысль произведения, определение проблемных вопросов.[2] При этом необходимо понимать, что ученикам десятых классов в силу возраста трудно воспринимать сложнейшие философские подтексты Достоевского, поэтому о многом, особенно без углубленного изучения, говорится упрощенно. К тому же сами исследователи до сего времени спорят и об идейном смысле произведения и о скрытых авторских оценках. Отсюда возникает вопрос о выборе форм и методов для изучения романа, чтобы дать хотя бы обобщенное представление о великом замысле автора и об одном из гениальных произведений русской классики XIX века.

Основной целью настоящей статьи является разбор антитезы «преступление-наказание» на образах героев романа «Преступление и наказание» для восприятия школьниками старших классов одного из главных смысловых направлений произведения. Данная цель предполагает решение ряда задач:

- закрепление понятия «антитеза»;
- рассмотрение героев романа в ракурсе «преступление / наказание»;
- формирование выводов о значимости данной антитезы для идеи произведения.

Данная статья представляет собой описание работы с таблицей как метода структурирования текста на стадии осмысления и переработки информации, результат некоторой классификации.

Антитеза, данная в названии, конечно, привлекает внимание читателей-учеников. Ко времени обучения в старших классах они уже имеют представление о том, что антитеза - это стилистическая фигура, основанная на резком противопоставлении образов и понятий [4]. «Антитеза и антитетич-

ность в творчестве Достоевского являются одним из основных принципов поэтики. Это обусловлено самим миропониманием писателя...» [4]. Поэтому целесообразно на одном из уроков, посвященных роману Достоевского и связанного с темой «Проблема личной ответственности человека за свою позицию в противоречивом мире» заполнить и обсудить таблицу «Антитеза в романе».

В основе лежат два понятия: «преступление» и «наказание». Дается определение данных понятий, например, по словарю С.И. Ожегова: «ПРЕСТУПЛЕНИЕ, я, ср. 1. см. преступить. (ПРЕСТУПИТЬ, -уплю, -упишь; сов., что (устар.)). *Самовольно* нарушить, отступить от чего-н. П. закон.) 2. Общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности. Совершить п. Государственное п. (посягательство на интересы государства). Должностное п. Преступления против человечества (преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности: подготовка и ведение агрессивных войн, применение средств массового уничтожения людей, военные акции против мирного населения, грабежи, убийства и другие злодеяния, расизм, геноцид, апартеид)» [3; с. 506]; «НАКАЗАНИЕ, я, ср. 1. Мера воздействия на того, кто совершил проступок, преступление. Не пустили гулять в н. за шалость. Заслуженное н. Тяжелое н.» [3; с. 325] (берем здесь прямое значение). К этому уроку уже приходим к выводу, что Раскольников сам сделал выбор и за него теперь несет ответственность. Следовательно, по существу, каждый человек выбирает себе закон – как жить и что при этом получается.

Берем героев романа и разбираем их в рамках таблицы, учитывая, что «Интерес автора пока сосредоточен прежде всего на наказании. Пафос Достоевского – в утверждении неизбежности возмездия, которое исходит из глубин самой «человеческой природы». В этом состоят «Божия правда» и одновременно «земной закон». Писатель так формулирует свою «мысль»: «налагаемое юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти и потому, что он и сам его нравственно требует» [5; с. 3]. Итак, Раскольников преступает закон Божий и человеческий «не убий» (теоретически и практически) – полной мерой испытывает ужас своего деяния, чувствует себя, так как будто «ножницами отрезал» себя от всех людей, его наказание – отчуждение от людей, нет для него жизни, которая невозможна без общения с людьми [1; с. 65], общественное же наказание – каторга. Сонечка: «преступает» ради сводных сестер и брата, продавая себя – отчуждение, «желтый билет». Катерина Ивановна: вышла замуж за Мармеладова не по любви, а чтобы спастись от бедности, толкает падчерицу на продажу себя ради детей – болеет чахоткой, сходит с ума, в день похорон Мармеладова – его несчастная вдова – падает на улице и умирает от кровотечения. Мармеладов: все пропивает, нет ответственности за семью – нравственные терзания усиливаются, пьяный Мармеладов попадает на улице под лошадей и от полученных травм умирает в тот же день. Дунечка: согласна выйти замуж (продажа себя по расчету) ради брата – нравственные терзания. Мать Раскольникова Пульхерия Александровна: согласна с жертвой Дуни (выбор между детьми) – Проведя семь месяцев с расстроенным рассудком, Пульхерия Александровна заболевает горячкой и умирает. Старуха-процентщица: алчность, жадность – смерть от руки кредитора. Лизавета: «все время беременна» (преступает нравственный закон) – смерть. Петр Петрович Лужин: подлый, расчетливый эгоист – наказание состоит в том, что все планы терпят крах, самолюбие уязвлено, а его собственная теория обращается против него. Аркадий Иванович Свидригайлов: был карточным шулером, а затем и вовсе стал убийцей, отсидел срок в тюрьме, а после оказался виновным в смерти своей жены – осознает, что весь путь, который он прошел, был неправильным, и теперь он стал рабом собственной прихоти и желаний, с которыми не в силах бороться, самоубийство.

Конечно, каждый образ разбирается подробнее, чем сформулировано для таблицы. Но школьники снова убеждаются в том, что роман полифонический, что каждый является грешником в силу своих обстоятельств, – это знак времени. И важно показать меру ответственности за содеянное. Вопрос преступления и наказания никогда не был в России только лишь вопросом сугубо юридическим. Это был вопрос религиозный и метафизический. Это особенно ярко показал в своём творчестве Достоевский. Чувство вины – это ответственность перед Богом, а не перед человеческим судом. Человеческого суда избежать можно, обманув следователя, а вот от Божьего суда никто не уходил никогда.

Таким образом, еще раз подтвердим, что роман Достоевского, изображающий «обыденную» жизнь «частных» людей, стоит в одном ряду с величайшими трагедиями мира. В нем утверждены величайшая «свобода воли» человека, его право на эту свободу и в то же время величайшая его «ответственность» перед целым миром. [1; с. 67],

Библиографический список

1. Кожин В.В. «Победы и беды России», 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://litrus.net/book/description/118257> (дата обращения 21.03.2021)
2. Литература. 10 класс. Методические рекомендации. Под редакцией В.Г. Маранцмана / Проблемное изучение романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 2009. 336с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sinykova.ru/biblioteka/marancman_literatura_10kl_metod/9.html#1. (дата обращения 21.03.2021)
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. «Русский язык», 1987
4. Пращерук Н.В. Антитеза. Сетевое издание «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества» [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/130/>(дата обращения 21.03.2021)
5. Тихомиров Б. К осмыслению глубинной перспективы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» сб.: Достоевский в конце XX века. М.: Издательство: Классика плюс, 1996. С.251-270.

References

1. Kozhinov V.V. "Victories and troubles of Russia", 2002.. [Electronic resource]. URL: <https://litrus.net/book/description/118257> (accessed 21.03.2021)
2. Literature. 10th grade. Methodological recommendations. Edited by V. G. Marantsman./ Problematic study of the novel by F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment". Moscow, 2009. 336с. [electronic resource]. URL: https://www.sinykova.ru/biblioteka/marancman_literatura_10kl_metod/9.html#1. (accessed 21.03.2021)
3. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. M. "Russian language", 1987
4. Prashcheruk N. V. Antithesis. Online publication " Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. Anthology of life and creativity" [Electronic resource]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/130/>(accessed 21.03.2021)
5. Tikhomirov B. To comprehend the deep perspective of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" collection: Dostoevsky at the end of the XX century. Moscow: Publishing House: Classic Plus, 1996. pp. 251-270.

УДК 82 (821.161.1: Русская литература)

*Московский государственный
психолого-педагогический университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной и русской филоло-
гии Гусева Е.В.
Россия, г. Москва,
электронная почта: lemuelle@yandex.ru*

*Moscow State University of Psychology & Edu-
cation
Candidate of philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Foreign and Rus-
sian Philology
Guseva E.V. Moscow, Russia
e-mail: lemuelle@yandex.ru*

Е.В. Гусева

«ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ, ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье анализируются «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского с точки зрения их жанрового своеобразия и истории публикации. Уточняется, что в сложно организованном, синтетическом произведении доминируют черты повести и драмы, также оно включает в себя зачатки философского (идеологического) романа. Уделяется внимание истории написания и публикации текста, эпизоду с цензурованием книги. «Записки из Мертвого дома» рассматриваются как самостоятельное произведение и как кладезь мотивов и образов для позднейшего творчества Достоевского, чем дополнительно подчеркивается их значимость как для творческой биографии писателя, так и для русской и мировой литературы.

Ключевые слова: «Записки из Мертвого дома», Ф.М. Достоевский, история публикации, жанр, проблематика произведения, лагерная проза, автобиографичность, психологизм

E.V. Guseva

“NOTES FROM THE DEAD HOUSE” BY F.M. DOSTOEVSKY: HISTORY OF PUBLICATION, GENRE IDENTITY OF THE TEXT

The article analyzes “Notes from the Dead House” by F.M. Dostoevsky from the point of view of their genre originality and the history of publication. It is clarified that the features of tale and drama dominate in the complexly organized, synthetic work by Dostoevsky. The text also includes the features of a philosophical (ideological) novel. Attention is paid to the history of writing and publishing the text, including the episode with the censorship of the book. “Notes from the Dead House” are considered as an independent work and as a storehouse of motifs and images for Dostoevsky's later novels, that emphasizes their importance both for the creative biography of the writer and for Russian and world literature.

Keywords: “Notes from the Dead House”, F.M. Dostoevsky, publication history, genre, problematics, camp prose, autobiography, psychologism

«Записки из Мертвого дома» – произведение, занимающее особое место как в творчестве Ф.М. Достоевского, так и в истории русской литературы. Это первый художественный текст, всесторонне освещающий тему каторги и тяжелой жизни каторжан – первое «живое свидетельство из “мира отверженных”» [1; с. 3]. В 80 – 90-х годах XIX века идеи основоположника «каторжной прозы» нашли свое продолжение в рассказах В.Г. Короленко о сибирских ссыльных и о быте заключенных, в романе П.Ф. Якубовича «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», в документальной книге-исследовании «Остров Сахалин» А.П. Чехова [2]. В XX столетии авторами психологически насыщенной лагерной прозы стали А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов, Л.Я. Гинзбург – писатели, сами пострадавшие от тоталитарного режима и обобщившие драматичный жизненный опыт в автобиографических произведениях. При описании своих кругов лагерного ада они неоднократно обращались к «Мертвому дому», как к важнейшему историческому источнику, документу предшествующей эпохи.

Это отмечалось многими исследователями, в том числе Ю.И. Сохряковым («От “Мертвого дома до Гулага”»), В.Н. Захаровым («О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского»), В.Г. Красновым («Солженицын и Достоевский. Искусство полифонического романа»), Е.А. Мухиной («Психологизм Достоевского в контексте “колымской” прозы Варлама Шаламова»), М.Ю. Чотчаевой («Художественное осмысление философской и нравственно-психологической концепции свободы и несвободы человеческой личности в русской и северокавказской литературе второй половины XIX – XX вв.») и др. Сам факт подобной тематической, а отчасти и художественной преемственности говорит о непреходящем значении произведения Достоевского.

Помимо своего влияния на русскую литературу в целом, «Записки из Мертвого дома» открыли собой новую страницу личной и творческой биографии писателя. Четыре года «страдания невыразимого, бесконечного» [3; с. 181] явились тем поворотным моментом, с которого началась глубокая личностная трансформация Ф.М. Достоевского. Произошло своего рода рождение нового человека или, по выражению Н.А. Бердяева, особенного, «трагического гуманиста» [4; с. 17]. Именно в «Записках...» Ф.М. Достоевский впервые поднял многогранную тему свободы, которая в его последующих, более известных романах стала одной из ключевых. Наконец, это произведение можно назвать новаторским по стилистике и по жанру, который до сих пор вызывает споры у исследователей.

«По существу замысла и по содержанию “Записки” должны были явиться мемуарами, воспоминаниями о пережитом и виденном на каторге» [5; с. 377]. При этом в произведении мы видим рассказчика, Александра Петровича Горянчикова, являющегося фигурой вымышленной, что не позволяет отнести произведение к мемуаристике в чистом виде, где «Я повествователя и автора тождественны» [6; с. 90]. Известно, впрочем, что центральный персонаж обязан своим существованием цензурным соображениям. Вероятно, поэтому в основном тексте произведения Ф.М. Достоевский не посчитался с тем образом Горянчикова, который был создан им во «Введении». Если во вводной части «Записок...» герой предстает как человек разочарованный и утративший желание жить, то в дальнейшем ретроспективном повествовании (в тяжелых условиях каторги) мы, напротив, видим его как личность жизнелюбивую, борющуюся за свое будущее.

Еще одно отличие произведения Ф.М. Достоевского от мемуаров состоит в том, что сам мемуарист здесь максимально устранен из поля зрения читателя, тогда как в мемуаристике авторское «я» играет существенную роль, а биографическая последовательность событий часто управляет и хронологией сюжета, и темпом, и динамикой повествования. Устранив себя в качестве реального действующего лица и скрыв историю своего преступления, писатель лишил текст жанровых признаков воспоминаний. Это не было одной лишь данью цензуре, но отвечало широкому авторскому замыслу – отойти от описания частного жизненного опыта, продемонстрировав каторжный мир как отдельный социальный институт, со специфическими порядками, нравами и обитателями. В свою очередь, многие критики и читатели «Записок...» восприняли их в еще более обобщенном русле, увидев за многими чертами острога неприглядные стороны реальности «свободной» России. Так, проанализировав ряд типичных для острога ситуаций и персонажей, литературовед В.А. Недзвецкий назвал это произведение «первой в русской прозе XIX века литературно-философской антиутопией» [7]. Едва ли политическая сатира входила в планы Достоевского, который ставил перед собой не обличительные, но психологические задачи: продемонстрировать мотивы поведения людей в неблагоприятных социальных обстоятельствах; проследить влияние наказания на дальнейшее развитие личности. При этом естественно, что и условия содержания арестантов в остроге, и карательные меры подвергались его внимательному анализу и критике, а тюремные условия сопоставлялись с условиями жизни вне тюрьмы, подчас тоже тяжелыми и способствующими преступлениям. В какой-то мере острог действительно можно считать российским микромиром, где в концентрированном виде показаны негативные стороны действительности: пороки, преступления и трагедии страны.

Ряд исследователей, в частности Б.О. Костелянец, Г.М. Фридендер, относили «Записки из Мертвого дома» к книге очерков. С одной стороны, читать отдельные главы произведения в качестве самостоятельных рассказов-описаний возможно, однако при этом они теряют часть своей смысловой нагрузки, ведь главы объединены между собой не одной тематикой, но и многими персонажами, изменчивой тональностью, играющей на контрастах от истории к истории, а подчас и общим, развивающимся сюжетом. В.Б. Шкловский, И.Т. Мишин называли произведение документальным романом. В диссертационном исследовании Ю.В. Маловой о становлении и развитии лагерной прозы в русской литературе XIX – XX вв. встречается такое определение, как «роман-исповедь» [1]. По силе своего

художественного обобщения и непреходящей значимости не только для русской, но и для мировой литературы, «Записки...» действительно могут быть поставлены в один ряд с другими, во многом исповедальными романами Ф.М. Достоевского. В то же время под строгое определение романа, как развернутого повествования о жизни и развитии личности главного героя (героев), произведение не подходит. Мы мало что узнаем о личности Горяничкова из текста и вовсе ничего не узнаем о трансформации его личности и её причинах. Рассказчик в произведении не выступает двигателем сюжета. Многие герои и события каторжной жизни также изображены пунктирно, обрисованы лишь парой – тройкой примечательных художественных деталей. Композиционно-сюжетным центром скорее является сам острог, демонстрирующийся с различных сторон посредством последовательного наслаивания глав.

Сложности в определении жанра привели исследователей к осознанию синтетической природы произведения. В.Я. Кирпотин писал по этому поводу, что «в периоды интенсивных эстетических перестроек, вызванных ломкой самой действительности, могут рождаться произведения промежуточного порядка, (...) произведения, которые нельзя насильственно втаскивать в установленные жанровые рубрики» [5; с. 380]. Для достижения большего эмоционального воздействия своего текста на читателя, Ф.М. Достоевский намеренно отказался от эпической обстоятельности романа, длительной растяжимости действий во времени, излишней описательности. Принцип концентрации, присутствующий в «Записках...», скорее сближает произведение с драмой, а правдивый язык документа искусно сплетен с тонкостью художественно-психологического письма. Таким образом, «Записки» можно назвать синтезом жанров: «В межжанровой пограничности, гибридности и состоит эстетический феномен этого самобытного произведения» [8; электронный ресурс].

Если выделять доминирующие черты произведения, то, пожалуй, в первую очередь оно и по сравнительно небольшому объему (менее трехсот страниц), и по штриховому изображению большинства персонажей попадает под определение повести, представляющей собой «роман в миниатюре» [6; с. 321]. Но это новаторская повесть, построенная не по хронологическому принципу, а по принципу концентрации вокруг основной идеи; включающая в себя не только отдельные сюжетные истории, но и внутренние монологи персонажа и даже вставную новеллу «Акульский муж», связанную с поднимаемой в произведении темой жестокости и семейного насилия. Если вернуться к дебютной повести писателя «Бедные люди», то и для неё Ф.М. Достоевский избрал необычную для своего времени форму писем и личных дневников, чтобы глубже проникнуть во внутренний мир персонажей. Такую же цель – показать внутренние мотивы человека, совершающего преступление, – преследовал автор и во вставной главе из «Записок...», где повествование ведется от первого лица, самим убийцей жены. На первый взгляд, «Записки из Мертвого дома» – это социально-психологическое произведение, однако в связи с явной сосредоточенностью событий вокруг центральной идеи свободы и противостоящей ей несвободе личности, можно говорить о том, что в этом тексте уже присутствуют зачатки идеологического романа, создателем которого по праву считается Ф.М. Достоевский.

Благодаря особой композиции, в книге создаются «новые сюжетно-фабульные отношения. (...) Сюжетом становится концентрация фабульных событий, и сюжет как бы вырастает из фабулы» [10; с. 145]. Разновременные события подчас смешиваются между собой, меняются местами, располагаясь в книге на одной повествовательной плоскости. Не всегда понятно, когда именно происходило то или иное описываемое событие. С одной стороны, в этом можно увидеть попытку воспроизвести работу нашей памяти, которая подчас выуживает самые причудливые детали из прошлого в хаотичном порядке и ассоциативно увязывает их между собой. С другой стороны, подобное повествование создает эффект замедленного течения времени в остроге. Арестанты, находящиеся в подневольном состоянии, не могут сами собой распоряжаться, они существуют будто по инерции – вне времени, а значит, и вне самой жизни. Дни и годы в тюрьме они считают вычеркнутым из своего существования. Большинство из них, сколько бы лет в заключении им ни предстояло, с нетерпением ждут возвращения домой – к своим родным селам и семьям.

Точно так же ждал возобновления активной жизни, прежде всего творческой, Ф.М. Достоевский. При этом он и в остроге старался по-своему продолжать свою писательскую деятельность, несмотря на огромное количество ограничений, с которыми ему пришлось столкнуться. На каторге было запрещено чтение любой литературы, кроме Библии и, естественно, невозможно было вести какие бы то ни было исследовательские работы. Писатель оказался полностью оторван от

современного литературного процесса, чувствовал себя трагически отставшим от текущей жизни. Единственное, что мог делать Федор Михайлович – это внимательно слушать и запоминать используемые арестантами меткие выражения, поговорки, народные присказки. Позже многие из них войдут в текст «Записок». В письме другу А.Н. Майкову из Семипалатинска в 1856 году Ф.М. Достоевский рассказывает о сборе материала для будущей книги: «В часы, когда мне нечего делать, я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания на каторге, что было любопытнее» [3; с. 207].

Осенью 1859-го года задуманное произведение обретает всё более определенный облик. Печать «Записки...» Ф.М. Достоевский начал уже после своего возвращения в Петербург. Первые четыре главы появились в политической, общественной и литературной газете «Русский мир», в номерах за сентябрь 1860-го и январь 1861-го года. Однако затем публикация текста была приостановлена цензурой. Картины острожной жизни, написанные Достоевским, к его собственному удивлению, показались цензорам недостаточно мрачными, в них они узрели возможный соблазн «для преступников, которые удерживаются от преступлений лишь “строгостью наказаний”» [11]. Цензоры настаивали на внесении изменений, в результате писатель добавил небольшой пояснительный текст, который собирался включить в «Записки». По итогу это дополнение так и не было внесено в повесть, так как в дальнейшем запрет цензуры на печать все же был снят, а публикация «Мертвого дома» была возобновлена в журнале «Время», основанном братьями Достоевскими.

По мнению А.С. Долинина, упомянутое дополнение закономерно не попало в произведение, так как не вписывалось в его композицию. В.Я. Кирпотин также посчитал отрывок всего лишь случайным добавлением, написанным под влиянием внешних обстоятельств. Тем не менее, отрывок интересен тем, что в нем развивается и доходит до своей кульминации ключевая для «Записок...» идея свободы-несвободы. Здесь автор возражает сам себе от лица стороннего наблюдателя, возможно, «благонамеренного и доброго», но недалекого – такого, которому жизнь каторжника в произведении могла показаться незаслуженно благополучной. «Да боже мой! – скажет такой наблюдатель, – посмотрите на них: ведь иной из них (кто этого не знает?) хлеба настоящего никогда не ел, да и не знает, каким его хлебом кормят, его – каналью, разбойника! Смотрите на него: как он глядит, как он ходит! Да он в ус никому не дует, даром, что в кандалах! Вот, – трубку курит; а это еще что? Карты!!! Ба, пьяный человек! Так он в каторге-то может вино пить? Хорошо наказание!!!» [12; с. 103]. Далее, отвечая на обвинения подобного обывателя в недостаточной строгости наказания и аргументируя собственную позицию по этому вопросу, Достоевский создает образ «рая на земле» – роскошного дворца с садами и райскими птицами, обнесенного забором. Описание богатств нарочито преувеличено и восхищает своим великолепием. Однако никакая роскошь не спасет от желания покинуть это райское место, если строгим правилом проживания в нем будет обрыв связей с внешним миром и отсутствие возможности передвижений. Острожнику будет ненавистен даже дворец, если его обнести забором. Ведь главное наказание для человека заключается в невозможности жить по своей воле, в потере самостоятельности.

Стоит отметить, что дополнение к повести позже получило своеобразное развитие в «Записках из подполья», где появился образ хрустального дворца – пугающий образ узаконенной несвободы. Иронизируя над фантастическими представлениями о будущем идеальном обществе, в котором не будет «ни поступков, ни приключений», «ни воли, ни каприза» [13; с. 469], Парадоксалист высказывает желчное раздражение по поводу излишне упорядоченного существования и внешней нерушимости дворца, противной самой природе человека – иррациональной, неблагодарной, желающей поступать в соответствии с собственными законами. Рассуждения антигероя о человеческом своеволии и проявлении своего «я» любыми средствами отчасти сродни внутренним порывам мятежной арестантской души.

«Записки из Мертвого дома» при жизни писателя трижды издавались отдельной книгой: в 1862-м, 1865-м и в 1875-м годах. Актуальность тематики произведения при её первой же публикации дополнительно подчеркнул тот факт, что 29 сентября (11 октября) 1862 года императором Александром II были утверждены «Основные положения преобразования судебной части в России», заложившие фундамент для будущей демократизации судопроизводства в стране [14; с. 86]. Таким образом, имевшиеся судебные проблемы и тяготы тюремного содержания, многие из которых нашли своё отражение в «Записках...», были признаны на государственном уровне. Однако произведение захватывало внимание читателей не только социальной проблематикой, но и характерными персонажами, специфической речью, особой эстетикой. Лишь приступив к «каторжным мемуарам», автор предска-

зал их успех и «наикапитальнейший интерес» у читающей публики, мотивировав это тем, что в его книге читатель обнаружит «и серьезное, и мрачное, и юмористическое, и народный разговор с особенным каторжным оттенком, и (...) изображение личностей, никогда не слыханных в литературе» [3; с. 349].

Действительно, читатели и литературные критики высоко оценили текст. На книгу откликнулся Д.И. Писарев в статье «Погибшие и погибающие», А.И. Герцен – в обзоре «Новая фаза в русской литературе». Последний сравнил изображение писателем каторжников с фресками Буонаротти, добавив, что «Достоевский написал страшную книгу, которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад» [15; с. 219].

Современные читатели и исследователи также отмечают силу эмоционального воздействия первой в истории русской литературы лагерной книги, которая во многих отношениях остается актуальной и сегодня, ведь в ней рассматриваются вечные темы преступления и наказания, вины и прощения, а также ставится важнейший вопрос о границах человеческой свободы. Помимо самостоятельного интереса, повесть является кладом мотивов и образов для позднейшего творчества Ф.М. Достоевского, что дополнительно подчеркивает её значимость.

Библиографический список

1. Малова Ю.В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX – XX веков (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Саранск, 2003. 236 с.
2. Гусева Е.В. Художественное осмысление свободы личности в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова (на примере произведений «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин») // Вопросы филологии. 2013, № 1 (43). С. 75 – 80.
3. Достоевский Ф.М. Письма 1832 – 1850 гг. // Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 28. Книга Первая. Л. Наука, 1985. 552 с.
4. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. 560 с.
5. Кирпотин В.Я. Записки из Мертвого дома // Достоевский в 60-е годы. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1959. 560 с.
6. Сухих И. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб: Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.
7. Недзвецкий В.А. Запрет на личность (Тюремная антиутопия Ф.М. Достоевского) // Литература, № 32. 1997. Электронный ресурс. URL: https://vuzdoc.ru/113065/literatura/zapret_lichnost_tyuremnaya_antiutopiya_fmdestoevskogo (дата обращения: 10.04.2021)
8. Достоевский Ф.М. «Записки из Мертвого дома»: Антология жизни и творчества. [Электронный ресурс] URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/lifetime/dhouse/> (дата обращения: 10.04.21)
9. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. – М.: Художественная литература, 1972. 575 с.
10. Карлова Т.С. О структурном значении образа «Мертвого дома» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. С. 135 – 146.
11. Кодан С.В. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского как документально-художественный источник изучения истории государства и права // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 4. С. 120 – 140.
12. Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854 – 1862 гг. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 294 с.
13. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 4. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. 782 с.
14. Гессен И.В. История русской адвокатуры. Т. 1. – М.: 1914 - 1916. 623 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/10889#mode/inspect/page/116/zoom/4> (дата обращения: 10.04.21)
15. Герцен А.И. Новая фаза в русской литературе // Собрание сочинений в 30-ти томах. Том 18: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864 – 1865 гг. М.: Академия наук СССР, 1959. 751 с. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_1864_01_novaya_faza.shtml (дата обращения: 10.04.2021).

References

1. Malova Yu.V. Formation and development of "camp prose" in Russian literature of the XIX-XX centuries (dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences). Saransk, 2003. 236 p.

2. Guseva E.V. Artistic understanding of personality freedom in the works by F.M. Dostoevsky and A.P. Chekhov (on the example of “Notes from the Dead House” and “Sakhalin Island”). 2013, No. 1 (43). pp. 75-80.
3. Dostoevsky F.M. Letters of 1832-1850 // Complete collection of works in 30 volumes. Volume 28. Book One. L. Nauka, 1985. 552 p.
4. Berdyaev N.A. Dostoevsky's Worldview. M.: Academic Project, 2019. 560 p.
5. Kirpotin V.Ya. Notes from the Dead House // Dostoevsky in the 60-s. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1959. 560 p.
6. Sukhoi I. Structure and meaning: The theory of literature for all. St. Petersburg: Azbuka-Atticus, 2018. 544 p.
7. Nedzvetskiy V.A. Prohibition of personality (Prison dystopia of F.M. Dostoevsky) // Literature, No. 32. 1997. Electronic resource. URL: https://vuzdoc.ru/113065/literatura/zapret_lichnost_tyuremnaya_antiutopiya_fm_dostoevskogo (accessed: 10.04.2021)
8. Dostoevsky F. M. “Notes from the Dead House”: An anthology of life and creativity. [Electronic resource] URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/lifetime/dhouse> (accessed 10.04.21)
9. Nadezhdin N.I. Literary criticism. Aesthetics. M.: Fiction, 1972. 575 p.
10. Karlova T.S. The structural significance of the image of the “Dead House” // Dostoevsky. Materials and research. L.: Nauka, 1974. P. 135 – 146.
11. Kodan S.V. “Notes from the Dead House” by F. M. Dostoevsky as a documentary and artistic source for studying the history of state and law // Genesis: historical studies. – 2014. № 4. – Pp. 120 – 140.
12. Tunimanov V.A. Dostoevsky's creativity works 1854 – 1862. L.: Nauka, 1980. 294 p.
13. Dostoevsky F.M. Collected works in 15 volumes. Vol. 4. L.: Nauka, 1989. 782 p.
14. Gessen I.V. Russian History of the Advocacy. Vol. 1. M. 1914 – 1916. 623 p. [Electronic resource]. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/10889#mode/inspect/page/116/zoom/4> (accessed: 10.04.21)
15. Herzen A.I. New phase in Russian literature. // Collected works in 30 volumes. Volume 18: Articles from the “Bell” and other works of 1864 – 1865. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1959. 751 p. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_1864_01_novaya_faza.shtml (accessed 10.04.2021).

МИР ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ THE WORLD THROUGH EYES OF THE YOUNG

УДК 070.1:316.62

*Московский международный университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры рекламы
и связей с общественностью,
Самойленко Н. С.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Moscow International University,
Departments of Advertising
and Public Relations,
PhD, Associate Professor
Samoilenko N. S.
Russia, Voronezh,
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Воронежский государственный
технический университет
студент направления «Журналистика»
Белоусов Д. Ю.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: dima.2003.rus@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
student of Journalism
Belousov D. YU.
Russia, Voronezh,
e-mail: dima.2003.rus@yandex.ru*

*студент направления «Журналистика»
Карманов Е. М.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: karnabasis@gmail.com*

*student of Journalism
Karmanov E. M.
Russia, Voronezh,
e-mail: karnabasis@gmail.com*

*студент направления «Журналистика»
Ненахова К. Д.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: tina.nenahova1@mail.ru*

*student of Journalism
Nenahova K. D.
Russia, Voronezh,
e-mail: tina.nenahova1@mail.ru*

*студент направления «Журналистика»
Погодина Н. Б.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: nina.pogodina.0202@mail.ru*

*student of Journalism
Pogodina N. B.
Russia, Voronezh,
e-mail: nina.pogodina.0202@mail.ru*

Н. С. Самойленко, Д. Ю. Белоусов, Е. М. Карманов, К. Д. Ненахова, Н. Б. Погодина

К ВОПРОСУ О ВОСТРЕБОВАННОСТИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Статья посвящена изучению креолизованных текстов как одной из форм передачи информации в интернет-пространстве. В рамках данного исследования произведена попытка оценить их востребованность аудиторией в наиболее популярных социальных медиа в России в начале 2021 года. Выявляются функции, которые креолизованные тексты могут выполнять в социальных сетях. Определяются востребованные модели креолизованных текстов.

Ключевые слова: креолизованный текст, социальные медиа, социальные сети, новые медиа.

ON THE QUESTION OF THE DEMAND FOR CREOLIZED TEXTS IN SOCIAL MEDIA

The article is devoted to the study of creolized texts as one of the forms of information transmission on the Internet. Within the framework of this study, an attempt was made to assess their relevance by the audience in the most popular social media in Russia at the beginning of 2021. The functions that creolized texts can perform in social networks are identified. The demanded models of creolized texts are determined.

Keywords: creolized text, social media, social network, new media.

Последние исследования позволяют однозначно утверждать, что интернет стоит на пороге того, чтобы стать основным каналом получения информации у россиян (на данный момент уступает по популярности только телевидению) [1]. Информация, распространяемая в цифровой среде, приобретает разнообразные мультимедийные формы, совмещая в себе визуальную, аудиальную и текстовую информацию. Правомерно утверждать, что как современная журналистика в частности, так и медиакоммуникации в целом перестают быть текстоцентричными.

Одной из популярных коммуникативных единиц в более не текстоцентричной цифровой среде стали так называемые креолизованные тексты. «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух неомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [2; с. 180]. Распространенными примерами креолизованных текстов принято считать афиши, рекламные объявления, комиксы. В цифровой среде такого рода тексты имеют как схожие с аналоговой средой формы, так и оригинальные (мемы, демотиваторы и так далее) [3; с. 28-33].

В рамках данного исследования мы поставили задачу оценить востребованность интернет-аудиторией креолизованных текстов в наиболее популярных социальных медиа в начале 2021 года. Три самые популярные социальные сети в соответствии с исследованием «Mediascope» в 2020 году – это ВКонтакте, Instagram и YouTube [4]. Также нами был рассмотрен TikTok как социальное медиа, наиболее быстро набирающее популярность за последние два года.

Дополнительно нами было проведено собственное исследование с целью выявить наиболее популярные социальные медиа в молодежной среде. Опрос проводился среди ста респондентов в возрасте от 16 до 35 лет. Было выявлено, что среди молодежной аудитории наиболее популярными социальными сетями являются Instagram и ВКонтакте. Среднее время, которое пользователи проводят на интернет-ресурсе, варьируется от 3 до 5 часов. Полученные в ходе опроса результаты коррелируют с результатами исследования «Mediascope» и дополняют его, позволяя сделать вывод, что, чем моложе аудитория, тем больше времени она проводит в социальных медиа.

Нами были отобраны все публикации за январь и февраль 2021 года у трех наиболее востребованных блогеров («пабликов» ВКонтакте) в каждой вышеуказанной социальной сети с целью установить корреляцию между популярностью публикаций и использованием креолизованных текстов. В общей сложности было рассмотрено 5173 публикации. Дополнительно мы произвели попытку оценить, какую функцию выполняют креолизованные тексты в каждой из социальных сетей (в соответствии с функциями медиатекстов). Необходимо отметить, что публикации в социальных медиа зачастую представляют собой короткие видеоролики, которые сами по себе могут быть рассмотрены в качестве креолизованных текстов. В данной работе мы рассматривали публикации, содержащие только иконический способ креолизации, т. е. видеоролики без подписей не учитывались в результатах исследования.

ВКонтакте

Ежедневная аудитория ВКонтакте составляет 42.4 млн человек, что делает данную социальную сеть самой популярной в русскоязычном сегменте интернета. Основная аудитория — это пользователи в возрасте от 25 до 34 лет. Три самых популярных паблика в социальной сети ВКонтакте носят развлекательный характер. Мы уже обращали внимание на то, что рост популярности социальных медиа во многом обеспечивается распространением развлекательного контента, направленного на молодежную аудиторию [5; с. 160-164]. Креолизованные тексты развлекательного содержания принято называть «мемами», юмористический эффект в них достигается за счет тесного семантического взаимодействия вербальной и невербальной части. По результатам исследования 92% всех публика-

ций в данных пабликах относятся к креолизованным текстам. Креолизованные тексты выполняют жанрообразующую функцию для такого рода развлекательного контента.

YouTube

Социальная сеть YouTube предназначена для распространения видеороликов большей, по сравнению с другими новыми медиа, продолжительностью, которая может достигать нескольких часов (по сравнению с несколькими минутами в других социальных медиа). Ежедневно YouTube в России посещают 35.6 млн пользователей и проводят в среднем 51 минуту на ресурсе. Основную часть аудитории составляют люди в возрасте от 25 до 34 лет. В качестве креолизованных текстов нами были рассмотрены так называемые «значки» – своеобразные афиши видеороликов, нажав на которые пользователь переходит на страницу для просмотра основного видеоролика. Креолизованные тексты используются на площадке YouTube в 28% случаев. В социальной сети Youtube креолизованные тексты выполняют рекламную функцию, на что указывает их сходство с такими видами креолизованных текстов, как афиши, рекламные баннеры и т. д. При этом корреляцию между использованием креолизованных текстов и популярностью видео установить не представляется возможным. Таким образом, инкорпорирование иконической креолизации является творческим выбором автора, и используются такие тексты в тех случаях, когда без вербальной информации автору через такую своеобразную афишу не удастся донести содержание ролика своей аудитории.

Instagram

Социальное медиа Instagram направлено на передачу визуальной информации. Большую часть публикаций составляют фотографии, реже – короткие видеоролики. Ежедневно в Instagram заходят 28.3 млн россиян. Большую часть аудитории составляют люди в возрасте от 25 до 34 лет. По результатам исследования к креолизованным текстам можно отнести лишь 5% от общего числа публикаций. Большую часть использованных креолизованных текстов можно отнести к своеобразным афишам, рекламным плакатам. При этом популярность креолизованных публикаций ниже или равна популярности публикаций, презентующих исключительно визуальную информацию. Дополнительное исследование позволило выявить высокую востребованность публикаций, состоящих из коротких видеороликов, включающих в себя элементы иконической креолизации текстов (всевозможные подписи, наложенные поверх видеоряда).

ТикТок

ТикТок оказался социальным медиа, быстро набирающим аудиторию в российском сегменте интернета. Сегодня 6.3 млн человек пользуется ТикТок и проводит в среднем на ресурсе 27 минут. Большую часть аудитории (18.2%) составляют люди в возрасте от 12 до 24 лет. Данная социальная сеть направлена на распространение коротких видеороликов, большая часть которых носит развлекательный характер. Креолизованные тексты могут выступать составной частью данных роликов, т. е. вербальная информация в виде всевозможных подписей инкорпорирована в видеоряд, что позволяет «уместить» еще больше информации, несмотря на короткий хронометраж. Однако, проведенное исследование показывает, что лишь в 1.09% публикаций оказывается встроена иконическая вербальная информация. Более того, использование креолизованного контента никак не влияет на популярность. Сами публикации с использованием креолизованного контента оказываются схожими в большей степени с публикациями во ВКонтакте, где вербальная часть также используется, в первую очередь, для создания юмористического эффекта.

Представим полученные результаты исследования с помощью инфографики (Рис.):

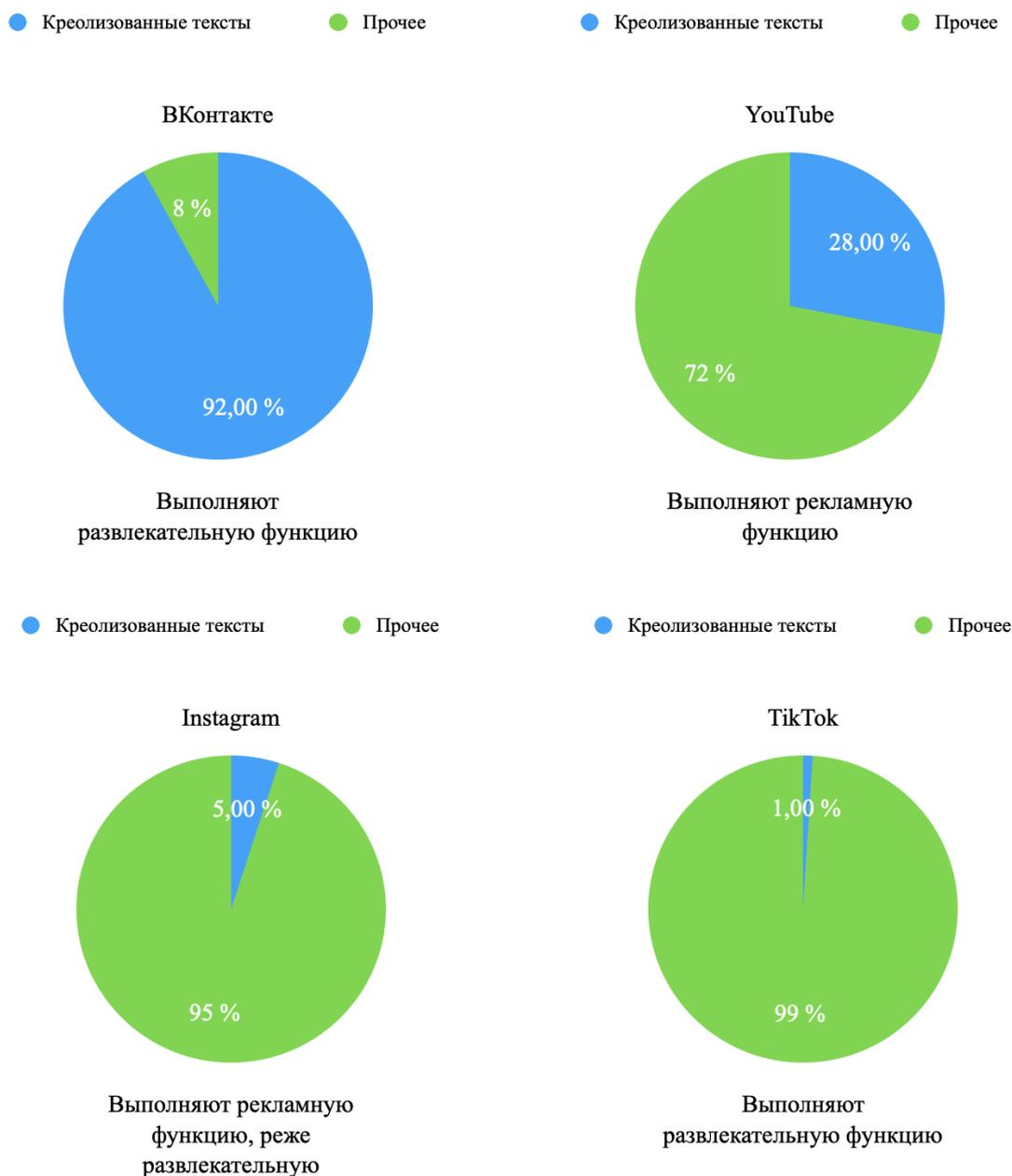


Рис.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что креолизованные тексты нельзя назвать основной коммуникативной единицей в социальных медиа. Их распространенность и популярность варьируется от одной социальной сети к другой. Анализ активности пользователей (просмотры, лайки, репосты) не позволяет установить корреляцию между использованием иконической вербальной информации и популярностью конкретных публикаций в социальных медиа. В соответствии с классификацией Д.П. Чигаева большая часть выявленных креолизованных текстов относится к модели «вербальный текст = изображение», т. е. вербальные и изобразительные компоненты подбираются специально для взаимодействия друг с другом (например, для создания юмористического эффекта) [6; с. 20]. Креолизованные тексты выполняют уникальные функции в каждой из социальных сетей в зависимости от особенностей этих социальных медиа. В условиях трансформации медийных сообщений в современной цифровой среде креолизованный текст является одним из возможных форматов передачи информации. Однако, новые медиа и новые социальные сети порождают все новые, более не текстоцентричные формы.

Библиографический список

1. Левада-центр: «Российский медиаландшафт-2020». Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 240 с.
3. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. No 2 (20). С. 28–33.
4. Mediascope: «Интернет. Данные по аудитории». Режим доступа: <https://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/> (дата обращения: 10.02.2021).
5. Самойленко Н. С., Кушнир К. И. Традиционные СМИ и новые медиа: развлекательный контент против оппозиционного // Актуальные вопросы со- временной филологии и журналистики. 2020. № 1(36). С. 160–164.
6. Чигаев, Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Д. П. Чигаев ; Моск. пед. гос. ун–т. Москва, 2010. 24 с.

References

1. Levada-centr: «Rossijskij medialandshaft-2020». Rezhim dostupa: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020> (data obrashcheniya: 01.03.2021).
2. Sorokin YU. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funkciya // optimizatsiya rechevogo vozdejstviya. M.: Nauka, 1990. 240 s.
3. SHCHurina YU. V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. No 2 (20). С. 28–33.
4. Mediascope: «Internet. Dannyye po auditorii». Rezhim dostupa: <https://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/> (data obrashcheniya: 10.02.2021).
5. Samoilenko N. S., Kushnir K. I. Traditsionnyye SMI i novyye media: razvlekatel'nyj kontent protiv oppozitsionnogo // Aktual'nye voprosy so- vremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020. No 1(36). S. 160–164.
6. CHigaev, D. P. Sposoby kreolizacii sovremennogo reklamnogo teksta : avtoref. diss. na soiskanie uchen. stepeni kand. filol. nauk : spec. 10.02.01 «Russkij yazyk» / D. P. CHigaev ; Mosk. ped. gos. un–t. Moskva, 2010. – 24 s.

УДК 808.2:004.4'414 (82:927)

*Воронежский государственный
технический университет
студентка архитектурного факультета
Аль-Абси Гхади Абдулвахаб Абдулраб Али
Йемен, г. Таиз, +79009478166
e-mail: alabsighadi@gmail.com*

*Voronezh Technical State University
Architecture student
Al-Absi Ghadi Abdulwahab Abdulrab Ali
Yemen, Taiz, +79009478166
e-mail: alabsighadi@gmail.com*

Аль-Абси Гхади Абдулвахаб Абдулраб Али

СОБАКА КАК СИМВОЛ В АРАБСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

В статье дается сопоставительный анализ устойчивых выражений (поговорок, пословиц, фразеологизмов) арабского и русского языков, содержащих зооним «собака», который позволяет сделать вывод о близости менталитета двух народов, об их приверженности одним и тем же нравственным ценностям.

Ключевые слова: фразеологизм, собака, символическое значение, культурные традиции.

Al-Absi Ghadi Abdulwahab Abdulrab Ali

DOG AS A SYMBOL IN ARABIC AND RUSSIAN CULTURES

The article provides a comparative analysis of stable expressions (proverbs, sayings, phraseological units) of the Arabic and Russian languages containing the zoonym "dog", which allows us to conclude the closeness of the mentality between the two peoples, about their adherence to the same moral values.

Key words: phraseological unit, dog, symbolic meaning, cultural traditions.

Язык не только средство общения, он зеркало национальной культуры, истории народа, его традиций и обычаев, материальных и духовных ценностей, которые накапливаются веками и передаются из поколения в поколение. Источником такой информации являются прежде всего пословицы, поговорки, фразеологизмы. Они сопутствуют человеку на протяжении всей его жизни. Это устойчивые краткие устные изречения, содержащие обобщение, народную мудрость или выражение определённого чувства [1, с. 4-5]. Фразеологизмы, пословицы и поговорки занимают большое место в арабской и русской культуре. Сравнение их позволяет лучше понять чужую культуру, взглянуть на мир через призму чужого языка. Для сравнения мы взяли устойчивые выражения, содержащие зооним «собака». Полная выборка сделана из словарей [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Собака или **Пёс** – самое распространенное животное в нашей жизни, которое является для человека основным животным-компаньоном. Наши предки верили, что это животное может предсказывать будущее, потому что оно предчувствовало пожар, несчастье, смерть. Однако, как любой символ, образ собаки амбивалентен: имеет положительные и отрицательные характеристики.

Можно выделить несколько отрицательных символических значений этого образа.

Во-первых, собака – символ *нечистоты, бедности, бесправия*. Так, в исламе собака как символ нечистоты допустима только в качестве сторожа. В Библии собака также нечистое животное; собаками обычно называются лжеучителя, язычники, гонители веры. В Средние века псы — олицетворение неверных. Кроме того, собаки связывались с нечистой силой, черный пес выступал символом дьявола [7, с. 396]. В арабском и русском фольклоре это животное тоже часто имеет негативное значение: собака – существо низшее. Слуги традиционно уподоблялись псам. Слово «пёс» входит в состав русских ругательств. Таким образом, собака – это символ бедности, неустроенности в жизни, низкого положения. Русские говорят о плохом, недостойном человеке: *Собаке собачья смерть*. Отголосок такого отношения к человеку низшего сословия остался в идиомах: *каждая собака знает* (каждый человек знает), *ни одна собака не знает* (никто не знает), *людей как собак нерезаных* (очень много).

Арабские пословицы часто противопоставляют бедных и богатых:

У кого есть мясо, у того и много собак (عند كثير اللحم كلاب كثيرة) – так говорят о богатом человеке, у которого всегда много слуг. Но слуги будут прислуживать до тех пор, пока ты их кормишь: *Собака следует за тобой, когда ее гладишь* (جوع كلبك يتبعك). Бедняк же бесправен: *Бедняка даже на верблюде собака кусает* (الفقير على البعير ويعضه الكلب).

Во-вторых, собака – это символ жадности. *Проголодался, как собака*, – говорят русские. Русские пословицы осуждают жадность и скупость. Часто о богатом человеке говорят: *Жадной собаке много надо* или *Как собака на сене: сама не ест и другим не дает*. Так обычно говорят о скупом человеке, который накопил богатство, но живёт, как бедный. Бедного человека или лишённого способностей предупреждали: *Не суйся в волки с собачьим рылом*.

Больше всего пословиц связано с осуждением таких качеств человека, как свирепость, агрессия, гнев. Арабы говорят: *И в золотом ошейнике собака остаётся собакой* (الكلب كلب ولو طوقته من ذهب). Аналогичное значение имеет русская пословица: *Бешеная собака и хозяина укусит*. Значение данных пословиц сводится к тому, что злой человек никогда не задумывается о том, что может сделать плохо, причинить страдания другим людям. Поэтому с таким человеком лучше не иметь дела, лучше обходить его стороной. Не случайно русские говорят: *Бешеному псу уступи; Не дразни собаку, она и не укусит; Злую собаку на короткой привязи держат*. Последнее выражение говорится как напоминание о том, что злому человеку надо создавать такие условия, чтобы он не мог причинить зло другим людям. Таким образом, собака выступает как символ жадности, агрессивности.

Собака имеет ещё одно символическое значение. Она символ болтливости, пустословия, сквернословия, сплетен. Сравните: араб. *Собака и лает* (о болтливом человеке) (كلب وينبح); рус. *Собака лает, ветер носит* (не стоит обращать внимания на чьи-либо слова, сказанные сторяча, назло); *Глупая собака громче лает* (глупость человека особенно видна, когда он без достаточных знаний говорит, рассуждает о чём-либо).

Арабы говорят о человеке, который ругается, кричит, прикрывая этим свою слабость, беззащитность: *Лающая собака никогда не кусается* (الكلب الذي ينبح لا يعض).

Русские в этом случае говорят: *Не всякая собака кусает, которая лает*, то есть внешне шумный человек может быть скромным, добрым. Есть ещё одна русская пословица: *На смелого собаки лают, а труса кусают*, которая говорит о том, что слабый и трусливый человек никогда не нападет открыто на того, кто сильнее и смелее его.

О человеке, который обещает измениться к лучшему, но не выполняет свое обещание, его слова пустые, арабы говорят: *Хвост собаки никогда не выпрямится* (ذيل الكلب عمره ما يتعدل).

Однако образ собаки имеет и положительное значение, хотя положительная символика встречается значительно реже. В.Д. Осипов даёт интересное объяснение происхождения слова [8, с. 249]. По его мнению, и русское (*собака*), и арабское (*кальб*) слова происходят от глагола «помогать», что не случайно, так как собака – первое прирученное человеком животное, которое помогало ему охотиться, пасти скот, охранять дом и т. д. Поэтому собака как символ помощника и друга встречается и в русском, и в арабском фольклоре.

Так, в русских пословицах собака может быть символом постоянства, опыта, мудрости, что приходит с годами. Русские говорят: *И старую собаку не волком звать* (то есть характер человека не меняется к старости); *Старого пса к цепи не приучишь* (то есть привычки человека складываются всю жизнь); *Старый пёс на ветер не лает* (это значит, что старый человек становится мудрым, зря не пустословит).

Собака не кусает уши своего брата (الكلب لا يعض اذن اخيه), – говорят арабы о верности и дружбе. Русские подчёркивают, что собака – это лучший друг-помощник в делах: *Без собаки зайца не поймаешь*.

Русские пословицы часто отражают некоторый жизненный опыт:

Свои собаки грызутся, чужая не приставай – так говорится, когда посторонний человек вмешивается в ссору близких людей и сам попадает из-за этого в неприятное положение;

И собака знает, что травой лечатся – советует народная медицина;

Хорошо псу и кошке – не надо ни обуви, ни одёжки – так говорит бедный человек о жизни в холодном климате;

Нужен как собаке пятая нога – то есть совершенно не нужен;

Собаке (псу) под хвост – даром, напрасно; о бесполезной трате чего-либо;

Жить как кошка с собакой – жить в постоянной ссоре;

Собачья радость – колбаса самого низкого качества, дешёвая;

(Иди) ко всем чертям собачьим – желание избавиться от кого-либо или от чего-либо.

Слово «собака» активно встречается в русских идиомах, однако не всегда понятно с точки зрения русского языка его употребление, например, во фразеологизмах:

устал, как собака – очень сильно устал;

в этом деле собаку съел – имеет большой опыт;

вот где собака зарыта – именно в этом настоящая причина, главное;

вешать собак (на шею), навесить всех собак – наговаривать, необоснованно обвинять в чём-либо.

Очевидно, что собаки к смыслу данных выражений не имеют никакого отношения. Ученый-арабист Алексей Макаров предлагает посмотреть на них с позиций арабского языка. Тогда всё становится понятным [9]. Так, арабский корень «سبق-سبق» означает опережение или предшествование чему-либо. Например, арабское «سابك-سبق» - это лошадь, пришедшая первой к финишу на скачках. Поэтому фраза «устал как сабек» вполне понятна. В русском языке значение арабского слова забылось и его трансформировали в похожее по звучанию русское слово «собака». Получилось: *устал, как собака*

Фразеологизм *собаку съел* – это часть арабского выражения «سابك سبيله مطره» (سبق سبيله مطره), что переводится как «его потоки обгоняют его дождь», то есть его дела обгоняют его слова – так говорят о человеке дела, профессионале. Видимо, поэтому и фразеологизм «собаку съел» имеет положительную оценку.

Поговорка *Вот где собака зарыта* означает «вот в чём причина». Арабское «зариат» (зарыта) (زريت) переводится как причина.

Повесили на него всех собак! – арабское «вишайат» (вешать) (وشاية) – клевета, оговор.

Таким образом, анализ фольклорного материала позволяет сделать вывод, что в русской и арабской культурах образ собаки имеет одинаковое символическое значение как отрицательное (нечистота, лжевера, нечистая сила, бедность, низкое положение, жадность, агрессивность, пустословие), так и положительное (помощник и друг, постоянство, опыт, мудрость). Это свидетельствует о том, что арабы и русские очень близки по своему менталитету, привержены одним и тем же моральным ценностям и имеют давние тесные взаимоотношения, несмотря на отсутствие общей границы между государствами.

Библиографический список

1. Русские пословицы и поговорки. Учебный словарь / Авт. В.И. Зимин, С.Д. Ашурова и др. М.: Школа-Пресс, 1994. 320 с.
2. Сборник пословиц Эль-Асмай / Под ред. Мохамед Джабар Эль-Маэпед. Багдад, 2000. 400 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз., 1986. 543 с.
4. <https://mhmdgamalgaroa.ahlamontada.com/t30-topic>
5. <https://www.youm7.com>
6. <https://www.alanba.com.kw/ar/variety-news/entertainment/امثال-كويتية>
7. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. Мн.: Харвест, 2004. 512 с.
8. Осипов В.Д. Единый язык человечества. М.: ООО Издательство «Пилигрим-Пресс», 2003. – 320 с.
9. Русь под знаком Полумесяца (часть 4) или Где собака зарыта? // Непознанный мир – ЖЖ [Электр. ресурс]: <https://amigooo.livejournal.com/>

References

1. Russian proverbs and sayings. Educational dictionary / Authors V.I. Zimin, S.D. Ashurova and others. M.: School-Press, 1994. 320 p.
2. Collection of proverbs of Al-Asmai / Ed. Mohammed Jaber El-Maeped. Baghdad, 2000. – 400 с.
3. Phraseological dictionary of the Russian language / Edited by A. I. Molotkov. 4th ed., stereotype. M.: Rus. yaz., 1986. 543 p.
4. <https://mhmdgamalgaroa.ahlamontada.com/t30-topic>
5. <https://www.youm7.com>
6. <https://www.alanba.com.kw/ar/variety-news/entertainment/امثال-كويتية>
7. Dictionary of symbols and signs / Author-comp. N. N. Rogalevich. Mn.: Harvest, 2004. 512 p.
8. Osipov V.D. The one language of humanity. M.: Pilgrim-Press Publishing House», 2003. 320 p.
9. Rus under the sign of the Crescent (part 4) or Where is the dog buried? // The Unknown world-LJ [Electr. resource]: <https://amigooo.livejournal.com/>

*Воронежский государственный
технический университет
Студент 3 курса направления Журналистика
Коростылева И.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(916)959-42-93;
e-mail: violetowl@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
3rd year student of Journalism
Korostyleva I. S.
Russia, Voronezh, tel. +7(916)959-42-93;
e-mail: violetowl@yandex.ru*

И.С. Коростылева

КОРПОРАТИВНЫЕ СМИ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена корпоративным СМИ, их целям и задачам. С точки зрения исторического подхода рассматривается периодизация корпоративных СМИ с учетом зарубежного и отечественного опыта. Анализируются современные направления развития корпоративных СМИ. В работе показано, что переход корпоративных СМИ в медиапространство носит системный характер и имеет большой потенциал развития.

Ключевые слова: исторический подход, корпоративные СМИ, корпоративные медиа.

I.S. Korostyleva

CORPORATE MEDIA: FROM HISTORY TO THE PRESENT

The article is devoted to corporate media, their goals and objectives. From the point of view of the historical approach, the periodization of corporate media is considered, taking into account foreign and domestic experience. The article analyzes the current trends in the development of corporate media. The paper shows that the transition of corporate media to the media space is systematic and has a great potential for development.

Keywords: historical approach, corporate media, corporate mass media.

Корпоративные СМИ представляют научный интерес как с точки зрения исторического рассмотрения проблемы, так и с практической стороны. Их функции включают в себя анализ бизнес-процессов, систему организации профессиональной деятельности сотрудников в компаниях, а также коммуникационные стратегии и поведение персонала.

Как отмечает отечественный исследователь корпоративных СМИ Д. А. Мурзин, «корпоративная пресса – это средства массовой информации фирм и компаний, нацеленные на решение задач конкретной компании» [6, с. 8]. Содержание понятия «корпоративное СМИ» шире, чем представляет ученый. Оно, конечно, тесно связано с функционированием внутренней среды компании и также включает позиционирование организации вовне, формирование ее имиджа и репутации. Но вместе с тем, корпоративное СМИ выступает как «барометр» общественного мнения, здесь как в зеркале отражаются интересы не только самой организации, но и дается «снимок» социально-экономического развития страны в целом, показывается жизнь определенного социального слоя или группы (работников компании), раскрывается их статус, показываются качество и условия труда, моральное и нравственное состояние сотрудников и т.д. Данную мысль подтверждает и Ю. А. Петропавловская, которая считает, что корпоративные издания отражают не только особую картину мира, в которой корпорация занимает ведущее место, но и в известной мере показывают отношение потребителей к индустрии, отрасли в целом, а также охватывают политико-экономическую конъюнктуру, формируя партнерские социальные отношения [7, с. 6-7].

Одной из главных задач корпоративных СМИ является донесение до целевой аудитории видения, миссии, стратегий, направлений деятельности компании, а также выстраивание коммуникационных каналов связи с персоналом, сплочение для общих целей и задач. Информирование сотрудников, создание каналов обратной связи является средством повышения лояльности и вовлеченности персонала в дела организации. Однако следует обратить внимание на то, что корпоративные СМИ несут в себе определенное противоречие. С одной стороны, они отражают интересы организации, а с другой стороны – читательской ауди-

тории, которая всегда шире, чем позиции руководства корпоративной прессы и в целом персонала организации. Разрешение этого противоречия лежит в выстраивании гибкой взаимосвязи, некоего баланса между корпоративными и социальными интересами, особенно если организация стремится к позиционированию себя вовне и формированию позитивного имиджа.

Корпоративное СМИ целесообразно создавать, если компания большая, штат сотрудников превышает сотни человек и среди них не налаживаются партнерские связи или есть барьеры в коммуникации. Корпоративное издание сплачивает сотрудников и помогает им быть в курсе общих дел, формируя одновременно и благоприятную корпоративную культуру. Также привлекает более широкий круг читателей.

Обратимся к истории корпоративных СМИ. Она тесно переплетена с социально-экономическим развитием западных стран.

Факторами, повлиявшими на создание корпоративных СМИ, явились:

- становление индустриального общества;
- усложнение кооперации и разделения труда;
- процессы урбанизации;
- рабочее движение.

Материально-технический прогресс в XIX в. запустил развитие крупного машинного производства. Именно в это время происходит активный переход от мануфактуры с ее примитивным ремесленным производством к крупным фабрикам и заводам. Возникает капиталистическая (иначе рыночная) кооперация, которая базируется на применении труда наемных работников и осуществляется для производства прибавочной стоимости. Причем индивидуальный труд воспринимается как часть совокупного корпоративного труда. Разделение труда еще более углубляется. Появляется функциональное и профессионально-квалификационное, технологическое разделение труда. На некоторых фабриках и заводах применяется конвейерное производство.

Эти процессы активно запускают переселение крестьянства в города и формирование класса пролетариата, который уже в конце XIX в. стал активно отстаивать свои интересы перед капиталистами и фабрикантами. Появляются новые негативные для капитала виды коммуникаций – стачки, забастовки, саботажи и т.д.

Для закрепления и удержания ценных сотрудников на предприятии, для знакомства рабочих с условиями их труда, для снижения социальной напряженности стали появляться как часть управления организацией корпоративные издания, целью которых стала политика отстаивания своих интересов и задач через повышение заинтересованности работников в их труде. Одновременно капиталисты запускают и другой процесс – налаживание взаимодействия со своими поставщиками, инвесторами и клиентами для расширения производства и сбыта продукции. Это тоже повлияло на создание первых корпоративных СМИ.

В истории зафиксирована первая корпоративная газета, выпуск которой датирован 1875 годом. И. Зингер стал первым, кто придумал прототип клиентской газеты, где знакомил покупателей с новинками производства и рекомендациями, как пользоваться его швейными машинками [6, с. 8]. Другим успешным предпринимателем был фермер Дж. Дир. В 1895 году он выпустил первый номер журнала «Furrow» (в переводе с англ. «Борозда»). Спустя годы его преемники стали выпускать журнал ежеквартально и стали одними из первых, кто придумал на страницах журнала публиковать рекламу. Как считают Е. С. Долгина и К. А. Путенихина, журнал Дж. Диры открыл путь к развитию рынка корпоративных СМИ. Журнал повысил лояльность партнеров компании, и они обеспечили динамичный прирост клиентской базы [3, с. 224]. По тому же принципу корпоративная пресса работает и в наши дни. Сейчас журнал издается тиражом 1,5 млн экземпляров в 40 странах на 12 языках [8, с. 21].

В Европе такого рода газеты появились позже. Но не все ученые согласны с этим распространенным мнением.

Как полагает А. Д. Кривоносов, в европейских странах в 30-х годах XIX в. появляются первые корпоративные издания. Он также приводит их периодизацию [4, с. 71].

Первый этап он называет «период спорадических корпоративных изданий». Только на некоторых фабриках и заводах, в частности, в Германии появляются свои газеты и бюллетени. Например, Ф. Лист еще в 1830-х годах выпустил бюллетень для рабочих при Германском центре продаж. Следующий этап он датирует началом XX в. и называет «скромное развитие корпоративной прессы». Так появляются первые издания для водителей трамваев, для страховых компаний. Только начиная с 1920-х годов в Европе активно развиваются корпоративные СМИ, и этот этап носит название «активное проявление корпоративных изданий». Некоторые крупные магнаты выпускали собственные издания. Этот период длится почти двадцать лет, и с

середины 1940-х годов начинается новый – «современный период корпоративных изданий». Повсеместно на Западе при крупных предприятиях организуются и развиваются корпоративные СМИ, формируется их сеть.

В России промышленное развитие существенно отставало от западных стран, и этот факт повлиял на появление первых корпоративных СМИ. А.Ю. Бабкин отмечает, что только к началу XX в. в России появляются первые корпоративные издания [1].

В Санкт-Петербурге в 10-х годах двадцатого столетия стали успешно развиваться банковская сфера и биржевая деятельность. Банкиры и биржевики были заинтересованы в пропагандировании своей деятельности и рекламы через СМИ. Так, с 1909 г. в Петербурге стали выходить многие журналы этого профиля: «Биржевой вестник», «Биржевые ведомости», «Банковая и торговая жизнь»; в Киеве, Нижнем Новгороде и других крупных городах России — журнал под общим названием «Биржа». В них освещались многие вопросы финансово-экономического характера в доступной для читателей манере изложения, печатались ответы Государственного банка Российской Империи.

Но по-настоящему активной корпоративная пресса стала только после Великой Октябрьской революции. При новых фабриках и заводах создавались агитбригады, издавались стенгазеты, позже уже полноценные газеты и журналы. Их возникновение инициировала коммунистическая партия, которая была заинтересована в пропаганде социалистических идей среди рабочих. Кроме того, корпоративные СМИ поддерживались партийными и профсоюзными активистами.

Д. А. Мурзин полагает, что в основу периодизации российских корпоративных СМИ может быть положен принцип корреляции между развитием экономики, промышленного производства и собственно корпоративных изданий. На основе данного признака он выделяет три периода развития корпоративной прессы [6, с. 9].

Первым периодом он считает 1830-1900 годы. На этом этапе возникают прототипы фабричных изданий эпохи промышленного переворота, когда страна стала переходить на машинное производство. Вторым этапом, 1900 - конец 1960-х годов. В этот промежуток времени наблюдается активный рост массового производства, полным темпом идет индустриализация. Третий этап – с конца 1960-х по настоящее время. Именно в этот период формируется корпоративная пресса на основе научно-технической революции и глобализации.

Однако ученый не выделяет период глубокой экономической и социальной трансформации начала-середины 90-х годов XX в. в России, а также становление цифровой экономики, которое сильно повлияло на развитие интернета и перехода корпоративных бумажных изданий в сферу электронных. С нашей точки зрения, необходимо учитывать эти периоды и выделить четвертый и пятый этапы в развитии корпоративных СМИ. Так, четвертый этап характеризуется становлением новых корпоративных СМИ. Данный процесс шел параллельно с созданием отечественной прессы, которая в полном объеме стала отражать «рыночное время», непростой период становления рыночной экономики в России со всеми ее социальными и культурными потрясениями. Этот этап охватывает 90-е и начало 2000-х годов. Со становлением частного капитала и конкуренции работодатели стали активно обращаться к принципиально новым по целям и задачам СМИ, которые бы отражали их интересы и способствовали развитию бизнеса.

С 10-х годов XXI века по настоящее время идет этап активного формирования электронной корпоративной прессы и в целом корпоративных медиа, создания целых корпоративных сетей.

Сегодня корпоративные СМИ есть у каждой крупной компании. Лидерами в этом направлении являются компании нефтегазовой отрасли: журнал «Газовая промышленность», выпускаемый ПАО «Газпром», «Нефть России» (ЛУКОЙЛ). От них не отстают банки: «МИНБ» (Московский индустриальный банк), «Сбережения» (Сбер России), мобильные компании: «Алло» (МТС), «Твой МегаФон» (Мегафон), «Мир Билайна» (ПАО «Вымпелком»), «Вестник Ростелекома» и журнал «Ростелеком PRO» (Ростелеком) и т. д.

Помимо газет, сейчас активно развиваются корпоративные сети. Среди них можно отметить «Деловую среду» от «Сбера». Данное предприятие является частью экосистемы «Сбера» и осуществляет знакомство пользователей с этой системой, имеет большой контент обучающих материалов. Интерес вызывает и медиапортал «Т-Ж» от «Гинькофф», который посвящен широкому диапазону тем, так и иначе связанных с денежной системой. Здесь есть полезная информация как для бизнеса, так и для самозанятых и фрилансеров. Для них подготовлена обширная подборка статей и материалов, посвященных банковской информации в доступной форме. Примером может послужить и медиапортал «VC.RU». Он охватывает также большой диапазон читателей от представителей бизнеса и IT-разработчиков до любителей современных технологий.

Более 50% постоянных пользователей ресурса имеют возраст от 25 до 34 и около 20% от 35 до 44 лет. Преимущественно это жители городов «миллионников». Ежемесячная посещаемость достигает 5 млн. посетителей в месяц [5]. В. А. Грабельникова правильно отмечает, что в настоящее время корпоративные интернет-порталы анализируются как «информационные накопители» профессионально-значимого контента и площадки для обсуждения тем, актуальных для той сферы бизнеса, где функционирует компания. Портал становится средством массовой информации и коммуникации, так как соответствует всем основным задачам журналистики [2, с. 15].

Корпоративные медиа – это естественная эволюция корпоративных СМИ, порталы нацелены на более широкую аудиторию с целью охватить как можно больше «полезного» для бизнеса трафика. Корпоративное медиа – это еще и инструмент для завоевания лояльности со стороны клиентов через грамотную подачу информации, через рекламные пиар-ходы. В настоящее время наблюдается стремительный рост корпоративной прессы и медиа. Наиболее активными темпами развиваются издания B2P (предназначенные для персонала) и B2C (предназначенные для клиентов, потребителей), а также для внутреннего использования (B2B). Тенденция перехода корпоративных СМИ в медиа пространство – системное явление, носящее «взрывной» характер. В современном информационном мире за этим направлением – большой потенциал развития.

Библиографический список

1. Бабкин А.Ю. Корпоративные издания в структуре печатных СМИ: типологические и профильные характеристики (на примере прессы Федерального государственного унитарного предприятия «Почта России»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 29 с.
2. Грабельников В.А. Развитие корпоративных СМИ в новой медиасреде (на примере интернет-портала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 18 с.
3. Долгина Е.С., Путенихина К. А. История возникновения корпоративных СМИ // Современные научные исследования и разработки. - №6.-2016.- С. 223-225.
4. Кривоносов А.Д. Корпоративная пресса на западе: история и типология // PR-диалог. №3(20). 2002. С.70-72.
5. Корпоративные медиа порталы - разбор самых успешных примеров на рынке -Текст: электронный//Акива: сайт. URL: <https://akiwa.ru/blog/korporativnye-media-portaly-razbor-samykh-uspeshnykh-primerov-na-rynke/> (дата обращения 18.04.2021)
6. Мурзин Д.А. Корпоративная пресса. Современные типологические концепции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 18 с.
7. Петропавловская Ю.А. Корпоративные издания как разновидность медиа: выход на массовую аудиторию // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. №5. 2015. С.3-20.
8. Ромашова И.П. Корпоративные СМИ как новые СМИ // Коммуникативные исследования. №4 (5). 2015. С. 17-42.

References

1. Babkin A. Y. Corporate publications in the structure of print media: typological and profile characteristics (on the example of the press of the federal state unitary enterprise "Russian Post"): Autoref. diss. ... Candidate of Philological Sciences. M., 2010. 29 p.
2. Grabelnikov V. A. Development of corporate media in the new media environment (on the example of an Internet portal): Autoref. dis. ... Candidate of Philological Sciences M., 2012. 18 p.
3. Dolgina E. S., Putenikhina K. A. The history of corporate media - Modern scientific research and development. № 6. 2016. P. 223-225.
4. Krivonosov A.D. Corporate press in the West: history and typology. PR-dialogue. №3(20). 2002. P. 70-72.
5. Corporate media portals - analysis of the most successful examples on the market -Text: electronic//Akiva: website. URL: <https://akiwa.ru/blog/korporativnye-media-portaly-razbor-samykh-uspeshnykh-primerov-na-rynke/> (accessed 18.04.2021)
6. Murzin D. A. Corporate press. Modern typological concepts: Autoref. diss. ... Candidate of Philological Sciences. M., 2007. 18p.
7. Petropavlovskaya Y. A. Corporate publications as a kind of media: access to a mass audience // Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism. № 5. 2015. P. 3-20.
8. Romashova I. P. Corporate media as new media // I. P. Romashova. Communication studies. №4 (5). 2015. P. 17-42.

УДК 802.0

*Волгоградский государственный
университет
Студент кафедры русской филологии
и журналистики
Джумашева Д.М.
Россия, г. Волгоград,
e-mail: zh-172_843215@volsu.ru*

*Volgograd State University
The chair of Russian philology and journalism
Student Dzhumasheva D.M.
Russia, Volgograd,
e-mail: zh-172_843215@volsu.ru*

Д.М. Джумашева

СПЕЦИФИКА НОВОСТНОГО КОНТЕНТА НА ФЕДЕРАЛЬНЫХ РАДИОСТАНЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РАДИОСТАНЦИЙ «РАДИО РОССИИ» И «РАДИО СВОБОДА»)

В статье приводится сравнительный анализ новостных выпусков на радиостанциях «Радио России» и «Радио Свобода» с целью определить, какое влияние исследуемые медиа оказывают на слушателей. Делается вывод о том, что «Радио России» осуществляет функцию информирования аудитории о происходящем в стране и в мире, в то время как «Радио Свобода» является каналом пропаганды и инструментом формирования негативной картины происходящего внутри государства.

Ключевые слова: новостной контент, новости на радио, «Радио России», «Радио Свобода».

D.M. Dzhumasheva

THE SPECIFICITY OF NEWS CONTENT ON FEDERAL RADIO STATIONS (ON THE EXAMPLE OF RADIO STATIONS «RADIO OF RUSSIA» AND «RADIO LIBERTY»)

The article presents a comparative analysis of news releases on radio stations "Radio of Russia" and "Radio Liberty" in order to determine the impact of the media under study on listeners. It is concluded that "Radio of Russia" performs the function of informing the audience about what is happening in the country and in the world, while "Radio Liberty" is a propaganda channel and a tool for forming the negative picture of what is happening inside the state.

Keywords: news content, news on the radio, "Radio of Russia", "Radio Liberty".

Современные реалии таковы, что каждый день человек сталкивается с огромным потоком информации. Основными источниками которой, являются социальные сети и средства массовой информации. В обоих случаях сведения, поступающие к аудитории, формируются третьими лицами, чьи мотивы остаются неизвестны.

Статья посвящена исследованию специфики новостного контента на государственной радиовещательной компании «Радио России» и русской службы радиостанции «Свобода». Рассмотрение специфики новостного контента на примере конкретных радиостанций обуславливается тем, что финансирование к ним поступает от двух прямо противоположных организаций. Изучение такого направления как «новости» стало ключевым аспектом работы в связи со значимостью этого жанра в работе радио. Это подтверждает исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения от 18 февраля 2019 года, которое показало, что более половины аудитории радио слушает его только из-за новостей.

Прежде чем говорить о специфике новостного контента, необходимо обозначить, что принято понимать под терминами «радиовещание» и «новости». По словам Т.В. Васильевой, радиовещание – это технология передачи речи, музыки и других звуковых эффектов или звуковой информации по радио или в сетях с пакетной коммутацией (в компьютерных сетях – интернет-радио) неограниченному числу слушателей [1; с. 19]. В.В. Смирнов дает следующее определение новостного выпуска. По его словам, он состоит из радиосообщений и материалов, углубляющих, развивающих их,

а также имеет постоянное место в эфире, поскольку слушатель должен знать, когда и где он найдет в эфире свежие новости [2; с. 49].

Одно из ключевых понятий в данной работе — «информационная повестка дня». Как утверждает Ю.П. Беленькая, информационная повестка дня представляет собой совокупность отфильтрованных СМИ тем (о событиях, процессах, личностях), преподносимых обществу как наиболее важные [3; с. 17-18].

«Радио России» – это главная государственная радиостанция России. Является круглосуточно вещающей, федеральной государственной радиостанцией общего формата и входит в холдинг Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (далее ВГТРК). Вещает из Москвы на всей территории России на первом канале проводного вещания, а также в УКВ- и FM-диапазонах, а также через Интернет в режиме «потокное аудио».

«Радио Свобода» характеризует себя как некоммерческая медиакорпорация, получающая грантовое финансирование от Конгресса США. С 2017 года признана в России СМИ-иноагентом. Ежедневно с 21:00 до 01:00 по московскому времени ретранслируются на средневолновой частоте 1386 кгц. Также имеет круглосуточное интернет вещание, которое производит на своём официальном сайте. Помимо России, радиостанция вещает на 26 языках для аудитории 21 стран Восточной и Юго-Восточной Европы, Кавказа, Центральной и Южной Азии.

Цель статьи — рассмотреть специфику подачи информации на радиостанциях «Радио России» и «Радио Свобода». В рамках исследования мы проанализировали и сравнили 96 новостных сюжетов на радиостанциях «Радио России» и «Радио Свобода». В процессе исследования удалось выяснить следующее.

Обе радиостанции, «Радио России» и «Радио Свобода», ориентированы примерно на одну и ту же целевую аудиторию. В первом случае это мужчины и женщины старше 40 лет; во втором – преимущественно мужчины старше 35 лет. Также обе радиостанции выпускают почти все виды радиопрограмм: информационные, общественно-политические, музыкальные, литературно-драматические и научно-познавательные. Новостные выпуски выходят каждый час. По характеру материала, его объёму, тематике, охвату событий, значимости, оперативности рассматриваемые радиостанции можно отнести к универсальным, поскольку они дают представление о крупных, глобальных событиях, происходящих в стране и в мире. Они представляют интерес для людей, интересующихся политикой и мировой экономикой.

Для того, чтобы понять, какое влияние исследуемые радиостанции оказывают на слушателей, мы сравнили информационные поводы, озвученные в одно время. Для анализа выбрали новостной выпуск, вышедший на обеих радиостанциях 25.03.2020 в 22:00. Выбор этого выпуска обусловлен тем, что в этот момент времени пандемия в России набирала обороты и можно было наглядно наблюдать как работа СМИ способствовала нарастанию паники или наоборот старалась эту панику сдерживать.

По ключевым словам: «вирус», «нападение», «смерть», «наркотики» и «помощь», а также по их смысловым производным, определим, какое количество новостей в выпуске имеет позитивный и негативный характер. Показателем является наличие или отсутствие этих слов в тексте (табл.).

Таблица

Содержание новостных выпусков радиостанций «Радио России» и «Радио Свобода»

«Радио России»	Направление (тема) и время, отведённое в эфире	«Радио Свобода	Направление (тема) и время, отведённое в эфире
В России введут послабления для кредиторов, а также появятся дополнительные льготы для помощи малому бизнесу	Общество в стране (0:36 – 2:28) 1:52	Число жертв коронавирусной инфекции covid-19 в мире, в среду превысило 20 000.	Общество В мире (0:09 – 0:31) 0:22
Двое пожилых людей скончались в от коронавируса в Москве	Общество в стране (2:30 – 3:05) 0:35	Президент России объявил о переносе Всероссийского голосования о поправках в Конституцию в связи со вспышкой коронавируса.	Общество В стране (0:31 - 0:51) 0:20

Российские медики-вирусологи добрались для <i>помощи</i> в Италию	Общество В мире (3:06 – 3:44) 0:38	В Москве <i>умерли</i> два пожилых пациента с положительным тестом на <i>коронавирус</i> .	Общество В стране (0:51 – 1:40) 0:49
В Йошкар-Оле <i>задержали</i> женщину похитившую младенца. Ребёнок <i>не пострадал</i> , его передали родителям.	Криминал В стране (3:45 – 4:27) 0:42	В связи с пандемией <i>коронавирусной</i> инфекции, в Москве закрыты для посещения развлекательные общественные места.	Общество В стране (1:40 – 2:00) 0:20
США призвали Саудовскую Аравию положить <i>конец</i> ценовой войне на нефть с Россией.	Экономика В стране и в мире (4:27 – 5:25) 0:58	Активисты дивизиона, <i>пытаются проникнуть на российские военные объекты</i> Среди обвинений в адрес России, вмешательство в американские выборы, различные <i>хакерские атаки</i> .	Политика В стране (2:00 – 2:42) 0:42
Меган Маркл отрешится от короны	Политика в мире (5:26 - 5:53) 0:27	На главу фонду борьбы с коррупцией <i>напали</i> неизвестные	Криминал В стране (2:42- 3:07) 0:25
Учёные выяснили что некоторые привычные овощи мешают похудеть.	Наука в стране (5:54 - 6:40) 0:46	Головинский суд Москвы пролил на полгода арест аспиранту МГУ. Его обвиняют в <i>нападении</i> на офис Единой России.	Криминал В стране (3:07 - 3:25) 0:18
В Турции на время карантина посоветовали читать Льва Толстого.	Общество в мире (6:41 - 7:02) 0:23	Из-за <i>коронавирусной</i> инфекции на территории Украины на месяц введён режим чрезвычайной ситуации.	Общество В мире (3:25 – 3:43) 0:18
Сезон КХЛ был завершён в связи с отказом участия в нём команд из-за ухудшающейся ситуации в мире с <i>коронавирусом</i> .	Спорт в стране (07:10 – 07:34) 0:24	У наследника британского престола выявлен <i>коронавирус</i> .	Политика В мире (3:43 – 4:09) 0:26
Российский хоккеист отстранён из-за <i>употребления</i> кокаина	Спорт в стране (7:35 - 08:04) 0:29	Житель Китая скончался от геморрагической лихорадки, вызванной <i>артохантовиром</i>	Общество В мире (4:09 – 4:30) 0:21
Футбольный Zenit отсудил 680 тысяч у армянского болельщика	Спорт в стране (8:05 – 8:32) 0:27	<i>Умерла</i> народная артистка СССР.	Общество В стране (4:30- 4:50) 0:20
Матч лиги по футболу <i>стал причиной распространения коронавируса</i>	Спорт в мире (8:33 - 9:09) 0:36		

Согласно полученным данным, 6 из 12 информационных поводов, озвученных на радиостанции «Радио России», были посвящены происходящему в мире. На «Радио Свобода» событиям в мире посвящено 4 из 11 новостей. Это означает, что на «Радио России» уделяется одинаковое внимание тому, что происходит в нашей стране и за её пределами. Радиостанция «Радио Свобода» акцентирует внимание слушателей на происходящем внутри страны.

Анализ, по ключевым словам, показал, что в выпуске «Радио России» из 12 новостей негативно окрашенными оказались 4 – в сумме о них говорили 2 минуты 4 секунды, что составляет 20% от выпуска. Положительно окрашенных новостей в выпуске было также 4 – о них говорили на протяжении 4 минут 10 секунд, что составляет 50% от выпуска. Остальные 30% – новости, которым не присваивается негативная или положительная окраска, в них не было ключевых слов и их мы отнесли к нейтральным. Соответственно, можно говорить, что радиостанция «Радио России» на момент проведения исследования не создаёт негативной картины восприятия мира у слушателей. Журналисты сообщают как о позитивных, так и о негативных, а также нейтральных информационных поводах, благодаря чему у аудитории создаётся объективная картина мира.

В это время 100% новостного выпуска «Радио Свободы» имеет негативную окраску. Соответственно, это говорит о том, что радиостанция «Свобода» на момент проведения исследования создаёт исключительно негативную картину восприятия мира у слушателей.

Исследование новостных выпусков позволило рассмотреть специфику подачи информации на радиостанциях «Радио России» и «Радио Свобода». Рассмотрение особенностей новостного контента на данных радиостанциях показало, что «Радио России» осуществляет функцию информирования аудитории о происходящем в стране и в мире, в то время как «Радио Свобода» является каналом пропаганды и инструментом формирования негативной картины происходящего внутри государства.

Проведённое исследование сможет помочь следить за вектором направления, скоростью развития и идейной пропагандой в условиях информационной войны, оказывающей воздействие на формирование картины мира у современного слушателя.

Библиографический список

1. Васильева Т.В., Осинский В.Г., Петров Г.Н. Курс радиотелевизионной журналистики: Специальная литература. СПб.: Редакция Светланы Агапитовой и Елены Почкай, 2004. 287 с.
2. Смирнов В.В. Формы вещания: функции, типология, структура радиопрограмм. М.: Аспект Пресс, 2002. 201 с.
3. Бельнская Ю.П. Телевизионные новости как средство формирования региональной информационной повестки дня в электоральный период: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 22 с.

References

1. Vasilyeva T.V., Osinsky V.G., Petrov G.N. The course in radio- and television journalism: Special literature. St.-Petersburg: Edited by Svetlana Agapitova and Elena Pochkai, 2004. 287 p.
2. Smirnov V.V. Forms of broadcasting: functions, typology, structure of radio programs. Moscow, 2002. 201 p.
3. Belenkaya Y.P. TV news as a means of forming the regional information agenda in the electoral period: abstract of the thesis... PhD in Philology. Voronezh, 2015. 22 p.

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный
технический университет
магистрант кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации,
направление «СМИ и интернет»
Лаптева М.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7 9042141589
e-mail: marina.goncharova.vrn@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural
communication
Master student of
direction "Mass media and the Internet" Lapteva
M.A.
Russia, Voronezh, tel. +7 9042141589
e-mail: marina.goncharova.vrn@yandex.ru*

М.А. Лаптева

СПЕЦИФИКА ГЕМЕРОНИМОВ ВОРОНЕЖСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

В статье представлены особенности наименования печатных и электронных изданий Воронежской области. В качестве наиболее частотных мотивов номинации могут выступать - тематика (деловое издание «РосБизнесКонсалтинг Черноземье»); место издания («Время Воронежа»); адресат («Коммерсант»); субъект («Воронежский курьер»).

Ключевые слова: гемероним, медиaproстранство, Воронеж, СМИ

М.А. Lapteva

THE SPECIFICS OF HEMERONYMS VORONEZH MEDIA SPACE

The article presents the features of the names of printed and electronic publications of the Voronezh region. The most frequent motivemes of the nomination can be - subject (business publication "RosBusinessConsulting Chernozemye"); place of publication ("Voronezh Time"); addressee ("Merchant"); subject ("Voronezh Courier").

Keywords: hemeronym, media space, Voronezh, mass media.

На сегодняшний день сфера средств массовой информации активно развивается и попадает под пристальное внимание исследователей, занимающихся вопросами ономастики.

Ономастическая лексика начинает выделяться в отдельную лингвистическую категорию, начиная с 50-60-х годов прошлого века. Объектом исследования ономастики стали способы образования имен собственных, признаки, положенные в основу номинаций и история названий. С позиции ономастики изучаются фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические и этимологические аспекты имён собственных. Это позволяет выявлять ономастические системы, ряды и универсалии. Кроме того, даёт возможность изучать взаимодействие онимов с другими языковыми явлениями.

Несмотря на то что в современной науке часто используется термин «меданоминация», в нашем исследовании мы отдаем предпочтение более раннему термину «гемероним», упоминаемому Н.В. Подольской в её работе «Словарь русской ономастической терминологии» и употребляемому в значении «собственное имя органов периодической печати» [3]. Введение термина свидетельствует о новом статусе номинации периодических печатных изданий и новом витке в изучении закономерностей данного явления.

Примеры гемеронимов мы постоянно встречаем в обычной жизни. Однако в современных ономастических исследованиях тема гемеронимов остается недостаточно разработанной.

Хотя можно с уверенностью сказать, что гемеронимы являются одним из видов идеонима и напрямую относятся к области ономастики, термин идеоним объединяет «различные категории имен собственных, имеющих денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [3]. Следовательно, гемеронимы входят в состав ономастической лексики, являясь одним из лексических разрядов, они имеют характерные признаки, присущие этому разряду. Сто-

ит отметить, что название любого периодического издания объединяет внутри себя серию предметов, например, тираж журнала. При этом названия всех существующих периодических изданий объединяются в общую категорию.

Городское медиапространство – малоизученный феномен, но, исследуя его, мы можем проанализировать и сравнить организацию медиополя в разных городах, сделать выводы, которые смогут использовать учредители СМИ при анализе конкурентоспособности своего издания.

Ономастикон данной сферы строится в соответствии с общими принципами номинации и сопоставим с аналогичными медиапространствами в других городах. Этот факт даёт нам право говорить о том, что существует система названий средств массовой информации.

О.И. Федосова утверждает, что важным аспектом при изучении ономастикона городского медиополя является историческая обстановка на момент создания периодического издания. [4] Этот фактор стоит учитывать при проведении мотивационного анализа медиапространства.

Мотивирующими моментами для гемеронима чаще всего становятся такие факты, как:

- тематика (деловое издание «РосБизнесКонсалтинг Черноземье»);
- место издания («Время Воронежа»);
- адресат («Коммерсант»);
- субъект («Воронежский курьер»);

Для обозначения того, что на портале предоставлены свежие и актуальные новости используется дополнение к названию, например, у газеты «МОЁ!» есть информационный интернет-портал «МОЁ!Онлайн».

При выборе названия для городского медиа крайне важным моментом является привязка к месту создания и распространения издания. Например, «РИА Воронеж», «ВестиВоронеж». Иногда для этого используется сокращение («Обозреватель.Врн») или код региона («36.он»). Это связано с тем, что тематическая индивидуальность новостных порталов и городских газет сведена к минимуму. [1] Большинство из них пишет на схожие темы и освещает важные для горожан события.

Анализ ономастического пространства воронежского медиополя позволяет оценить его масштабы в сравнении с другими городами и место в ономастической системе страны. Кроме того, позволяет увидеть степень его фрагментированности. По утверждению М.В. Ливановой, она «остаётся слабой в регионах, что проявляется в преобладании массовых изданий». [2] Мы выяснили, что такая картина характерна и для Воронежа, где практически отсутствуют специальные издания для отдельных категорий читателей. Практика специализированных приложений к основным СМИ в нашем городе развита слабо и популярностью не пользуется.

Библиографический список

1. Кобзарь В.П. Печатные СМИ Амурской области: характерные черты // Векторы развития медиаисследований в России. Тезисы конференции. М. 2012. С. 105-106.
2. Ливанова М.В. «Региональная периодика: стабильность на грани стагнации» // Векторы развития медиаисследований в России. Тезисы конференции. М. 2012. С. 103-104.
3. Подольская Н.В. «Словарь русской ономастической терминологии». М. 1988. С. 16, 46.
4. Федосова О.И. Принципы и способы номинации российских СМИ // Lingua mobilis: научный журнал. 2009. №3 (17). С.144.

References

1. Kobzar V.P. Print media of the Amur region: characteristic features // Vectors of media research development in Russia. Abstracts of the conference. M. 2012. Pp. 105-106.
2. Livanova M.V. "Regional periodicals: stability on the verge of stagnation" // Vectors of media research development in Russia. Conference abstracts. M. 2012. Pp. 103-104.
3. Podolskaya N.V. "Dictionary of Russian onomastic terminology". M. 1988. pp. 16, 46.
4. Fedosova O.I. Principles and methods of nomination of Russian mass media // Lingua mobilis: scientific journal. 2009. No. 3 (17). P.144.

УДК 366.636:61

*Воронежский государственный
технический университет
магистрант кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации,
направление «СМИ и интернет»
Шашурина Е.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7 961616003
e-mail: sashakramers@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural
communication
Master student of
direction "Mass media and the Internet" Shashurina
E.V.
Russia, Voronezh, tel. +7 961616003
e-mail: sashakramers@gmail.com*

Е.В. Шашурина

«ПАНИЧЕСКИЙ» ДИСКУРС О COVID-19

В статье рассматривается роль средств массовой информации в наращивании страха и паники. Состояние паники или повышенной тревожности является естественной реакцией людей на ту или иную негативную ситуацию, а природа вируса COVID-19, поразившего общество, значительно усиливает панические настроения.

Ключевые слова: коронавирус, ковид, страх, сми, паника, медиaprостранство, covid-19, интернет, эпидемия, волна, алармизм, дискурс, общество, карантин.

E.V. Shashurina

«PANIC» DISCOURSE ABOUT COVID-19

In this article, we examine and highlight the role of the media in building up fear and panic in people. A state of panic or increased anxiety is a natural reaction of people to a particular negative situation, and the nature of the COVID-19 virus, which has struck society and has taken over the media and the Internet, significantly increases panic.

Key words: coronavirus, covid, fear, media, panic, media space, covid-19, internet, epidemic, wave, alarmism, discourse, society, quarantine.

С самого начала эпидемии коронавируса по всему миру распространяется множество слухов и фейков о том, как появился вирус, о количестве заболевших и умерших, а также о способах обезопасить себя от болезни. Эта информационная лавина новостей распространяется быстрее самой инфекции, в связи с чем данное явление получило название «эпидемия дезинформации». Кризис, вызванный пандемией коронавируса, стал уязвимой целью для «эпидемией дезинформации». Связанные с государственными структурами субъекты манипулируют темой COVID-19 в традиционных СМИ и социальных сетях, сея сомнения и разногласия.

Основным эмоциональные реакции связаны с трансляцией в СМИ состояний страха, горя, несчастья, трудностей и неопределенности, обусловленных сообщениями о смерти от вируса.

В медиaprостранстве для наращивания страха и паники используются самые разные инструменты. Во-первых, частота упоминаний пандемии COVID-19 в средствах массовой информации. В новостных выпусках обсуждению этой темы отводятся первые минуты выпуска, ей посвящены ток-шоу, в каждом интернет-издании есть целые разделы, которые, по статистике, занимают первые места по посещаемости. Во-вторых, фотографии жертв вируса, обычно молодых и средних лет, публикуемые в большом количестве, также приводят к психологическому шоку. Особенно часто этот прием используют таблоиды (например, такие как РБК, РИА, ТАСС), которые на своих полосах размещают фотографии умерших или больных, сопровождая их текстом, создающим эффект эмоционального дискомфорта, например: «В Москве умер первый ребенок из-за новой болезни, вызванной COVID-19» [2].

Однако больший интерес представляют лингвистические средства вербализации понятия «страх», ядро которого образуют лексемы со значением: «состояние тревоги и испуга, от угрожающей или ожидае-

мой опасности», а также «испытывать страх, находиться в тревожном ожидании». Новости, содержащие анатомические подробности, создаются при использовании лексики, принадлежащей к разговорно-бытовому стилю (как более выразительному), так и при помощи медицинских терминов: «Это ненормально, что у совершенно здоровой женщины произошел разрыв сердца» [3].

Эмоциональная концепция страха тесно переплетается с другими суггестивными компонентами панического медийного дискурса – понятиями жизни и смерти, которые относятся к основным понятиям языковой картины мира любого языка и становятся особенно актуальными при освещении пандемии.

Анализ медиатекстов позволяет определить лексические единицы, формирующие структуру понятия смерть, означающего «прекращение жизни»: было объявлено о 963 смертях; число смертей жителей пенсионного возраста увеличилось в несколько раз; неуклонный скачок числа смертей. Из этих примеров видно, что понятия жизни и смерти настолько тесно переплетены, что в паническом дискурсе они неразделимы.

Другим часто встречающимся эмотивно-событийными реакциями являются «горе, несчастье, затруднения», вербализованные следующими лексическими единицами: горе, бедствие, мука, трагедия, потеря близких, коллапс, уход, тяжелая ситуация, трудности, проблемы, угрожающая ситуация («Как выйти на работу и избежать второй Великой депрессии» [4]). С целью привлечения внимания используются метафоры из сферы спорта, где вирус сравнивается с марафоном: «Очевидно, болезнь – это не спринт на несколько недель, борьба будет долгой, это будет настоящий марафон».

Неуверенность в будущем вербализуется такими лексическими единицами, как хаос, недоверие, разочарование, растерянность, неуверенность, хаотичность, отсутствие четкой информации. Создание образа врага – одна из ключевых технологий построения панического дискурса в медиапространстве и средство создания морального хаоса. При освещении пандемии четко выделяются следующие объекты моральной паники: вирус — это враг. Стратегия создания реальной угрозы заключается в том, чтобы убедить людей в том, что вирус представляет смертельную опасность и что эта опасность не выдумана средствами массовой информации. С этой целью публикуются интервью с родственниками и друзьями жертв коронавируса: «Наверное, я не выживу», - сказал он в один из последних дней, а через несколько дней его жена услышала в телефонной трубке от дочери: «Папы больше нет» [5].

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, использование «лидеров мнений», которыми в настоящее время являются те, кто непосредственно контактировал с жертвами смертельного вируса, создает так называемый эффект присутствия, который позволяет направить манипулятивные приемы на максимальное достижение желаемого результата, поскольку очевидец не может лгать, а потому всегда прав [1, с. 113]. Следует отметить, что образ вируса как врага чаще всего актуализируется с помощью метафорической номинации, а именно широкого использования метафоры войны: медицинские работники на передовой; еще одна армия невоспетых героев – учителя, водители, работники магазинов.

По словам С.Г. Кара-Мурзы, раздувание проблемы, так называемые показательные проблемы, искаженная оценка, а также демонстрация проблемных событий часто, многократно и по разным каналам могут вызвать негативную реакцию и даже гнев адресатов медиаресурсов. Большое количество людей доверяют средствам массовой информации освещать ситуацию с пандемией, считают их оценку объективной и призывают к соблюдению карантинных мер. Однако не менее значительная группа людей открыто и категорично заявляет о своем недоверии официальным источникам информации, а доминирующим понятием в пользовательском дискурсе является понятие «ложь», которое вербализуется следующими языковыми средствами: ложь; лжецы; обман; дезинформация; утка, заговор; мошенники.

Так, в связи с коронавирусом лидирующие позиции среди пользователей занимают две теории: финансовый сговор глобальных корпораций и чипирование населения. Демонизация внешних врагов осуществляется посредством использования лексем с ярко выраженной уничижительной семантикой: темные силы; злонамеренные страны-изгои; преступная деятельность; нападения; насилие, нападения; сообщения, вызывающие хаос и раздор. Манипулятивный эффект усиливается использованием метафор, подчеркивающих неизмеримый ущерб от действий этих враждебных сил: «Враждебные силы, создающие «девятый вал» (шквал) сообщений о коронавирусе» [6].

Наряду со стигматизацией врагов не менее важную роль в паническом медийном дискурсе СМИ играет создание образа героя. В нынешней ситуации средства массовой информации широко используют прославления медицинских работников, врачей, которые находятся в самом эпицентре событий, которые, несмотря на нехватку ресурсов, смертельную опасность и усталость, каждый день спасают жизни.

Несмотря на то, что объекты паники в анализируемых медиатекстах различаются, их образы моделируются сходным набором языковых стратегий и тактик:

1. стратегией создания реальной угрозы;
2. стратегией идеализации героя и стигматизации врага.

К другим методам манипулятивного воздействия, используемым в алармистском медийном дискурсе, относятся такой метод как «общий вагон» (термин С.Г. Кара-Мурзы), когда в медийном дискурсе специально подбираются слова и фразы, требующие единообразия в употреблении, что создает впечатление, что так поступают все. При освещении трагических обстоятельств пандемии следующий новостной блок обязательно будет посвящен еще большей трагедии в других странах – глобальность событий, непосредственно затронувших каждого из нас, пандемия, охватившая весь мир. Кроме того, необходимо отметить «старый реакционный» метод. Суть этого метода заключается в том, что если в определенной ситуации у реципиента возникает достаточно сильная реакция на тот или иной стимул, то через некоторое время человек вновь подвергается воздействию этого стимула. Так, в СМИ активно проводятся параллели с другими вирусами – испанским гриппом, чумой, что способствует возрастанию паники.

В конце концов, пандемия коронавируса становится «эпидемией дезинформации». Новости о быстром распространении вируса и ограничительные меры, которые возникли в результате этого со стороны большинства правительств, сеют панику в обществе. Но паника – это опасное эмоциональное состояние, резко повышает уязвимость к фальшивым новостям и сомнительным выводам, даже среди людей с критическим мышлением. Пропаганда и фейки, циркулирующих в мире, подпитываются искусственно созданным массовым психозом, так что нервоз и паника неизбежны, так как основная проблема заключается в том, что COVID-19 уже прижился в человеке не только физически, но и эмоционально и психически – в сознании.

Библиографический список

1. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Век XXI; М.: Эксмо. 2015 г; 464 с.
2. «В Москве умер первый ребенок из-за новой болезни, вызванной COVID-19». URL: <https://ria.ru/20200617/1573020546.html> (Дата обращения: 13.03.2021)
3. Здоровое сердце женщины разорвалось после проникновения в него коронавируса URL: <https://usa-one.turbopages.org/usa.one/s/2020/04/zdorovoe-serdce-zhenshhiny-razorvalos-posle-proniknoveniya-v-nego-koronavirusa/> (Дата обращения: 17.03.2021)
4. Как выйти на работу и избежать второй Великой депрессии». URL: <https://usa.one/2020/09/kak-viiti-na-raboty-kovid/#news> (Дата обращения: 11.03.2021)
5. «Наверное, я не выживу»: Близкие погибших от COVID-19 врачей рассказали о последних словах родных. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/tsargrad.tv/s/news/navernoe-ja-ne-vyzhivu-blizkie-pogibshih-ot-covid-19-vrachej-rasskazali-o-poslednih-slovah-rodnyh_252330 (Дата обращения: 20.03.2021)
6. «Девятый вал» второй волны: как живет ковидный мир. URL: https://news.rambler.ru/world/45235473/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 18.03.2021)

References

1. Kara-Murza S. Manipulation of consciousness. Century XXI; M.: Eksmo. 2015; 464 pp.
2. Internet resource "The first child died in Moscow due to a new disease caused by COVID-19" URL: <https://ria.ru/20200617/1573020546.html> (Date of access: 13.03.2021)
3. A woman's healthy heart burst after the penetration of the coronavirus URL: <https://usa-one.turbopages.org/usa.one/s/2020/04/zdorovoe-serdce-zhenshhiny-razorvalos-posle-proniknoveniya-v-nego-koronavirusa/> (Date of access: 17.03.2021)
4. How to get to work and avoid the second Great Depression. URL: <https://usa.one/2020/09/kak-viiti-na-raboty-kovid/#news> (Date of access: 11.03.2021)
5. "I probably won't survive": Relatives of doctors killed by COVID-19 spoke about the last words of their relatives. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/tsargrad.tv/s/news/navernoe-ja-ne-vyzhivu-blizkie-pogibshih-ot-covid-19-vrachej-rasskazali-o-poslednih-slovah-rodnyh_252330 (Date of treatment: 20.03.2021)
6. "The Ninth Wave" of the second wave: how the covid world lives. URL: https://news.rambler.ru/world/45235473/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Date of access: 18.03.2021)

УДК: 82.09

*Казанский медицинский колледж
Студент I курса
Подгородов М.О.
Россия, г. Казань,
e-mail: maxim7446podgorodov@gmail.com*

*Kazan Medical College
Student
Podgorodov M.O.
Russia, Kazan,
e-mail: maxim7446podgorodov@gmail.com*

М.О. Подгородов

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ВРАЧА В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»: МОТИВ ПРАВЕДНОСТИ

В статье анализируется образ врача сквозь призму мотива праведности, темы нравственности и долга в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр», изданном в 2012 г. Рассматривается роль различных мотивов в романе и принципы их реализации. Делается вывод о том, что образ врача в романе неразрывно связан с мотивом праведности. Перспективой исследования является дальнейший анализ мотивов, которые играют важную роль в формировании основной идеи романа.

Ключевые слова: образ врача, мотив, праведность, полемика, юродство.

M.O. Podgorodov

THE SPECIFICS OF THE IMAGE OF THE DOCTOR IN THE NOVEL BY E. G. VODOLAZKIN "LAURUS": THE MOTIVE OF RIGHTEOUSNESS

The article analyzes the image of a doctor through the prism of the motivation of righteousness. The theme of morality and duty in the novel by E.G. Vodolazkin's "Laurus", which was published in 2012. Considering various motives in the novel and the principles of their implementation, it's concluded that the image of a doctor in the novel is inextricably linked with the motive of righteousness. Further of motives analys is are the perspective of research that play an important role in the formation of the main idea of the novel.

Key words: image of a doctor, motive, righteousness, polemics, foolishness.

Литература в наше время характеризуется напряженным поиском в сфере системы ценностей. Об этом свидетельствует творчество одного из современных русских писателей Е.Г. Водолазкина. Будучи ученым, доктором филологических наук, ведущим сотрудником ИРЛИ РАН, литературным творчеством Е.Г. Водолазкин начал заниматься с начала 2000-х годов, его первая книга – «Дмитрий Лихачев и его эпоха». В книгу вошли воспоминания, эссе и другие работы выдающихся научных, общественных и литературных деятелей.

Успех романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» [1] доказывает, что его работа: «Затрагивает какой-то важный нерв в современном мироощущении, отзывается на какую-то глубинную потребность» [2; с. 16], так как в нем решаются вечные вопросы смысла жизни и смерти, этот аспект указывает на философскую ценность романа, прежде всего его аксиологическую проблематику, которая наиболее ярко реализуется в образе главного героя и развивается на протяжении всего повествования.

Кроме того, значимость романа определяется полемикой вокруг праведности главного героя. Е.Г. Водолазкин утверждает, что у главного героя романа множество реальных прототипов, так как при написании произведения он опирался на несколько десятков житийных текстов, в числе которых присутствует и «Житие Ксении Петербургской». Он сам называет своего героя праведником, так как его история, принятие юродства – это высшая форма отречения от себя.

Однако в статьях, посвященных анализу романа, на этот счет не сложилось однозначного суждения. Некоторые исследователи считают, что Арсений действует не во имя Бога, а во имя возлюбленной Устины, а это является отступлением от религиозного канона. Так, А.П. Сковородников утверждает, что в романе присутствует «десакрализация юродства как особо почитаемого явления в

истории русского православия» [3; с. 37].

В нашей работе мы, вслед за автором, будем придерживаться мнения о высокой нравственности и праведности главного героя, врачевательская деятельность которого является катализатором проявления его душевных качеств.

Цель работы – анализ мотива праведности, который является основополагающим критерием оценки образа врача-праведника в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр».

В своем исследовании мы делаем вывод, что образ врача в романе «Лавр» тесно взаимосвязан с мотивом праведности.

Обращая внимание на теорию мотива, в качестве рабочего в своем исследовании мы будем использовать определение В.Е. Хализева: «Мотив – это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен» [4; с.280].

Автор описывает сюжет, происходящий в эпоху Средневековья. Уход в прошлое автором выбран неслучайно. Это связано с тем, что в эпоху Средневековья существовала традиция описания «добрых людей» – так называл святых выдающийся ученый Василий Осипович Ключевский [5]. В романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» отображается одна из важнейших для эпохи русского Средневековья ценностей – устремленность к искуплению и духовному восхождению, праведной жизни.

Глубокая религиозность текста здесь не разделяет верующих и атеистов, напротив – она связывает их: «И верующие, и атеисты решают одни и те же проблемы и отвечают на сходные вопросы. О сущности, а значит, о смысле жизни. Если делают это не агрессивно, без взаимных упреков и обвинений, они, несомненно, помогают друг другу. Потому что тот опыт, который им кажется отрицательным друг в друге, — это тоже опыт, и он очень важен» [6].

На первом этапе жизни для главного героя значимыми становятся как языческие, так и христианские ценности, которые пребывают в тесном взаимодействии. Таким взаимодействием отмечено пребывание главного героя в доме его деда – Христофора. Он лечит людей методами, дикими с современной точки зрения, применяя заговоры, отвары из дикорастущих трав и т.д. Однако при помощи Христофора герой входит и в мир христианских ценностей. Дед учит его не только навыку врачевания, но и приводит его к вере в Бога.

Еще одним свидетельством пути героя, как пути святого, становится прохождение им этапа юродства, которое становится способом поиска смысла жизни и открывает его новые качества. Это способствует тому, что в дальнейшем путь героя все более обозначает его движение к христианским ценностям. Отрекаясь от своей личности, он не только меняет имя, но и теряет способность к врачеванию, так как этот навык – неотъемлемая часть его сущности. Он уходит в себя, в свои мысли, поэтому он теряет контакт с другими людьми, а без взаимодействия с ними и необходимость исцелять их. На данном этапе жизненного пути главного героя сопровождает мотив слова/молчания, который выражается не только в сложном соотношении его внешней и внутренней речи, но и в его отношении к исцелению людей, их жизням. Крик героя, повторяющийся в сценах смерти близких ему людей, становится его протестом против смерти, а его молчание – не только знаком принятия им позиции юродства, но и принятием смерти. Он понимает, что в его руках лишь возможность, но не гарантия излечения человека.

Мотив слез также отражает концепцию праведности в тексте. Именно благодаря слезам его навык совершенствуется, и в «Книге покоя» герой лечит людей, оплакивая их. Герою с ранних лет и на протяжении всей жизни, приходится оплакивать многих, с кем он расстается. В романе прослеживается эволюция данного мотива. Изначально слезы приобретают значение очищения души. В «Книге покоя» в Кирилло-Белозерском монастыре Амвросий приобретает слезный дар, он оплакивает всех, чью смерть он не может предотвратить.

Главный герой обретает разные имена в разные периоды своей жизни: Арсений – Устин – Амвросий – Лавр. Эти четыре имени соотносятся с четырьмя Книгами романа («Книга познания», «Книга отречения», «Книга пути» и «Книга покоя»), в каждой из которых герой проходит определенный этап своего пути. Каждая книга и каждое имя озаглавлены не только отречением от себя и проживанием новой жизни, но и эволюцией способов и возможностей лечения людей. В первой Книге Арсений – только познает основы целительства, так как его жизнь наполнена счастьем и он имеет наставника и друга – деда Христофора, который открывает ему путь к врачеванию; во второй Книге – Устин – юродивый, странник, который закрыт к людям после принятия обета молчания. Из-за отсут-

ствия взаимодействия с людьми, его врачевательская деятельность прерывается. В «Книге пути» и «Книге покоя» герой достигает апогея своих целительных способностей. Он обладает способностью лечить людей силой веры, силой своего сочувствия и сопереживания людям. Именно благодаря вере Лавр осознает необходимость помогать людям и вкладывать часть души в их исцеление. Жертвенность и самоотверженность как определяющие ценностный мир человека категории, становятся мерилом и во врачевательском уделе Арсения.

Таким образом, можно сделать вывод, что Е.Г. Водолазкин создает уникальный образ врача-праведника, не боящегося смерти, жаждущего помогать людям и обладающего способностью лечить людей словом, силой своей души и верой в их выздоровление.

Библиографический список

1. Водолазкин Е. Лавр: роман / Е. Водолазкин. – М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 440 с.
2. Сунь Тин. Отражение философии Даосизма в романе "Лавр" / Сунь Тин // Знамя. – М., 2014. – С. 16-22.
3. Сковородников А.П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной "детали" романа Евгения Водолазкина "Лавр") / А.П. Сковородников // Политическая лингвистика - Красноярск, 2018. – С. 29-39.
4. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: 2004. - 405 с.
5. Интервью с Евгением Водолазкиным - автором самого яркого русского романа последних лет [Электронный ресурс]/ Фокус. – URL: <http://bigbook.ru/smi/detail.php?ID=17818>.
6. Водолазкин Е. Финалисты восьмого сезона Большой книги ответят на вопросы читателей [Электронный ресурс]/ Риа Новости. – URL: <http://bigbook.ru/smi/detail.php?ID=16973>.

References

1. Vodolazkin E. Laurus: roman / E. Vodolazkin. - M.: AST: Editorial Office of Elena Shubina, 2017 – 440 p.
2. Sun Tin Reflection of the philosophy of Taoism in the novel "Laurus" / San Tin // Znamya. – M., 2014. – P. 16-22.
3. Skovorodnikov A. P. a Spoon of tar in a barrel of honey (about one detail of the novel Eugene Vodolazkin "Laurus") / A. P. Skovorodnikov // Political linguistics - Krasnoyarsk, 2018. – P. 29-39.
4. Khalizev V. E. Theory of literature / V. E. Khalizev. – M.: 2004. - 405 p.
5. Interview with Evgeny Vodolazkin-the author of the brightest Russian novel of recent years / Focus. - URL: <http://bigbook.ru/smi/detail.php?ID=17818>.
6. Vodolazkin E. Finalists of the eighth season of the Big Book will answer reader's questions / Ria News. - URL: <http://bigbook.ru/smi/detail.php?ID=16973>.

УДК 373.21

Алтайский государственный педагогический университет магистрант филологического факультета, Шиповская Н.А. Россия, г. Барнаул, e-mail: Slugina91@mail.ru

Altai State Pedagogical University master's student of the Faculty of Philology

Shipovskaya N. A Russia, Barnaul e-mail: Slugina91@mail.ru

Н.А. Шиповская

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы в проектной деятельности дошкольного образования и способы их решения. Современное дошкольное образование нуждается в новых методах организации образовательной деятельности, которые формировали бы у дошкольников самостоятельную, активную и инициативную позицию. Именно в этом возрасте важно заложить позицию активности и самостоятельности в поиске ответов на вопросы, систематизировать информацию и научить использовать полученные знания, умения и навыки в играх и практической деятельности.

Ключевые слова: проектная деятельность, проектирование, дошкольное образование, проектное обучение, формирование личности.

N. A. Shipovskaya

PROJECT ACTIVITY OF PRESCHOOL EDUCATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

This article discusses the problems and solutions in the project activities of preschool education. Modern preschool education needs new methods of organizing educational activities that would form an independent, active and proactive position among preschoolers. It is at this age that it is important to establish a position of activity and independence in finding answers to questions, systematize information and teach how to use the acquired knowledge, skills and abilities in games and practical activities.

Key words: project activity, design, preschool education, project training, personality formation.

В наше время метод проектов рассматривается наукой как курс инновационной работы и считается одной из многообещающих преподавательских технологий, обладающих соответствующими свойствами, функциями и структурой. В современном представлении метод проектов ни в коем случае не заменяет имеющийся план обучения и воспитания, а только расширяет его.

Проектная деятельность – это независимая и в то же время совместная деятельность преподавателя и ребенка, осуществляемая согласно планированию и организации воспитательного процесса в рамках конкретной темы, обладающая социально важным результатом. Это способ педагогически организованного изучения ребенком окружающей среды. Главная роль проектирования – обозначить план, выбрать ресурсы дальнейших целевых действий. Основной целью проектного метода в дошкольных организациях считается формирование независимой творческой личности детей, что обусловливается особенностями исследовательской деятельности ребенка.

На сегодняшний день одним из максимально ярких, развивающих, увлекательных, важных методов как для старших, так и для детей дошкольного возраста считается проектная деятельность. Это обусловлено тем, что проектирование в абсолютно всех областях человеческой деятельности становится важным инструментарием, позволяющим обеспечить ее системность, целеориентированность и эффективность[1; с.6].

Метод проектов – комплекс учебно-познавательных способов, которые дают возможность найти ту или другую проблему вследствие самостоятельных действий обучающихся с обязательной

презентацией данных результатов [2; с.19].

Проектное обучение возможно представить как метод организации преподавательского процесса, базирующегося на содействии с находящейся вокруг средой, раздельную практическую работу, ориентированную на достижение поставленной цели.

В базу метода проектов заложена концепция об ориентированности познавательной деятельности дошкольников на результат, что достигается в ходе совместной работы преподавателя и ребенка над конкретной практической проблемой. Найти решения вопроса или работать над проектом в этом случае означает применить требуемые знания и умения на разных уровнях образовательной программы дошкольников и получить желаемый результат [4; с.20].

Предметом проектирования может быть педагогическая система ДОО, преподавателя, отдельной программы. Между тем, для любого преподавателя важными считаются вопросы, связанные с проектированием образовательного процесса согласно определенной методологии, персональной воспитательной концепции, ситуации преподавателя. В дошкольном воспитании применение метода проектов считается первым шагом для его реализации на следующем этапе обучения [5; с.80]. Эксперты ДОО говорят о необходимости решения двух видов проектировочных задач: психолого-педагогических и социально-педагогических [3; с.120]. Психолого-педагогическое проектирование относится к образовательным действиям в рамках конкретного возрастного интервала. Психолого-педагогические проблемы решаются методом проектов, что дает основу проектного преподавания, формирования и обучения дошкольников. Тем не менее, для эффективной проектной работы в воспитательно-образовательном учреждении требуются серьезная подготовка преподавателей к организации проектирования, дидактической методики, также материально-техническое обеспечение.

Цели информационных проектов – составить данные о каком-то предмете, явлении, и затем ознакомить с ним всех участников, изучить и подытожить наблюдаемые данные.

Творческие проекты не обладают детально отработанной структурой коллективной деятельности участников. Педагоги и учащиеся договариваются о форме представления итогов. Но оформление итогов проекта требует отчетливо обдуманной текстуры в виде сценария фильма, программы выступления [6; с.12].

Творческие проекты многообразны, точно так же и виды художественно-продуктивной работы, реализуемые детьми, поскольку отображают отношения дошкольник – семья; дошкольник – природа; дошкольник – рукотворный мир; дошкольник – социум и его культурные значения.

Практико-ориентированные проекты отличаются отчетливо обозначенным, прогнозируемым, направленным на социальный круг интересов результатом работы участников. Практико-ориентированный проект требует хорошо обдуманной текстуры и организации деятельности на отдельных этапах [7; с.144].

Принимая во внимание возрастные психологические особенности дошкольников, координация проектов является гибкой, т.е. педагог ненавязчиво направляет работу ребенка, организуя единичные этапы проекта. Все проекты, проводимые внутри детского сада, как правило, являются групповыми, однако бывают и индивидуальные, персональные проекты. Таким образом, ведущим видом работы дошкольника считается игра, поэтому, начиная с младшего возраста, применяются ролевые-игровые и креативные проекты.

Проектирование представляет собой немаловажную область познавательной работы ребенка, что никак не компенсируется формированием других видов деятельности школьников. Проектная деятельность способна оказывать позитивное воздействие на формирование детей-дошкольников. В первую очередь в ходе проектной деятельности расширяются познания детей об окружающем мире. Это связано с исполнением исследовательских и творческих планов. Помимо этого, формируются общие способности ребенка, такие как познавательные, коммуникативные, регуляторные. Осуществление проекта подразумевает развитие оригинального замысла, способность закреплять его с помощью легкодоступной системы средств, устанавливать этапы его реализации, следовать запланированному плану. В дошкольном возрасте малыш обретает опыт публичного изложения своих идей. В процессе проектной деятельности дошкольники обретают необходимые общественные навыки - они становятся осмотрительнее по отношению друг к другу, начинают руководствоваться не столько собственными мотивами, но и установленными нормами. Проектная деятельность оказывает большое влияние и на игровую деятельность ребенка: она делается более разнообразной, сложно структуриро-

ванной, но сами дошкольники становятся интересны друг другу. Проектная деятельность очень сильно влияет и на воспитателя.

Проектирование вынуждает преподавателя постоянно пребывать в пространстве возможностей, что меняет его взгляды на жизнь и не позволяет применения стандартных, шаблонных действий, требует повседневного индивидуального творческого роста.

Делая вывод из вышесказанного, следует отметить, что в процессе проектной деятельности формируются и взаимоотношения между детьми и родителями. Дошкольник оказывается интересен отцу с матерью, так как он выдвигает разнообразные идеи, открывая новое в уже известных ситуациях. Жизнедеятельность детей и родителей наполняется богатым содержанием.

Библиографический список

1. Атемаскина Ю. В. Проектная деятельность педагога: сущность и технология // Детский сад от А до Я. 2008. № 3. 6 с.
2. Виноградова Н. А. Образовательные проекты в детском саду. Пособие для воспитателей / Н. А. Виноградова, Е. П. Панкова. М., Айриспресс, 2008. 215 с.
3. Евдокимова Е. С. Технология проектирования в ДОУ. М., ТЦ Сфера, 2006. 312 с.
4. Евдокимова Е. Проект как мотивация к познанию // Дошкольное воспитание. 2003. №3. С. 20-24.
5. Кудрявцева А. И. Педагогическое проектирование как метод управления инновационным процессом в ДОУ / Под общ. ред. Г. Д. Ахметовой // Проблемы и перспективы развития образования. – Пермь., Меркурий, 2011. С. 80-84.
6. Проектная деятельность в ДОУ. Проект – это игра всерьез. М., «Наша новая школа». 2010. С. 5-28.
7. Штанько И. В. Проектная деятельность с детьми старшего дошкольного возраста // Управление дошкольным образовательным учреждением. 2004. № 4.

References

1. Atemaskina Yu. V. Project activity of a teacher: essence and technology // Kindergarten from A to Z. 2008. №. 3. 6 p.
2. Vinogradova N. A. Educational projects in kindergarten. Manual for educators / N. A. Vinogradova, E. P. Pankova. - M., Airispress, 2008. 215 p.
3. Evdokimova E. S. Design technology in DOW. M., SC Sphere, 2006. 312 p.
4. Evdokimova E. Project as a motivation for learning // Preschool education. 2003. No. 3. pp. 20-24.
5. Kudryavtseva A. I. Pedagogicheskoe proektirovanie kak metod upravleniya innovatsionnym processom v DOW [Pedagogical design as a method of managing the innovation process in DOW]. Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya [Problems and prospects of education development]. - Perm., Mercury, 2011. pp. 80-84.
6. Project activities in the DOW. The project is a game in earnest. M., "Our new school". 2010. pp. 5-28.
7. Shtanko I. V. Project activity with children of senior preschool age // Management of preschool educational institution. 2004. № 4.

УДК 81.25

*Елецкий государственный
университет им. И.А.Бунина
студентка института филологии
Чжаося Линь
Китай, г. Линь,
e-mail: lzx182649@gmail.com
руководитель: к.ф.н. Трубицина Н.А.*

*Yelets state
University I. A. Bunina
student of the Institute of Philology
Zhaoxia Lin
China, Linyi,
e-mail: lzx182649gmail.com
Instructor: Ph.D. Trubitsina N.A.*

Ч. Линь

ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА М.М. ПРИШВИНА «ЖУРКА» НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются два варианта перевода рассказа для детей Михаила Михайловича Пришвина «Журка» на китайский язык. К пришвинской миниатюре обратились сразу два китайских переводчика – Ли Лянмин и Му Мутянь. В целом переводы идентичны. Однако нами были найдены десять отличий в языковых нюансах перевода этого произведения Пришвина. Мы рассмотрели эти отличия в данной работе и пришли к выводу, что перевод Му Мутяня в большей степени отражает жанровую особенность шуточного рассказа-миниатюры «Журка».

Ключевые слова: М.М.Пришвин, рассказ, перевод, Китай, Ли Лянмин, Му Мутянь

Zh. Lin

TRANSLATION OPTIONS FOR M.M. PRISHVIN «CRANE» INTO CHINESE

The article discusses two options for translating the story for children by Mikhail Mikhailovich Prishvina «Crane» into Chinese. Two Chinese translators, Li Liangmin and Mu Mutian, turned to the Prishvina miniature at once. In general, the translations are identical. However, we found ten differences in the linguistic nuances of the translation of this work by Prishvina. We examined these differences in this work and came to the conclusion that Mu Mutyan's translation largely reflects the genre peculiarity of the comic miniature story «Crane».

Keywords: M.M. Prishvina, story, translation, China, Li Liangmin, Mu Mutian

Взаимодействие российской и китайской культур в настоящее время переживает большой подъем. Во многом это связано с новым витком в развитии китайской экономики. Однако, стоит заметить, что взаимный интерес к искусству наших народов имеет более глубокие корни. В частности, это касается и изучения творчества выдающегося писателя Михаила Михайловича Пришвина в Китае.

Преподаватель Гуандунского университета Го Ли в работе «Перевод и публикация произведений М.М. Пришвина в Китае» отмечает: «Творчество Пришвина с конца 40-ых годов 20 века уже привлекают внимание самых авторитетных переводчиков и самых влиятельных издательств в Китае, но в основном это детские и лирические рассказы о животных и природе. Потом в связи с ухудшением китайско-советских отношений в 1958 году перестали переводить и публиковать русскую литературу, в том числе и Пришвина. Только в начале 80-ых годов 20 века после политики реформы и открытости Дэн Сяопина вновь начинают переводить и исследовать Пришвина. С 1982 по 2017 гг. уже вышли в свет почти 60 изданий (около 30 вариантов перевода его произведений), в том числе и собрания сочинений и отдельные издания» [1, с. 66].

Как отмечает Го Ли, особое внимание китайских переводчиков привлекает русская детская литература. Переводы М.М. Пришвина в Китае начались с повести «Кладовая солнца» в 1947 году. К

этому произведению обращались сразу несколько китайских переводчиков, такие как Лю Ляои, Чэн Цзинжун, Фаина. Помимо «Кладовой солнца» активно переводились произведения М.М. Пришвина о природе и детские рассказы. Наше внимание привлек детский рассказ-шутка «Журка», к переводу которого обратились сразу два китайских переводчика – Ли Лянмин и Му Мутянь.

В нашей работе мы поставили себе задачу исследовать два варианта перевода рассказа Михаила Михайловича Пришвина «Журка» на китайский язык Ли Лянмином и Му Мутянем с целью найти различия в особенностях перевода. В общем и целом переводы очень схожи. Мы обнаружили десять отличий в специфике перевода рассказа «Журка» на китайский язык у Ли Лянмина и Му Мутяня.

1. «Раз было у нас – **поймали** мы молодого журавля и дали ему лягушку» [2, с. 418]. Глагол «поймали» Ли Лянмин переводит аналогично русскому (捉), а Му Мутянь делает к нему добавление - 我们在家里, что означает – поймали возле дома. Мутянь как бы подчеркивает, что журавля не ловили специально, не охотились на него; он самостоятельно оказался возле человеческого жилья.

2. « – Двадцать, – говорю, – **едва ли...**» [2, с.418]. Речь идет о количестве лягушек, которые сможет съесть журавль. Ли Лянмин переводит слово «едва ли» как 那就难说了, что передает неуверенность автора в возможности Журки съесть 20 лягушек. Слово 也许勉强 у Мутяня означает практически уверенность в том, что журавль не сможет съесть столько лягушек.

3. «Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду **ходить**» [2, с.418]. Му Мутянь переводит слово «ходить» как «бегать». Это, на наш взгляд, добавляет экспрессии в поступок Журки.

4. «Она корову доить – и **Журка** с ней, она в **огород** – и Журке там надо, и тоже на полевые, колхозные работы ходит с ней, и за водой» [2, с. 418]. Ли Лянмин переводит кличку журавля «Журка» согласно ее звучанию на русском языке, тогда как Му Мутянь производит уменьшительно-ласкательное слово 小仙鹤 от китайского «журавль».

Слово «огород» Му Мутянь ошибочно перевел как «город». Здесь сказалась близость звучания этих двух слов, обозначающих, к тому же, некий локус.

5. Привыкла к нему жена, как к своему **собственному ребенку**, и без него ей уже **скучно**, без него никуда. [2, с. 418]. У Ли Лянмина осуществлен дословный перевод понятия «собственный ребенок». Му Мутянь в своем переводе подчеркнет, что Журка – не ребенок, точнее, не человек, а скорее любимый питомец.

Слово «скучно» переводчики тоже передали по-разному. Лянмин сделал акцент на «пустоте». Для него «скучно» равнозначно «пусто». Мутянь же переводит слово «скучно» как «расстроенный человек», более того, как человек, который хочет «разозлиться».

6. «Мах-мах крыльями Журка и **вдруг** полетел» [2, с. 418]. Наречие «вдруг» Ли Лянмин переводит как 突然, что соответствует письменному китайскому литературному языку. Му Мутянь использует слово 下子, чаще всего используемое в повседневной разговорной речи. Тем самым Мутянь подчеркивает народный, шуточный характер рассказа Михаила Михайловича Пришвина.

7. «**Тут уж жена себя не помнит от радости**, велит ребятам бежать скорее за лягушками» [2, с. 418]. Фразу «тут уж жена себя не помнит от радости» Ли Лянмин переводит как «очень счастлива». Му Мутянь еще усиливает эмоциональность момента и обозначает «не помнит себя от радости» как «счастлива настолько, чтобы забыть себя».

8. «Дали пять – проглотил, дали десять – проглотил, двадцать и тридцать, да так вот и **проглотил** за один раз сорок три лягушки» [2, с. 418]. Ли Лянмин оставляет прямой перевод на китайский язык слова «проглотил». Му Мутянь смягчает значение слова «проглотил» и использует вместо него глагол «съел».

Таким образом, можно отметить, что оба перевода являются достаточно правильными и точными. Но нам ближе перевод Му Мутяня, так как он, на наш взгляд, точнее передает жанровую специфику пришвинского рассказа как миниатюры-шутки, опирающегося на фольклорную основу.

Библиографический список

1. Ли Г. Перевод и публикация произведений М.М. Пришвина в Китае // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. 20-21 апреля 2018 г. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. С. 64-73.

2. Пришвин М.М. Журка // Собрание сочинений: В 8-ми т. М.: Худож. лит., 1982. Т.4. С. 418.

References

1. Li G. Translation and publication of M.M. Prishvin's works in China // Mikhail Prishvin's creative heritage in the system of modern humanitarian knowledge: materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference. April 20-21, 2018 Yelets: I.A. Bunin Yelets State University, 2018. Pp.64-73.
2. Prishvin M.M. Zhurka // Collected works: In 8 volumes. M.: Art. lit., 1982. Vol. 4. p. 418.

УДК 81.0

*Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Магистрант института филологии
Медведева И.Е.
Россия, г. Липецк
e-mail: inna-medvedeva-2017@mail.ru*

*Lipetsk State Pedagogical University. P.P. Semenov-Tyan-Shanskogo
Master's student at the Institute of Philology
I.E. Medvedeva
Russia, Lipetsk
e-mail: inna-medvedeva-2017@mail.ru*

И.Е. Медведева

ИНТЕРНЕТ-ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ИНТЕНЦИЙ ПОДРОСТКОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается проблема стилистического смешения при употреблении интернет-лексики и словоформ, обозначающих названия мероприятий патриотической направленности; также делается попытка оценить влияние специфических двуязычных наименований на формирование мировоззренческих интенций подростков.

Ключевые слова: стилистическое смешение, интернет-лексика, языковой контент, формирование мировоззрения.

I.E. Medvedeva

INTERNET LEXICO AS A MEANS OF ACTIVATING THE SOCIO-PATRIOTIC INTENTIONS OF ADOLESCENTS: TO STATEMENT OF THE PROBLEM

The article deals with the problem of stylistic confusion when using Internet vocabulary and word forms denoting the names of patriotic events; an attempt is also made to assess the influence of specific bilingual names on the formation of the ideological intentions of adolescents.

Key words: stylistic mixing, Internet vocabulary, linguistic content, the formation of a worldview.

XXI век признан веком цифровых технологий. Это обстоятельство неизбежно находит отражение во всех сферах жизни общества: в политике, экономике, образовании и, по большей части, в культуре.

Развитие глобальных сетевых технологий, мессенджеров формирует новую, специфичную коммуникативную среду. Особенно активно включаются в функционирование данной среды и успешно в ней адаптируются дети и подростки, что вполне объяснимо: представители «поколения Z» с младенческого периода испытывают на себе влияние цифровых технологий [1; с. 140-143].

Безусловно, IT-разработки прочно вошли в повседневную жизнь и во многом облегчают организацию ее формально-бытовой составляющей. Благодаря современным технологиям можно быстро и легко найти любую информацию или общаться с людьми с другого конца планеты. Однако существует и обратная сторона: обилие доступной и при этом несистемной информации не позволяет выделить главное, определить достоверность и объективность предоставляемой информации, избежать нецелесообразного погружения в избыточный контент.

В 2020 году пандемия коронавирусной инфекции изменила привычный ритм жизни общества: профессиональная занятость, образование, политические и культурные события перешли в дистанционный формат. У наименований мероприятий появилось обязательное слово «онлайн»: онлайн-флешмоб «Антоновские яблоки», онлайн-акция «Элемент единства», патриотический онлайн-челлендж и др. На первый взгляд, это может показаться естественным и логичным, но если проанализировать данные формулировки воспитательных мероприятий, то мы столкнемся со стилистическим смешением и, как следствие, нарушением исторической и культурной перспективы.

Данное исследование мы посвятили одной из важнейших, на наш взгляд, проблем современного бытования русского языка – стилистическому смешению / контаминации понятий.

В рамках молодежного образовательного форума проходило мероприятие «Networking-сессия»: *Networking* (англ.) – «сетевой»; *сессия* – (лат. *sessio* – «заседание») – 1) период заседаний, работы представительных органов, суда, научных учреждений, обществ, напр. *сессия парламента, выездная сессия суда* [4, с. 167]. В данном случае первое слово является излишним, так как, во-первых, мероприятие проходило в очном формате, а во-вторых, слово «сессия» подразумевает процесс обсуждения.

Не меньший семантический и стилистический дисбаланс наблюдается и в наименовании «Проектный акселератор»: *проект* (лат. *projectus* – «выступающий, выдающийся вперед») в современном русском языке имеет несколько значений, одно из которых – «план, замысел» – наиболее соответствует идее мероприятия. Однако *акселератор* (лат. *accelerare* – «ускорять») – помимо терминологического обозначения технического устройства, имеет следующие значения: «специальное устройство ЭВМ для ускоренного выполнения определенных операций» и «ускоритель – экономический показатель, характеризующий связь между приростом национального дохода (или конечной продукции) и объемом капиталовложений» [4; с. 186]. Данная формулировка искажает цель и сущность мероприятия. Получается, что главное здесь не наличие идеи, которую требуется совершенствовать, а важно, чтобы был «конвейер» идей. В таком случае в приоритете у организаторов количественный, а не качественный показатель.

Лекции о трендах

Лекция (лат. *lectio* – «чтение») – «1. учебное занятие (преимущ. в высшем учебном заведении), состоящее в устном изложении предмета преподавателем; 2) публичное выступление с изложением научных знаний на какую-либо тему»; *тренд* (англ. *trend* – «направление») – «склонность, тенденция, превалирующее направление развития» [4; с. 157]. Формат лекции подразумевает передачу научной информации с целью ее дальнейшего применения. Тренд же задается общественными, политическими и экономическими процессами. Данные слова относятся к разным коммуникативным сферам, их совместное употребление несколько затуманивает суть мероприятия.

Новогодний онлайн-флешмоб Липецкого областного краеведческого музея «Новый год в доме Губина».

Обратимся к значению слова «флешмоб», которое происходит от [англ. flashmob: flash](#) – «внезапный, мгновенный» и [mob](#) – «сборище, толпа». Значение слова: «заранее спланированная с целью привлечения внимания кратковременная [акция](#), характеризующаяся кажущейся спонтанностью, загадочностью и абсурдностью действий большого количества ничем не связанных между собой в повседневной жизни участников» [4; с. 190].

Позволим себе заметить, что главное назначение краеведческого музея – сохранять историю и традиции нашего края. Время проведения данного мероприятия – канун Нового года. Недаром это праздник считается главным семейным праздником, призванным дарить радость и передавать идею семейной сплоченности. Однако значение слова «флешмоб» не предполагает достижения данной цели. В результате такого небрежного и нарочито современного употребления этого слова искажается суть мероприятия.

Челлендж по парадной подготовке

Наименование такого мероприятия предложили ребята из движения Юнармия. Участники демонстрируют навыки по физической и строевой подготовке на камеру, выкладывая видео в соцсети, помечая специальными хэштегами. Обратимся к толкованию слова.

«Challenge» переводится как «вызов», «трудность», «задача» [4; с. 118]. Такая формулировка предполагает, что патриотизм граничит с позёрством, а качество любви к Родине измеряется «лайками». При этом получается, чтобы стать патриотом, необходимо преодолеть «трудность».

Разумеется, с развитием общества совершенствуются технологии, возникают новые явления в бытовании социума. Все процессы неизбежно отражаются и фиксируются в слове. Наивно полагать, что язык Л.Н. Толстого или А.П. Чехова будет близок современному человеку, особенно молодежи [3; с. 189].

Тем не менее считаем необходимым объяснять такие понятия, как *стилистика, коммуникативная ситуация* и разграничивать сферы применения слов. Особенно это касается формулировок мероприятий воспитательного характера. Невозможно изучить (хотя бы поверхностно) творчество И.А.

Бунина с помощью *флешмобов*, а развить творческие способности юношей и девушек с помощью *проектного акселератора*.

Развитие культуры человека, становление его национальной идентификации происходит прежде всего с помощью языка. Подрастающему поколению необходимо давать подлинные исторические сведения, знакомить с этимологией слов, с нормами стилистики, формировать исторически объективный языковой контент.

Библиографический список

1. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002, С. 140-143.
2. Маслова Н.Б. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 108.
3. Шаталова О.В. Слово и образ народно-патриотической этики // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX-XXI вв. IV Международная научная конференция. Посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Липецк, 27 февраля 2015 г. – Липецк, 2015. С. 42-44.
4. <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068>

References

1. Red.V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. M., 2002, p. 232.
2. Maslova N. B. Linguoculturology: Textbook for students. higher. schools, institutions. - M.: Publishing center "Academy", 2001. p. 108.
3. Shatalova O. V. Word and image of national-patriotic ethics // Russian statehood in the faces and destinies of its creators: IX-XXI centuries. IV International Scientific Conference. Dedicated to the 70th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. Lipetsk, February 27, 2015-Lipetsk, 2015. pp. 42-44.
4. <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068>

УДК 070

Волгоградский государственный университет, институт филологии и межкультурной коммуникации, студентка кафедры русской филологии и журналистики
Сагатдинова Е.М.
Россия, г. Волгоград
e-mail: ekaterina.sagatdinova@yandex.ru

Volgograd State University
Institute of Philology and Intercultural Communication,
student of the Department of Russian Philology and Journalism
Sagatdinova E.M.
Russia, Volgograd
e-mail: ekaterina.sagatdinova@yandex.ru

Е.М. Сагатдинова

ОСОБЕННОСТИ, ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ СБОРА ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЙ НА СТРАНИЦАХ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»

В статье приведена краткая история издания, названы имена журналистов, работающих в отделе «Расследования» данного СМИ, рассмотрены особенности изложения публикаций выбранного жанра, описаны методы сбора информации, а также выявлены цель, задачи и функции данной рубрики СМИ.

Ключевые слова: СМИ, расследовательская журналистика, «Новая газета», политика, общество, пресса, методы сбора информации.

Е.М. Sagatdinova

FEATURES, PURPOSE AND METHODS OF COLLECTING INFORMATION FOR INVESTIGATIONS ON THE PAGES OF «NEW NEWSPAPER»

The article provides a brief history of the publication, names of journalists working in the "Investigation" department of this media outlet, examines the specifics of presenting publications of the selected genre, describes methods of collecting information, and also identifies the purpose, tasks and functions of this media section.

Key words: mass media, investigative journalism, Novaya Gazeta, politics, society, press, methods of collecting information.

Появившаяся позже на четыре года газеты «Совершенно секретно», в апреле 1993 года, «Новая газета» есть и считается самым оппозиционным СМИ в стране на протяжении долго времени.

Издание сформировалось группой журналистов – Дмитрием Муратовым, Сергеем Кушнеревым, Павлом Вощановым, Акрамом Муртазаевым, Дмитрией Сабовым, которые ушли из «Комсомольской правды» и создали своё издание под названием «Новая ежедневная газета». Первый номер вышел 1 апреля 1993 года стотысячным тиражом. Первые три месяца газета выходила раз в неделю, с июля 1993 — стала ежедневной. В 1996 году зарегистрирована как АНО РИД «Новая газета». Журналисты издания критиковали политику Бориса Ельцина и его окружение, хотя именно ее обозреватель Павел Вощанов был его пресс-секретарем. Дмитрий Медведев, став на пост президента РФ, дал первое печатное интервью именно «Новой», а на сегодняшний день Владимир Путин не дает никаких комментариев по поводу издания.

Имея достаточно стабильный тираж, «Новая газета» востребована обществом.

Одно из ярких отличий «Новой» от любых других общественно-политическим газет – это, во-первых, ее независимость от государства или от какой-либо политической партии или организации, и она не принадлежит одному человеку. Следовательно, авторский коллектив во главе с главным редактором – Дмитрием Муратовым и директором – Сергеем Кожеуровым, сам определяет политику издания, его главные цели и задачи. Именно поэтому коллектив газеты в открытую ведет оппозиционную информационную политику по отношению к власти Российской Федерации. [1; с. 30]

Во-вторых, это смелые опубликованные материалы расследовательской журналистики на темы коррупции в федеральных, региональных органах власти и органах местного самоуправления, безработицы в России, устройство вооруженных сил государства, средства федерального бюджета страны, гибель АПЛ «Курск» и его экипажа, военный конфликт в Ливии, Беларуси, Украине, вооружённый конфликт в Нагорном Карабахе, преступления «группы Вагнера» в Сирии.

Отдел расследований, действующий в редакции со дня ее основания, поистине считается одним из трех китов, на котором строится вся газета, в отделе трудятся: Денис Коротков, Надежда Исаева, Елена Милашина, Юлия Талынина, Дарья Таланова, Юлия Полухина, Екатерина Сокирянская, Ирина Тумакова и бессменный лидер – Ирек Муртазин. Это одни из немногих имен, которые, не боясь, поднимают важные вопросы, обнажают правду и публикуют ее для аудитории; подписанные ими материалы пользуются широкой популярностью, находя отклик в каждом из читателей. Рубрика «Расследования» статичная, то появляющаяся, то отсутствующая в номере, она является монополярной. Монополярные рубрики играют в формировании этого имиджа не меньшую, а подчас большую роль, чем все остальные.

Особенность расследования в «Новой» есть и будет некая черта «репортажности» и детализованности описанного. Зачастую предметами и объектами расследования становятся актуальные события России, так, многие публикации данного жанра отображают действия из зала суда (примером может послужить репортаж из Дзержинского суда города Ярославля, где обвиняли четырнадцать сотрудников ФСИН, пытавших заключенного). Подход к расследованию требует специфической организации материала, поэтому в газете регулярно появляются серии репортажей на определенные темы: «Головорезы», «Головорезы 2.0». [5; с.607-617]

В России журналистские расследования имеют свою специфику. Для начала они не ограничены одной сферой общественной жизни человека, будь то медицина, власть или криминал. Также проблема должна быть рассмотрена и освещена с разных сторон, потому что объективность – это один из основных принципов существования журналистского ремесла.

Во-вторых, что является обязательным условием для существования такого жанра в России – это всегда факты нарушения закона РФ. В таком случае, для публицистов, работающих и освещающих этот жанр на территории Российской Федерации, есть одна важная мотивация: это не сделать себе «имя» или прославиться, а руководствоваться чувством долга и справедливости; стремиться и исполнять общественный долг перед страной и ее жителями. [2; с.30]

Из наиболее частотно употребляемых методов сбора информации при расследовании журналисты пользуются:

- Наблюдением;
- Интервью или беседой;
- Проработкой документов и работой с архивом;
- Экспериментом. [3; с.607-617]

Журналистами была подготовлена публикация: «**Рецепты быстрого обогащения**» [4; НГ, 2019, №14]. Суть заключалась в том, что в конце 2018 года серьезно отравились десятки детей в садах Юго-Восточного округа Москвы, у малышек проявились такие симптомы: рвота, расстройство желудка, высокая температура, вследствие этого, многие дети были госпитализированы в тяжелом состоянии, есть даже те, кто попал в реанимацию.

Публицистами было выяснено, что питание в эти сады поставляли фирма «Конкорд» и компания «ВИТО-1». Родители пострадавших обращались в СМИ, давали интервью, но публикации либо не выходили, либо позже удалялись с сайтов.

Разбирательство было проведено в первую очередь для помощи родителям, переживающим за здоровье своих детей, а также направлено на обозрение общественности, чтобы прояснить ситуацию: «В материалах прокурорской проверки говорится: *«В отношении должностных лиц и юридических лиц, школ и комбинатов питания составлены протоколы об административных правонарушениях»*. [4; НГ, 2019, №14]

Журналистами рассмотрена деятельность ООО «Комбинат питания «Конкорд» во главе с Евгением Пригожиным, изложена история становления данной «монополии», отслежена деятельность комбината с 2011 года (год становления) по наши дни, названы имена участников корпорации: «По данным ЕГРЮЛ, с 2018 года эту некоммерческую организацию возглавляет Алексей Мяжков. А до Мяжкова ее начальником был Дмитрий Тихонов, заместитель гендиректора ООО «Комбинат пита-

ния «Конкорд» Евгения Пригожина». Издание регулярно связывалось с родителями и уточняло информацию о самочувствии детей. Эта информация доказывает, что корреспонденты пользовались всеми перечисленными методами сбора информации кроме эксперимента.

Изучив достаточное количество материалов из рубрики «Расследование» на сайте «Новой», можно выделить общую тенденцию освещаемых тем: политика, экономика, культура, спорт и ЗОЖ, медицина, образование и обучение, патриотическое воспитание подрастающего поколения, проблемы судопроизводства страны, исправительных учреждений.

Задачи, которые ставят и с легкостью выполняют репортеры-расследователи в «Новой», заключаются в том, чтобы выявить предпосылки и восстановить картину преступления или нарушения, найти пострадавших, а также призвать к наказанию виновных в данных деяниях.

Помощь и поддержка нуждающимся, привлечение внимания читателей к серьезной проблеме, острая критика проблем в сферах жизни каждого гражданина Российской Федерации, а также освещение положительного и негативного опыта – все это функции, выполняемые репортерами издания в работе с таким сложным жанром.

Подводя итоги, можно с уверенностью заявить, что целью «Новой газеты» является не пренебрегать проблемами в стране и за ее пределами, а уверенно освещать их, призывать к ответственности виновных. Газету интересует судьба как народа в целом, так и отдельно взятого человека.

Библиографический список

1. Константинов А. Д. История метода и современная практика. Издание второе, дополненное / А. Д. Константинов. – Москва: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003 [Текст: непосредственный]
2. Соколова Д. В. Теоретические аспекты создания образа героя в современном документальном кино. Расследование как новый жанр сетевой журналистики [Текст: непосредственный] / Д.В. Соколова // «studnet» Фомина Александра Анатольевича. – 2020. – №10. – С. 30
3. Тertychny А.А. Журналистские расследования в России: типологическая трансформация [Текст: непосредственный] / А.А. Тertychny // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – №4. – С.607–617
4. Бурлакова Д. Рецепты быстрого обогащения, Расследование // Новая газета. №14 2019. [Электронный ресурс].
URL:https://novayagazeta.ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2019/02/07/79472-retsepty_bystrogo-obogascheniya (дата обращения 25.12.2021).
5. Коротков Д. Головорезы 2.0. Новые подробности преступления «группы Вагнера» в Сирии (сцены насилия, 18+), Расследование // Новая газета. 2020. [Электронный ресурс]. URL:<https://novayagazeta.ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2020/04/21/85017-golovorezy-2-0> (дата обращения 25.12.2021).

References

1. Konstantinov A.D. History of the method and modern practice. Second edition, supplemented / A.D. Konstantinov. - Moscow: "OLMA-PRESS", 2003 [Text: direct]
2. Sokolova D.V. Theoretical aspects of creating the image of a hero in modern documentary cinema. Investigation as a new genre of online journalism [Text: direct] / D.V. Sokolov // "studnet" Fomin Alexander Anatolyevich. - 2020. - No. 10. - P. 30
3. Tertychny A.A. Investigative journalism in Russia: typological transformation [Text: direct] / A.A. Tertychny // Questions of theory and practice of journalism. - 2016. - No. 4. - P. 607-617
4. Burlakova D. Recipes for quick enrichment, Investigation // New newspaper. No. 14 2019. [Electronic resource].
URL:<https://novayagazeta-ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2019/02/07/79472-retsepty-bystrogo-obogascheniya> (date of treatment 12/25/2021).
5. Korotkov D. Thugs 2.0. New details of the crime of the "Wagner group" in Syria (scenes of violence, 18+), Investigation // Novaya Gazeta. 2020. [Electronic resource]. URL: <https://novayagazeta.ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2020/04/21/85017-golovorezy-2-0> (date of treatment 12/25/2021).

УДК 81

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
студентка I курса магистерской программы
«Языковое образование (иностранные языки)»
института иностранных языков
Усманова А.И.
Россия, г. Волгоград,
e-mail: alinayusmanova@gmail.com
+79996293668

Volgograd State Socio-Pedagogical University
1st year student of the master's program
"Language education (foreign languages)" of
the Institute of Foreign Languages
Usmanova A.I.
Russia, Volgograd,
e-mail: alinayusmanova@gmail.com

А.И. Усманова

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ)

В статье рассматриваются особенности изображения женщин в англоязычной рекламе. Представлены основные стереотипы о женщинах, актуализируемые в рекламном дискурсе. В статье также предпринимаются попытки понять роль рекламы и то, как она влияет на гендерные стереотипы, обусловленные культурой. Отдельное внимание уделено идеологической системе, которую отражают гендерные стереотипы о женщинах в языке рекламы, к которым можно отнести образ женщины как пассивного объекта, идеал домашнего уюта, образ идеальной матери, стереотип раскрепощенной женщины. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что рекламный текст представляет собой набор лексических единиц, в которых закодирован определенный гендерный стереотип, являющийся средством укрепления и принятия существующих гендерных предубеждений. Кроме этого, мы определили, что гендерные стереотипы в рекламе могут влиять на восприятие роли женщины в обществе и способствовать принятию сексистских убеждений.

Ключевые слова: гендер, феминизм, сексизм, реклама, гендерная лингвистика, гендерные стереотипы.

A.I. Usmanova

THE ISSUE OF GENDER STEREOTYPES (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH LANGUAGE ADVERTISING)

The article considers the features of the women image in English-language advertising. The main stereotypes about women, actualized in the advertising discourse, are presented. The article also attempts to understand the role of advertising and how it affects cultural gender stereotypes. Special attention is paid to the ideological system, which is reflected by gender stereotypes about women in the language of advertising, which include image of a woman as a passive object, ideal of home comfort, image of an ideal mother, stereotype of a liberated woman. The considered material allows us to conclude that the advertising text is a set of lexical units in which a certain gender stereotype is encoded, which is a means of strengthening and accepting existing gender biases. In addition, we have determined that gender stereotypes in advertising can influence the perception of the role of women in society and promote the adoption of sexist beliefs.

Key words: gender, feminism, sexism, advertising, gender linguistics, gender stereotypes.

Культурное содержание рекламы, ее язык и связь с гендерными вопросами глубоко укоренились в нашем обществе. В современном мире повсеместное присутствие рекламы все больше влияет на повседневную жизнь людей; она воздействует на их мировоззрение, знания, мотивацию, опыт, ожидания и чувство идентичности. В частности, язык и пол – важные проблемы, которые остаются широко обсуждаемыми в сфере рекламы.

В данном исследовании мы рассмотрим гендерную лингвистику, а также такие понятия, как пол и гендер. Мы попытаемся понять роль рекламы и то, как она влияет на гендерные стереотипы,

обусловленные культурой, и как англоязычное общество изображает образ женщины. Мы проанализируем язык и дискурс рекламы, что будет иметь важное значение для понимания изображения женщин, а также попытаемся понять, является ли англоязычная реклама отражением женского образа в обществе или же она формирует этот образ.

Гендерная лингвистика является научным направлением в составе междисциплинарных гендерных исследований, при помощи лингвистического понятийного аппарата изучающее гендер. Гендерная лингвистика получила широкое развитие в последнем десятилетии XX века, что связано с развитием постмодернистской философии и сменой научной парадигмы в гуманитарных науках.

Британский социолог Э. Гидденс определяет пол как биологические или анатомические различия между мужчиной и женщиной, в то время как гендер – это социальный пол: нечто приобретенное или созданное в результате наших взаимоотношений с другими людьми при соблюдении определенных культурных норм и запретов [1; с. 135].

Язык имеет мощное влияние на людей и их поведение. Это особенно актуально в сфере маркетинга и рекламы. Выбор языка для передачи конкретных сообщений с намерением повлиять на людей имеет важное значение. У языка много функций, одна из которых – убедить адресата. Само по себе убеждение есть «словесное общение, которое заставляет людей формировать определенное суждение или изменять свое прежнее суждение, чтобы принять новое» [11; с. 21]. Другими словами, у языка есть определенная сила формировать мнение индивида.

Рекламные тексты имеют определенные характеристики и особенности. Ю.К. Пирогова указывает, что в рекламе есть определенные лингвистические особенности, которые отличают рекламу от других типов текста [3; с. 87]. Лингвистические особенности упрощенно делятся на лексические и синтаксические. Среди лексических особенностей можно выделить использование стилистических средств для придания тексту большей образности и экспрессивности, к примеру, гиперболы, эпитеты, повторение, а также использование неологизмов, симплификации речи, эвфемизмов, юмора, гламуризации и т.д. Синтаксическими особенностями являются короткое предложение, фраза с распространенным подлежащим, использование повелительного наклонения, синтаксический параллелизм, неполное предложение.

Лингвистические особенности рекламы также можно назвать убеждающими, потому что эти особенности могут быть использованы для того, чтобы читатели были полностью вовлечены в рекламу. Например, использование местоимений *you* и *we* вовлекает читателей в рекламу, поскольку у адресата появляется ощущение, что он разговаривает с автором через текст, то есть создается иллюзия дружеской атмосферы.

Культурные ценности составляют основу рекламных сообщений, поэтому рекламодатели изображают женщин таким образом, который в социальном и культурном отношении соответствует общепринятым нормам.

Реклама всегда строилась на определенной категоризации мужчин и женщин. В 1970-х годах ЮНЕСКО выпустила исследование [7; с. 10], которое показывает, что женские персонажи, как правило, многочисленны в рекламных изображениях, но недостаточно представлены в мире работы и очень часто занимают подчиненное положение. Подавляющее большинство женских персонажей представлены в рекламе уборки и домашнего хозяйства. Женщин часто изображают «глупыми, неспособными выполнять даже простейшие задачи и зависимыми от советов мужчин». Мужчина – фигура «авторитетная», а женщины – домохозяйки, жены и матери.

Мы проанализировали ряд рекламных объявлений, чтобы показать, как идеологические процессы выражаются в дискурсе, увековечивая определенные гендерные стереотипы по отношению к женщинам. Среди стереотипов, встречающихся в рекламе, наиболее часто наблюдаются следующие: образ женщины как пассивного объекта, идеал домашнего уюта, образ идеальной матери, стереотип раскрепощенной женщины.

Лингвистические особенности данной рекламы создают и отражают неравные отношения между мужчиной и женщиной. Тип дискурса, который связан с женской речью, отражающий их «предполагаемые» проблемы и их языковые особенности, выбор прилагательных для описания женщин, семантические и синтаксические роли, которые они выполняют, способствуют актуализации стереотипных образов женщин в сознании потребителя [6; с. 25-40]. Эти стереотипы отражают идеологическую систему, в которой мужчины и женщины считаются разными социальными группами с четко разграниченными социальными ролями.

She makes one of the world's most advanced aircrafts feel like home. The airbus A340 flies further than most other passenger aircrafts. It even boasts the latest in aviation technology. But yet the feature that makes you feel most at home is a lot more down to earth. Your Air Lanka stewardess. She is like an island. Warm, friendly and ever so welcoming. Just what you'd expect of Sri Lankan hospitality. It is a taste of paradise. (TIME, 1998)

Здесь мы можем наблюдать стереотип о женщине как хранительнице домашнего очага. Бортпроводница представлена в образе обслуживающей, гостеприимной жены, ожидающей дома своего мужа. Мужчина чувствует себя «как дома» с дополнительным преимуществом, заключающимся в том, что обслуживающая женщина помещена в семантический контекст, который вызывает экзотические коннотации: «*Sri Lankan hospitality*», «*a taste of paradise*». Метафорическое сравнение стюардессы с островом, с одной стороны, создает эффект таинственности, а с другой – обезличивает женщину. В данном рекламном тексте представлен целый комплекс стилистических средств (эпитеты, метафорическое сравнение, использование личного местоимения 2 лица множественного числа), которые обуславливают художественную ценность рекламного продукта.

В 2017 году агентство недвижимости Marsh & Parsons выпустило рекламный плакат, на котором молодая женщина обнимает пожилого мужчину, а рекламная надпись снизу гласит: «*A charming period property with a modern extension*». Здесь снова наблюдается обезличивание женщины, и если в прошлом примере женщина сравнивалась с островом, то на этот раз женщину сравнивают с пристройкой к старинному дому. В данной рекламе используются эпитеты, которые носят контрастный характер: «*period*» и «*modern*», оказывая сильное воздействие на адресата [10; с. 63].

I'd never go back from Electricity to old-fashioned cooking now! Electricity – a power for good cooking! (Newspaper Ad, 80s)

В данной рекламе с изображением радостной женщины представлена электрическая плита. Реклама подразумевает, что электрическая плита раскрепощает женщин и дает им некую независимость (употребление слова *power*). Несмотря на попытку представить женский эмпауэрмент, реклама все еще подразумевает, что домашние дела – ответственность женщины, то есть свобода в этом случае очень относительна. Воздействующая функция данной рекламы выражена в восклицательных предложениях, которые являются чрезвычайно выразительным и действенным средством экспрессивного синтаксиса. Использование восклицательных предложений в рекламных текстах всегда связано с воздействующей функцией, поэтому восклицательный знак сигнализирует о повышенной ценности информации [2; с. 42].

В 2016 году американский сервис доставки Top Chef Meals выпустили рекламу ко Дню Благодарения, на которой изображены мужчина и женщина на кухне. Слоганом рекламы является: «*A good husband helps his wife on Thanksgiving day!*». Несмотря на попытку продвинуть идею о честном разделении домашнего труда, слово *help* предполагает, что домашние обязанности – все еще женская ответственность, а мужчина может лишь помочь по случаю праздника. Выражение *good husband* пытается манипулировать восприятием потребителя и заставить адресата воспользоваться сервисом доставки компании. Любопытно, что помощь мужа в случае данной рекламы заключается лишь в заказе праздничных блюд на дом и снижением нагрузки женщины, а не в реальной помощи по дому.

Точно так же во многих рекламных объявлениях женщины ассоциируются исключительно с домашней сферой. В рекламе продуктов питания и товаров для дома в целом (например, реклама чистящих средств) женщина является главной фигурой. Так, в 2011 году вышла реклама Mr.Clean со следующим текстом: «*This Mother's Day, get back to the job that really matters*», то есть реклама призывает женщин к тому, чтобы в День Матери они вернулись к работе, которая «действительно имеет значение», то есть к уборке и воспитанию детей. В рекламе изображены мать и дочь. Мать держит волшебный ластик, а дочь стоит рядом с ней. Дочь проявляет активный интерес к тому, что ее мать убирает. Реклама, посвященная Дню Матери, подразумевает, что продукт Mr. Clean – хороший подарок для женщины, потому что женщины любят убираться. Изображение дочери в рекламе предполагает, что только девочки должны учиться убирать, а не мальчики. Изображение мистера Клина подразумевает, что мужчины дают женщинам то, что им нужно для уборки, а женщины, в свою очередь, убираются. В рекламе используется повелительное наклонение, которое имеет довольно экспрессивное значение и оттенки приказания, увещевания. Повелительное наклонение способствует реализации основной цели рекламного текста – воздействовать на адресата с целью побуждения его к приобретению продукта [1; с. 71].

Заботливая мать – один из наиболее часто встречающихся образов женственности в рекламе. Образ хорошей матери особенно очевиден в том, что касается нужд её семьи. В рекламе часто делается акцент на том, что матери могут и должны знать, как нужно убирать, что нужно приготовить, как надо воспитывать детей. Такая мать с радостью жертвует своим временем, чтобы принимать правильные решения для своей семьи.

Так, в аудиовизуальной рекламе Procter & Gamble 2010 года изображены женщины, которые буквально посвятили свою жизнь воспитанию детей [3; с. 29]. Они готовят для своих детей, убирают, стирают их вещи, отвозят в школу, переживают за них на соревнованиях. При этом, репрезентация роли отцовского воспитания полностью отсутствует. В конце видео всплывает надпись: «*The hardest job in the world*». Реклама является примером стереотипа о роли матери как исключительной ответственности за безопасность и воспитание детей. В тексте используется качественное прилагательное в превосходной степени, которое служит для усиления эмоционального отклика адресата.

Следующий распространенный рекламный прием, который закрепляет гендерные стереотипы о женщинах – это сексуальная объективация. Сексуальная объективация – это изображение женщины как объекта сексуального вожделения. Компании, которые используют объективацию женщин в рекламе, нормализуют идею о том, что женщины – это инструмент сексуального удовлетворения мужчин. Женщина в такой рекламе обычно изображается в позах, имитирующих сексуальный акт; потенциально опасных местах; женское тело может быть оформлено как продукт и т.д. В 2018 году было проведено исследование, которое показало, что сексуальная объективация в рекламе способствует нормализации жестокого обращения с женщинами и терпимости к сексуальному насилию [4; с. 100; 5; с. 5].

В 2015 году компания по производству алкогольных напитков Bud Light выпустили продукт со следующим слоганом: «*The perfect beer for removing 'no' from your vocabulary for the night*». Предполагается, что после употребления этого напитка, женщина не сможет отказать. Рекламную кампанию позже обвинили в пропаганде нездоровых отношений и сексуального насилия над женщинами. В данном рекламном тексте используется усилительный эпитет «*perfect*», который создает привлекательный образ в глазах потребителя.

Еще одна алкогольная компания Belvedere Vodka использовала похожую рекламу для своего продукта. В 2012 году была выпущена реклама, на которой мужчина удерживает испуганную женщину. Рекламный текст содержит намеки сексуального характера: «*Unlike some people, Belvedere always goes down smoothly*». Как и в случае с Bud Light, смысл данной рекламной кампании заключается в преимуществе способности женщин сопротивляться мужчине после употребления этого напитка. В данной рекламе используется ирония. Если рассматривать иронию с точки зрения теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсона, коммуникативное намерение данного иронического высказывания может интерпретироваться адресатом с большей вероятностью негативно [9; с. 41]. Использование иронии в коммерческой рекламе часто приводит к тому, что потребители могут неправильно ее истолковать или даже публично осудить.

Американская компания Burger King в 2009 году выпустила серию рекламных постеров, один из которых содержал следующий текст: «*Blow one and swallow*». В рекламе изображена рыжеволосая женщина с открытым ртом, возле которого она держит рекламируемый бургер. В этой рекламе бургер символизирует мужской половой орган из-за явного сексуального подтекста (слово *blow*, которое имеет двойное значение). Аудитория данной рекламы довольно четкая, поскольку реклама с сексуальной объективацией обычно привлекает мужчин, и в значительной степени отталкивает женскую аудиторию, которая не желает, чтобы ее изображали таким образом, и которая, откровенно говоря, может быть оскорблена этой рекламой [8; с. 33]. В данном рекламном тексте используется короткая фраза в повелительном наклонении, что безусловно привлекает внимание реципиента и усиливает эмоциональный отклик.

Таким образом, сексуальная объективация в рекламе безусловно влияет на создание и поощрение культуры, которая эротизирует сексуальные домогательства и насилие в отношении женщин. Изучая рекламные объявления подобного характера, можно утверждать, что регулярная дегуманизация женщин и изображение сексуального насилия в средствах массовой информации обеспечивают основу для рационализации гендерного насилия в нашем обществе.

Язык, гендер и реклама — взаимосвязанные процессы. Поскольку рекламный текст представляет собой набор лексических единиц, в которых закодирован определенный гендерный стереотип и

который нацелен на определенный пол, то он является средством укрепления и принятия существующих гендерных стереотипов. Кроме этого, мы определили, что гендерные стереотипы в рекламе могут влиять на восприятие роли женщины в обществе и способствовать принятию сексистских убеждений. Таким образом, изображение женщин в рекламе продолжает оставаться стереотипным.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Социология. М.: Речь, 1999. 665 с.
2. Калинина И.М. Лингвистический аспект рекламного текста // Молодой ученый. № 10. 2015. С. 42-43.
3. Пирогов Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Гребенников, 2000. 270 с.
4. Пугачева Е.В. Феминитивы как объект метаязыковой рефлексии интернет-пользователей // Известия ВГПУ. № 5 (148). 2020. С. 97-105.
5. Arleigh J. Reichl, Jordan I. Ali, Uyeda K. Latent Sexism in Print Ads Increases Acceptance of Sexual Assault // Sage open. Vol. 8. Issue 2. 2018. p. 18-26.
6. Fox B.J. Selling the Mechanized Household: 70 Years of Ads in Ladies Home Journal // Gender and Society. № 4. 1990. p. 25-40.
7. Mass Media: The Image, Role, and Social Conditions of Women: a Collection and Analysis of Research Materials Reports and papers on mass communication. Unesco. ISSN 0080-1356 Unesco. 1970. 97 p.
8. Orth, U. and Holancova, D. (2003), "Consumers' Response to Sex Role Portrayals in Advertisements; Effects of Perceived Incongruity and Consumer Prejudices," Journal of Advertising, 32(4), p. 77-89.
9. Sperber, Dan, Wilson, Deirdre, 1981. Irony and the use-mention distinction. In: Cole, P. (Ed.), Radical Pragmatics. Academic Press, New York, p. 295-318.
10. Trimmer J.F & Nancy I.S. Writing with a purpose. Boston. N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1984. 204 p.
11. Vestergaard T. The Language of Advertising. London: Blackwell Publishers Ltd., 1985. 385 p.

References

1. E. Giddens Sociology. M.: Rech, 1999. 665 p.
2. Kalinina I.M. Linguistic Aspect of Advertising Text // Young Scientist. No.10. 2015. p. 42-43.
3. Pirogov Y.K. Promotional text: semiotics and linguistics. M.: Grebennikov, 2000. 270 p.
4. Pugacheva E.V. Femininitives as an object of metalanguage reflection of Internet users // Izvestia VSPU. No.5 (148) 2020. p. 97-105.
5. Arleigh J. Reichl, Jordan I. Ali, Uyeda K. Latent Sexism in Print Ads Increases Acceptance of Sexual Assault // Sage open. Vol. 8. Issue 2. 2018. p. 18-26.
6. Fox B.J. Selling the Mechanized Household: 70 Years of Ads in Ladies Home Journal // Gender and Society. № 4. 1990. p. 25-40.
7. Mass Media: The Image, Role, and Social Conditions of Women: a Collection and Analysis of Research Materials Reports and papers on mass communication. Unesco. ISSN 0080-1356 Unesco. 1970. 97 p.
8. Orth, U. and Holancova, D. (2003), "Consumers' Response to Sex Role Portrayals in Advertisements; Effects of Perceived Incongruity and Consumer Prejudices," Journal of Advertising, 32(4), p. 77-89.
9. Sperber, Dan, Wilson, Deirdre, 1981. Irony and the use-mention distinction. In: Cole, P. (Ed.), Radical Pragmatics. Academic Press, New York, p. 295-318.
10. Trimmer J.F & Nancy I.S. Writing with a purpose. Boston. N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1984. 204 p.
11. Vestergaard T. The Language of Advertising. London: Blackwell Publishers Ltd., 1985. 385 p.

УДК 81

*Воронежский государственный
технический университет*

студент 2 курса

направления «Журналистика»

Лиханская Ю.Е.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(980)245-01-49;

e-mail: yulyalikhanskaya@yandex.ru

Voronezh State Technical University

2nd year student of the

branch "Journalism"

Likhanskaya Yu. E.

Russia, Voronezh, tel. +7(980)245-01-49;

e-mail: yulyalikhanskaya@yandex.ru

Ю.Е. Лиханская

СПЕЦИФИКА ЗАГОЛОВКА В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧИТИНСКИХ ГАЗЕТ)

В статье представлена позиция, согласно которой журналисту для своей публикации необходимо грамотно выбирать заголовок, чтобы не только передать основной смысл статьи, ее содержание, но и привлечь внимание читателя. Работа посвящена изучению особенностей современных газетных заголовков на материале газет, издаваемых в Чите. В статье приводятся несколько классификаций газетных заголовков. С точки зрения информационной составляющей выделяют: заголовок-хроника – фактически дублирует новость с целью привлечения внимания к наиболее важной информации, в том числе и методом ее сообщения «поверх текста»; заголовок-резюме – популярен в разных репортерских материалах, так как дает возможность репортеру, скрывающему прямые оценки, в спокойно-повествовательной, ироничной или игровой манере косвенно прокомментировать событие; заголовок-цитата. Особое место занимает классификация заголовков по форме: «вирши» – рифмованный заголовок, практически сразу привлекающий внимание читателя, «цветной заголовок» – в названии заголовка используются разные цвета; «лозунги» и «призывы», напоминающие о недавнем советском прошлом; изменение крылатых фраз и цитат. Стоит обратить внимание на классификацию заголовков на основе отражения элементов текста: однонаправленные заголовки – соотносятся с одним элементом смысловой структуры текста: с темой, с фактом, с героем публикации, с цитатой или известным выражением, с аналитической оценкой ситуации, с идеей материала, с второстепенными элементами текста; комплексные заголовки – соотносятся с несколькими элементами структурной схемы текста одновременно и передают усложненную информацию, актуализируя одновременно тему и аналитическую оценку ситуации; часто заголовок состоит из двух частей, которые соединяются при помощи союза «или». По цели эмоционального воздействия на читателя выделяют следующую классификацию: интригующие заголовки, страшные заголовки и скандальные заголовки. Исходя из содержания научной статьи «Специфика заголовка в СМИ», мы можем сделать вывод о том, что заголовок должен: быть ясным высказыванием; заключать в себе основную идею текста; не противоречить содержанию материала; быть корректным, легко схватываемым и понятно сформулированным; возбуждать интерес читателя. В заголовках могут использоваться самые разные средства выразительности на уровне фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса.

Ключевые слова: заголовок, СМИ, классификация, эмоциональное воздействие.

Yu.E. Likhanskaya

THE SPECIFICS OF THE HEADLINE IN THE MEDIA (BASED ON THE MATERIAL OF CHITA NEWSPAPERS)

The article presents the position according to which a journalist needs to choose the title correctly for his publication in order not only to convey the main meaning of the article, its content, but also to attract the reader's attention. The work is devoted to the study of the features of modern newspaper headlines based on the material of newspapers published in Chita. The article provides several classifications of newspaper headlines. From the point of view of the information component, there are: the headline-chronicle – actually duplicates the news in order to attract attention to the most important information, including the method of its message "over the text"; the headline-summary – is popular in various reporting materials, since it allows a reporter hiding direct assessments to indirectly comment on the event in a calm narrative, ironic or playful manner; the headline-quote. A special place is occupied by the classification of titles according to the form: "verses" – a rhymed title that almost immediately attracts the reader's attention, "color title" –

different colors are used in the title of the title;" slogans "and" appeals " that remind of the recent Soviet past; changing catch phrases and quotes. It is worth paying attention to the classification of headings based on the reflection of text elements: unidirectional headings-relate to one element of the semantic structure of the text: with the topic, with the fact, with the hero of the publication, with a quote or a well-known expression, with an analytical assessment of the situation, with the idea of the material, with secondary elements of the text; complex headings-relate to several elements of the structural scheme of the text at the same time and convey complicated information, updating the topic and analytical assessment of the situation at the same time; often the title consists of two parts, which are connected using the union "or". According to the purpose of emotional impact on the reader, the following classification is distinguished: intriguing headlines, scary headlines and scandalous headlines. Based on the content of the scientific article "The specifics of the title in the media", we can conclude that the title should: be a clear statement; contain the main idea of the text; do not contradict the content of the material; be correct, easily grasped and clearly formulated; arouse the reader's interest. The titles can use a variety of means of expression at the level of phonetics, morphology, vocabulary, syntax.

Keywords: title, media, classification, emotional impact.

В массе информации, представляемой СМИ, особое внимание привлекает заголовок, так как он является первым сигналом, побуждающим нас читать газету или отложить ее в сторону. Он не только несет определенную информацию о содержании публицистического произведения, но и оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию. Заголовок – это текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное положение. Это, бесспорно, сильная позиция любого текста (или даже «самая сильная» [1, с. 3]. Неслучайно английский драматург Джон Голсуорси сказал: «Заголовки удваивают размер событий».

По мнению С.П. Суворова, выделяют следующие функции заглавий: отделить одно сообщение или один материал от другого; привлечь внимание к тому или иному материалу; сжато сообщить основное содержание помещенного материала; заинтересовать читателя; оказать на него определенное эмоциональное воздействие. Журналисту для своей публикации необходимо грамотно выбирать заголовок, чтобы не только передать основной смысл статьи, ее содержание, но и привлечь внимание читателя. Далеко не всегда яркий заголовок оправдывает наши ожидания, в связи с чем читатель может разочароваться не только в отдельной статье, но и в издании в целом.

Данная работа посвящена изучению особенностей современных газетных заголовков на материале газет, издаваемых в Чите. Существует множество классификаций газетных заголовков. Мы рассмотрим вопрос с точки зрения информационной составляющей, насыщенности информацией.

1. Классификация по насыщенности информации:

а) заголовок-хроника – фактически дублирует новость с целью привлечения внимания к наиболее важной информации, в том числе и методом ее сообщения «поверх текста»: «В Краснокаменске гостиницу охраняет настоящий волк» («Вечорка» №43, 2017 г.); «В Хилке в пожаре сгорели 4 маршрутки» («Вечорка» №44, 2017 г.); «Пять причин, почему ребенок не хочет идти в сад» («Вечорка» №25, 2017 г.);

б) заголовок-резюме - популярен в разных репортерских материалах, так как дает возможность репортеру, скрывающему прямые оценки, в спокойно-повествовательной, ироничной или игровой манере косвенно прокомментировать событие: «Высокая забота о благоустройстве или пиар?» (о случае благотворительности Ждановой, за ее счет асфальтировали тротуар в Домне) («Читинское обозрение» № 4); «Невозможное возможно? Верить или нет?» (о коммунальных службах города) («Вечорка» №43, 2017 г.);

в) заголовок-цитата: «Меня словно распилили пополам и похоронили одну часть» (Ксения Бик рассказала о смерти своего мужа Д. Марьянова) («Комсомольская правда» от 25 октября 2017 г.); «Я убежденный интернационалист» (о писателе Г. Донце) («Читинское обозрение» № 47, 2017 г.).

2. Классификация по форме заголовков (игровые заголовки):

а) «вириши» – рифмованный заголовок, практически сразу привлекающий внимание читателя (в читинских газетах мы, к сожалению, не встретили такого);

б) «цветной заголовок» – в названии заголовка используются разные цвета: «Золотое зернышко» («Читинское обозрение» № 5, 2017 г.);

в) «лозунги» и «призывы», напоминающие о недавнем советском прошлом: «Клейте по закону!» (о расклеивании рекламы) («Читинское обозрение» № 31, 2017 г.); «Не бойтесь «флюшки!» (о профилактике туберкулеза) («Читинское обозрение» №8, 2017 г.)

г) изменение крылатых фраз и цитат: «Сначала умом прожуй, потом слово выпусти» (о создании монографии «Цыгане Забайкалья») («Читинское обозрение» № 24, 2017 г.); «Серпом по соц.выплатам» (о том, что социальной поддержки могут лишиться более тысячи многодетных семей Забайкалья) («Читинское обозрение» №3, 2017 г.). Как видим, использование афоризмов создает второй смысловой план, появ-

ляются ассоциативные связи: противоречие, смысловая переключка, ироническое переосмысление. Если же текст меняется, читатель, сравнивая ему известный вариант с предложенным, игровым, дополнительно получает удовольствие от того, что помнит первоисточник и разгадывает «ход» журналиста.

3. *Классификация заголовков на основе отражения элементов текста:*

а) *однонаправленные заголовки* – соотносятся с одним элементом смысловой структуры текста: с темой, с фактом, с героем публикации, с цитатой или известным выражением, с аналитической оценкой ситуации, с идеей материала, с второстепенными элементами текста: например, выражают тему текста («Как празднуют Рождество в разных странах» (Читинское обозрение № 1, 2017 г.); «Родной язык – сокровище народа» (о том, как оберегают свой язык нации, живущие в Забайкалье) («Читинское обозрение» № 8, 2017 г.) «Уйти из жизни молодым» (как уберечь своего ребенка от суицида) («Читинское обозрение» №8, 2017 г.); отражают отдельный факт или сообщают еще не свершившихся событиях («Лавровая, Ореховая, Кленовая...» (о возможном появлении улиц с такими названиями в Чите) («Читинское обозрение» №4, 2017 г.); «Депутатам надо набраться смелости» (введение критериев нуждаемости может ударить по авторитету власти) («Читинское обозрение» № 5, 2017г.); «Станет ли Чита зеленее?» («Читинское обозрение» № 8, 2017 г.); заголовки, называющие героев публикации – артистов театра и кино, знаменитых музыкантов, ведущих телепередач, при этом журналисты умело используют различные стилистические приемы для обыгрывания имени, привнося в него дополнительное значение, высвечивая его внутреннюю форму («Антон тут – рядом» (о писателе из Краснокаменска с диагнозом ДЦП) («Читинское обозрение» №6, 2017 г.); «Папа Айболита и Бармалея» (к 135-летию К.И. Чуковского) («Читинское обозрение» №13,2017г.); «Уроки волшебства от Любви Лазебной» (о педагоге) («Читинское обозрение» №26, 2017 г.); заголовок может представить цитату, фразеологизм или известное выражение, относящееся к описываемому событию («Одна на всех победа» (9 мая 1945 г. глазами очевидца) («Читинское обозрение» №19, 2017г.); «...но иным открывается тайна» (строки из стихов А. Ахматовой) (какую роль сыграла А. Ахматова в судьбе нашего земляка В. Арзуманова) («Читинское обозрение» № 49, 2017г.); «Умкина мама» (о женщине, которая спасла щенков, которых выкинули в мусорный бак зимой) («Читинское обозрение» № 3,2017г.); «Подмосковные вечера» (о встрече официальных делегаций с руководителем г. Маньчжурия) («Читинское обозрение» №2, 2017г.).

б) *комплексные заголовки* – соотносятся с несколькими элементами структурной схемы текста одновременно и передают усложненную информацию, актуализируя одновременно тему и аналитическую оценку ситуации; часто заголовок состоит из двух частей, которые соединяются при помощи союза «или»: «От поздравления до оскорбления один шаг, или как не стоит поздравлять» («Читинское обозрение» №3, 2017 г.); «Аэрокосмический кластер и Забайкалье: грезы или достижимая цель?» («Читинское обозрение» №2,2017г.); «Площадь Ильича: чтоб не стыдно было» (о благоустройстве площади им. Ленина) («Читинское обозрение» №31,2017г.)

4. *Классификация заголовков по цели эмоционального воздействия на читателя:*

а) *«интригующие»*: «Злокачественная остановка» (будет ли маршрут до онкодиспансера) («Читинское обозрение» №13, 2017г.);

б) *«страшные»*: «В Хилке в пожаре сгорели 4 маршрутки» («Вечорка» №43, 2017г.);

в) *«скандальные»*: «Судья: доказательства есть, но я их рассматривать не буду!» («Вечорка» №43, 2017г.).

5. *Классификация заголовков по отражению элементов текста:*

а) *полноинформативные заглавия* – могут отражать тему всего текста, основную мысль, любой тезис; синтаксически полноинформативные заголовки – чаще всего повествовательные предложения, не дающие эмоционально-экспрессивной оценки, а также вопросительные предложения: «Пять полезных советов для будущих мам» («Читинское обозрение» №4, 2017 г.); «Не приговор, а испытание» (о Всемирном дне онкобольных детей) («Читинское обозрение» №7, 2017 г.); «ЕГЭ не надо бояться» («Читинское обозрение» №13, 2017 г.)

б) *неполноинформативные заголовки* – выражают не весь тезис, а лишь одну его часть, в связи с чем данный заголовок становится понятным лишь после прочтения всего текста: «Слезы ветерана» (о выплатах ветеранам) («Читинское обозрение» №4, 2017г.); «Состояние нестояния» (о преступлениях в результате алкогольного опьянения) («Читинское обозрение» №5, 2017 г.); «Островок надежды в океане бездушия» (о спасении бездомных животных) («Читинское обозрение» №4, 2017 г.).

Как видим, классификации заголовков разноплановы, но главная цель – привлечь внимание читателя к материалу, в связи с чем журналисты прибегают к разным средствам создания выразительности. Заго-

ловки, содержащие вопрос, подталкивают читателя к размышлению: «Сигнал бедствия: услышать и действовать?» (о полигоне бытовых отходов в Ивановке) («Читинское обозрение» №4, 2017 г.); «Когда зацветает прострел?» («Читинское обозрение» №16, 2017 г.); «Кто, если не я, если не ты?» (совет молодежи при главе городского округа) («Читинское обозрение» №5, 2017 г.). Восклицательные предложения в заголовках могут выражать восхищение, сожаление, веру: «Откройте для себя Кавказ!» (описываются обычаи, традиции, природа Северного Кавказа) («Читинское обозрение» №1, 2017 г.); «Всем спать!» (даются рецепты здорового сна) («Читинское обозрение» №1, 2017 г.); «Папа, мы тебя будем ждать!» (об акции «Проводи папу в рейс» на читинском вокзале) («Читинское обозрение» №33, 2017 г.). Использование метафоры в заголовках оживляет материал: «Золотое зернышко» (об актрисе Драмтеатра С. Зограф) («Читинское обозрение» №5, 2017 г.); «Вредные легенды» (как природа страдает от людских выдумок) («Читинское обозрение» №13, 2017 г.); «Злокачественная остановка» («Читинское обозрение» №13, 2017 г.).

Интересны заголовки, образованные путем трансформации пословиц и поговорок. Пословица – краткое, законченное, образное изречение обобщающего характера; поучительное жизненное наблюдение, применимое к самым различным случаям и ситуациям. «В них все есть: издевка, насмешка, попрек, словом – все шевелящее и задирающее за живое», – говорил Н.В. Гоголь. Поговорка – меткое образное выражение, не заключающее в себе обобщающего смысла. Авторские изменения, вносимые в значение и форму этих языковых средств разнообразны. Это так называемые «стилистические приемы использования устойчивых выражений в художественно-публицистической речи». Исследователи выделяют и другой прием – продолжение пословицы и наращивание ее смысла с помощью попутного замечания. В читинских газетах нам встретились следующие заголовки с использованием пословиц и поговорок: «Ломать – не строить» («Вечорка» №43, 2017 г.); «Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – оба!» («Вечорка» №43, 2017 г.); «Жизнь прожить – не поле перейти» (о фронтовике П.Н. Федотове) («Читинское обозрение» №24, 2017 г.).

Особой выразительностью обладают заголовки, образованные путём трансформации строк из популярных песен разных лет: «... товарищ по одной?» (о том, как отвадить молодежь от сигарет) («Читинское обозрение» №8, 2017 г.); «За крышу дома твоего» (о Фонде Капитального ремонта) («Читинское обозрение» №13, 2017 г.); «Тополиный пух, жара, июль...» («Читинское обозрение» №24, 2017 г.).

Как видим, авторская фантазия не ограничена строгой классификацией заголовков. В заголовках могут использоваться самые разные средства выразительности на уровне фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса. Эти средства могут сочетаться, использоваться одновременно, дополнять друг друга. Заголовок должен: быть ясным высказыванием, заключать в себе основную идею текста, не противоречить содержанию материала, быть корректным, легко схватываемым и понятно сформулированным, возбуждать интерес читателя.

Библиографический список

1. Кожина Н.А. Семантика и структура заголовка. М., 1984. С. 56 — 62., с. 3
2. Суворов С.П. Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам Daily Worker) // Язык и стиль. М., 1965. С.193
3. Местная газета «Вечорка» (выборочно), 2017 г.
4. Местная газета «Читинское обозрение» №1-51, 2017 г.
5. «Комсомольская правда» (25 октября 2017 г.).

References

1. Kozhina N. A. Semantics and structure of the title. M., 1984. pp. 56-62., p. 3
2. Suvorov S. P. Features of the style of English newspaper headlines (based on the materials of the Daily Worker) // Language and style. M., 1965. p. 193.
3. The local newspaper " Vechorka "(selectively), 2017.
4. Local newspaper "Chita Review" No. 1-51, 2017.
5. "Komsomolskaya Pravda" (October 25, 2017).

УДК 32.019.51

Московский педагогический государственный университет

Студент магистратуры (I курс)

Никулин Е. Р.

Российская Федерация, г. Москва

E-mail: egor.nikulin.98@bk.ru

Moscow State Pedagogical University

Student

Nikulin E.R.

Russian Federation, Moscow

E-mail: egor.nikulin.98@bk.ru

Е.Р. Никулин

BODY-ЛОЗУНГ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Статья посвящена изучению эффективности нового вида политического лозунга, который был назван нами body-лозунг. В исследовании методом корреляции «пиковых» значений уровня интереса интернет - аудитории к объектно-предметной области работы и акций движения, наиболее активного использующего body-лозунги, выявлены их положительные и отрицательные характеристики в процессе политической агитации.

Ключевые слова: body-лозунг, интернет-аудитория, политическая агитация, политический актор, медийный менеджмент.

E.R. Nikulin

BODY-SLOGAN IN THE CONTEXT OF MODERN POLITICAL AGITATION: FEATURES AND EFFICIENCY

The article is devoted to the study of the effectiveness of a new type of political slogan, which we called the body-slogan. In the study by the method of correlation of «peak» values of the level of interest of the internet audience and the actions organization of the most active using body-slogans, their positive and negative characteristics in the process of political agitation were revealed.

Keywords: body-slogan, internet audience, political agitation, political actor, media management

С древнейших времен тело человека является платформой для трансляции обществу определенных смыслов. Например, сакральные татуировки являлись неотъемлемой частью культуры человечества на протяжении большей части его истории. Кроме того, традиционные верования некоторых африканских, американских и азиатских народов и сегодня предполагают раскраску тела человека при определенных событиях жизни члена того или иного сообщества, информирующую окружающих о чем-то с помощью определенного сочетания цветов и узоров.

На данный момент времени тело человека активно используется не только для трансляции в общество социальных или культурных месседжей, но и политических. Наиболее известно своим использованием в рамках политической агитации тела как платформы для размещения политических лозунгов движение FEMEN, которое имеет значительную популярность в мировом медийном пространстве, будучи ключевой темой «громких» инфоповодов. Исходя из этого, логично рассмотреть body-лозунг с точки зрения его особенностей применения политическими акторами для влияния на общество.

Теоретическая база исследования включает в себя две группы работ. Однако заранее отметим, что, опираясь на изученный материал, мы решили синонимизировать термины «лозунг» и «слоган» в данной статье. Итак, первая из них раскрывает теоретический объект настоящего исследования, т.е. посвящена тематике политического лозунга (поскольку имеет место быть дефицит работ, изучающих непосредственно объектно-предметную область настоящего исследования), его особенностям и функциям. Она состоит из статей Г. Лассвелла и Д. Блюменстока, рассматривающих политический слоган как символ какого-либо события, процесса или актора и дифференцирующих его на «символы-факты», «символы-идентификации» и «символы-требования» [1], О. Ю. Проницовой, определяющей функционал политического лозунга по це-

лям, которые преследует политический актор, формирующий и транслирующий его: лозунг, нацеленный на формирование идентичности электората, поведенческий лозунг (направлен на «созидание» или «разрушение»), а также лозунги, стремящиеся воздействовать на эмоциональные или рациональные компоненты сознания граждан [2], С. С. Ваулиной и И. Ю. Кукусы, изучающих политические лозунги с точки зрения его лингвистических особенностей и пришедших к выводу о том, что наиболее действенными из них в рамках политической пропаганды являются «глагольные» слоганы [3], а также Е. Р. Никулина и А. Е. Шубина, проанализировавших конкретный кейс использования политического лозунга при формировании и обособлении субэтнической группы [4]. Вторая нацелена на изучение политической агитации в сетевом пространстве и ее влияния на политические процессы в обществе и включает в себя работы М. Кастельса, рассматривающего социальные сети в качестве одной из ключевых платформ для создания и трансляции тех или иных символов (то есть в рамках объектно-предметной области настоящего исследования политических лозунгов) [5], С. Грина [6] и Г. Рейнгольда [7], которые отводят существенную роль сформированной в сети символике, в том числе и политическому слогану, в политических процессах, а также статьи Е. В. Бродовской, А. Ю. Домбровской, акцентирующих исследовательский интерес на технологиях масштабирования и мобилизации неконвенциональных мероприятий и отводящих в этом политическому лозунгу существенную роль [8].

Методика исследования заключается в выявлении «пиковых» значений уровня интереса пользователей сети к движению FEMEN, поскольку, как мы отметили выше, данное движение наиболее активно использует body-лозунги, и их сопоставлении с акциями представителей данной структуры.

Инструментом исследования является Google Trends (словарь поисковых запросов включает в себя название описанного выше движения на русском и английском языках, глубина исследования - с 2004 года).

Результаты исследования:

Как видно из данных, представленных в Таблице, «пиковые» значения запросов в поисковой системе Google приходятся на даты акций движения FEMEN. Подобного рода корреляция указывает на особенность body-лозунга, позволяющую вести политическую агитацию более эффективно через масштабирование площадок трансляции того или иного лозунга путем формирования инфоповода: в данных постах, помимо информации о событиях, упоминаются и политические лозунги, написанные на телах активисток движения.

Таблица

Сопоставление «пиковых» значений релевантного дискурса с акциями движения FEMEN

«Пиковые» значения релевантного дискурса	Акции движения «FEMEN» (данные об акциях «FEMEN» взяты с сайтов «Российская Газета» (https://rg.ru/sujet/5018/) и «Известия» (https://iz.ru/tag/femen))
Июль 2012 года	Акция движения FEMEN в отношении РПЦ
Апрель 2013 года	Возбуждение уголовных дел во Франции и ФРГ в отношении активисток FEMEN
Июнь 2013 года	Акция движения FEMEN в ФРГ; Вынесение приговора участницам движения FEMEN в Тунисе
Октябрь 2013 года	Акции движения FEMEN в Гамбурге (в поддержку беженцев)
Декабрь 2013 года	Акции движения FEMEN в Кельнском соборе и Киево-Печерской Лавре
Май 2015 года	Акция движения FEMEN в Париже (Против Марин Ле Пен)
Декабрь 2017 года	Акции движения FEMEN в Ватикане
Март 2018 года	Акция движения FEMEN «перед Берлускони»
Июль 2018 года	Смерть одной из основательниц движения FEMEN в Париже
Ноябрь 2018 года	Акции движения FEMEN в Мадриде
Май 2019 года	Акции движения FEMEN в Париже

Кроме того, body-лозунги усиливают эмоциональный компонент агитации, что может, однако, оказать противоречивое влияние на восприятие лозунга. С одной стороны, у потребителя контента, особенно с превалированием традиционных ценностей, body-лозунг не вызовет положительной реакции. Однако с другой стороны, активное, зачастую жестокое, судя по фото, противодействие активисткам акций движения FEMEN со стороны правоохранительных органов, способствуют формированию и усилению чувства сострадания к «пикетирующим», что автоматически настраивает пользователя на лояльное отношение к тому или иному политическому сообществу, транслируемому представителями данного движения. Следовательно,

body-лозунг является перспективным способом трансляции политического месседжа для аудитории с либеральными ценностями.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что в рамках современного политического процесса масштабирование платформ для трансляции собственной политической повестки является ключевой задачей политического актора, для решения которой body-лозунг является, на наш взгляд, эффективным. В перспективе исследования целесообразно методом дискурс - анализа изучить дискурсивное поле, связанное с объектно-предметной областью настоящей работы, а также проанализировать отклик со стороны аудитории (число лайков, репостов, комментариев) для более подробного описания характеристик body-лозунга и особенностей его использования в российских политических реалиях.

Библиографический список

1. Лассвелл Г. Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-opisaniya-lozungov> (дата обращения: 09.02.2021).
2. Проничева О. Ю. Лозунг в современной политической коммуникации (на материале лозунгов выборных кампаний 1996, 2006, 2018-го гг.) // МИРС. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lozung-v-sovremennoy-politicheskoy-kommunikatsii-na-materiale-lozungov-vybornyh-kampaniy-1996-2006-2018-go-gg> (дата обращения: 05.03.2021).
3. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-strategii-realizatsii-pobuditelnoy-modalnosti-v-politicheskom-lozunge-i-reklamnom-slogane> (дата обращения: 05.03.2021).
4. Никулин Е. Р., Шубин А. Е. Национальное самосознание западных украинцев как этнической группы // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-samosoznanie-zapadnyh-ukraintsev-kak-etnicheskoy-gruppy> (дата обращения: 05.03.2021).
5. Castells M. The Rise of the network society [Электронный ресурс] URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).
6. Грин С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети, мобилизация // Интернет-издание Слон Ру. URL: http://slon.ru/russia/twitter_i_protest_v_rossii_memy_seti_i_mobilizatsiya-791222.xhtml (дата обращения: 15.02.2021).
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ГРАНД: Фаир пресс, 2006.
8. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Азаров А. А., Фильченков А. А., Абрамов М. В., Карзубов Д. Н. Интернет-технологии мобилизации политического протеста (на примере Евромайдана) // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-mobilizatsii-politicheskogo-protesta-na-primere-evromaydana> (дата обращения: 01.03.2021).

References

1. Lasswell G. Blumenstock D. Methodology for describing slogans // Political linguistics. 2007. No. 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-opisaniya-lozungov> (date of application: 09.02.21).
2. Pronicheva O. Yu. Slogan in modern political communication (based on the slogans of the election campaigns of 1996, 2006, 2018) // MIRS. 2018. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lozung-v-sovremennoy-politicheskoy-kommunikatsii-na-materiale-lozungov-vybornyh-kampaniy-1996-2006-2018-go-gg> (date of application: 05.03.21).
3. Vaulina S.S., Kuksa I. Yu. Linguistic strategies for the implementation of an incentive modality in a political slogan and an advertising slogan // Bulletin of VolSU. Series 2: Linguistics. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-strategii-realizatsii-pobuditelnoy-modalnosti-v-politicheskom-lozunge-i-reklamnom-slogane> (date of application: 05.03.21).
4. Nikulin E. R., Shubin A. E. National identity of Western Ukrainians as an ethnic group // Scientific result. Social and Humanitarian Research. 2019. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-samosoznanie-zapadnyh-ukraintsev-kak-etnicheskoy-gruppy> (date of application: 05.03.21).
5. Castells M. The Rise of the network society [Electronic resource] URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (date of application: 01.05.20).
6. Green S. "Twitter" and protest in Russia: memes, networks, mobilization // Internet edition of the Slon Ru. URL: http://slon.ru/russia/twitter_i_protest_v_rossii_memy_seti_i_mobilizatsiya-791222.xhtml (date of application: 15.02.21).
7. Reingold G. Smart crowd: a new social revolution / per. from English A. Garkavy. M.: GRAND: Fair press, 2006.
8. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Azarov A.A., Filchenkov A.A., Abramov M.V., Karzubov D.N. Internet technologies for mobilizing political protest (on the example of Euromaidan) // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2016. No. 4. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-mobilizatsii-politicheskogo-protesta-na-primere-evromaydana> (date of application: 01.03.21).

УДК 81

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат биологических наук,
магистрант кафедры русского языка и межкуль-
турной коммуникации,
Васильева Н.А.
Россия, г. Воронеж, тел.: +79202101050
e-mail: nechay.n@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural
communication*

*PhD, Master student N.A. Vasilieva
Russia, Voronezh, tel. +79202101050
e-mail: nechay.n@mail.ru*

Н.А. Васильева

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматривается понятие «дискурс» как когнитивный процесс, как сложное коммуникативное явление, включающее в себя помимо текста экстралингвистические факторы: цели, знания о мире, опыт адресата, что необходимо для понимания им сути высказывания. Современный человек является участником пересекающихся дискурсов и постоянно делает выбор подходящего для него дискурсивного пространства. Одной из разновидностей дискурсов является научно-популярный дискурс. К нему относятся тексты, объединенные общими целями: популяризация научного знания, вовлечение читателя и поддержка его интереса к новым достижениям науки и техники, привлечение внимания к глобальным проблемам современности. В статье рассмотрены такие важнейшие особенности научно-популярного дискурса, как сочетание разных стилистических черт, особый способ употребления терминологической лексики, использование выразительных средств, создающих для читателя наглядность повествования, выбор актуальной тематики.

Ключевые слова: дискурс, научно-популярный дискурс, выразительные средства, тропы, термины.

N.A. Vasilieva

POPULAR SCIENTIFIC DISCOURSE AND ITS FEATURES

The article examines the concept of "discourse" as a cognitive process, as a complex communicative phenomenon, which includes, in addition to the text, extralinguistic factors: goals, knowledge of the world, the addressee's experience, which is necessary for him to understand the essence of the statement. Modern man is a participant in overlapping discourses and constantly chooses a suitable discursive space for him. One of the types of discourse is popular science discourse. It includes texts united by common goals: popularization of scientific knowledge, engaging the reader and supporting his interest in new advances in science and technology, drawing attention to global problems of our time. The article discusses such important features of popular science discourse as a combination of different stylistic features, a special way of using terminological vocabulary, the use of expressive means that create a narrative clarity for the reader, the choice of relevant topics.

Key words: discourse, popular science discourse, expressive means, tropes, terms.

В широком смысле дискурс представляет собой единство значения, языковой формы и действия. Дискурс можно охарактеризовать как разворачивающийся во времени динамический процесс языкового общения, в результате которого появляется высказывание. Однако дискурс не ограничивается рамками данного конкретного языкового высказывания. Если сравнивать понятия дискурс и текст как результаты языковой деятельности, то текст является статическим объектом. Дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, которое включает в себя помимо текста еще и экстралингвистические факторы: цели, знания о мире, опыт, установки, мнения адресатов, нужные для понимания текста [6]. Многие современные исследования опираются именно на такое понимание дискурса [8; с.7-25; 13].

Дискурс – это когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, с появлением речевого продукта, это всегда коммуникативное событие. Участники дискурса пребывают в определенном

психологическом состоянии, и это свидетельствует о том, что дискурс является личностно значимым коммуникативным актом для его участников [8; с.7-25].

Современный человек ежедневно становится участником пересекающихся дискурсов. Ему приходится выбирать подходящие ему дискурсивные пространства в зависимости от его собственных взглядов и личностной картины мира. Одним из наиболее перспективных направлений дискурс-анализа является исследование дискурсивных картин мира, выявление культурно обусловленных моделей мира, отраженных в текстовом пространстве средств массовой информации.

Охарактеризовать “дискурс” можно через понятия: “участники”, “тема” и “способ”. Дискурс рассматривается как сфера социального взаимодействия, участники которой используют язык как основной инструмент общения. К дискурсу приобщаются участники с учетом всех статусных и ролевых функций и задач, социальных взаимодействий, в которые они вовлечены. Под способом дискурса подразумевается функция, реализуемая через взаимодействие посредством языка для достижения нужной цели, а также письменный или устный способ репрезентации текста, форма и содержание текста, коммуникативная цель текста (вовлечение, побуждение, объяснение и пр.) [15]. По параметру «тема» можно выделить такие типы дискурсов, как политический, научный, публицистический, военный, педагогический, медицинский и прочие. Этот список является открытым, поскольку количество разновидностей дискурсов приравнивается к количеству видов деятельности человека. При этом каждый вид деятельности порождает свой дискурс с присущими ему особенностями [9; с. 52-59].

Ориентируясь на параметры «тема», «участники» и «способ» можно выделить научно-популярный дискурс [7; с. 42-46] и отнести к нему тексты, объединенные общими целями:

1. Популяризация научного знания (достижений науки и техники) для широкого круга читателей.
2. Привлечение внимания аудитории (слушателей, зрителей, читателей) к деятельности сообществ, блогов, YouTube-каналов, связанных с развитием науки и техники и поддержание интереса к научным открытиям у людей, не связанных с наукой.
3. Создание единой сети, включающей в себя разнообразные источники информации по всем научным дисциплинам.
4. Привлечение всего населения Земли для решения мировых задач, таких как охрана окружающей среды, защита прав человека, охрана окружающей среды, проблемы в области образования, медицины и т.п.

Популяризация является стратегией, позволяющей адресантам сообщения изложить сложное понятие в форме ясного, простого и действенного описания. Следствием реализации стратегии популяризации является адаптация уровней знаний адресата к компетенции адресанта в процессе обработки научной информации. Понятие популяризация подразумевает под собой расширение аудитории, необходимость поиска средств привлечения новых читателей, установление с ними надежного эмоционального контакта.

Аудитория научного дискурса как правило профессионально однородна и численно ограничена. Основными экстралингвистическими признаками научного стиля являются следующие: научная тематика, точное определение понятий, логичность изложения, стремление к обобщению, абстракции, объективный характер изложения научного содержания [14]. Речевых средств, используемых в научном дискурсе, в этом случае становится недостаточно. Поэтому наблюдается появление элементов публицистического стиля.

Важнейшей особенностью научно-популярного дискурса является сочетание разных стилевых черт: точность, научность, логичность, достоверность, последовательность, характерные для научного стиля, с одной стороны, и выразительность, эмоциональность, доступность, субъективность, присущие публицистике, с другой стороны. Научно-популярные тексты содержат метафоры, оценочные выражения и эпитеты, и в то же время информация в них точна и достоверна [11].

Важной особенностью научно-популярного дискурса является особый способ употребления терминов. Новые или сложные термины всегда разъясняются и комментируются для широкой аудитории, в то время как в научном дискурсе поясняются только узкоспецифические или авторские термины. Таким образом, отмечаются разные стратегии комментирования терминологической лексики в научно-популярном и научном дискурсах. Например, в научно-популярном журнале «В мире науки» в одной из статей употребляется термин «термодинамика», и тут же дается пояснение: «*Термодинамика, область физики, которая изучает тепловые процессы и КПД, возникла во время промышлен-*

ной революции.» [1]. Еще один пример из журнала «Химия и жизнь»: «Не менее захватывающими оказались исследования пластидного генома, о которых сообщила в 2011 году группа австралийских ученых в журнале «Molecular Biology and Evolution». Пластиды — окруженные мембраной органеллы растительных клеток, в их число входят хромoplastы, содержащие желтые, красные или оранжевые пигменты, а также хлоропласты, основная функция которых — фотосинтез. Согласно симбиогенетической теории, пластиды, как и митохондрии, произошли от древних цианобактерий, захваченных хозяйской клеткой. Именно поэтому у них есть собственный геном» [10]. В этом примере автор статьи употребляет термин «пластинный геном», и для его пояснения сначала дается определение термина «пластиды», а затем доступным языком рассказано, почему у них есть свой геном.

Авторы научно-популярных текстов используют выразительные средства:

➤ метафоры: «Чтобы оценить подлинный масштаб зубра, надо приставить к нему человека в качестве спичечного коробка» [4],

➤ эпитеты: «Китоглав невероятен. Живет от Эфиопии до Ботсваны, но везде редок... любимая еда — странная двоякодышащая рыба протоптер.» [3],

➤ сравнение: «Богомол-скрипка смотрит на собственную шкурку, из которой только что выбралась. Что самка, видно даже по взгляду. "А ведь совсем недавно меня это налезало» - в блоге Евгения Тимоновой «Все как у зверей» самка богомола иронично сравнивается с женщиной [2],

➤ олицетворение: «О чем рассказывают льды» [1],

➤ ирония: «Балобан: трудно быть великолепным» - название статьи о соколе [10].

Употребление этих тропов делает повествование эмоциональным, вовлекающим, создает для читателя (зрителя) наглядность.

Одним из определяющих факторов научно-популярного дискурса является читатель сообщения, адресат. И поскольку целевая аудитория научно-популярных текстов представлена широким кругом читателей, чаще всего в научно-популярном дискурсе затрагиваются темы, интересные для большинства. Часто редакторы научно-популярных изданий обращаются к резонансным темам, касающимся, например, экологической ситуации («Арал: есть ли жизнь после смерти» - фильм о катастрофе на Аральском море [5]).

Темы могут быть выбраны по времени года, например, в блоге известного педиатра, популяризатора науки Евгения Комаровского весной 2021 года появился пост на тему: «Сезон активности клещей начинается. Будьте осторожны», предупреждающий о приближающейся сезонной опасности [16].

Научно-популярные медицинские блоги освещают такие темы, как новинки косметологии и пластической хирургии, актуальные для женщин среднего возраста: «Верхняя блефаропластика, операция, позволяющая стереть возраст с вашего взгляда!» [17].

Все эти факторы определяют научно-популярный дискурс и соответствуют интересам и запросам его аудитории. Опираясь на них, можно выделить некоторые особенности медиатекстов научно-популярного дискурса: простота, лаконичность, насыщенность примерами, употребление сравнений, демонстрация статистики, использование меньшего числа терминов и сложных речевых оборотов по сравнению с научным дискурсом, наличие обращений к читателю, доступность, информативность, оценочность.

Таким образом, процесс развития науки неизбежно влечет за собой популяризацию научной информации и появление научно-популярного дискурса. Научно-популярный дискурс несет в себе черты научного и публицистического дискурсов, и это отражается в своеобразии способов представления информации в этом дискурсе.

Библиографический список

1. «В мире науки», №7, 2020.
2. Все как у зверей / Евгения Тимонова (2021) запись в vk.com от 13 апреля в 12:40. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (дата обращения 18.04.2021).
3. Все как у зверей / Евгения Тимонова (2021) запись в vk.com от 1 апреля в 20:24. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (дата обращения 18.04.2021).
4. Все как у зверей / Евгения Тимонова (2021) запись в vk.com от 26 февраля в 16:19. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (дата обращения 18.04.2021).
5. Все как у зверей / Евгения Тимонова (2021) запись в vk.com от 19 марта в 13:58. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (дата обращения 18.04.2021).

6. Дейк Т. А. ван (1998). К определению дискурса. [WWW-документ] URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
7. Егорова Л.А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» Российский университет дружбы народов. Выпуск 1. 2009. С 42-46. Кубрякова Е.С. // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: [сб. обзоров]. М., 2000. С. 7-25.
8. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 1997. Т. 56. № 4. С. 52-59.
9. «Наука из первых рук», том 4, №89, 2021.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта; Наука, 2011. 696 с.
11. «Химия и жизнь», №4, 2019.
12. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 128с.
13. Чернявская В.Е. Научный дискурс. Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2014. 144 с.
14. Halliday M.A.K. Language, Context, And Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective / M.A.K. Halliday and Ruqaiya Hasan. Oxford etc.: Oxford university press, 1991. 126с.
15. URL: <https://www.instagram.com/p/CNmPeGrIuQO/> (дата обращения 18.04.2021).
16. URL: <https://www.instagram.com/p/CNfcT04hZzI/> (дата обращения 18.04.2021).

References

1. 1. "In the world of science", No. 7, 2020.
2. Everything is like animals / Evgeny Timonova (2021) entry in vk.com on April 13 at 12:40. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (date of access 04/18/2021).
3. Everything is like animals / Evgeny Timonova (2021) entry in vk.com from April 1 at 20:24. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (date of access 04/18/2021).
4. Everything is like animals / Evgeny Timonova (2021) entry in vk.com on February 26 at 16:19. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (date of access 04/18/2021).
5. Everything is like animals / Evgeny Timonova (2021) entry in vk.com on March 19 at 13:58. URL: https://vk.com/vse_kak_u_zverey (date of access 04/18/2021).
6. Dyck, T.A. van (1998). Towards the definition of discourse. [WWW document] URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
7. Egorova L.A. On the question of defining the concept of "popular science discourse" Peoples' Friendship University of Russia. Issue 1. 2009. С 42-46.
8. Kubryakova E.S. // Discourse, speech, speech activity. Functional and structural aspects: [sb. reviews]. М., 2000.С. 7-25.
9. Mironova N.N. Evaluation discourse: problems of semantic analysis // Izvestiya AN. A series of literature and language. М., 1997. Т. 56. No. 4. S. 52-59.
10. "Science First Hand", volume 4, no. 89, 2021.
11. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language / ed. M.N. Kozhina. 2nd ed., Stereotype. М.: Flint; Nauka, 2011.696 p.
12. "Chemistry and Life", No. 4, 2019.
13. Chernyavskaya V.E. Interpretation of a scientific text: textbook. allowance. Ed. 4th. Moscow: LKI Publishing House, 2007.128 p.
14. Chernyavskaya V.E. Scientific discourse. Presentation of the result as a communication and language problem. Moscow: Lenand, 2014.144 p.
15. Halliday M.A.K. Language, Context, And Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective / M.A.K. Halliday and Ruqaiya Hasan. Oxford etc. : Oxford university press, 1991 126с.
16. URL: <https://www.instagram.com/p/CNmPeGrIuQO/> (date of access 04/18/2021).
17. URL: <https://www.instagram.com/p/CNfcT04hZzI/> (date of access 04/18/2021).

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
Магистрант 3 курса
направления «СМИ и интернет»
Якимова И.В.
Россия, г. Воронеж
тел. +7(920) 221 27 88
e-mail: irina.yakimova1805@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
Master of the 3rd-year
(qualification «Journalism»)
Yakimova I.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(920) 221 27 88
e-mail: irina.yakimova1805@gmail.com*

И.В. Якимова

ВНЕДРЕНИЕ ДРАМАТУРГИИ В СТОРИС ИНСТАГРАМ

В статье описан опыт внедрения драматургии в сторис Инстаграм на примере анализа публикации консультанта по сторис *viola.instalova*. Публикация рассмотрена по аналогии с общими правилами развития драматических историй. Оценивается роль сопровождения в виде фотографий исходя из особенностей специфики публикаций в Инстаграм.

Ключевые слова: Инстаграм, социальная сеть, публикации, продвижение, сторис, сторителлинг, драма, драматургия, акты драматической истории.

I.V. Yakimova

IMPLEMENTING DRAMA IN INSTAGRAM STORIES

The article describes the experience of introducing drama into Instagram stories using the example of analyzing the publication of the *viola.instalova* story consultant. The publication is considered by analogy with the general rules for the development of dramatic stories. The role of accompaniment in the form of photographs is assessed based on the specifics of the specificity of publications on Instagram.

Keywords: Instagram, social network, publications, promotion, story, storytelling, drama, drama, acts of dramatic history.

Сторителлинг – это искусство рассказывать истории. В большинстве случаев сторис в Инстаграм – это рассказы о проживании и накоплении своего опыта путем добавления текста среднего или малого объема с обязательным компонентом – фотографией. Не секрет, что любая история должна быть грамотно выстроена, кто-то нацелен на комический стиль, кто-то на драматический, иной пользователь, как это популярно в Инстаграм, разбавляет повествование легким, мотивирующим взглядом на жизнь. Инстаграм не исключение, а наоборот «локомотив» в этом направлении, ведь сухие рассказы или факты плохо привлекают пользователей на данном ресурсе, здесь нужна динамика, пусть и в драматичном ключе. Возможно даже, что направление драматургии – это ниша в Инстаграм, которая на данном этапе плохо занята с точки зрения эффективности продвижения.

В данной статье под прицел анализа и рекомендаций в контексте наличия/добавления в сторис драматургии попала страница пользователя *viola.instalova*. Девушка позиционирует себя как консультанта по stories. Девушка представляет разножанровые, используя как шуточные обороты, так и поэтические. Рассмотрим и драматургию [1], проанализировав одну из недавних публикаций: *viola.instalova* использует правила драматургии, которым уже несколько тысяч лет, а именно три основных этапа действия – завязка, кульминация, развязка (рис. 1).



Рисунок 1. Пример развития драматической истории

Залог хорошей драматической сторис Инстаграм – это предыстория, завязка, развитие, кульминация и развязка. Предыстория (экспозиция) – обозначает место действия, сведения о герое. Она не обязательно должна быть вначале. Завязка – событие, с которого начинает разворачиваться конфликт героя. Сильная завязка держит зрителя до конца истории, формируя любопытство. Развитие (сюжет) – зрителю постоянно задаются вопросы, он ищет ответы, ему задают новые вопросы. Кульминация (вершина) – наивысшая точка напряжения в развитии. Развязка – исход события [1].

Можно усомниться, что всё это получится вместить в такой формат как сторис Инстаграм, где размер видео всего 15 секунд, можно использовать лишь несколько фото в одной публикации или текст не более одной печатной страницы. Но всегда в таких случаях можно вспомнить историю из жизни Э. Хемингуэя, который спорил, что сможет написать самый короткий рассказ, способный расстрогать любого: «Продаю: детские ботиночки, ни разу не ношенные» («For sale: Baby shoes, never worn»). Эта история цепляет и вызывает эмоции. После такой истории люди будут вас слушать.

Так и в Инстаграм емкость, яркость поданной драматической эмоции в сторис залог успеха, автор стремится быстро ввести в курс дела, поставив читателя перед фактом или дилеммой.

Рассмотрим недавнюю публикацию viola.instalova по ссылке <https://www.instagram.com/p/CRIVTGFFBmW/>, в которой она учит вкладывать драматургию в сторисы пользователей [2].

Ниже приведем модель, по которой каждый может развивать свои сторис.

Завязка драматической истории: «Я дала себе разрешение писать то, что откликается в данный момент. Может именно это ключ к воплощенности? Давайте поразмыслием». Виола подводит нас к тому, что большинство наших неудач кроется в наших сомнениях, попытках быть не тем, кем мы являемся.

Далее идет нарастание: «На картинке в карусели 4 сообщения с ответом на один вопрос: «Что вас тормозит в развитии на данный момент? Это 4 разных человека, но заметьте, пишут они об одном и том же, не так ли? И это не просто сообщения. Это крик о помощи» (рис.2).

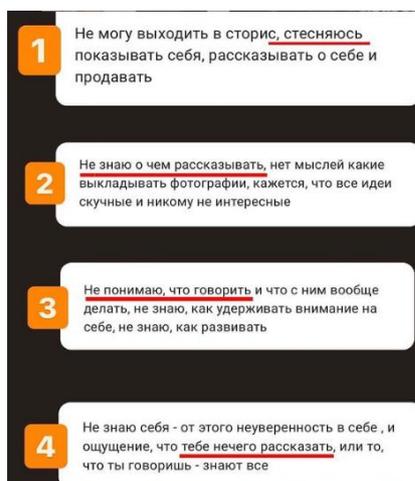


Рисунок 2. Варианты вопросов в анализируемой публикации viola.instalova

Виола передает опыт разных людей, которые ещё не до конца поняли, что их восприятие жизни зависит от их мироощущения. Не каждый должен вести «глянцевый» профиль и сторис из дорогих курортов, это самый легкий путь, который находится на поверхности. Мы можем наблюдать опыт многих писателей, которые, например, воспевали окружающую природу, раскрывали философию нашего быта и т.д.

Автор приводит сюжетный поворот в виде намека на собственное развитие в упомянутом контексте: *«Если бы мне пришлось решать эти проблемы из старого сценария, то я предложила бы разобраться в теме «Инфоповодов», научиться «создавать истории из любого события дня». И это помогло бы. До тех пор, пока эти же самые люди не написали бы мне те же самые слова: «не могу, не знаю, стесняюсь, кажется, что...»»*

Заключение истории это возвращение к фабуле, где описано, что каждый пытается пойти легким путём, используя опыт другого человека, но не переживая его внутренне: *«Не разрешения ли вы ищите, когда хотите что-то сказать, а вам будто «ничего»... Именно разрешения! А иначе какая проблема просто взять и говорить то, что хочется.»*

Как обобщающий контекст в данной публикации отметим заглавную фотографию, поскольку в Инстаграм, в отличие от других ресурсов, фотография является неотъемлемой частью драматических переживаний автора (рис.3).



Рисунок 3. Заглавная фотография в анализируемой публикации viola.instalova

Ещё перед прочтением автор намекает, что весь «космос» в «твоих руках» (звезды на темном фоне рук).

Публикацию описанного типа можно легко преобразовать в Stories Highlights, под шапкой профиля, поскольку описанная проблема одна из ключевых тем для подписчиков viola.instalova.

Драматургия – достаточно новое понятие в блогинге, подразумевающее раскрытие блогера как персонажа путем демонстрации его эмоций, которые объясняют те или иные поступки. Сначала надо определить, о чём хотите рассказать, для чего это делаете и что будет главной интригой. Главной целью могут быть продажи продукта или услуги или вовлечение аудитории в аккаунт. Дальше stories разбивается на основные части: экспозиция, интрига, усиление интриги, кульминация, спад, конец. Часто автор блога – главный герой в собственных сториз, а в любом контенте должна быть своя драматургия. Драматургия в Инстаграм – это о том, как показать свою реальность.

Библиографический список

1. Сторителлинг для Stories [Электронный ресурс] URL: <https://blog.life2film.com/school/3-storytelling/> (Дата обращения: 29.08.2021).
2. Instagram: официальный сайт / viola.instalova [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/viola.instalova/?hl=ru> (Дата обращения: 29.08.2021).
3. Instagram: официальный сайт / viola.instalova [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/p/CRIVTGFFBmW/> (Дата обращения: 30.08.2021).

References

1. Storytelling for Stories [Electronic resource] URL: <https://blog.life2film.com/school/3-storytelling/> / (Accessed: 08/29/2021).
2. Instagram: official website / viola.instalova [Electronic resource] URL: <https://www.instagram.com/viola.instalova/?hl=ru> (Accessed: 08/29/2021).
3. Instagram: official website / viola.instalova [Electronic resource] URL: <https://www.instagram.com/p/CRIVTGFFBmW/> / (Accessed: 30.08.2021).

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
Студент 4 курса
направления «журналистика»
Вохминцева А.В.
Россия, г. Воронеж
тел. +7(952)104-85-09
e-mail: v.alya140177@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
Student of the 3rd-year
(qualification «Journalism»)
Vokhmintseva A.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7(952)104-85-09
e-mail: v.alya140177@gmail.com*

А.В.Вохминцева

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ ПЕЧАТНЫХ СМИ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ВЕСТИ ПРИДОНЬЯ»)

В статье представлено описание и сравнение политических статей, рассказывающих о кандидатах в депутаты в период избирательной кампании. Обозначены основные функции визуального контента. Проанализированы невербальные средства, используемые СМИ. Рассмотрено психологическое влияние цвета, шрифта, размера изображения на потенциальных избирателей.

Ключевые слова: визуальный контент, избирательная кампания, кандидат, потенциальный избиратель, издание, статья, изображение, шрифт.

A.V. Vokhmintseva

VISUAL CONTENT OF PRINT MEDIA DURING THE ELECTION CAMPAIGN (ON THE EXAMPLE OF THE DISTRICT NEWSPAPER "VESTI PRIDONYA")

The article provides a description and comparison of political articles telling about candidates for deputy during the election campaign. The main functions of the visual content are outlined. The non-verbal means used by the media are analyzed. The psychological influence of color, font, image size on potential voters is considered.

Key words: visual content, election campaign, candidate, potential voter, publication, article, image, font.

Для современного человека качественная информация на повестке дня является одной из главных духовных ценностей, а её создание и распространение – функция средств массовой информации, среди которых одним из самых ранних видов является печатная периодическая пресса.

Для людей разного возраста газеты и журналы служат источником новых знаний, расширяют кругозор, ведь большинство изданий предлагает познавательные статьи на разные темы, которые можно прочесть, не отвлекаясь на всплывающую рекламу, уведомления и так далее. Помимо этого, газеты влияют на формирование социальных и нравственных идеалов человека, а также помогают разнообразить свой досуг с помощью кроссвордов, ребусов.

Периодическая печать освещает разные сферы жизни общества: социальную, духовную, экономическую, в том числе и политическую. Так, печатные периодические издания публикуют нормативные акты; информационные сообщения о проведении публичных слушаний; комментарии политических деятелей по какой-либо ситуации, волнующей граждан. Помимо этого, издательства предоставляют услуги информирования, а также печатные площадки для предвыборной агитации в ходе избирательной кампании.

Избирательная кампания – это, согласно политологическому словарю-справочнику, «...совокупность установленных законодательством избирательных процедур и действий, обеспечивающих функционирование избирательного процесса. Стадия агитационной (предвыборной) кампании характеризуется использованием СМИ, рекламы, наглядной агитации, привлечением экспертов-специалистов, непосредственными встречами кандидатов или представителей партий с избирателями с целью оказания влияния на электоральные предпочтения граждан...» [1].

Визуальный контент — это графическая информация, сопровождающая текст: рисунки, фотографии, схемы, диаграммы, логотипы, видеоролики и так далее.

Качественные визуальные эффекты способствуют хорошему уровню маркетинга. Визуальные эффекты важны потому, что люди запоминают визуальную информацию лучше, чем текст. Согласно исследованиям, если человек просто слышит информацию, то через три дня обычно может вспомнить только 10%. Однако, если добавить визуальное сопровождение, то за этот же период запоминаемость возрастает до 65% [2].

Использование визуального контента на страницах печатных периодических изданий оказывает большое влияние на аудиторию, помогает привлечь и удержать внимание читателя, наглядно представить информацию, ориентироваться в содержании выпуска.

По мнению российского политолога, психолога Е.В. Егоровой-Гантман, на восприятие образа влияет целый ряд факторов, начиная от пространственного расположения образа и заканчивая цветом [3, с. 104].

Одним из этих факторов является выбор шрифта. Большой по размеру шрифт привлекает больше внимание и создает впечатление, что ваше сообщение делается скорее громким голосом, нежели шепотом. Есть определенные законы восприятия слов: слова, написанные строчными буквами, прочитываются легче, чем слова, состоящие из заглавных букв. Необходимо помнить при выборе шрифтов для политической статьи, что главное внимание должно быть приковано к сообщению, а не к буквам замысловатой формы.

Слова в предложении не должны быть очень длинными. Идеальная длина слова — это три слога. При такой длине взглядом легко охватывается все слово полностью, и это облегчает запоминание [3, с. 110-111].

Выбор цвета также важен в визуальном восприятии статьи. При его выборе необходимо руководствоваться следующими критериями: цвет должен привлекать внимание, способствовать возникновению интереса, усиливать запоминание визуального образа в политической статье и, наконец, он должен совпадать по своему значению с идеей статьи. Помимо идеологических, существуют психологические стереотипы восприятия цвета. Существует символизм цветов, который способствует развитию нашего воображения и создает настроение. По мнению Н.В. Серова, «символика цвета опирается на объективные особенности психики, на всевозможные ассоциации, нередко довольно простые: зеленое — весна, пробуждение, надежда; синее — небо, чистота; желтое — солнце и жизнь; красное — огонь и кровь; черное — темнота, страх, неясность, смерть. Такая мотивировка имеет в своей основе обыденный опыт, который дополняется мифологическими, религиозными и эстетическими воззрениями» [3, с. 115, 116].

Рассмотрим, как визуальная информация в печатной периодической газете «Вести Придонья» влияет на потенциального избирателя. Для этого обратимся к следующим выпускам Павловской районной газеты «Вести Придонья»: №58 (3036) от 18 августа 2020 года; №61 (3039) от 28 августа 2020 года; №64 (3042) от 8 сентября 2020 года [4][5][6].

Сравним визуальный контент двух статей, вышедших в августе 2020 года и рассказывающих о кандидатах, баллотирующихся на пост депутата Воронежской областной думы VII созыва. На первый взгляд, оба материала очень похожи: фотография кандидата вверху страницы и большое обилие текста. Рассмотрим подробнее.

Большинство людей, открывая газету, сначала останавливают свой взгляд на иллюстрации и только после её изучения ищут заголовок, переходя к прочтению текста. Таким образом, иллюстрация является первичной для восприятия информации.

Среди всех видов изображений наиболее распространённым являются фотографии, поскольку они вызывают у читателя больше доверия. Самым эффективным считается изображение человеческого лица. Рассматривая фотографию, потенциальный избиратель «знакомится» с кандидатом. Взгляд, мимика и выражения лица на фото помогают читателю составить в голове некий образ кандидата: положительный или отрицательный.

Рассмотрим фотографии кандидатов в исследуемых выпусках газеты «Вести Придонья». Оба они одеты в классическом стиле: белая рубашка, галстук и пиджак. Это характеризует их как солидных людей, готовых к работе.

Выражение лица кандидата Артема Зубкова спокойное, уверенное. Уголки губ едва приподняты — это говорит о проявлении скромной улыбки. Однако его глаза остаются серьезными. У читателя

может сложиться впечатление, что кандидат в депутаты Воронежской областной думы «смотрит» на него с усмешкой. Это вызовет негативную оценку потенциального избирателя.

Выражение лица кандидата Владимира Скрынникова спокойное. Уголки его губ приподняты, а глаза блестят. Это говорит о том, что он искренне улыбается, сохраняя при этом серьезность. Подобное выражение лица положительно влияет на образ, который составят о данном кандидате читатели.

Сравним размер фотографий. Изображение Артема Зубкова имеет параметры 13x8, что почти в три раза превышает размер 5x6, используемый при изображении Владимира Скрынникова. Большая фотография смотрится выгоднее и сразу бросается в глаза. Маленькая же теряется на фоне текста.

Существенную роль в восприятии целостного визуального образа в политической статье играет фон, на котором располагается изображение или текст. Яркие цвета фона не позволяют человеческому глазу эффективно и без напряжения выделить фигуру, будь то рисунок или текст [3, с.109]. Обе исследуемые статьи имеют белый фон, который привлекает потенциального избирателя к информации, так как этот цвет облегчает работу глаза и позволяет оценить размер визуальных элементов, а также удерживает внимание более продолжительное время.

Фотография кандидата Владимира Скрынникова размещена на светло-сером фоне, рядом с краткой биографией, а изображение кандидата Артема Зубкова расположено на белом. Здесь, как и в ситуации с фоном текста, – белый цвет более выигрышный. Однако на самих фото первый кандидат запечатлен на белом фоне, а у второго – он имеет разные цвета. Однако так как Артем Зубков на фотографии запечатлен «в фокусе», а задний план размыт – взгляд читателя не теряется.

Выбор шрифта также важен при визуальном восприятии статьи. Читатель легче всего воспринимает тот шрифт, который он привык видеть часто в своей повседневной жизни. Поэтому в политической статье не стоит злоупотреблять курсивом или жирным шрифтом [3, с. 110]. Последнее допускается в целях выделения ключевых слов, чтобы читатель понимал общий смысл последующего текста, также жирный шрифт применяется в заголовках статьи. Рассмотрим, какой шрифт используется в статьях, посвященных избирательной кампании, исследуемой нами газеты «Вести Придонья».

В выпуске №61 (3039) от 28 августа 2020 года не используется курсив [5]. Жирным шрифтом выделен лид (подобное выделение абзаца, размещенного сразу после заголовка, встречается очень часто и является нормой), а также подзаголовки, которые обобщают информацию, следующую после них. Например, после выделенного жирным заголовка «Мусорная проблема», следует рассуждение кандидата о данной проблеме, а также способ её решения, который он готов воплотить, став депутатом. Помимо этого, жирным шрифтом выделен заголовок с именем кандидата. Жирным и увеличенным выделен лозунг: «Только одна партия за народ – КПРФ». Подобное выделение лозунга можно назвать «кричащим». Это имеет психологическое влияние, ведь потенциальный избиратель хочет, чтобы депутаты действовали в интересах граждан. А такие громкие слова звучат многообещающе и привлекают к прочтению всей статьи, в которой читатель узнает, что же обещает изменить/сделать конкретный кандидат.

В выпуске №58 (3036) от 18 августа 2020 года несколько другое использование шрифтов [4]. Жирным выделен лид, заголовок с именем кандидата и его девизом: «Сделаем власть доступнее и ближе к людям». Также жирным и увеличенным шрифтом выделены обобщающие заголовки. Большой по размеру шрифт привлекает больше внимания со стороны читателя. Поэтому есть вероятность, что потенциальный избиратель «пробежится взглядом» лишь по заголовкам и не станет углубляться в смысл текста. Стоит обратить внимание на то, что материал содержит пять абзацев, выделенных жирным шрифтом и курсивом. Шрифт обеих статей «повседневный».

Отметим, что ширина столбца выпуска №61 составляет 5 сантиметров, а ширина столбцов выпуска №58 – 6 сантиметров. Во втором случае текст является более приятным для прочтения. В первом же случае, у читателя может сложиться впечатление, что текста «слишком много» и это может стать причиной нежелания читать материал до конца.

Еще одним важным фактором воздействия на читателя является умелое использование психологии восприятия цвета. В политической статье цвет привлекает внимание к образу за счет более сильной стимуляции зрительного нерва по принципу контраста. Он особенно важен для привлечения внимания к определенным частям рекламы, к отдельным словам. Психологами выявлено, что контрастные цвета привлекают внимание, а гармоничные вызывают интерес [3, с.113].

В обоих исследуемых материалах заголовки выделены красным цветом. Он символизирует жизнь, действия, активность, стремительность, агрессивность и экспансию в пространстве. Красный

напоминает нам огонь. Этот цвет побуждает читателя к действию. Не случайно большевики избрали для себя красное знамя при наличии целей возбуждения больших масс народа и побуждения их к агрессивным действиям [3, с.116].

Итак, каждая из исследуемых нами статей имеет свои плюсы и минусы в оформлении. Но в целом, визуальный контент обоих материалов оказывает значительное влияние на потенциального избирателя.

Обратимся к выпуску №64 (3042) от 8 сентября 2020 года [6]. Здесь, в отличие от ранее рассмотренных нами материалов, упор явно сделан на визуальный акцент.

Перелистывая очередную страницу газеты, читатель останавливает свой взгляд на двух изображениях, занимающих большую площадь страницы и имеющих яркий синий фон. Минимум текста и максимум изображений – хороший психологический прием воздействия на потенциального избирателя. Разберёмся подробнее.

Текст, расположенный на странице, напечатан «повседневным» шрифтом, не содержит курсива. Жирным выделен не только лид, но и главное обещание, а также аббревиатура названия партии. Однако текст теряется на фоне больших иллюстраций.

Оба перекликающихся между собой изображения имеют размер 26x12. На иллюстрации, расположенной сверху страницы, изображён В.В. Жириновский – основатель и руководитель партии ЛДПР, обращение к образу которого в данном случае является «ссылкой на авторитет». Люди, разделяющие его политические взгляды, отдадут предпочтение кандидату от партии, в которой Владимир Жириновский является лидером.

На фото у В.В. Жириновского серьёзный, полный решимости взгляд; рука сжата в кулак. Это говорит о его уверенности в себе, о твёрдых намерениях развернуть власть к народу.

Кандидат в депутаты Воронежской областной Думы VII созыва от партии ЛДПР представлен на фото ниже. По выражению лица П.А. Кициёва понятно, что он спокоен. В его взгляде нет напряжения. Он не пытается создать иллюзию улыбки. На нём нет галстука и расстёгнута верхняя пуговица рубашки. Таким образом, он демонстрирует свою открытость.

Примечательно, что фотография В.В. Жириновского расположена справа, а взгляд его направлен вниз страницы, где размещена фотография кандидата от партии ЛДПР. Складывается впечатление, что он смотрит на молодого кандидата, «показывая» своим единомышленникам, за кого нужно отдать голос на выборах.

Подобные изображения хороши для тех, кто не вчитывается в тексты, а просто пролистывает газету. На обеих иллюстрациях отмечены все основные моменты: дата голосования; название партии; её лидер и лозунг – в первом случае. Во втором: имя кандидата; его фото; дата и повод голосования; партия, от которой баллотируется кандидат; а также призыв к голосованию. Минимально, информативно, просто и ярко – всё, что нужно для читателя.

В иллюстрациях преобладает синий цвет. Насыщенный синий цвет – это символ истины, истинной веры, истиной правды, которую, в данном случае, несет людям партия ЛДПР [3, с. 116]. Название партии выделено желтым цветом, который психологи называют цветом оптимизма. Таким образом, можно сделать вывод о том, что психологические приёмы, использованные при составлении данных иллюстраций, подобраны верно и способны оказать влияние на выбор потенциальных избирателей.

С помощью анализа материалов, посвящённых избирательной кампании в 2020 году, мы установили, что визуальный контент оказывает сильное влияние на реципиента. Он привлекает внимание читателя к последующему материалу. На психологическом уровне цвет, шрифт, фон, расположение визуального контента оказывает подсознательное положительное или отрицательное отношение читателя к информации.

Публикация правильного визуального контента в период избирательной кампании располагает потенциальных избирателей к кандидату. Если рядом с текстом будет размещена фотография избираемого, где он без галстука, искренне улыбается, находится среди избирателей или в домашней обстановке, у читателя (который и является потенциальным избирателем) сложится мнение, что избираемый такой же простой человек, как и все. Соответственно, доверия к такому кандидату будет больше, чем к тому, который изображён на фото в офисе за столом с нейтральным выражением лица, не демонстрирующем никаких эмоций.

Поколение XXI века живет в бешеном ритме. Люди постоянно куда-то спешат, все делают быстро, у них нет времени остановиться и прочесть какой-либо текст, в связи с чем активное исполь-

зование визуального контента – это современный прием привлечения и удержания внимания, так как мозг обрабатывает визуальную информацию в 60 000 раз быстрее, чем текст. Если интересная картинка привлечёт внимание и заинтересует, то потенциальный читатель с большей вероятностью прочтёт последующий текст.

Библиографический список

1. Политологический словарь-справочник. Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/справочники/политологический-словарь-справочник/избирательная-кампания> (дата обращения - 15.04.2021).
2. Brain rule rundown. Режим доступа: <http://brainrules.net/vision/> (дата обращения – 15.04.2021).
3. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. С.104, с.109-111, с.113, с.115-116.
4. Выпуск Павловской районной газеты «Вести Придонья» №58 (3036) от 18 августа 2020 года.
5. Выпуск Павловской районной газеты «Вести Придонья» №61 (3039) от 28 августа 2020 года.
6. Выпуск Павловской районной газеты «Вести Придонья» №64 (3042) от 8 сентября 2020 года.

References

1. Political Science dictionary-reference. Access mode: <http://www.вокабула.рф/reference-books/political-science-dictionary-reference-book/election-campaign> (accessed 15.04.2021).
2. Brain rule rundown. Mode of access: <http://brainrules.net/vision/> (date of circulation 15.04.2021).
3. Egorova-Gantman, E., K. Pleshakov Political advertising. P. 104, p. 109-111, p. 113, pp. 115-116.
4. Pavlovskaya edition of the regional newspaper "Vesti Pridonya" No. 58 (3036) August 18, 2020.
5. Issue of the Pavlovskaya district newspaper "Vesti Pridonya" No. 61 (3039) dated August 28, 2020.
6. Issue of the Pavlovskaya district newspaper "Vesti Pridonya" No. 64 (3042) dated September 8, 2020.

УДК 82.09

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
студент
Куралесов К.М.
Россия, г. Елец,
e-mail: k-kuralesov@inbox.ru
+79539682747*

*Yelets State University
named after I.A. Bunin
student
Kuralesov K.M.
Russia, Yelets,
e-mail: k-kuralesov@inbox.ru
+79539682747*

К.М. Куралесов

ФРАНЦ КАФКА: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ И ГЕРОЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Являются ли герои Франца Кафки проекцией личности самого писателя? Перекликается ли их история с историей прозаика? Такие вопросы рассматриваются в данной статье. Анализируя психологические особенности Франца Кафки на основе материалов дневников и писем, обращаясь к роману «Процесс» и повести «Преображение», автор пытается соотнести личностные характеристики писателя и героев художественных произведений. Статья может представлять интерес как для исследователя-филолога, так и для равнодушного читателя.

Ключевые слова: Кафка, личность, дневник, автобиографичность, писатель, герой, семья.

К.М. Kuralesov

FRANZ KAFKA: ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PERSONALITY OF A WRITER AND THE HERO OF A WORK OF ART

Are the characters of Franz Kafka a projection of the writer himself? Does their story echo that of the novelist? Such questions are discussed in this article. Analyzing the psychological characteristics of Franz Kafka with the help of his diaries and letters, referring to the novel "The Process" and the story "Transformation", the author correlates the personality of the writer and the characters of the works of art. The article may be of interest to both a scholar in the field of philology and a person who is not indifferent to literature.

Keywords: Kafka, personality, diary, autobiography, writer, hero, family.

Что такое художественное произведение? Это способ обратить внимание читателя на определенные проблемы: социальной справедливости, смысла жизни, дружбы и предательства, духовности в искусстве и другие, не менее важные для человека и общества вопросы. Однако художественное произведение может исполнять роль дневника, то есть являться отражением личных страхов, переживаний писателя. В мировой литературе существует немало примеров, но мы рассмотрим только один – личность немецкого прозаика XX века Франца Кафки.

Франц Кафка – одна из ключевых фигур прошлого столетия. Сюрреализм и абсурд, пожалуй, самые подходящие термины, характеризующие его творчество. Писатель прожил короткую и однообразную жизнь, лишённую счастья, радости, любви. Спасал его только дневник: «Сейчас, как уже сегодня пополудни, я испытываю горячее желание изгнать себя при помощи письма состояние страха и, поскольку страх этот исходит из глубины меня самого, вогнать его в глубину бумаги или описать его таким образом, чтобы я мог полностью ассимилировать это описание с самим собой», – пишет он в дневнике. А затем добавляет: «Речь здесь не идет о художественном желании» [1; с.60].

Стоит сказать, что фамилия «Кафка» в переводе с чешского языка означает «галка». Возможно, именно поэтому Кафка и ненавидел оба «к» в своей фамилии, так как идентифицировал себя с образом черной птицы, издающей неприятный звук. А художественные произведения стали для него методом выразить эту злость, неприязнь не только к миру, но и к себе. Ведь герои Кафки – это проекция

самого писателя.

Как мы знаем, Франц ощущал себя лишним в семье. Он не получил должного воспитания, которое заслуживает каждый ребенок. Вследствие этого в нем росло чувство одиночества, усиливающегося с каждым годом. И воплощением этой мысли о том, что он, Франц Кафка, был лишним, стала повесть «Превращение». Произведение получило свою известность во многом благодаря его автобиографичности, так как прообразом главного героя стал сам Кафка.

«Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое» [3; с.3], – так начинается история, воплотившая идею «лишнего» человека. Грегор Замза – это скромный служащий, вынужденный заниматься нелюбимым занятием, чтобы отдать долги отца и обеспечить семье достойную жизнь. Однажды утром он просыпается в теле гигантского жука. Несмотря на ужасное происшествие, главное, что пугает Грегора, – это его неспособность обеспечивать родителей и сестру. И даже превратившись в мерзкое насекомое, он продолжает любить их и прощает их черствость. Так, отец, узнав, что его сын не явился на работу, встревожился лишь из-за возможного увольнения Грегора, а не из-за его самочувствия. Для родных герой стал обузой. После осознания своей ненужности он изнурил себя голодом и умер от истощения. Семья же выбросила тело Грегора на улицу, для них эта смерть – облегчение, а не трагедия.

Читая повесть, нельзя не сопоставить главного героя с автором, судьба которого была весьма трагична. Кафку с детства отличали его чувствительность и интеллигентность, но авторитарный отец пытался подавить эти качества в сыне. Помочь Францу никто не мог, так как мать и другие члены семьи боялись противостоять главе семейства. Так, Кафка вырос и осознал, что хочет стать писателем, но под давлением семьи вынужден был трудиться чиновником в страховом агентстве. Со временем он стал замечать, что его жертвенность воспринимается как должное, а сам он интересовал родных только как источник дохода, а не как человек – с его мыслями, чувствами, переживаниями. Таким образом, положение Франца идентично положению Грегора. Они оба не отстаивали собственные интересы, а лишь стремились угодить родным.

Анализируя личность Грегора Замзы, выстраивая соотношение его чувств и переживаний с состоянием писателя, необходимо сказать о том, что Кафка из-за постоянной злости отца, из-за перманентной агрессивности потерял всякое доверие к себе, он чувствовал себя виноватым, утратил способность свободно говорить: «...Ты очень рано запретил мне слово, Твоя угроза: «Не возражать!» – и поднятая при этом рука сопровождает меня с незапамятных времен...», – негодует писатель в «Письме отцу» [2]. Поднятую же руку отца мы видим и в «Превращении». Так, после того как Грегор случайно испугал мать и вылез из комнаты, вернулся отец и, разозлившись, начал «швырять яблоко одно за другим».

Заканчивая проводить сравнение главного героя с Францем Кафкой, следует ответить на вопросы: «Почему произошло превращение и кто виноват в гибели Грегора?» Автор не дает прямого ответа, но, по нашему мнению, причина превращения Грегора кроится в утрате его индивидуальности и в неспособности изменить свою жизнь. Ведь, даже превратившись в жука, герой не ищет для себя лучшего варианта. Он думает лишь о благополучии родных, эгоизм которых, на первый взгляд, и кажется причиной его смерти. Однако если подойти к проблеме с другой стороны, то можно понять, что во многом сам Грегор виноват в своей гибели. Он избегал конфликтов, не отстаивал свою точку зрения. Так, пользуясь его слабостью, окружающие в лице семьи и начальника манипулировали им. Таким образом, превращение Грегора Замзы в насекомое стало его наказанием, а смерть – спасением. Это наказание он получил за неуважение к себе, смерть же облегчила его страдания.

Хотелось бы обратить внимание на следующее: Кафка во многих местах «Дневника» и «Письмах отцу» проводит мысль о том, что при другом отце он, несомненно, не отличался бы от того, каким он стал в действительности. Нельзя обойти и тот факт, что на первых страницах «Дневника» Кафка обвиняет самых разных лиц в том, что они, якобы, оказали негативное влияние на его воспитание, – своих отца и мать, нескольких родственников, нескольких посетителей их дома, разных писателей, школьного инспектора, прохожих, которые шли недостаточно быстро. В перечислении узнаваемы многие реальные лица, но нагромождение виновных делает обвинение смехотворным, выявляющим, скорее, нервическую природу Кафки и обостренное чувство несамостоятельности, болезненной инфантильности, следствием чего становится детское желание «найти виноватого», переложить ответственность за любой, не одобряемый «миром взрослых» поступок или проступок на кого угодно, лишь бы избавиться от пристального внимания, которого, с другой стороны, так не хватает.

Перекалывание ответственности на других, поиск тех, кто, по мнению писателя, сделал его несчастным, – все это нашло воплощение в романе «Процесс». Произведение – сосуд, который прозаик наполнил своими душевными переживаниями.

«Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест» [4; с.3], – так начинается знакомство главного героя с читателем. Стоит заметить, что Кафка отступает от канонов: как в «Превращении», так и в «Процессе» писатель сразу погружает нас в повествование. По традиции произведение начинается с предисловия, то есть с представления героя, с рассказа о его образе жизни, после чего наступает переломный момент. Кафка же поступает иначе: первым же предложением заявляет о проблеме, а во фразе «кто-то оклеветал» прослеживается связь между вступлением «Процесса» и заметками в «Дневнике».

Йозеф К. – прокурор, который в семье не имеет поддержки: с матерью не имеет духовной близости, а отца его нет в живых. Он регулярно переписывается со своей двоюродной сестрой, также у него есть дядя в деревне, который и пытается помочь герою устроить судебные дела. Йозеф К. нередко проводит время с любовницей Эльзой, приветлив с соседями и хозяйкой, а в остальном все его контакты ограничиваются служебными коммуникациями. Следует отметить его педантичность, пунктуальность, образованность и в то же время мнительность, робость и замкнутость.

В течение всего процесса герою никто не может помочь, никто не может ответить на вопрос, в чем он виновен. Скажем, что существенной была бы возможность получить помощь женщины, так как они имеют тесные связи с судьями, которые облегчают положение. Но Йозеф К. не получает поддержки. Он целует фрейлейн Бюрстнер в шею «у самого горла», но в его желании больше ненависти, чем любви. Жена судебного исполнителя, которую герой встречает в зале ожидания, томится от сексуального желания, но, как только появляется ее любовник студент Бертольд, бросается в его объятия, оставляя Йозефа К. в одиночестве. Таким образом, у главного героя, как и у Кафки, мало надежд на помощь со стороны женщин.

Не помогает герою ни адвокат Гульд (который обещает ему воспользоваться всеми своими связями, чтобы вытащить его из процесса), ни художник Титорелли, располагающий лишь сомнительными уловками, ненадежными компромиссами, способными скорее камуфлировать процессы, чем их выигрывать. Оба они – шулеры, торговцы ложной мудростью [1].

Нельзя не упомянуть встречу Йозефа К. со священником, который рассказывает и комментирует ему притчу о привратнике, стоящем у врат Закона, и поселянине, желающем туда войти. Так, притча показывает главному герою, что сельский житель так до конца и остается чужд Закону, он тратит свою жизнь на просьбы и ожидания, доступ к истине по ту сторону двери для него закрыт, так как его парализует страх.

Сомнения, колебания, нерешимость – ключевые слова, характеризующие самого писателя, который с раннего возраста считал себя неким «преступником», поскольку его мироощущение выходило за рамки общепринятых – в том числе в семье. Сюжет же «Процесса» – поиск Йозефа К. ответа на вопрос: «В чем я виновен?». Поиск героя оказывается безрезультатным, и его «как собаку» убивают ножом в сердце. Йозеф К. умирает, как и сам Ф. Кафка – в полном одиночестве и в непонимании своего греха.

В чем вина Франца Кафки и в чем же вина главного героя? Мы считаем, что (несмотря на то что Ф. Кафка не получил должного воспитания) писатель еще в детстве внушил себе мысль, что он в чем-то виновен. Можно сказать, что эта «вина» не является ни правонарушением, которое должен был преследовать уголовный суд, ни отклонением в поведении, которое должно было бы осуждаться моралью: «вина» содержится в самом существовании, она словно тошнота, которая делает жизнь неопределенной, на пределе возможного.

Примечательно, что главного героя «Процесса» арестовывают в день его рождения. На наш взгляд, причина кроется в особенностях психологии автора, который обрек на такую участь не только себя, но и своего персонажа.

Нельзя не заметить и то, что герой лишен полного имени. Кафка этой деталью намекает на слабость, неуверенность, беспомощность Йозефа К., а значит, и самого себя. В подтверждение этого суждения обратим внимание на следующие строчки «Дневника»: «Центр всего моего несчастья в том, что я не могу писать, я не написал ни одной строчки, которую мог бы принять, наоборот, я вычеркнул все, что написал еще с Парижа – впрочем, это не Бог весть что. Все мое тело настораживает меня по

отношению к каждому слову...» [2; с.58]. Автор постоянно сомневается в своих действиях, и это колебание, эту нерешимость он вложил в центрального персонажа «Процесса».

В заключение хотелось бы сказать, что творчество Франца Кафки актуально и по сей день. По нашему мнению, в мироощущении молодежи наблюдаются интенции, близкие к состоянию автора. Так, юноши и девушки нередко обвиняют весь мир в их проблемах. Знакомство же с произведениями писателя может по-разному повлиять на людей. Одни найдут в лице Кафки союзника, товарища по несчастью, к которому, так же, как и к ним, несправедлив мир. Другие же решат, что перекладывать ответственность на окружающих далеко не самая лучшая затея. В любом случае мы призываем каждого человека взять в руки книги этого немецкого прозаика, следуя завету М.В. Ломоносова, который, по выражению А.С. Пушкина, «сам был первым нашим университетом»: «Учись, мой сын: наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни...». Возможно, опыт героев Ф. Кафки и самого писателя позволит современному человеку быстрее и легче разрешить какие-то психологические коллизии.

Библиографический список

1. Давид К. Франц Кафка / Пер. с фр. А. Д. Михилев. Харьков: Издательство «Фолио»; Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 1998. 384 с. (След в истории)
2. Франц Кафка Франц Кафка: Афоризмы. Дневники. Завещание. Москва: Издательство «Inspiria», 2021. 352 с.
3. Франц Кафка Превращение. Москва: Издательство «Эксмо», 2018. 256 с.
4. Франц Кафка Процесс. Москва: Издательство «Эксмо», 2021. 288 с.

References

1. David K. Franz Kafka / Translated from French by A. D. Mikhilev. Kharkiv: Publishing house "Folio"; Rostov n/A: Publishing House "Phoenix", 1998. 384 p. (Trace in history)
2. Franz Kafka Franz Kafka: Aphorisms. Diaries. The will. - Moscow: Inspiria Publishing House, 2021. 352 p.
3. Franz Kafka Transformation. Moscow: Publishing house "Eksmo", 2018. 256 p.
4. Franz Kafka Process. Moscow: Publishing House "Eksmo", 2021. 288 p.

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
магистрант направления
«СМИ и интернет»
Колесникова А.С.
Россия, Воронеж, 89527537573
e-mail:heilili@yandex.ru*

*Voronezh State
Technical University
Master's student of the direction
"Mass media and the Internet"
Kolesnikova A.S.
Russia, Voronezh, 89527537573
e-mail:heilili@yandex.ru*

*магистрант направления
«СМИ и интернет»
Боева Д.Г.
Россия, Воронеж, 89102492213
e-mail: darinaonly@mail.ru*

*master's student of the direction
"Mass media and the Internet"
Boeva D.G.
Russia, Voronezh, 89102492213
e-mail: darinaonly@mail.ru*

А.С. Колесникова, Д.Г. Боева

ЦЕННОСТНЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ОБЩЕСТВЕ, СВЯЗАННЫЕ С ВАКЦИНАЦИЕЙ: ВЗГЛЯД СМИ

Вакцинация – гениальное изобретение человечества, позволяющее предотвратить массовое заражение людей друг от друга, и, одновременно, причина целого ряда ценностных и мировоззренческих конфликтов. В данном исследовании представлена роль средств массовой информации в решении указанных проблем

A.S. Kolesnikova, D.G. Boeva

VALUE AND IDEOLOGICAL CONFLICTS IN SOCIETY RELATED TO VACCINATION: A MEDIA PERSPECTIVE

Vaccination is a brilliant invention of mankind, which makes it possible to prevent mass infection of people from each other, and, at the same time, the cause of a number of value and ideological conflicts. This study presents the role of mass media in solving these problems.

Об изобретенной в 1796 году Эдвардом Дженнером вакцине от оспы Королевское научное общество Великобритании узнало, когда медик подал научную статью с описанием эксперимента, продемонстрировавшим невосприимчивость организма человека к натуральной оспе после процедуры вакцинации. Однако работу Э. Дженнера отклонили, назвав ее антинаучной и недостоверной. Ученому пришлось за свои деньги публиковать статью, которая, вопреки ожиданиям научного сообщества, вызвала интерес у медиков за пределами Лондона. Следуя описанному в работе примеру, врачи вакцинировали детей и публиковали восторженные отзывы об изобретении Э. Дженнера [1].

Но стоит признать факт, что первая реакция на открытие вакцины была негативной. Представители британской науки, будучи членами буржуазной части общества, крайне скептически отнеслись к идее заражения организма болезнью, от которой страдает скот и простолюдины. Это стало первым в истории конфликтом, помешавшим публикации и распространению научной работы. Хотя, вероятно, причиной негативного отношения к изобретению вакцины была не только моральная сторона вопроса: во второй половине XIX века, проведя анализ над собранными статистическими данными периода испытаний первой в мире вакцины, британские и русские медики пришли к выводу, что положительные результаты после вакцинации не всегда были достоверными [2].

Британский врач и автор многих медицинских трудов, член Лондонского общества отмены обязательной вакцинации Чарльз Крейтон в 1889 году написал книгу «Дженнер и прививки. Странная глава ис-

тории медицины», в которой подверг критике Э. Дженнера не только как врача, но и как личность. Помимо этого, Ч. Крейтон изучил все доступные восторженные материалы о вакцинации с момента ее возникновения и был вынужден констатировать предвзятость проводящих эксперименты медиков. Например, он произвел разбор работы хирурга Манчестерского лазарета М. Уорда, опубликованной в 1799 году в журнале «Медицина и физиология», в которой автор описал свои испытания над четырнадцатью детьми. После введения вакцины через несколько недель им проводилась контрольная вариоляция (привитие легкой формы натуральной оспы). Из 14 детей только один оказался устойчив перед болезнью после введения вакцины. На остальных вакцинация не произвела ожидаемого эффекта. Часть детей оказалась не восприимчива ни к коровьей, ни к натуральной оспе, а часть заразилась натуральной оспой.

Тем не менее, М. Уорд опубликовал результаты проведенного эксперимента и поздравил человечество с победой над натуральной оспой. Ч. Крейтон в своей книге выразил непонимание, ведь результаты явно свидетельствовали о полном провале исследования [1].

Данный эпизод демонстрирует предвзятость обоих медиков в своих работах. Как Манчестерский хирург искренне верил в успех своего эксперимента, не желая видеть неудачи в ходе эксперимента, так и Ч. Крейтон, будучи ярким представителем движения антипрививочников, не желал замечать, что, по крайней мере, одна цель была достигнута – ни один из участников эксперимента не погиб, даже заразившись натуральной оспой. Таким образом, оба медика своими публикациями, занимающие твердые позиции «за» и «против» вакцины, иллюстрируют конфликт мнений, который после передается их читателям.

Созданная Э. Дженнером вакцина являлась гуманизированной – это была лимфа зараженного коровьей оспой человека. Впоследствии с поиском этого материала начались проблемы, так как для взятия лимфы для вакцины требовалось находить зараженного коровьей оспой человека, болезнь которого находилась на определенной стадии, что получалось далеко не всегда. Таким образом, было решено использовать лимфу непосредственно зараженного животного: коровы или телят. И это стало огромной ошибкой, так как вакцина, в составе которой был материал, добытый из организма животного и не прошедший никакой стерилизации, передавала организму человека все сопутствующие заболевания этого животного, например, сифилис или проказу [3]. Эти публикации вызвали негативную реакцию у той части населения, которым они стали известны. В основном это были грамотные люди, то есть зажиточная часть населения и их слуги. Крестьяне, не умеющие читать и писать, но являющиеся глубоко религиозными людьми, любые прививки воспринимали как нечто греховное, противоречащее Божьим законам.

Для спасения вакцинации требовались срочные научные открытия. В начале XX века ученые в исследовательских целях научились культивировать вирусы в растениях и животных, а уже в 1906 году американский биолог и врач Р. Гаррисон в журнале «Журнал экспериментальной зоологии» заявил об изобретении способа выращивания вируса непосредственно в человеческой лимфе, который впоследствии взяли за основу вирусологи Советского Союза, изобретая собственную вакцину от оспы, отличающуюся безопасностью (в период СССР разрешение на массовое использование мог получить только препарат, летальность от которого составляла один на миллион) и эффективностью (с помощью данной вакцины врачи истребили оспу в прививочной кампании конца 70-х годов, ею же остановили зародившуюся эпидемию в Москве в 1960 году) [4].

Желая уничтожить опасный вирус оспы, процедуру вакцинации от оспы сделали обязательной для всех, однако негативной реакции не избежали и в данной ситуации. Пытаясь как-то повлиять на эти убеждения, в Советском Союзе создавались плакаты с изображенными на них детьми, обезображенными оспой, и всего несколькими словами, призывающими не отказываться от вакцины; в медицинских учреждениях раздавали брошюры с информацией о вакцине. В результате активной пропаганды, большая часть населения соглашалась на вакцинацию [5]. Единственный дошедший до нас случай, когда вакцина не сработала, – причина той самой вспышки натуральной оспы в Москве в 1960 году, связанной с именем художника Алексея Кокорекина, заразившегося опасной болезнью в Индии и привезшего ее в Москву: он был привит от оспы за месяц до роковой поездки. Тем не менее, историческая победа над вирусом состоялась. С помощью вакцин, созданных в XX веке, вирус оспы был полностью истреблен из человеческой популяции, о чем не устают повторять средства массовой информации [4].

С помощью вакцин в Советском Союзе, при поддержке ученых из США, победили эпидемию вируса полиомиелита, который представлял особую опасность для детей. Победить, но не истребить его до конца. Сегодня риск встречи с этим вирусом есть у каждого, хотя он не так уж и велик [6]. Современная борьба с корью привела к уменьшению заболеваемости в результате заражения данным вирусом с 1,5 млн человек в год до 850 [7]. Ежегодно проводится профилактическая вакцинация от вируса гриппа, направленная на

предотвращение возникновения пандемических форм гриппа среди человеческой популяции [8]. И средства массовой информации стоит чаще говорить об этом в своих материалах, транслируя основной посыл – вакцины уже многие десятилетия спасают жизни и предотвращают эпидемии, это их основная задача.

Сегодня с помощью вакцины мир борется с абсолютно другим вирусом, и, если в предыдущих случаях ознакомиться с противоречивыми научными публикациями могла только незначительная часть общества, то сегодня все обстоит иначе. Во-первых, доступ к информации есть абсолютно у каждого человека. Во-вторых, о вакцинации сегодня пишут не только специализированные научные издания, но и массовые СМИ. В-третьих, социальные сети и всевозможные площадки для ведения блогов достигли того развития, когда публиковать материал и распространять его может любой желающий. Учитывая недоверие общества к результатам вакцинации, вполне ожидаемо появление группы людей, вступивших со сложившейся ситуацией в конфликт, который активно транслируется современными СМИ разного уровня.

В нашей работе мы остановимся на самых частых причинах отказа от вакцинации, высказываемых в СМИ.

1. Вакцина не прошла всех клинических испытаний, но ею буквально заставляют прививаться добровольно с подписанием соответствующего согласия [9]. Именно с этой причины чаще всего и начинаются недовольства людей, настроенных против вакцины. В этом пункте прописано сразу три конфликта, возникающих в голове человека, нежелающего делать вакцину.

Во-первых, конфликт возникает от самого введения в организм препарата, не прошедшего необходимых клинических испытаний, который может нанести вред здоровью вакцинируемого. Действительно, ни одна из известных сегодня как российских, так и иностранных вакцин не прошла полного цикла клинических испытаний, который, по данным Всемирной организации здравоохранения, составляет порядка семи лет. С учетом развернувшейся пандемии, ждать вакцину столько времени человечество не могло, но это не изменило взгляда достаточно большого процента населения на созданный за несколько месяцев препарат, который в течение положенных ВОЗ семи лет испытаний может вводиться только на добровольной основе. Данный конфликт был озвучен средствами массовой информации, высказавших опасения по поводу «сырости» вакцины.

Во-вторых, конфликтная ситуация продиктована обещанием отстранения не прошедших вакцинацию от работы и невозможностью попасть в места общественного скопления людей невакцинированных, медотвода от нее или свидетельства о перенесенном недавно заболевании. Подобное деление людей на тех, у кого есть иммунитет, и тех, у кого его нет, является бесосновательным ограничением прав и свобод человека. Данный конфликт разворачивается на фоне нелогичности некоторых высказываний со стороны тех, кто вводит ограничения, ведь налицо стремление обезопасить людей с иммунитетом, то есть тех, кто уже обезопасил себя, от непривитых и непереболевших, то есть, от тех, кто может заразиться, а не наоборот.

В третьих, конфликт возникает в связи с необходимостью подписывать документ о добровольном согласии. С учетом описанных выше причин добровольной нынешнюю прививочную кампанию назвать сложно. Подпись данного документа говорит о том, что все сложности со здоровьем, возникшие после прививки (кроме первых 30 минут, который человек должен выждать в медучреждении на случай возникновения аллергической реакции), человек берет на себя. При этом, в случае возникновения нежелательных симптомов в стране отсутствует возможность администрирования возникших от вакцины побочных действий, из-за чего имеется недоверие к списку ее противопоказаний и к тому, что вакцина дорабатывается с учетом известных врачам осложнений. Многие СМИ только усугубляют данную конфликтную ситуацию, публикуя консультации с юристами, указывающими на незаконность как принуждения к вакцинации, так и подписания добровольного согласия, хотя, стоит отметить, что согласие на медицинское вмешательство подписывается при любом визите к врачу.

2. Вакцина создана посредством генной инженерии. Частично эта информация правдива, так как векторные вакцины, действительно, создаются посредством присоединения одного из генов коронавируса к аденовирусу, также ослабленному путем генной инженерии. Опасения людей вызывает нехватка знаний о влиянии подобных продуктов ГМО на организм человека. Средства массовой информации, однако, говорят об этом спокойно, не нагнетая конфликт, а просвещая человека о том, чем является вакцина. Поэтому противники вакцинации редко называют эту причину [10].

3. Чипирование через вакцину. Изготовители иностранных вакцин (Файзер, Модерна, АстраЗенека) не скрывают, что в их составе имеются некие нано-частицы, однако подробнее о них ничего не известно. Эти же подозрения появились и в отношении российской вакцины ГамКовидВак после некоторых высказываний директора НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи Александра Гинцбурга [11,12]. Данная информация не явля-

ется актуальной для материалов в СМИ, что говорит об их нежелании участвовать в трансляции данной причины конфликта, и поэтому, как и в предыдущем случае, это одна из самых редких причин, которую называют люди, нежелающие делать вакцину.

4. Вакцина делается на основе abortированного материала. По крайней мере частично, но это правда. Аденовирусы для векторных вакцин выращиваются в лимфе abortированных эмбрионов человека. Этот факт является основной причиной не делать вакцину для религиозных людей [13]. Этот конфликт – единственный, который СМИ пытаются решить в обратную сторону, так как такой способ выращивания вирусов позволяет сделать вакцину, подходящую именно для человеческого организма. Герои авторов многих материалов заверяют, что abortированным материалам десятки лет, и они никогда не ставили задачу пополнять запасы этих материалов путем проведения соответствующих операций.

5. Вакцина – оружие для сокращения населения Земли (трансляция некоторыми СМИ мнения Билла Гейтса, который позволял себе высказывания о необходимости сокращения населения Земли в семь раз). Предположений, как именно это сделают, много: либо вакцина убьет привившегося через какое-то время, либо просто лишит привитых возможности размножаться [14]. Ни в одном из официальных СМИ подтверждения данной версии мы не нашли. А вот в блогах и вызывающих сомнения изданиях их достаточно.

6. Вакцинированные тоже болеют и тяжело. Данное заявление весьма спорно, так как оно требует испытаний на практике и сравнения болезни без вакцинации и с ней у одного и того же человека, исследований на этот счет пока никто не проводил. Тем не менее, в личных блогах и непроверенных источниках часто в пример приводят людей, пострадавших от вакцинации. СМИ этот конфликт не затрагивают и используют только официальную статистику – количество привитых и непривитых людей в больницах. В данном случае возникает вопрос: реально ли человек вакцинировался или каким-то чудесным образом у него появились документы о вакцинации?

7. Вакцина – ослабленный вирус, именно после нее люди распространяют болезнь вокруг [15]. Подобные заявления являются следствием абсолютной непросвещенности по поводу состава вакцин. Ни одна из них, по крайней мере, из имеющихся на российском рынке, не содержит в себе вируса в активной фазе, соответственно, заражать вакцинируемый никого не может. Этот конфликт встречается достаточно часто, хотя средства массовой информации постоянно публикуют материалы о составах, свойствах и способах изготовления вакцин. Можно предположить, что распространяет его аудитория не официальных СМИ.

Рассмотрев причины конфликтов, которые мешают людям делать вакцину от коронавируса и о которых рассказывают СМИ, мы смогли сделать несколько выводов:

1) средства массовой информации продолжают влиять на сознание аудитории так же, как это было много лет назад, соответственно, транслируемое ими мнение и будет основным среди общественных масс;

2) люди, не доверяющие властным структурам, всегда будут находить причины, чтобы не доверять приказам, исходящими от власти;

3) возможность вести личные блоги и создавать скандальные фейковые новости повышает уровень конфликтов, стоящих на повестке дня не только в СМИ, но и у всего человечества.

На наш взгляд, способствовать устранению причин конфликтов, связанных с вакцинацией, может показ документальных фильмов, рассказывающих о прошлых ситуациях с вакцинацией. Документальный фильм «Дуэль с вирусом. Спасти человечество» рассказывает о том, как советским ученым А. Смородинцевым была создана знаменитая живая вакцина от полиомиелита (ее экспортировали в 60 стран) при участии и помощи американцев и как профессор-эпидемиолог тестировал вакцину на своей внучке (в фильме она тоже есть). Как известно, эпидемии полиомиелита были в СССР настоящим бедствием: порядка двадцати тысяч детей ежегодно превращались в инвалидов, их поражал частичный либо полный паралич, еще около восьми тысяч детей не выдерживали схватки с болезнью и умирали. Вакцина положила происходящему конец [16]. Интересны также зарубежные документальные фильмы «Discovery: Бактерии-убийцы» [17] и «Тайная вселенная. Путешествие внутрь клетки» [18], раскрывающие массовому зрителю тайны жизни клетки и демонстрирующие процесс вторжения в клетку вирусов. «Наперегонки с вирусом-убийцей» – документальный фильм об истории птичьего гриппа, которым болели куры, тигры и люди в 2002–2004 годах в Юго-Восточной Азии [19].

Помочь в решении данных разногласий может раскрытие точных статистических данных об эффективности вакцины в средствах массовой информации, освещение большего количества реальных примеров, которые способствовали бы уменьшению причин конфликтов, мешающих людям решиться на вакцинацию от коронавируса.

Библиографический список

1. <https://1796web.com/vaccines/opinions/creighton/creighton6.htm>
2. <https://1796web.com/vaccines/opinions/wallace/vaccineuseless/wallace1.htm>
3. <https://1796web.com/vaccines/opinions/snigirev1.htm>
4. <https://www.youtube.com/watch?v=cx09ClfUO1Q&t=128s>
5. <https://www.currenttime.tv/a/kak-v-mire-ne-khoteli-privivvatsya-ot-ospy/31412300.html>
6. <https://www.youtube.com/watch?v=O8s3Olarjek>
7. <https://www.youtube.com/watch?v=JUz437LN9Kw>
8. <https://www.youtube.com/watch?v=pPjUwZ8Y9Y>
9. <https://www.fontanka.ru/2020/08/10/69414025/>
10. <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5f194c3c9a794743754167c0>
11. <https://svpressa.ru/society/article/314742/>
12. https://ria.ru/20211103/vaktsina-1757474332.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
13. <https://www.miloserdie.ru/article/embrionalnye-kletki-vezde-chto-ne-tak-s-sovremennymi-kletochnymi-tehnologiyami/>
14. <https://svpressa.ru/world/article/314532/#mc-container>
15. <https://zavtra.ru/blogs/koronavirus-razoblachenie-kakuyu-uchast-nam-gotovyat>
16. <https://www.youtube.com/watch?v=O8s3Olarjek>
17. <https://www.youtube.com/watch?v=JUz437LN9K>
18. <https://www.youtube.com/watch?v=-B6anjsfOd0>
19. <https://www.youtube.com/watch?v=pPjUwZ8Y9Y>

References

1. <https://1796web.com/vaccines/opinions/creighton/creighton6.htm>
2. <https://1796web.com/vaccines/opinions/wallace/vaccineuseless/wallace1.htm>
3. <https://1796web.com/vaccines/opinions/snigirev1.htm>
4. <https://www.youtube.com/watch?v=cx09ClfUO1Q&t=128s>
5. <https://www.currenttime.tv/a/kak-v-mire-ne-khoteli-privivvatsya-ot-ospy/31412300.html>
6. <https://www.youtube.com/watch?v=O8s3Olarjek>
7. <https://www.youtube.com/watch?v=JUz437LN9Kw>
8. <https://www.youtube.com/watch?v=pPjUwZ8Y9Y>
9. <https://www.fontanka.ru/2020/08/10/69414025/>
10. <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5f194c3c9a794743754167c0>
11. <https://svpressa.ru/society/article/314742/>
12. https://ria.ru/20211103/vaktsina-1757474332.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
13. <https://www.miloserdie.ru/article/embrionalnye-kletki-vezde-chto-ne-tak-s-sovremennymi-kletochnymi-tehnologiyami/>
14. <https://svpressa.ru/world/article/314532/#mc-container>
15. <https://zavtra.ru/blogs/koronavirus-razoblachenie-kakuyu-uchast-nam-gotovyat>
16. <https://www.youtube.com/watch?v=O8s3Olarjek>
17. <https://www.youtube.com/watch?v=JUz437LN9K>
18. <https://www.youtube.com/watch?v=-B6anjsfOd0>
19. <https://www.youtube.com/watch?v=pPjUwZ8Y9Y>

Научное издание

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы II Международной научной конференции

Компьютерный набор О.В. Сулеминой

Подписано к изданию 23.11.2021.

Объем данных 7,55 Мб

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский просп., 14